
RUSSKOE BOGATSTVO
1911 no. 11

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

На октябрьскую книгу „Русскаго Богатства“ наложенъ арестъ.
См. стр. 213, II отдѣла, «Отъ редакціи».

НОЯБРЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

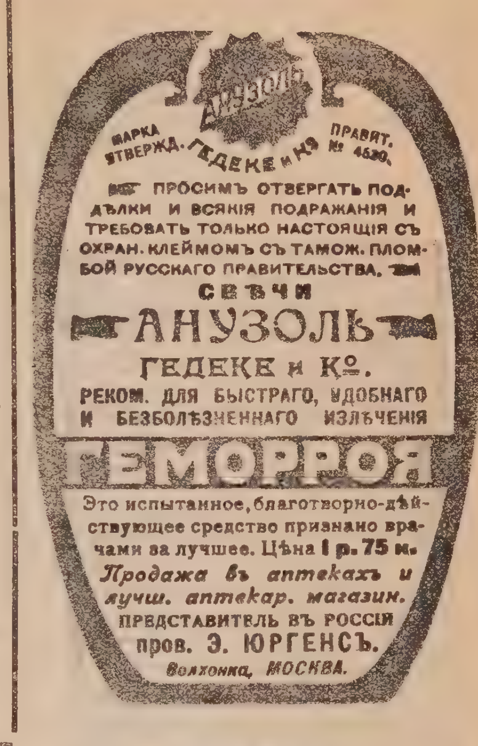
№ 11.

СОДЕРЖАНІЕ:

При этомъ номерѣ для *всѣхъ* подписчиковъ и въ розничной продажѣ прилагается безплатно: 1) Переводный бланкъ для возобновленія подписки на журналъ ***«Русское Богатство»***; 2) Проспектъ Т-ва Издательскаго Дѣла ***«Копѣйка» С.-Петербургъ, Троицкая, 16.*** О подпискѣ на «Газету-Копѣйку», «Всемірную Панораму» и «Солнце Россіи»; 3) Проспектъ журнала ***«Вѣстникъ Воспитанія»*** (Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., 32); 4) Проспектъ журнала ***«Жизнь для всѣхъ»*** (Спб., ул. Жуковскаго, 22). Только для ***иногороднихъ*** подписчиковъ: 5) Проспектъ о книгахъ и каталогѣ ***книжнаго магазина А. К. Гомулина*** (Спб., Литейный, 49), и 6) Пробный № популярнаго медицинскаго журнала ***«Вѣстникъ Здоровья»*** (Спб., Надеждинская, 1).

Лица, не получившія названныхъ приложеній, могутъ требовать ихъ безплатно по вышеуказаннымъ адресамъ.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЯКОВА ПЕТРОВИЧА
РОЗМЫСЛОВА
САДОВАЯ 38
ОБШИРНЫЕ СКЛАДЫ
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
ТРЕБУЙТЕ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЮ БЕЗПЛАТНО
СУЩ.
СЪ 1877 г.
ЗАКАЗЫ ВЪ ПРОВИНЦІЮ
ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО
ОМОКОРДЪ

АНУЗОЛЬ
МАРКА УТВЕРЖД. ПРАВИТ. № 4520.
ГЕДЕКЕ и Ко
ПРОСИМЪ ОТВЕРГАТЬ ПОДДѢЛКИ И ВСЯКІЯ ПОДРАЖАНІЯ И ТРЕБОВАТЬ ТОЛЬКО НАСТОЯЩІЯ СЪ ОХРАН. КЛЕЙМОМЪ СЪ ТАМОЖ. ПЛОМБОЙ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.
СВѢЧИ
АНУЗОЛЬ
ГЕДЕКЕ и Ко.
РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ
ГЕМОРРОЯ
Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна 1 р. 75 к.
Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазин.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ
пров. Э. ЮРГЕНСЪ.
Волхонка, МОСКВА.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!
ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО
ОТЪ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.
БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА
ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/1 кус. 50 к. 1/2 кус. 30 к.

ЯКОРНЫЯ ПИЛЮЛИ и ЯКОРНАЯ ЭССЕНЦІЯ
КОНГО
Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К
РАЗРѢШ. МЕДИЦ. СОВѢТ.
ХОРОШІЯ СЛАБИТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА ПРИ ЗАПОРАХЪ, ВОЗСТАНАВЛИВАЮТЪ ПИЩЕВАРЕНІЕ и АППЕТИТЪ.
Продаются ВЕЗДѢ. ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
Ф. Ад. РИХТЕРЪ и Ко
ПЕТЕРБУРГЪ
НИКОЛАЕВСКАЯ 16

ZEISS
БИНОКЛИ
для охоты, спорта и путешествія. Большое поле зрѣнія. Большая свѣтосила. Проспекты Т. III, выс. безпл. КАРЛЪ ЦЕЙССЪ. Спб., Казанская, и въ опт. и фот. маг.

НОЯБРЬ. 1911.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія 1-й Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

ГОДЪ.

(*Продолженіе*).

Первымъ проснулся Авузинъ. Какъ насторожившійся конь, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ въ небо. Должно быть, пора была уже вставать: солнце вотъ-вотъ должно было подняться, туманъ рѣдѣлъ надъ лугомъ и, молча, съ дѣловой торопливостью, тянули высоко надъ землей утки.

Осторожно, стараясь не разбудить свою любимицу Фимку, восьмилѣтнюю дочку, (которую онъ всегда и всюду бралъ съ собой), не приподымая полушубка, подъ которымъ онъ спалъ вмѣстѣ съ дѣвочкой, а стараясь вылѣзти изъ подъ него, какъ собака изъ норы, онъ всталъ, оглядѣлъ еще разъ небо и подумалъ:

— Надо быть ведру... Облачки самыя подходящія...

И сталъ, переходя отъ телѣги къ телѣгѣ, будить всѣхъ.

Лугъ былъ хоть и мокрый, но очень большой—съ него брали главную часть сѣна на весь годъ; выставляли огромные одонки на слаженномъ прежде фундаментѣ изъ хвороста и прутьевъ, а зимой, когда бол то станетъ, перевозили по мѣрѣ надобности. Иногда бывало такъ, что кто-нибудь запоздаетъ перевезти, какъ въ этомъ году Шерстобитъ, и одонокъ оставался на болотѣ, гнилъ тамъ до будущей зимы, когда его перевозили на подстилку скоту, а дома въ это время покупали сѣно, тратя на него послѣднія деньги.

На главную косьбу становилась вся наличная сила Столбухина. Такъ какъ косили сообща, и скошенное потомъ дѣлили копнами по душевымъ надѣламъ, то была установлена норма, по которой каждый душевой надѣлъ долженъ былъ выставить одного косца и двухъ грабильщицъ.

У кого были большіе надѣлы, тотъ нанималъ въ помощь—часто своихъ же, изъ тѣхъ, что были многосемейны на небольшомъ надѣлѣ. Нынче эти многосемейные показали себя такъ, что Быковъ, лавочникъ, и другіе

богачи только за головы брались: никто не шелъ меньше восьми гривенъ въ день, тогда какъ раньше за полтинникъ сколько хочешь народу было. Прокофій выставилъ своихъ троихъ, да прихватилъ еще кузнеца Василія Семенова, да еще съ Подберезья парня съ двумя дѣвками—такъ выходило по его надѣлу. Почти всѣ прихватывали со стороны, такъ что въ Подберезьи, откуда больше шелъ народъ, смѣялись: на Столбухинскіе заработки хорошо ходить—сами хозяева больше работниковъ стараются...

Авузинъ быстро, не такъ, какъ всегда, переходилъ отъ телѣги къ телѣгѣ и подымалъ народъ, покрикивая скороговоркой, чѣмъ-то неуловимо напоминая дѣда Ѳедора, когда тотъ хлопочетъ съ народомъ на толокѣ или трепкѣ льна.

Покрикивая и поталкивая, онъ добился того, что черезъ полчаса всѣ были на ногахъ—справлялись на работу. Кто доканчивалъ отбивать косу, которую не докончилъ вчера, кто справлялъ брусокъ, кто подматывалъ покрѣпче оборины кожанныхъ поршней—лучшая обувь на покосѣ послѣ лаптей.

Покосъ, какъ праздникъ,—работа трудная, но веселая, и хотя всѣ еще порядкомъ и не проснулись, и многіе парни еще протирали глаза послѣ вчерашней ночи, однако тронулись все же со смѣхомъ и шутками.

Какъ предводитель странной рати, вооруженной длинными австрійскими косами, шелъ впереди Авузинъ, подкликивая остальныхъ, шагая огромными, широкими шагами, не разбирая, была-ли лужа или кочка, отмѣривая такъ, что его прозвали землемѣромъ.

— Айда, айда, ребятки, время идетъ, по первой росѣ-то и косить, покуда трава не обсохши, айда, айда...

А когда пришли—спустились съ крѣпи, на которой раскинулся таборъ и бѣлѣли затянутыя холстомъ палатки-телѣги, и дымъ синій уже вился отъ тагановъ, ползая по низамъ и прицѣпляясь къ кустамъ и кочкамъ,—Авузинъ сталъ размѣчать мѣста.

Онъ разводилъ косцовъ, какъ генералъ свои отряды, сообразуясь съ силой и ловкостью каждаго, ставилъ тамъ, гдѣ ему казалось, что именно этотъ будетъ ловчѣе въ такомъ мѣстѣ, поглядывалъ впередъ, на весь покосъ, который надо было пройти, щурился и соображалъ: которые помоложе, въ первый или во второй разъ парни принимаютъ участіе въ этомъ праздникѣ—на мѣсто поровнѣе, Егора Никитьева на мѣсто съ кустами: парень очень здоровый былъ и косить ловокъ; самъ сталъ въ половѣ и рядомъ поставилъ Авдакима Сучкова. Этотъ сварливый старичишка, котораго, казалось, можно было щелчкомъ убить, отличался той замѣчательной особенностью, которой отличаются только крестьяне:

онъ не былъ силенъ, какъ Авузинъ, и любой семнадцатилѣтній парень могъ его повалить почти безъ усилія, ловкость у него была чисто медвѣжья—къ хрупкимъ вещамъ, вродѣ стакановъ и чашекъ, онъ даже боялся притрогиваться дома, — но въ немъ была необыкновенная выносливость, поражавшая всякаго, кто видѣлъ этого мужика на работѣ, выносливость, дающая ему возможность орать подъ рядъ десять часовъ, не ѣстъ по три дня, ходить въ городъ за сорокъ верстъ пѣшкомъ и возвращаться обыденкомъ, чтобы чуть-ли не тотчасъ же приняться за работу, и воротить ее, какъ будто онъ только-что всталъ съ постели.

Это была настоящая сила крестьянина—незамѣтная, прячущаяся сила, которой не видно совершенно и которая покрываетъ поля, необъятныя равнины бороздами, — та самая сила, что отсиживалась на Шипкѣ, переваливала Балканы, ползала по Альпамъ, ходила пѣшкомъ въ Парижъ, несла каторгу труда и смерти въ Севастополѣ, горѣла подъ закаспійскимъ солнцемъ...

Авдакимъ никогда не отставалъ, никогда не уставалъ, шелъ, какъ шелъ идущій впереди его,—и Авузинъ, обладавшій огромной силой, способный вытащить изъ грязи возъ, когда этого не могла сдѣлать лошадь, боявшійся кого-нибудь ударить, чтобы не убить, такъ какъ ему трудно было соразмѣрить свою силу,—этотъ Авузинъ не брался тягаться съ крохотнымъ, сморщеннымъ, какъ старый грибъ, Авдакимомъ.

— А ну-ка еще разокъ, Авдакимъ Васильичъ...—усмѣхнулся Авузинъ, становясь рядомъ съ нимъ и оглядывая свою рать,—кашивали мы съ тобой, только счетъ забыли...

— А да вѣдь что-жъ—и покосишь, не откажешься...—равнодушно согласился Авдакимъ:—нынче-то, гляди, недѣли полторы пропутаемся здѣсь на цыганскомъ положеніи...

Авузинъ уставился на востокъ, долго смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ вотъ-вотъ должно было взойти солнце, и, мотнувъ головой съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: ну работать, такъ работать...—сталъ креститься.

Глядя на него, и всѣ другіе тоже стали креститься—большинство было безъ шапокъ—и крестились прямо такъ, махали рукой ко лбу, на пупъ, потомъ по плечамъ и глядѣли въ это время по сторонамъ.

— Съ Богомъ...—вдругъ неожиданно громко крикнулъ Авузинъ, перехватилъ косу за поручень и размахнулся, словно собираясь сразить невидимаго врага. Моментъ онъ стоялъ, застывъ въ этомъ положеніи, раскорячивъ ноги какъ-то по особенному, выворотивъ носки внутрь, крѣпко упершись въ землю, словно ждалъ, что ему придется выдержать на-

поръ той самой вражеской силы, которую онъ собирался сразить—и вдругъ мягкимъ, кругообразнымъ движеніемъ, описывая широкую дугу вокругъ себя, опустилъ косу. Трава ровнымъ полукругомъ легла покорно, коса опять свиснула, опять такимъ же точь въ точь полукругомъ легла трава, и Авузинъ пошелъ, не торопясь, но быстро, шагъ за шагомъ отмахивая косой.

Авдакимъ его отпустилъ немного и тоже замахнулся—застылъ, примѣряя, какъ махнуть—и взялъ прокосъ не уже и не длиннѣе Авузинскаго, какъ будто смѣрилъ его ниткой. И тоже растопырясь, вывернулъ носки обутыхъ въ поршни ногъ внутрь, шагая такъ, словно у него ноги въ колѣняхъ не сгибались, поворачиваясь за каждымъ шагомъ налѣво и направо, пошелъ, выдерживая разстояніе съ такой точностью, словно его держала невидимая привязь.

Слѣдующимъ двинулся кузнецъ Василій Семеновъ, выставленный Прокофіемъ Егоровымъ, потомъ Сергѣй, потомъ Флегонтъ Прокофьевскій, потомъ Ванька.

Одинъ за другимъ пускались впередъ косцы, какъ корабли, поочередно выходившіе изъ гавани, длинной, косо рѣжущей лугъ цѣпью двигались подъ свистъ голубыхъ сверкающихъ косъ къ далекому, опушенному кустами берегу.

Когда Авузинъ былъ недалеко уже отъ него, послѣдній косецъ, идущій въ хвостѣ молодой парнишка, въ первый разъ вышедшій на общій покосъ, еще только трогался съ мѣста. Ему не разобрать уже было, кто гдѣ стоитъ, видны были только красныя, бѣлыя, голубыя рубахи, удалявщіяся непрерывной цѣпью; изрѣдка сверкнувшая подъ солнцемъ коса ударяла въ глаза ослѣпительнымъ лучемъ, и трудно было даже уловить, идутъ-ли мужики или стоятъ на мѣстѣ, повернулъ-ли Авузинъ или еще не дошелъ.

Косцы дошли до конца. Авузинъ остановился и сталъ точить косу. Рѣзкій визжащій звукъ отчеркивалъ быстро, разносясь по всей Луговинѣ. Дошелъ и Авдакимъ и тоже сталъ точить, потомъ третій—и всѣ, подходя, утирали рукавомъ рубахи потъ и становились точить.

Потомъ въ томъ же порядкѣ, отпуская предыдущаго на нѣсколько шаговъ, заходя другъ за друга и растягиваясь длинной пестрой лентой, какъ бусы, связанныя невидимой нитью,—пошли назадъ.

Солнце уже поднялось, длинные косые лучи его уперлись въ спины работавшихъ, потъ уже пробралъ затемнѣвшія ихъ рубахи, и къ перехваткѣ дѣло шло уже, а Авузинъ все шагалъ и шагалъ ровнымъ неторопливымъ шагомъ, отмахивая ровно, какъ циркулемъ, полукруги косой. Съ сла-

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

(*С.-Петербургъ*—контора журнала «Русское Богатство», Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскій бульваръ, д. 19.

Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.—Все распродано.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма.— Ирландскій „ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.— Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Девятое* изд. 1911 г.— 411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.— 349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.— 400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ *Тринадцатое* изд. 1911 г.— 200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Пятое* изд. 1910 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. *Второе* изд. 1910 г. Цѣна 40 коп.

— ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА. I. Раннее дѣтство и годы ученія. Изд. *второе.* 1911 г.—461 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ. Замѣтки публициста о смертной казни. 1910 г. 84 стр. Ц. 15 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи. (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Третье* изд. 1909 г.—

336 стр. Ц. 1 р. Любимцы каторги.—Искорка.—Маленькіе люди.—Чортовъ яръ.—Недосказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.—Юность (изъ воспоминаній неудачницы).

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. *Распроданы.*

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

В. Муйжель. РАЗСКАЗЫ. Т. II. 1909 г. Цѣна 1 руб. Пока.—Волкъ.—Проклятіе.—Дача.—Въ мертвомъ углу.—Кошмаръ.—Нищій Ахитоѳелъ.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к. Распродано.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

— ТРИСТА ЛѢТЪ (1606—1906). Изд. 2-ое. Ц. 25 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. I. Наканунѣ. II. Въ темную ночь. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

— СТАРЫЙ и НОВЫЙ ПОРЯДОКЪ ВЛАДѢНІЯ НАДѢЛЬНОЙ ЗЕМЛЕЙ. Ц. 10 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

— ВЪ ТЕМНУЮ НОЧЬ. Эра продолжается прежняя.— Революція наоборотъ.—Эпоха казней.—Указъ объ экспропріаціи.—Второе междудумье.—Третья Дума.—Въ обновленномъ строѣ.—«Санинцы» «Санинъ»—Оскудѣвающая семья.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. **Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.**

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ.
Т. I. *Шестое* изд. } *Вышли въ книгоиздательствѣ*
Т. II. *Четвертое* изд. } *«Просвѣщеніе».*

РУССКАЯ МУЗА. Составилъ **П. Я.** Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное и дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ. IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

В. И. Семевскій. ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ. Спб. 1909 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. Вернеръ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1909 г. Мск. 211 стр. Ц. 1 р.

бымъ шорохомъ ложилась трава, и уже нагрѣтый солнцемъ, вянущій запахъ ея плылъ надъ лугомъ.

Авдакимъ съ тѣмъ же выраженіемъ равнодушія шагалъ за Авузинымъ, ступая своими раскоряченными ногами, какъ будто не косилъ, а просто помахивалъ на прогулкѣ палочкой, а кое кто уже и поглядывалъ на станъ на берегу луговины: уже чувствовалось, что и поѣсть какъ будто надо, и руки заныли первой, самой тяжелой усталостью.

Уже нѣкоторые изъ мужиковъ то и дѣло покрикивали на идущихъ впереди, подгоняя ихъ, чаще стали останавливаться точить косу, а на концѣ—половина побросали косы и побѣжали къ ручью пить.

Свѣжей прохладой пахнулъ въ разгоряченное лицо ручей, манилъ онъ скинуть рубаху да порты и окунуться въ студеной влагѣ, но некогда было: кричалъ Авузинъ, только только было наглотаться воды, приникнувъ всѣмъ лицомъ къ своему отраженію...

И какъ трудно, какъ тяжело было опять брать въ руки косу, опять становиться въ рядъ и выжидать, когда идущій впереди отойдетъ такъ, чтобы его не задѣть косой; какъ будто еще жарче стало отъ того, что напился всласть, еще больше потъ полилъ, скатываясь по лбу, разъѣдая глаза, въ то время какъ даже отмахнуть его рукавомъ нельзя было...

Косы свистѣли и пѣли. Если прислушаться къ нимъ издали — звукъ ихъ сливался въ одно жужжанье, прерываемое рѣзкимъ визгомъ точилъ. Когда работа приняла, какъ всякая работа, свой темпъ, при которомъ каждый изъ косцовъ чувствовалъ себя частицей одного тѣла, одного общаго организма, казалось такъ, что время какъ бы остановилось: некогда было глядѣть на солнце, некогда замѣчать окружающее, важно было только захватить ровнымъ, такимъ же точь въ точь прокосомъ, какъ предъидущій, зеленую, покорно ложащуюся траву, важно не отстать, поспѣть за мелькающимъ, покачиваясь за каждымъ взмахомъ идущимъ впереди, а время остановилось,—и все слилось въ одномъ твердомъ напряженіи, мѣрномъ, какъ ходъ большой сложной машины.

Авузинъ—поэтъ покоса, любившій эту работу, какъ творчество, какъ искусство,—шагалъ впереди, и каждый шагъ его былъ для него наслажденіемъ. Онъ былъ въ томъ состояніи про которое мужики говорятъ, что человѣкъ золъ на работу; мелькомъ оглядывая лежащее впереди море травъ, онъ испытывалъ нѣчто вродѣ сожалѣнія, что лугъ скоро кончается, что придется переходить на другую пожню за перелѣсокъ, т. е. отрываться отъ работы, отъ этихъ разма-

ховъ, которыми качается большое, ставшее вдругъ подбористымъ, ловкимъ и легкимъ тѣло.

Каждый разъ кладя розмахомъ полукруглую полосу травы, онъ внутренне говорилъ съ наростающимъ чувствомъ все поднимающагося выше восторга, отсчитывая ловкіе прокосы:

— Р-ра-азъ... Р-р-а-азъ, р-а-азъ...

И ему хотѣлось что-то крикнуть, взвизгнуть въ этомъ восторгѣ, гикнуть громко и свободно на весь лѣсъ, на всю луговину, на весь народъ, загреготать зычно, чтобъ дрогнули дальнія деревья, трепетно ожидающія косы травы, молчаливыя воды.

— Р-ра-а-а-зъ... Р-а-азъ, р-а-азъ, и-и ихъ ты-ы-ы...

Это было счастье, настоящее счастье всего тѣла, сдерживающаго свою силу, чтобъ не пустить ее во всю и не сорваться въ этомъ подмывающемъ ощущеніи, счастье, при которомъ все остальное казалось ненужнымъ и неважнымъ, сосредоточившееся въ сильныхъ ритмическихъ розмахахъ блестящей, вѣрной косы, что неуловимой голубой змѣей сверкаетъ у корней травъ, выбривая каждую кочку, каждую неровность, налегая то на пятку, то на носъ.

Онъ искренно огорчился, когда увидѣлъ передъ собою твердый берегъ, опушенный кустиками, подъ которыми уже ждали пришедшія съ перехваткой бабы. Какъ ни не хотѣлось этого, а надо было кончать, надо было бросать косу... И, развернувъ ее огромнымъ движеніемъ, онъ отмахнулъ траву такъ, что самому стало щекотно отъ восторженнаго чувства удовлетворенія.

— Ай да старикъ, ну старикъ...—закричали слѣдившія за нимъ бабы,—вотъ развернулся, не зря косцовъ водишь...

— А да что жъ,—усмѣхнулся онъ, сдерживая дрожащее въ груди чувство удовольствія, что ловкій маневръ его не пропалъ даромъ и его замѣтили,—косить, такъ косить...

Онъ обтеръ косу пучкомъ подобранной тутъ же травы, воткнулъ ее косовьемъ въ землю и расправилъ руки.

Сзади, какъ пароходъ, чуть пыхтя, съ закушенными губами, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ нахмуреннаго лица, тоже, очевидно, поддавшись этому подзадаривающему темпу работы, подходилъ Авдакимъ.

Такъ же, какъ Авузинъ, онъ мысленно приговаривалъ: рразъ, рразъ... и развертывался, слегка покачиваясь на вывороченныхъ, крѣпкихъ и податливыхъ, какъ стальныя пружины, ногахъ, стараясь захватить какъ можно шире, отбрить какъ можно чище, такъ, чтобы ужъ слова сказать нельзя было, и подойдя, вдругъ остановилъ косу и улыбнулся странной, совсѣмъ не идущей къ этому сварливому вѣчно ворчащему мужиченкѣ улыбкой, доброй, чуть чуть забав-

ной, немного какъ будто извиняющейся въ томъ увлеченіи, которое онъ только что испыталъ.

— Отмахали, Титъ Мосѣичъ...—проговорилъ онъ, глядя все съ той же улыбкой на Авузина,—вотъ какъ это пріятно...

Авузинъ отвѣтилъ такой же улыбкой, раздвинувшей его бородатое, заросшее лицо и сказалъ:

— Не добивайся ранняго вставанья, добивайся добраго часу... Отмахали, Авдакимъ Васильичъ...

Они стояли рядомъ, смотрѣли на подходившихъ косцовъ, провѣряли издали свои прокосы и любовались ими, какъ художники любуются удачно выраженной мыслью своей

— Поработали... Кабъ на поденщинѣ — вѣкъ такъ не быть...—уронилъ Авдакимъ.

— Чать свое...—согласился Авузинъ.

Всѣ старались на послѣдокъ, передъ отдыхомъ и перехваткой; которые помоложе, шли на задоръ, напрягая все тѣло, не обращая вниманія на усталость, подтягиваясь, какъ солдаты на смотру.

— Ничего, стараются...—бросилъ Авдакимъ, слѣдя, какъ Сергѣй Даниловъ, упрямо, какъ быкъ, склонивъ голову, шагая широкимъ твердымъ шагомъ за каждымъ взмахомъ косы, нагонялъ Василія Семенова.

— Золото, а не парень,—съ тихимъ, еще не прошедшимъ отъ возбужденія восторгомъ подтвердилъ Авузинъ,—люблю...

— Уходи-и... Пятки подрѣжу...—свирѣпо и громко крикнулъ Сергѣй, все ближе и ближе подвигаясь къ торопившемуся кузнецу,—живѣй, живѣй, живѣй...

— О-о-о, чтобъ тя...—ворчалъ кузнецъ, напрягаясь изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ расходившагося парня, и не имѣя минуты, чтобъ оглянуться—какъ онъ близко, только улавливая сдержанное, тяжелое дыханіе сзади и ожидая, что вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ногъ сверкнетъ голубое серебро жадной косы,—вотъ еще лѣшаго Богъ далъ на хвостъ...

Онъ торопился, и отъ торопливости сбился съ удара: коса метнулась въ сторону, ткнулась концомъ въ кочку, вырвала клокъ травы—еще минута, и Василій, перехвативъ ее за косовье, бросился бы прямо бѣжать къ берегу,— но Сергѣй смилостивился—взглянулъ впередъ и, примѣтивъ веселое улыбающееся лицо Авузина, самъ вдругъ усмѣхнулся широко и добродушно.

— То то, братъ, это тебѣ не кузница, забылъ крестьянство то...—крикнулъ онъ, подбирая оставленное кузнецомъ,— тутъ, братъ, только держись, не то безпятымъ прозовутъ...

Косцы подходили одинъ за другимъ—ровно, быстро, какъ корабли въ гавань, полнымъ ходомъ влетая въ бухту и сразу опуская паруса, чтобы сдать ходъ. Уже подошла половина,

а другіе еще шли, все учащая и учащая темпъ, развертывая всю силу, всю ловкость и умѣнье: вѣдь тамъ на берегу стояли, не принимаясь за ѣду, самые настоящіе косцы и слѣдили за каждымъ взмахомъ молчаливымъ критическимъ взглядомъ.

Даже старый Ельниковъ, шедшій въ серединѣ, и тотъ подтянулся, словно ему не все равно было, что скажетъ про него какой то Авузинъ съ какимъ то Авдакимомъ. И онъ, свирѣпо наморщившись, согнувшись и гакая за каждымъ взмахомъ, брилъ, какъ полагается настоящему хозяину, который долженъ все дѣлать лучше всѣхъ, брилъ, какъ бритвой, каждую кочку, обходилъ каждый камушекъ, лѣзъ носомъ косы въ каждую ямку.

Онъ уже подошелъ было къ берегу, какъ вдругъ сзади раздался громкій испуганный крикъ.

— „Порѣзался надо быть кто"...— съ чувствомъ неудовольствія отрываясь отъ выработавшагося темпа, подумалъ онъ и, не поднимая косы отъ травы, оглянулся.

Цѣпь косцовъ сбилась, всѣ возились надъ чѣмъ то, наклонившись и прыгая.

Сложный, многоголосый крикъ несся оттуда, и трудно было разобрать, въ чемъ дѣло.

— Бей его, бей... Ахъ, проклятущій... Сѣки, сѣки, уйдетъ анафема...

— Гада убили...—сообразилъ Прокофій, выглядывая изъ подъ руки,—расплодилось ихъ тутъ стервовъ.

Кругъ людей расчистился, нѣкоторые становились на свои мѣста, а въ серединѣ парень, выставивъ прямо передъ собой косу, несъ на длинномъ косовьѣ сѣрую, вяло извивавшуюся мягкими волнообразными движеніями змѣю.

— Расплодилось стервовъ...—повторялъ Прокофій, принимаясь докашивать оставшееся и съ жалостью чувствуя, что темпъ уже потерянъ и его не возстановить,—тоже хватитъ подъ поршню, дашь спасибо...

Надо было какъ можно скорѣе кончить эту пожню: время шло, а на покосѣ раньше недѣли никакъ не управиться было,—сразу послѣ перехватки, запивъ ее кислымъ,к акъ уксусъ, квасомъ, отъ котораго потъ выступалъ на носу и въ вискахъ ломило, стали опять.

И первое время косьба не шла. Чего то не доставало въ работѣ, старались, брали, не торопясь, обдуманно, а все чего то не было, руки ли не размахались, или послѣ ѣды тяжело было—не шла работа, какъ прежде.

И такъ бились съ часъ, пока опять какой то внѣ ихъ воли стоящей силой не спаялись въ одно цѣлое, въ одинъ большой и сложный организмъ, дѣлающій понятнымъ чуть

не мысль другого, объясняющій каждое намѣреніе идущаго въ головѣ Авузина такъ же, какъ идущаго впереди косца.

Попадалась оставленная мѣстинка: не спрашивая, не крича другъ другу ни слова, идущій слѣдующимъ дѣлалъ большое напряженіе, чтобъ, не отставая и не рискуя собственными пятками, подхватить ее. Должно быть, у идущаго впереди на этомъ мѣстѣ ослабла гайтана, ему неловко было взять мѣстинку. Начинаетъ догонять предыдущаго, надо посдать ходу, значитъ тому надо въ чемъ нибудь переправиться, — и вся цѣпь постепенно, передачей невысказанной мысли сбавляетъ ходъ, чтобы черезъ минуту вновь наддать его и войти въ нарождающійся темпъ работы.

Косы звенѣли слабымъ, тусклымъ звономъ; прислушиваясь къ нему, можно было уловить этотъ темпъ. Онъ повышался, звучалъ рѣзче, отрывистѣе, сильнѣе, и лѣзъ куда то въ какую то высоту—кто знаетъ куда?.. И когда достигъ высшаго напряженія, когда задрожалъ на какой то неуловимой нити, тонкой, какъ паутинка; когда казалось, что вотъ-вотъ сорвется онъ и все перепутается, все пойдетъ вразбродъ,—тогда вдругъ опять остановилось время, остановилось солнце. Все перестало существовать и потухло, слышно было только свистящее хорканье голубыхъ, одушевленныхъ, какъ и руки, державшія ихъ, косъ, живыхъ, умныхъ, ядовито и остро врѣзающихся въ гущу ложащейся съ едва уловимымъ шелестящимъ стономъ травы...

И удивительно, непостижимо, нелѣпо стало вдругъ, когда по всей пожнѣ разнесся зычный, бодрящій крикъ Авузина:

— Шабашь къ обѣду, становись на пожнѣ, обѣда-а-а-ть...

Какъ обѣдъ? Почему обѣдъ? Вѣдь только была перехватка,—и вдругъ обѣдъ? Но бабы уже толкались въ кустахъ съ узелками, Авузинъ уже воткнулъ косу косовьемъ въ землю и шелъ къ нимъ. Стало быть, и правда обѣдъ.

И въ небѣ уже не то было. Солнце стояло надъ самой головой и палящій душный жаръ висѣлъ надъ луговиной, полной тонкаго, грустнаго аромата умирающей травы.

Авузинъ еще что то крикнулъ, но звукъ круглился въ остановившемся воздухѣ тупо и коротко, не пробуждая привычнаго эха, и трудно было разслышать.

И только потому, что старикъ головной повернулъ отъ бабъ въ другую сторону, догадались, что онъ идетъ къ ручью.

— Ребята, купаться, айда-те купаться!!!..

И разомъ, побросавъ косы, парни кинулись вперегонки къ ручью, на ходу сбрасывая черезъ головы рубахи, свер-

кая подъ солнцемъ желтымъ, крѣпкимъ тѣломъ и наполняя воздухъ гоготаньемъ здоровыхъ глотокъ...

Ручей былъ неширокъ, но порядочной глубины, и весь наполнился голыми, гогочущими тѣлами. Въ воду кидались съ размаха, иногда разбѣжавшись, тогда на мгновеніе въ голубомъ небѣ повисало застывшее тѣло и съ плескомъ, обдавая холодными брызгами и стоящихъ на берегу, и тѣхъ, кто были въ водѣ, обрушивалось въ глубину. Смѣхъ и плескъ стояли въ воздухѣ, далекими гулами разносясь по луговинѣ; парни баловались, какъ ребята, обдавая другъ друга водой, выряя и борясь, падая вмѣстѣ въ воду, чтобы съ хохотомъ, отфыркиваясь и захлебываясь, вынырнуть черезъ минуту на поверхность.

Искупавшись, всѣ пошли ѣсть, и тутъ только увидѣли, что бабы не ошиблись, не принесли обѣда раньше времени, а, пожалуй что, и запоздали чуточку.

Ѣли молча, сосредоточенно, принимая пищу, какъ принимаетъ топливо машина: озабоченно и дѣловито. И только что отъѣли, какъ сразу въ тѣни у кустовъ, всунувшись головами чуть не въ самую гущу, часто оставляя все тѣло на солнцѣ, растянулись спать, смореные работой, жаромъ и набитыми туго желудками. И тотчасъ же заснули, какъ будто подстрѣленные, упали и, ни о чемъ не думая, ничѣмъ не волнуясь, отдаваясь только сладостному отдыху, заснули крѣпкимъ, могучимъ сномъ.

Храпъ пошелъ изъ подъ кустовъ такой, что, казалось, по всей луговинѣ слышно было. Это былъ сонъ, котораго требовало тѣло такъ же, какъ пищи, это было топливо машины; можно было придти, обобрать все, что есть, раздѣть и разуть мертвыя тѣла—никто не услышалъ бы, никто не проснулся бы...

Солнце двигалось неуклоннымъ путемъ своимъ, зной стоялъ въ воздухѣ, травы распространяли слабый, нѣжный ароматъ, а армія спала, уткнувъ кто куда головы, разметавшись ногами въ стороны, разбросавъ руки ладонями къ солнцу, мокрая отъ пота...

А потомъ опять было то же. Такъ же тяжело разматывалось огромное маховое колесо труда, такъ же вяло и безжизненно первое время мотались съ косами руки, такъ же неловко что то было, что то не такъ, какъ должно быть. И только спустя нѣкоторое время, когда колесо стало вращаться все быстрѣй и быстрѣй, когда его разматывающійся ходъ сталъ гудѣть все повышающимся, все болѣе напрягающимся звукомъ,— тогда проснулся старый, замолкнувшій было экстазъ и полусознанный восторгъ страннаго счастья труда, сталъ рости, и опять, какъ на остріѣ ножа

дрогнулъ и закачался сначала неувѣренно, потомъ все тверже и крѣпче темпъ большого сложнаго организма человѣческой машины.

И уже невидимыми стали краснѣющіе лучи солнца, нечувствительна стала чуть замѣтная прохлада, смѣнившая зной, тѣни голубѣющія незамѣтны были, и день уходящій былъ, какъ остановившійся.

Но больше и больше клонилось къ дальнимъ деревамъ солнце, длиннѣе стали тѣни, гущеароматъ умирающихъ, сраженныхъ травъ.

Уже бабы и дѣвки ворошили въ началѣ луговины сѣно, рядами ходили, пестрѣя разноцвѣтными платками; и тонкая, визжащая пѣсня уже звенѣла тамъ, веселя работавшихъ.

И вечеръ шелъ. День кончался, мелькнувъ свѣтлымъ напряженнымъ кругомъ, падалъ въ прошлое, чтобъ никогда не возникнуть, и не было жаль его тихаго умиранія. А когда пошабашили, уже ушло солнце и сѣрая тѣнь легла на поляну,—кончена была пожня.

Забравъ косы на плечи, въ растегнутыхъ у ворота рубахахъ, красные особымъ кирпичнымъ загаромъ, еще съ дрожащими отъ напряженія руками возвращались косцы, удовлетворенные той усталостью, что проникала все тѣло сладкимъ, густымъ виномъ.

Шли и говорили: Быковъ Семенъ долженъ поставить міру полтора ведра за Мутуриху. Съ усталости добро выпить вина, освѣжить тѣло, повеселить душу, и самъ Семенъ, кряхтя и поджимаясь, лѣзъ въ кисетъ, доставалъ красненькую—дешевая цѣна за Мутуриху.

За виномъ побѣжалъ Василій Семеновъ съ парнишкомъ. Имъ можно было показываться въ Струково, не боясь быть избитыми: они были народъ пришлый, къ Столбухинскимъ дѣламъ не имѣющій отношенія. Пока они бѣгали, народъ кончилъ ужинъ, и опять, какъ вчера, гдѣ то въ концѣ скрипнула и залилась частымъ переливомъ гармоника. Опять Собакинъ взялся потѣшить народъ, и дѣвки уже стадомъ потянули туда...

Вино пили всѣ: и бабы, и мужики, и парни. Поставили шесть четвертей въ серединку, а сами сѣли кружкомъ, и Авузинъ, патріархъ и голова всему покосу, съ поклономъ поднесъ первому Быкову.

И пошелъ толстый зеленый стаканъ въ круговую, а съ нимъ пошли и разговоры. И какъ будто не было дневной усталости, пошла кровь по жиламъ и уже толкался по стану добродушный смѣшной Шерстобитъ, разсказывалъ что то, къ кому то цѣловаться лѣзъ...

Встрѣтилъ Сергѣя и опять, какъ всегда, сталъ объяснять ему что то.

— Ты только послушай, Сергѣй Данилычъ, какъ ты настоящей своей земли работникъ...—толковалъ Шерстобитъ, пытаясь обнять Сергѣя.

— Да ужъ знаю, знаю,—смѣялся тотъ,—знаю, Матвѣй Феклистычъ, чего тамъ...

— Нѣтъ, да ты послушай, я тебѣ слово сказать хочу...

Но не сказалъ ничего, забылъ тотчасъ же и побрелъ дальше, улыбающійся, радующійся всѣмъ встрѣчнымъ, похожій на ребенка, угрюмый, запуганный Шерстобитъ.

Сергѣй не пилъ: онъ не хотѣлъ этого ненужнаго ему веселья. Что то болѣло въ груди. Какъ ни посмотришь, Ванька тутъ Прокофьевъ; старается малецъ, вернувшись изъ острога, воды не замутитъ, а на работу—хоть противъ кого постоитъ.

Поужинавши, онъ тоже выпилъ, но немного, только такъ, чтобы за отца непьющаго больше отдѣлаться, и сидѣлъ возлѣ своей телѣги съ Таней—что-жъ, невѣста вѣдь.

Сергѣй мелькомъ видѣлъ ихъ, и надолго осталась въ немъ горечь особенная, что съ самаго начала покоса кипѣла гдѣ то въ душѣ такъ, что въ работѣ хотѣлось забыться, усталостью заглушить въ себѣ это...

Онъ шелъ черезъ весь таборъ, не глядя по сторонамъ, не отзываясь на оклики, словно по дѣлу шелъ, а некуда было совсѣмъ идти.

Вышелъ въ кусты, кого то спугнулъ уже тамъ—не любила молодежь времени терять—и дальше пошелъ все въ томъ же безразличіи, не думая куда, зачѣмъ идетъ...

За густыми кустами была поляна, за ней еще другая и еще перелѣсокъ, высокія сосенки тянулись вверхъ, а внизу гущера кустовъ оплетала ихъ. За этимъ перелѣскомъ была пожня, мокрая и неудобная, которую завтра съ обѣда должны были косить. Онъ смотрѣлъ на нее, широко раскинувшуюся въ рамкѣ сосняка, невысокаго и рѣдкаго, запушеннаго снизу кустами, и думалъ, что завтра придется тутъ путаться выше колѣна въ водѣ на этой мокрой пожнѣ, гдѣ неудобно косить, гдѣ больше намучаешься, чѣмъ накосишь.

Темнѣло сильно; сумракъ густился подъ сосенками, ползъ незамѣтно отъ гущеры кустовъ, протягивался длинными неуловимыми тѣнями по всей пожнѣ. Уже закатъ совсѣмъ умиралъ, и трепетно дрожали въ его послѣднемъ угасающемъ золотѣ лиловыя облака, готовыя растаять и потонуть въ плотнѣющей синевѣ. Съ табора доносился крикъ, обрывокъ пѣсни, гармоника; уже не одна, а какъ будто двѣ

или три гармоники разворачивалось тамъ — должно быть, танцовали парни и дѣвушки, забывъ усталость.

Тамъ весело, всѣмъ весело, а онъ одинъ и ходитъ, какъ потерянный въ рѣдкомъ перелѣскѣ, слѣдитъ, какъ загораются звѣзды, какъ тихо краснѣетъ небо на востокѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна взойти луна.

Гдѣ-то рядомъ прошла жизнь, совсѣмъ подъ бокомъ, а онъ не умѣлъ поймать ее, и вотъ тоска легла ему на душу, и скучно ему, и грусть давитъ, и хочется пасть на землю и плакать, кабъ не стыдно было.

Ночь шла своимъ путемъ, и чѣмъ дальше шла она, тѣмъ тише становилось на становищѣ. Гармоники разбрелись, и теперь слышались только въ лѣсу по кустамъ, и пѣли онѣ какъ-то тихо, какъ будто ворковали, уговаривая, иногда грустно даже... Говоръ тоже стихалъ, и только одинъ пьяный голосъ, грубый и немного охрипшій, принадлежавшій, очевидно, здорово выпившему мужику, пѣлъ, вскрикивая, и далекое эхо дразнило его такими же вскриками.

Паша, ан-гелъ не-по-роч-ный ..
Про-жи-и-илъ я са та-бой пя-ать лѣ-э-этъ,
Но вид-но, про-би-и-илъ часъ уроч-ны ы-й,
И-й-я на-ру-ши-и-илъ савой о-бѣ-э-этъ ..

Кто-то смѣялся тамъ запоздалымъ смѣхомъ, кто-то крикнулъ раза-два. Должно быть, ложились уже старшіе и только молодежь бродила, пользуясь особой свободой и близостью, похожею на близость, возникающую только въ дорогѣ, когда всѣ собраны въ одной кучѣ, спятъ нераздѣленные стѣнами избъ, когда нѣтъ привычнаго и обыкновеннаго, а все ново и свободно особой дразнящей свободой.

Сергѣй пошелъ назадъ къ табору, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ чей-то шепотъ, вдругъ стихнувшій. Онъ понялъ, что попалъ какъ разъ на парочку, далеко ушедшую въ поискахъ уединенія отъ становища, и повернулъ въ сторону, стараясь обойти далекимъ кругомъ притаившихся въ настороженномъ молчаніи. Но и дальше было то же: тамъ и здѣсь мелькали темные силуэты, торопливо уходившіе при его приближеніи, тамъ и здѣсь слышался шепотъ и легкій вздохъ, странный въ темномъ сумракѣ, волнующій и таинственный вздохъ...

Пьяный въ становищѣ все еще пѣлъ, старательно выпѣвая куплетъ за куплетомъ, очевидно, растроганный чувствительной пѣснью, не обращая вниманія на то, что, можетъ быть, мѣшаетъ своимъ пѣніемъ спать другимъ.

Кругъ свя-щенна-го на-ло-я
Мы сош-ли-и-ись ру-ка съ ру-кой,

А до-о-очь малют-ка до-ро-га-я-я-а
На-вѣкъ ос-та-ла-а-а-сь си-ро-той...

Шепотъ смутный стлался по небольшому перелѣску, гдѣ чутко, какъ на стражѣ, стояли высокія тонкія сосенки, а внизу, ревниво охраняя сладостныя тайны, приникъ густой кустарникъ. Луна поднялась уже надъ соснами и смотрѣла на землю въ вѣчно холодной замкнутости своей, чуждая землѣ, мертвая, блѣдная. Туманъ кое-гдѣ крутился медленно, и былъ онъ, какъ живой, въ эту ночь, полную страннаго шороха, шепота и невидимой жизни.

И отъ того ли, что онъ сегодня много работалъ, или отъ этихъ неуловимыхъ шумовъ, Сергѣю было душно, и ночная сырость не освѣжала его. Онъ шелъ, какъ пьяный, возбужденный мелькающими на пути парами, толкался кругами по перелѣску, натыкаясь на пріютившихся въ гущерѣ кустовъ, подслушивая томные вздохи и шепотъ, иногда получая свирѣпый окрикъ, когда случайно чуть не наступалъ на прилегшихъ въ укромномъ мѣстечкѣ людей.

Это была особенная ночь—ночь, за которую такъ боялись матери и отцы, кое-гдѣ бродившіе, какъ и Сергѣй, отыскивая своихъ, ночь чудеснаго напряженія, опьянявшаго воздухъ, дѣлавшаго неважнымъ и незначительнымъ то, что въ другое время было трагедіей, повернувшаго жизнь своимъ праздничнымъ кругомъ, въ которомъ единственной истиной было: хоть часъ да мой...

Кто то кричалъ на таборѣ, долго, упорно кричалъ. Тонкій, прерываемый старческимъ кашлемъ бабій голосъ, упрямо звалъ:

— Настуш-ка-а-а... Настуш-ка-а... Поди домой, стерва, Нас-туш-ка-а... Ужо я батькѣ-то скажу, онъ тебя... Нас-тушка-а-а...

А ему отвѣчали съ разныхъ сторонъ пискливо поддѣлывающіеся подъ женскій голосъ, смѣшливые голоса парней:

— Си-часъ... Ай, мамиха, сичасъ... О-ой-ой...

И смѣхъ звучалъ, пробужденный этой перекличкой, а баба въ станѣ бранилась и кашляла долгимъ затяжнымъ кашлемъ.

Длинная скорбная тоска Сергѣя уступила мѣсто тяжкому неудовлетворенію, бьющему въ голову краснымъ молотомъ. Вся его скромная, цѣломудренная жизнь, казалось, возстала и мстила ему этимъ будящимъ, не дающимъ покоя чувствомъ, отъ котораго никуда нельзя было уйти, некуда было спрятаться.

Онъ бродилъ, какъ пьяный, шатаясь и размахивая руками, что-то бормоча, и съ слабой тѣнью прежней тоски звалъ:

— Таня... Таня...

И мучился, какъ не мучился, когда сознательно терялъ ее, и все, что заставило потерять ее, представлялось такимъ мелкимъ, глупымъ и неважнымъ.

И, когда онъ успокоился и шелъ назадъ къ табору, ему казалось, что все потухло. Печально затерявшейся въ вѣчномъ одиночествѣ была луна, погруженными въ вѣчную тоску стояли рѣдкія сосны, и старой, сѣдой, привычной скорбью давилъ сраженную, умирающую траву бѣлесый туманъ...

На становищѣ еще не спали. Кое-кто уже улегся, но большинство еще путалось, укладываясь, перeругиваясь, и никакъ не могло улечься. Старикъ Авузинъ ходилъ, отыскивая своего Мишку, пропавшаго куда-то. Онъ тоже выпилъ, и такъ какъ онъ пилъ мало и рѣдко, то его разобралъ хмѣль: онъ чуть-чуть покачивался и все хотѣлъ найти кого нибудь, съ кѣмъ отвести душу.

Натолкнувшись на Сергѣя, онъ остановилъ его и спросилъ, не видалъ ли тотъ сына.

Но Сергѣй не видѣлъ его. Онъ весь увялъ и усталъ. Отвѣчалъ онъ односложно.

— А я выпилъ,—какъ будто изумленно сообщилъ Авузинъ.—Понимаешь, пристали, ровно банный лисгь: пей да пей... Ты, говоритъ, у насъ вродѣ какъ староста на сѣнокосѣ, долженъ пить, то есть... Ну, и выпилъ...

— А что-жъ, хоть и выпилъ, — равнодушно отозвался Сергѣй...

— Такое дѣло... Вотъ Мишки моего нѣтъ—и куда, подлецъ, запропастился?.. Завтра буди его...

— Тутъ гдѣ-нибудь... Ужо встанетъ...

— Такъ-то оно такъ... Эхъ, Сергѣй Данилычъ, такое дѣло.. Не добивайся ранняго вставанья, добивайся добраго часу... говаривали старики... Тоже вотъ такое дѣло...

Онъ хотѣлъ какъ будто что-то сказать, но ничего у него не выходило, кромѣ „такого дѣла". Сергѣй пошелъ впередъ, а Авузинъ нѣкоторое время слѣдовалъ за нимъ, все пытаясь что-то выразить и не находя словъ.

— Покосъ вотъ этотъ самый... Люблю, то есть вотъ какъ люблю... Вотъ тоже наша жизнь-то... Вотъ покосъ теперь...— бормоталъ онъ, но подъ конецъ отсталъ.

Проходя къ себѣ, туда, гдѣ должна быть Дунька — онъ былъ съ нею вдвоемъ на покосѣ, Луша осталась дома,—Сергѣй видѣлъ, какъ у Ельниковыхъ кончали ужинъ. Небольшой костеръ догоралъ послѣдними вспышками, распространяя вокругъ синій, медленно тающій дымъ. Старикъ Прокофій сидѣлъ передъ чашкой и, медленно загребая оттуда

ложкой, ѣлъ. Рядомъ сидѣлъ Ванька. Онъ, должно быть, къ мірскому вину подбавилъ еще, потому что сидѣлъ осоловѣлый, покачиваясь впередъ и назадъ, видимо, хотѣлъ смертельно спать. Флегонтъ и Татьяна, работавшая вмѣстѣ съ ними, были тутъ же. Татьяна возилась у костра съ чашками, а Флегонтъ собирался идти къ лошадямъ. Поденщина Прокофьевская уже отъѣла и укладывалась, переговариваясь глухими голосами.

Старикъ кончилъ ѣсть и положилъ ложку. Съ минуту онъ сидѣлъ какъ бы въ тупой, неподвижной задумчивости, потомъ вдругъ вскинулся и быстро, неожиданно обернувшись, торопливо спросилъ:

— Воды то естя-ль? Ахъ надо, надо, надо...—забормоталъ онъ, безпокойно задвигавшись и задергавшись, какъ будто вода была что то особенно важное, о чемъ стоило такъ волноваться,—ахъ, надо... Сходи, сходи, Танюшка, вотъ надо то.

Татьяна медленно обернулась и, глядя куда то вдаль затуманеннымъ, невидящимъ взоромъ, отвѣтила:

— Пойду сейчасъ...

Она какъ будто прислушивалась къ чему то, чего то ждала, хотя на самомъ дѣлѣ ни ждать, ни слушать было нечего. Вдали—очень далеко, гдѣ-нибудь въ лѣсу, судя по гулкому отзвуку, все еще игралъ Собакинъ—гулялъ, вѣрно, съ кѣмъ-нибудь,—и переливы гармоніи въ ловкихъ рукахъ говорили о чемъ то, чего не разсказать словами.

Сергѣй опять посмотрѣлъ на Прокофьевскій костеръ—старикъ опять, со свойственною ему въ послѣднее время внезапностью переходовъ, впалъ въ задумчивость и сидѣлъ неподвижно, какъ изваяніе. Ванька уже прилегъ, откинувшись назадъ, и спалъ—громко храпѣлъ, закинувъ голову и выпятивъ крупный, затянутый воротникомъ рубахи кадыкъ.

Флегонтъ ушелъ, побрякивая желѣзомъ удилъ, а Татьяна, нацѣпивъ на коромысло ведра, шла къ ручью.

До ручья было далеко, надо было пройти почти всю луговину, а если хотѣли взять холодной чистой воды—въ ручьѣ вода все же отзывала немного ржавчиной болотной,—то шли въ кусты возлѣ ручья, гдѣ былъ чистый, холодный, какъ ледъ, ключъ, бурлившій постоянно, какъ кипящій котелъ.

Не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ онъ идетъ, — Сергѣй двинулся вслѣдъ за удалявшейся фигурой дѣвушки, маячившей смутнымъ пятномъ между занавѣшанными бѣлыми холстами телѣгами и растянувшимися прямо на землѣ людьми.

Такъ прошли они весь станъ, потомъ спустились подъ берегъ, высокую твердую насыпь, служившую, очевидно,

когда то берегомъ бывшему на мѣстѣ покоса озеру. Туманъ легкой колеблющейся дымкой плавалъ надъ луговиной,—и отъ этого было, дѣйствительно, похоже, что здѣсь не скошенная уже, обросѣвшая трава, распространяющая сладковатый, нѣжный запахъ, а вода,—и, какъ далекая лодка, колышется невѣрными движеніями въ ней идущая дѣвушка.

Сергѣй, не нагоняя и не отставая,—шелъ за ней шагъ въ шагъ, съ странной, неизвѣстно откуда явившейся грустью слѣдя за этой тѣнью. Онъ не собирался ее нагонять и говорить съ ней,—онъ шелъ, подчиняясь сложному, необъяснимому чувству, похожему на то, что толкало его когда то въ самую гущу деревенскихъ дѣлъ, до которыхъ ему въ сущности не было никакого дѣла... Такъ шелъ онъ когда то на сходъ,—почти не думая, измученный безсонной ночью, тяжкими кошмарами, больными снами... И теперь было, какъ во снѣ: тихо плаваетъ сѣдой туманъ неровными длинными волнами, какъ темныя живыя острова выступаютъ изъ него верхушки кустовъ,—и слабо колеблется впереди тонкій станъ дѣвушки съ ведрами...

Сѣно было уже обобрано въ копны, и онѣ неожиданно выступали изъ тумана живыми, ушедшими въ себя силуэтами. Проходя мимо, можно было ощутить тонкое, едва уловимое тепло, идущее отъ нихъ, какъ запахъ свѣжаго чуть подсохшаго сѣна, тепло ушедшаго уже далеко солнца, слабымъ воспоминаніемъ сохранившееся въ пахучихъ, вялыхъ травахъ.

Татьяна увидѣла его, когда поднималась съ полнымъ ведромъ отъ ключа. Она случайно взглянула вверхъ и испуганно подалась назадъ: темная фигура стояла невдалекѣ, молча и неподвижно, какъ призракъ.

Сергѣй понялъ, что она испугалась, и шагнулъ впередъ.

— Чего ты, Татьяна, Таня...—неувѣренно произнесъ онъ, не зная, какъ назвать ее, какъ къ ней обратиться и что сказать.

— Господи, какъ я испугалась...—вздохнула она, все еще чувствуя, какъ замершее на мгновеніе сердце медленно и тяжко бьется,—Господи, какъ испугалась...

Она вдругъ присѣла и склонилась совсѣмъ къ землѣ лицомъ. Сергѣй не понялъ, что съ ней такое,—и стоялъ, глядя на безпомощно согнувшееся, обезсилѣвшее тѣло. И вдругъ разобралъ тихій дѣтскій плачъ.—Она плакала. Онъ бросился къ ней и, не думая, не зная самъ, что онъ дѣлаетъ,—обнялъ ее, желая успокоить, какъ-нибудь прекратить эти слабыя, едва слышныя рыданія.

— Татьяна, Таня, что ты, что съ тобой?..—бормоталъ

онъ, стараясь заглянуть ей въ лицо, закрытое руками и прядью выбившихся изъ-подъ платка волосъ, — о чемъ ты?..

— Господи, какъ я испугалась...—твердила она, всхлипывая и не отстраняя его,—вдругъ темное что-то...

Она понемногу успокаивалась и, по мѣрѣ того, какъ переставала плакать, отодвигалась отъ него. Похоже было, что она не хочетъ сдѣлать этого рѣзко, чтобы не обидѣть его, и въ то же время не можетъ сидѣть такъ, когда онъ ее обнялъ и прижалъ къ себѣ.

— Танюша, какъ же такъ?..—неопредѣленно спросилъ онъ, стараясь смягчить голосъ и почти шепча,—что жъ такъ то?...

Она не поняла его и подумала, что онъ спрашиваетъ о томъ, что ея свадьба съ Ванькой рѣшена.

— Что жъ ты сдѣлаешь, Сереженька...—прошептала она, отворачиваясь.

Онъ поймалъ только ласковое обращеніе „Сереженька" и еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ. Она противилась, но слабо, больше борясь съ собой, чѣмъ съ нимъ,—и онъ чувствовалъ, какъ теплѣло подъ его рукой это хрупкое, знакомое тѣло, о которомъ онъ привыкъ думать, какъ о принадлежащемъ ему. Ему что-то хотѣлось сказать, очень большое и очень важное, такое, что онъ давно собирался сказать ей, еще когда ходилъ по темной улицѣ въ надеждѣ встрѣтить ее, но горло внезапно пересохло,—и ни одного звука не вышло.

— Сереженька, не хорошо такъ...—шептала она, чувствуя, какъ онъ все крѣпче и крѣпче обнимаетъ ее и рука его дрожитъ внутренней сдержанной дрожью,—нельзя такъ...

— Танюшка, Таничка, родная ты моя... Вѣдь я... Да вѣдь я же, я, а не онъ...

Онъ приникъ къ ней всѣмъ лицомъ, сжимая ее такъ, что дыханіе у нея прерывалось, стараясь всѣмъ своимъ существомъ передать ей то, чѣмъ былъ полонъ самъ... И невольно, противъ своего желанія, все еще борясь и отталкивая его, она отвѣчала ему, уже обезсилѣнная его ласковой мягкой страстью, такъ же какъ всѣмъ долгимъ вынужденнымъ отчужденіемъ отъ него.

— Не надо... Нельзя...—порывисто дыша и уже не имѣя силы уклониться отъ его настойчивыхъ ищущихъ губъ, шептала она,—зачѣмъ такъ, нехорошо... О-о-хъ.

Но онъ уже зналъ,—не умомъ, не чувствомъ, а увѣренностью всего своего ощущенія, что можно и надо. И самъ не вѣря себѣ, глядя на себя откуда то со стороны, какъ на другого человѣка, нѣжно и въ то же время твердо

обхвативъ ее за плечи, положилъ на высокую, приминающуюся траву.

Она хотѣла вырваться, что то сказать, можетъ быть, крикнуть, но онъ не пустилъ ее, зажалъ ротъ своими губами, увѣренный уже, что она больше борется съ собой, чѣмъ съ нимъ, однимъ неуловимымъ движеніемъ коснулся обнаженныхъ твердыхъ трепетныхъ ногъ,—и больше почти ничего не помнилъ.

Въ одномъ странномъ, колеблющемся, какъ блѣдный, неяркій туманъ, ощущеніи у него слилось представленіе о послѣдней, рѣзкой борьбѣ, гдѣ стыдливость и привычный страхъ, смѣшанный съ обычнымъ дѣвичьимъ чувствомъ брезгливости, сдѣлали вдругъ горячее вздрагивающее тѣло неподатливымъ и упрямымъ,—и все закружилось передъ нимъ, упало куда то въ крутящуюся тьму и не стало ничего...

А потомъ онъ сидѣлъ утомленный и разслабленный, и, крѣпко прижавшись къ нему, плакала близкая, такая понятная дѣвушка,—и не было словъ, чтобы утѣшить ее.

Ключъ неумолкаемо звенѣлъ тутъ же, ведра опрокинутыя валялись въ двухъ шагахъ, и трава примятая пахла такъ одуряюще, какъ пахнетъ только подъ утро, когда предразсвѣтный холодокъ идетъ надъ землею, собирая въ клубки сѣдой туманъ.

Домой пошли въ бѣломъ блѣдномъ свѣтѣ встающаго утра. Туманъ сталъ плотнѣе и гуще, и въ немъ, какъ въ волнахъ, ныряли двѣ черныя фигуры. Таня шла заплетающимся, невѣрнымъ шагомъ, опустивъ руки, а Сергѣй несъ наполненныя водою ведра и говорилъ:

— Такъ какъ же ты, какъ же рѣшилась-то, Танюшка? Вѣдь неужъ пропадать намъ обоимъ? Подумай только, теперь матери нѣтъ, не все одно твоей старухѣ-то?

Она шла, не оглядываясь, переступая цѣпляющимися ногами, какъ во снѣ, и только стонала слабо и жалобно:

— Ахъ, Боже мой, ахъ, Сереженька... Ну, какъ я... Какъ могу противъ матери... Да вѣдь я... Вѣдь ужъ тамъ кончено, уже пропили, ахъ, Боже мой...

И вдругъ вообразивъ все, что ждетъ ее, вспомнивъ, что было, что разломало жизнь ея, раскинувъ въ стороны обѣ части ея, начинала безсильно кружиться на одномъ мѣстѣ, слабо всплескивая руками. Она готова была упасть или уйти куда-нибудь, вздрагивая отъ ужаса при одной мысли явиться теперь, когда уже свѣтало и въ таборѣ могли уже встать, и самое ужасное было для нея то, что она не могла найти въ себѣ силы встать на борьбу за свою жизнь, пойти противъ матери, противъ Прокофія, противъ всего, что опутало

ее крѣпкими, неразрывными путами, въ которыхъ она крутилась, какъ въ огромной, стянувшейся туго сѣти...

— Господи, Господи Боже мой...—страстно и отрывисто молилась она, кружась въ бѣломъ молочномъ туманѣ, какъ птица съ перебитымъ крыломъ,—что жъ это такое, какъ же это такъ?..

И не слушала Сергѣя, который, поставивъ ведра, ловилъ ее и говорилъ что-то, хотѣлъ утѣшить и не могъ добиться слова.

Вдругъ она схватила ведра, огромнымъ усиліемъ взвалила тяжелое коромысло на плечо и пошла, почти побѣжала на крутой берегъ луговины.

— Таня, Таня, погоди...—рванулся къ ней Сергѣй, но она побѣжала еще быстрѣй и уже почти пропала въ туманѣ, мелькнувъ въ немъ живымъ чернымъ пятномъ. Уже возлѣ самаго становища она пріостановилась, какъ купальщикъ передъ тѣмъ, какъ броситься въ воду, но превозмогла себя и пошла впередъ.

Еще всѣ спали, раскинувшись подъ телѣгами, поваленные вчерашнимъ угощеніемъ. Прокофій спалъ, завернувшись въ полушубокъ, Ванька спалъ, какъ былъ въ одной рубахѣ, повернувшись только на бокъ и раскинувъ руки.

Она поставила ведра у потухшаго костра, на черныхъ угольяхъ котораго роса выступила крупными, тоже черными каплями, и легла, гдѣ всегда—у телѣги, подъ пологомъ.

Она не могла заснуть, но тревожное забытье минутами охватывало ее, и тогда ей казалось, что она падаетъ въ какую-то бездну, летитъ, слѣпо взмахивая раскинувшимися руками, и она вздрагивала. Тѣло все болѣло, какъ разбитое, голова пылала сухимъ жаромъ,—она думала:

— Застудилась, должно быть...

И вспомнивъ, что было, съ подавляющимъ стыдомъ падала лицомъ въ отсырѣвшую влажную отъ росы красную подушку и лежала такъ, пока опять не приходило забытье, и опять она, качнувшись на краю неизвѣстной и страшной бездны, падала въ нее, какъ подстрѣленная птица, тихо вскрикивая.

Такъ прошло много времени. Она слышала, какъ проснулся первымъ Авузинъ и сталъ будить мужиковъ, расхаживая по становищу, какъ лѣниво, переругиваясь, подымались мужики и расталкивали парней, загулявшихся поздно, какъ вскочилъ, словно онъ и не спалъ совсѣмъ, Прокофій.

Смутный гулъ начинающагося дня подымался въ таборѣ. Кто-то сталъ отбивать на колесѣ косу, и металлъ звенѣлъ острымъ, серебрянымъ звукомъ, какъ странный колоколъ зовущій къ работѣ.

Старый Ельниковъ суетился, безтолково толкаясь вокругъ телѣги, тормоша Ваньку и поденщицу, схватываясь за косу, и тотчасъ же забывая про нее; всунулся подъ пологъ и сталъ будить Татьяну:

— Дѣвонька, дѣвонька, встанько-сь, встань... Ахъ, дѣвонька, пора, ахти время идетъ...

Татьяна медленно съ тяжелой головой поднялась и вышла къ костру. Старикъ все бѣгалъ и суетился, какъ будто потерялъ что и не могъ вспомнить, куда положилъ, и вдругъ останавливался, странно гримасничалъ, словно стараясь придать своему лицу выраженіе прежней степенности и важности, и оглядывалъ всѣхъ серьезно, свысока, по пѣтушиному. И опять кидался къ телѣгѣ къ Ванькѣ, котораго, казалось, никакія силы не могли растолкать, къ поденщикамъ.

Татьяна подумала о томъ, что теперь ей всю жизнь свою придется прожить въ этой семьѣ, съ этимъ пьянымъ, лѣнивымъ Ванькой, со старикомъ, старающимся что-то увидѣть, охватить остановившимися, неподвижными круглыми глазами, и почувствовала внезапно, какъ длинная, безпросвѣтная тоска налегаетъ на нее.

— Господи, что же это такое?—вопросительно подумала она, старой, въѣвшейся привычкой призывая имя Бога, о которомъ не думала.—Какъ же это?..

Она хотѣла что-то подумать, что-то рѣшить, но старикъ уже кричалъ ей и какъ будто ругался за что-то. Она прислушалась, стараясь разобрать торопливый и невнятный говоръ его, и поняла: онъ не ругался, а хвалилъ за то, что она не забыла его приказанія и не легла вчера спать, прежде чѣмъ не принесла воды.

— Заботливая дѣвонька, вотъ заботливая, ужъ можно чести отдать, заботливая...—говорилъ Прокофій, не то не выговаривая нѣкоторыхъ слоговъ, не то путая лишніе, такъ что вмѣсто „заботливая“ слышалось что-то вродѣ „затлитлия“.

Мужики уже трогались на луговину за кустами, вторую, мокрую, на которой косить было трудно и неудобно. Впереди, какъ, всегда шелъ Авузинъ, по временамъ останавливаясь и покрикивая на замѣшкавшихся парней: за нимъ—Авдакимъ, потомъ—Сергѣй Даниловъ. Таня посмотрѣла на него. Онъ шелъ, высоко поднявъ голову, безъ шапки, такъ что бѣлокурые, слегка вьющіеся волосы отъ ходьбы чуть шевелились, шелъ твердо, крѣпко ступая, словно онъ только что проснулся послѣ долгаго здороваго сна, и смотрѣлъ впередъ чуть прищуренными глазами, силясь разсмотрѣть что-то вдали.

Острая, жгучая нѣжность пронзила все существо дѣвушки. Казалось, взгляни въ эту минуту Сергѣй въ ея сторону, она раскрыла бы руки, какъ птица крылья, и полетѣла бы къ нему съ страстнымъ стономъ. Но въ это время старикъ Прокофій теребилъ ее за рукавъ, что-то бормоталъ своимъ непонятнымъ говоромъ, и она едва разбирала, что онъ говоритъ о перехваткѣ, о томъ, что принести ее надо на мокрое болото, гдѣ будутъ косить. Ничего этого не надо было говорить, потому что, если Таня могла не знать этого, то другія бабы знали, куда нести и гдѣ будутъ косить мужики, но было въ старикѣ послѣднее время что-то, что заставляло его часто говорить всѣмъ извѣстныя вещи, какая-то точность, словно онъ все долженъ былъ объяснить, разсказать и какъ можно подробнѣе...

Ушли мужики, парни вприбѣжку догоняли ихъ. Солнце готовилось встать. И лѣниво, медленно принимались бабы за свое дѣло,—тянулись, громко переговариваясь крикливыми голосами, къ ключу за водой, костры разжигали, а ребята уже ползли въ перелѣсокъ за сухостоемъ для костровъ...

Въ концѣ стана вдругъ поднялся крикъ и визгливый плачъ, кто-то захохоталъ тамъ,—это Шерстобитиха учила за вчерашнее свою Настушку, а другія бабы, кто смѣялся, кто соболѣзновалъ, дѣвки-же ходили, поджавъ губы, словно это ихъ и не касалось...

Партія дѣвокъ и бабъ, оставившихъ на становищѣ за себя кого-нибудь, пошли ворошить сѣно. Съ ними пошла и Таня.

Трудно было ходить, растряхивая пахучую, не потерявшую своей зелени траву. Тѣло все ломило, голова кружилась, и казалось минутами, что вотъ-вотъ все поплыветъ краснымъ, медленнымъ кругомъ и подкосятся дрожащія ноги. Но все время подгоняла Шерстобитиха, этотъ Авузинъ въ юбкѣ на покосѣ, покрикивала, гдѣ шуточкой веселила, гдѣ насмѣшкой колола...

Солнце уже взошло, и было оно для Тани, какъ въ туманѣ, красное, неподвижное и злое.

Когда было время уже нести перехватку мужикамъ, къ бабамъ пришелъ немолодой, высокій крестьянинъ. Онъ оставилъ лошадь въ Струковѣ, а на покосъ пришелъ пѣшкомъ и, придя, долго осматривался съ забавной усмѣшкой.

— Никакъ вы бабы однѣ тутъ?—спросилъ онъ, подходя къ старухѣ Быковой,—здравствуйте...

— Здравствуй и ты,—глядя подслѣповатыми, красными глазами, отвѣтила Быкова,—мужики на работѣ...

— Та-акъ... Значитъ у васъ тутъ бабье царство началось? Вотъ оно что...

— Сейчасъ идемъ къ нимъ, перехватку нести надо...

— А далеко?

— Нѣ, тутъ вотъ за лѣсочкомъ-то...

— Та-акъ, такъ...

Подошли другія бабы. Нѣкоторыя были съ нимъ знакомы. Это былъ сельскій староста ихъ общества Егоръ Семеновъ, богатый мужикъ, теперь хуторянинъ и пустошникъ, отхаживавшій послѣднее трехлѣтіе въ старостахъ.

— Кого-жъ ты, Егоръ Семенычъ, ай дѣло какое?—любопытствовали бабы.

— А знамо не безъ дѣла,—безъ дѣла въ такое время развѣ выйдешь? Ты думаешь, въ васъ однихъ покосъ, а мы въ иностранной землѣ живемъ, что-ль?

— А по какимъ такимъ дѣламъ-то?

— А тамъ видать будетъ... Чай, ты не сходовая баба, чтобъ съ тобой разговоръ имѣть...

— Она у насъ больше, какъ сходовая, того гляди за мужика пойдетъ...

— Видать, что гвардейскаго полка вахмистръ...

Бабы понесли перехватку, а староста пошелъ съ ними. Мужиковъ онъ собралъ въ кружокъ и что-то сталъ толковать имъ. И сразу, какъ только сказалъ имъ что-то, поднялся такой крикъ, что стоявшія вдали бабы думали, что тамъ задрались. Побросавъ косы, махая руками, мужики лѣзли на сельскаго, а тотъ только отмахивался отъ нихъ и что-то кричалъ, чего за общимъ гомономъ нельзя было расслышать.

Наконецъ, стало потише, и ясно раздался громкій, напрягающійся голосъ сельскаго:

— Да что вы, ошалѣвши, ай какъ? Говорятъ русскимъ языкомъ вамъ: господинъ земскій начальникъ и господинъ становой приставъ сами говорили, а вы бунтуете...

— Нѣтъ въ насъ бунтовства, не путай, старая лиса! Знаемъ тоже оченно хорошо,—горячился Иванъ Калининъ,—какъ ты отъ нихъ взявши, да еще самъ хуторъ свой имѣешь, а намъ не къ чему это...

— Да погоди ты, фу какой огневой мужикъ-то, что кипятокъ бурлитъ, слова сказать не дастъ... А что какъ онъ самый, становой-то, да за это самое упорство ваше да...—сельскій понизилъ голосъ и что то заговорилъ таинственно и предупреждающе.

— Брось... Брось, грѣшить то...—прервалъ его Алексѣй Мироновъ,—я самъ землю свою продаю, ты не мнѣ говори... Хуже все одно не бывать, а грѣшить то брось, не къ ста-

рости бы своей говорилъ... Знаемъ, чего вамъ надо то... Вы, поди, и за виномъ не постоите, только бъ согласіе получить
— Да что ты...

Опять поднялся гомонъ, въ которомъ всѣ голоса слились въ одинъ крикъ. Мужики лѣзли на сельскаго, какъ осы, а онъ отгрызался отъ нихъ на всѣ стороны и успѣвалъ при этомъ еще сказать каждому слово.

— Нѣтъ нашего согласія, сказали мы уже, чего тамъ,— кричалъ Иванъ Калининъ, — кому надо, тотъ пусть и говоритъ, что хошь, а намъ не требуется...

— Да вѣдь дурьи башки, онъ за эти самыя слова васъ...

— Коли хотятъ—пущай силомъ, ихъ воля, — стоялъ на своемъ Иванъ,—а по согласію чтобы добровольному—нѣтъ нашей охоты...

Сельскій озлился.

— Чего орешь, какъ кобель, съ цѣпи спущенный? Думаешь, твоя взяла? А въ тебя недоимки съ Пасхи сколь занесено? А? То-то, братъ, твое дѣло помолчать бы, а не кидаться жеребцомъ... Туда же: „нѣтъ согласія"... А какъ сичасъ къ примѣру, да въ опись? Либо въ холодную на отсидку, съ покоса то прямо, тогда что? Ты тоже,—рѣзко повернулся онъ къ Шерстобиту,—молчалъ бы тожъ... Какъ учнутъ вамъ въ перья-то глядѣть—гляди, гораздъ много вшей то не вытрясли-бъ. То-то... А то „нѣтъ нашего согласія, коли силомъ"...

Опять пошелъ говоръ, и опять, какъ когда-то послѣ отъѣзда господъ изъ деревни передъ покосомъ,—одно слово вилось въ воздухѣ, какъ оса, жалило мужиковъ: канава, канава, канава...

— Канаву обговариваютъ...—толковали бабы, не рѣшаясь подойти съ перехваткой, когда мужики такъ заняты были,— противъ рожна не попрешь...

— Сила ломитъ и соломушку, чего тамъ...

— Извѣстно, съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись...

— Тоже—сила, сила... Говорено десять разъ: къ пользѣ эта самая канава, а вы, бабы дуры—все сила, сила...

— Ты баба гораздъ умная... То-то у тебя мужикъ то надѣлы скупать и сталъ, ума у тебя занявши... Ободворокъ то маменьки покойной отходила, сволочь проклятая...

— Ободворокъ? Твой ободворокъ? Ты сначала грамотѣ научись, а потомъ читать садись, это я-то сволочь, ободворокъ отходила? Да ты сначала по ночамъ перестань таскаться, а послѣ съ разговоромъ лѣзь... Знаемъ мы тоже...

— Да полно вамъ, бабы, еще подеритесь...

— И надо бы ей косы то расчесать. Это я-то по ночамъ

таскаюсь? А кто барина землемѣра на квартирѣ содержалъ? Кто къ нему черезъ сѣни съ подъ мужнинаго бока бѣгалъ? Думаешь: молчишь, такъ никто ничего и не знаетъ? Тоже платочки новые понравились, знаемъ мы...

Бабы заругались, какъ всегда ругаются бабы,—припоминая то, что давно уже и забыто было, упрекая старыми грѣхами, быть можетъ, тутъ же сочиненными, сплетничая больше, чѣмъ сводя счеты.

А мужики уже перестали толковать, раздѣлились на двое, и часть отошла въ сторону, махнувъ рукой, а часть толковала со старостой. Оттуда уже слышался смѣшокъ, и сельскій самъ тоже посмѣивался и увѣрялъ въ чемъ то:

— Ну, васъ къ лѣшему!.. Тоже пятьве деръ, довольно съ васъ и трехъ, обопьетесь, аспиды...

— Да, Егоръ Семенычъ, чай въ уваженіе... Намъ то къ псу ее, канаву то, вѣдь вамъ, футорщикамъ, она... Али жаль за согласіе то?

Сторговались на четырехъ ведрахъ. Иванъ Калининъ, стоявшій въ сторонѣ, плюнулъ злобно и, подхвативъ косу, крикнулъ:

— А и прахъ съ вами, когда такъ, песъ вамъ будетъ жихаремъ, а не я!.. Только глотку драть съ вами, а пользы никакой... Тоже „міръ-мріъ", а кинься—кажній свою глотку только водкой тѣшитъ, песъ съ вашимъ міромъ, когда такъ... Лучше на переселеніе уйти отъ васъ, чѣмъ съ вами жить...

Онъ долго еще ругался, потрясая въ воздухѣ косой, но его никто почти не слушалъ: одни пошли къ бабамъ, молча и со злостью понимая, что плетью обуха не перешибешь, а другіе все еще толковали съ сельскимъ и выторговывали вино.

Для всѣхъ понятно стало, что произошелъ расколъ, такой, послѣ котораго деревнѣ никогда снова не соединиться въ одно цѣлое, сильное именно своей цѣлостностью. Эта канава была послѣднимъ сраженіемъ въ битвѣ за самостоятельнось, и сраженіе было проиграно.

— Вотъ тѣ и добрый часъ...—горько усмѣхался Авузинъ, принимая отъ дочки горшочекъ и краюху хлѣба,—пропала деревня...

Онъ даже не могъ ѣсть, такъ огорчился, и, когда увидѣлъ Сергѣя, кивнулъ ему:

— Сядь-ка на часъ... Что, братъ, плохо пишутъ изъ деревни то?

Но Сергѣй былъ какой-то особенный. Онъ отвѣчалъ и говорилъ, словно во снѣ: слова собесѣдника доходили до него не тотчасъ, а спустя нѣкоторое время, какъ будто

лежалъ онъ на днѣ глубокаго колодца и слушалъ, какъ гдѣ то далеко отъ него толкуютъ и спорятъ о чемъ то мужики, кидается съ пѣной у рта Иванъ Калининъ, говоритъ, грустя о чемъ то, правильный Авузинъ.

Сладкое томное чувство наполняло его, какъ сладкое, хмѣльное вино кружило голову, тихо сдавливало сердце, и онъ хотѣлъ и не могъ припомнить все, рѣшительно все, какъ было, хотѣлъ о чемъ-то пожалѣть, чѣмъ то поскорбѣть, — передъ глазами рисовалось плотное, манящее, таинственно влекущее дѣвичье тѣло, судорожная дрожь стыдливости и протеста передавалась ему,—и не то вздохъ, не то стонъ, исполненный страсти слышался, какъ будто только что прозвенѣлъ въ тишинѣ...

— Такъ, такъ,—самъ не зная чему, поддакивалъ Сергѣй, не принимаясь за ѣду, которую ему принесла Дунька,—оно конешно...

— И что такое, что такое?—настойчиво спрашивалъ онъ себя,—вѣдь конецъ, значитъ, конецъ, сама не захотѣла, а что жъ я то?..

Онъ удивлялся, почему ему не больно это, почему онъ не возмущается, не сердится, а сидитъ въ сладкомъ забытьѣ, одной привычкой слушая, что бормочетъ старый Авузинъ...

Дунька присѣла, выжидая, пока онъ кончитъ ѣсть, и задремала. Она облокотилась на руку, закрыла глаза, и по тому, какъ безвольно и тяжело обвисло все ея тѣло, можно было видѣть, что она мгновенно заснула крѣпкимъ, чернымъ сномъ.

— Ишь, подлая, шлялась всю ночь...—безъ злобы подумалъ Сергѣй, глядя на нее,—то-то Собакинъ на гармоникѣ гораздъ долго игралъ на болотѣ... Пропала дѣвка, ни за грошъ пропала, въ конецъ...

Но и это его не тронуло, не возмутило, не разсердило, какъ будто такъ и должно было быть, чтобы Дунька пропала и именно съ Собакинымъ, съ которымъ онъ такъ недавно—всего только въ радоницу, чуть не передрался изъ-за этого и Дунькѣ готовъ былъ горло перерѣзать...

Какъ много, какъ ужасающе много перемѣнилось... Какъ недавно все было и все стало не такимъ, все перешло, какъ то, потухло, пріобрѣло новый смыслъ, все, все было новымъ.

И какимъ смѣшнымъ и жалкимъ казался онъ самъ теперь: волновался, о чемъ-то хлопоталъ, а все ничего не стоило и осталось такимъ же, какимъ должно было быть... Ничего не подѣлаешь, — живи не такъ, какъ хочешь, а какъ жизнь идетъ...

Онъ поѣлъ нехотя, чуть прихватывая изъ глиняной мисочки, въ которой ему принесла Дунька похлебку, остав-

шуюся отъ вчерашняго ужина, разбудилъ ее и отдалъ посуду.

Послѣ перехватки, его и Ваньку Прокофьева послали рубить хворостъ подъ стога-одонки, которые надо было уже ставить на первой луговинѣ. Вечеромъ долженъ былъ быть дѣлежъ, къ тому времени надо приготовить хворосту, чтобъ размѣчать, куда что ставить.

Онъ шелъ съ Ванькой въ лѣсъ, поглядывая на него съ внутренней усмѣшкой, которой самъ не могъ удержать. Ему было неловко отъ того, что Авузинъ назначилъ ихъ вмѣстѣ; минуту онъ думалъ, что старикъ знаетъ все, и нарочно поддѣлалъ такъ, думая, можетъ быть, что парни промежъ себя объяснятся, но по обращенію Ваньки догадался, что тому ничего неизвѣстно.

Въ лѣсу было прохладнѣе, пахло сыростью и грибами, и еще какой то странный грустный запахъ стоялъ между деревьями, похожій на запахъ брошеннаго жилья, гдѣ еще вѣютъ тѣни прошлой жизни.

Ванька бросилъ топоръ и, сѣвъ на пенышекъ, сталъ крутить цыгарку.

— Не хошь?—коротко предложилъ онъ.

— Не занимаюсь...—такъ же коротко отвѣтилъ Сергѣй, присаживаясь возлѣ.

— Что жъ, женишся?—спросилъ онъ, съ той же усмѣшкой поглядывая на Ваньку.

— Батька велитъ... Я бъ и такъ погулялъ еще, да нельзя говоритъ... Твою Таньку беру...

— Чего жъ мою, чай, я не покупалъ ее...

— Да вѣдь ты съ ней гулялъ-то, чай, извѣстно... Только что потомъ у васъ разстроивши... Ну, а мнѣ за твою сестру очень даже обидно... Така дѣвочка ладненькая, така пригожая... И уважительная тоже...

Сергѣй промолчалъ. Ему неловко было говорить объ этомъ.

— Вотъ батька велитъ,—продолжалъ Ванька, раскуривая цыгарку и пуская густо синій дымъ, медленно таявшій въ остановившемся неподвижномъ воздухѣ,—тутъ бы живи да живи...

— А кто жъ тебѣ мѣшаетъ?

— Кто мѣшаетъ... Теперь вотъ судъ этотъ самый...—онъ какъ бы спохватился и торопливо добавилъ:—конечно, я какъ въ свидѣтеляхъ состою, ну, а только все же и время пройдетъ, и такъ...

Онъ не договорилъ—что такъ. Видно было, что что-то гнететъ его, давитъ къ землѣ, и не можетъ онъ преодолѣть этого гнета. Можетъ быть, и пилъ онъ отъ него—отъ того,

что какъ то свихнулся парень и никакъ не напасть ему было на настоящій путь, къ которому звалъ давній, не имъ пріобрѣтенный, не имъ вскормленный инстинктъ.

— Тоже вотъ такое дѣло... Какъ то все неладно у насъ...— говорилъ Ванька, медленно потягивая пахучій, крѣпкій дымъ,—вотъ тоже Митька тогда говорилъ: не быть тиху дому сему... Да, скажи вотъ какое слово... А отчего? И откуда это онъ?

Онъ посмотрѣлъ на Сергѣя, словно спрашивая отвѣта.

— Что-жъ, старикъ у васъ гораздъ крутъ... Просто возможности нѣтъ, такъ крутъ... Все по своему, чтобъ какъ онъ...

— Старикъ что! Старикъ ровно блаженный теперь, ты погляди на него—чисто Моня юродивый. Знаешь, что въ погостѣ путается, да къ станціи бѣгаетъ „дай копѣечку"... Тутъ другое...—онъ наклонился и даже голосъ понизилъ, словно боялся того, о чемъ говорилъ:—тутъ вотъ такъ съ того и началось: какъ сказалъ онъ слово это самое: не быть, говоритъ, добру дому сему, д-да-а...

— Я такъ думаю—пустое это...—равнодушно отозвался Сергѣй.

— Пустое... Какъ бы не пустое... Это какъ мать твоя покойница, ей много дадено было... Разъ вотъ тоже... конечно, говорятъ такъ, а тамъ кто его знаетъ?—вышла она по утру на улицу—глядь: Пѣгариха то эта самая, теща то моя нареченная предбудущая то, глядь: а она съ горшкомъ подъ шерстобитовъ хлѣвъ присѣвши...—Ты чего здѣсь, стерва? А я, говоритъ, мышь выпускала, мышь, говоритъ...—Каку таку мышь? Кто-жъ мышь подъ хлѣвъ выпускаетъ? Ну, мать то твоя, Данилиха старая, она умная была, ей многое дадено было, она сичасъ во дворъ къ Шерстобиту, да въ хлѣвъ, а въ хлѣву корова какъ есть запрокинувши лежитъ, ноги то перекинула на стѣну, а перевороти́ться то и не можетъ... Кабъ не заглянула мать то твоя, такъ и издохла бы корова то... А ты говоришь: пустое... Тебя вотъ не было тогда, ты у огородника, ай садовника тамъ служилъ...

Сергѣй съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого парня. Онъ мало его зналъ,—какъ то въ сторонѣ держался все время, больше съ мужиками возился, зналъ, что пьетъ онъ много, что нерадивъ, и отецъ его часто ругаетъ, а такъ не приходилось говорить.

— Пустое...—говорилъ Ванька, докуривая остатки цыгарки и чуть не обжигая пальцы,—нѣтъ, братъ, это не пустое... Какъ когда скажется... Меня вотъ тоже—она, эта самая Пѣгариха то... Ой, говоритъ, не сносить тебѣ головы, Ванька,

ужо допрыгаешься ты, будетъ тебѣ... Чисто Шерстобитъ каркала, ну и вышло это самое...

Сергѣй поднялся на локтѣ и внимательно посмотрѣлъ на него. Лицо у Ваньки, слегка опухшее отъ водки, красное и толстое, было грустно и непривычно задумчиво. Тоже впечатлѣніе угнетенности, какой то пришибленности кинулось въ глаза Сергѣю.

— Послушай, Ванька,—спросилъ онъ,—скажи ты мнѣ на совѣсть,—ты меня знаешь, не доносчикъ я, не переметная сума какая.. Скажи ты—меня не было: тогда я у земскаго отсиживалъ—какъ это все было то?

— Что это—съ Тимкой-то Быковымъ?—равнодушно повернулся къ нему Ванька.

— Ну да, съ нимъ... Какъ это такъ...—онъ хотѣлъ спросить: правду ты его убилъ, ай такъ только наклепали тогда по злости на тебя,—но не рѣшился.

— Что-жъ тебѣ сказать то? Дрались мы—это вѣрно, а чтобы смертоубійство какое—этого и въ умѣ не было... Такъ задрались больше изъ-за слободскихъ, они у насъ гуляли, ну, нѣкоторые парни тамъ и осердились, насчетъ дѣвокъ вообще... Тамъ подошли къ дѣда Ѳедора огороду и пошло... Мнѣ тогда два зуба вышибить хотѣли—ажно шатались оба, крови сколь вышло... Ну, а тутъ кто то палъ на земь, и еще кто то—послѣ кричать: убили... А кто тамъ разберетъ, кто убивалъ-то, кто такъ дрался... Ну, побѣгли парни—кои назадъ въ деревню, кои въ поле... Я было кинулся огородомъ, да тамъ ловить меня зачали. Никакъ не иначе какъ Иванъ Калининъ. Держи, кричитъ, его, вотъ онъ... Я по деревнѣ пустилъ, а тутъ и цапъ меня... Вотъ какъ передъ истиннымъ говорю...

Онъ повернулся на брюхо, сорвалъ травинку и сталъ медленно откусывать ее.

— А теперь вотъ путайся тутъ...—сонно говорилъ онъ:— тутъ жениться, да бросить глупости всѣ эти, отгулялъ и хватитъ, батька вонъ хуторъ купилъ, свою землю въ укрѣпленіе взялъ—только сиди себѣ смирно, а тутъ на вотъ...

Сергѣю опять стало неловко. Не то отъ того, что онъ зналъ, за что пропадаетъ этотъ въ сущности смирный малецъ, не то отъ сегодняшней ночи. Какъ будто онъ укралъ что-то у Ваньки, укралъ, а тотъ и не думаетъ, что это онъ, Сергѣй, такую обиду ему сдѣлалъ и говоритъ съ нимъ и душу свою открываетъ.

— Ну ладно, чего прохлаждаться-то, надо и порубить сколько тамъ...—проговорилъ онъ, вставая, — будетъ Авузинъ ругаться, что долго...

Ванька тоже поднялся; такъ же равнодушно и вяло, какъ и говорилъ, сталъ выбирать жердинку.

Они не успѣли вырубить и десятка жердей для одонковъ, какъ кто-то на опушкѣ закричалъ тонкимъ дѣтскимъ голосомъ:

— А-ау-у-о-о...

— А-у-у...—откликнулся Сергѣй.

— Серега-а-а... —кричалъ дѣтскій голосъ, — тебя дѣдъ Ѳедоръ кличетъ... Староста, говоритъ, зо-ве-етъ...

— Чего тамъ ему еще... — съ неудовольствіемъ проворчалъ Сергѣй,—опять сидѣть, что ль...

Онъ бросилъ топоръ и пошелъ изъ лѣса. На опушкѣ, прижавшись къ березинѣ, ждала его Авузинская Фимка.

— Иди скорѣича, гораздъ кличетъ дѣдъ-то... — сказала она, трогаясь впередъ,—такъ гритъ, духомъ добѣги...

Они пошли черезъ луговину напрямки, между растеленнымъ, высыхающимъ сѣномъ. Тонкій, чудесный запахъ встрѣтилъ ихъ, едва только они спустились съ кряжа, поросшаго лѣсомъ. Сергѣй на минуту пріостановился, вдыхая этотъ запахъ. Что-то было въ немъ страшно знакомое, необыкновенно близкое и опьяняющее, какъ вино. Онъ стлался, нагрѣтый солнечными лучами, тихо струился надъ лугомъ и туманилъ голову смутнымъ воспоминаніемъ.

Сергѣй вдругъ зажмурилъ глаза, внюхался сильнѣе—и вспомнилъ. Тогда онъ улыбнулся, и опять все показалось ему какъ во снѣ: прошлое отошло, странная грань легла между нимъ и тѣмъ, что было вчера: такъ пахло вчера, когда звенѣлъ, не умолкая, ключъ, туманъ ползъ по низамъ, плотный, похожій на упавшее облако, и копны стояли въ немъ, живыя и выжидающія....

Съ дѣдомъ вмѣстѣ ждалъ его и сельскій староста. Завидѣвъ его, онъ усмѣхнулся добродушной старческой усмѣшкой, подмигнулъ и сказалъ, стараясь, чтобъ близъ стоящія бабы не слыхали:

— Такъ-то молодецъ, умѣлъ дѣла дѣлать, умѣй и отвѣтъ держать... Бумага вотъ тебѣ тутъ... Съ волостного, чтобы на судъ значитъ...

— Какая бумага, что за судъ... Ай, и взабыль меня въ сутяги возвели?—нахмурившись, спросилъ Сергѣй,—о чемъ еще...

— А вотъ гляди...

Сергѣй взялъ бумагу, прочелъ ее и плюнулъ:

— Ту, бѣсъ лысый, еще что выдумалъ... А песъ его знаетъ, какой такой платокъ онъ дарилъ, что тамъ еще за расходы...

Бумагой волостной судъ вызывалъ его на засѣданіе

пятнадцатаго іюля для разбора дѣла по жалобѣ крестьянина деревни Столбухина Прокофія Егорова Ельникова объ убыткахъ по несостоявшейся свадьбѣ его сына Ивана съ сестрой отвѣтчика Сергѣя Данилова Данилова Авдотьей. И были перечислены убытки: платокъ новый, полушалокъ шелковый, матеріи на кофту четыре аршина по сорока копѣекъ аршинъ, а кромѣ того, времени много упущеннаго, какъ обнадеживши свадьбой, и за то, что не состоялась, и въ хозяйствѣ отъ этого несправка вышла...

— А чтобъ тебѣ, старый кобель, еще свару какую затѣялъ!— ругался Сергѣй въ то время какъ сельскій, передавъ бумагу и заставивъ его расписаться карандашемъ въ пріемѣ ея, прощался съ дѣдомъ Ѳедоромъ.

— Что-жъ, Серега, ай опять земскій зоветъ? — подошла къ нему старуха Ванюшкина.

— Песъ оголтѣлый, а не земскій... — сердито отвѣтилъ ей Сергѣй и отвернулся,—вотъ ужъ чисто Моня юродивый сталъ... За что себя срамитъ, коль дѣвки не жалѣетъ спросить? Онъ еще, какъ на Танькѣ сына оженитъ, тоже въ судъ подастъ...

Сергѣй усмѣхнулся самъ тому, что подумалъ — и стало такъ, что вся нѣжность и трогательность, съ какой онъ думалъ весь день сегодня объ Татьянѣ, куда-то ушла, а сама она стала блѣдной, незамѣтной—что-то вродѣ оружія, которымъ Сергѣй хотѣлъ отомстить Ельникову...

— Вотъ еще песъ, такъ песъ...—бормоталъ онъ, шагая назадъ въ лѣсъ,—такъ тебѣ и надо стервецу, будешь еще прыгать... Еще подай въ судъ: какъ онъ жену сына моего Ивана порѣшивши дѣвичьяго состоянія ея, то расходу и убытку на этомъ столько-то...

Онъ думалъ грубо и зло, разсерженный тѣмъ особеннымъ, что лѣзло въ его жизнь назойливо и упрямо, мѣшая заняться какъ слѣдуетъ дѣломъ, мстя мелкой, надоѣдливой местью. Даже о Танѣ онъ думалъ теперь грубо и жестоко и, вспоминая ее, ворчалъ угрюмо:

— Тоже, ладушка можно сказать — только и глядитъ, какъ перекинуться на тую сторону.. Мать-мать, а сама что-жъ—али махонькая?.. Видно, сладкій-то кусокъ во какъ манитъ...

XI.

Только, только кончали покосъ, а нѣкоторые еще и дометывали вышедшіе по раздѣлу стоги-одонки, а старый Ельниковъ уже хлопоталъ со свадьбой.

Хлопотъ у него много было: тутъ свадьба эта, съ которой онъ торопился, тутъ съ хуторомъ у него все дѣло шло,—кончили они съ бариномъ и условіе подписали; ходилъ старикъ съ сыномъ подробно осматривать купленную землю и доволенъ остался: хуторъ былъ къ одной межѣ, кругленькій, съ лѣскомъ.

И еще у него были дѣла, по которымъ онъ все ѣздилъ то въ городъ, то въ волостное, все хлопоталъ, все устраивалъ, и, устроивъ, часто, бывало, самъ забывалъ, зачѣмъ и что устраивалъ.

Слабъ головой онъ сталъ совсѣмъ, часто задумывался какъ будто, а о чемъ, и сказать не могъ, и такъ здоровье у него какъ бы пошатнулось: сонливость одолѣвала, спать сталъ по долгу, а проснувшись—вдругъ вскакивалъ и бѣжалъ куда-то, и возвращался назадъ, не вспомнивъ, куда бѣжалъ...

И еще было: какъ маленькій ребенокъ сталъ порою онъ; никто не слыхалъ такой болѣзни, и всѣмъ въ диво была она, только Пѣгариха, которая теперь совсѣмъ къ нимъ переселилась, качала головой и по лицу ея видно было, что видала она такую болѣзнь и не радуетъ она ее; какъ маленькій ребенокъ, сталъ старикъ—спитъ-спитъ, да вдругъ и случится съ нимъ бѣда, какая съ малыми ребятами бываетъ у невнимательныхъ матерей, а то и такъ, безъ сна—вдругъ, самъ не замѣчая того, обмочится и ходитъ такъ: жалость въ такія минуты брала глядѣть на него.

По виду какъ бы и здоровый, крѣпкій, только глаза словно выцвѣли, стали водянистыми и безсмысленными, говорить сталъ непонятно какъ-то, суетливъ былъ больно и забывчивъ, а иногда вдругъ нахмурится, какъ въ старыя времена, серьезное лицо сдѣлаетъ, сядетъ степенно подъ образа, гдѣ любилъ въ прежнее время сидѣть и сидитъ важный,—и со слезами, предчувствуя недоброе, вся содрогаясь отъ рыданій, отъ безмѣрной жалости къ безсилью его, подтираетъ лужу его старуха, кряхтя, нагибается: трудно ей гнуть свое отяжелѣвшее грузное тѣло...

А потомъ опять словно ничего, бѣгаетъ, хлопочетъ, суетится старый Ельниковъ, все сдѣлать хочетъ: и укрѣпленную землю деревенскую купить, и хуторъ какъ слѣдуетъ обладить, и сына женить.

Со свадьбой торопились, такъ какъ времени было мало, и то хорошо, что въ самую межень попали, когда между двумя работами большими маленькій промежутокъ—между покосомъ и жатьемъ.

Съѣздилъ Прокофій въ городъ, привезъ оттуда припасъ разный, вмѣстѣ съ Ванькой ѣздилъ и Ванькѣ новое платье купилъ—сѣрую, мышастую тройку, маленько въ сирень впадающую, воротничекъ, какъ жениху полагается, и галстухъ бѣлый и, совсѣмъ какъ у господъ или купцовъ, цвѣты бѣлые изъ воску сдѣланы, чтобъ жениху и невѣстѣ на свадьбу приколоть.

Къ попу раза три онъ ѣздилъ, все торговался съ нимъ и уговаривался и мальцевъ слободскихъ виномъ поилъ, чтобъ пѣть согласились, какъ слѣдуетъ: видно было, что старикъ не на шутку захотѣлъ разойтись на свадьбѣ, всѣмъ показать, что не кто-нибудь женится, а Ельниковъ тоже, любимый сынъ стараго Ельникова, кого знаетъ вся округа...

Конецъ покоса вышелъ съ дождемъ, но дождь перепалъ маленькій, больше подразнилъ только, чуть-чуть покропивъ землю, а потомъ опять настала такая сухмень, что уже и въ самомъ дѣлѣ стало страшно: сгоритъ все на поляхъ, нѣтъ передышки отъ жара, и стоитъ сухой зной надъ высохшими полями, какъ гнѣвъ божій...

Худое предвидѣлось впереди, а жизнь шла своимъ порядкомъ и ничто не мѣнялось въ ней. Кому пришло время—умиралъ; кого звала жизнь—рождался, кому надо было—женился. Прокофій рѣшилъ женить Ваньку и торопилъ дѣло, какъ могъ. И сдѣлалъ такъ, что свадьбу, дѣйствительно, играли въ самую межень. Наканунѣ справили мальчишникъ, парни пили, плясали и дурачились, ходили по деревнѣ и хвастались женихомъ, а потомъ чуть не передрались изъ-за чего-то. Приглашенный въ качествѣ гостя, дѣдъ Ѳедоръ еле рознялъ ихъ, все же помирилъ, на мировую заставилъ выпить и напоилъ для спокойствія жениха такъ, что тотъ не могъ ходить.

Ванька все пытался куда-то идти, что-то сказать, обнималъ и въ одно и то же время ругалъ дружку, младшаго Собакина, Мишку Авузина и лавошникова Степана, на что-то жаловался и плакалъ пьяными слезами. Наконецъ, его удалось уложить въ банѣ, гдѣ пьянствовали, справляя мальчишникъ, и долго еще Флегонтъ, которому перепалъ не одинъ стаканчикъ по такому торжественному случаю, уговаривалъ пьянаго на смерть жениха добродушными пьяными ругательствами.

— И чего ты кобенистя, чего ты себя показываешь?—

ворчалъ Флегонтъ, перетаскивая парня на подушки, съ которыхъ онъ все валился,—не чище другихъ чать.

— У...у-дди...—еле ворочалъ языкомъ женихъ.

— И что ты богачествомъ своимъ выхваляешься, сучій ты сынъ? Вѣдь ты кто? Ты острожникъ, вотъ ты кто такой, а чего ты гордость свою показываешь-то? Тебя вотъ ужо въ каторгу угонятъ, и будешь ты никакъ не иначе, какъ шпана самая послѣдняя, а ты себя все показывать хочешь...

И долго еще въ сумрачной, еле освѣщенной огаркомъ банѣ гудѣлъ укоризненный, убѣждающій голосъ.

На утро Ванька едва могъ приподнять голову отъ подушки. Все кружилось передъ глазами, плыло въ радужномъ туманѣ и дрожало такъ, что отъ этого дрожанья тошнило. Флегонтъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже бродилъ по двору, обряжая жеребца, на которомъ сегодня долженъ былъ ѣхать женихъ, покрикивая на него и вычищая старую, заскорузлую грязь.

— Охъ, мати моя, силъ нѣтъ...—жаловался Ванька, держась обѣими руками за голову,—смерть моя приходитъ...

— Эва дуракъ еще какой,—угрюмо, какъ всегда, усмѣхнулся Флегонтъ,—его женятъ, а онъ помирать собрался...

Онъ посмотрѣлъ на Ваньку, пошевелилъ усами и кивнулъ на конюшню:

— Сходи, что-ль... Тамъ подъ яслями, въ уголку... Авось полегчаетъ.

Ванька пошелъ и, дѣйствительно, подъ яслями нашелъ спрятанную до половины отпитую бутылку водки. Должно быть, Флегонтъ стащилъ ее вчера со стола, когда Ванька затѣялъ драку, иначе не откуда было достать работнику столько.

Послѣ опохмѣлки какъ будто и въ самомъ дѣлѣ полегчало немного: боль не уменьшилась, даже словно сосредоточилась въ затылкѣ вся, но какъ-то меньше обращала на себя вниманія.

Уже съѣзжались приглашенные гости, какъ всегда въ крестьянствѣ, къ жениху съ утра, чтобъ отбыть малый столъ, въ ворота въѣзжали телѣги съ мужиками и бабами, дальней и ближней родней. По праздничному одѣтые, степенные и важные, крестьяне вылѣзали изъ телѣгъ, отряхивали платье, потомъ лѣзли бабы и толкались на дворѣ, пока мужья ставили лошадей, оправляли сбрую, выпрастывали изъ-подъ хомутовъ заплетенныя въ косички съ синенькими и красненькими ленточками гривы—наивный уборъ, долженствующій украсить обычную мохнатую лошаденку и простую телѣгу.

Потомъ шли въ избу, долго крестились на иконы и здоровались, протягивая ладонь дощечкой.

Парни, пріѣхавшіе съ отцами и матерями, не знали, что дѣлать, и бродили по двору, въ то время какъ дѣвушки сидѣли чинно въ чистой избѣ, подобравъ на колѣняхъ руки и опустивъ внизъ глаза. Старики и наиболѣе почетные гости сидѣли въ красномъ углу и медленно, не спѣша вели несложную бесѣду о суши, о горящихъ посѣвахъ, разсказывали, что казенная Стоянова дача горитъ и туда сгоняютъ народъ...

Прокофій, суетливый, съ всклокоченными волосами и остановившимися выпученными глазами, въ черномъ мятомъ пиджакѣ и коричневыхъ брюкахъ, не доходящихъ до щиколодокъ, съ медалью на груди, съ синенькой ленточкой, которою онъ больше гордился, чѣмъ самой медалью, полученной въ память посѣщенія ихъ волости царемъ,—бѣгалъ изъ чистой избы въ черную, торопилъ стряпуху и жену, здоровался съ гостями, встрѣчалъ новыхъ, толкался на дворѣ, и было похоже, что онъ забылъ что-то важное и никакъ не можетъ вспомнить, что именно.

Собралось народу такъ много, что въ избѣ было душно до невозможности. Потъ лилъ со всѣхъ, всѣ утирались захваченными для этого случая платками, поглядывали на двойныя окна, которыхъ не выставляли въ чистой избѣ, чтобъ зря не возиться, и время отъ времени, не выдержавъ, выходили на дворъ просвѣжиться и тамъ сидѣли въ тѣни, дожидаясь стола.

Пріѣхалъ посаженный отецъ, сельскій староста Егоръ Семеновъ, тотъ самый, что уговорилъ мужиковъ насчетъ канавы, мать посаженная пришла, лавочникова хозяйка, и пора была уже за столъ садиться... Столъ дѣло долгое, время шло: солнце уже высоко поднялось и тѣни стали напряженными, синими и рѣзкими какъ нарисованныя.

Въ черной избѣ все еще шла суматоха: что-то жарилось, шипя и треща въ печкѣ, что-то доходило, прикрытое толстыми сѣрыми полотенцами, что-то потѣло подъ одѣяломъ. Старуха и Матрешка, вмѣстѣ съ взятой на этотъ случай стряпкой, сбились съ ногъ и уже, кажется, ничего понимать не могли, кромѣ пироговъ, студеней и убоины. Старикъ все поторапливалъ ихъ, похаживалъ быстренько возлѣ, что-то потрогивалъ и такъ же внезапно, какъ появлялся, исчезалъ, поправляя на груди голубенькую ленточку.

Ванька ушелъ въ клѣть и тамъ переодѣвался въ новое платье, привезенное отцомъ изъ города. Онъ никакъ не могъ застегнуть бумажнаго воротничка на пуговицу нижней рубахи—запонку забыли купить—и весь красный отъ

напряженія, мокрый отъ пота, ругался и клялъ всѣ эти воротники и галстухи, съ которыми не знаешь, какъ справиться.

Три или четыре парня помогали ему, суетились и совѣтовали съ такимъ видомъ, какъ будто запрягали норовистаго жеребца, потомъ оглядывали и оправляли коротковатый пиджакъ, купленный въ рядахъ наскоро, почти безъ примѣрки.

Наконецъ, всѣхъ позвали къ столу. Народу набилось въ избу такъ, что, казалось, негдѣ шевельнуться. Сельскій Егоръ Семеновъ всталъ въ головахъ стола и, оборотясь спиной ко всѣмъ, лицомъ къ образамъ, сталъ истово, медленно креститься. За нимъ закрестились всѣ, потомъ уже сѣли, размѣщаясь кое-какъ за раздвинутымъ во всю избу столомъ.

Старикъ Ельниковъ такъ же, какъ и его хозяйка, не садились. Они ходили вокругъ стола, обнося гостей виномъ и прося побольше ѣсть. Прокофій то и дѣло подходилъ къ кому-нибудь и, таинственно наклонившись, шепталъ на ухо:

— Женишка-то почествовать... Иванъ Павлычъ, посошекъ...

И, оборотившись къ женѣ, бралъ съ подноса, не глядя, уже налитую большую рюмку и кланялся.

Пока ѣли первое, всѣ молчали. Ставились на столъ, на каждыхъ четыре человѣка, большія деревянныя чашки съ вареным мясомъ, нарѣзаннымъ большими кусками. Такъ какъ вилокъ было мало—ихъ заняли во всей деревнѣ, но и то нашлось только немного больше десятка,—то ѣли ножами и пальцами. Часто гости вытаскивали изъ кармановъ свои ножи, обтирали ихъ скатертью и пускали въ ходъ.

Всѣмъ окружавшимъ столъ дали полотенца, длинные ручники, протянутые по колѣнямъ, которыми гости обтирали руки и губы и прибѣгали, какъ къ спасенію отъ пота.

Не успѣли убрать убоину, какъ въ избу ввалилась партія дѣвокъ своей деревни и столпилась у дверей. За ними, высовываясь и мѣшая проходить стряпкѣ и хозяйкѣ изъ чистой избы въ черную за кушаньемъ и посудой, налѣзли мальчишки, даже кое-кто изъ мужиковъ, любопытствующихъ посмотрѣть на богатую свадьбу. Дѣвки пошептались между собой, узнали имя посаженнаго батьки и, ставъ кружкомъ, стараясь размѣститься въ неимовѣрной тѣснотѣ, запѣли пронзительными, однотонными голосами, веселымъ, плясовымъ мотивомъ:

А и батюшка ты нашъ Егоръ Семеновичъ,
А и батюшка ты саженный,
А и батюшка ты названный...

Подъ пѣсни, усердно подчуемые самимъ хозяиномъ, то и дѣло наклонявшимся то къ тому, то къ другому и шептавшимъ:—Батьку-то посаженнаго ужли жъ не почтишь? гости разговорились. Уже гудѣлъ пчелинымъ роемъ столъ, уже тамъ и здѣсь громкій хохотъ покрывалъ говоръ, но все еще было сдержанно, всѣ еще не разошлись, потому что это былъ только малый столъ—передъ тѣмъ, какъ отправиться съ женихомъ и всѣми жениховыми гостями за невѣстой, гдѣ предстоялъ тоже небольшой столъ, а потомъ въ церковь.

Всѣ старались меньше пить: впереди предстояло еще два дня такого питья, какое бываетъ только на свадьбахъ, когда всѣ гости должны ходить на четверенькахъ, иначе позоръ хозяевамъ.

Сидѣли за столомъ часа два, ѣли такъ, что только прибирать да подносить приходилось, наконецъ, наѣлись и стали подыматься, распуская кушаки. Пока благодарили хозяевъ, пока толпились, крестясь и переговариваясь одновременно,—молодежь вышла на дворъ и справляла коней.

Лошадей былъ полонъ дворъ, телѣги стояли вплотную другъ къ другу, и вывернуться въ этой тѣснотѣ было трудно. Путались гужами, лошади отъ жары, мухъ и сосѣдства другихъ лошадей не стояли, и то и дѣло раздавался звѣриный ревъ жеребцовъ.

Флегонтъ обѣими руками еле сдерживалъ сѣраго жеребца жениха, въ первый разъ запряженнаго съ рыжимъ большимъ мериномъ въ пару. Жеребецъ, несмотря на подтянутую правую вожжу, все время вставалъ на дыбы, ревѣлъ и силился укусить сосѣда,—на что равнодушный меринъ только косился.

Пока справляли лошадей, въ избѣ шло благословеніе жениха. Достаточно покрестившись, и взявъ отъ образовъ привезенную съ собой икону, завязанную въ пестренькомъ платочкѣ. сельскій Егоръ Семеновъ обтеръ ротъ рукой и откашлялся. Ванька, неподвижно стоявшій передъ нимъ, робко взглянулъ на него и тоже откашлялся. Въ своемъ новомъ костюмѣ онъ не зналъ, какъ держать себя, руки мѣшали и сильно связывали торжественность обстановки, къ которой онъ не привыкъ.

Вокругъ нихъ очистилось мѣсто, небольшой кругъ, еще больше смущавшій Ваньку; онъ безпомощно оглядывался: вездѣ были серьезныя, важныя лица гостей, и только изъ заднихъ рядовъ подмигивала ему остренькая мордочка вернувшагося съ нимъ на поруки Деньки Сучкова, приглашеннаго быть дружкой.

Ванька тоже хотѣлъ подмигнуть ему, но во время сдер-

жался, и только чуть - чуть повелъ глазомъ въ его сторону.

— Какъ теперь ты, стало быть, жениться долженъ,—началъ Егоръ Семеновъ, обтирая бороду и ища въ ней крошекъ, оставшихся отъ ѣды,—то такое слово я долженъ тебѣ сказать...

Онъ помолчалъ, очевидно, придумывая, что сказать дальше, а всѣ подвинулись ближе, кое-кто глубоко вздохнулъ.

— Да, такъ это самое и есть.,. Какъ будешь ты теперь своимъ умомъ жить, на своемъ, это самое, заду сидѣть, то батькину шею придется оставить... Отецъ твой больной, теперь ты за голову будешь, а самъ знаешь, что во всякомъ дѣлѣ, это самое, голова допрежь всего, д-а-а... И какъ глупости всякія ваши мальцевы ты теперь должонъ оставить, то и соображай...

Онъ опять помолчалъ, вытеръ потъ синимъ, большимъ платкомъ и сказалъ:

— А промеждупрочимъ, все по волѣ Господа нашего Іисуса Христа, творить долженъ это самое, и благословляю тебя на жизнь предбудущую, во вѣки нерушимо.

Ванька сталъ на колѣни и склонилъ голову, а Егоръ Семеновъ трижды осѣнилъ его небольшимъ образомъ въ фольговомъ окладѣ, съ темнымъ, написаннымъ подъ старину ликомъ. Потомъ онъ передалъ образъ лавочницѣ, и та тоже осѣнила его, всхлипнувъ по этому случаю, какъ прилично посаженной матери. Ванька стоялъ, опустивъ низко голову и натянувъ красную, затянутую тугимъ воротникомъ шею, съ такимъ видомъ, какъ будто ждалъ, что его ударятъ сейчасъ по затылку. Время отъ времени онъ косился на Деньку, а тотъ, прячась въ заднихъ рядахъ, строилъ ему рожи.—И Ванькѣ хотѣлось смѣяться, хотя у него отъ вчерашняго пьянства и отъ сегодняшней голодовки кружилась голова и все время тошнило.

Послѣ посаженныхъ началось благословеніе родныхъ. Подошелъ, шмургая опорками, которыхъ онъ все еще не собрался перемѣнить на праздничные сапоги, отецъ, взялъ образъ и быстро оглянулся, словно приглашая всѣхъ полюбоваться, какой онъ фокусъ сдѣлаетъ съ этимъ образомъ.

— Такъ, такъ...—забормоталъ Прокофій, перебѣгая круглыми стеклянными глазами по избѣ, — какъ ты въ жизнь вступаешь... Родительское благословеніе, навѣки нерушимое... И такъ какъ ты теперь на вродѣ, какъ въ свидѣтеляхъ...

Онъ запутался, поймалъ себя на томъ, что говоритъ что то неподходяшее, и помолчалъ. И вдругъ весь сморщился, осѣлъ какъ-то внизъ, руки у него затряслись такъ, что икона заходила ходуномъ, и вотъ-вотъ готова была упасть, и, под-

нявъ ее обезсилѣвшими руками, весь содрагаясь отъ внезапно прихлынувшихъ рыданій, Прокофій забормоталъ слабо и неразборчиво:

— Сынокъ... Ванюшенька... Такое дѣло... Какъ одинъ ты теперь... А я... А мнѣ, мнѣ въ гробъ пора... Старъ я, старъ...

Ванька долго крѣпился, но поднявшійся въ избѣ вой бабъ разстроилъ его. Онъ протянулъ руки, охватилъ ими колѣна отца и тоже заревѣлъ густымъ низкимъ голосомъ, какъ быкъ, котораго оглушатъ вдругъ дубиной.

— Батюшка... Папенька нашъ родный... Господи, да рази я... Я бы вотъ какъ...

Онъ хотѣлъ что-то выкрикнуть, что-то сказать—и вся древняя, не имъ нажитая любовь къ хорошей, настоящей жизни, все стремленіе къ настоящему, правильному существованію сжала его горло, и онъ заплакалъ, какъ будто вмѣстѣ со своей свадьбой онъ терялъ все, всякую надежду, всю жизнь.

Плачъ поднялся въ избѣ такой, словно не на свадьбу справляли молодца, а въ солдаты, либо еще куда похуже. Прокофій, вдругъ ослабѣвъ, еле держался на ногахъ, и все пытался сказать что-то и не замѣчалъ, какъ обезсилѣвшее тѣло потеряло власть надъ собой...

Дѣдъ Ѳедоръ подхватилъ и передалъ икону старухѣ, а самъ потащилъ Прокофія изъ избы, больного. И пока старуха, обливаясь слезами, припадала на грудь Ваньки и голосила по немъ, какъ по покойникѣ, въ избѣ пошелъ смутный говоръ, что старикъ плохъ, что подалась старая кость и недолго ему хозяйствовать...

Его кое-какъ переодѣли, при чемъ онъ отнесся къ этому совершенно равнодушно, словно не догадывался даже, въ чемъ дѣло, посадили на кровать и оставили такъ. По обычаю родители не должны были ѣхать за невѣстой, такъ же какъ и присутствовать въ церкви при вѣнчаніи сына. Поѣздъ тронулся безъ нихъ.

Вмѣстѣ съ Ванькой сѣлъ посаженный батька сельскій Егоръ Семеновъ, и дружка Ванька-хуторщикъ. Егоръ Семеновъ сѣлъ больше для того, чтобъ править лошадьми: онъ былъ барышникъ и зналъ лошадей, какъ цыганъ, а спряженный съ мериномъ жеребецъ грозилъ разнести всю телѣгу вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой...

Ѣхать было недалеко, всего черезъ нѣсколько домовъ, но чтобы прогнать лошадей и покрасоваться поѣздомъ, гремящимъ бубенцами, колоколами и наполнившимъ всю деревню грохотомъ колесъ двадцати телѣгъ, Егоръ Семеновъ повернулъ въ обратную сторону, далъ ходу жеребцу и, держа возжи натянутыми, какъ струны, прогналъ по всей

деревнѣ. Сзади переливались бубенцы, кричали поѣзжане, лошади скакали, едва справляясь съ рысакомъ жениха, и вся эта ватага круто повернула на концѣ деревни и помчалась назадъ.

Въ деревню набралось много народу изъ другихъ мѣстъ, всѣ смотрѣли и любовались на богатую свадьбу, дѣвушки завидовали невѣстѣ, парни поглядывали на жениха, а Ванька сидѣлъ, какъ въ воду опущенный, грустный и насупившійся и не похожъ былъ на счастливаго человѣка. Ему даже хвастаться неинтересно было... Даже когда пріѣхали къ воротамъ невѣсты и надо было давать выкупъ загородившимъ дорогу огромной жердью подросткамъ, и тутъ онъ не хвастнулъ, какъ обычно хвастаютъ женихи, бросивъ серебряную мелочь въ толпу ребятъ, а просто отдалъ первому подвернувшемуся къ телѣгѣ мальчишкѣ.

У воротъ долго стояли. Выскочившій изъ телѣги Ванька-хуторщикъ долго торговался передъ запертыми воротами, говорилъ о куницѣ, что привела по слѣду къ этимъ воротамъ, о ясномъ соколѣ, что ищетъ сизую голубицу, а ему оттуда отвѣчалъ бойкій дѣвичій голосъ и на каждую прибаутку сыпалъ десяткомъ, на каждое присловье отвѣчалъ стишкомъ.

Наконецъ, кое-какъ сторговались, и ворота распахнулись. Съ Ванькой-хуторщикомъ спорилась Наташа дѣда Ѳедора. Она и получила выкупъ на всѣхъ дѣвокъ—рубль серебромъ.

Къ невѣстѣ во дворъ не заѣзжали, такъ какъ здѣсь все должно было кончиться скоро. Лошадей оставили на улицѣ подъ присмотромъ охотниковъ такъ или иначе принять участіе въ общемъ оживленіи, которымъ полна была вся площадка передъ домомъ Пѣгарихи, и пошли въ избу. Невѣста уже сидѣла противъ двери, спиной къ окну, передъ большимъ и совершенно пустымъ столомъ. Она была въ розовой новой кофточкѣ, подаренной женихомъ, въ цѣпяхъ и бусахъ и съ косой, пущенной вдоль спины. Ванька взглянулъ на нее и почти не узналъ. Это была совсѣмъ незнакомая, чужая дѣвушка, а не Таня Пѣгарева,—такъ блѣдно было ея лицо, еще сохранившее слѣды недавнихъ слезъ. Отъ того ли, что она сидѣла спиной къ окну, надъ которымъ прилаженъ былъ небольшой образъ съ тоненькой свѣчечкой и свѣтъ на дѣвушку падалъ сзади, дѣлая ее чернымъ силуэтомъ, или оттого, что она была простоволосая, безъ платка, обычно покрывавшаго голову, но Ванькѣ казалось, что ее кто-то подмѣнилъ, что эта хрупкая, поднявшаяся при его появленіи дѣвушка—не Таня... И ему стало страшно: темная, тайная мысль шевельнулась гдѣ-то глубоко въ изви-

линѣ мозга, и онъ оглянулся, какъ волкъ, котораго заманили въ западню.

— Сейчасъ, сейчасъ, вотъ сейчасъ все откроется, и грянетъ все, и загрохочетъ, и полетитъ къ чорту на рога, и только дымъ пойдетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ свадьбу играли...— мелькало у жениха въ головѣ, въ то время, какъ онъ садился противъ невѣсты на приготовленный табуретъ. Но ничего не загремѣло, все шло своимъ порядкомъ, подъ невѣсту подложили привезенную женихомъ подушку, охранять которую сѣлъ Егоръ Семеновъ.

Все шло какъ слѣдуетъ, какъ на хорошей свадьбѣ должно идти, и понемногу Ванька успокоился.

Былъ старый обычай, смыслъ котораго, какъ въ большинствѣ обычаевъ, былъ утерянъ,—трепать косу невѣстѣ. Ванька придвинулся ближе, ихъ вмѣстѣ съ Татьяной накрыли большимъ платкомъ, и тамъ, въ странномъ, неожиданномъ сумракѣ, Ванька долженъ былъ растрепать косу. Едва только прикрыли ихъ, подъ громъ пѣсенъ и прибаутокъ, какъ на Ваньку взглянули огромные сѣрые глаза, полные невыразимой тоски, доходящей до ужаса.

Онъ смотрѣлъ въ нихъ, и ему стало страшно отъ того, что они уперлись въ него прямо и не мигая. Они о чемъ-то просили, что-то хотѣли сказать, и невозможно было вынести взглядъ ихъ.

— Танюшка, что вы...—началъ было Ванька, но горло у него перехватило, и онъ не докончилъ. Таня смотрѣла все съ тѣмъ же смѣшаннымъ выраженіемъ не то мольбы, не то страха—и все казалось, что она хочетъ сказать что-то глазами, а онъ не можетъ понять—и въ этомъ-то страшное и есть.

На горѣ-горѣ не огонь горитъ,
Не огонь горитъ, свѣчи теплются,—

гремѣлъ хоръ дѣвичій, разносясь въ открытыя окна по всей деревнѣ,—

Свѣчи теплются, Иванушка Богу молится...
Богу молится—низко кланится,
Ты создай, Господи, молоду жену,
Молоду жену, бѣлу барыню,
Бѣлу барыню, да Татьянушку...

Нерѣшительно, глядя на страшные, необыкновенные глаза извиняющимся взглядомъ, Ванька протянулъ руку и взялся за косу. Татьяна покорно, какъ осужденный подъ топоръ, преклонила голову. Иванъ осторожно, стараясь не причинить боли, сталъ не трепать, а распутывать слабо за-

плетенную косу и, распутавъ, чуть чуть прикоснулся къ холодной, какъ камень, щекѣ невѣсты. Опять на мгновеніе въ смутномъ сумракѣ крохотнаго пространства, прикрытаго платкомъ, близко и страшно глянули на него чужіе, таинственные глаза, и онъ отбросилъ тяжелый душный платокъ, съ наслажденіемъ переводя дыханіе не столько отъ духоты подъ платкомъ, сколько отъ страннаго, непонятнаго ужаса, только что испытаннаго имъ.

Все разомъ задвигалось, зашумѣло и очистило кругъ для благословенія. Теперь уже вдвоемъ, стоя рядомъ на колѣняхъ, приняли благословеніе. Пѣгариха расплакалась, и, голося тонкимъ, жалостнымъ причитаньемъ, осѣняла снятымъ съ окна образомъ. Таня подняла голову: какъ сонъ, все было передъ нею, только во снѣ такъ бываетъ, когда хочешь уйти—и силъ нѣтъ, хочешь крикнуть—и шепотъ вялый ползетъ съ губъ, и ужасъ собственнаго безсилія охватываетъ душу. Мать плакала частыми, мелкими слезами, губы у нея тряслись и все лицо морщилось знакомой гримасой; кругомъ стоялъ народъ съ важными, серьезными лицами; и затихло все въ избѣ, всѣ молчали, съ любопытствомъ, стараясь высунуться побольше изъ-за плечей, спинъ, головъ впереди стоящихъ, смотрѣли на нее...

Все головы, головы, головы, все глаза, глаза, блестящіе, влажные, сѣрые, черные, зеленоватые... И какъ много ихъ и какъ страшно отъ нихъ... И вдругъ она чуть не упала: позади всѣхъ, уже въ самыхъ дверяхъ, въ узкой щели между головами напирающихъ съ улицы зрителей и темной закоптѣвшей притолкой блеснули знакомые, безконечно близкіе глаза. И улыбка почудилась ей, горькая улыбка, насмѣшливая, и все поплыло передъ ней и исчезло.

Народъ двинулся и закипѣлъ, кто-то крикнулъ: невѣстѣ худо... Кто-то подхватилъ ее, а изъ сѣней, проталкиваясь сквозь гущеру толпы, уже несли ковшъ съ водой.

Таня черезъ минуту оправилась, и все пошло, какъ должно идти: вышли на улицу, усадили молодыхъ на подушкѣ, дѣвки опѣли ихъ въ послѣдній разъ, кружась вокругъ телѣги и лошадей, отъ чего ельниковскій жеребецъ ревѣлъ и подымался на дыбы, и поѣздъ тронулся. Съ неподвижнымъ, застывшимъ лицомъ сидѣла невѣста и съ такимъ же неподвижнымъ лицомъ сидѣлъ рядомъ женихъ. Егоръ Семеновъ разобралъ возжи, принялъ коренника крѣпко на руку и, когда выѣхали за деревню, и уже виднѣлся большакъ, чуть шевельнулъ лошадей и свистнулъ.

Сѣрый затоптался на мѣстѣ, словно не зная, съ какой ноги начать; меринъ подобрался и уже заранѣе заскакалъ, зная, что все равно ему не справиться будетъ, и вдругъ

рѣзко брякнулъ бубенцами; тряхнувъ разукрашенной разноцвѣтными тесемками гривой, жеребецъ рванулся впередъ, задралъ голову и пошелъ отмахивать чистой, широкой и быстрой рысью, неуловимо мелькая ногами, весь присѣвъ и раскачиваясь, какъ лодка въ частой волнѣ...

Сзади, нахлестывая не справлявшихся за передней телѣгой лошадей, съ громомъ, трескомъ и звономъ мчались поѣзжане. И въ широкихъ, волнующихся уже поспѣвающею рожью поляхъ, по узкой пыльной лентѣ дороги растянулась длинная цѣпь поѣзда, наполненнаго разноцвѣтными, сверкающими подъ солнцемъ нарядами бабъ, яркими платками и ослѣпительно блестящими полотенцами...

Сидѣлъ у себя на кровати въ странной задумчивости Прокофій. Суетились, бѣгали по сѣнямъ, хлопотали къ встрѣчѣ гостей изъ церкви, съ пріемомъ молодыхъ, а онъ былъ, какъ внѣ жизни, тупо глядѣлъ въ одну точку остановившимся взоромъ, посапывалъ носомъ и, казалось, ничего не видѣлъ и не понималъ.

Дѣдъ Ѳедоръ, не поѣхавшій въ церковь, пришелъ къ нему. Сѣлъ рядомъ на кровать и помолчалъ.

— Чего-жъ ты, старый? А?—спросилъ онъ, наконецъ.

— А?—отозвался Прокофій.

— Плохо тѣ, что ль? Недужится али какъ?

Прокофій долго молчалъ. Потомъ, какъ будто не слышавъ вопроса, проговорилъ:

— Вотъ теперь Ваньку оженивши, да-а... Какъ намъ теперь вмѣстѣ жить, то требовается землемѣръ. Ужо тамъ, у начальника земскаго говорилъ писарь, должонъ пріѣхать со дня на день...

— Землемѣръ?..—искоса поглядывая на него, протянулъ дѣдъ.

— И какъ мы теперь на собину, значитъ, выходимъ, въ отрубъ, какъ говорится, то намъ это очень даже полезно... И баринъ банковскій говорилъ: свое, такъ оно свое и есть... Угадать бы еще, сбылыя души съ деревни выбить да укупить...

Дѣдъ по прежнему сбоку глядѣлъ на него.

— Не угадай подъ холстинку старикъ... Гляжь, братъ...

Прокофій поморщился, какъ будто учуялъ непріятный запахъ.

— Холстинку...—недовольно повторилъ онъ,—тоже: холстин-ку...

Дѣдъ посидѣлъ немного и ушелъ. Старикъ по прежнему сидѣлъ, какъ каменный, не обративъ даже вниманія на его уходъ, и думалъ что то свое. Изрѣдка онъ шевелилъ губами, словно нашептывалъ что то, и опять впадалъ въ ка-

менную неподвижность. И трудно было сказать: думаетъ онъ что либо, или такъ сидитъ въ забытьи странной болѣзни своей...

Дѣдъ пошелъ заглянуть къ себѣ—дома осталась одна старуха,—все ли какъ слѣдуетъ тамъ, и по дорогѣ встрѣтилъ пьянаго вдрызгъ Дмитрія. Онъ шелъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, и что то бубнилъ подъ носъ. Дѣдъ хотѣлъ его обойти, но Дмитрій замѣтилъ его и закричалъ черезъ улицу:

— Поѣхали вѣнчаться котъ Ванька съ кошкой Танькой... Толи не жизть будетъ... Ди-ги диги-донъ, загорѣлся кошкинъ домъ... Гуляй не хочу...

Дѣдъ не понялъ, что такое кричалъ Митька пьяный, и молча прошелъ мимо. Авузинъ попался—шелъ глядѣть ульи въ Никитевомъ саду, гдѣ у нихъ съ Борисомъ были испольныя пчелы; остановились на минуту.

— Куда такъ, Титъ Мосеичъ?

— Да пчеламъ роиться пора, иду глядѣть — не шумятъ ли... А то и упустить не долго... А вы, что жъ, не на свадьбѣ?

— А да что тамъ... Я вѣдь тоже не горазд къ нимъ то... Тамъ послѣ можетъ,—схитрилъ дѣдъ, и чтобы перемѣнить разговоръ добавилъ:

— Сказывалъ давеча Прокофій то Егоровъ, будто землемѣръ къ намъ будетъ. Кои на укрѣпленіе, чтобъ на отрубы выходить подавши, такъ будто выдѣлять къ углу тѣхъ будетъ...

— А приговоръ то?

— Тогда, видно, и приговоръ.

— Такъ...

Они разошлись, и каждый пошелъ за своимъ дѣломъ. Тихо было въ деревнѣ... Сидѣлъ, какъ истуканъ, Прокофій, плакала у себя въ избѣ Пѣгариха, потомъ поплелась къ Ельниковымъ. Тамъ помогала кое-что, а больше за старикомъ смотрѣла, заставила его одѣться, какъ слѣдуетъ, и долго что то толковала шепотомъ, на что тотъ только головой моталъ, и понять нельзя было, слышитъ онъ что-нибудь или такъ только мотаетъ...

А на выгонѣ, за прогономъ, прижавшись къ старой, осѣвшей угломъ клѣти, той самой, у которой засталъ разъ его послѣ торговъ деревенскихъ податныхъ Прокофій, стоялъ Сергѣй. Пыль еще вилась на большакѣ, послѣ свадебнаго поѣзда, тяжелой, золотящейся на солнцѣ тучей, еще въ ушахъ звенѣлъ громъ бубенцовъ, стукъ телѣгъ и крикъ поѣзжанъ, гонящихъ лошадей, но все уже было пусто въ поляхъ;

солнце одно плыло въ вышинѣ, палило землю, томило сухимъ жаромъ неподвижную рожь...

Стоялъ Сергѣй, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ скрылась большая красная телѣга на желѣзныхъ осяхъ, запряженная сѣрымъ рысакомъ въ корень съ гнѣдымъ мериномъ на пристяжкѣ, скрылась, увозя большой кусокъ жизни, разломивъ ее. Смотрѣлъ, и думалъ и чувствовалъ: словно постарѣлъ онъ внезапно, словно отошло что-то отъ него большое, какъ молодость,—и шепталъ тихонько:

— Ну, теперь ужъ конецъ... Полное покончаніе... Ко-нецъ...

И все не могъ отойти отъ осѣвшаго угла клѣти.

Поѣздъ вернулся уже подъ вечеръ. Въ селѣ послѣ вѣнчанія по обычаю катались, гоняя лошадей вдоль улицы и наводя страхъ на всѣхъ прохожихъ, потомъ заѣзжали въ трактиръ „Пекинъ", котораго не могла миновать ни одна крестьянская свадьба, такъ вошло въ обычай выпить и поздравить молодыхъ въ трактирѣ, и только къ заходу солнца справились назадъ.

Сразу по пріѣздѣ, еще молодыхъ осыпáли житомъ и хмѣлемъ, а невѣсту еще не открывали изъ полотняной завѣсы, въ которую закутали ее передъ въѣздомъ въ деревню, а уже хозяева приглашали гостей къ большому столу, называвшемуся княжьимъ, и мать женихова бѣгала суетливо отъ одного къ другому и убѣждала скорѣй садиться, а то женихъ гораздъ изголодался...

Женихъ, дѣйствительно, изголодался, и едва только присѣлъ въ заглавіи стола и посадилъ рядомъ невѣсту, какъ прежде всего завелъ рѣчь о водкѣ. Онъ такъ измучился вчерашнимъ похмѣльемъ, такъ напугался таинственныхъ страшныхъ глазъ своей невѣсты, такъ разстроился всѣмъ обрядомъ вѣнчанія, когда говорились какія-то непонятныя страшныя слова, а дьяконъ ревѣлъ бугаемъ тоже что-то страшное,—что совсѣмъ ослабѣлъ и, только выпивъ нѣсколько рюмокъ, пришелъ въ себя.

Гости кричали, говорили, пили и ѣли, иногда подмигивали другъ другу и орали на всю избу про таракана, попавшаго въ рюмку, про то, что горько гораздъ пить. Тогда Ванька вставалъ, уже немного осоловѣвъ отъ выпитой натощахъ водки, поворачивался къ женѣ и цѣловался съ ней рука въ руку.

А на улицѣ въ это время народъ лѣзъ въ окна, насѣдалъ на плечи одинъ другому, силился разсмотрѣть сквозь двойныя рамы, что дѣлается внутри, и восторженно гоготалъ, когда молодые цѣловались.

Передніе передавали то, что видѣли, заднимъ, толпа росла, и всѣмъ хотѣлось видѣть молодыхъ, посмотрѣть, какъ они пьютъ, какъ цѣлуются.

Здѣсь тоже появились пьяные: бродилъ гдѣ-то успѣвшій напиться Флегонтъ. Обычно молчаливый и держащійся въ сторонѣ, онъ теперь громко распѣвалъ пѣсни, приставалъ къ дѣвкамъ и бахвалился силой. Дѣвки бѣгали отъ него, парни надъ нимъ смѣялись, а изъ избы гремѣли свадебныя пѣсни и минутами покрывали весь шумъ улицы.

Такъ шло до поздняго вечера, когда княжій столъ окончился, наконецъ, и избу очистили. До поздняго вечера не расходилась толпа и часто со смѣхомъ встрѣчала какого нибудь охмѣлѣвшаго гостя, вывалившагося изъ избы на прохладу и еле переступающаго качающимися ногами. Подъ гармонь приглашеннаго спеціально для этой цѣли Ѳедьки Собакина начались танцы въ избѣ, и изба задрожала отъ топанья и грохота сапоговъ, стекла зазвенѣли, а уличная толпа ринулась уже прямо во дворъ, потомъ въ сѣни, не будучи въ силахъ сдержать своего любопытства.

Пьяный, съ разстегнувшимся, промокшимъ отъ пота бумажнымъ воротничкомъ на шеѣ, развязавшимся галстухомъ, выпачканный чѣмъ-то кислымъ, отвратительно пахнущимъ, Ванька перебиралъ заплетающимися ногами на одномъ мѣстѣ, а противъ него неподвижно, какъ статуя, стояла молодая. Гости ухали и кричали, Ванька старался лихо взмахнуть рукой и чуть не падалъ со взмахомъ, и какъ бѣсъ передъ заутреней, вертѣлся, припадая съ носковъ на каблуки, Демка, Сучковъ. Онъ, очевидно, рѣшилъ выручить пьянаго пріятеля и плясалъ за двоихъ, обхаживая молодую съ такимъ видомъ, какъ будто не Ванька, а онъ былъ мужемъ, притоптывалъ и свистѣлъ, а Собакинъ надрывалъ большой мѣхъ нѣмецкой гармоніи и ревѣлъ на всю деревню.

Старуха Пѣгариха сновала всюду, наклонялась къ гостьямъ и каждой шептала, разводя сухонькими маленькими ручками:

— Что жъ, не безъ доли невѣста, вотъ какъ на честномъ пиру сказать, не безъ доли: перина пухозая, комодъ... Что окруты одной, что холстовъ, послѣ шкапъ хорошій въ господахъ въ городѣ купленъ, ужъ можно чести сказать—не безъ доли невѣста...

Сельскій Егоръ Семеновъ расходился,—благо безъ бабы своей былъ: дарилъ дѣвокъ серебромъ и все просилъ пѣть, а дѣвки хохотали, просили больше, и въ перерывы, когда Собакинъ отдыхалъ, пѣли всѣ пѣсни, что научились отъ матерей и бабокъ...

Дѣдъ Ѳедоръ тоже подвыпилъ, лихо загнулъ голову и

ходилъ гоголемъ, вотъ готовый пуститься въ плясъ, а старуха его тащила на мѣсто и уговаривала не срамиться...

Танецъ за танцемъ смѣнялся; ревѣла, надрываясь, гармонь, топалъ ногами Собакинъ... на то и свадьба, чтобъ весело было; кружились въ хмѣльномъ, подмывающемъ вихрѣ пары, и дымъ шелъ столбомъ изъ распахнутыхъ дверей.

Пѣли дѣвки, надрывая голоса, собирая на свои дѣвичьи нужды серебрянные гривенники, топалъ ногами Егоръ Семеновъ, расходившись, и швырялъ прямо изъ кармана горстью приготовленные гривенники. На то и свадьбы, чтобъ весело было...

Избочась, выдѣлывая какую-то таинственную, запутанную фигуру невѣдомой кадрили, конфузя незнавшихъ такого танца дѣвушекъ и возбуждая зависть парней, ходилъ фертомъ Ванька хуторщикъ, подмигивалъ Денькѣ Сучкову, и разомъ оба пускались мелкой дробью къ дамамъ, а старики и старухи ахали отъ удали двухъ парней и сами притоптывали ногами: вотъ свадьба, такъ свадьба, на то и свадьба...

Тщетно пыталась отогнать набившихся въ сѣни любопытныхъ Матрешка, тщетно посылала она Флегонта „взять помело да помеломъ ихъ, помеломъ“, — Флегонтъ расхаживалъ по двору, путался между сдвинутыми телѣгами, вылѣзалъ на улицу и оралъ ему одному извѣстную пѣсню:

Спятъ вси-и рощи и до-ли-ны-ы-ы,
Дре-млютъ вол-ны бере-га-а-а,
Блѣдный ры-царь тутъ спѣ-шить-ся,
Ко Мальвинѣ подъ вѣ-не-е-е-ецъ...

— Да будетъ тѣ козла-то драть, гони ты ихъ, глядь, конюшня распахнута, какъ есть, стоитъ, чуланъ простъ, а ты тутъ...—ругалась Матрешка, но Флегонтъ не слушалъ и вытягивалъ страшнымъ трубящимъ голосомъ:

Тутъ Маль-вину сна-ря-а-жа-ли,
Жертву бѣд-ны-у-у-ю къ вѣн-цу-у,
Ты не плачь, не пла-ачь Мальви-на—а,
Не теряй сле-зы-ы напра-а-съ...

— Вотъ такъ свадьба, ну и свадьба, на то и свадьба, чтобъ было весело...

Когда было уже совсѣмъ темно, и половина гостей полегла костьми, кто гдѣ: приткнувшись на хозяйской кровати, на полу въ сѣняхъ, подъ кустами въ саду, а то и прямо на землѣ на дворѣ; когда бабы, тоже подвыпившія, тоже пошатывающіяся, толкались между телѣгами, разыскивая мужей,—толпа у оконъ и на дворѣ стала рѣдѣть. Веселье

еще шло, еще хрипѣла задыхавшаяся гармоника, топотъ сотрясалъ еще стѣны готовой развалиться избы, какъ вдругъ кто-то пьяный, тоже, должно быть, по случаю свадьбы въ деревнѣ, со всего размаху швырнулъ обрѣзкомъ доски въ окно избы, гдѣ шло веселье.

Стекла посыпались со звономъ, рама треснула, и сразу все остановилось.

И пьяная, безобразная брань донеслась съ улицы, кто-то на чемъ свѣтъ стоитъ честилъ Ельниковыхъ, ругался такъ, что бабы только ахали, а парни выскочили на улицу, чтобъ проучить нахала, но скоро вернулись.

— Такъ, ничего, пустое, извѣстно пьяный...—отговаривались они и опять мигнули Собакину, опять заревѣла гармоника, пошелъ плясъ и пѣсни, а въ это время Сергѣй Даниловъ вмѣстѣ со старикомъ Авузинымъ тащили изо всѣхъ силъ упиравшагося Дмитрія, нелѣпо махавшаго руками и готоваго драться.

— Я имъ покажу, я имъ дамъ себя знать... — кричалъ онъ,—свадьбы играть? Свадь-бы-ы? Я имъ дамъ свадьбы, старому кобелю, онъ у меня вѣкъ не забудетъ, ужо я покажу, какъ свѣтло бываетъ...

— Тише ты, чортъ, услышатъ еще...—уговаривалъ Сергѣй, но Дмитрій рвался изъ рукъ, ругался и кричалъ еще громче:

— Сва-а-дь-бы? Я имъ дамъ сва-адьбы.

Уже сѣрое утро вставало надъ землею, когда кончилось празднество въ Ельниковской избѣ. Уже разошлись всѣ по домамъ, уже спала деревня, а въ сумракѣ утра еще бродилъ пьяный работникъ Флегонтъ и говорилъ самъ съ собою, и рыжая, тощая сука Дамка ходила за нимъ шагъ за шагомъ и умильно поглядывала въ глаза.

— Ты что, сучья твоя душа, что ластистя-то? Ты думаешь: я пьянъ, такъ я съ тобой цѣловаться буду, а?—бормоталъ Флегонтъ,—поди ты ко псу, очень ты мнѣ надобна...

Ту-утъ Мальви-и-на слезно плачетъ,
Дайте вволю по-гру-у-сти-ить...

пѣлъ онъ, не находя свободнаго мѣста, гдѣ могъ бы пристроиться на ночь, такъ какъ вездѣ все было занято гостями; наконецъ, натолкнулся на чью-то телѣгу, взгромоздился на нее и, несмотря на то, что кто-то уже спалъ въ ней—должно быть. хозяинъ ея—палъ рядомъ на солому и захрапѣлъ на весь дворъ...

На слѣдующій день съ утра справляли отводины у матери невѣсты, а къ вечеру всѣ и разъѣхались. Время было больно дорогое: самая жатва стояла на дворѣ, уже въ мѣстахъ посуше начали жать окрестные мужики,—не до гу-

лянокъ было. Разъѣзжались съ пѣснями, съ крикомъ, цѣловались на прощанье и гнали лошадей по деревнѣ вскачь, а собаки мчались за телѣгами и провожали ихъ за околицу.

Усталая, измученная, какъ будто чѣмъ-то оскорбленная до глубины души, провожала гостей молодая, кланяясь низко, и просила не оставлять любовью, а когда послѣдняя телѣга, грохоча, подымая пыль и дразня собакъ, скрылась изъ виду,—она еще долго стояла около воротъ, глядя вслѣдъ уѣхавшимъ.

Гдѣ-то переливались еще бубенцы, колеса гремѣли по высохшей дорогѣ, крикъ хмѣльной разносился, и, какъ тонкой, прозрачной дымкой, покрывалось все это будничнымъ молчаніемъ затихшей въ вечернемъ красномъ свѣтѣ деревни.

Она стояла въ неясной тяжкой задумчивости, перебирала край новой, праздничной кофты, и ей казалось, что съ трескомъ, звономъ и хмѣльнымъ задорнымъ угаромъ, со смѣхомъ и танцующими звуками гармоники, съ шумомъ и весельемъ укатила ея молодость...

Тащилась отъ ручья обремененная полными ведрами старая-старая тетка Авузинская. Пріостановилась, поглядѣла подслѣповатыми глазами и раздвинула беззубый ротъ въ улыбку, похожую на гримасу:

— Что, отгуляли, молодка? А? То-то, я и говорю, что отгуляли...

И поползла дальше, кряхтя и сгибаясь подъ тяжелыми ведрами, а со двора уже кричала замотавшаяся въ конецъ съ этой свадьбой свекровь:

— Да гдѣ-жъ шайка-то подѣвши, кто хряпу-то рубилъ давеча? Не иначе, какъ утянута кѣмъ-либо, сколь народу-то всякаго было... Татьяна, а Татьянъ, не видала ты?..

Не успѣли отыграть свадьбу, какъ старикъ Прокофій отправился въ волостное вмѣстѣ съ молодыми. И когда ѣхалъ еще по деревнѣ, вслѣдъ ему говорили:

— Эва какъ, въ волостное старый Ельниковъ поѣхалъ, все какъ есть Ванькѣ съ женкой отписываетъ...

И уже перестали думать объ этомъ, такъ какъ дѣло не ждало: Ильинская пятница придвигалась и пора было начинать жать...

Есть повѣрье: кто до Ильина дня не сжалъ хоть одну полосу, тому и во всей работѣ неуправка выйдетъ,—поэтому бабы еще задолго до Ильина дня торговались съ косовникомъ, что разъѣзжалъ по деревнямъ, какъ селедочникъ и

прочій бродячій людъ, косы и серпы продавалъ, торгъ вели, вымѣнивали серпы на холсты да на яйца да на всякую хозяйственную вещь, что въ дому незамѣтна была.

А съ Ильинской пятницы уже тамъ и тутъ засверкали бѣлыя полотенца, которыми бабы въ жатву голову окручивали, и, какъ пловцы изъ воды, выныривали бабы, разгибаясь съ тяжелой вязанкой колосьевъ надъ головою.

А съ Ильина дня уже и настоящая жатва пошла.

Тихо стало въ деревнѣ: пройди изъ конца въ конецъ,—не найдешь никого—всѣхъ хлѣбъ выгналъ въ поле, только ребята малые въ пыли кувыркаются, да старыя старухи со стариками на завалинкахъ сидятъ и перекликаются по глухотѣ старческой другъ съ дружкой.

Все двинулось въ рожь, пошла рать на рать—крестьянская съ серпами двинулась на безчисленную, шатающуюся, пышащую жаромъ рать хлѣбную. Какъ бой, пошла работа. Ломитъ спину отъ частыхъ поклоновъ, руки нѣмѣютъ отъ сухой соломы; часто бываетъ, что усталая жница вдругъ махнетъ острымъ серпомъ по рукѣ—и кровь алымъ токомъ брызнетъ на хлѣбъ,—не потомъ только, а и кровью достается онъ, тяжкимъ трудомъ.

Стало какъ будто еще жарче, хотя казалось, некуда уже было идти дальше, дышать прямо нечѣмъ было, такъ палило, и даже Илья-пророкъ въ этотъ годъ подвелъ: тамъ и здѣсь въ краю неба погромыхивало, но не было настоящей грозы съ освѣжающимъ дождемъ, и стоялъ неподвижно сухой палящій воздухъ.

Какъ трудно, какъ тяжко, какъ страшно приходилось въ эту пору... Солнце давило къ землѣ нестерпимымъ жаромъ, душной раскаленной волной дышала стѣна ржи, и голова кружилась отъ того, что все время приходилось наклоняться, и пальцы нѣмѣли, и конца не видѣлось этой горячей стѣнѣ, конца краю.

Жажда томила пересохшее горло, потъ струился по тѣлу и силъ не было; казалось, еще одна вязанка и конецъ придетъ,—а время какъ будто остановилось, и медленно, страшно медленно ползетъ безпощадное солнце по сѣрому выцвѣтшему небу, и Богъ знаетъ, когда еще вечеръ...

Какъ страшно, какъ больно, какъ обидно слышать сердитый окрикъ хозяина въ это время, бѣжать на другой конецъ полосы укачивать разоравшагося ребенка, кормить его грудью, какъ невыносимо тяжело потомъ опять сгибаться и млѣть отъ жары, что печетъ, какъ въ закрытой наглухо печкѣ...

Только бабье страшное терпѣніе, только мужицкое несокрушимое упорство могутъ выносить этотъ адъ, только не-

насытимая любовь къ этой злой, ожесточившейся землѣ, даютъ силу нести эти дни, что сливались въ одинъ безконечный, напряженный свитокъ, медленно, неуклонно и жестоко развертывающійся...

И стало такъ, какъ будто не было ни дня, ни вечера, ни ночи, ни отдыха, ни передышки—все слилось въ сверкающій, нестерпимо гнетущій безумнымъ жаромъ день, все остановилось и какъ будто топталось на мѣстѣ, и не видно было, чтобъ уменьшалась шатающаяся стѣна хлѣбная, только выростали одна за другой тяжелыя важныя бабки и молчаливо и строго слѣдили за склоненной арміей труда, что билась изъ силъ подъ сверкающимъ ослѣпительно небомъ.

Сергѣй приходилъ вечеромъ домой, чуть не падая отъ усталости, и часто, не доѣвъ ужина, валился гдѣ-нибудь спать, какъ раненый валится, внезапно сраженный въ самомъ пылу битвы.

Дунька молча, озлобленно рвала все и метала, но молчала, понимая, что теперь все лежитъ только на нихъ съ братомъ, и не говорила даже ни съ кѣмъ, боясь, что не выдержитъ и заоретъ на всѣхъ не своимъ голосомъ. И только Луша, слабая, безсильная Луша, всѣхъ жалѣющая, всѣмъ соболѣзнующая, ходила около своихъ, готовая хоть какъ-нибудь, хоть чѣмъ-нибудь помочь, облегчить...

Падали всѣ отъ усталости, но не успѣвало солнце какъ слѣдуетъ взойти уже какъ вскакивалъ Сергѣй и будилъ сестеръ:

— Пора, пора, ахъ поздно уже, ахъ надо...

И опять, какъ страшный пылающій шаръ, катилось солнце, давило плечи и потъ струился, и катился въ глаза, и плакали горячими солеными слезами натруженныя жаромъ глаза, опять шла работа, не работа, а битва, самая страшная битва за жизнь на необозримыхъ, пылающихъ поляхъ...

И несмотря на весь трудъ, на всю тяготу страды, часто Сергѣй подымался съ серпомъ въ рукахъ и чувствовалъ странную легкость.

Какъ будто его захватило огромное трудовое колесо общаго напряженія, втянуло въ себя и некогда было подумать о чемъ-нибудь своемъ, некогда сообразиться,—все отошло передъ этимъ главнѣйшимъ и нужнѣйшимъ моментомъ. И Сергѣй въ такія минуты чувствовалъ, что его самого, парня Сергѣя, такъ хлопотавшаго, мучившагося, страдавшаго, какъ будто нѣтъ, какъ будто распылился онъ ничтожной песчинкой въ огромномъ, всеобщемъ и всеобъемлющемъ трудѣ, и малыми, ничтожными, ненужными казались тогда всѣ его страданія, всѣ его мученія передъ тѣмъ

великимъ, что совершалось и здѣсь, на этихъ необозримыхъ поляхъ, и за версту, и за десять верстъ, и по всей огромной, необъятной странѣ...

Когда Сергѣй думалъ о страдѣ, у него передъ глазами вставалъ всегда одинъ образъ: онъ шелъ домой, куда Луша позвала, такъ какъ съ лошадью что-то случилось, и когда проходилъ межой мимо Ельниковыхъ нивъ, передъ нимъ неожиданно взметнулся изъ гущеры колосьевъ подхваченный серпомъ снопъ и вынырнуло неожиданно близко женское лицо. Онъ хотѣлъ было пройти мимо, но что-то толкнуло его, и Сергѣй оглянулся.

Это была Татьяна, но Боже мой, что сталось съ ней?.. Блѣдное, растерянное лицо, остановившіеся безсмысленные глаза, съ какимъ-то отчаяніемъ, даже ужасомъ мерцавшіе подъ низко надвинутымъ длиннымъ полотенцемъ, охватывавшемъ голову, глубоко провалившіеся, окруженные темными синими тѣнями, какъ у покойниковъ... Она едва ли даже узнала Сергѣя, по прежнему тупо и безсмысленно согнулась, потомъ опять поднялась съ подрѣзанными колосьями, закидывая ихъ надъ головою, и опять то же страшное отъ остановившагося выраженія лицо мелькнуло передъ нимъ,—чужое, незнакомое лицо, въ которомъ нельзя было найти и слѣдовъ былой трогательной нѣжности, такъ манившей Сергѣя...

— Богъ въ помощь...—крикнулъ Сергѣй, проходя. И, не глядя на нее, уставившись неподвижными, до ужаса широкооткрытыми глазами куда-то въ одну точку. Татьяна равнодушно отвѣтила:

— Спасибо...

И долго еще потомъ, когда Сергѣй вернулся вновь на жнитво, у него передъ глазами стояла эта незнакомая женщина въ длинной, грубаго домотканнаго холста станухѣ, съ остановившимся лицомъ, мертвымъ отъ вытягивающаго всѣ силы труда и застывшимъ, безсмысленнымъ взглядомъ...

Когда онъ проходилъ, ему казалось, что онъ ничего больше не видѣлъ, но потомъ онъ вспомнилъ, что рядомъ копошилась склоненная фигура Ваньки, какая-то убитая, незамѣтная, понурая, словно придавленная...

— Какъ они живутъ? О чемъ говорятъ? Что у нихъ есть такого, что связывало бы ихъ? И бьетъ ли ее Ванька за дѣвичій грѣхъ, или все осталось темнымъ и неяснымъ, какъ часто среди крестьянъ, когда жениха напаиваютъ до того, что онъ уже ничего не сознаетъ и не помнитъ?..

Но некогда было даже объ этомъ думать: ждала великая сила, шаталась, кланяясь покорнымъ, низкимъ поклономъ, и, загребая большими, широкими горстями, подрѣзывая

острымъ, зазубреннымъ серпомъ пядь за пядью, опять Сергѣй почувствовалъ, какъ исчезаетъ и распыляется онъ въ этомъ необъятномъ трудѣ, какъ уже нѣтъ его, а есть только море хлѣбное, которое надо черпать, черпать, черпать и все конца ему нѣтъ...

И, возвращаясь тихими вечерами, когда закатъ пылалъ безшумнымъ пожаромъ на небѣ и все становилось краснымъ и зловѣщимъ подъ его кровавыми лучами, Сергѣй оглядывался назадъ, на поля.

Вереницы толстыхъ бабокъ уходили правильной чередою внизъ по скату, какъ будто стремились куда-то, окропленныя кровью заката, казались живыми и затаившимися въ своей неподвижности... Онѣ были красны, какъ будто напитались кровью поставившихъ ихъ, и сидѣли такъ важно, съ сознаніемъ собственной силы, окружали деревню необозримымъ станомъ и ждали: онѣ знали, что отъ нихъ не уйдетъ человѣкъ, что долго еще онъ будетъ возиться съ ними, напрягая мускулы, проливая потъ, тратя жизнь, чтобы потомъ умереть, мучаясь какой-нибудь „грызью".

Измученная, оскверненная торгомъ и завистью и злостью и жадностью, земля мстила этими важными, огромными полчищами, обсѣвшими деревню, требовавшими напряженія всѣхъ силъ и всей жизни, толстыми бабками, въ которыхъ такъ много соломы и такъ мало нужнаго зерна...

Сергѣй шелъ домой, едва переставляя ноги отъ усталости, опустивъ руки, какъ плети... Все, что можно было взять отъ этого молодого здороваго тѣла, все брала земля каждый день... И смутныя, темныя думы не давали покоя.

Мужика обвиняютъ въ томъ, что онъ не идетъ на новое, все по старинкѣ, все какъ дѣды-прадѣды... А попробуй-ка всю жизнь ходить возлѣ этой страшной, непонятной, чуждой силы—земли...

И понятенъ становился угрюмый Шерстобитъ, когда каркалъ при всякомъ новшествѣ:

— Ужо погодите, будетъ вамъ, то ли еще будетъ, погодите...

А новое врывается уже въ жизнь, идетъ со всѣхъ сторонъ, проникаетъ незамѣтно, струится невидимо, какъ полая вода подъ снѣгомъ, и страшно отъ него и жутко: вѣдь тотъ, кто возводитъ это новое, тотъ никогда не узнаетъ, какую силу, какое упорство, какой талантъ всей жизни—не руки, не головы, не уха, не глаза, а всего тѣла, всѣхъ силъ, всей жизни талантъ надо имѣть, чтобы жить на землѣ...

Сергѣй попробовалъ бороться противъ этого новаго, и палъ, раздавленный. Не Прокофіемъ Ельниковымъ раздавленный палъ онъ, не Быковымъ Семеномъ, не Лавошни-

комъ и другими,—всѣ эти Прокофіи, Лавошники, Семены, сегодня живутъ, а завтра и слѣда ихъ нѣтъ, а палъ подъ несокрушимой силой новаго, что вошло въ деревню и поперло, не считаясь ни съ чѣмъ...

И только особая, таинственная сила крестьянства, способная вынести все и ко всему примѣниться, не дала ему окончательно погибнуть...

Онъ шелъ и думалъ, и вспоминалъ стараго пастуха Захара, разсказавшаго сказочку о мужикахъ, загнанныхъ на край свѣта.

В. Муйжель.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Первые итоги «великой реформы».

(*Окончаніе*).

IV.

Землеустройство.

Въ предыдущемъ № мы указали, что для раціональной организаціи хуторского хозяйства необходимы 7 главныхъ условій: вода, разнообразіе естественныхъ угодій, дорожная сѣть, зажиточность и культурность крестьянъ, относительное многоземелье и, наконецъ, отсутствіе юридическихъ препятствій для размежеванія общинныхъ или подворно-чрезполосныхъ и частныхъ владѣній на хуторскіе участки. Въ зависимости отъ наличности или отсутствія этихъ условій, въ Америкѣ и западной Европѣ нашли себѣ примѣненіе различныя формы землеустройства: хутора, отруба и простая коммассація (сверстка полосъ).

Хуторская система, въ самомъ чистомъ видѣ, проведена въ заокеанскихъ странахъ, не имѣвшихъ за плечами тысячелѣтней исторіи землевладѣнія. Въ 1784 г. всѣ незаселенныя земли Соединенныхъ Штатовъ были признаны собственностью государства и, въ теченіе 100 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, правительство отвело 750 мил. акровъ въ цѣляхъ колонизаціи. За это время на пріобрѣтеніе земель и землеустройство израсходовано 400 мил. долларовъ *).

Общеизвѣстна система нарѣзки хуторовъ въ центрѣ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Площадь каждаго штата дѣлится на квадраты—townschip'ы (городскіе округа) въ 36 кв. миль каждый; townschip дѣлится на 36 секцій, а секція—на 4 homestead'а, хуторскихъ участка по 60 десятинъ (160 акровъ). Прежде, чѣмъ колонизовать незаселенныя территоріи, американцы провели желѣзныя дороги, давшія возможность поселенцамъ сразу развернуть экстенсивную эксплуатацію земель не для собственнаго потребленія, а съ цѣлью продажи продуктовъ. Сложныя машины, только и при-

*) Синельниковъ. Работы по землеустройству въ Сѣверной Америкѣ. Спб, 1907 г.

мѣнимыя на большихъ площадяхъ, повысили производительность труда, и безъ того высокую, вслѣдствіе естественнаго плодородія почвы. Экстенсивныя системы земледѣлія безъ удобренія и крупныхъ мелiорацій могли держаться только до тѣхъ поръ, пока земля не была истощена и пока подъ зерновыя культуры отводились не особенно значительныя части homestead'овъ. За 50 лѣтъ (1850—1900 гг.) площадь подъ фермами утроилась (съ 108,6 мил. дес. до 311, 8 мил. дес.) и, сверхъ того, поднялся процентъ обработанной земли—съ 38,5% въ 1850 г. до 57,4% въ 1890 г. Если бы американцы были менѣе энергичнымъ и культурнымъ народомъ, ихъ земледѣліе пережило бы, въ результатѣ хищнической экстенсивной распашки полей, кризисъ, подобный европейскому и русскому кризису, послѣдовавшему за развитіемъ зернового трехполья. Намеки на такой кризисъ уже появились къ концу XIX в.; но американцы предупреждаютъ его усиленнымъ примѣненіемъ удобренія, улучшенныхъ способовъ обработки, и въ болѣе засушливыхъ районахъ—устройствомъ гигантскихъ системъ оросительныхъ каналовъ. Въ 1889 г. этими каналами орошалось 1,3 милл. дес., въ 1899 г, 2,8 милл., а въ 1902—3,5 милл. дес. и на орошенной площади жило 2 милл. человѣкъ. Въ первое время орошеніе находилось въ рукахъ частныхъ акціонерныхъ компаній, а съ конца 1890-хъ гг. оно начинаетъ переходить къ администраціи штатовъ, и правительственный оросительный фондъ къ 1908 г. достигъ 37 мил. долларовъ. Большинство акціонерныхъ компаній теперь превратилось въ кооперативныя товарищества фермеровъ, обрабатывающихъ орошенныя земли *).

Если прибавить къ этому единственную въ мірѣ сѣть опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій и метеорологическихъ станцій, то будетъ ясно, что Америка сумѣетъ избѣжать кризиса экстенсивнаго земледѣлія и совершитъ быстрый и безболѣзненный переходъ къ интенсификаціи.

По примѣру Соединеныхъ Штатовъ, страны самой послѣдней колонизаціи—Канада и Аргентина, вытѣсняющія теперь Соед. Штаты съ арены мірового хлѣбнаго рынка, завели такую же систему хуторовъ—homestead'овъ.

Европа, какъ и Россія, находилась въ совершенно иномъ положеніи: за океаномъ землеустройство предшествовало не только интенсификаціи, но и заселенію пустынныхъ областей; здѣсь же оно явилось однимъ изъ средствъ уничтожить вліяніе уже разразившагося кризиса экстенсивныхъ системъ и ускорить переходъ на болѣе высокую ступень сельско-хозяйственной культуры. Съ другой стороны, въ Европѣ уже тысячу лѣтъ вся земля была занята, фео-

---

*) Рутченко. «С.-хоз. и землеустройство въ Соед. Штатахъ». См. также Саловъ: «Земледѣліе—главная основа благосостоянія Россіи». Спб. 1909 г.

дальный строй уничтожилъ остатки древней волостной общины и заглушилъ зародыши уравнительно-передѣльнаго механизма; семейно-захватное право перешло въ частную собственность, и землеустроительнымъ начинаніямъ правительства пришлось пробивать себѣ дорогу сквозь густыя заросли частно-правовыхъ интересовъ. Въ зависимости отъ природныхъ условій и отъ политическихъ факторовъ—главнымъ образомъ, интересовъ господствующихъ классовъ,—землеустройство разныхъ странъ западной Европы было различнымъ. Въ Англіи оно тянулось 600 лѣтъ параллельно съ огораживаніемъ и захватомъ крестьянскихъ полей и закончилось превращеніемъ почти всей земли въ собственность крупныхъ владѣльцевъ, которые разрѣзали ее на довольно большіе хутора и стали сдавать въ аренду фермерамъ. На континентѣ Европы хуторская система развилась на сѣверѣ—въ Голштиніи, Швеціи, Даніи (въ XVI—XVIII вв.); черезъ Швецію она перебросилась въ нашу Финляндію. Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ Англіи, хутора созданы помѣщиками.

Распространеніе хуторовъ на сѣверѣ объясняется благопріятными природными условіями: обиліемъ водъ, разнообразіемъ естественныхъ угодій. Третье необходимое условіе—относительное многоземелье: большинство крестьянскихъ хозяйствъ въ этихъ странахъ имѣютъ площадь въ 20—100 гектаровъ.

Въ остальной западной Европѣ, если исключить гористыя мѣстности, преобладала деревенская форма поселеній съ неизбѣжной чрезполосицей. Первыя попытки землеустройства (если не считать альгаусскаго движенія, окончившагося безрезультатно) были сдѣланы въ XVIII в. въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ. Тогда, по словамъ проф. Лучицкаго, еще «была сильна вѣра въ могущество мѣръ и убѣжденіе, что правительство все можетъ сдѣлать» *). Въ Пруссіи помѣщики вводили выгонную мекленбургскую систему, которой препятствовала чрезполосица ихъ владѣній съ крестьянскими,—отсюда у правительства явилась тенденція къ уничтоженію общины. «Для пользы страны, для развитія земледѣлія и увеличенія количества скота», Фридрихъ Великій повелѣлъ подлежащимъ властямъ энергично взяться за уничтоженіе общинныхъ земель, сначала «путемъ увѣщаній и основательныхъ представленій». Когда увѣщанія не помогли, король провозгласилъ: «Отнынѣ всѣ общинныя земли и пользованія, равно какъ и чрезполосица... объявляются отмѣненными и подлежащими разверстанію». Этотъ указъ вышелъ въ 1781 г., но и онъ не далъ особенныхъ результатовъ. Уже послѣ смерти короля Фридрихъ Вильгельмъ III пытался было снова поднять вопросъ о землеустройствѣ, но неудачно. Въ 1821 г., подъ вліяніемъ ученія Тэера и въ связи

*) Лучицкій. «Раздѣлъ общинныхъ земель въ Германіи XVIII в.» В. Евр. 1909 г. № 7.

съ освободительной реформой, издается «положеніе о раздѣлѣ общихъ пользованій», похожее на нашъ теперешній законъ, по которому каждый членъ общины имѣлъ право требовать выдѣла своего участка, при чемъ не нужно было даже доказательствъ, что этотъ выдѣлъ не будетъ вреденъ остальнымъ сочленамъ. Но уже въ 1838 г. это право ограничивается согласіемъ $^{1}/_{4}$ части совладѣльцевъ, въ 1847 г. запрещено дѣлить общинныя земли, служащія для покрытія расходовъ самой общины, въ 1881 г. прекращенъ раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ, а въ 1885 г. для разверстанія требуется согласіе владѣльцевъ половины площади. Аналогичное требованіе выставляется и въ Австріи, гдѣ землеустройство началось въ 1883 г.

Такъ прусская землеустроительная политика, наиболѣе радикальная въ Европѣ, шагъ за шагомъ сдавала свои позиціи, принимая все болѣе мягкія формы, становясь все болѣе осторожной и соотвѣтствующей интересамъ большинства. Теперь даже прусское землеустройство все чаще сводится только къ улучшенію дорожной сѣти, гидротехническимъ меліораціямъ и неполному складыванію полосъ. За 1874—83 гг. въ Пруссіи было разверстано 424 тыс. гектаровъ, принадлежавшихъ 173 тыс. влад.; до разверстанія у нихъ было 1602 тыс. полосъ—по 9,3 полосы на 1 владѣльца, послѣ—382 тыс.—по 2,2 пол. Въ Австріи, къ концу 1907 г. окончательно оформлено разверстаніе только 101,2 тыс. гектаровъ (у 28,5 тыс. хоз.).

Еще осторожнѣе производятъ разверстаніе южно-германскія государства. Главное вниманіе ихъ обращено не на межеваніе и сверстку полосъ, а на гидротехнику и дороги. «Кореннымъ принципомъ западнаго землеустройства стало положеніе, что земельныя владѣнія должны размѣщаться на основѣ гидротехнической и дорожной сѣти, а не эта сѣть приспособляться къ очертаніямъ владѣній». Орошенію и осушенію стали придавать «въ послѣднее время на Западѣ чрезвычайно крупное значеніе. Это находится въ связи съ успѣхами агрикультурныхъ наукъ, выяснившими чрезвычайно важную, почти первенствующую роль для земледѣлія урегулированія почвенной влаги» *). Вслѣдствіе этого, въ Баденѣ, къ 1905 г. землеустройство произведено всего на 83 тыс. гектаровъ, да и то, въ большинствѣ случаевъ, чрезполосица не уничтожена, а только уменьшена. «При сильномъ различіи хозяйственныхъ условій въ различныхъ частяхъ дачи (почва, влажность, родъ угодій, рельефъ мѣстностей) интересы владѣльцевъ будутъ только тогда удовлетворены, если новое владѣніе нарѣзано имъ не въ одномъ отрубѣ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ». Теперь на 1 владѣльца въ Баденѣ приходится, въ среднемъ, 5 участковъ. Вообще западное землеустрой-

*) Хауке. Баденскій законъ объ улучшеніи устройства полей. Журн. м-ва юстиціи. 1909 г. №№ 5—6.

ство, за послѣднее время, стало осторожнымъ, гибкимъ, приспособленнымъ ко всѣмъ особенностямъ мѣстнаго хозяйства и землевладѣнія, а потому и чрезвычайно разнообразнымъ. «Чрезвычайный партикуляризмъ западнаго землеустройства, столь затрудняющій его изученіе, могъ бы служить блестящимъ доказательствомъ, въ какой сильной степени землеустройство должно быть согласовано съ мѣстными условіями и особенностями землевладѣнія».

Этой моралью мы закончимъ нашу коротенькую экскурсію въ страны болѣе высокой культуры. Перейдемъ къ нашей родинѣ.

Прежде чѣмъ правительство приступило къ осуществленію своей землеустроительной программы, на западѣ Европейской Россіи, кромѣ царства Польскаго и Прибалтійскаго края, образовалось уже нѣсколько (11) самостоятельныхъ районовъ хуторскаго разселенія въ Витебской, Ковенской, Гродненской, Смоленской, Могилевской и Волынской губ. По подсчету Кофода, къ 1904 г. въ этихъ районахъ разверсталось на хутора 19.540 дворовъ по 9,3 дес. каждый. Съ тѣхъ поръ изслѣдователи открыли еще новые естественные районы въ Псковской, С.-Петербургской и Смоленской губерніяхъ. Такимъ образомъ, если не считать Волынскаго Полѣсья *), естественное движеніе крестьянъ на хутора проявилось у насъ въ сѣверо-западномъ углу Россіи. Мы сразу натолкнемся на главную причину этого явленія, если всмотримся въ данныя о среднихъ размѣрахъ поселеній: по всеобщей переписи, они не превышаютъ здѣсь 50—60 человѣкъ, но и эти цифры, по мнѣнію Билимовича, преувеличены, т. к. нѣсколько хуторовъ или мелкихъ поселковъ, при производствѣ переписи соединялись въ одно населенное мѣсто **). Небольшіе размѣры поселеній обусловлены цѣлымъ комплексомъ природныхъ особенностей, описаніе которыхъ мы находимъ въ прекрасной работѣ по изслѣдованію хуторовъ Псковской губ. ***). «Если во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи сама природа какъ бы противится образованію мелкихъ хуторскихъ поселеній, то здѣсь, въ Псковской губ., ихъ возникновеніе является логическою необходимостью, результатомъ цѣлаго ряда условій, какъ естественно-историческихъ, такъ

---

*) По словамъ Ярошевича, въ «полѣсскихъ мѣстностяхъ хуторское разселеніе, находясь въ полномъ согласіи съ привычками населенія, опирающимися на условія мѣстности, представляетъ простое и естественное приспособленіе къ этимъ условіямъ и имѣетъ серьезные шансы для своего развитія». Въ южной части Волыни и Кіевщины,—въ области свекло-сахарнаго хозяйства,—малолѣсистыя и маловодныя равнины, сильное малоземелье представляютъ непреодолимыя преграды для хуторизаціи, и здѣсь возможна лишь коммассація (неполное складываніе) полосъ (См. „Очерки экономической жизни Юго-западнаго края, в. I. Къ освѣщенію хуторскаго вопроса").

**) Билимовичъ, А. Разборъ положенія о землеустройствѣ. Стр. 14. Кіевъ. 1910 г.

***) Хуторскія разселенія на надѣльныхъ земляхъ Псковскаго, Островскаго и Холмскаго у. Псковской губ. по изслѣдованію 1907 г. Псковъ. 1909 г.

и культурно-правовыхъ. Значительная часть Псковской губ. отличается холмистымъ рельефомъ... Холмы небольшіе, изрѣзанные глубокими логами. Благодаря такой изрѣзанности, псковскія деревни разселились весьма дробно и, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ очень небольшого числа дворовъ». Еще меньше размѣры разселившихся деревень.

Среднее число дворовъ на 1 селеніе.

	Вообще по уѣзду.	Въ селеніяхъ, разбившихся на хутора.
Псковскій	13	7
Островскій	10	5
Холмскій	8	7

Но и въ маленькихъ деревняхъ поля рѣдко находятся въ одномъ кускѣ: очень часто каждое изъ трехъ полей такой деревни состоитъ изъ нѣсколькихъ распаханныхъ бугорковъ, раздѣленныхъ между собой сырыми, извилистыми покосами. Отсюда—невѣроятная чрезполосица, изъ года въ годъ усиливающаяся, благодаря семейнымъ раздѣламъ. Мелко-и многополосица увеличивается пестротой почвъ и ширина полосъ доходитъ до $^3/_4$ аршина.

«Тѣ же природныя условія, создающія столько неудобствъ для общинно-чрезполоснаго хозяйства, крайне благопріятствуютъ хуторскимъ разселеніямъ. Множество ручейковъ и рѣчекъ и близость подпочвенной воды позволяютъ псковскому крестьянину устроить усадьбу почти на любомъ мѣстѣ своего надѣла, а расположеніе пашни «шматками» крайне облегчаетъ удобное раздѣленіе надѣльной земли на мелкія владѣнія. При этомъ каждое изъ нихъ, обмежеванное въ одномъ кускѣ, легко снабжается главными сельскохозяйственными угодьями. Однимъ словомъ, задача раздѣленія псковскихъ деревень на хутора столь же проста, сколь сложна и мало выполнима та же задача въ средней Россіи, съ ея громадными деревнями, сплошными, тянущимися на нѣсколько верстъ пашнями, съ рѣдкими рѣчками и ручейками».

Кромѣ природы, хуторской системѣ помогаетъ отсутствіе передѣльной общины. Въ 6 уѣздахъ Псковской губ. 71,0% общинъ вовсе не передѣлялись съ освобожденія крестьянъ, въ 16,6% общинъ передѣльный механизмъ дѣйствуетъ слабо или вовсе замеръ и только въ 12,4% функціонируетъ исправно. Господствующій типъ землевладѣнія—ревизско-наслѣдный. Такія мертвыя общины не имѣютъ преимуществъ общинъ живыхъ, а, наоборотъ, обладаютъ въ увеличенномъ масштабѣ главнымъ ихъ недостаткомъ: крайней дробностью и путаницей полосъ, порождающей самую тѣсную зависимость и связанность хозяйствъ. Эта неустойчивая, неопредѣленная форма землевладѣнія, по словамъ изслѣдователей, «рано или поздно должна была уступить какому-нибудь иному, болѣе прочному образованію». Она могла перейти или въ хуторскую форму или

въ форму живой передѣльной общины. И псковскіе крестьяне пошли по обоимъ путямъ, при чемъ, до закона 9-го ноября, возрожденіе общинно-передѣльнаго механизма происходило гораздо чаще, чѣмъ переходъ на хутора. Почти всѣ живыя общины впервые приступили къ передѣламъ за послѣднія 12 лѣтъ передъ изслѣдованіемъ; на хутора перешли только 54 общины. И, кто знаетъ, не воскресла ли бы въ Псковской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, община, если бы ея возрожденіе не убилъ въ зародышѣ новый аграрный законъ.

Теперь перенесемся съ сѣверо-западнаго угла Европейской Россіи въ противоположный уголъ—въ юго-восточную Самарскую губ. Тамъ вѣдь тоже до закона 9 ноября были хутора, хотя возникшіе не вполнѣ самостоятельно, а частью, при воздѣйствіи правительства, дѣлавшаго, начиная со временъ Екатерины, то тутъ, то тамъ слабыя и разрозненныя попытки хуторизаціи. Въ числѣ этихъ попытокъ было устройство такъ называемыхъ «семейныхъ участковъ», въ Самарской и Ставропольской губ., относящееся къ 1840-мъ гг. Каждому семейству давались нарѣзанные отрубами участки въ 40 дес., очень крупная, по тому времени, субсидія въ 95—140 рублей, сѣмена на посѣвъ и хлѣбъ на продовольствіе. Кое-гдѣ были выстроены дома; пашня разбита на 8 полей (2 яровыхъ и 6—подъ залежью). Къ настоящему времени всѣ отруба раздробились, создалась отчаянная чрезполосица, 8-миполье смѣнилось трехпольемъ. Засухи доканали крестьянъ, и множество ихъ распродало свои участки меннонитамъ и разбрелось, кто куда.

Другой опытъ, значительно позже, былъ произведенъ удѣлами въ Николаевскомъ уѣздѣ: удѣльная администрація сдавала нарѣзанные хуторами участки въ долгосрочную аренду поселенцамъ, спеціально вызваннымъ изъ центра Россіи. Теперь большинство арендаторовъ разбѣжалось, частью на родину, частью въ Сибирь; освободившіеся участки снимаются сосѣдями-крестьянами, живущими въ деревняхъ. Главная причина бѣгства—«водяной голодъ». «Удѣльное вѣдомство съ самаго начала не приняло достаточно рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію своихъ арендаторовъ водой, а самостоятельно только немногіе изъ послѣднихъ справились съ этой задачей и то далеко не всегда» *). Затѣмъ наступили неурожаи: устроивши кое-какія мазанки, арендаторы, вопреки контрактамъ, обусловливавшимъ улучшенные пріемы, стали подражать сосѣднимъ сельчанамъ въ хищнической эксплуатаціи земли. Истощенная почва, когда начались засухи, совсѣмъ отказалась давать хлѣбъ; крестьяне продали свой домашній скарбъ, проѣли продовольственную и сѣменную ссуды и разбѣжались.

---

*) См. «Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губ.». Опытъ агрономическаго изслѣдованія. Т. I. Самара 1909 г.

Гораздо удачливѣе были нѣмцы-колонисты, особенно меннониты. Они сразу во многихъ мѣстахъ перешли на хутора, хотя на отведенныхъ имъ земляхъ были участки, удобные для деревенскихъ усадебъ; впрочемъ, они поставили свои дворы не посрединѣ участковъ, а вытянули ихъ въ одну улицу по краямъ. Колодцы, устроенные казной, оказались негодными—они вырыли свои. Меннонитское хозяйство въ настоящій моментъ является наиболѣе интенсивнымъ въ Самарской губ.: урожаи у нихъ значительно выше не только крестьянскихъ, но и помѣщичьихъ; и въ этомъ засушливомъ районѣ, гдѣ при экстенсивномъ хозяйствѣ годы высокихъ урожаевъ чередуются съ годами голодовокъ, у нихъ колебанія урожаевъ, сравнительно, не велики. Почему же русскіе хуторяне погибли, а меннониты процвѣли? Ларчикъ открывается очень просто: у меннонитовъ, въ среднемъ, 93 десятины на семью—въ 3 раза болѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ, и въ 18 разъ болѣе, чѣмъ у дарственниковъ. Меннониты обладали порядочными капиталами, когда пришли сюда, и теперь на единицу площади у нихъ больше капитала, чѣмъ у помѣщиковъ и крестьянъ. Они принадлежатъ къ наиболѣе культурнымъ слоямъ сельскаго населенія. Наконецъ, они освобождены отъ воинской повинности. Словомъ, всѣ главныя условія, перечисленныя выше для процвѣтанія хуторовъ, у нихъ на лицо: они подходятъ подъ типъ американскихъ фермеровъ ближайшихъ къ западу районовъ, развѣ только, благодаря худшимъ путямъ сообщенія, хозяйство ихъ не такъ приспособлено для сбыта, какъ у американцевъ. Обладая денежными капиталами, меннониты не допускаютъ дробленія земли при наслѣдованіи, а снабдивъ выдѣляющіяся семьи деньгами, посылаютъ ихъ покупать земли въ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ еще дешевы. Не всѣ меннониты Самарской губ. таковы: труженики земли, безъ замѣтной эксплуатаціи наемнаго труда. Описанный типъ хозяйствъ распространенъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Въ Самарскомъ уѣздѣ они уже стали на линію форменныхъ помѣщиковъ, сами заняты лишь надзоромъ за батраками-татарами, и земледѣліе у нихъ поставлено значительно хуже: вмѣсто новоузенскаго пяти-полья, у нихъ обычное трехполье, изрѣдка четырехполье, и засухи отражаются гораздо рѣзче на урожайности. Въ этомъ уѣздѣ у меннонитовъ произошла концентрація землевладѣнія: много хозяевъ ушло въ другія мѣста, оставшіеся прибрали ихъ земли себѣ, такъ что почти половина описанныхъ 64 хозяйствъ имѣетъ болѣе 100 дес., а 7—свыше 200. Эти меннониты, получившіе 9 тыс. дес. отъ казны, давшей имъ столько земли въ надеждѣ, что они создадутъ образцовыя хозяйства, не создали ничего, достойнаго подражанія.

Въ другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ хуторяне пошли въ обратную сторону—дробленія земли и хозяйство ихъ, сплошь и рядомъ, опустилось до уровня средне-крестьянскаго. Общій выводъ изслѣдователей хуторовъ Самарской губ. таковъ: «одна форма едино-

личнаго владѣнія землей оказывается безсильной создать хозяйство типа, экономически раціональнаго въ данныхъ условіяхъ».

Были и другіе опыты, но и этихъ достаточно, чтобы показать, что для правительства, приступавшаго къ хуторизаціи, землеустройство не было совершенно неизвѣстной областью: эти опыты повторяютъ опытъ западной Европы и Америки, указывая, что для правильнаго устройства хуторовъ необходимъ комплексъ перечисленныхъ выше условій, изъ которыхъ главныя даются природой: обиліе водъ и разнообразіе естественныхъ угодій. Въ степныхъ областяхъ, съ однообразной, годной только для пашни и выгона почвой, хутора возможны только крупныхъ размѣровъ, подобные американскимъ homestead'амъ и хуторамъ менонитовъ въ 94—100 дес., при чемъ хозяева этихъ хуторовъ должны быть состоятельны и культурны.

Воспользовалось ли правительство этими опытами?..

Правительственное землеустройство дѣлится по видамъ землевладѣнія: 1) на землеустройство въ частныхъ имѣніяхъ, перешедшихъ къ крестьянскому банку и купленныхъ черезъ его посредство и 2) на землеустройство надѣльныхъ земель, производимое землеустроительными коммиссіями. Отчеты крестьянскаго банка гораздо полнѣе, точнѣе, разностороннѣе отчетовъ землеустроительныхъ коммиссій, и по нимъ легче установить тотъ обликъ, который принимаетъ аграрная реформа въ дѣйствительности.

Послѣ революціи крестьянскій банкъ стремится провести начала единоличнаго землеустройства въ обоихъ видахъ своихъ операцій при продажѣ собственныхъ земель и при посредническихъ сдѣлкахъ. Въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ землеустроительную политику ему удается провести съ 1908 г.

Число десятинъ (въ тысяч.), купленныхъ крестьянами.

	Изъ имѣній банка.			Черезъ посредство банка у помѣщиковъ.			Итого.		
	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ.	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ.	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ.
1906 г. . .	1,2	38,0	3,1	7,0	476,5	1,4	8,2	514,5	1,6
1907 г. . .	4,6	175,6	2,6	12,0	740.6	1,6	16,6	916,2	1,8
1908 г. . .	126,0	198,9	38,8	26.3	667,8	3.8	152,3	866,7	14,9
1909 г. . .	432,5	118,8	78,5	70,2	605,6	10,4	502,7	724,4	41,0
1910 г. *) .	710,8	52,3	93,2	153,9	632,6	19,6	864,7	684.9	55,8
Итого . . .	1275,1	583,6	68,6	269,4	3123,2	7,9	1544,5	3706,7	29,4

Полтора слишкомъ милліона десятинъ, проданныхъ въ единоличное владѣніе,—таковъ огульный результататъ землеустроительной

*) Данныя за 1910 г. подсчитаны по трехмѣсячнымъ предварительнымъ итогамъ.

политики банка за истекшее пятилѣтіе. Непосредственно у банка пріобрѣло 1275,1 тыс. дес. 101,1 тыс. дворовъ. Сверхъ того, запродано хуторами и отрубами къ янв. 1911 г. 60 тыс. дворовъ 886 тыс. дес.; наконецъ, по посредническимъ сдѣлкамъ 269 тыс. дес. пріобрѣло 25 тыс. дворовъ. Такимъ образомъ, считая проданную и запроданную землю, банкъ насадилъ къ 1911 году 186 тыс. хуторянъ и отрубниковъ на площади въ 2441 тыс. дес.

За послѣднее время банкъ пытается (на основаніи правилъ 20 февраля и 3 іюня 1909 г.) распространить единоличное землеустройство не только на земли, переходящія теперь къ крестьянамъ по посредническимъ сдѣлкамъ, но и на земли, перешедшія раньше въ собственность обществъ и товариществъ. Но пока дѣятельность банка въ этомъ отношеніи еще слаба: за 1906—10 гг. на частновладѣльческихъ и товарищескихъ крестьянскихъ земляхъ нарѣзано и выдѣлено 8,9 тыс. хуторовъ и отрубовъ съ площадью въ 96,4 тыс. дес. Повидимому, банкъ собирается приступить вплотную къ этимъ операціямъ съ 1911 г., что позволитъ сдѣлать ему армія землемѣровъ, освобождающаяся послѣ почти законченнаго размежеванія банковскихъ земельныхъ запасовъ.

Изъ этихъ цифръ видно, что землеустоительная дѣятельность банка даетъ картину непрерывнаго развитія вглубь и вширь, по быстротѣ единственнаго въ Европѣ. Но, вотъ, вопросъ: какой типъ землеустройства культивируется банкомъ? дѣйствительно ли, какъ полагаетъ широкая публика, банкъ насаждаетъ всюду хутора, тогда какъ мы только что утверждали, что насажденіе мелкихъ хуторовъ во многихъ районахъ Россіи—безнадежное дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ отчеты крестьянскаго банка, болѣе откровенные, чѣмъ отчеты землеустроительныхъ коммиссій: изъ нихъ мы узнаемъ, что банкъ насаждаетъ не одинъ, а два вида землеустройства—хутора и отрубные поселки и что площадь подъ отрубами втрое превышаетъ нарѣзанную хуторами. По отдѣльнымъ областямъ, проданныя и запроданныя по 1 іюля 1910 г. банкомъ въ единоличное владѣніе земли, распредѣляются такъ:

Изъ 100 дес. единол. владѣнія продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Сѣверо-западъ: Бѣлоруссія, Литва, Прибалтійскій край	86,9	13,1
Промышлен. центръ: Пріозерн. и Московск. раіоны	67,2	32,8
Западная и восточная Малороссія	21,0	69,0
Югъ и юго-востокъ: (Нижнее Поволжье, Новороссія)	18,8	81,7
Земледѣльческій центръ и Среднее Поволжье	16,3	83,7
Сѣверъ, сѣверо-востокъ	11,7	88,3
Итого 50 губ Европейской Россіи	26,3	73,7

Табличка эта вполнѣ подтверждаетъ наши предпосылки: только въ двухъ областяхъ сѣверо-запада и промышленнаго центра ху-

тора преобладаютъ надъ отрубами; уже на юго-западѣ на одну десятину, нарѣзанную хуторами, приходится двѣ десятины отрубовъ, а въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ отрубной типъ землеустройства превышаетъ хуторской въ 5—6 разъ. Отсюда очевидно, что даже банковскіе землеустроители уступаютъ природнымъ условіямъ и проводятъ отрубную систему въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ хутора были бы гибельны для крестьянскихъ покупателей. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ хуторовъ еще меньше: но здѣсь, вѣроятно, главную роль играетъ не отсутствіе воды и однообразіе угодій, а непривычка населенія, неприспособленнаго, въ условіяхъ суроваго климата, при почти полномъ бездорожьи, жить изолированно въ глухихъ лѣсахъ. Поэтому можно думать, что и въ Сибири, куда направилъ свои взоры П. А. Столыпинъ послѣ своей поѣздки, врядъ ли будетъ осуществлена хуторизація въ чистомъ видѣ.

Какъ вліяетъ расположеніе угодій на тотъ или другой видъ землеустройства, ясно изъ слѣдующей таблички, гдѣ банковскія имѣнія расположены по проценту пахотныхъ земель.

Изъ 100 дес. продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Въ губерніяхъ въ которыхъ пашня въ банковскихъ имѣніяхъ составляетъ менѣе 30%	76,3	25,7
» отъ 30—60%	33,7	66,2
» свыше. 60%	18,2	81.8

Частныя владѣнія вообще отличаются гораздо большимъ разнообразіемъ угодій, чѣмъ крестьянскіе надѣлы, во многихъ мѣстахъ распаханные почти сплошь: поэтому можно думать, что хуторизація надѣловъ—операція еще болѣе трудная и не цѣлесообразная. Тѣмъ не менѣе, ревизоры м-ва внутреннихъ дѣлъ упрекаютъ банковскихъ землемѣровъ въ томъ, что они подаютъ дурной примѣръ для надѣльнаго землеустройства. Такъ, въ Пензенской губ. ревизія нашла, что «какъ почти повсемѣстно, и здѣсь на внутринадѣльное землеустройство оказалъ большое вліяніе порядокъ ликвидаціи банковскихъ земель съ преобладающимъ поселковымъ устройствомъ, неизбѣжными выгонами и нарѣзками отрубовъ довольно длинной формы, разсчитанными на сохраненіе трехполья». Въ Симбирской губ. «ликвидація земель крестьянскаго банка мало была согласована съ землеустроительными заданіями. Во всякомъ случаѣ, здѣсь получила наибольшее развитіе поселково-отрубная система, проведенная въ ущербъ образованію хуторовъ, которыхъ нарѣзано менѣе 10% всѣхъ участковъ: при этомъ отруба располагаются съ такимъ разсчетомъ, чтобы былъ обезпеченъ общій сѣвооборотъ: всегда отводятся особые выгоны, иногда изъ пахотныхъ земель». Отрубные поселки достигаютъ иногда 60—70 дворовъ, благодаря чему пашня удалена отъ усадьбы на значительное

разстояніе: цѣлый рядъ отрубовъ тянется узкими лентами, а крайніе находятся на разстояніи трехъ верстъ отъ двора *).

Хутора, устраиваемые банкомъ, далеко не всегда представляютъ изъ себя обособленные, замкнутые квадраты, на которыхъ крестьянинъ могъ бы найти всѣ нужныя ему угодья. Кромѣ того, что форма хуторскихъ площадей часто удлиннена, иногда изломана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сѣнокосы и выгоны и на отрубахъ, и на хуторахъ сплошь и рядомъ отводятся въ особыхъ мѣстахъ въ общее владѣніе нѣсколькихъ дворовъ. Мы не будемъ брать 1907—1908 гг., когда гг. землеустроители, по ихъ собственному признанію, были еще плохо «напрактикованы». Но вотъ данныя двухъ послѣднихъ лѣтъ.

	Продано и запродано. (тыс. дес.) Хуторами	Отрубами.	Въ общее владѣніе при хуторахъ и отрубахъ (выгонъ и другія угодья.)
1909 г.	195,1	625,3	28,6
1910 г.	389,9	1084,5	106,6

Ростъ насаждаемой самимъ банкомъ площади общественныхъ владѣній зависитъ, быть можетъ, оттого, что вначалѣ пускались имѣнія, наиболѣе годныя для нарѣзки обособленныхъ хуторовъ: теперь запасъ ихъ истощился, и во вторую очередь идутъ имѣнья, гдѣ волей-неволей приходится отводить довольно значительную площадь общихъ пользованій.

Но это еще не послѣднее уклоненіе банковскаго землеустройства отъ правительственнаго плана. И хуторъ, и отрубъ имѣютъ цѣлью реорганизацію крестьянскаго хозяйства. Эту свою миссію они выполняютъ только тогда, когда крестьянинъ поселяется на нихъ. Если же онъ остается въ деревнѣ и ведетъ хуторское хозяйство «наѣздомъ», какъ его предки вели въ московскую эпоху и какъ теперь крестьяне ведутъ на купленныхъ или взятыхъ въ аренду участкахъ, то понятно, что изъ такой хуторизаціи не получится ни сельско-хозяйственнаго прогресса, ни единоличнаго землеустройства, а только разовьется чрезполосица владѣній, во многихъ случаяхъ еще болѣе вредная, чѣмъ существующая надѣльная. Въ 1909 г. банкъ продалъ въ единоличное владѣніе землю: 21,5 тыс. дворовъ съ переселеніемъ и 17,1 дв. — безъ переселенія на купленные участки; въ 1910 г. изъ 38,1 тыс. хозяевъ, купившихъ отрубные участки, безъ переселенія пріобрѣло 25,5 тыс., съ переселеніемъ—12,6 тыс.—только одна треть. Кромѣ того, многіе, купившіе съ переселеніемъ, не переселяются и банкъ

*) См. «Извѣстія Земскаго Отдѣла», 1909 г. № 1.

долженъ, входя въ положенiе крестьянъ, да и изъ своихъ финансовыхъ соображенiй, смотрѣть на это сквозь пальцы. Конечно, можетъ быть, потомъ переселятся не только тѣ, кто взялъ на себя такое обязательство, но и добровольцы, но можетъ быть и обратное — уже переселившiеся уйдутъ, убѣдившись въ невозможности сносной жизни на новомъ мѣстѣ; такiе примѣры ужъ бывали. Правда, отчетъ банка констатируетъ, что «за послѣднее время учащаются случаи самостоятельнаго водворенiя отрубщиковъ на своихъ участкахъ. Для осуществленiя переселенiя нерѣдко выкапывается самими крестьянами колодецъ, а устройство усадьбы производится постепенно, по бревнышку» *). Но эта умилительная картина, рисующая хуторянина въ образѣ слабой птички, строющей теплое гнѣздо, нося по соломинкѣ, обнажаетъ предъ нами новые дефекты землеустройства, являющiеся главной причиной, почему крестьяне такъ неохотно переселяются на купленные участки. Въ 1909 г. банкомъ размежевана въ натурѣ огромная территорiя въ 1,1 мил. десятинъ. Въ этомъ же году межевые расходы составили 1.113 тыс. рублей, а мелiоративные — 641 тыс. рублей, т. е. на десятину пришлось мелiоративныхъ расходовъ 58 копѣекъ. Въ Европѣ на гектаръ (0,9 дес.) падаютъ десятки рублей. У насъ же необходимыхъ гидротехническихъ мелiорацiй и дорожныхъ сооруженiй требуется, конечно, гораздо больше. За три года (1907—9) банкъ вырылъ или только отремонтировалъ 3337 простыхъ колодца, 635 прудовъ и 98 абиссинскихъ и артезiанскихъ колодцевъ—по одному водовмѣстилищу на 25 хозяйствъ. Ясное дѣло, что всѣ прелести хуторскаго хозяйства меркнутъ передъ перспективой ѣздить за водой за десять верстъ.

Итакъ, что же дало пока банковское землеустройство въ технико-хозяйственномъ отношенiи? Оно дало, приблизительно, 45—50 тыс. хуторовъ, 130—140 тыс. отрубовъ, сгруппированныхъ въ поселки, доходящiе до 60—70 дворовъ, и лишь небольшая часть этихъ участковъ оказалась заселенной. Соотвѣтствуютъ ли эти итоги экономической сторонѣ правительственной аграрной программы,—ясно само собой. Мы не старались сгущать краски; мы опирались только на офицiальныя цифры и не касались того, на сколько эти цифры согласованы съ дѣйствительностью; а въ текущей литературѣ уже скопилось не мало фактовъ, доказывающихъ, что офицiозы не прочь эту дѣйствительность прiукрасить...

Какъ мы говорили, политическая сторона правительственной реформы требуетъ «крѣпкихъ и сильныхъ» хуторянъ и отрубниковъ. Этого же требуетъ и слабость казенной помощи на «домообзаводство», которая равняется, въ среднемъ, сотнѣ рублей на дворъ, тогда какъ оборудованiе хозяйствъ на новомъ мѣстѣ стоитъ, по

*) Обзоръ дѣятельности крестьянскаго банка по покупкѣ и продажѣ земель. Стр. 47.

мнѣнію большинства изслѣдователей, не менѣе 300 рублей. Крестьянинъ, заводя хозяйство на новыхъ началахъ, долженъ разсчитывать, главнымъ образомъ, на свои средства и силы и, сверхъ того, долженъ помнить, что ему придется съ первыхъ же лѣтъ выплачивать банковскіе платежи; понятно, что новые хуторяне должны рекрутироваться изъ болѣе зажиточныхъ слоевъ деревни. Такъ выходитъ по апріорнымъ соображеніямъ, а вотъ какъ выходитъ на дѣлѣ:

	Изъ числа купившихъ землю было: Въ 1908—9 гг. (у банка). Единолично	О-вами и тов-вами.	Въ 1907—10 гг. (казенную) Единолично	О-вами и тов-вами.	Среднее распредѣл. хозяевъ въ Европ. Россіи (1905 г.).
Беззем. . . .	28,6	15,8	41,4	3,7	7,0
До 3 дес.	41,8	30,1	29,2	14,4	9,0
„ 3—6	17,7	26,6	18,4	34,4	20,5
„ 6—9	6,5	15,5	7,6	19,2	24,7
„ 9—15	4,0	10,3	2,1	20,3	22,4
Св. 15 дес.	1.4	3,7	1,3	8,0	16,4

Явленіе, вполнѣ аналогичное выходу изъ общины. Тамъ выходятъ преимущественно малоземельные; здѣсь они же, въ компаніи съ большимъ количествомъ совсѣмъ безземельныхъ, фигурируютъ въ качествѣ «крѣпкихъ и сильныхъ» хуторянъ и отрубниковъ—будущей опоры существующаго «правопорядка». Число совсѣмъ безземельныхъ единоличныхъ покупщиковъ вчетверо превосходитъ число безнадѣльныхъ дворовъ въ Россіи; число многоземельныхъ—въ 12 разъ меньше. Считая недостаточнымъ земельное обезпеченіе двора менѣе 6 дес., получимъ, что 88,1% единоличныхъ покупателей банка относятся къ дворамъ съ недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ.

Еще менѣе обезпечены надѣльной землей дворы, переселяющіеся на купленныя земли: въ ихъ средѣ (данныя 1909 г.)—безземельныхъ 34,5%, имѣющихъ до 3-хъ дес.—38,8% т. е. двѣ трети почти совсѣмъ не имѣли земли до покупки. Отсюда видно, что хуторизація, въ дѣйствительности, діаметрально противоположна тенденціямъ правительства; она служитъ не средствомъ «выдѣленія крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ», а является фактически «помощью слабымъ» *), отвергнутой съ такимъ презрѣніемъ министерствомъ Столыпина. Крестьяне, покупающіе обществами или товариществами, вдвое болѣе обезпечены надѣльной землей: хутора и отруба представляютъ изъ себя относительно крупныя площади, ихъ и пріобрѣтаютъ болѣе нуждающіеся въ землѣ. Но послѣ покупки роли мѣняются и единоличные покупа-

*) Въ обзорѣ дѣятельности банка 1906—10 гг. прямо указывается, что въ составѣ покупщиковъ банковской земли находится сравнительно много бывшихъ сельскихъ рабочихъ. Такія же указанія встрѣчаются и у министерскихъ ревизоровъ, напр., по Казанской и Рязанской губ.

тели становятся многоземельнѣе покупателей обществами и товариществами. Большинство единоличныхъ покупателей концентрируется въ группахъ съ 9—25 дес., большинство общественныхъ—3—15 дес. Въ среднемъ, на единоличное хозяйство послѣ покупки приходится 14 дес., а у общественниковъ — 9 дес. Большее количество земли у хуторянъ и отрубниковъ требуетъ, естественно, и большей наличности земледѣльческаго капитала. Однако, хотя абсолютно количество скота у единоличныхъ хозяевъ больше, чѣмъ у общественниковъ, и процентъ безлошадныхъ у нихъ меньше (16), но на единицу площади они менѣе оборудованы живымъ инвентаремъ.

На 100 дес. приходится:

	у единоличныхъ покупателей.	общественныхъ.	у всѣхъ крестьянъ вообще (данныя 1900 г.)
Лошадей и воловъ	13,4	17,6	35,1
Коровъ	10,7	15,9	
Мелкаго скота	34,4	54,1	40,5

Если скота у хуторянъ и отрубниковъ на единицу площади въ полтора раза меньше, чѣмъ у общественниковъ и у всѣхъ крестьянъ вообще, то, стало быть, у нихъ меньше и удобренія, и рабочихъ силъ (скота и людей), т. е. основныхъ элементовъ земледѣльческаго капитала и труда. А вѣдь этимъ хозяйствамъ, прежде чѣмъ приняться за обработку земли, надо затратить сотни рублей на превращеніе въ жилой видъ хуторской усадьбы, для чего приходится часто продавать скотину, а затѣмъ съ остальнымъ капиталомъ умудриться поставить хозяйство сразу на такую высоту, чтобы оно не только покрывало личныя и хозяйственныя потребности, но и давало весьма солидный процентъ на продажу для покрытія платежей банку, доходящихъ, при 15 десятинахъ, до сотни и болѣе рублей въ годъ. На сколько неустойчиво, рискованно положеніе такого хозяйства—видно изъ тѣхъ бюджетовъ, которые приводятся офиціальными органами въ доказательство полной возможности хуторянамъ прожить хорошо и даже накапливать сбереженія. Мы не будемъ излагать ихъ цѣликомъ, скажемъ только, что всѣ они базируются на средней урожайности въ 60—70 пудовъ съ десятины, а лугового сѣна 200 пудовъ съ десятины, при цѣнѣ на рожь 85 коп. за пудъ; если урожай понизится до 30—40 пудовъ, сѣно до 100 пудовъ,—«крѣпкій и сильный» хуторянинъ, лишенный стороннихъ заработковъ, долженъ будетъ выслать свою семью въ деревню побираться подъ окнами общественниковъ. Разгаръ банковскаго землеустройства пришелся на два высоко-урожайныхъ года, совпавшихъ, что бываетъ такъ рѣдко, съ хорошими цѣнами на хлѣбъ. Природа и рынокъ дали хуторскому хозяйству maximum благопріятныхъ условій, но на этотъ maximum пока нельзя разсчитывать, какъ на постоянный факторъ; и только тогда, когда хозяйство новоявленныхъ хуторянъ и отрубниковъ пройдетъ чрезъ

годы тяжелыхъ испытаній, мы увидимъ, на сколько великъ среди этихъ хозяйствъ процентъ дѣйствительно крѣпкихъ, которые не погибнутъ въ этой борьбѣ одинъ на одинъ, безъ той, незамѣнимой хотя и малозамѣтной на первый взглядъ поддержки, которую даетъ общеніе съ себѣ подобными въ деревенской жизни.

Такимъ образомъ, банковскіе отчеты позволяютъ намъ утверждать, что пока ни хозяйственно-экономическая, ни политическая цѣль правительственной аграрной реформы землеустройствомъ на частновладѣльческихъ земляхъ не достигаются: вмѣсто хуторовъ насаждаются на $^3/_4$ отрубные поселки; вмѣсто «крѣпкихъ и сильныхъ» ихъ пріобрѣтаютъ изголодавшіеся въ землѣ сравнительно слабые элементы деревни, а иногда и посторонніе ей люди; на хутора и отруба переселяется меньшая половина покупщиковъ—большая остается въ деревнѣ; переселившіеся, при большихъ расходахъ и малыхъ средствахъ, рискуютъ погибнуть при первыхъ неурожаяхъ. Какъ говорятъ сами хуторяне: «Богъ пошлетъ года два урожая—выживемъ. Будетъ два года кряду неурожай—пропадать не миновать». И нынѣшній годъ будетъ первымъ годомъ тяжелыхъ испытаній для вновь испеченныхъ хуторовъ восточной части Россіи, какъ разъ той части, гдѣ до сихъ поръ землеустроительная дѣятельность была наиболѣе оживленной.

Банковскіе отчеты довольно полны и разносторонни; отчеты землеустроительныхъ коммиссій, дающіе характеристику надѣльнаго землеустройства, крайне общи, туманны, полны пробѣловъ, умолчаній; вообще, они производятъ впечатлѣніе казенной отписки, гдѣ истинное положеніе вещей скрывается подъ шаблонными цвѣтами канцелярскаго краснорѣчія. Землеустройство надѣльныхъ земель, по офиціальнымъ отчетамъ, распадается на единоличное и групповое. Мы не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ. Главное мѣсто въ групповомъ землеустройствѣ занимаетъ размежеваніе общихъ владѣній нѣсколькихъ поселеній—этихъ остатковъ волостной общины, сохранившихся преимущественно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, а затѣмъ разверстаніе чрезполосицы крестьянъ съ помѣщиками, т. е. ликвидація грѣховъ освободительной реформы. Вредъ отъ этой чрезполосицы для крестьянскаго хозяйства общеизвѣстенъ и уничтоженіе ея есть лишь запоздалый актъ справедливости, значеніе котораго всецѣло зависитъ отъ его осуществленія на дѣлѣ. Наиболѣе же культурные виды этого землеустройства—выдѣлъ земли подъ выселки и раздѣлъ земель въ цѣляхъ перехода къ многопольной системѣ полеводства—составляютъ ничтожную величину: изъ 241,6 тыс. хозяйствъ, принявшихъ въ 1907—10 г.г. групповое землеустройство, только 8,7 тыс. относятся къ этимъ двумъ видамъ. Вообще эта форма землеустроительной дѣятельности коммиссій не создаетъ новаго типа землевладѣнія и хозяйства, и при огульности фактическаго матеріала, о ней нельзя сказать ничего ни хорошаго, ни плохого.

Единоличное землеустройство надѣльныхъ земель за 4 года даетъ такія цифры (въ тысячахъ):

	Поступило заявленій.	Принято населеніемъ проектовъ.		На 100 заявленій исполнено и принято населеніемъ
		Дворовъ.	Площадей.	
1907 г.	81,3	8,2	88,9	10,1
1908 г.	194,2	42,1	486,5	21,7
1909 г.	343,0	118,5	1222,5	34,5
1910 г.	344,7	150,3	1459,4	43,6
Итого	963,2	319,1	3207,3	33,1

Съ внѣшней стороны эти цифры указываютъ на быстрый поступательный ростъ единоличнаго землеустройства; къ 1911 г. на надѣльныхъ земляхъ оказалось устроенныхъ хуторами и отрубами 319 тыс. дворовъ—почти вдвое больше, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Какъ умудрились коммиссіи въ такой короткій срокъ произвести такую трудную сложную и отвѣтственную работу,— вслѣдствіе туманности офиціальныхъ отчетовъ, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что, какъ и на банковскихъ земляхъ, на крестьянскихъ надѣлахъ подъ общей рубрикой «единоличнаго» землеустройства скрываются двѣ совершенно различныхъ системы: единоличное хуторское землеустройство и групповое-отрубное. Только что вышедшій въ свѣтъ отчетъ «Землеустройство 1907—10 г.г.» сообщаетъ намъ, что на надѣльныхъ земляхъ практикуется 5 формъ землеустройства: 1) хутора квадратные съ усадьбой посрединѣ, 2) хутора удлиненные, съ усадьбой въ хвостѣ или головѣ участка, 3) хутора, участки которыхъ раскинуты въ нѣсколькихъ мѣстахъ—т. е. хутора, такъ сказать, чрезполосные, 4) отруба, въ которыхъ весь надѣлъ сведенъ въ одно мѣсто, 5) отруба, заключающіе въ одномъ участкѣ только пашню, а всѣ остальныя угодья въ другихъ мѣстахъ. Отчетъ умалчиваетъ, насколько распространена каждая форма землеустройства, но у насъ есть вѣскія основанія думать, что здѣсь преобладаетъ отрубная система въ размѣрахъ гораздо большихъ, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Исходный пунктъ для обоснованія этого предположенія дается вышеуказаннымъ офиціальнымъ отчетомъ, въ которомъ говорится: «устройство отрубныхъ владѣній вмѣсто хуторовъ вызывается очень часто невозможностью обезпечить водоснабженіе отдѣльныхъ участковъ, а слѣдовательно, и перенести туда усадебную осѣдлость, а также и другими, весьма различными причинами, какъ бытового, такъ и хозяйственнаго свойства. Иногда крестьяне не желаютъ покидать своихъ насиженныхъ старыхъ усадебъ, вполнѣ довольствуясь близостью къ полямъ въ $^1/_2$—$1^1/_2$ версты. Въ другихъ случаяхъ, хотя усадьбы и переносятся на новое мѣсто, но крестьяне не соглашаются селиться каждый порознь и предпочитаютъ образовывать небольшое поселеніе» (стр. 42). «При неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности,

напр., при необезпеченности ея водою, образованіе хуторовъ дѣлается невозможнымъ и наиболѣе совершеннымъ является разверстаніе на отруба, нарѣзанные немногочисленными группами въ непосредственной близости къ усадьбамъ, располагаемымъ небольшими поселками на мѣстахъ, вполнѣ обезпеченныхъ водою» (стр. 31).

Такимъ образомъ, главное техническое препятствіе устройству хуторовъ—отсутствіе воды; второе—расположеніе угодій: «вспомогательныя угодья—лѣсъ, луга и пр.—бываютъ расположены, обычно, на краю надѣла, или даже совершенно отдѣльно отъ пахотныхъ угодій».

Выше мы видѣли, что въ районахъ засушливыхъ—въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ—даже на банковскихъ земляхъ $^5/_6$ участковъ нарѣзаются отрубами. Надѣлы гораздо болѣе, чѣмъ помѣщичьи имѣнія, обездолены природой при освобожденіи: тутъ и водныхъ источниковъ меньше и угодья не такъ разнообразны. На крестьянскихъ надѣлахъ, по даннымъ 1887 г., пашни 60,5%, на помѣщичьихъ земляхъ—только 37%.

А между тѣмъ, надѣльное землеустройство проявляется наиболѣе интенсивно въ черноземныхъ районахъ, съ ихъ сухимъ климатомъ и безводными степями.

(1907—1910 г.г.)

Приходилось на области:	Изъ 100 поданныхъ объ единоличномъ землеустройствѣ заявленій.	Изъ 100 приведеныхъ въ исполненіе и принятыхъ крестьянами проектовъ. Дворовъ.	Изъ 100 приведеныхъ въ исполненіе и принятыхъ крестьянами проектовъ. Десятинъ.
Сѣверъ, сѣв.-востокъ	1,9	0,5	0,8
Пріозерный, Московскій р.	13,8	12,1	11,1
Землед. центръ, среднее Поволжье . . .	19,9	17,6	14,4
Новороссія, Нижнее Поволжье	29,9	31,6	42,1
Малороссія, юго-западъ	20,5	22,0	13,4
Бѣлоруссія, Литва . .	14,0	16,2	18,2

Почти $^3/_4$ (71,2%) землеустроенныхъ надѣловъ приходятся на земледѣльческій центръ, югъ, юго-западъ и юго-востокъ. При такихъ условіяхъ, преобладаніе отрубовъ надъ хуторами неизбѣжно, ибо у землемѣровъ нѣтъ въ рукахъ жезла Моисея, исторгающаго воду изъ скалъ и сухой земли.

Далѣе, коммиссіи отдаютъ преимущество разверстаніямъ цѣлыхъ селъ. «Въ отношеніи порядка выполненія работъ, при недостаточности землемѣрныхъ силъ, первое мѣсто отводится разверстаніямъ сельскихъ о-въ на хутора или отруба, или выдѣламъ надѣльной земли въ единоличную собственность значительнымъ группамъ домохозяевъ; выдѣлы же единоличныхъ крестьянъ относятся къ пер-

вой очереди лишь въ случаѣ показательнаго ихъ значенія» (стр. 33). Такихъ выдѣловъ произведено лишь 69 тыс.—пятая часть всѣхъ разверстаній. Остальная масса представляетъ изъ себя разверстаніе общинныхъ и подворныхъ селъ въ полномъ составѣ, при чемъ разверставшіяся села были довольно крупныхъ размѣровъ: на одну разверстанную общинную деревню приходится, въ среднемъ, 47 дворовъ и 492 дес. Итоговыя среднія получаются изъ суммированія весьма разнородныхъ поселеній: и небольшихъ поселковъ въ 5—10 дворовъ на сѣверо западѣ, и такихъ селъ-городовъ, какъ Покровская слобода Самарской губ., въ 40 тыс. душъ. Разверстать крупныя села на хутора, когда на ихъ надѣльной землѣ цѣлыя версты заняты сплошь однимъ угодьемъ, а за водой хуторянину окраиннаго участка придется ѣздить чуть ли не цѣлыя сутки,—такъ же легко, какъ разрѣшить задачу квадратуры круга. Понятно, это сплошное размежеваніе болѣе или менѣе крупныхъ селъ фактически приводитъ не къ единоличному, а къ групповому разселенію—въ лучшемъ случаѣ, съ проведеніемъ отрубной системы въ чистомъ видѣ и къ образованію изъ одной деревни нѣсколькихъ поселковъ въ 10—15 дворовъ, въ худшемъ—съ нарѣзкой каждаго надѣла въ 5—6 мѣстахъ и образованіемъ болѣе крупныхъ поселеній, т. е., въ сущности—къ коммассаціи чрезполосицы (неполному складыванію полосъ). По даннымъ о количествѣ выданныхъ ссудъ, мы можемъ установить, что не только разселеніе на хутора, но и образованіе небольшихъ отрубныхъ поселковъ подвигается весьма туго. Къ 1911 г. ссудъ на землеустройство вообще было выдано крестьянамъ и на банковскихъ, и на надѣльныхъ, и на казенныхъ земляхъ—9230 тыс. рублей на 118 тыс. дворовъ. Три четверти дворовъ (по свѣд. 1909 г.)—приблизительно, 90 тыс.—получили ссуды на «домообзаводство», связанное съ переносомъ усадьбы на новыя мѣста. Почти каждый крестьянинъ, переселяющійся на землеустроенный участокъ, получаетъ такую ссуду и, слѣдовательно, по числу этихъ ссудъ можно судить о числѣ крестьянъ, дѣйствительно перешедшихъ къ хозяйству новаго типа. На банковскихъ земляхъ число переселенцевъ-хуторянъ и отрубниковъ равняется 45—50 тысячамъ; значитъ, число крестьянъ, получившихъ ссуды для устройства на хуторахъ и отрубахъ, выдѣленныхъ изъ надѣльныхъ земель, не должно превышать 40—45 тыс. Большинство этихъ ссудъ выдано, вѣроятно, настящимъ хуторянамъ, но и отрубникамъ досталась нѣкоторая часть, такъ что, въ дѣйствительности, число хуторянъ, заслуживающихъ такого названія, т. е. переселившихся или серьезно намѣренныхъ переселиться, судя по количеству ссудъ, вѣроятно, составляетъ менѣе восьмой части всѣхъ дворовъ, устроенныхъ «единолично».

Послѣднее доказательство преобладанія отрубовъ на надѣльной землѣ—небольшіе, сравнительно, размѣры землеустроенныхъ хозяйствъ: въ среднемъ, на дворъ приходится 10,5 дес.—площадь,

почти совпадающая съ площадью средняго крестьянскаго надѣла по всей Россіи, что объясняется преобладающей разверсткой цѣлыхъ селеній. Эта площадь, мало достаточная для деревенскаго хозяйства, при условіяхъ общности пользованія нѣкоторыми угодьями и при существованіи стороннихъ заработковъ, совершенно недостаточна для хуторянина, который долженъ имѣть отдѣльно полный комплектъ нужныхъ угодій и весь свой бюджетъ строить только на доходахъ отъ сельскаго хозяйства. Банковскіе хутора въ 1910 г., не считая общихъ пользованій, нарѣзались по 14,8 дес., въ среднемъ, отруба—12,7 дес. Такъ какъ средняя величина землеустроеннаго надѣльнаго участка меньше не только банковскаго хутора, но и отруба, то отсюда можно заключить, что хуторская система на надѣльныхъ земляхъ еще менѣе распространена, чѣмъ на банковскихъ.

Всѣ эти доводы приводятъ насъ къ убѣжденію, что на надѣльныхъ земляхъ еще сильнѣе, чѣмъ на банковскихъ, преобладаетъ, фактически, не единоличное, а групповое землеустройство, связанное лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ съ переселеніемъ на новыя мѣста, т. е. съ окончательнымъ расторженіемъ связи со старымъ деревенскимъ укладомъ. Вѣроятнѣе всего, что наиболѣе распространена такая картина: крестьянинъ остается въ деревнѣ, а его надѣлъ, сведенный въ одинъ или нѣсколько отрубовъ, лежитъ отъ двора, можетъ быть, на разстояніи 2—3 верстъ. Если у него есть купленная черезъ банкъ земля,—а она есть теперь у милліоновъ,—то она отрѣзана, опять таки, въ другомъ мѣстѣ. Въ третьемъ—пріютилась десятина-другая арендованной пашни... Чѣмъ лучше этотъ конгломератъ клочковъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, современной общинной чрезполосицы? Иногда, наоборотъ, это новое землеустройство способно отбросить крестьянъ къ эпохѣ переложнаго земледѣлія и «отъѣзжихъ» пашень, разбросанныхъ клочками по территоріи волостныхъ общинъ въ средніе вѣка. Представимъ себѣ еще послѣдствія мобилизаціи земель, купли-продажи отрубовъ по частямъ, аренды-сдачи, дробленія при переходахъ по наслѣдству: очевидно, такое землеустройство не можетъ повысить ни производительности земли, ни производительности труда и недолго будетъ радовать начальственныя сердца.

Перейдутъ ли хотя бы всѣ землеустроенные дворы на новыя мѣста зависитъ, во 1-хъ, отъ того, на сколько удобно нарѣзаны новые участки, а во вторыхъ—отъ правительственной и земской помощи. На банковскія земли переходятъ, почти исключительно, малоземельные бѣдняки; въ разверстаніи надѣловъ участвуютъ, несомнѣнно, всѣ слои деревни, такъ какъ деревни разверстываются цѣликомъ. Вслѣдствіе того, что въ деревняхъ вообще преобладаютъ средніе слои, обычно еле сводящіе концы съ концами и капиталовъ, необходимыхъ даже для переноса усадебъ, не на-

копившіе,—имъ такъ же, какъ и банковскимъ покупщикамъ, необходимы ссуды на переселеніе. Правительство признаетъ нормальной ссуду въ 150 руб. на дворъ. Чтобы всѣ 505 тыс. «единоличныхъ» хуторянъ и отрубниковъ дѣйствительно могли стать таковыми, на «домообзаводство» имъ нужно отпустить 75 милл. рублей, а чтобы всѣ 15 мил. дворовъ въ Европѣ и Азіи разселились по своимъ надѣламъ и купчимъ землямъ, потребуется кругленькая сумма въ $2^1/_2$ милліарда. И эта сумма окупаетъ не болѣе половины затратъ лишь на переустройство усадебъ, опредѣляемыхъ большинствомъ изслѣдователей minimum въ 300 руб. на дворъ. Но одинъ переносъ усадебъ еще ничего не дастъ; правительству и земству не отвертѣться отъ возрастающихъ въ геометрической прогрессіи расходовъ по агрономической помощи населенію, организаціи кредита, гидротехническимъ и дорожнымъ сооруженіемъ.

Самъ П. А. Столыпинъ въ своей запискѣ признаетъ, что «землеустройство само по себѣ—только средство, только ступень. Оно даетъ возможность производительнаго труда,—но и только одну возможность». А между тѣмъ, «къ организаціи агрономической помощи только что приступлено и при томъ въ скромныхъ размѣрахъ», выражающихся въ затратахъ 2 мил. рублей въ 1910 г. и 4 милліоновъ—въ 1911 г. Съ другой стороны, «при настоящихъ условіяхъ владѣльцами отрубовъ и хуторовъ почти безъ исключенія являются крестьяне, не обладающіе достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ для какихъ либо улучшеній въ хозяйствѣ: оно ведется у нихъ все *тѣми же первобытными пріемами*» (курсивъ нашъ. Н. О.). Нуженъ кредитъ, и опять таки кредитъ многомилліонный.

Намъ нечего прибавлять къ этимъ краснорѣчивымъ признаніямъ: чѣмъ шире развертывается землеустроительная эпопея, тѣмъ все яснѣе становится, какую огромную ношу взвалило на себя правительство и какъ быстро наростаетъ тяжесть этой ноши. Но пока оно не чувствуетъ этой тяжести и, отдѣлываясь грошами при созиданіи труднѣйшихъ формъ землеустройства, тѣшитъ себя громадными цифрами, даже гордится тѣмъ, что въ Россіи дѣло спорится вдесятеро быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, и насмѣхается надъ нѣмецкой щепетильностью. Между тѣмъ искренно относящіеся къ дѣлу землеустроители сознаются въ необходимости взвѣшивать, обдумывать каждый шагъ въ этой необычайно сложной работѣ творчества новыхъ хозяйственныхъ организмовъ. «Неся на себѣ трудъ внутри - надѣльнаго землеустройства, говорятъ харьковскіе землеустроители, съ его чрезвычайными трудностями, неизбѣжно убѣждаешься, что здѣсь работать форсированно, спѣшно, работать на показъ—грѣшно и невозможно». Громадныя цифры землеустроенныхъ хозяйствъ, при ничтожныхъ затратахъ, показываютъ, что работа ведется именно «грѣшно и невозможно», на показъ своему начальству, а что за этимъ показомъ скрывается—начальство пря-

четъ отъ насъ; но пройдетъ, быть можетъ, не болѣе 2—3 лѣтъ—и все тайное станетъ явнымъ.

V.

Выводы.

Организованный правящей властью земельный переворотъ имѣетъ главной цѣлью на развалинахъ общины создать политически-консервативный, экономически-сильный и хозяйственно-прогрессивный классъ мелко-буржуазныхъ собственниковъ-хуторянъ. Дѣятельность правительства слагается изъ двухъ актовъ: акта разрушенія старыхъ порядковъ землепользованія и акта созиданія новыхъ формъ крестьянскаго хозяйства. Въ своихъ «Очеркахъ по исторіи земельныхъ отношеній въ России» мы отмѣтили разницу въ степени осуществимости актовъ разрушающихъ, и актовъ созидающихъ извѣстныя экономическія отношенія. «Достаточно сильная государственная власть въ состояніи разрушить, уничтожить какой-либо изъ элементовъ въ этихъ отношеніяхъ, но она не можетъ его создать, не опираясь на реальныя условія экономической жизни: вопреки этимъ условіямъ, власть не можетъ создать ничего, кромѣ пустыхъ предписаній, которыя такъ и останутся на бумагѣ» *). И, дѣйствительно, «землеразстройство»—разрушеніе общины, какъ показываютъ вышеизложенные факты, дало наибольшіе результаты: полтора милліона уже укрѣпившихся дворовъ и свыше двухъ милліоновъ заявленій о выдѣлѣ. Однако, при всей своей грандіозности, результаты эти далеко не оправдываютъ разсчетовъ правительства. Оно разсчитывало, что изъ общины выйдутъ въ первую голову «крѣпкіе и сильные», многоземельные хозяева, а на самомъ дѣлѣ уходятъ слабые малоземельные слои, которые не имѣли глубокихъ корней въ деревнѣ и которые большую часть средствъ существованія добывали не земледѣліемъ, а сторонними заработками. Оно разсчитывало, что община, являясь тормазомъ сельско-хозяйственнаго прогресса, заставитъ пойти на выдѣлъ крестьянство болѣе интенсивныхъ районовъ, — въ дѣйствительности, великорусская община разрушается на экстенсивномъ югѣ и юго-востокѣ,—тамъ, гдѣ она не могла укрѣпиться вслѣдствіе кратковременности своего существованія, гдѣ крестьяне еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, осѣсть и гдѣ въ массѣ сильнѣе бродячіе инстинкты. Правда, вліяніе закона 9-го ноября, начиная съ юго-восточнаго угла, распространяется концентрическими кругами вглубь страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ интенсивность стремленія къ выдѣлу, и вездѣ этому закону идутъ навстрѣчу захудалые, неустойчивые элементы деревни. Очевидно, разрушеніе общины развиваетъ соціальную

*) См. „Закономѣрность аграрной эволюціи“, т. II, стр. 330.

дифференціацію: полупролетарскія хозяйства смѣшаннаго земледѣльческо-промысловаго типа превращаются въ чисто-пролетарскія, городъ порываетъ связи съ деревней, деревня обособляется отъ города, становится болѣе однороднымъ по своему составу конгломератомъ чисто земледѣльческихъ хозяйствъ.

Но соціальная дифференціація—не главный результатъ закона 9-го ноября: разрушеніе общины происходитъ преимущественно въ земледѣльческихъ областяхъ; вообще, наша промышленность не на столько сильна, чтобы дать заработокъ сразу милліонамъ новыхъ рабочихъ, и надо полагать, что большинство малоземельныхъ «укрѣпленцевъ» имѣетъ своей цѣлью найти въ другихъ мѣстахъ достаточное количество земли для самостоятельнаго хозяйства. Они составляютъ главные кадры переселенцевъ, они же являются первыми покупателями банковскихъ хуторовъ и отрубовъ. Свобода выхода изъ общины усиливаетъ передвиженіе крестьянъ по лицу земли русской и могла бы, хотя отчасти, привести къ удовлетворенію земельной нужды, если бы правительственная политика устремила свое вниманіе на эту сторону. Но, собираясь пустить въ продажу сибирскій казенный фондъ, наваливая на бѣдныхъ хуторянъ и отрубниковъ тяжелые платежи, правительство разбиваетъ мечты изголодавшихся по землѣ выходцевъ изъ общины и несомнѣнно породитъ въ ближайшемъ будущемъ не только пролетаризацію, но и пауперизацію многихъ изъ этихъ «рисковыхъ» людей. Съ другой стороны, оставшіеся въ общинѣ не могутъ воспользоваться освободившимися надѣлами, потому что, не имѣя наличныхъ денежныхъ средствъ, рядовые крестьяне не въ состояніи пріобрѣсти эти надѣлы, и ихъ расхватываютъ деревенскіе кулаки, разсчитывая на тройные барыши при сдачѣ въ аренду.

Такимъ образомъ, разрушеніе общины до сихъ поръ не давало удовлетворенія ни правительству, ни самимъ крестьянамъ, какъ выдѣляющимся, такъ и остающимся въ общинѣ: правительству—потому, что оно вовсе не способствовало созданію крѣпкаго и сильнаго класса самостоятельныхъ производителей, крестьянамъ—потому, что мобилизуемый земельный фондъ или попадаетъ въ руки нуждающихся въ землѣ на условіяхъ, способствующихъ большему раззоренію и безъ того захудалыхъ хозяйствъ, или проходитъ мимо нихъ, переходя въ собственность земельныхъ эксплуататоровъ.

Законъ 9-го ноября пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія: захвативъ малоземельные, неустойчивые слои и районы съ неокрѣпшимъ общиннымъ механизмомъ, волны выдѣла стали затихать. Пойдетъ-ли дальше разрушеніе общины, затронетъ ли оно крѣпкія жизнеспособныя общины центра и средніе слои крестьянъ, живущихъ преимущественно земледѣліемъ?.. Исторія показываетъ, что разрушеніе сложившихся хозяйственно-экономическихъ отношеній иногда удавалось правительству, и, во всякомъ случаѣ, дав-

леніе сверху, особенно въ моменты хозяйственнаго перелома, можетъ дать весьма осязательные результаты. Законъ 14-го іюня уничтожилъ однимъ почеркомъ пера возможность возрожденія общинъ не только съ замершимъ передѣльнымъ механизмомъ, но и тѣхъ, гдѣ онъ началъ уже работать въ видѣ частныхъ свалокъ-навалокъ. Такихъ общинъ и офиціальные матеріалы, и извѣстный знатокъ этого вопроса К. Р. Качоровскій насчитываютъ около половины, но такъ какъ это, преимущественно, небольшія общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то обнимаютъ онѣ, по разсчетамъ К. Р. Качоровскаго, всего 29,3% населенія и 27,3% земли. Часть этихъ мертвыхъ или полуживыхъ общинъ, вѣроятно, уже разложилась подъ вліяніемъ закона 9-го ноября, остальная часть можетъ погибнуть отъ закона 14-го іюня. Останутся общины, жизнедѣятельность которыхъ будетъ признана не только объективными изслѣдователями, но и административной властью. Ихъ дальнѣйшая судьба, конечно, сильно зависитъ отъ грядущихъ политическихъ факторовъ, но появленіе этихъ факторовъ на исторической сценѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, предугадать нельзя, поэтому мы не вправѣ строить на нихъ какихъ-либо предположеній. Другое дѣло—смѣна хозяйственныхъ формъ; неизбѣжность перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія теперь уже общепризнана, и съ этой стороны дальнѣйшее существованіе нашей передѣльной общины зависитъ отъ того, на сколько она сумѣетъ приспособиться къ новымъ запросамъ сельскаго хозяйства.

При интенсификаціи земледѣлія, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь, «право затраченнаго личнаго труда». Главнымъ мотивомъ противниковъ общины изъ крестьянской среды «является именно мотивъ спокойнаго труда и возможности улучшеній для отдѣльныхъ хозяевъ на ихъ участкахъ безъ боязни, что послѣдніе будутъ при передѣлѣ отобраны другими, т. е. желаніе именно полнаго и чистаго осуществленія права затраченнаго труда» *).

Борьба между сторонниками и противниками общины на идейной почвѣ сводится къ борьбѣ соціальнаго стимула «права на трудъ» съ индивидуалистическимъ «правомъ труда»—требованіемъ, чтобы каждому хозяину были оплачены всѣ затраты, весь трудъ, вложенный имъ въ тотъ участокъ, которымъ онъ пользуется въ данный моментъ. Переходъ къ интенсивному хозяйству, при которомъ затраты на улучшеніе плодородія почвы увеличиваются въ нѣсколько разъ, a priori долженъ соотвѣтственно повысить притязанія личнаго труда. «На сколько плугъ беретъ глубже сохи, на столько глубже укореняется и личное право; аргументъ «сколько я пота пролилъ»—уступаетъ передъ аргументомъ «сколько я на-

*) К. Р. Качоровскій „Народное право“, стр. 152.

воза ввалилъ» *). Но почему же, какъ мы видѣли, какъ разъ въ районахъ, идущихъ впереди другихъ по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, гдѣ плугъ повсюду вытѣснилъ соху, гдѣ всѣ хозяева навозятъ свои полосы, община не распадается не только подъ вліяніемъ интенсификаціи, но и крѣпче другихъ устояла передъ натискомъ закона 9-го ноября? Потому что личное право труда наиболѣе опасно для общинныхъ принциповъ только тогда когда въ массахъ хозяйствъ еще не назрѣла способность обработки земли: тогда, дѣйствительно, отдѣльные крестьяне, идущіе впереди своихъ сосѣдей, воздерживаются отъ усиленныхъ затратъ своей земли и негодуютъ, что ихъ хорошо удобренные загоны не даютъ имъ настоящаго плода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы произвели подсчетъ числа хозяевъ, удобряющихъ землю въ Воронежской губ., въ передѣльныхъ и безпередѣльныхъ общинахъ: въ первыхъ такихъ хозяевъ оказалось 9,6%, во вторыхъ—14,1% **). Но сельско-хозяйственная исторія создается не единицами, а массами. И въ средѣ частныхъ владѣльцевъ были помѣщики, сто лѣтъ тому назадъ вводившіе многопольные сѣвообороты, однако и по-сейчасъ въ большинствѣ имѣній господствуетъ трехполье. Сельско-хозяйственная эволюція менѣе всего зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ: главнымъ двигателемъ ея является такой универсальный факторъ, какъ ростъ населенія, отражающійся такъ или иначе на всѣхъ хозяйствахъ данной мѣстности и побуждающій ихъ добывать съ единицы площади возрастающее количество продуктовъ. И при такой, творимой всѣмъ «скопомъ» эволюціи, готовая коллективность общины оказываетъ ей большія услуги, подталкивая отсталыхъ. Выдѣлъ изъ общины малоземельныхъ упалыхъ хозяйствъ дѣлаетъ болѣе однородными въ хозяйственномъ отношеніи оставшіеся дворы и побудитъ ихъ, какъ это наблюдается уже теперь, къ массовымъ улучшеніямъ. Тѣмъ не менѣе, надо предвидѣть, что вопросъ о личномъ правѣ труда при интенсификаціи будетъ возникать все чаще въ уцѣлѣвшихъ общинахъ и, для сохраненія передѣльнаго механизма, потребуется широкое проведеніе принципа качественнаго уравненія, т. е. добавочнаго вознагражденія за лучше обработанные и удобренные участки.

Второе затрудненіе, съ которымъ должна будетъ сладить община, возникаетъ отъ необходимости въ трансформаціи типа поселеній и въ уничтоженіи вредной чрезполосицы. Если при выдѣлѣ изъ общины отдѣльныхъ хозяйствъ преобладаютъ малоземельные, то въ разверстаніи на хутора и отруба участвуютъ,

*) Ibidem, стр. 153.

**) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что передѣльныя общины Ворон. губ. втрое крупнѣе безпередѣльныхъ (въ среднемъ у первыхъ на 1 общину приходится 249 дворовъ, а у вторыхъ—82 дв.). Въ крупныхъ общинахъ, въ силу дальнеземелья, удобреніе примѣняется рѣже.

преимущественно, цѣлыя села. Грядущая интенсификація все настойчивѣе будетъ требовать приближенія земли къ крестьянину и, при расселеніи большихъ селъ, при складываніи полосъ, неполномъ и полномъ—вплоть до отрубовъ, передѣльный механизмъ, чтобы уцѣлѣть, долженъ обнаружить большую гибкость и изобрѣтательность. Начавшійся въ болѣе культурныхъ районахъ переходъ на широкія полосы показываетъ, что сохраненіе общиннаго принципа, при переходѣ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, вполнѣ возможно; но нельзя отрицать и тотъ фактъ, что до сихъ поръ живыя общины оказывались, главнымъ образомъ, въ крупныхъ поселеніяхъ, а въ значительной части мелкихъ деревень господствовала мертвая ревизско-наслѣдственная разверстка.

Итакъ, сохраненіе уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ общинъ зависитъ отъ двухъ условій: отъ той или иной политической коньюнктуры и отъ степени приспособляемости общиннаго уклада къ требованіямъ интенсивной агрикультуры. Мы не отрицаемъ разрушительной силы централизованной бюрократіи, но все-таки болѣе существеннымъ, какъ постоянный и при томъ все усиливающійся факторъ, мы признаемъ второе условіе. Разъ сохранится деревенская форма поселеній, община, если она жизнеспособна, т. е. необходима для крестьянскихъ массъ, можетъ возродиться и въ отрубныхъ поселкахъ. Дальнѣйшее размноженіе населенія придастъ новую силу соціальному принципу «права на трудъ», тѣмъ болѣе, что приростъ сельскихъ жителей у насъ долго будетъ находиться въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Европѣ сельское населеніе убываетъ: весь приростъ перетекаетъ въ города и за океанъ, или, какъ во Франціи, мужикъ сознательно сокращаетъ свое потомство. Нѣтъ основаній думать, что въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ, произойдетъ что либо подобное; а наростающія поколѣнія земледѣльцевъ скоро потребуютъ у породившихъ ихъ старшихъ права на жизнь, неразрывно связаннаго съ правомъ на землю. Главное значеніе современной общины въ томъ, что она является страховымъ союзомъ для обезпеченія землей приростающаго населенія; въ Европѣ прироста нѣтъ—тамъ и надобности въ такомъ союзѣ не ощущается. У насъ же неизбѣжный и многомилліонный приростъ еще не разъ станетъ грозой для принципа «священной» частной собственности на землю во всѣхъ ея видахъ.

Но все-таки мы допускаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ община, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ районахъ, не сумѣетъ сладить съ давленіемъ сверху и снизу и не доживетъ до лучшихъ дней. Вспышки общинныхъ традицій, конечно, еще долго будутъ проявляться въ разныхъ мѣстахъ, правовое творчество свободнаго народа, можетъ быть, сумѣетъ претворить ихъ въ болѣе высокія формы общежитія, но сейчасъ индивидуалистическія тенденціи въ крестьянствѣ еще сильны, личная земельная собственность для

многихъ имѣетъ большую притягательную силу и въ этомъ отношенiи существующее правительство сможетъ добиться максимальныхъ успѣховъ.

Но формы собственности еще не предрѣшаютъ хозяйственныхъ формъ, и разрушенiе общины составляетъ только одинъ параграфъ правительственной аграрной программы. Въ связи со своими политическими тенденцiями, современная власть стремится разрушить не только общину, но и деревню, разселить миллiоны крестьянъ всей Россiи по хуторамъ, и мы говорили вначалѣ, что если оно не осуществитъ этой задачи—вся, такъ хитро задуманная комбинацiя развалится, какъ карточный домикъ.

Но создавать, творить новыя и при томъ жизнеспособныя формы хозяйства—задача совсѣмъ иного рода, чѣмъ разрушать коллективныя формы земельной собственности въ подходящiй историческiй моментъ. Законъ 9-го ноября упалъ на психически подавленную массу, пламенныя упованiя которой были разбиты вдребезги промчавшейся бурей, соцiальные инстинкты заглохли—наружу выступили грубыя эгоистическiя поползновенiя. Использовать эти поползновенiя, подловить малоземельныхъ крестьянъ на стремленiи какъ-нибудь измѣнить свою судьбу,—«хоть гирше, да инше»—было не такъ ужъ трудно. Но творчество новыхъ хозяйственныхъ формъ зависитъ не только отъ людей, а еще больше отъ природы страны, требуетъ совсѣмъ иныхъ исполнителей, чѣмъ тѣ, которыхъ могутъ дать бюрократическiе кадры, медленной упорной работы нѣсколькихъ поколѣнiй и огромныхъ матерiальныхъ затратъ. Хуторизацiя въ Россiи, по крайней мѣрѣ, теперь, въ большомъ масштабѣ, неосуществима.

Во 1-хъ, потому, что въ большинствѣ районовъ *) негдѣ достать

---

*) Изъ этого положенiя мы исключаемъ сѣверо-западные районы, гдѣ еще до 1906 г. проявилось естественное движенiе на хутора. Тамъ хуторская система не только возможна, но и полезна въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ. До сихъ поръ тамъ культивирована еще небольшая часть всей площади, остальная пропадаетъ въ разныхъ пустошахъ: подъ лѣсомъ, кустарникомъ, болотнымъ лугомъ. Изслѣдованiе псковскихъ хуторовъ показываетъ, что хуторяне прежде всего принимаются за мелiорацiю такихъ пустошей. Впрочемъ, изслѣдователи утверждаютъ, что и общинники, получивъ въ надѣлъ заросли и болотные луга, съ такимъ же успѣхомъ превратили бы ихъ въ пашни и сѣнокосы. «Въ надѣлѣ эти земли лежали безплодными только потому, что были отведены въ видѣ слишкомъ отдаленныхъ участковъ или поддачъ», т. е. здѣсь главную роль сыграла не форма землеустройства, а приближенiе земли къ крестьянину. Для всей черноземной Россiи, гдѣ земли, которыя могли давать какой либо урожай, распаханы вдоль и поперекъ, а неудобными считаются только дѣйствительно никуда негодные солонцы и пески, необходимо не осушенiе, а орошенiе: поставить дѣло орошенiя на правильную почву не по силамъ отдѣльнымъ хуторянамъ—оно доступно только крупнымъ коллективнымъ организацiямъ: правительству, земству или такимъ могучимъ кооперативамъ, о которыхъ мы пока не смѣемъ мечтать. Хуторизацiя же не облегчитъ, а затруднитъ рацiональную постановку орошенiя.

воды, невозможно распланировать всѣ угодья съ удобствомъ для хуторянъ, т. е. природа ставитъ ей непреодолимыя преграды.

Во 2-хъ, потому, что хутора возможны лишь при многоземельи (въ особенности, въ засушливыхъ районахъ)—для милліоновъ хуторовъ потребуется десятки милліоновъ десятинъ добавочнаго фонда; откуда ихъ возьметъ нынѣшнее министерство, мечтающее не только сохранить, но и пріумножить помѣстное дворянство, насадивши его въ сибирской тайгѣ?

Въ 3-хъ, раціональная хуторизація требуетъ милліардныхъ расходовъ со стороны правительства и народа, на которые ни правительство, ни народъ пойти не могутъ.

Въ 4-хъ, устойчивое хуторское хозяйство базируется на культурности и состоятельности населенія—наши крестьяне невѣжественны и бѣдны.

Въ 5-хъ, та самая частная собственность, которая культивируется такъ усиленно, поставитъ рядъ своего рода проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ, въ которыя уже начали попадать хуторяне вмѣстѣ съ землеустроителями *).

Неосуществимость этой затѣи, за которую могли приняться только ослѣпленные самовластіемъ, переоцѣнившіе свои силы люди, вознесенные капризомъ исторіи на одинъ моментъ вверхъ, станетъ совершенно очевидной, если сравнить цифры, характеризующія успѣхи разныхъ сторонъ аграрной реформы до 1911 г. Вышло изъ общины полтора милліона, «землеустроилось»—полмилліона, а поселилось не только на хутора, но и на отруба не болѣе 90 тыс., да и съ тѣми творится что-то неладное, и недаромъ правительство такъ долго не опубликовываетъ результатовъ изслѣдованія хуторовъ въ 28 губерніяхъ. Чтобы только удесятерить эту послѣднюю цифру, понадобится со стороны правительства 150 милліоновъ на одно «домообзаводство», не считая агрономической помощи, кредита, гидротехники, да столько же отъ самихъ крестьянъ, да на покупку нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ еще больше.

Уступая перечисленнымъ и другимъ препятствіямъ, встрѣчающимся на каждомъ шагу, землеустройство на мѣстахъ, въ большинствѣ мѣстностей, создаетъ не хуторскую систему, а въ лучшемъ случаѣ—групповую, поселковую систему отрубовъ. На самомъ дѣлѣ и отрубные поселки пока существуютъ, главнымъ образомъ, на бумагѣ, такъ какъ болѣе $^5/_6$ землеустроенныхъ крестьянъ еще не выселилось на новыя мѣста.

Такимъ образомъ, насажденіе той формы землеустройства, которую избрало наше правительство, идетъ пока очень туго; еще меньшій успѣхъ ожидаетъ попытку ускорить, на почвѣ этого землеустройства, прогрессъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Даже въ

*) Примѣръ—исторія смоленскихъ хуторовъ, разсказанная г. Петрищевымъ въ апрѣльскомъ № «Русск. Бог.».

Германіи, гдѣ всѣ условія для этого прогресса были гораздо болѣе благопріятными, удвоенія урожаевъ удалось достигнуть лишь въ теченіе столѣтняго промежутка: ясно, на сколько утопична мечта однимъ махомъ, «въ предѣлахъ одного министерства», добиться подобныхъ результатовъ съ нашими ничтожными средствами.

Если бы правительство смогло отказаться отъ хуторизаціи, если бы групповая система разселенія сконцентрировала на себѣ все вниманіе достаточно опытныхъ землемѣровъ, то она могла бы дать достаточно прочный базисъ для коренныхъ хозяйственныхъ улучшеній. Представимъ себѣ поселокъ въ 30—40 дворовъ съ площадью въ 300—400 десятинъ. Если эта площадь имѣетъ квадратную форму и усадьбы расположены посрединѣ, то до дальняго конца поля будетъ не болѣе версты—разстояніе, доводящее до необходимаго minimum'а непродуктивныя затраты на передвиженіе и транспортъ тяжестей. Главное условіе, необходимое для интенсификаціи хозяйства, будетъ соблюдено. Соблюдено и другое условіе—достаточная ширина участковъ, допускающая продольную и поперечную вспашку. Организація такого поселка, сравнительно съ хуторами, въ десятки разъ сокращаетъ расходы на гидротехнику и дорожную сѣть. Тутъ возможны и болѣе сложныя меліораціи и примѣненіе самыхъ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—плуговъ съ механическими двигателями и паровыхъ молотилокъ.

Съ экономической стороны, такой поселокъ обезпечиваетъ развитіе коопераціи всякаго рода, съ культурной—приближаетъ школу къ дѣтямъ. Наконецъ, при болѣе высокомъ культурномъ развитіи, при сплоченности всѣхъ членовъ общества, здѣсь можетъ найти подходящую почву та или иная форма производительной коопераціи. Земледѣльческія артели—тотъ идеалъ, къ которому все ускоряющимся шагомъ приближается трудовое крестьянство культурныхъ странъ, гораздо легче привьются въ такихъ небольшихъ поселкахъ, чѣмъ въ крупныхъ селахъ, гдѣ и техническія условія не соотвѣтствуютъ требованіямъ интенсивнаго хозяйства, и экономическая разслоенность сильнѣе, и больше всякихъ дрязгъ, несогласій, ссоръ, иногда раскалывающихъ концы села на двѣ враждебныя партіи.

Хуторская система возможна только на сѣверо-западѣ; отрубная, конечно, тоже осуществима и полезна далеко не во всѣхъ мѣстахъ; тамъ, гдѣ ни хутора, ни отруба не нужны, гдѣ села не слишкомъ велики и длинноземелье не очень ощутительно,—тамъ было бы достаточно простой сверстки полосъ. Но такая землеустроительная политика, которая была бы болѣе раціональной съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, противорѣчитъ цѣлямъ правительства, стремящагося не къ сплоченію, а къ разъединенію крестьянской массы, памятуя принципъ «раздѣляй и властвуй». Правительство убѣждено, что только у изолированныхъ хуторянъ можетъ глубоко вкорениться принципъ частной собственности,

вражда къ деревенской массѣ и смиренная покорность передъ власть имѣющими. «Хуторское хозяйство по своей природѣ приспособлено быть основой сильной централизованной бюрократіи»—говоритъ Марксъ *). Отказаться отъ этой опоры теперешнему правительству невозможно, и, вопреки природѣ и здравому смыслу, оно будетъ упрямо требовать хуторовъ отъ провинціальныхъ землеустроителей. А предъ этими послѣдними сплошной стѣной стоитъ непроходимая чаща природныхъ, соціально-экономическихъ, финансовыхъ, культурныхъ, наконецъ, психологическихъ преградъ; и врубаться имъ въ эту чащу приходится съ перочиннымъ ножикомъ въ рукахъ. Понятно, что иначе работать, какъ «напоказъ» строить потемкинскія декораціи, они не могутъ, если бы и хотѣли, и хуторская система фактически въ жизнь не пройдетъ. А если она не пройдетъ въ жизнь, то не пройдетъ и организація консервативнаго, мелко-буржуазнаго класса—главная цѣль правительственной программы.

Но если правительство не сумѣетъ при помощи землеустроительныхъ махинацій создать такой классъ, то не можетъ ли всетаки его аграрная политика повести къ развитію экономической дифференціаціи и классоваго антагонизма въ крестьянской средѣ? Правительство совершенно открыто ставитъ дифференціацію своей цѣлью: что она неизбѣжно разовьется—въ этомъ убѣждена либеральная и марксисткая интеллигенція и ея опасаются представители народническаго направленія. И, дѣйствительно, реальная обстановка аграрной реформы даетъ всякіе поводы для такихъ надеждъ и опасеній, хотя не въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и не въ тѣхъ формахъ, на которыя можно было бы разсчитывать, исходя изъ теоретическихъ соображеній.

Теоретическія соображенія приводили къ выводу, что мобилизація земель крестьянскаго банка, при томъ въ видѣ хуторовъ и отрубовъ, должна создать кадры «крѣпкихъ и сильныхъ». Но правительство отпугнуло ихъ высокими платежами и, вопреки ожиданіямъ, банковскіе хутора разбираются, въ большинствѣ, изголодавшейся по землѣ деревенской голытьбой. Какъ это ни странно, но теперь банковскій фондъ идетъ на помощь слабымъ слоямъ, помощь очень опасную, но именно, въ силу своей опасности, неспособную усилить, въ замѣтныхъ размѣрахъ, мелко-буржуазное землевладѣніе. Забравши въ свои руки большую часть мобилизуемыхъ земель, правительство преслѣдуетъ три цѣли, порой сталкивающіяся между собой, какъ поѣзда, пущенные съ разныхъ концовъ по однимъ и тѣмъ же рельсамъ. Оно стремится вызволить помѣщиковъ изъ бѣды, пріумножить свою собственную казну и привлечь разсчетливыхъ и толковыхъ хозяевъ, способныхъ не только оплатить

*) Цитаты заимствованы изъ книги Финна-Енотаевскаго: «Современное хозяйство Россіи“ стр. 504.

подачки помѣщикамъ и расходы казны, прокормить себя, но и накопить капиталы, необходимые для интенсификаціи. Понятно, что пока цѣны на банковскую землю будутъ расти также стремительно, мелко-буржуазные элементы деревни устранятся отъ этой рискованной операціи.

Иное дѣло—надѣльныя земли. Мобилизація надѣловъ, продаваемыхъ за полцѣны, обезземеливаетъ нижніе слои и соблазняетъ деревенскихъ скупщиковъ, которые найдутъ въ этой мобилизаціи легкій и вѣрный способъ наживы. При слабой постановкѣ мелкаго кредита, извѣстная концентрація надѣльнаго землевладѣнія вполнѣ возможна на первыхъ порахъ, и денежные капиталисты деревни могутъ стать относительно крупными землевладѣльцами.

Но, во 1-хъ изъ этого не слѣдуетъ, что концентрація землевладѣнія поведетъ за собой концентрацію хозяйства, во 2-хъ—чтобы она стала постояннымъ явленіемъ и укрѣпилась бы на десятки и сотни лѣтъ. Закономѣрная тенденція аграрной эволюціи вездѣ и всюду ведетъ къ территоріальному дробленію хозяйствъ—въ земледѣліи паритъ законъ «деконцентраціи», какъ называетъ его г. Билимовичъ; у насъ этотъ законъ долженъ проявляться сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ, вслѣдствіе большого прироста земледѣльческаго населенія. Стянувши къ себѣ земельные надѣлы, деревенскіе капиталисты, какъ и ихъ предмѣстники—крупнопомѣстные землевладѣльцы, предпочтутъ сдавать ихъ въ аренду за повышенную плату, а не заводить самостоятельное хозяйство, такъ какъ сдача въ аренду для нихъ будетъ болѣе выгодной. Вырвать изъ ихъ рукъ возможность барышничества землей, при помощи раціональнаго законодательства и планомѣрной организаціи народнаго кредита, будетъ гораздо легче, чѣмъ уничтожить капиталистически организованное хозяйство.

Въ Пруссіи, аграрная исторія которой имѣетъ много близкихъ чертъ съ нашей—только она идетъ впередъ, приблизительно, на полвѣка — разверстаніе общинныхъ земель, при освобожденіи крестьянъ, явно благопріятное помѣщикамъ и Grossabauer'амъ, также сопровождалось нѣкоторой дифференціацией: за 1816—59 гг. средніе и мелкіе крестьяне потеряли въ пользу крупныхъ около 2% своихъ земель. Но послѣднія переписи показываютъ, что вмѣстѣ съ интенсификаціей земледѣлія съ каждымъ десятилѣтіемъ развивается обратный процессъ дробленія, и средніе слои давно уже, съ огромнымъ процентомъ, получили то, что у нихъ отняла однобокая аграрная реформа. Политическіе факторы, идущіе сверху, не въ первый разъ отымаютъ землю отъ трудового народа; но земля, послѣ долгихъ блужданій по чужимъ господамъ, въ концѣ концовъ всегда находитъ своего истиннаго хозяина. И эта послѣдняя попытка оторвать землю отъ трудового земледѣльца, гораздо менѣе опасна, чѣмъ захватъ земли господствующими клас-

сами, длившійся сотни лѣтъ и ликвидируемый у насъ на глазахъ, при благосклонномъ содѣйствіи самого правительства...

Въ общемъ, что же далъ нашъ анализъ первыхъ итоговъ «великой реформы»? Много, конечно, неясностей, неопредѣленныхъ выводовъ, глухихъ, малоговорящихъ огульныхъ фактовъ. Намъ кажется, однако, достаточно яснымъ одинъ выводъ: правящая власть въ состояніи развалить въ нѣкоторыхъ областяхъ созданныя народомъ формы землевладѣнія, для чего достаточно одного «нажима», однихъ разрушительныхъ талантовъ, но построить на расчищенномъ мѣстѣ крѣпкое зданіе мелко-буржуазнаго класса для комфортабельнаго долголѣтняго житья—ей не по силамъ: слишкомъ неподходящая почва для фундамента, плохъ матеріалъ—зыбучій песокъ, а не кирпичъ и камень; слишкомъ непривычны къ такому труду неискусные работники, слишкомъ безталантны архитекторы; да и времени для постройки осталось не такъ много. Придетъ пора, появятся новые строители и дружно возьмутся за постройку новаго зданія—зданія народнаго счастья...

Н. Огановскій.

СМЕРТНИКИ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

XVII.

Во время раздачи бачковъ съ обѣдомъ кого-то провели и заперли въ пустовавшій пятый номеръ. Сдѣлали это такъ быстро и осторожно, что заключенные, занятые раздачей, ничего не замѣтили. Только хлопнула лишній разъ тяжелая входная дверь, да немного дольше обыкновеннаго звенѣли ключи въ рукахъ русаго надзирателя.

Послѣ обѣда, когда уже вынесены были всѣ бачки и покончены хлопоты, русый долго не садился на свою обычную скамеечку, а все ходилъ по коридору, разглаживалъ бороду и что-то невнятно бормоталъ себѣ подъ носъ. Долго стоялъ у четвертаго номера и слушалъ, какъ Абрамъ разсказываетъ политическому длинную исторію о какомъ-то съѣздѣ. Политическій невнимательно слушалъ, и Абрамъ такъ же невнимательно говорилъ, глотая слова или по нѣскольку разъ повторяя одно и то же. Просто тянули время, старались хоть чѣмъ-нибудь заполнить зіяющую пустоту, стоявшую между этой минутой и смертью.

Русый вздохнулъ, посмотрѣлъ на часы. До конца дежурства времени оставалось еще много. Опять заходилъ взадъ и впередъ, потомъ заглянулъ къ телеграфисту. Человѣкъ безъ имени какъ будто спалъ. Телеграфистъ сидѣлъ, обхвативъ руками колѣни, и пристально смотрѣлъ въ одну точку.

— Не учитесь?—сочувственно спросилъ русый.

Телеграфистъ встрепенулся. Перевелъ глаза на надзирателя, не сразу понялъ вопросъ и виновато улыбнулся.

— Да, не клеится что-то... Плоховато. Память ослабѣла, должно быть.

— А вы бы учились все таки... Чай, не все еще прошли то?

— Куда тамъ все... Неправильныхъ глаголовъ не кончилъ. Не успѣть уже теперь.

— Какъ Богъ дастъ. А я все того держусь, что, можетъ быть, вамъ и облегченіе выйдетъ.

Но уже не старался даже придать своему голосу оттѣнка увѣренности. Надежда, слишкомъ часто возникавшая и такъ же часто гибнувшая, уже потеряла всѣ свои яркія краски, сама сдѣлалась сѣрой и будничной. И привычнымъ, почти равнодушнымъ голосомъ отвѣтилъ телеграфистъ:

— Гдѣ ужъ тамъ... Не похоже.

Но опять принялъ прежнюю позу, повидимому, совсѣмъ не расположенный продолжать бесѣду. А надзиратель долго еще стоялъ у его форточки, поглаживалъ бороду и нѣсколько разъ открывалъ ротъ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать. По лицу его замѣтно было, что ему необходимо подѣлиться какою-то новостью,—и въ то же время что-то мѣшаетъ этому. Наконецъ, онъ рѣшительно отошелъ отъ форточки, и сѣлъ на скамейку.

Черезъ полчаса онъ вспомнилъ, что надо бы посмотрѣть, живъ ли еще помѣшанный. Открылъ его камеру, нагнулся надъ вытянутымъ тѣломъ, которое кто-то закуталъ недавно изорваннымъ одѣяломъ.

Тѣло казалось совсѣмъ мертвымъ, и неподвижной маской застыло лицо, но гдѣ-то въ этомъ коченѣющемъ тѣлѣ еще держалась искорка жизни, и слабое дыханіе прорывалось сквозь полуоткрытыя губы. Доживетъ до вечера,—а, можетъ быть, и до завтра, и еще дольше. Можетъ быть, дождется ночи, когда его вынесутъ на хозяйственный дворъ и тамъ насильно загасятъ эту упорно тлѣющую искру.

Возвращаясь къ своей скамейкѣ, русый только мелькомъ, однимъ глазомъ заглянулъ въ пятый номеръ. Тамъ было такъ тихо, что даже самый напряженный слухъ не могъ уловить никакого шороха. Словно камера была по прежнему пуста. Но въ самомъ дальнемъ углу темнѣло что-то маленькое, съежившееся въ комочекъ, старавшееся занять какъ можно меньше мѣста.

Никогда еще не представлялось русому такимъ длиннымъ его дежурство. А заключенные, какъ нарочно, были молчаливы. Только изрѣдка шелестѣли подъ сводами коридора короткіе обрывки фразъ. Тайна, которую зналъ русый, сверлила гвоздемъ его мозгъ, висѣла вмѣстѣ съ револьверомъ на кожаномъ поясѣ, шевелилась подъ надвинутой на самый лобъ фуражкой. Наконецъ, онъ не выдержалъ, подошелъ къ телеграфисту.

Тотъ все еще сидѣлъ въ прежней позѣ и не шевельнулся, когда надзиратель приблизилъ лицо къ форточкѣ.

— А вы, вотъ, и не знаете...

— Что?—безучастно спросилъ телеграфистъ.

— Тотъ-то,—кривоногій... Опять здѣсь. Забраковали.

— Здѣсь? Какой кривоногій?

— Да Иващенко... Не пригодился. Ужъ тогда ругали, ругали его... Цѣлую бутылку водки для куража споили—и все безъ пользы. Никакъ не могъ управиться. Самъ труситъ не хуже кого другого и трясется такъ, что не можетъ и петли накинуть. Пришлось надзирателямъ помогать, а у одного самъ помощникъ скамейку изъ подъ ногъ выдергивалъ. Ну, и забраковали.

Телеграфистъ крѣпко потеръ лобъ ладонью, стараясь придти въ себя и разобраться въ томъ, что разсказывалъ надзиратель. Но раньше поднялся бродяга.

— Отъ жабы, а не отъ матери они родились, что-ли? Путаете, дядька!

— Чего путаю? Сегодня въ обѣдъ и привели. Только что не видали вы. Прихилился теперь въ уголочкѣ и голосу не подаетъ.

Русый уже каялся: пожалуй, совсѣмъ не слѣдовало болтать. Но теперь поздно отказываться и уже все равно: должны же узнать раньше или позже.

Поспѣшилъ только обезопасить себя отъ возможныхъ осложненій.

— Мнѣ, пожалуй, и не слѣдъ было говорить то... Вы если что, такъ пусть уже будто бы сами узнали... На меня и такъ уже старшій волкомъ смотритъ.

— Не понимаю...—медленно выговорилъ телеграфистъ.— Значитъ, здѣсь же, рядомъ съ нами...

— На прежнее положеніе!—кивалъ головой русый.—Теперь и его тоже будутъ... Не понравится, пожалуй, на себѣ-то, послѣ того, какъ на другихъ пробовалъ.

— Абрамъ! — звалъ человѣкъ безъ имени, просовывая руку въ форточку, чтобы отстранить надзирателя.—Слушайте, Абрамъ!

Русый испуганно замахалъ связкой ключей.

— Не надо, не надо... Хоть маленечко подождите. Вотъ, сейчасъ Буриковъ на дежурство встанетъ. Не то содомъ пойдетъ, а мнѣ отвѣчать!

Но человѣку безъ имени не было, повидимому, никакого дѣла до Бурикова. Онъ звалъ все громче и громче и, наконецъ, Абрамъ отозвался. Вмѣстѣ съ телеграфистомъ, перебивая другъ друга, разсказали ему, что Иващенко опять здѣсь, въ пятомъ номерѣ. Конечно, будетъ сидѣть здѣсь до казни,—и, можетъ быть, кому-нибудь придется еще идти вмѣстѣ съ бывшимъ палачемъ.

— Ну и что же, онъ молчитъ?—недоумѣвалъ Абрамъ.— Неужели таки его самого и теперь будутъ вѣшать?

— Конечно, будутъ. И, пожалуй, онъ заговоритъ еще,— онъ, палачъ.

Кто-то вдругъ закричалъ громко и яростно:

— Ого! Кривоногій!

Это—изъ второй камеры, но трудно узнать Жамочкинъ голосъ, окрѣпшій отъ гнѣва и жажды мести.

Жамочка слышитъ, что здѣсь, какъ разъ напротивъ, сидитъ тотъ, кто удавилъ Ленчицкаго, и на вискахъ у него вздуваются жилы, толстыя, какъ веревки. Онъ налегъ всей грудью на дверь, уперся въ полъ босыми ногами, но запоры крѣпкіе, не поддаются. И только голосъ проникаетъ сквозь форточки, кровожадный и неистовый, падаетъ на голову сжавшагося въ углу палача:

— Ого-го, кривоногій! Выходи! Зубами перегрызу тебѣ глотку, выходи!

Русый схватился за голову.

— Ну, и дуракъ я!

А еще цѣлыхъ полчаса до смѣны. Забѣгалъ отъ форточки къ форточкѣ, говорилъ, упрашивалъ, потомъ началъ грозить. Но никто не слушалъ его. Сонное безмолвіе коридора разлетѣлось, исчезло, какъ туманъ передъ солнцемъ. И отъ камеры къ камерѣ, отъ человѣка къ человѣку перепрыгивали искры гнѣва и мести, быстро разгорались горячимъ и трескучимъ пламенемъ.

Высокій фабричный въ своей камерѣ долго и молча слушалъ, потомъ спрыгнулъ съ наръ и тоже приникъ къ форточкѣ, дѣловито набралъ въ грудь побольше воздуху и завопилъ:

— Уберите его отсюда! Душители!

— Ой, не надо!—испугался было старикъ. Общая вспышка еще не увлекла его, а только обезличила, ошеломила, сдѣлала еще болѣе приниженнымъ.

— Что они дѣлаютъ съ нами?—спрашивалъ, не ожидая отвѣта, телеграфистъ:—Вѣдь долженъ же быть хотя бы стыдъ, если нѣтъ жалости...

— Не надо намъ ихъ жалости!—свирѣпо оскаливъ зубы, говорилъ человѣкъ безъ имени.—Но издѣваться надъ нами имъ никакого права не дано. Вѣшать—вѣшай, а не издѣвайся.

— Вы—разсудительный господинъ, чиновникомъ были!— упрашивалъ телеграфиста русый.—Убѣдите... Какъ это можно такую свару затѣвать? Ну, сидитъ себѣ человѣкъ и сидитъ. И не слышно его даже. Ужъ потерпите какъ-нибудь...

Кривоногій въ пятой камерѣ сидѣлъ и дрожалъ. Обо-

стрепное ужасомъ вниманіе улавливало каждый вопль, каждое проклятіе, какъ будто весь воздухъ напитался ими и изъ каждаго пятна на стѣнѣ, изъ каждой пяди густого сумрака исходили эти проклятія, тяжелыя и прилипчивыя.

Русый рѣшилъ дать сигнальный звонокъ и, пробѣгая по коридору, молча погрозилъ кулакомъ двери пятаго номера. Но Иващенко не могъ бы видѣть этого, даже если бы была настежь открыта толстая дверь: онъ закрылъ лицо руками, зажмурилъ глаза, плотно зажалъ уши, чтобы ничего не слышать и не видѣть.

Въ третьемъ номерѣ легко вынималась изъ наръ неплотно пригнанная длинная доска. Абрамъ вспомнилъ объ ней послѣ того, какъ долго стучалъ въ дверь кулаками; вытащилъ ее съ помощью политическаго. Потомъ они оба раскачали доску и принялись дѣйствовать ею, какъ тараномъ. Дверь вздрагивала при каждомъ ударѣ, и изъ пазовъ косяка поднялись густыя облака мелкой бѣлой пыли.

Жамочка работалъ парашей и колотилъ ею молча и сосредоточенно, какъ молотобоецъ въ кузницѣ. И известковая пыль расплылась по всему коридору, вилась подъ сводомъ, садилась тонкимъ легкимъ слоемъ на скамеечку надзирателя.

Пришелъ вызванный тревожнымъ звонкомъ старшій и, заглянувъ въ коридоръ, сейчасъ же отправился съ докладомъ къ начальнику. По дорогѣ послалъ въ подкрѣпленіе къ русому двухъ выводныхъ надзирателей.

— Пусть сейчасъ и убьютъ!—бормоталъ Абрамъ, запыхавшійся отъ непривычныхъ физическихъ усилій.—Такъ и лучше.

Человѣкъ безъ имени старался вытащить камень изъ угла, гдѣ обсыпалась штукатурка. Камень шатался, но сидѣлъ еще крѣпко и долго не поддавался стараніямъ бродяги. Наконецъ, выпалъ,—тяжелый, съ острой гранью, настоящее орудіе смерти въ достаточно сильныхъ рукахъ. Телеграфистъ напиралъ на дверь плечомъ, а бродяга колотилъ своимъ камнемъ по желѣзнымъ скрѣпленіямъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ приходился пробой.

По прежнему исполненные все нароставшей ярости, какъ будто даже повеселѣли подъ вліяніемъ этой разрушительной, хотя и нелѣпой работы. На границѣ послѣдняго отчаянія какъ-то сама собою зародилась новая надежда: повалить эти ненавистныя стѣны, поколебать прочные своды, сравнять съ землей все это убѣжище тоски и смерти. Почувствовали себя сильными и способными къ борьбѣ.

Русый былъ блѣденъ отъ страха, и не могли скрыть своей тревоги присланные къ нему на подмогу выводные. Стояли

посреди коридора, оглушенные стукомъ, засыпанные пылью, и готовились пустить въ ходъ оружіе, какъ только вызоветъ на это хотя что-нибудь, даже совсѣмъ ничтожное.

Сквозь грохотъ не слышно было, какъ заторопились шаги по винтовой лѣстницѣ, какъ распахнулась входная дверь коридора. Прибѣжалъ начальникъ, помощникъ Семенъ Ивановичъ, старшій и еще нѣсколько надзирателей, вызванныхъ изъ казармы. Надзиратели на ходу застегивали мундиры, оправляли шнуры револьверовъ, недовольные тѣмъ, что прерванъ ихъ заслуженный отдыхъ. Насмѣшливо и почти ласково улыбались тонкія губы помощника.

У начальника тряслись отъ злобы бритыя щеки.

Хорошо. Мало еще, что изъ-за этой твари приходится переживать лишнія непріятности, ссориться съ дочерью,—можетъ быть, даже разрушать весь семейный очагъ. Они еще бунтуютъ,—они, которымъ давно уже слѣдовало бы смириться и ждать терпѣливо.

— Кто началъ?—начальникъ сверлилъ взглядомъ изнемогавшаго отъ тревоги русаго.—Кто зачинщикъ? Ты обязанъ знать.

— Изъ-за Иващенки все, ваше высокородіе!—лепеталъ русый, и ходуномъ ходила ладонь, приставленная къ козырьку фуражки. Такъ что требуютъ отсадить его въ другое мѣсто.

— Требуютъ? Я имъ покажу, какъ требовать! Это все жидъ мутитъ, навѣрное.

Въ квадратѣ форточки онъ увидѣлъ передъ собой лицо Абрама. И, поднявъ шашку, съ размаху ударилъ въ это лицо.

— Стучать вздумалъ? Убью—не отвѣчу. Все равно, ты уже падаль!

Приказалъ открыть дверь. Трепещущій русый никакъ не могъ сладить съ замкомъ. Старшій отобралъ у него ключи. Въ пыльномъ облакѣ видвинулись двѣ фигуры, лохматыя, тяжело переводившія дыханіе. Абрамъ, наклонившись, выплевывалъ вмѣстѣ съ кровавой слюной выбитый зубъ. Губы у него сразу побагровѣли и вспухли отъ удара. Говорить было трудно, и онъ молча распахнулъ полы бушлата, обнажая грудь. И тоже самое сдѣлалъ политическій, вставъ рядомъ съ товарищемъ. Глядя въ лицо начальнику, сказалъ:

— Ну, бейте скорѣе! Бейте!

Надзиратели подались было впередъ, но остановились въ замѣшательствѣ. Они ожидали встрѣтить безсмысленное, но упорное сопротивленіе, и такая развязка на минуту поставила ихъ втупикъ.

И самъ начальникъ тоже остановился съ поднятой рукой,

потомъ вдругъ опустилъ ее и уже безъ прежней злобы, а почти вяло сказалъ:

— Надѣть имъ ручные кандалы! И отобрать все изъ камеры,—и парашу. Пусть гадятъ прямо на полъ, если не хотятъ вести себя, какъ слѣдуетъ.

Старшій загремѣлъ заранѣе припасенной связкой наручниковъ. Политическій послушно подставилъ было руки, но Абрамъ быстро и ловко вырвалъ у старшаго цѣпь и бросилъ ее черезъ головы надзирателей въ догонку переходившему уже къ другой камерѣ начальнику. Цѣпь брякнула объ стѣну, отскочила и упала у самыхъ ногъ начальника.

Тогда выступилъ впередъ державшійся до сихъ поръ въ тѣни Семенъ Ивановичъ. Отдалъ какое-то короткое приказаніе—и надзиратели принялись за избіеніе. Били молча, старательно и добросовѣстно, какъ будто исполняли самую обыкновенную работу. Послѣ четвертой камеры избили еще и Жамочку, потомъ высокаго и старика. Старикъ не сопротивлялся, просилъ пощады, валялся на полу, перекатываясь съ боку на бокъ подъ пинками надзирательскихъ сапоговъ. Высокій рычалъ, какъ медвѣдь, и кусался.

Когда дошла очередь до телеграфиста и бродяги, надзиратели уже устали. Но бродяга разбилъ въ кровь своимъ камнемъ голову одному изъ надзирателей, и тогда всѣ остальные напали съ новымъ рвеніемъ, били злобно и сильно, выбирая самыя больныя мѣста. Потомъ надѣли, какъ и всѣмъ другимъ, наручни.

Бунтъ былъ усмиренъ. Старшій стряхнулъ пыль съ мундира, попробовалъ, крѣпко ли еще держится полуоторванная въ свалкѣ пуговица, и почтительно проводилъ начальника черезъ дворъ до дверей конторы.

Начальникъ шелъ очень медленно и дышалъ тяжело, какъ будто самъ участвовалъ въ побоищѣ, а не стоялъ все время, кромѣ схватки съ Абрамомъ, совсѣмъ лишній. Лишній потому, что даже всѣ нужныя приказанія отдавалъ за него старшій помощникъ.

Поднимаясь къ себѣ на квартиру, начальникъ остановился на площадкѣ лѣстницы, схватился руками за перила, чтобы не упасть. Въ глазахъ совсѣмъ потемнѣло, а ноги стояли какъ будто на чемъ-то мягкомъ, и это мягкое подавалось въ сторону и проваливалось.

Сердце билось съ перерывами. Вотъ,—замретъ и остановится совсѣмъ.

— Довели!—съ тупымъ, животнымъ страхомъ подумалъ вслухъ начальникъ и, чувствуя, что не въ силахъ идти дальше, хотѣлъ позвать:—Леночка!

Но языкъ не послушался, и только какой-то несвязный

крикъ вырвался изъ горла. А полъ все колебался, и начальникъ грузно опустился на колѣни. Прижался къ периламъ грудью и, часто моргая невидящими глазами, прислушивался, какъ неровно и гулко билось сердце объ грудную клѣтку. Не хватало воздуха.

Онъ собралъ всѣ свои силы и еще разъ позвалъ:

— Леночка!

Слишкомъ страшно было оставаться въ одиночествѣ, чувствуя близость того рокового, что отнимало силу и дыханіе, бросило на полъ, какъ ненужную тряпку. Зналъ навѣрное, что дочь не услышитъ и не придетъ, но все-таки звалъ, какъ будто отъ нея одной зависѣло спасеніе.

Онъ не могъ отдать себѣ отчета, сколько времени пробылъ такъ, на пустой лѣстницѣ. Казалось, что долго, безконечно долго, но, можетъ быть, и всего только нѣсколько минутъ. Потомъ сердце опять стало биться спокойнѣе и окрѣпла почва подъ ногами. Кое-какъ добравшись до двери, онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и, истомленный, повалился на диванъ, какъ былъ, въ фуражкѣ и съ путающейся у ногъ шашкой.

— Завтра же нужно къ доктору. И лѣчиться, лѣчиться хорошенько. Иначе—конецъ.

А жить хотѣлось страстно, неистово.

XVIII.

Лежали избитые, обезсилѣвшіе, опутанные цѣпями.

Послѣ грохота бунта, послѣ шума и воплей неравной борьбы, тишина казалась всѣмъ мертвенной. Ровно и тускло горѣла лампа подъ сводомъ посреди коридора. Однообразными черными квадратами вырисовывались въ сѣрыхъ дверяхъ пустыя форточки. Но когда надзиратель Буриковъ, сидя на своемъ посту, напрягалъ слухъ, онъ могъ улавливать смутный, подавленный шорохъ, звяканье цѣпей, чей-то стонъ. Временами жалобно, по бабьи, всхлипывалъ въ своей камерѣ Жамочка.

Онъ былъ весь въ пухлыхъ синякахъ, и глубокая ссадина тянулась черезъ щеку къ подбородку. Одинъ глазъ плохо открывался, и въ немъ все еще прыгали искры при каждомъ движеніи. Несмотря на это, онъ не испытывалъ особенной боли и, лежа на голомъ полу, плакалъ не отъ физическаго страданія, а только изъ-за того, что недолгія минуты протеста уже кончились. И больше уже Жамочка не чувствовалъ въ себѣ ни силъ, ни способности бороться. Казалось почему-то, что если бы былъ живъ Ленчицкій, все

сдѣлалось бы иначе,—но въ тоже время и не жаль было, что Ленчицкій уже умеръ. Какъ-то перемѣшалось все, потеряло значеніе: смерть и жизнь, ненависть и любовь. Скованными руками Жамочка размазывалъ свои слезы по опухшему лицу, не замѣчая, что грубо обдѣланные браслеты наручней врѣзаются въ кожу.

Буриковъ долго и старательно закручивалъ одинъ усъ, потомъ продѣлалъ то же самое съ другимъ. Хорошо, что въ его коридорѣ такъ тихо. Посмотрѣлся въ круглое карманное зеркальце, всталъ со скамеечки и своей кошачьей походкой прошелся мимо молчаливыхъ дверей.

Заглянулъ въ пятый номеръ. Въ темнотѣ онъ съ трудомъ могъ разглядѣть палача, который сидѣлъ въ углу все въ той же неподвижной позѣ, и сказалъ ему благодушно:

— Сидишь? То-то братъ. Никогда не за свое дѣло не берись. Хуже будетъ.

Вспомнилъ о помѣшанномъ. О немъ никто не подумалъ во время бунта, потому что онъ одинъ только, кромѣ Иващенки, велъ себя совсѣмъ смирно. Чтобы освѣтить его камеру, надзиратель просунулъ въ форточку зажженую спичку и, поднявъ ее повыше, подождалъ, пока хорошо разгорѣлась. И хотя то, что увидѣлъ, совсѣмъ не могло быть особенной неожиданностью, все таки огонекъ заколебался въ протянутой рукѣ, и черныя тѣни задрожали по угламъ.

Помѣшанный по прежнему лежалъ на спинѣ, и широко открытые глаза по прежнему смотрѣли вверхъ съ напряженнымъ любопытствомъ, но были неподвижны, какъ стеклянные, и уже потускнѣли. И все тощее тѣло еще сильнѣе вытянулось, пріобрѣло еще больше сходства съ высохшимъ скелетомъ.

Буриковъ зажегъ вторую спичку, третью. Ихъ мелькающіе огоньки не отражались въ глазахъ заключеннаго, и поднятыя вѣки не мигали. Надзиратель бросилъ послѣднюю спичку на полъ, затопталъ тлѣющій уголекъ подошвой и позвонилъ. И когда пришелъ на звонокъ дежурный изъ главнаго коридора, онъ сказалъ:

— Надо бы убрать изъ перваго! Кажется, кончился и давно уже. Еще завоняетъ къ утру...

Абрамъ во время избіенія потерялъ сознаніе. Потомъ, очнувшись, онъ долго еще лежалъ неподвижно, чувствовалъ себя на грани между небытіемъ и жизнью. Голова нестерпимо болѣла и соленый вкусъ крови держался во рту. И не хотѣлось открывать глаза, такъ какъ не вѣрилось, что жизнь еще не ушла, а держится упорно въ истрадавшемся тѣлѣ.

Когда начали бить, Абрамъ былъ увѣренъ, такъ же, какъ и его товарищъ, что это уже—конецъ. Подъ ударами, пока

не затмилось сознаніе, отчетливо представлялъ себѣ, что это — только избавленіе и теперь, когда очнулся, испытывалъ не радость, а лишь тоску и разочарованіе.

Политическій зашевелился, съ трудомъ приподнялся, опираясь на локоть. Окликнулъ Абрама.

— Вы живы?

— Да... Пить хочется...

Политическій пошарилъ руками въ темнотѣ.

— Воды нѣтъ. Кружка опрокинулась,—а можетъ быть, вылили нарочно. Позвать надзирателя?

Абрамъ собрался съ силами и тоже сѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Хотѣлъ ощупать разбитыя губы и тогда только почувствовалъ, что руки скованы. Цѣпь была короткая, меньше двухъ четвертей, и съ непривычки очень мѣшала и безъ того сильно затрудненнымъ движеніямъ.

— Ну, какъ же теперь?

Каждое слово стоило мучительной боли, но Абрамъ чувствовалъ, что именно теперь слѣдуетъ до чего-нибудь договориться. Дальше нельзя. Дальше ждать нельзя.

Политическій утвердительно кивнулъ головой.

— Да, я думаю! Ясно.

Слышно было, что въ коридоръ вошло нѣсколько человѣкъ. Можетъ быть, вотъ оно—рѣшеніе.

— Да вѣдь сейчасъ еще вечеръ, должно быть. Не вѣшаютъ вечеромъ. И вообще, вѣроятно, это еще не скоро. Иващенку смѣнили.

Оба вмѣстѣ добрались до форточки, въ коридорѣ увидали Бурикова, старшаго и двухъ больничныхъ служителей. Они возились надъ чѣмъ-то у дверей первой камеры. Абрамъ разглядѣлъ:

— Носилки.

Служители вынесли изъ камеры длинное голое тѣло съ широко открытыми тусклыми глазами на восковомъ лицѣ. Тѣло уже закоченѣло, легло въ носилки неуклюже и жестко, какъ деревянное. Служители взялись за поручни, старшій пошелъ впереди, указывая дорогу и нащупывая въ карманѣ ключъ отъ мертвецкой. Дверь первой камеры осталась открытой, и оттуда тянулась въ коридоръ струя застоявшагося, затхлаго воздуха.

Слышно было, какъ носильщики неловко топтались на лѣстницѣ, какъ ругался старшій. Потомъ все затихло. Буриковъ ушелъ къ своей скамейкѣ.

— Видѣли?—сказалъ Абрамъ и прибавилъ, не дожидаясь отвѣта:—Вотъ, онъ уже рѣшилъ задачу. Помните,—кричалъ

все и просилъ, а теперь успокоился и лежитъ, и ничего уже не боится больше. Что?

Политическій пожалъ плечами.

— Вѣдь это уже рѣшено, я думаю.

Оба отошли отъ форточки въ глубину камеры и о чемъ-то совѣщались тихо, близко склонившись головами другъ къ другу.

— Можетъ быть, все таки слѣдуетъ предупредить товарищей изъ третьяго и изъ шестого!—настаивалъ Абрамъ, медлительно и неотчетливо выговаривая слова.—На шестой номеръ плохая надежда, но въ третьемъ, пожалуй, присоединятся.

Политическій не соглашался.

— Зачѣмъ? Вѣдь это не протестъ, не демонстрація. Просто—освобожденіе. А они, можетъ быть, смотрятъ на дѣло совсѣмъ иначе. И потомъ, какъ же вы будете извѣщать ихъ такъ, чтобы не узналъ объ этомъ надзиратель? Надо сдѣлать все совсѣмъ тихо. Зачѣмъ лишнія слова?

— Вы вообще не любите словъ, товарищъ. А я таки любилъ немножко! Ну, пусть будетъ такъ. Все равно, я сейчасъ не могу говорить громко.

Абрамъ опять подошелъ къ форточкѣ, долго смотрѣлъ въ коридоръ, вглядывался въ давно знакомую стѣну, въ сводчатый потолокъ съ длинной прядью пыльной паутины, которая колебалась отъ незамѣтнаго движенія воздуха.

Политическій тѣмъ временемъ работалъ надъ чѣмъ-то въ глубинѣ камеры. Его наручни ритмически позвякивали.

— Тише!—зашепталъ Абрамъ.—На дежурствѣ Буриковъ. Онъ услышитъ...

Опять сошлись вмѣстѣ на полуразрушенныхъ нарахъ и вмѣстѣ дѣлали одну и ту же работу. Порвали рубаху на узкія полоски и свили изъ нихъ два длинныхъ крѣпкихъ шнурка. И все время опасливо поглядывали на форточку, не слѣдитъ ли надзиратель.

Но Буриковъ сидѣлъ спокойно на своей скамейкѣ и совсѣмъ не подозрѣвалъ того, что торопливо и осторожно готовилось въ четвертомъ номерѣ. Былъ доволенъ тишиной и надѣялся, что теперь уже все дежурство пройдетъ спокойно. Понемногу опускалъ голову все ниже и задремалъ, временами вздрагивая и выпрямляясь, когда чудились шаги дѣлавшаго ночной обходъ старшаго помощника.

Политическій первый покончилъ со своимъ шнуркомъ.

— Готово!—Давайте, я помогу вамъ, Абрамъ. У васъ всѣ пальцы разбиты.

Молча заканчивали дѣло, потомъ политическій зашепталъ:

— Кому же первому, Абрамъ? Надо рѣшить.

И не рѣшались отстаивать каждый для себя жестокое первенство.

— Слишкомъ тяжело будетъ!—колебался Абрамъ.—Пожалуй, я не смогу.

— Все равно. Нужно. Бросимъ жребій.

— А если второй не успѣетъ умереть? Что тогда?

— Долженъ успѣть.

Буриковъ вскинулъ голову, протеръ глаза, оправилъ сползшую на затылокъ фуражку. Сквозь дремоту ему почудилось что-то тревожное: какой-то шорохъ, хрипъ, паденіе. И теперь, когда дремота отошла, этотъ тяжелый хрипъ еще держался въ воздухѣ.

Во снѣ кто-нибудь. Часто плачутъ и стонутъ, иногда хрипятъ.

Надзиратель недовольно прислушивался нѣсколько мгновеній, потомъ всталъ, прошелся черезъ весь коридоръ и остановился у дверей опустѣвшей камеры помѣшаннаго. Напротивъ, въ четвертомъ номерѣ тоже было уже тихо и, какъ будто, совсѣмъ пусто.

— Отлеживаются!—подумалъ Буриковъ.—Ничего, будутъ помнить.

Стонетъ и всхлипываетъ Жамочка. Ему не спится. Руки затекаютъ въ наручняхъ, которые мѣшаютъ лечь поудобнѣе. Томительно медленно тянется время, но Жамочка уже привыкъ къ безконечнымъ тюремнымъ ночамъ, привыкъ ждать.

Въ свое время свѣтъ керосиновой лампы въ коридорѣ становится еще болѣе тусклымъ, и полоса утренняго полусвѣта проникаетъ сквозь окно надъ скамейкой надзирателя. Отчетливо доносятся со двора шаги смѣняющихся часовыхъ.

Въ коридорѣ тихо. Умолкъ и Жамочка. Задремалъ, скорчившись, и скованныя руки подложилъ подъ голову.

Сонъ и тишина во всемъ большомъ ветхомъ зданіи съ толстыми сѣрыми стѣнами, съ длинными, извилистыми переходами и крутыми лѣстницами, съ большой, пыльной и темной церковью, передѣланной изъ монастырскаго костела. Въ служебномъ флигелѣ, въ конторѣ какъ будто спятъ на стѣнахъ портреты преступниковъ, воровъ и убійцъ, спятъ по шкафамъ и полкамъ арестантскія дѣла въ тощихъ синихъ обложкахъ, спитъ за перегородкой старый сторожъ изъ отставныхъ надзирателей.

Забылся подъ утро тяжелымъ больнымъ сномъ начальникъ. Ему грезится что-то непріятное, и губы складываются въ гримасу, а опущенныя вѣки вздрагиваютъ. Крѣпко спитъ, разметавшись, Леночка, и на лицѣ у нея еще не исчезли слѣды слезъ.

Сочно всхрапываетъ въ своей душной комнаткѣ батюшка

и его туго заплетенная на ночь косичка торчитъ на подушкѣ тоненькимъ крѣпкимъ хвостикомъ. Спитъ, плотно сжавъ безкровныя губы, Семенъ Ивановичъ, и его желтое высохшее лицо похоже на лицо мертвеца. Младшій помощникъ сидитъ въ одномъ бѣльѣ на своей кровати и медленно, рюмку за рюмкой, тянетъ водку. У него запой.

Невидимая черная смерть закуталась бѣлымъ саваномъ разсвѣта, притаилась и терпѣливо ждетъ, когда исполнятся часы жизни.

Утро посвѣтлѣло, погасли одна за другой чадящія лампы. Затарахтѣла по мостовой передняго двора повозка, которая каждое утро вывозитъ тюремный мусоръ. Гдѣ то зазвенѣли ключи: цѣлую охапку ихъ принесъ старшій изъ квартиры начальника, гдѣ они хранятся ночью. Застучали запоры, пошла утренняя повѣрка.

Буриковъ давно смѣнился, на его мѣстѣ сидитъ русый.

Русый все еще не оправился отъ недавно пережитой тревоги. Борода у него спуталась клочьями, и мундиръ застегнутъ не на всѣ крючки и пуговицы. А во рту сухо и невкусно, какъ съ похмелья.

Вступивъ въ дежурство, онъ не заглядывалъ въ камеры: было немного стыдно и почему то просто страшно. Напрасно убѣждалъ себя, что бояться и, тѣмъ болѣе, стыдиться нечего. Хотѣлъ имъ же сдѣлать лучше и вѣдь просилъ не шумѣть, не скандалить. Не виноватъ, что вышло побоище.

Съ утренней повѣркой начальство всегда ходитъ заспанное и сердитое. Громче, чѣмъ обычно, кричитъ на арестантовъ, которые не успѣли во время встать и вытянуться въ струнку. Иногда сбивается со счета, начинаетъ повѣрку сызнова, долго ищетъ по камерамъ затерявшуюся человѣческую единицу.

Сегодня тоже обходъ затянулся надолго, дошелъ до малаго коридора, когда былъ уже совсѣмъ бѣлый день. Впереди—старшій съ грифельной табличкой для записи, за нимъ помощникъ Семенъ Ивановичъ, позади еще два надзирателя,—на всякій случай.

Быстро миновали открытую первую камеру, заглянули потомъ къ Жамочкѣ, къ телеграфисту съ бродягой. По другой сторонѣ коридора пошли назадъ. Въ шестомъ номерѣ старикъ жалобно и слезливо запросилъ, чтобы сняли наручни.

Онъ—человѣкъ больной, всѣ кости ноютъ и руки давно простужены на работѣ, а тяжелая цѣпь въѣдается въ тѣло, не даетъ шевельнуться. И вѣдь онъ не буянилъ, не билъ дверей. Это все Добрыйвечеръ. А онъ самъ сидѣлъ все время совсѣмъ тихо.

Помощникъ обѣщалъ доложить начальнику, потомъ заглянулъ къ Иващенкѣ. Пристально и пытливо всмотрѣлся въ обратившееся къ нему лицо: рябое, искривленное, съ воспаленными глазами. Старшій тѣмъ временемъ перешелъ уже къ слѣдующей камерѣ и вдругъ тревожно приказалъ русому:

— Открой!

Когда дверь распахнулась, всѣ разомъ подались въ камеру, вытягивали шеи, стараясь разглядѣть черезъ чужія спины, что случилось. У помощника затряслись сѣдыя бакенбарды, мелькая передъ самыми глазами русаго.

— Ты что же смотрѣлъ, болванъ этакій? Для чего здѣсь поставленъ? Мухъ считать? Да?

Абрамъ, какъ будто пытаясь взобраться на покатый подоконникъ, стоялъ у окна, едва касаясь доски полуразобранныхъ наръ самыми кончиками ножныхъ пальцевъ. Шея у него вытянулась, какъ у ощипаннаго цыпленка, а подъ коротенькой курчавой бородкой глубоко врѣзалась петля шнурка, сплетеннаго изъ полотняныхъ обрывковъ. Другой конецъ шнурка былъ привязанъ къ пруту оконной рѣшетки. Старшій потянулъ Абрама за руку. Тѣло качнулось, легкое и одеревенѣвшее, какъ тотъ трупъ, который выносили вчера вечеромъ изъ перваго номера.

— Пожалуй, всю ночь провисѣлъ. А этотъ?

Всѣ заняты были Абрамомъ, вспомнили о политическомъ, только когда помощникъ, подходя къ окну, запнулся за что то и едва не упалъ.

Политическій лежалъ на полу внизъ лицомъ съ крѣпко прижатыми къ груди сложенными руками. Когда его перевернули на спину, увидѣли выкатившіеся мутные глаза съ густой сѣтью черноватыхъ жилокъ на бѣлкахъ, черный и совсѣмъ сухой языкъ, зажатый въ конвульсивно стиснутыхъ челюстяхъ.

Старшій догадался:

— Очень просто! Сговорились. Сначала тотъ этого удавилъ, а потомъ и самъ повѣсился. На окошкѣ то тѣсно было бы обоимъ.

Тряслись отъ злобы сѣдыя бакенбарды.

— На что ты тутъ поставленъ, я тебя спрашиваю? Цѣлую ночь провисѣлъ одинъ—и ты не досмотрѣлъ... Вотъ погоди, попадетъ тебѣ на орѣхи...

Одинъ надзиратель присѣлъ на корточки, теребилъ политическаго за плечи, какъ будто думалъ, что тотъ только представляется мертвымъ и, можетъ быть, еще оживетъ.

Сняли съ петли Абрама, перерѣзавъ шнурокъ шашкой. Шашка попалась тупая, долго пилила, и тѣло повѣсивша-

гося колебалось и вздрагивало, вытянутое, плясало страшный и дикій танецъ смерти.

XIX.

Студентъ пришелъ. Въ хорошей темно-синей визиткѣ, тщательно выбритый. Когда, здороваясь, онъ поцѣловалъ руку Леночки, она почувствовала, что отъ волосъ гостя пахнетъ ея любимыми духами. Тогда, у тетушки, она какъ-то случайно обмолвилась о своихъ вкусахъ,—и студентъ запомнилъ.

Сидѣли въ гостиной, ожидая, не придетъ ли изъ конторы самъ начальникъ. Леночка не знала, о чемъ говорить, мяла въ рукахъ какую-то открытку, иногда взглядывала на студента, но не прямо въ лицо, а ниже, на галстухъ и манишку со складочками и вышивкой. Галстухъ былъ повязанъ по модному, какимъ-то особенно красивымъ и хитрымъ узломъ.

Гость самъ развлекалъ разговоромъ, вспоминалъ, какъ было весело у тетушки, и горячо увѣрялъ, что очень дорожитъ этимъ новымъ знакомствомъ. Просилъ разрѣшенія оставить всѣ церемоніи и бывать запросто, когда вздумается. Вѣдь они немножко даже родственники.

Потомъ замѣтилъ, что Леночка отвѣчаетъ слишкомъ вяло и односложно и маленькіе пальчики слишкомъ нервно рвутъ и ломаютъ кусочекъ тонкаго картона. Выразилъ тревогу и участіе на своемъ подвижномъ лицѣ.

Можетъ быть, онъ не во время? Но пусть она только скажетъ слово, и онъ сейчасъ же уйдетъ. Главное—безъ всякихъ церемоній. Тогда только могутъ установиться достаточно прочныя и милыя отношенія. Можетъ быть, ей нездоровится? Или какое-нибудь огорченіе? Маленькое, домашнее огорченіе? Да?

Нѣтъ, Леночка совсѣмъ не хочетъ повѣрять кому бы то ни было свои тайны. Тѣмъ болѣе,—эту. А между тѣмъ, ей такъ хочется быть веселой и счастливой, безпорядочно болтать съ этимъ милымъ человѣкомъ, который такъ привѣтливо смотритъ, обо всемъ, что только придетъ въ голову.

Студентъ уже взялся за фуражку.

— Простите, если я помѣшалъ вамъ! Буду надѣяться, что въ другой разъ...

Леночка испугалась. Только бы опять не остаться одной, лицомъ къ лицу съ гнетущими мыслями и темными загадками, на которыя умъ никакъ не находитъ отвѣта.

— Право же, напрасно вы такъ думаете... Просто я слиш-

комъ много времени провожу въ одиночествѣ, одичала немножко. Останьтесь, прошу васъ. Скоро, навѣрное, придетъ папа. Онъ будетъ очень радъ васъ видѣть.

Папа, навѣрное, придетъ совсѣмъ еще не такъ скоро, но маленькая ложь допустима, если дѣло идетъ почти о собственномъ спасеніи. Онъ, наконецъ, можетъ обидѣться, этотъ милый человѣкъ съ ласковыми глазами,—а вѣдь онъ не виноватъ, что на свѣтѣ по временамъ такъ плохо жить и такъ много дурного скрывается тамъ, гдѣ этого совсѣмъ не подозрѣваешь.

Конечно, можетъ быть, и онъ—какъ всѣ. Вотъ, она вѣрила, что папа, дѣйствительно, добрый и честный человѣкъ, что онъ никому не дѣлаетъ зла,—и вдругъ узнала, что онъ еще такъ недавно принималъ участіе въ самомъ темномъ и гнусномъ дѣлѣ. Теперь ей совсѣмъ уже некому вѣрить, не на кого надѣяться.

И потомъ—она давно уже взрослая, а папа все еще смотритъ на нее, какъ на дѣвочку. Если бы смотрѣлъ иначе, то долженъ бы былъ предупредить заранѣе, спросить, захочетъ ли она оставаться подъ одной кровлей съ палачами. А онъ, вмѣсто этого, только накупилъ разныхъ бездѣлушекъ, оклеилъ ея комнату новыми розовыми обоями. Теперь ей ничего, ничего не нужно изъ всего этого.

Вотъ, можетъ же разговаривать студентъ, какъ равный съ равной, а вѣдь онъ такой умный и ученый, гораздо ученѣе папы. Будущій профессоръ.

Говорили объ университетѣ, о научныхъ командировкахъ, о планахъ студента на ближайшее будущее. Оказалось, что все уже рѣшено и налажено: черезъ какой-нибудь годъ-другой студентъ уже кончитъ, потомъ защититъ диссертацію на магистра и получитъ приватъ-доцентуру. А тамъ еще немного—и ординарный профессоръ. Теперь такая нужда въ ученыхъ. Много каѳедръ совсѣмъ пустуетъ

Будущимъ лѣтомъ поѣдетъ на Средиземное море, изучать тамъ какихъ-то особенныхъ моллюсковъ.

— Это интересно?

— Очень. Кстати объѣду всю французскую и итальянскую Ривьеру, проживу нѣсколько недѣль въ Неаполѣ.

Счастливый! А она, навѣрное, по прежнему будетъ жить здѣсь, за сѣрыми грязными стѣнами, будетъ видѣть все однѣ и тѣ же, похожія одна на другую, блѣдныя фигуры за рѣшетчатыми окнами; каждую ночь будетъ думать, что, можетъ быть, въ нѣсколькихъ шагахъ опять совершается злое ночное дѣло.

Она сказала, что завидуетъ всей его жизни, его будущему, такому значительному и плодотворному. И какъ-то невольно

начала было жаловаться на свою собственную судьбу, н спохватилась и замолчала. Пыталась спрятать за жалкими обрывками истерзанной открытки свои раскраснѣвшіяся щеки.

Студентъ не настаивалъ, чтобы она продолжала. Только глаза смотрѣли еще мягче. Казалось Леночкѣ—хотятъ заглянуть въ самую душу.

— Вѣдь и у васъ—все впереди. Конечно, тоже побываете за границей, покупаетесь въ тепломъ морѣ, будете ходить по пальмовымъ аллеямъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Этого не будетъ.

Слишкомъ недостижимой, сказочной представлялась эта возможность. А между тѣмъ, вѣдь не со всѣми же онъ такъ ласковъ и внимателенъ. Если только хорошенько захотѣть... Стало совѣстно этой мысли. Леночка покраснѣла еще сильнѣе, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ гостемъ.

И вдругъ кольнула мысль, отъ которой сразу сбѣжала вся краска съ лица и разлетѣлся на мелкіе клочки послѣдній обрывокъ открытки.

Можетъ быть, онъ еще ничего не знаетъ. Можетъ быть, если узналъ бы, то совсѣмъ не пришелъ бы сюда, смотрѣлъ бы совсѣмъ другими глазами на нее,—дочь тюремщика. Что, если пройдетъ еще много времени, пока онъ узнаетъ все до конца, и за эти дни сдѣлается ей близокъ, очень близокъ, такъ что невозможно уже будетъ оторвать его отъ сердца?

Нѣтъ, ужъ лучше теперь же. Пусть онъ узнаетъ, какъ ей тяжело. Пусть не думаетъ, что она хоть чѣмъ-нибудь причастна къ тому, что дѣлаетъ отецъ. Тотъ вѣдь самъ скрываетъ отъ нея. Если бы она не прочла случайно газетной замѣтки, тоже не знала бы ничего.

Она рѣшилась, но не знала, съ чего начать. А студентъ смотрѣлъ на ея склоненную голову, на густые, тяжелые, темные волосы. Онъ откровенно любовался ею и вдругъ сказалъ:

— Въ такомъ мрачномъ мѣстѣ, и выросъ такой дивный цвѣтокъ!

Это было довольно шаблонно, но Леночка не поняла. Уловила только, что и ему это мѣсто кажется слишкомъ мрачнымъ и, можетъ быть, ему уже теперь непріятно находиться здѣсь.

— Скажите, вы...—никакъ она не могла подойти къ самому важному.—Вы никогда не думали, какъ имъ плохо... вотъ тѣмъ, которые сидятъ здѣсь?

Кивнула головой въ ту сторону, гдѣ былъ главный корпусъ. Студентъ улыбнулся.

— Что же тутъ особеннаго? Я и самъ сидѣлъ. Право!— Онъ засмѣялся громко, когда увидѣлъ Леночкины удивленные глаза.—Было это, когда забирали чуть не всѣхъ подрядъ, и самъ-то я попался, какъ куръ во щи,—я вообще въ политикѣ ничего не понимаю,—но все-таки просидѣлъ мѣсяца три. И ничего особеннаго! Совсѣмъ не такъ страшно, какъ разсказываютъ. А у вашего папаши такой симпатичный видъ. Навѣрное, подъ его началомъ арестантамъ прекрасно живется. Вѣдь вы не должны на ихъ положеніе смотрѣть со своей собственной точки зрѣнія. У нихъ психика безконечно болѣе грубая. Повѣрьте, что многіе изъ нихъ на свободѣ чувствовали себя хуже.

— Вотъ, и я такъ думала!—почти обрадовалась Леночка.— Но, видите... Вѣроятно, когда вы сами были... арестантомъ... этого еще не было... А теперь... Теперь сколько лѣтъ уже все казнятъ, вѣшаютъ... Понимаете: схватятъ живого, здороваго человѣка и тащатъ его къ петлѣ и вѣшаютъ, а онъ, навѣрное, отбивается и кричитъ. А передъ этимъ ждетъ цѣлые часы, дни... Ждетъ, когда поведутъ...

Леночка заплакала. Въ волненіи она не старалась скрыть своихъ слезъ, а только смѣшно, по дѣтски, размазывала ихъ кулаками по лицу,—и тоненькій носикъ безпомощно покраснѣлъ и распухъ.

— Это, конечно, очень тяжелая тема!—сказалъ студентъ.— И необходимость лишать жизни себѣ подобныхъ—тяжелая необходимость. Вы вѣдь знаете, я—не юристъ, а естественникъ. Съ точки зрѣнія закона я не могу разбираться... Я знаю только, что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ все-таки примѣняютъ смертную казнь. И, какъ естественникъ, я долженъ знать, что существуютъ преступники неисправимые и на столько вредные для общества, что ихъ необходимо изолировать навсегда. Можно запереть до самой смерти въ одиночную камеру, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, въ Италіи,—но вѣдь это еще хуже. Все равно, такіе заключенные неизбѣжно сходятъ съ ума или кончаютъ самоубійствомъ, и получается та же смертная казнь, только квалифицированная. Мнѣ кажется, что противъ умѣстности смертной казни вообще нельзя спорить. Другое дѣло—сторона, такъ сказать, бытовая. Конечно, тутъ очень возможны разные эксцессы, излишняя, неоправдываемая обстоятельствами жестокость. Со стороны общества естественно требовать, чтобы самый процессъ казни причинялъ осужденному возможный минимумъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Въ сущности, это даже не наказаніе, ибо казнь сама по себѣ есть просто перерывъ жизненнаго процесса, лишеніе мысли и сознанія. Это, такъ сказать, ампутація, удаленіе вреднаго,

члена, который можетъ заразить все тѣло. И даже чисто устрашающее вліяніе казней весьма сомнительно, потому что совершенно не подтверждается статистикой. Съ вашей стороны, конечно, вполнѣ естественно реагировать протестующе на это явленіе, потому что при вашемъ комплексѣ воспріятій оно не находитъ достаточнаго оправданія. Но, повторяю, съ точки зрѣнія чисто научной, освобожденной отъ этическихъ эмоцій...

И такъ говорилъ еще долго, прислушиваясь къ звукамъ своего голоса, и плавно размахивалъ рукою, дѣлая ею округленные жесты, подмѣченные у какого-то популярнаго профессора. А ласковые глаза смотрѣли теперь серьезно и важно, какъ будто фиксировали передъ собою многолюдную и внимательную аудиторію.

Леночка перестала плакать и слушала. Для нея было неожиданностью, что студентъ не волнуется, не говоритъ громкихъ и страшныхъ словъ, а относится къ позорному ночному дѣлу такъ же спокойно, какъ къ какому-нибудь моллюску изъ Средиземнаго моря. Многое въ его словахъ казалось ей непонятнымъ, и тогда она съ новымъ стыдомъ сознавала свое собственное невѣжество. И вздохнула съ облегченіемъ, когда поняла, наконецъ, что въ этомъ вопросѣ есть не одно мнѣніе и что, обсуждая его научно, можно даже найти многое въ пользу того, что теперь дѣлается.

Думала: какъ хорошо, что онъ такой ученый и говоритъ такъ умно и гладко, разрѣшая казавшееся неразрѣшимымъ. Но когда студентъ кончилъ и, все еще сохраняя важное выраженіе на лицѣ, закурилъ папиросу,—Леночка почувствовала, что ея сомнѣнія все-таки не разсѣялись и горе не исчезло, а только спряталось глубже. И она выговорила не громко, но настойчиво:

— Все-таки, это дурно, очень дурно! Никто не имѣетъ права убивать, по закону или безъ закона. На войнѣ тоже убиваютъ, но тамъ вооружены обѣ стороны, и каждый надѣется, что можетъ еще остаться въ живыхъ. А тутъ цѣлой толпой убиваютъ одного безоружнаго. Можетъ быть, такъ дѣлать необходимо для вашего общества, но все-таки это убійство...

— Естественно, что вы такъ думаете!—довольно вяло повторилъ студентъ одинъ изъ своихъ аргументовъ. Интересъ къ предмету разговора у него уже нѣсколько ослабѣлъ, и студентъ начиналъ думать, что Леночка интереснѣе, когда шутитъ и смѣется, чѣмъ когда старается быть слишкомъ умной. И вообще въ женскомъ обществѣ онъ предпочиталъ быть просто мужчиной, а не будущимъ профессоромъ.

Нѣсколько разъ усиленно затянувшись папиросой и не

дождавшись отвѣтной реплики со стороны Леночки, онъ проговорилъ:

— У васъ очень уютно здѣсь, но все таки это—неподходящая для васъ обстановка. Выходите поскорѣе замужъ. Изъ васъ получится чудесная жена, право!

— Почему это?—искренно удивилась Леночка. При мечтахъ о замужествѣ она думала всегда только о своемъ будущемъ мужѣ, а не о себѣ самой.

— У васъ, навѣрное, прекрасное, доброе сердце. И вы будете такимъ хорошимъ товарищемъ для вашего мужа.

Леночка разсердилась. Кажется, никто не предоставлялъ ему права раздавать аттестаты.

— Я никогда не выйду замужъ!

Студентъ опустилъ глаза внизъ, улыбнулся чуть замѣтно, подъ усами.

— Папаша вашъ не идетъ, однако. Боюсь, не слишкомъ ли я долго засидѣлся для перваго визита.

— У него теперь много работы. И кромѣ того...—Она вдругъ выговорила жестко и отчетливо, глядя прямо въ глаза студенту:—Папа долженъ присутствовать при исполненіи казней. Онъ на дняхъ еще повѣсилъ четверыхъ. Вы, навѣрное, читали? Да?

— Ну, знаете...—Студентъ замялся и долго гасилъ папиросу въ пепельницѣ.—Какъ это вы... рѣзко! Вы, можетъ быть, и въ глаза ему такъ говорите?

— Да вѣдь это правда!

— Совсѣмъ неправда! Вѣшаютъ палачи, а не тюремные начальники. И, простите за нескромность, но если вы, дѣйствительно, сказали ему что-нибудь въ такомъ родѣ, то это совсѣмъ напрасно. Онъ очень почтенный человѣкъ, вашъ папаша. И уже пожилой. Ему, навѣрное, было очень непріятно.

Леночка кусала губы, чтобы не расплакаться снова. Студентъ своимъ мягкимъ голосомъ обвинялъ ее, и она невольно чувствовала себя виноватой.

Можетъ быть, она и въ самомъ дѣлѣ поступила слишкомъ жестоко. Вотъ онъ—умный и, конечно, добрый... онъ не долженъ быть злымъ,—онъ защищаетъ, оправдываетъ.

Папа и такъ сильно осунулся за послѣднее время, выглядитъ совсѣмъ нездоровымъ. Конечно, ему тоже тяжело; онъ страдаетъ.

— Хотите...—жалобно выговорила Леночка,—хотите, я вамъ свой альбомъ покажу... Тамъ есть очень интересныя карточки!

Начальникъ сидѣлъ въ конторѣ, въ своемъ кабинетѣ и тупо смотрѣлъ на вылинявшія таблицы фотографій. Съ всѣми

текущими дѣлами онъ давно уже покончилъ, и писаря въ конторѣ ждали нетерпѣливо, когда онъ, наконецъ, уйдетъ къ себѣ на квартиру и можно будетъ вздохнуть посвободнѣе. Но начальникъ медлилъ. Угнетала его съ утра сильная слабость послѣ сердечного припадка. Не хотѣлось шевелиться, подниматься по крутой, неудобной лѣстницѣ. Лучше было сидѣть такъ, откинувшись на спинку кресла и протянувъ руки вдоль колѣнъ. И, кромѣ того, тамъ, наверху, ожидало, навѣрное, заплаканное, разстроенное лицо Леночки съ нѣмымъ, но явнымъ укоромъ въ глазахъ. Тамъ теперь—не отдыхъ, а мученіе.

Пожалуй, ужъ лучше было бы умереть, развязаться навсегда со всѣми этими хлопотами и непріятностями, освободиться отъ больного, дряхлѣющаго тѣла. Начальникъ старался убѣдить себя въ этомъ, старался думать о своей болѣзни, какъ о чемъ-то простомъ и совсѣмъ не страшномъ, но страхъ противъ воли закрадывался въ душу, грубо срывалъ покровы съ взлелѣяннаго обмана, становился передъ глазами—такой тусклый, неприкрашенный и потому особенно жуткій.

Не столько тяготила самая загадка смерти, то темное ничто, которое ждало за могилой, сколько переходъ изъ жизни къ небытію, тѣ самыя минуты, такія мучительныя и, конечно, безумно длительныя, когда уже извѣстно, что это—конецъ, послѣдніе вздохи, послѣдніе взгляды, послѣднія движенія.

Вотъ и жизнь, какъ будто, совсѣмъ уже не такъ хороша и привлекательна, совсѣмъ не такъ много въ ней счастья и ничѣмъ не затемненной радости,—а между тѣмъ, какъ нелѣпо думать, что она подходитъ къ концу, и если не будетъ больше этихъ радостей, то не будетъ также и горькихъ и тоскливыхъ страданій.

Лучше бы горе, лучше бы муки, страданія, въ тысячу разъ больше страданій,—но только не это, не конецъ. Даже совсѣмъ потерять силы, свалиться въ постель, лежать въ душной и смрадной больничной палатѣ отъ часа къ часу, отъ дня къ дню,—но только не подходить совсѣмъ близко къ этой послѣдней границѣ, не видѣть подъ ногами леденящей бездны.

Начальникъ опустилъ глаза внизъ, видѣлъ свой толстый, обтянутый форменнымъ сюртукомъ животъ съ рыхлыми поперечными складками между рядами пуговицъ, видѣлъ безсильно упавшія руки съ рыжеватыми курчавыми волосками на дряблой кожѣ,—и вдругъ почувствовалъ, какъ сильно онъ любитъ это свое тѣло, такое уродливое и подчасъ надоѣдающее своей неуклюжестью. Почти съ нѣжностью под-

нялъ онъ одну руку поближе къ глазамъ и опять опустилъ ее бережно, словно хрупкую фарфоровую вещицу.

И самъ отвѣтилъ себѣ:

— Потому-что это—жизнь.

Онъ всегда аккуратно ходилъ въ церковь, такъ какъ туда гнала служба и призывала долголѣтняя привычка, исповѣдывался и причащался, испытывалъ нѣкоторое мягкое умиленіе, когда хоръ пѣлъ на клиросѣ что-нибудь торжественное и печальное,—но на этомъ только и кончались всѣ его отношенія къ религіи. О Богѣ, о загробной жизни онъ никогда еще не думалъ и не умѣлъ думать. Связывалъ свое существованіе съ одной только землей,—и теперь чувствовалъ, что уже поздно передѣлывать себя и начинать думать какъ-нибудь иначе. И страхъ смерти принималъ только какіе-то новые, болѣе сложные и жуткіе оттѣнки, когда бродили въ душѣ разрозненные обрывки религіозныхъ переживаній, и дѣтскія воспоминанія о примитивномъ адѣ съ чугунными сковородками для грѣшниковъ перемѣшивались съ плохо усвоенной идеей объ искупленіи.

Лучше все таки, чтобы тамъ не было ничего,—хотя и это ничто уже достаточно ужасно и неразрѣшимо загадочно.

Вотъ, сердце еще бьется въ груди,—больное, но бьется,—и горячая живая кровь еще течетъ въ жилахъ. Въ головѣ по прежнему совершается сложная работа мысли, столь же невѣдомая, въ сущности, какъ сама смерть, но уже привычная и потому не загадочная. Вѣдь неизвѣстно же, на сколько еще хватитъ этого біенія и этой крови. Можетъ быть, еще надолго и—рано думать. Все равно—не избѣжать. Такъ лучше не думать.

Но голосъ, все тотъ же властный голосъ ужаса смѣялся надъ этимъ обольщеніемъ, надъ этой дырявой маской, которая не могла скрыть костляваго лица смерти. Голосъ подсказывалъ:

— Скоро!

И Богъ знаетъ, какъ лучше,—внезапно или постепенно, послѣ долгой подготовки, которую даетъ предсмертная болѣзнь. Можетъ быть,—нѣтъ настоящей внезапности. Всегда найдется мигъ, хотя-бы одинъ короткій мигъ, когда сознаніе успѣетъ постичь, что это—конецъ. И потомъ все на свѣтѣ останется по прежнему, будетъ смѣяться Леночка, которая, конечно, скоро утѣшится, будетъ зеленѣть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ купленная для ея комнаты пальма.

Подумалъ о Леночкѣ и вспомнилъ, что вѣроятно, давно уже пора идти наверхъ обѣдать,—какъ это ни скучно. Грузно поднялся съ мѣста, стараясь на дѣлать никакихъ рѣзкихъ движеній, взялъ въ руку фуражку и, не надѣвая

ее, чтобы сквознякъ на лѣстницѣ немного обвѣялъ голову, пошелъ изъ конторы.

Въ большой комнатѣ вытянулись въ струнку писаря, почтительно закивалъ бакенбардами Семенъ Ивановичъ. Начальнику показалось, что всѣ они знаютъ о его болѣзни, о его только что пережитыхъ думахъ и потому такъ особенно почтительны. Вѣдь всегда при умирающихъ говорятъ шепотомъ и ходятъ на цыпочкахъ, даже если они сами ничего уже больше не могутъ слышать. Сдѣлалось обидно, и, чтобы облегчить душу, начальникъ придрался къ какой-то мелочи, долго кричалъ и ругался, размахивая фуражкой передъ физіономіей Семена Ивановича. Наконецъ сердито хлопнулъ дверью, поднялся по лѣстницѣ. Долго отдыхалъ на площадкѣ, ожидая, когда пройдетъ боль въ сердцѣ.

Дверь открыла прислуга,—не Леночка.

„Все еще сердится!"—подумалъ начальникъ и сразу обмякъ, раскисъ, даже поперечныя складки на животѣ сдѣлались еще мягче и глубже.

Онъ прошелъ мимо накрытаго для обѣда стола въ гостиную и увидѣлъ тамъ Леночку съ альбомомъ на колѣняхъ и студента, который стоялъ, облокотившись на спинку Леночкина кресла, и говорилъ что-то, нагнувшись къ самому ея уху. У Леночки было доброе и счастливое лицо, и уши горѣли яркимъ румянцемъ.

На шумъ шаговъ Леночка подняла глаза, увидѣла отца, который остановился въ дверяхъ, придерживая одной рукой портьеру. И какъ будто сейчасъ только разглядѣла его сразу постарѣвшее, осунувшееся лицо, сгорбившіяся плечи.

Крупный и толстый, онъ все таки казался какимъ-то слабымъ и пришибленнымъ, и было что-то совсѣмъ дѣтское, почти безпомощное во всей его фигурѣ. Леночка почувствовала, что онъ очень несчастенъ, и это сознаніе задѣло ее тѣмъ острѣе, что сама она была сейчасъ опять молода и радостна. Она бросила альбомъ на коверъ, обняла отца за шею, поцѣловала его въ обѣ щеки и тогда только сказала:

— А у насъ гость, папочка! Почему ты такъ поздно?

— Дѣла задержали немножко!—радостно улыбнулся начальникъ, протягивая руку студенту.—Очень радъ васъ видѣть. У насъ тутъ скучновато немножко, скучновато. Ну, и Леночка моя загрустила. Ужъ вы ее развлекайте, пожалуйста!

Онъ убѣдительно уговаривалъ студента остаться обѣдать, хотя Леночка и дѣлала изъ-за спины гостя предостерегающіе знаки: обѣда могло не хватить на троихъ. Но студентъ торопился на какое то свиданіе, будто бы назначенное ему проѣзжимъ профессоромъ, и скоро ушелъ.

Обѣдали вдвоемъ.

Леночка передавала разсказы гостя, восхищалась его умомъ, даже его галстухомъ и ловко сшитымъ костюмомъ. И старательно избѣгала той темы, которая, какъ разъ, острѣе всего занимала ее при началѣ разговора со студентомъ,—а начальникъ обжигался супомъ и смотрѣлъ на дочь благодарными глазами.

Въ концѣ обѣда, когда уже ѣли сладкое, онъ сказалъ:

— Да, Леночка, я, право, очень радъ, что ты, наконецъ, заводишь свои знакомства. Я самъ, видишь ли, все что-то прихварывать начинаю. Ну, и вообще что-то тяжело мнѣ! Такъ ужъ ты побереги старика, если любишь его немножко.

Совсѣмъ размякшій, онъ не могъ не подѣлиться новой служебной непріятностью.

— Ты знаешь, какъ я къ арестантамъ отношусь: никто не можетъ пожаловаться. И вдругъ сегодня въ ночь такую мнѣ штуку устроили... И придется теперь отписываться передъ всякимъ начальствомъ... Хорошо еще, если однимъ выговоромъ по службѣ дѣло кончится...

Леночка наливала сливки въ тарелочку съ земляникой и думала о Средиземномъ морѣ, о поѣздкахъ вдвоемъ лунной ночью, о Неаполитанскомъ заливѣ, надъ которымъ вѣчнымъ факеломъ свѣтитъ Везувій, и о садахъ Ниццы. Спросила совсѣмъ разсѣянно,—только чтобы не обидѣть:

— А что такое, папочка?

— Да гадость, однимъ словомъ... Взяли и покончили жизнь самоубійствомъ. И какъ надзиратель не доглядѣлъ— не понимаю. Смѣстилъ его въ выходные, но теперь уже толку мало.

XX.

Для того, чтобы браслеты ножныхъ кандаловъ не врѣзались въ тѣло при ходьбѣ, каторжные носятъ подкандальники: куски кожи, подшитой сукномъ или тонкимъ войлокомъ. Смертникамъ подкандальниковъ не выдаютъ, потому что имъ ходить некуда.

Но они все таки ходятъ. Ходятъ взадъ и впередъ по своимъ камерамъ, волоча цѣпи, и у бродяги на одной ногѣ образовалась большая гноящаяся рана. На днѣ раны, когда бродяга промываетъ ее водой, виднѣется что то бѣлое, твердое,—должно быть, кость. Во время побоища разбередили рану, вся нога теперь опухла и покраснѣла. Бродяга больше уже не можетъ ходить. Лежитъ на нарахъ, вытянувъ больную ногу, какъ бревно. Когда хочетъ повернуться,

принять болѣе удобное положеніе—мѣшаютъ наручни. Товарищу помогаетъ телеграфистъ.

Телеграфистъ молчаливъ. Въ этотъ день онъ нѣсколько разъ брался за свои учебники, раскрывалъ начинавшія уже трепаться странички. Упрямымъ напряженіемъ воли старался сосредоточиться на наивныхъ и немножко смѣшныхъ фразахъ перевода, въ которыхъ слишкомъ часто попадались добрыя садовницы и племянники бабушки. Но умъ отказывался отъ привычной работы. Оборвалась какая то связь, и знакомыя прежде слова чернѣли на страницахъ совсѣмъ безсмысленныя, мертвыя.

Въ послѣдній разъ онъ бережно закрылъ учебникъ, отложилъ его подальше, чтобы не попадался больше на глаза. И опять спросилъ человѣка безъ имени, возвращаясь все къ одному и тому же наболѣвшему вопросу:

— Какъ вы думаете, они очень страдали,—въ самый послѣдній моментъ, когда уже рѣшились? Мнѣ кажется, что если бы хорошо владѣли собой, то нашли бы возможность какъ-нибудь сообщить намъ, предупредить...

— Зачѣмъ?

— Да, можетъ быть... Можетъ быть, еще не хватило бы воли и отчаянія. Остановилась бы рука, уже готовая затянуть петлю. И была бы только лишняя мука, лишняя казнь при сознаніи, что товарищи уходятъ, и не можешь послѣдовать за ними.

Узнали о смерти двоихъ только утромъ, когда надзиратели выносили ихъ трупы, разговаривая громко, не стѣсняясь. А Жамочка видѣлъ даже носилки, на которыя сложили обоихъ вмѣстѣ,—и два трупа обнялись на ихъ грязномъ полотенцѣ мертвымъ скованнымъ объятіемъ.

Испугало Жамочку искаженное лицо Абрама. И потомъ онъ разсказывалъ телеграфисту, выкрикивая въ форточку:

— Злой, очень злой былъ! И духамъ даже было страшно: они его тряпкой прикрыли. На другого—ничего, смотрѣли, а Абрама прикрыли.

Спрашивалъ еще, стараясь помочь себѣ въ той непривычной работѣ, которую совершалъ его мозгъ послѣ казни Ленчицкаго:

— Хорошо они сдѣлали или худо? И если хорошо, то почему злой?

Телеграфистъ не зналъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ, и молчалъ. Не хотѣлъ толкать Жамочку на тотъ же путь, такъ какъ все еще надѣялся, что его могутъ помиловать. И Жамочка отвѣчалъ самъ себѣ:

— Должно быть, хорошо. Вѣдь теперь уже ихъ не будутъ вѣшать.

Странная, гнетущая пустота была въ маломъ коридорѣ безъ Абрама. Такъ привычно было слышать его голосъ, то негодующій, то веселый, съ рѣзкимъ горловымъ акцентомъ. И въ глубинѣ души никто не вѣрилъ, что Абрамъ умеръ. Просто—ушелъ куда-то. Сумѣлъ перешагнуть ту черту, которая отдѣляетъ малый коридоръ отъ всего остального міра. И тамъ, за чертой, можетъ быть, теперь развернулся уже его духъ, освобожденный отъ цѣпей и сумрака камеры, О политическомъ думали мало, связывали его въ одно цѣлое съ Абрамомъ.

— Случись это на волѣ,—сказалъ бродяга,—то я и не баба, а сталъ бы плакать. А тутъ вотъ, не плачемъ, говоримъ себѣ. И не такъ уже жалко. Къ смерти мы привыкли или что другое?

— Къ смерти нельзя привыкнуть!—отрицательно качалъ головой телеграфистъ.—Только къ ней и нельзя. А ко всему другому можно. И если съ человѣка каждый день понемножку сдирать кожу, такъ онъ тоже привыкнетъ. Такъ и мы. Намъ теперь все равно.

— А ему, значитъ, было не все равно. Иначе не удавился бы самъ, а ждалъ бы, когда другіе удавятъ. У него душа горячая была. Не такая, какъ у насъ. Мы здѣсь замерзаемъ, а онъ горѣлъ.

Но не договаривали до конца, не спрашивали себя прямо, безъ недомолвокъ:

— Чего же мы ждемъ еще? Пора уже. Вѣдь впереди—только лишнія мученія. Чего же мы ждемъ?

Человѣкъ безъ имени очень страдалъ, часто не могъ удерживать стоновъ, и тогда телеграфистъ старался незамѣтно затыкать уши, чтобы ничего не слышать.

Разговаривали вяло, по нѣскольку разъ повторяли одно и то же. Лѣниво слѣдили за солнечнымъ лучомъ, который какимъ то чудомъ проникъ въ камеру, когда солнце было уже совсѣмъ низко, и медленно ползъ по стѣнѣ, обнажая ея грязь и пыльныя трещины.

Такой же лучъ пробрался и въ камеру къ Жамочкѣ, но Жамочка смотрѣлъ на него внимательнѣе, обрадованный этимъ веселымъ свѣтлымъ пятнышкомъ. Такъ давно уже не видѣлъ онъ солнца надъ своей головой, почти забылъ о немъ. А когда былъ на волѣ, совсѣмъ не обращалъ на него вниманія, даже нарочно старался ютиться гдѣ-нибудь въ сырой тѣни, подальше отъ чужихъ взглядовъ.

Выросъ на улицѣ, промышлялъ нищенствомъ, работая на хозяина, который держалъ еще человѣкъ десять мальчиковъ и дѣвочекъ, такихъ же грязныхъ, забитыхъ и, въ то же время, тупо наглыхъ. Когда подросъ, къ нищенству

присоединился продажный развратъ,—и некогда было думать о солнцѣ и обо всемъ, что свѣтло и радостно. Такой же темный и развратный пришелъ въ тюрьму, такой же сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ,—и чистенькій, гладко причесанный предсѣдатель въ новенькой формѣ и въ блестящихъ орденахъ брезгливо кривилъ губы, когда обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ. А потомъ судъ, послѣ коротенькаго совѣщанія, вынесъ свой приговоръ, и ни опытному въ такихъ дѣлахъ предсѣдателю, ни только что явившимся изъ своихъ частей временнымъ членамъ не было жаль человѣка, котораго они осудили и о которомъ во время суда узнали только одно мрачное, позорное и постыдное.

Теперь Жамочка сидѣлъ и смотрѣлъ на тоненькій, блѣдный лучъ, убѣгавшій уже къ самому своду. И слишкомъ поздно зародившіяся мысли все упорнѣе осаждали низколобую голову, ставили одну за другой неразрѣшимыя загадки. Онъ чувствовалъ, что не дождется отвѣта. Самъ былъ слишкомъ безсиленъ, а никто другой не хотѣлъ и не могъ помочь.

— Вотъ, хорошо было бы тогда, вмѣстѣ съ Ленчицкимъ... А теперь сиди—и жди, жди. И съ каждымъ днемъ все хуже.

Потому что теперь хотѣлось уже не умереть, а познать жизнь.

Солнечный лучъ убѣжалъ, и сразу сдѣлалось совсѣмъ темно и холодно. Въ коридорѣ запахло керосиномъ: ламповщикъ принесъ заправленную и уже зажженую на ночь лампу.

Въ шестомъ номерѣ двое,—старикъ и высокій,—сидятъ по разнымъ угламъ и переругиваются шипящимъ змѣинымъ шепотомъ. И у сѣдого желтые, но еще ровные и крѣпкіе зубы оскаливаются, какъ у волка.

— Богу все молится, святоша!—шепчетъ высокій.—Кресты кладетъ. Самъ заманилъ, навелъ на такое дѣло, а теперь грѣхи замаливать? Врешь братъ. Туда такихъ не пускаютъ,—въ рай то! И Богу твоему до тебя, все равно, никакого дѣла нѣтъ, потому что ты—тля, мразь, а не человѣкъ. Христопродавецъ ты! Изъ-за кого пропадаю?

— А я выдавалъ, что ли? Въ полицію доносилъ? Самъ попался, такъ за себя и отвѣчай... На меня зачѣмъ сваливать? Я старый человѣкъ. У меня семья есть. Развѣ я одинъ тоже пошелъ бы... Господи, спаси мя и помилуй, и заступи своею благодатью... Грѣхъ тебѣ! Теперь-то уже миромъ надо бы ладить, а ты злобишься. Отойди, сатана... Не смущай!

— Врешь! Буду смущать, потому что ты и меня самого смутилъ. Хоть бы убрали тебя въ какое другое мѣсто, а то торчишь, словно бѣльмо на глазу. Видѣть я тебя не могу,

змѣю! Душа моя не переноситъ. Такъ бы вотъ сейчасъ на клочья и изорвалъ тебя...

Старый еще глубже забивается въ уголъ, прижимается крѣпко спиной къ стѣнѣ, чтобы лучше обезопасить себя на случай неожиданнаго нападенія. У высокаго такое лицо, какъ будто онъ готовъ уже привести въ исполненіе свою угрозу. И старикъ дрожитъ.

— Господь съ тобой! Вѣдь и самъ, пожалуй, у гроба стоишь.

— Знаю. Потому и видѣть тебя не могу. Аспидъ ты! Не даромъ отъ тебя и баба твоя всегда плакалась. Тебя бы, какъ ты родился, такъ сейчасъ сюда и упрятать, чтобы не вредилъ людямъ! Вотъ, молишься, стало быть, вѣруешь. Такъ какъ же ты съ вѣрой-то? У тебя и вѣра, стало быть, собачья: изъ подъ кнута. Какъ надѣли петлю на шею, то и пошелъ угодниковъ поминать. А раньше что думалъ? Задумалъ тоже на чужомъ огнѣ руки погрѣть, старый дуракъ

Долго они молчали, не шевелились. Слышно было только тяжелое дыханіе высокаго, да подавленные вздохи старика. Когда эта тишина сгустилась вмѣстѣ съ вечерней темнотой, повисла плотно и тяжело, отягощая тѣло цѣпями ужаса, опять зашепталъ высокій:

— Какъ-нибудь ночью придушу тебя, такъ и знай! Мнѣ теперь все равно. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Но по крайности буду знать, что отъ моей руки подохъ ты.

— Зачѣмъ пугаешь? Все на меня, а въ самомъ души нѣту. Словно какъ я по своей волѣ тутъ у тебя на глазахъ. Да если бы привелъ Господь освободиться...

— Погоди, освободишься... Получишь свободу, какъ жидъ изъ третьей камеры... Вотъ бы цѣпью этой самой тебя по башкѣ.

Гулко лязгаютъ наручни,—и сѣдой прячетъ голову въ плечи, громко молится. Но высокій уже остылъ. Ложится въ привычную позу, накрывается бушлатомъ. И когда шумно проходитъ коридоромъ вечерняя повѣрка—не встаетъ, даже не поднимаетъ головы, и помощникъ Семенъ Ивановичъ видитъ сквозь форточку только его ноги, торчащія носками кверху, какъ у покойника.

На дежурствѣ—новый надзиратель, котораго перевели сюда изъ слѣдственнаго коридора. Надзиратель давно уже служитъ въ этой тюрьмѣ, на шеѣ у него выглядываетъ изъ-подъ расчесанной на двое бороды большая, какъ блюдечко, серебряная медаль. На свой переводъ къ смертникамъ онъ смотритъ, даже какъ на нѣкоторое повышеніе, потому что здѣсь меньше хлопотъ, чѣмъ въ буйномъ многолюдствѣ под-

слѣдственныхъ. Поэтому на лицѣ у него спокойная улыбка довольнаго собой и вполнѣ обезпеченнаго человѣка.

Онъ ходитъ по коридору, чтобы размять страдающія легкимъ ревматизмомъ ноги, мурлыкаетъ въ бороду какую-то пѣсенку. Глазки у него узенькіе, хитрые, хохлацкіе. Шныряютъ по сторонамъ, какъ двѣ сѣрыя мышки, подбираются къ вкусному завтраку.

Ходилъ долго, пока не усталъ. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть, заглянулъ въ форточку. Двѣ камеры теперь совсѣмъ пустуютъ. Можно было бы оставшихся смертниковъ разсадить просторнѣе, но помощникъ говоритъ, что это не стоитъ труда. Все равно, скоро уберутъ всѣхъ, и, кромѣ того, могутъ прибавиться новые. Въ слѣдственномъ нѣсколько человѣкъ числится за военнымъ судомъ,—и почти всѣ со смертными статьями.

Вотъ совсѣмъ пустой номеръ, гдѣ двое повѣсились. Рядомъ—одинъ Иващенко. Новый его знаетъ, потому что тогда, на разсвѣтѣ, былъ на хозяйственномъ дворѣ. И потому съ особеннымъ любопытствомъ вглядывается въ густой сумракъ камеры.

Можно разглядѣть, что Иващенко сидитъ прямо на полу, около наръ, но какъ-то странно выгнулъ туловище,—и не шелохнется, словно деревянный или просто неживой. Новый надзиратель озабоченно поправляетъ медаль. Можетъ быть, и этотъ надумалъ то же, что сдѣлали въ четвертомъ. И, пожалуй, придется тоже отвѣчать совсѣмъ безвинно.

— Иващенко, слушь-ка!

Не отзывается. Въ согнувшемся темномъ комкѣ нельзя отличить лица.

— Иващенко, тебѣ говорятъ! Ложись на показанное мѣсто Чего сидишь на полу-то?

Онъ сказалъ строго, пристукнулъ даже кулакомъ по краю форточки, но темное тѣло опять не отозвалось, не перемѣнило положенія.

Тогда новый надзиратель прошелся дальше, прислушался у шестого номера, налѣво отъ палача. Покачалъ головой.

— Что говорятъ... Какъ два паука въ одной банкѣ.

Въ третьемъ номерѣ телеграфистъ подозвалъ самъ.

— У товарища нога очень разболѣлась! Надо бы фельдшера.

— Какого же теперь фельдшера, на ночь глядя? Ужо придетъ завтра, ежели разрѣшитъ начальникъ.

— До завтра хуже разболится. Вѣдь люди же мы! Нога вся горитъ, какъ огонь.

— Ничего! Не на свадьбѣ танцовать.

Милькомъ заглянулъ къ Жамочкѣ и опять вернулся на-

противъ, къ палачу. Руки, какъ будто лежатъ теперь иначе, но ручаться нельзя. Можетъ быть, просто не запомнилъ.

— Тебѣ сколько разъ говорить, Иващенко? Спишь? Мнѣ, братъ, недолго и караулъ вызвать. Пощекочатъ штыками-то, живо взбодрятъ!

Когда и эта угроза не оказала никакого дѣйствія, новый надзиратель сталъ было втупикъ, не зная, что предпринять дальше. Но скоро придумалъ. Уткнулся въ самую форточку и заговорилъ явственнымъ, но совсѣмъ тихимъ шепотомъ, такъ, чтобы не могли услышать другіе:

— Теперь, братъ, тебѣ совсѣмъ уже полная отставка! Завтра съ поѣздомъ настоящаго ожидаютъ. Онъ тебя живо обучитъ... на твоей шеѣ.

И этотъ осторожный шепотъ, должно быть, быстрѣе и глубже проникъ въ сознаніе палача, чѣмъ грозные окрики. Иващенко сначала съежился еще сильнѣе, нотомъ вдругъ выпрямился, сталъ длинный и тонкій, какъ шестъ, на которомъ прямыми складками болталась одежда. Даже кривыя ноги какъ будто тоже вытянулись, сдѣлались прямѣе и тоньше. Длинной черной линіей метнулся онъ къ форточкѣ, и новый надзиратель совсѣмъ близко передъ собой увидѣлъ корявое лицо съ рыжеватыми кустиками на скулахъ и подбородкѣ, широко открытые глаза съ неравными зрачками.

— Нѣтъ, неправда, вѣдь! Не завтра еще.

Какъ будто не спрашивало, а уговаривало, убѣждало со всей силой страсти это лицо. Новый самодовольно кашлянулъ, пожалъ плечами.

— Правда или нѣтъ—это еще бабушка на-двое сказала. А вотъ ты, пока что, истукана-то не строй! Ложись, гдѣ показано. Спать можешь, храпѣть можешь. Хочешь — реви, какъ мальчишка изъ второго номера, а истукана не строй. Вотъ что!

Совсѣмъ успокоенный, онъ ушелъ къ скамеечкѣ, устроился поудобнѣе, намѣреваясь просидѣть такъ уже до самой смѣны. А Иващенко въ своей камерѣ долго метался отъ наръ къ форточкѣ, звенѣлъ кандалами и повторялъ все такъ же убѣдительно:

— Не завтра еще! Неправда! Не завтра!

Потомъ запустилъ пальцы въ жидкіе волосы, закружился на одномъ мѣстѣ, какъ волчокъ.

— Ой, не завтра!

Въ третьей камерѣ телеграфистъ старался перевязать получше больную ногу бродяги, но скованныя руки не слушались, и плохо было видно въ сторонѣ отъ форточки. Вмѣсто того, чтобы принести облегченіе, только еще хуже растрево-

жилъ рану. Бродяга скрипѣлъ зубами, временами отрывисто выговаривалъ:

— Будетъ ужъ! Не надо. Все равно, только скорѣе бы...

Телеграфистъ чувствовалъ себя виноватымъ, что ничѣмъ не можетъ облегчить его страданій. Глубоко въѣвшееся сознаніе позорнаго безсилія сдѣлалось какъ-то еще острѣе, глубже. Не чувствовалъ больше себя человѣкомъ и словно весь былъ сотканъ изъ одного только гнетущаго стыда и отчаянія. Жалобно просилъ:

— Простите, милый... Что же я могу? Вы видите...

— Да, да, хорошо. И мнѣ теперь получше, какъ будто... Не такъ жжетъ.

Завѣдомо лгалъ, но телеграфисту хотѣлось вѣрить. Онъ легъ на свое мѣсто, подмостилъ подъ голову сложенный бушлатъ вмѣсто слежавшейся, какъ камень, набитой соломой подушки. Его знобило, и судорожная дрожь пробѣгала по всему тѣлу, когда приходилось случайно обнаженной кожей прикасаться къ желѣзу кандаловъ. Прислушивался внимательно къ дыханію сосѣда, готовый подняться на первый призывъ о помощи. Но бродяга больше не жаловался, лежалъ смирно и дышалъ совсѣмъ ровно, какъ спящій.

Телеграфистъ чувствовалъ себя очень усталымъ. Ныло все тѣло, еще не оправившееся послѣ побоевъ. Въ прошлую ночь тоже лихорадило, не сомкнулъ глазъ до утра,—и теперь вѣки смыкались сами собою, тяжелыя, какъ налитыя свинцомъ. И сейчасъ же замелькали въ темнотѣ дремотные образы, приходившіе издалека. Они словно сгущались изъ мрака, освѣтлялись, переливали почти живыми красками и опять исчезали въ однотонномъ, безличномъ ничто.

Были и знакомыя лица, но неестественно выросшія, какъ отрубленная голова великана, или совсѣмъ крошечныя, какъ морщинистыя личики гномовъ. Ихъ знакомыя черты странно искажались, и красивое дѣлалось чудовищнымъ, а уродливое привлекательнымъ. Смотрѣли и мигали тысячи глазъ, и среди нихъ—глаза женщины, когда-то любимой, но вокругъ нихъ уродливо искривились жидкія рѣсницы, облѣпленныя комочками засохшаго гноя, и смотрѣли они не съ любовью, а съ ненавистью.

Какъ будто все доброе переродилось, пришло къ своему собственному отрицанію, къ крайней чертѣ безобразія и порока.

Ползли въ желтомъ свѣтящемся туманѣ чудовища на низенькихъ кривыхъ лапахъ съ мягкими перепонками межъ скрюченныхъ когтистыхъ пальцевъ. Чудовища, похожія на древнія порожденія земли, давно смытыя вѣками. Разѣвали смрадныя пасти, дразнили раздвоенными змѣиными язы-

ками, съ которыхъ, дымясь, капалъ ядъ и горѣлъ въ туманѣ бурымъ огнемъ. Вились среди нихъ, любовно прижимаясь къ скользкимъ слизистымъ спинамъ, нагія и прекрасныя женщины, окутанныя, какъ сѣтью, длинными прядями своихъ рыжихъ волосъ, и сладострастно ловили открытыми розовыми ртами пылавшія капли яда. Во всей своей прелести эти женщины были безконечно близки безобразію чудовищъ, съ наглымъ хохотомъ уничтожали границу между добромъ и зломъ, между ложью и истиной.

Проползали чудовища, были совсѣмъ близко и, когда почти обжигалъ уже жаръ ихъ дыханія, безслѣдно таяли въ темнотѣ, и только разрозненныя свѣтлыя точки прыгали здѣсь и тамъ, холодныя, но яркія, какъ свѣтлячки въ лѣтнюю ночь.

Телеграфистъ бормоталъ сквозь дремоту безсвязныя слова, и губы у него складывались въ гримасу отвращенія. Но свинцовыя вѣки не открывались и истомленное тѣло не могло сбросить тяжести кошмаровъ.

Какъ владѣтельный князь вслѣдъ за своими лакеями и прислужниками, выступилъ вслѣдъ за чудовищами огромный, круглый, отвислый животъ свѣтло-зеленаго цвѣта, весь въ шерстистыхъ бородавкахъ и трещинахъ шелушащейся скользкой кожи. Коротенькія, широко разставленныя ножки подпирали животъ и коротенькія безкостныя ручки съ пальцами, сложенными, какъ у молящагося пастора, удобно и сыто лежали сверху. А голова еще скрывалась въ темнотѣ и, постепенно выдѣляясь, все же оставалась неясной, почти невидимой и, въ то же время, жутко понятной.

Совсѣмъ близко подошло чудовище, навалилось жирнымъ бородавчатымъ животомъ, протянуло коротенькія, но цѣпкія руки. И длинные пальцы вытянулись еще длиннѣе, сначала змѣились, какъ навозные черви, потомъ превратились въ скользкія тоненькія веревки. Грубые, пеньковые, съ узелочками и занозами, но живые. Сами свивались въ крѣпко связанныя мертвыя петли, алчно ловили что-то, захлестывали со скользящимъ шорохомъ.

Яснѣе рисовалось выглядывавшее изъ-за зеленой горы живота лицо, и теперь было видно совсѣмъ уже хорошо, что это—лицо палача и въ то же время—лицо дьявола. И, какъ ликъ дьявола складывается въ воображеніи изъ тысячъ другихъ лицъ, которыя таятъ въ себѣ что-нибудь гнусное и отвратительное, такъ и лицо палача не было лицомъ Иващенки или кого-нибудь другого, третьяго, четвертаго, а походило на всѣхъ, и отъ всѣхъ взяло то, что клеймило ихъ позоромъ.

Сочно и жадно похихикивало жирное чрево съ двувидной головкой и алчно шелестѣли пальцы-петли. Представлялись умножающимися, безпрестанно переплетаясь, играя узорами смерти, безсчетно мелькая захлестывающимися кругами.

Какъ будто весь міръ могло вмѣстить это набитое, лопающееся чрево: всю алчность, все сладострастіе, всю трусость, всю злобу. И, поглотивъ все, накрылось головкой полу-палача и полу-дьявола, съ лѣнивымъ урчаніемъ переваривало пожранное и играло захлестывающимися петлями.

Тяжелый, какъ гора, все сильнѣе наваливался животъ, слишкомъ массивный для коротенькихъ ножекъ. Телеграфисту было трудно дышать, и неистовое отвращеніе вмѣстѣ съ предсмертнымъ ужасомъ овладѣвало имъ по мѣрѣ того, какъ все ближе къ лицу выпячивалась чешуйчатая, усѣянная бородавками, кожа. И совсѣмъ уже близко скользили петли съ простымъ, давно знакомымъ запахомъ дешеваго мыла, и тянулись къ шеѣ.

Телеграфистъ откинулъ голову назадъ, чтобы петля не могла захватить, закричалъ громко и пронзительно. Кошмаръ исчезъ, только по прежнему мучительно болѣло тѣло, какъ будто придавленное огромной, но мягкой тяжестью, и дыханіе съ трудомъ вырывалось сквозь сжатое судорогой горло.

— Что вы?—тревожно спросилъ бродяга. Приподнялся было, стараясь заглянуть въ лицо телеграфиста, но сейчасъ же опустился опять со злобнымъ стономъ.

Телеграфистъ стеръ со лба липкій потъ.

— Напугалъ васъ, простите... Пустяки, конечно. Сонъ привидѣлся. Кто-то давилъ меня. Хотѣлъ захлестнуть.

— Кто же?

— Дьяволъ... Палачъ... Не знаю... Нѣтъ, всѣ.

— Всѣ?—не понялъ человѣкъ безъ имени.

— Да, всѣ! Всѣ, кто живетъ сейчасъ, жретъ, любитъ, смѣется, совершаетъ всякія гнусныя или благородныя дѣла въ то время, когда мы лежимъ здѣсь и ждемъ смерти. Должно быть, такъ.

— Лихорадка у васъ!—сказалъ человѣкъ безъ имени.— Если придетъ завтра фельдшеръ, попросите и для себя лѣкарства какого-нибудь. Хины, что ли...

Опять задышалъ ровно, дѣлая видъ, что спитъ, чтобы не безпокоить товарища.

XXI.

Леночка готовила къ ужину салатъ по сложному рецепту, который успѣла сообщить ей суровая тетушка. Нужно было смѣшать вмѣстѣ нарѣзанный мелкими кубиками гусиный филейчикъ, телятину, немножко копченаго языка, потомъ омаровъ, зеленаго салату, маринованныхъ огурчиковъ, понемножку разныхъ овощей, цвѣтной капусты, оливокъ, самыхъ мелкихъ бѣлыхъ грибовъ и все это залить особо приготовленнымъ провансалемъ. Провансаль никакъ не хотѣлъ стираться до бѣла и кое-чего изъ мелочи не хватало для того, чтобы салатъ вполнѣ соотвѣтствовалъ рецепту. Все это затягивало время, а между тѣмъ, въ гостиной начальникъ сидѣлъ со студентомъ и даже сюда, въ кухню, проникалъ смутный гулъ ихъ голосовъ.

Чтобы не замарать платья, Леночка надѣла во время стряпни бѣлый передникъ съ узенькой красной вышивкой и ленточками вмѣсто завязокъ. На платье все таки попало нѣсколько жирныхъ пятенъ, а листочекъ зеленаго салата запутался въ волосахъ, но передникъ былъ Леночкѣ къ лицу, и потому она, покончивъ съ приготовленіемъ сложнаго блюда, какъ будто нечаянно вышла въ передникѣ и въ столовую.

Студентъ увидѣлъ ее, всю раскраснѣвшуюся, съ высоко подобранными рукавчиками, обнажавшими тоненькія, едва сформировавшіяся руки. Леночка остановилась на порогѣ, но студентъ пошелъ къ ней навстрѣчу. И, такъ какъ начальникъ былъ въ это время занятъ набивкой папиросъ, смѣло нагнулся и поцѣловалъ Леночку въ обнаженную руку, у локтя. Леночка покраснѣла еще больше и отступила назадъ, но не разсердилась, потому что прикосновеніе мягкихъ усовъ и горячихъ губъ было такъ же пріятно, какъ и вобще все присутствіе студента въ этой комнатѣ.

— Ага, вотъ и ты, Леночка!—сказалъ начальникъ, наладивъ испортившуюся было машинку для набивки.—Готово? Пожалуй, пора и ужинать?

— Еще немножечко, папа. Минутъ черезъ десять.

Когда Леночка исчезла, начальникъ продолжалъ, понизивъ голосъ, только что прерванный разговоръ. Говорилъ сморщившись и часто причмокивалъ губами.

— Вы не можете себѣ представить, какіе тяжелые слѣды оставляетъ все это на нервной организаціи... Вотъ, я вамъ разсказывалъ уже, какъ все это было въ послѣдній разъ, когда вызвался одинъ доброволецъ. Ну, когда все идетъ хо-

рошо и гладко, то еще туда-сюда... Можно вытерпѣть. Это вѣдь тоже надо дѣлать умѣючи. Потому хорошіе спеціалисты и цѣнятся. Напримѣръ, если петля завязана неправильно и плохо затягиваетъ, то полное удушеніе можетъ не наступить очень долго. Виситъ, понимаете, и извивается, какъ червякъ. Приходится тянуть за ноги, рвать шейные позвонки. Нѣтъ, ужасная гадость! У меня, слава Богу, теперь осталось уже немного и съ этимъ разомъ все будетъ покончено... Буду надѣяться, что надолго... Хотя, пожалуй, скоро будутъ и еще... Хотите папиросу? Только табакъ неважный, предупреждаю.

Студентъ дѣловито затянулся папиросой, выпустилъ длинную струйку дыма. Очень хотѣлось быть съ начальникомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и сказать ему что-нибудь пріятное.

— Прекрасный табакъ... А относительно того, что вы говорили... Въ самомъ дѣлѣ... Я вполнѣ вамъ сочувствую!

— Даже съ дочерью однажды вышла непріятность. Она такая хорошая дѣвочка, добрая. Тузикъ недавно объѣлся и захворалъ, такъ она почти цѣлую ночь не спала, все за нимъ ухаживала. Конечно, для ея чувства особенно тяжелы такія событія. И я бы, знаете, запретилъ печатать такія свѣдѣнія въ газетахъ.

Студентъ не противорѣчилъ. Неопредѣленно кивнулъ головой и еще разъ затянулся папиросой. Свѣтло и уютно было въ гостиной, и такъ удобно сидѣлось въ мягкомъ креслѣ, и даже олеографія на стѣнѣ, изображавшая вылинявшихъ и пожелтѣвшихъ бояръ въ бутафорскихъ костюмахъ, казалась сейчасъ совсѣмъ свѣженькой и интересной. Послѣ непривѣтливыхъ холостыхъ комнатъ, кухмистерскихъ обѣдовъ, безалаберной одинокой жизни, хотѣлось уже и самому хотя бы такого же простенькаго, но свѣтлаго уюта, хотѣлось такъ же сидѣть въ домашней тужуркѣ, при свѣтѣ высокой лампы съ матерчатымъ абажуромъ и, въ ожиданіи ужина, набивать папиросы усовершенствованной машинкой.

Въ сосѣдней комнатѣ брякали ножи, звенѣли тарелки, испуганнымъ громкимъ шепотомъ говорила горничная:

— Никакъ, барышня, пробочника не сыщу, красное-то ототкнуть...

И студентъ испытывалъ особенно острое довольство, раздумывая о томъ, что годы ученья подходятъ къ концу, что впереди, повидимому, все такъ ясно и опредѣленно, и длинная цѣпь предстоящихъ лѣтъ раскрывается впереди, какъ безконечная вереница залитыхъ свѣтомъ, прекрасно убранныхъ комнатъ. Хорошо будетъ идти этой вереницей, идти

все впередъ, съ каждымъ шагомъ открывая новыя цѣли и новыя радости.

Конечно, идти не одному. Все будетъ безконечно лучше, красивѣе, чѣмъ у какого-нибудь тюремнаго начальника, но похоже. А въ сосѣдней комнатѣ будетъ хлопотать по хозяйству та же самая дѣвушка, но еще похорошѣвшая, развернувшаяся въ пышную женщину.

— Прекрасный табакъ!—повторилъ студентъ и подумалъ:— „Все-таки, онъ безтактенъ немножко, этотъ старичокъ. Замѣтно, что слишкомъ долго прожилъ въ своей берлогѣ. Ну, какое мнѣ дѣло до его службы, до его непріятностей, до этихъ..."

Начальникъ кончилъ набивать цѣлую коробку папиросъ, стряхнулъ съ колѣнъ разсыпанный табакъ и вопросительно посмотрѣлъ въ сторону столовой.

— Леночка, скоро? Право же перекусить хочется!

Начальнику, собственно, совсѣмъ не хотѣлось ѣсть и онъ вообще избѣгалъ ужинать, но за столомъ какъ-то лучше всегда клеится бесѣда: нѣтъ необходимости заниматься одними разговорами, если есть еще закуска и выпивка. Кромѣ того, тамъ Леночка. Можетъ быть, ей еще слишкомъ рано сходиться близко съ молодыми людьми, но теперь уже дѣло начато и передѣлывать его поздно.

Вотъ, посидятъ часъ—другой за ужиномъ, проведутъ время. Потомъ студентъ уйдетъ домой. Леночка, конечно, устала послѣ всѣхъ своихъ хлопотъ и сейчасъ же ляжетъ спать. Навѣрное, уснетъ крѣпко. Нужно будетъ посмотрѣть потомъ, чтобы двери изъ ея комнаты въ столовую были хорошо заперты. Тогда не слышно, если кто проходитъ черезъ прихожую.

Въ кабинетѣ у начальника лежитъ съ ранняго утра присланная изъ города бумага, и соотвѣтственно приказаніямъ изложеннымъ въ этой бумагѣ, начальникъ уже сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія. Такъ что даже хорошо, что придется ужинать, хотя это и отзывается на сердцѣ. Все равно, спать нельзя.

Леночка, разумѣется, ничего не знаетъ. Скажетъ ей потомъ, когда все уже можно будетъ узнать и изъ тѣхъ же газетъ. Все теперь хорошо предусмотрѣно и времени потребуется совсѣмъ немного: какой-нибудь часъ, полтора. Она ничего не замѣтитъ.

— Можно идти, Леночка?

Но вотъ и она сама, уже безъ передника и нѣтъ зеленаго листика въ волосахъ. Должно быть, успѣла побывать передъ зеркаломъ. Студентъ улыбается. Вѣдь это ради него ей хочется быть красивой.

Пошли въ столовую. Начальникъ немного отсталъ, потому что слишкомъ быстро поднялся со своего мѣста, и сердце начало дѣлать перебои. Что-то будетъ завтра утромъ, послѣ безсонной, хлопотливой ночи. Можетъ быть, и не дожить даже.

Вчера вечеромъ, тайкомъ отъ дочери, начальникъ побывалъ у врача. Тотъ сначала пошутилъ было насчетъ сидячей жизни и маленькихъ холостяцкихъ развлеченій, но, выслушавъ паціента и подробно разспросивъ о симптомахъ болѣзни, сдѣлался серьезенъ. Съ начальникомъ онъ былъ знакомъ давно и иногда даже игралъ съ нимъ въ карты по маленькой, встрѣчаясь у общихъ знакомыхъ. Привычными іероглифами написалъ нѣсколько рецептовъ, посовѣтовалъ бросить куренье.

— Пробовалъ: не могу!—сознался начальникъ.—Очень ужъ привычка въѣлась.

— А жить, поди, тоже привыкли? Помирать не хочется? Во всякомъ случаѣ, дымите поскромнѣе: не больше десятка въ день. Это вамъ не фунтъ изюму! Болѣзнь серьезная, а изъ первой молодости вы уже вышли. Надо беречься! Напитковъ тоже, кромѣ минеральний воды, которую я прописалъ, ни Боже мой.

Начальникъ грустно вздохнулъ. Не хотѣлось обострять болѣзнь, но и слишкомъ трудно было отказаться отъ привычныхъ, милыхъ мелочей, которыя скрашиваютъ жизнь. Сказалъ жалобно, какъ ребенокъ, выпрашивающій у матери новую игрушку:

— Иногда, можетъ быть... Рюмочку, другую... Не повредитъ, я думаю?

— Обязательно повредитъ. Но, конечно, въ особо торжественныхъ случаяхъ... Напримѣръ, когда будете дочь замужъ отдавать, разрѣшаю бокалъ замороженнаго.

— Что ужъ тамъ—замужъ! Она и не собирается еще. Огорчили вы меня. Не знаю теперь, и доживу ли...

— Очень-то не огорчайтесь! Напугать васъ всегда надо, а то вы и лѣчиться не будете. Но тѣмъ не менѣе, при извѣстной осторожности, можно съ вашей болѣзнью и двадцать лѣтъ прожить. Хватитъ съ васъ, не Маѳусаилу же конкуренцію дѣлать.

Пока докторъ пугалъ и дѣлалъ серьезное лицо, не вѣрилось, что дѣло такъ ужъ плохо. А всѣ эти плоскія, привычныя шутки выходили какъ-то гораздо страшнѣе. Начальникъ поскорѣе сунулъ на столъ доктору, сверхъ заранѣе приготовленнаго гонорара, еще одинъ рубль и поѣхалъ домой. По дорогѣ завезъ въ аптеку рецепты. Тамъ вдругъ повѣрилъ, что можетъ еще вылѣчиться, всю ночь хорошо

спалъ, а на утро проснулся, чувствуя себя почти здоровымъ. На смѣну жуткаго и темнаго отчаянія пришла надежда.

И какъ разъ сейчасъ, когда хотѣлось, во что бы то ни стало, быть счастливымъ и беззаботнымъ, болѣзнь опять грубо напомнила о себѣ, разбила знакомой ноющей болью только что созданныя иллюзіи. За столъ начальникъ сѣлъ мрачный, уныло подвязалъ салфетку.

Леночка угощала, придвинула поближе къ отцу большое блюдо съ салатомъ.

„Тяжелое, со специями всякими!“ — подумалъ начальникъ.—„Но если не ѣсть, то дѣвочка обидится“.

— А что же водки, папочка? Съ этой закуской обязательно надо выпить.

— Я бы краснаго лучше. Вотъ ученому мужу можно и казенной. Онъ выдержитъ.

— Красное само собой! Какой ты, папочка... Я сегодня въ первый разъ какъ слѣдуетъ хозяйничаю, а ты отъ всего отказываешься!

Начальникъ хотѣлъ было объяснить, что пить ему запретилъ докторъ и что, если онъ не будетъ соблюдать діэту, то каждый моментъ можетъ умереть внезапно, но вспомнилъ, какое огорченіе это принесетъ дочери, такой счастливой и юной, и покорно наполнилъ свою рюмку.

Пусть вредно, пусть сократитъ жизнь. Лишь бы только Леночка была спокойна.

Впереди, совсѣмъ близко, ждутъ нѣсколько темныхъ, тревожныхъ часовъ. Но пусть сейчасъ все будетъ свѣтло и спокойно. Пусть все говоритъ только о жизни.

Студентъ хвалилъ салатъ и увѣрялъ, что это кушанье вышло несравненно удачнѣе, чѣмъ даже у самой тетушки. И сказалъ по этому поводу нѣсколько любезностей своимъ искреннимъ и мягкимъ голосомъ, которому невольно вѣрила Леночка. Стараясь казаться еще лучше, она звонко смѣялась, безсознательно выставляя грудь, и, когда передавала студенту чистую тарелочку, нарочно задержала подольше у самаго его лица матово-розовую ручку въ коротенькомъ рукавчикѣ.

Студентъ былъ немножко возбужденъ виномъ и пряными закусками, забывалъ убрать длинную прядь волосъ, свалившуюся на лобъ и влажными отъ вспыхнувшаго желанія глазами смотрѣлъ на Леночку. Скользилъ взглядомъ по всѣмъ линіямъ ея тѣла, которое такъ легко могло сдѣлаться совсѣмъ доступнымъ. Изощреннымъ чутьемъ самца угадывалъ, что въ этомъ тѣлѣ уже зарождается отвѣтное жела-

ніе, и что оно расправляетъ уже, какъ вылупившаяся изъ куколки бабочка, яркія крылья страсти.

Губы у нея такія чувственныя, и въ глазахъ... Вѣдь она и въ самомъ дѣлѣ еще почти ребенокъ. Стало быть, это—врожденное, и она изъ тѣхъ женщинъ, которыя какъ будто нарочно созданы для наслажденія. Конечно, это будетъ сдерживаться семьей, воспитаніемъ. И тѣмъ привлекательнѣе, если яркія крылья будутъ развертываться только для него одного.

Студентъ рѣшился. Незачѣмъ искать, метаться отъ одной женщины къ другой только затѣмъ, чтобы взять себѣ, наконецъ, какую-нибудь блѣдную посредственность. Стаканчикъ съ виномъ сильно дрожалъ, когда подносилъ его къ губамъ.

Перебрасывался съ Леночкой ничтожными, ничего не значущими фразами. Но во взглядахъ, въ почти неуловимыхъ изломахъ голоса, въ невызванныхъ необходимостью прикосновеніяхъ оба говорили совсѣмъ о другомъ, оба обрывали первые лепестки съ цвѣтка любви.

Начальникъ слишкомъ очерствѣлъ съ годами, чтобы все понимать къ этой любовной игрѣ. Видѣлъ только, что оба одинаково молоды и счастливы и одинаково стремятся къ чему-то еще неизвѣданному, идутъ впередъ,—къ жизни. Вглядываясь въ ихъ оживленныя лица, опять возвращалъ себѣ еще не угасшую надежду.

„Ничего. Поживу и я. Даже если не двадцать лѣтъ, не десять. Немного, но счастливо. Отдохну“.

Только когда покончили, наконецъ, съ затянувшимся ужиномъ и студентъ, прощаясь, долгимъ и крѣпкимъ поцѣлуемъ припалъ къ Леночкиной рукѣ, начальникъ подумалъ опять о томъ, что ждетъ ночью.

Проводилъ студента на лѣстницу.

— Счастливые вы—молодежь! Вотъ, теперь придете домой—хорошіе сны вамъ будутъ сниться... А я...

„Размякъ, старый!“—думалъ студентъ, спускаясь по лѣстницѣ.—„Но въ общемъ старикъ ничего себѣ. Кажется, добрякъ и дочь очень любитъ. Пора бы ему и въ отставку выходить. Все таки не совсѣмъ пріятно: тесть—тюремщикъ. Приходится иногда считаться съ предразсудками. И потомъ, дѣйствительно, эта обязанность“...

Вспомнилъ о разсказахъ начальника передъ ужиномъ. Вызванные этими разсказами образы теперь уже поблекли, стерлись, но все таки было пріятно сознавать, что собственная жизнь идетъ въ сторонѣ отъ такихъ темныхъ и непріятныхъ дѣлъ и никогда не омрачится участіемъ въ убійствѣ, даже и совершаемомъ по указанію закона. И поэтому студентъ думалъ о начальникѣ со снисходительнымъ созна-

ніемъ своего собственнаго превосходства, и угадывалъ, что начальникъ, навѣрное, будетъ чувствовать себя польщеннымъ, когда дочь откроетъ ему только что зародившуюся тайну своей любви.

Черезъ передній дворъ къ наружнымъ воротамъ студента проводилъ надзиратель. Сказалъ у воротъ часовому:

— Пропускай скорѣе! Свой! Отъ начальника.

XXII.

Послѣ ужина, у себя въ спальнѣ, начальникъ спустилъ было уже съ плечъ тужурку, чтобы переодѣться въ халатъ, но раздумалъ. Если прилечь въ халатѣ, то можно, пожалуй, незамѣтно задремать и пропустить назначенный срокъ. Тогда прибѣжитъ помощникъ, примется звать, всѣхъ перебудитъ.

Гадливо сморщился онъ, когда вспомнилъ о Семенѣ Ивановичѣ.

Онъ ненавидѣлъ этого желтаго, костистаго старика и въ то же время боялся его, какъ боятся какой-нибудь вредной козявки. И было обидно, что желтый старикъ часто принимаетъ совсѣмъ не соотвѣтствующую ему роль,—а начальникъ терпитъ это и даже, какъ будто, сознательно уступаетъ первенство.

Если выйдетъ въ отставку, то помощника, пожалуй, назначатъ на его мѣсто. Или, если оправдается предчувствіе и придетъ смерть...

Начальникъ легъ, не раздѣваясь, закуталъ ноги одѣяломъ. По вечерамъ теперь часто знобило и ногти на рукахъ синѣли, какъ будто не всему тѣлу хватало крови.

„Залѣнилось сердце! Столько лѣтъ честно работало и вдругъ залѣнилось“.

Онъ подумалъ о тѣхъ, кого считалъ непосредственными виновниками своей болѣзни и прошепталъ злобно:

— Проклятые!

Пришла Леночка пожелать спокойной ночи,—уже въ ночной кофточкѣ и съ заплетенными въ косу волосами. Обняла начальника, и на него пахнуло легкими духами, теплымъ женскимъ тѣломъ. Начальникъ поцѣловалъ дочь въ лобъ и въ щеку, перекрестилъ ее медленнымъ, аккуратнымъ крестомъ.

— Спи спокойно, дѣточка... Немножко устала сегодня?

Леночка посмотрѣла съ недоумѣніемъ. Давно уже она не чувствовала себя такой бодрой и сильной, какъ сейчасъ. Догадалась, что отецъ, конечно, судитъ по себѣ,—а онъ за послѣднее время сдѣлался такой слабый. Ему отдохнуть пора.

— Ты что-же еще не раздѣлся, папочка? Вѣдь поздно уже.

— Это я такъ... Вотъ, раздѣнусь скоро. Ты иди себѣ! Спать пора.

Съ неестественной торопливостью выпроваживалъ Леночку изъ комнаты, даже слегка подталкивалъ ее въ спину, чтобы ушла поскорѣе. Но Леночка заупрямилась, ловкимъ и быстрымъ, какъ змѣйка, движеніемъ вывернулась изъ рукъ отца, сама обѣими руками взяла его за голову,

— Папка, ты хандришь что-то... Сейчасъ же раздѣвайся и ложись! Слышишь? А то я сама тебя раздѣну, сяду у твоей постели и буду баюкать. Баю-баюшки-баю, колотушекъ надаю! Колотушекъ двадцать пять, будетъ папка крѣпко спать!

— Ну, ну!—недовольно отстранился начальникъ.—Довольно, Леночка... Пошутила и довольно.

— Серди-итый!

Леночка надула губы.

— Съ тобой ни о чемъ говорить нельзя. Второй часъ ночи, а ты еще въ тужуркѣ. Какъ будто въ гости собираешься!

Она ушла къ себѣ въ розовую комнатку обиженная, прибавила огня въ лампѣ и сѣла за письменный столикъ. Раскрыла бюваръ. Тамъ скопилось уже нѣсколько начатыхъ писемъ. Но Леночка небрежно отодвинула ихъ въ сторону, достала изъ запертаго на замокъ отдѣленія тетрадь съ надписью „Дневникъ". Въ институтѣ она условилась съ двумя подругами записывать всѣ свои сердечныя переживанія и потомъ обмѣниваться впечатлѣніями. Леночка пробовала сначала осуществлять это условіе посредствомъ писемъ,— но такой путь оказался слишкомъ тяжелымъ и мѣшкотнымъ. Дневникъ лучше,—и то, что напишешь въ немъ, останется дома и потомъ, много лѣтъ спустя, можно будетъ все перечитать самой.

Каждый вечеръ голова переполнялась переживаніями минувшаго дня, но обычная лѣнь и усталость побѣждали, и дневникъ очень медленно подвигался впередъ.

Сегодня все тѣло еще сладко дрожало отъ новаго истомнаго чувства и въ ушахъ еще звучалъ ласковый голосъ.

Леночка писала быстро, не отрываясь, и къ простой будничной правдѣ невольно примѣшивалась тонкая дымка обмана, едва осязаемая, но придававшая всему новыя краски, смягчавшая контуры. И вѣрила этому невольному праздничному обману больше, чѣмъ правдѣ.

Только, когда онѣмѣли пальцы и мурашки побѣжали отъ плеча къ локтю, бросила она перо, потянулась, закинувъ руки

за голову. Закрывъ глаза, она хотѣла представить себѣ лицо студента—и вдругъ увидѣла его такъ ясно, что торопливо выпрямилась и запахнула кофточку.

Конечно, она любитъ его, но этого... этого она никогда не допуститъ. И онъ не посмѣетъ настаивать. Думала такъ, но предчувствовала уже часъ, когда отдастся ему вся, стыдливая, но благодарная.

Въ комнатѣ было душно, слишкомъ пахло духами. Леночка раздѣлась, зажгла вмѣсто лампы розовый ночникъ и, осторожно ступая босыми ногами, которыя щекотала мохнатая ткань ковра, слегка пріоткрыла дверь. Такъ будетъ все таки легче дышать.

Легла въ постель, закрылась было до самыхъ плечъ одѣяломъ, но сейчасъ же сбросила его почти съ отвращеніемъ. Тѣло горѣло огнемъ, искало прохлады, Мятежныя мысли никакъ не укладывались въ головѣ, и сонъ бѣжалъ прочь.

Было тихо, тихо. Далеко въ городѣ, на колокольнѣ стараго собора, начали бить часы и каждый ударъ ихъ боя, совсѣмъ неслышнаго въ дневной сутолокѣ, доходилъ теперь до Леночкина слуха отчетливый и чистый.

Едва замолкъ отзвукъ послѣдняго удара, какъ что-то заскрипѣло совсѣмъ близко, какъ будто передвигалось тяжелое и мягкое по разсохшимся доскамъ паркета. У Леночки захватило дыханіе. Она торопливо натянула на себя одѣяло, вся съежилась и широко открытыми глазами смотрѣла въ темную щель двери.

Скрипъ приближался, вотъ уже дошелъ до самой двери. Кто-то даже тронулъ слегка дверную ручку, и она замѣтно шевельнулась. Темная щель сдѣлалась уже.

Леночка хотѣла закричать, позвать отца, но въ этотъ моментъ ее поразила новая догадка.

Натянула одѣяло еще выше, на самую голову, ничего не хотѣла больше слышать,—но слышала, какъ въ прихожей неосторожно щелкнулъ замокъ, потомъ мягко хлопнула обитая клеенкой входная дверь.

Неужели опять? Не можетъ быть! Не должно быть, чтобы именно сегодня.

Слишкомъ чудовищнымъ представилось это сочетаніе: любовь и смерть, свѣтлыя мечты и черное дѣло.

Вѣдь только что, еще такъ недавно, онъ благословлялъ ее передъ сномъ, такой старенькій, милый, хорошій...

Хорошій ли? Лежалъ одѣтый, стало быть, зналъ, что придется идти ночью. Теперь понятно, почему разсердился. Просто боялся, что она догадается раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Будетъ удерживать его, просить.

Зналъ. Зналъ и раньше, за ужиномъ, когда былъ здѣсь студентъ,—и еще когда разговаривалъ съ гостемъ въ гостиной. Конечно, не сказалъ и ему.

Если это нужно, если это хорошо—зачѣмъ таиться? Правда не боится солнца. Любовь—правда и она свѣтлая. Только зло прячется, ползаетъ въ потемкахъ. Только зло.

Сами собой потекли слезы,—горькія, горячія, вымочили подушку. Какъ будто она видѣла радостный сонъ и проснулась, а кругомъ—только тоска и печаль.

Но, можетъ быть, это неправда? Вѣдь она не видѣла. Можетъ быть, это кто-нибудь приходилъ изъ конторы. Иногда папѣ приносятъ по ночамъ служебныя телеграммы.

Она плачетъ, а папа, вѣроятно, уже спитъ спокойно и никуда не уходилъ.

Леночка встала, взяла въ руку ночникъ. Нужно провѣрить. Въ одной рубашкѣ, босикомъ, пошла черезъ всѣ комнаты къ спальнѣ начальника. Темныя комнаты казались очень большими и совсѣмъ незнакомыми, потому что слабый свѣтъ ночника выхватывалъ только несвязные отрывки изъ того, что приглядѣлось за каждый день.

Сдѣлалось вдругъ страшно идти дальше. Словно какія-то черныя мохнатыя руки тянулись со всѣхъ сторонъ, ловили за полы длинной рубашки, гасили тускло мерцающій свѣтъ. Робко позвала:

— Папа! Папочка!

Никто не отозвался. Только въ своемъ углу, на коврикѣ, завозились собаченки. Тузикъ подбѣжалъ и принялся лизать горячимъ мокрымъ языкомъ голыя ноги Леночки.

— Тсс... Тузикъ... Гдѣ папа?

Собаченка виляетъ хвостомъ, недоумѣнно засматриваетъ въ глаза.

Ну, конечно. Если бы это приходилъ чужой—Тузикъ лаялъ бы, не лежалъ бы смирно на своей постелькѣ.

Съ Тузикомъ сдѣлалось веселѣе и не такъ страшно. Леночка погладила его острую хитрую головку и пошла дальше. Вотъ и спальня.

Чинно стоитъ пара стоптанныхъ туфель у пустой кровати. Въ воздухѣ еще не успѣлъ разсѣяться табачный дымъ, тоненькой голубоватой пеленой тянется къ выходу. Заколебался, когда вошла Леночка, изорвался на мелкія клочья. И пламя въ ночникѣ всколыхнулось, на мгновеніе освѣтило всѣ углы маленькой комнаты. Пусто.

Леночка вернулась къ себѣ. Ночникъ колебался въ дрожащей рукѣ, и мохнатыя лапы темноты скользили быстрѣе, тянулись жадно. Если прогнать эту темноту, то, вѣроятно, будетъ легче.

Долго искала спички, а темнота все время стояла за спиной, выглядывала изъ-за плечъ, холодными пальцами забиралась подъ рубашку, скользила по тѣлу. Наконецъ, удалось зажечь лампу. Тузикъ прыгнулъ на кровать, виновато вилялъ хвостикомъ, извиняясь за такую недозволенную дерзость. Съ собачьей сметливостью соображалъ, что происходитъ нѣчто не совсѣмъ обыденное, и потому надѣялся, что простятъ.

При лампѣ, дѣйствительно, было лучше. Исчезли холодные пальцы и мохнатыя лапы, и представлявшееся слишкомъ нелѣпымъ вдругъ сдѣлалось проще.

Но нельзя спать! Нельзя спать, когда здѣсь же, за стѣной...

Она будетъ сидѣть и ждать, дождется отца и тогда выскажетъ все, все. Она не можетъ здѣсь жить больше. Если отецъ такъ любитъ ее, то пусть откажется отъ этой позорной обязанности, хотя бы за это лишили службы, пенсіи, всего. Не останутся нищими. Она знаетъ языки, можетъ зарабатывать. Научится писать на машинкѣ и поступитъ куда-нибудь въ контору.

Леночка закуталась въ свой кружевной капотикъ, сѣла за столъ. Чутко прислушивалась. Можетъ быть, услышитъ. Вѣдь такъ близко. И чувствовала, что если кто-нибудь застонетъ, закричитъ тамъ, за окномъ,—она умретъ отъ ужаса и сожалѣнія. Или, если не умретъ,—все равно, никогда не забудетъ этой страшной ночи, перестанетъ смѣяться, откажется отъ всѣхъ радостей.

Но все было тихо, только далекіе часы изрѣдка отбивали четверти. Мирно текла ночь.

Слишкомъ напрягались нервы такъ, въ бездѣйствіи, въ напряженномъ ожиданіи, что вотъ сейчасъ, сейчасъ совершается самое страшное, непоправимое.

Сколько ихъ? Можетъ быть, только сейчасъ ихъ ведутъ по двору и подводятъ къ висѣлицѣ. Какая она? Леночкѣ она представлялась похожей на крестъ. Очень высокая, черная и, почему-то, на маленькомъ холмикѣ изъ свѣженасыпанной земли. Имъ надо сначала подняться на этотъ холмикъ, потомъ...

Нѣтъ, слишкомъ страшно.

Глаза разсѣянно блуждали, не зная, на чемъ остановиться. Хотѣлось отвести думы отъ того, что приковало ихъ, потому-что каждая новая минута отягощала страданіе.

Вотъ дневникъ. Сначала она разсѣянно перебирала золотообрѣзныя странички, потомъ сдѣлалась внимательнѣе. Перечитывала съ самаго начала всю исторію своей юной любви,

такую сложную и красивую здѣсь, на бумагѣ. И понемногу отдавалась во власть недавно испытанныхъ чувствъ, опять переживала теплый трепетъ зародившейся страсти, такой острый и желанный теперь, въ минуты ужаса.

Прижимала руки къ груди, нѣжно и цѣломудренно ласкала самое себя, свое тѣло, эту сокровищницу переживаній, едва развернувшійся цвѣтокъ.

— Люблю!

Дошла до послѣдней страницы, до послѣдней строки, оборванной на половинѣ. Здѣсь пока прервалась золотая нить. Но нѣтъ, пусть она тянется дальше!

Тамъ, недалеко,—тамъ ужасъ, но вѣдь этого не исправить. Она узнала случайно. Могла не знать.

Не хочетъ знать!

Почудился шорохъ: какъ будто нѣсколько человѣкъ идутъ по лѣстницѣ. Поцѣловала милыя строки о миломъ, задула лампу. Лежала въ постели, накрывшись съ головой одѣяломъ, въ трепетѣ страсти и въ трепетѣ ужаса, упорно, настойчиво повторяла слова любви, чтобы прогнать жестокіе образы.

Нѣтъ, нѣтъ! Она не хочетъ знать. И забудетъ.

XXIII.

Телеграфистъ и человѣкъ безъ имени остались послѣдними.

Бродяга держался бодро, только глаза слишкомъ глубоко ввалились и ярко блестѣли. Поправилъ повязку на больной ногѣ и, упираясь рукой въ стѣну, попробовалъ, можетъ ли стоять. Было больно, очень больно: какъ будто вся нижняя половина тѣла опущена въ расплавленный свинецъ,—но терпѣть можно. Взглянулъ на телеграфиста.

— Вотъ и мы... Въ путь дорогу!

Телеграфистъ чувствовалъ себя легкимъ, высокимъ, сильнымъ. Было очень тяжело, когда первымъ повели Жамочку, но потомъ пришелъ странный, утоляющій покой, прогналъ ненужный ужасъ. И теперь телеграфистъ, собирая что-то въ темномъ углу, привѣтливо и мирно улыбнулся въ отвѣтъ бродягѣ.

— Такъ и лучше, дорогой, гораздо лучше! Вѣдь все равно, жить нельзя. Нельзя жить. Мы и уйдемъ.

— Да я ничего. Терплю. Вотъ развѣ передъ самой... Ужъ вы поддержите тогда. Шепните какое-нибудь словечко. Потому что все-таки привыкъ я къ жизни-то... Но это ничего. Терплю.

Въ опустѣвшемъ коридорѣ съ распахнутыми настежъ дверями камеръ особенно гулко отозвались шаги пришедшихъ за послѣдними. Вздрагивали сѣдыя бакенбарды помощника Семена Ивановича, прятался за его спину толстый, изнуренный одышкой, начальникъ. Тускло и сурово поблескивали штыки.

— Готовы, готовы!—заторопился телеграфистъ. Взялъ подъ руку бродягу, помогая ему идти. Злорадно веселымъ звономъ залились кольца кандаловъ и наручней.

Когда оба смертника были уже въ коридорѣ, помощникъ забѣжалъ впередъ, протянулъ костлявую руку.

— Что это такое? Нельзя!

Телеграфистъ крѣпко прижималъ локтемъ тоненькую пачку учебниковъ. Боясь, что отнимутъ, онъ сказалъ помощнику горячо и убѣдительно:

— Вѣдь это же такъ себѣ, только старыя книжки... И это, вы понимаете, все, что у меня есть! Я хотѣлъ уже ихъ подарить на память одному человѣку, но онъ не взялъ. И хорошо. Вы позволите,—вамъ ничего не стоитъ,—вы позволите, я отдамъ ихъ теперь?.. Отдамъ палачу...

Николай Олигеръ.

О причинномъ объясненіи организаціи животныхъ*).

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Ludwig-Maximilians Universität, на долю представителя зоологіи впервые выпадаетъ высокая честь привѣтствовать здѣсь гостей и сочленовъ нашей, Almae matris и, согласно съ установленіями основателя нашего университета, торжественною рѣчью открыть новый академическій годъ.

Причины, почему зоологія такъ поздно по сравненію съ почтеннымъ возрастомъ нашего университета удостоилась этой чести, носятъ отчасти случайный характеръ, отчасти стоятъ въ связи съ тѣми факторами, которые создаются многообразіемъ академической жизни, но помимо всего этого онѣ коренятся и гораздо глубже. Онѣ стоятъ въ связи съ историческимъ развитіемъ зоологіи, какъ науки.

Ста лѣтъ не прошло еще съ тѣхъ поръ, какъ зоологія завоевала себѣ самостоятельное мѣсто въ учебномъ планѣ германскихъ университетовъ. Но и съ этого момента должно было пройти еще немало времени, пока, наконецъ, молодая наука не заняла среди старшихъ своихъ сестеръ равноправнаго мѣста и подобно имъ не выросла во вліятельную духовную силу. Мнѣ думается, что значенію и характеру нынѣшняго дня вполнѣ соотвѣтствовала бы моя попытка набросать передъ вами картину тѣхъ успѣховъ, которые измѣнили положеніе зоологіи въ общей жизни другихъ наукъ. Зоологію и ея сестру, ботанику, раньше называли описательными естественными науками. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ названіи нашла свое выраженіе не слишкомъ высокая оцѣнка этихъ наукъ. Вѣдь описаніе объектовъ изслѣдованія и ихъ взаимоотношеній является дѣятельностью, свойственной всякой эмпирической наукѣ, будь то наука естественная или гуманитарная.

Такимъ образомъ выраженіе «описательная наука» въ нашемъ случаѣ имѣетъ свое особое значеніе. Оно подчеркиваетъ то мнѣніе,

*) Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность ректора Ludwig-Maximilians Universität въ Мюнхенѣ 26 ноября 1910 года.

согласно которому описаніемъ своего объекта зоологія оканчиваетъ всю свою работу: она не можетъ, подобно физикѣ и химіи, глубже проникнуть въ суть вещей и пойти по пути причиннаго изслѣдованія явленій.

Необходимо признать, что сравнительно низкая оцѣнка, заключающаяся въ опредѣленіи «описательная наука», въ теченіе очень долгаго времени была совершенно справедлива. Какъ ни высоко цѣнны заслуги великаго систематика и организатора Линнея, все же его зоологія оставалась чисто описательной наукой.

Такой же характеръ имѣла зоологія и у насъ, въ Германіи, до половины прошедшаго столѣтія, а въ нѣкоторыхъ странахъ она удержала его гораздо дольше. Но съ тѣхъ поръ наступилъ мощный переворотъ. Описаніе животныхъ формъ, сведеніе ихъ въ систему, изученіе ихъ строенія и способовъ ихъ развитія больше уже не служатъ самостоятельной и конечной цѣлью изслѣдованія. Все это является лишь подготовительной ступенью для того, чтобы проникнуть во внутреннюю связь явленій и чтобы глубже понять образованіе животныхъ формъ. Этимъ самымъ зоологія устремилась вслѣдъ за болѣе старыми, а потому и дальше впередъ ушедшими отраслями естественныхъ наукъ — химіей и физикой. Но при всемъ томъ она не обманываетъ себя насчетъ того, что вслѣдствіе невѣроятной по сравненію съ мертвой природой сложности живого вещества ей будетъ гораздо труднѣе, а, быть можетъ, и совсѣмъ не удастся достигнуть той степени точности, какой достигли физика и химія.

Въ связи съ этой глубокой перемѣной въ методахъ изслѣдованія зоологіи стоитъ то важное значеніе, какое она заняла въ духовной жизни новаго времени.

Теперь мы можемъ ближе подойти къ темѣ нашего доклада и поставить вопросъ такъ: какимъ образомъ дошла зоологія до причиннаго объясненія организаціи животныхъ, какія средства и какіе пути были при этомъ въ ея распоряженіи и, наконецъ, какъ отъ этого измѣнилось положеніе зоологіи въ ряду другихъ наукъ?

Когда представляется необходимость разобраться въ пестромъ многообразіи какихъ-либо явленій, понять ихъ въ ихъ причинной связи, то прежде всего нужно выяснить лежащую въ основѣ этихъ явленій закономѣрность.

Въ зоологіи этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ введеніемъ въ нее сравнительнаго метода.

Сравнительная анатомія и сравнительная исторія развитія, или-же—какъ ихъ нынче объединяютъ подъ общимъ названіемъ—сравнительное ученіе о формѣ, сравнительная морфологія, дѣйствительно, стали нитью Аріадны въ лабиринтѣ животныхъ формъ. На основаніи обширнѣйшихъ сравнительныхъ изслѣдованій въ прошломъ вѣкѣ были основаны, реформированы и критически разработаны основныя морфологическія теоріи.

На первомъ мѣстѣ я назову клѣточную теорію. Это наиболѣе

всеобъемлющая морфологическая теорія, ибо она имѣетъ значеніе не только для животнаго, но и для растительнаго царства.

Большинству изъ васъ, вѣрно, извѣстно, что, согласно этой теоріи, всѣ животныя тѣла состоятъ изъ мельчайшихъ организаціонныхъ единицъ—клѣтокъ. Эти морфологическіе элементы животнаго организма являются, собственно, носителями жизни. Они обладаютъ четырьмя основными свойствами жизни: способностью питаться, размножаться, ощущать, и активно двигаться. Отсюда вытекаетъ возможность самостоятельнаго существованія клѣтокъ и, стало быть, возможность существованія одноклѣточныхъ живыхъ организмовъ. Въ животномъ царствѣ эти существа представлены классомъ Protozoa или простѣйшихъ животныхъ. Наконецъ, я считаю необходимымъ указать на то, что всякая клѣтка состоитъ изъ двухъ частей. Это обстоятельство очень важно для всѣхъ послѣдующихъ нашихъ расужденій. Основной частью клѣтки является то загадочное вещество, которое мы зовемъ протоплазмой, оттого что при всѣхъ нашихъ наблюденіяхъ всѣ жизненныя явленія клѣтки связаны съ ней.

Въ протоплазмѣ лежитъ вторая составная часть клѣтки,—круглое тѣльце—ядро. Оно встрѣчается постоянно. Это одно служитъ безусловнымъ доказательствомъ въ пользу того, что, по крайней мѣрѣ, часть жизненныхъ явленій основана на взаимодѣйствіи между ядромъ и протоплазмой.

Было чрезвычайно важно узнать, что дѣйствующія части воспроизводительныхъ веществъ у обоихъ половъ—яйца и сѣменныя нити—также являются ничѣмъ инымъ, какъ клѣтками. Онѣ, правда, имѣютъ своеобразную форму вслѣдствіе того, что онѣ приспособились къ своему особому назначенію и по своему строенію существенно различаются у обоихъ половъ. Изъ того обстоятельства, что явленія оплодотворенія обычно встрѣчаются и у одноклѣточныхъ организмовъ, мы дѣлаемъ очень важный выводъ. Именно, что оплодотвореніе и полъ являются задачами клѣточной жизни и что оплодотвореніе принадлежитъ къ необходимымъ жизненнымъ явленіямъ *).

*) Защищаемое здѣсь положеніе, что оплодотворенію принадлежитъ къ числу необходимыхъ жизненныхъ явленій оспаривается со многихъ сторонъ. Оно, однако, выиграло въ вѣроятности, когда было доказано, что процессы оплодотворенія встрѣчаются и у простѣйшихъ, половое размноженіе которыхъ долгое время стояло подъ сомнѣніемъ. Правда, эти процессы извѣстны не для всѣхъ простѣйшихъ: для этого жизненные циклы многихъ изъ нихъ изучены слишкомъ еще мало, но мы знаемъ уже достаточно примѣровъ оплодотворенія въ предѣлахъ всякой болѣе или менѣе обширной группы простѣйшихъ, а потому мы имѣемъ право говорить о всеобщемъ распространеніи оплодотворенія. Доказательство существованія полового процесса у простѣйшихъ принесло съ собой новую истину, именно, что между оплодотвореніемъ и размноженіемъ нѣтъ необходимой связи. У инфузорій оплодотвореніе наступаетъ въ такую пору ихъ жизни, когда ничто не угро-

Когда стало извѣстно, что дѣйствующія составныя части половыхъ веществъ являются лишь своеобразно построенными клѣтками и такимъ образомъ морфологически очень легко понятны, стало возможно составить себѣ правильное представленіе о сущности оплодотворенія. Оплодотвореніемъ оказалось, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ, сліяніе двухъ половыхъ клѣтокъ или, какъ мы иначе можемъ выразиться, сліяніе двухъ элементарныхъ организацій въ третью, новую.

Это сліяніе на столько полно, что при немъ соединяются не только тѣла клѣтокъ, но и содержащіяся внутри нихъ ядра—ядро яйца и и ядро сѣменной нити. Въ предѣлахъ кратко намѣченной здѣсь схемы процессъ оплодотворенія подверженъ у различныхъ животныхъ и растеній самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Эти видоизмѣненія были изучены самымъ детальнымъ образомъ, а это дало возможность построить морфологическую теорію наслѣдственности. Эта теорія утверждаетъ, что отцовскія и материнскія свойства переносятся на ребенка (а это мы вѣдь и зовемъ наслѣдственностью) вполнѣ опредѣленными структурами, составными частями ядра. Эти части удивительно закономѣрно встрѣчаются въ ядрахъ у всѣхъ растеній и у всѣхъ животныхъ. По своимъ морфологическимъ свойствамъ онѣ названы хромосомами, а по функціи—носителями наслѣдственности. Начиная съ оплодотвореннаго зародыша были прослѣжены всѣ слѣдующія за оплодотвореніемъ стадіи развитія, которыя ведутъ къ образованію новаго живого существа, и оказалось, что у всѣхъ многоклѣточныхъ животныхъ эти стадіи обнаруживаютъ очень много общаго. Путемъ дѣленія яйца образуется много маленькихъ клѣтокъ. Эти клѣтки располагаются вполнѣ закономѣрнымъ образомъ листообразными слоями, которые называются зародышевыми листками. Эти зародышевые листы представляютъ изъ себя примитивные органы зародыша. Отъ нихъ отщепляются зачатки будущихъ, окончательно остающихся органовъ взрослаго животнаго. И вотъ, такіе далекіе другъ отъ друга организмы, какъ человѣкъ и очень просто построенный прѣсноводный полипъ, имѣютъ между собой то сходство, что на раннихъ стадіяхъ развитія въ ихъ зародышахъ можно различить тѣ же два листка. Одинъ, обращенный наружу, представляетъ изъ себя кожу зародыша, другой обра-

---

жаетъ способности ихъ организма размножаться. Кромѣ того, оплодотвореніе скорѣе замедляетъ скорость размноженія, чѣмъ повышаетъ ее. У многихъ корненожекъ размноженіе въ результатѣ оплодотворенія даже пріостанавливается—это, впрочемъ, давно извѣстно для низшихъ растеній. Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что постоянное соединеніе оплодотворенія и размноженія, какъ мы видимъ при половомъ размноженіи многоклѣточныхъ животныхъ и растеній, есть ничто иное, какъ результатъ ихъ многоклѣточности. Поэтому нельзя привлекать этого совпаденія оплодотворенія съ размноженіемъ къ объясненію процесса оплодотворенія, хотя это совпаденіе и очень бросается въ глаза.

щенъ внутрь и выстилаетъ собой зачатокъ будущаго кишечнаго канала.

У всѣхъ выше организованныхъ животныхъ, стало быть, также и у человѣка, между этими двумя первичными листками можно обнаружить еще одинъ слой, средній зародышевый листъ. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ говорилось о такихъ законахъ, которые съ одинаковой точностью можно прослѣдить во всемъ животномъ царствѣ, а въ томъ, что относилось къ клѣточной теоріи, даже во всемъ мірѣ живыхъ существъ. Но въ то же время каждый подотдѣлъ животнаго царства, каждый родъ, каждый классъ, каждый порядокъ имѣетъ и свои собственные законы. Я хотѣлъ бы пояснить это на опредѣленномъ примѣрѣ. Я беру для этого дыхательные органы и кровеносную систему позвоночныхъ животныхъ оттого, что тѣсная зависимость между обѣими этими системами позволяетъ съ особенной точностью постигнуть всю характерную для этого случая закономѣрность.

Вы знаете, что среди позвоночныхъ одни дышатъ жабрами, другіе—легкими.

Примѣромъ первыхъ являются рыбы. У нихъ предназначенные для дыханія жаберные лепестки помѣщаются въ особыхъ каналахъ, въ жаберныхъ щеляхъ. Примѣромъ вторыхъ служатъ птицы и млекопитающіяся. Каждый изъ двухъ способовъ дыханія требуетъ для себя опредѣленнаго устройства кровеносной системы. При жаберномъ дыханіи наблюдается такъ называемое простое сердце, состоящее изъ непарнаго желудочка и предсердія и изъ одиночнаго, выходящаго изъ желудочка, артеріальнаго ствола, который отдаетъ направо и налѣво 4—5 сосудовъ къ жабрамъ. При легочномъ же дыханіи мы постоянно находимъ двойное сердце, состоящее изъ праваго и лѣваго предсердій и изъ праваго и лѣваго желудочковъ. Этому соотвѣтствуетъ также и два большихъ кровеносныхъ сосуда: отъ лѣваго желудочка отходитъ артерія, несущая кровь по всѣмъ органамъ тѣла, а изъ праваго желудочка идетъ легочная артерія, несущая кровь къ легкимъ.

Промежуточное положеніе между этими обоими типами животныхъ занимаютъ легочныя рыбы (Dipnoi) и амфибіи. У нихъ легкія и жабры либо существуютъ одновременно въ теченіе всей жизни, либо распредѣлены во времени такъ, что молодыя формы дышатъ жабрами, а взрослыя—легкими. Соотвѣтственно этому и кровеносная система у этихъ животныхъ по своему строенію занимаетъ промежуточное мѣсто. Сердечный желудочекъ еще построенъ просто, но предсердіе уже удвоено. Сосуды расположены во время жабернаго дыханія такъ же, какъ у рыбъ, но впослѣдствіи они измѣняются примѣнительно къ легочному дыханію. Эти измѣненія, правда, довольно несовершенны, и многія особенности кровеносной системы, предназначенныя для жабернаго дыханія, сохраняются и послѣ перехода къ легочному дыханію (такъ сохраняются непар-

ность артеріи, выходящей изъ желудка, сохраняется симметрическое расположеніе артеріальныхъ дугъ).

Очень близко къ амфибіямъ стоятъ рептиліи. Онѣ, правда, никогда не дышатъ жабрами, но ихъ сердце и кровеносная система очень схожи съ сердцемъ и кровеносной системой взрослыхъ амфибій. Этимъ они обнаруживаютъ свою несовершенную приспособленность къ легочному дыханію. У амфибій это несовершенство является необходимымъ послѣдствіемъ двойного способа ихъ дыханія, а у рептилій, дышащихъ только жабрами, оно функціонально никакъ не можетъ быть объяснено. Теперь мы приходимъ къ удивительному явленію, открытому для насъ исторіей развитія. Всѣ позвоночныя, дышащія легкими, имѣютъ въ зародышевой жизни жаберныя щели, которыя потомъ исчезаютъ, ни разу не послуживши для дыханія. Кровеносная система закладывается у нихъ, какъ у рыбъ, какъ будто для того, чтобы впослѣдствіи обслуживать жаберное дыханіе. Но путемъ сложныхъ измѣненій эта система принимаетъ окончательный видъ кровеносной системы дышащаго легкими животнаго. При этомъ наблюдается много общаго съ тѣмъ измѣненіями, какія переживаетъ кровеносная система амфибій, когда послѣднія отъ жабернаго дыханія переходятъ къ легочному.

Мы познакомилась съ закономѣрностью въ строеніи кровеносныхъ органовъ позвоночныхъ. Такую же строгую закономѣрность легко установить и для любой системы другихъ органовъ и—понятно—не у однихъ лишь позвоночныхъ, но и у всякаго другого рода животныхъ членистоногихъ, моллюсковъ и др.

Эту закономѣрность мы можемъ выразить въ опредѣленной формулѣ.

Въ предѣлахъ любого отдѣла животнаго царства можно расположить всѣ встрѣчающіеся въ немъ организмы въ непрерывный рядъ. Въ началѣ этого ряда будутъ стоятъ болѣе простыя формы, въ концѣ—формы болѣе развитыя, а между этими крайностями расположатся формы переходныя. Такой же непрерывный рядъ мы получимъ, если разложимъ по степени сложности крайній членъ всего ряда позвоночныхъ—млекопитающихъ—и займемся исторіей ихъ развитія.

Очень часто въ такомъ рядѣ наблюдается переходъ отъ низшаго къ высшему. Въ другихъ же случаяхъ, какъ, напр., въ случаѣ описанныхъ органовъ дыханія и кровообращенія позвоночныхъ, это не такъ. Для воднаго образа жизни органы дыханія и кровеносная система рыбы такъ же превосходно устроены, какъ и соотвѣтствующіе имъ органы наземныхъ млекопитающихъ. Здѣсь дѣло лишь въ переходѣ отъ условій жизни воднаго животнаго къ условіямъ наземнаго существованія. Вслѣдствіе этого такія промежуточныя формы, какими являются амфибіи и рептиліи, по степени ихъ біологической приспособленности, стоятъ ниже, какъ рыбъ, такъ и млекопитающихъ.

Расположеніе животныхъ организмовъ въ ряды вовсе не является выраженіемъ присущаго живому веществу свойства постоянно совершенствоваться. Это доказывается, между прочимъ, существованіемъ многочисленныхъ случаевъ, когда мы встрѣчаемся съ нисходящими рядами. Прекрасными примѣрами такихъ нисходящихъ рядовъ являются паразиты, у которыхъ съ развитіемъ паразитическаго образа жизни наблюдается постепенное упрощеніе ихъ строенія. Такимъ образомъ можно построить ряды, начинающіеся съ высокоорганизованныхъ свободно-живущихъ формъ и оканчивающіеся формами въ сильной степени дегенерировавшими. Само собою понятно, что исторія развитія наиболѣе дегенерировавшихъ паразитовъ тоже представляетъ изъ себя такой нисходящій рядъ, гдѣ наиболѣе раннія формы ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ стадій свободно-живущихъ формъ, и гдѣ такъ называемая паразитическая дегенерація появляется лишь постепенно.

Я попытался дать представленіе о чудесной закономѣрности, которая на каждомъ шагу встрѣчается намъ при знакомствѣ со строеніемъ животныхъ и которая настойчиво требуетъ причиннаго объясненія.

Раньше для такого объясненія пользовались допущеніемъ, что въ основѣ строенія каждой группы животныхъ лежитъ опредѣленный планъ строенія, требующій высокой степени соотвѣтствія между отдѣльными членами этой группы. Но это было лишь повтореніемъ стараго, пустой, ничего не объясняющей формулой.

Мы подходимъ теперь къ самой значительной теоріи, которая когда-либо была создана въ біологіи,—къ ученію о происхожденіи видовъ. Это ученіе принимаетъ, что все нынѣ существующее животное царство произошло отъ древнихъ, проще построенныхъ формъ. Этимъ самымъ оно даетъ объясненіе большей части *)

---

*) Когда я говорю, что ученіе о происхожденіи «объясняетъ большую часть закономѣрностей въ образованіе животныхъ формъ на основаніи ихъ общаго происхожденія», то этимъ я хочу подчеркнуть то обстоятельство, что остатокъ—и притомъ не такой ужъ незначительный—не можетъ быть объясненъ этимъ путемъ. Мы находимъ не мало сходствъ среди организмомъ, отстоящихъ другъ отъ друга настолько далеко, что для объясненія этого сходства совсѣмъ ужъ нельзя привлекать кровнаго родства.

Я хотѣлъ-бы привести нѣсколько примѣровъ. И прежде всего—клѣточное строеніе организмовъ—животныхъ и растеній. Въ высокой степени невѣроятно, чтобы оба органическихъ царства произошли отъ общаго предка въ видѣ какого-нибудь одноклѣточнаго организма. Скорѣй всего клѣтка представляетъ изъ себя ту форму организаціи, которая необходимо возникаетъ повсюду, гдѣ только развивается органическая жизнь. Это происходитъ подобно тому, какъ обязательно и слѣдуя тѣмъ-же законамъ, возникаютъ химическія соединенія, лишь только очутятся вмѣстѣ необходимыя для ихъ образованія вещества.

Еще нѣсколько примѣровъ. Мы видимъ, какъ въ разнообразнѣйшихъ группахъ животныхъ и растеній половая дифференцировка—противоположныхъ мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ—развивается изъ низшихъ

тѣхъ явленій закономѣрности, съ какими мы познакомились въ строеніи и въ исторіи развитія животныхъ, оно объясняетъ ихъ, какъ необходимыя послѣдствія общаго происхожденія всѣхъ организмовъ. Оно смотритъ на всѣ организмы, какъ на исторически сложившіяся образованія и такимъ образомъ проводитъ параллель между исторіей человѣчества и исторіей животнаго царства.

И, дѣйствительно, точки соприкосновенія между этими процессами на самомъ дѣлѣ поразительны. Исторія народовъ учитъ насъ, что человѣческія учрежденія постоянно измѣняются и всегда должны приспособляться къ новымъ культурнымъ условіямъ. Этому стремленію совершенствоваться постоянно противодѣйствуетъ сила инерціи. Благодаря ей измѣненія наступаютъ лишь съ запозданіемъ, благодаря ей старое, даже тогда, когда оно стало уже пережиткомъ, прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы оправдать свое существованіе. Слѣдствіемъ этого являются безчисленные анахронизмы, свойственные нашимъ установленіямъ, и тѣ учрежденія, которыя въ свое время соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ ихъ эпохи, продолжаютъ существовать и теперь, когда они не только уже перестали удовлетворять новымъ требованіямъ, но зачастую стоятъ съ ними въ прямомъ противорѣчіи. Точно такъ же относится къ окружающей средѣ и животный организмъ. Въ общемъ его строеніе приспособлено къ средѣ.

Телеологія не устаетъ воспѣвать дивную гармонію между организаціей животныхъ и условіями ихъ существованія. Она забываетъ лишь объ одномъ, что наряду съ цѣлесообразными чертами въ организаціи животныхъ существуетъ очень много такихъ особенностей, которыя совершенно не соотвѣтствуютъ функціональнымъ требованіямъ предъявляемымъ къ организму.

Подобныя нецѣлесообразныя и даже излишнія образованія ста-

состояній совершенно одинаковыхъ половыхъ клѣтокъ. Далѣе, у очень многихъ группъ животныхъ мы находимъ, что нервная система лежитъ иногда въ эктодермѣ, т. е. въ кожѣ (у кишечно-полостныхъ, среди иглокожихъ—у морскихъ звѣздъ и лилій, среди червей—у сагитты и у многихъ кольчатыхъ и т. д.). Это переселеніе нервной системы изъ кожи въ глубже лежащіе слои тѣла можно прослѣдить у всѣхъ высшихъ животныхъ во время ихъ зародышеваго развитія, а у червей нервная система часто на всю жизнь застрѣваетъ гдѣ нибудь на этомъ пути изъ кожи въ глубину. Этотъ переходъ нервной системы въ болѣе глубокіе слои возникъ такимъ образомъ въ каждой группѣ животныхъ совершенно самостоятельно, повинуясь внутренней необходимости. Von Baer создалъ для этихъ необходимыхъ измѣненій, ведущихъ по большей части отъ низшихъ состояній къ высшимъ, неудачное выраженіе—«цѣлестремительность». Naegeli назвалъ ихъ «принципомъ прогрессированія». Нѣчто подобное мы находимъ и въ исторіи человѣчества. Всѣмъ достаточно хорошо извѣстно, что многія художественныя формы, государственныя учрежденія, религіозныя представленія и брачные обычаи встрѣчаются въ одинаковыхъ формахъ у различнѣйшихъ, чрезвычайно далекихъ другъ отъ друга народностей, гдѣ они, очевидно, возникли совершенно независимо другъ отъ друга.

новятся совершенно понятными, если подумать, что въ свое время они были разсчитаны на совершенно другія условія жизни. То негодное для употребленія устройство кровеносной системы, какое временно появляется у зародышей млекопитающихъ и птицъ и въ видѣ остатковъ въ теченіе всей жизни сохраняется у амфибій и рептилій, становится легко понятнымъ, если принять, что позвоночныя, дышащія легкими, произошли отъ позвоночныхъ, дышащихъ жабрами.

Приведя здѣсь излюбленное сравненіе, я могу сказать, что не только человѣческое общество, но и вообще все живое съ трудомъ лишь освобождается отъ своей исторической пудреной косы.

Причинное объясненіе, приводимое ученіемъ о происхожденіи видовъ въ пользу закономѣрности въ животныхъ формахъ, основано на томъ предположеніи, что нынѣшній органическій міръ получился въ результатѣ историческаго развитія.

Если эта гипотеза и обладаетъ, благодаря большому числу говорящихъ въ ея пользу фактовъ, значительной степенью вѣроятности и потому принята всѣми нынѣ живущими біологами, за исключеніемъ, пожалуй, исчезающаго ничтожнаго меньшинства, то мы все-же не должны упускать изъ виду, что это не болѣе, чѣмъ гипотеза и по существу своему всегда таковою останется. Вѣдь тѣ процессы измѣненія, о которыхъ говоритъ приверженецъ теоріи происхожденія видовъ, принадлежатъ далекому прошлому и потому не могутъ быть подвергнуты точному изслѣдованію. Вотъ почему противъ того объясненія образованія животныхъ формъ, которое дается ученіемъ о происхожденіи видовъ, выдвигаются различныя возраженія. Эти возраженія можно оцѣнивать по разному, въ зависимости отъ того, какія требованія предъявлять къ причинному объясненію явленій.

Однако, не всѣ формообразовательные процессы принадлежатъ прошедшимъ вѣкамъ. Слова Гераклита о томъ, что Πάντα ῥεῖ—все течетъ—сохраняютъ значеніе и для нашего времени. Мы живемъ посреди міра организмовъ, находящагося какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ въ процессѣ постояннаго измѣненія, и сами мы тоже принимаемъ участіе въ этомъ процессѣ.

Но особенно широкое поле для изученія измѣненій животныхъ формъ, измѣненій, доступныхъ къ тому еще точному изслѣдованію, намъ откроется, если вмѣсто изученія филогенеза—этой гипотетической родословной животнаго міра, мы приступимъ къ дѣйствительной индивидуальной теоріи развитія отдѣльнаго животнаго—къ онтогенезу.

Такъ за послѣднія 80 лѣтъ возникла изъ зачатковъ, лежащихъ еще въ 18 вѣкѣ, особая вѣтвь зоологіи, названная механикой или физіологіей развитія, или въ болѣе узкомъ смыслѣ, принимая еще во вниманіе объектъ ея изученія—экспериментальная зоологія. Къ этому новѣйшему направленію въ зоологіи должны мы обратиться,

если желаемъ имѣть полное представленіе о томъ, какъ зоологія изъ науки описательной превратилась въ науку, объясняющую явленія съ причинной точки зрѣнія. При описаніи успѣховъ, достигнутыхъ экспериментальной зоологіей въ дѣлѣ объясненія организаціи животныхъ, мы будемъ держаться того же пути, что и въ нашемъ сравнительно-анатомическомъ очеркѣ и начнемъ съ морфологическихъ элементовъ животнаго тѣла—съ клѣтки.

Попытка дать причинное объясненіе жизненнымъ явленіямъ клѣтки приводитъ насъ въ самую гущу спора между механистической и неовиталистической школой. Первая надѣется объяснить жизнь путемъ физико-химическихъ методовъ. Вторая считаетъ эту попытку безнадежной. Она признаетъ, что живому организму присущъ такой принципъ, который совершенно чуждъ неодушевленному міру, а міру одушевленному придаетъ нѣчто въ высокой степени своеобразное, это—цѣлесообразность въ явленіяхъ. Мнѣ бы не хотѣлось ближе касаться этого спора. Я удовольствуюсь утвержденіемъ, что если физико-химическое объясненіе жизни клѣтки и возможно, то во всякомъ случаѣ мы еще очень далеки отъ него.

Физіологія, пытаясь дать физико-химическое объясненіе процессамъ, протекающимъ въ животномъ организмѣ, дѣйствительно, сдѣлала очень большіе успѣхи. Она насъ научила понимать пищевареніе, какъ химическій процессъ. Она создала теоріи, которыя даютъ возможность представить себѣ первичную проводимость и мышечную сократимость механическимъ путемъ. А между тѣмъ мышечныя и нервныя фибрилли, подобно выдѣленіямъ железъ, тоже являются продуктами жизнедѣятельности клѣтокъ. Онѣ тоже являются орудіями, которыя клѣтка создаетъ для того, чтобы производить ими работу. За этими орудіями скрывается творящій мастеръ—клѣтка. Всѣ наши попытки ее разгадать должны были на этомъ мѣстѣ остановиться, хотя все же удалось провести очень интересныя аналогіи между жизненными явленіями и физико-химическими процессами *).

*) Я имѣю здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, два факта изъ области новѣйшихъ біологическихъ изслѣдованій.

1. Въ связи съ изслѣдованіями Quincke, Bütschli показалъ, что «т. н. гомогенная протоплазма» по своему микроскопическому строенію имѣетъ большое сходство со строеніемъ пѣны, которая получается, если взболтать двѣ несмѣшивающіяся жидкости, напр., оливковое масло и растворъ поташа. Подобныя смѣси обнаруживаютъ не только явленія движенія, схожія съ движеніемъ протоплазмы, но и другія черты сходства. Тончайшее строеніе протоплазмы, а въ особенности то строеніе, какое она принимаетъ во время дѣленія клѣтки, считалось раньше не совмѣстнымъ съ жидкимъ состояніемъ. Но Rhumbler доказалъ, что протоплазма обладаетъ всѣми физическими свойствами жидкостей. Поэтому особенно важнымъ является то обстоятельство, что мы получили возможность произвольно вызывать въ жидкостяхъ такія структуры, которыя раньше считались доказательствами противъ жидкаго состоянія тѣхъ веществъ, гдѣ подобныя структуры наблюдались.

2. Въ послѣднее время изучено вліяніе разныхъ t^{0} на ходъ жизненныхъ

При современномъ состояніи нашихъ знаній анализъ жизни клѣтки можетъ быть только біологическимъ: мы можемъ лишь сводить сложныя жизненныя явленія на ихъ составныя части, которыя въ свою очередь все еще остаются жизненными явленіями.

Такая біологическая задача вырастаетъ передъ нами изъ того обстоятельства, что клѣтка построена изъ ядра и протоплазмы. Она гласитъ: какую роль играетъ каждая изъ этихъ составныхъ частей въ жизни клѣтки?

Эта задача можетъ быть разрѣшена лишь экспериментальнымъ путемъ. Лучшими объектами для подобныхъ экспериментовъ являются, конечно, такія клѣтки, которыя ведутъ болѣе или менѣе независимую отъ другихъ клѣтокъ жизнь и потому могутъ быть изслѣдованы отдѣльно. Такими клѣтками являются, съ одной стороны, одноклѣточныя животныя, а съ другой—половыя клѣтки многоклѣточныхъ животныхъ. На обоихъ этихъ объектахъ удалось установить очень много важнаго. Я исхожу изъ основного опыта. Если разрѣзать какой-нибудь одноклѣточный организмъ, напр., амебу на двѣ части, изъ которыхъ въ одной останется ядро, а другая будетъ безъ ядра, то обѣ части останутся живы. Ядросодержащая часть будетъ жить долго, безъядерный отрѣзокъ тоже будетъ жить еще много дней и даже недѣль, но въ концѣ концовъ этотъ безъядерный кусокъ погибнетъ раньше того, который содержитъ ядро. Очевидно, что присутствіе ядра необходимо для жизни клѣтки.

Тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго оба отрѣзка продолжаютъ жить, даетъ возможность рѣшить вопросъ: для какихъ функцій необходимо взаимодѣйствіе между ядромъ и плазмой и для какихъ достаточно одной лишь безъядерной плазмы. Выяснилось, что безъядерные куски сохраняютъ раздражимость и способность двигаться, но совершенно утрачиваютъ способность переваривать, регенерировать отрѣзанныя части, расти и дѣлиться. Такимъ образомъ, ядро необходимо для всѣхъ тѣхъ процессовъ, на которыхъ основано построеніе новаго живого вещества.—Эти изслѣдованія послужили исходной точкой для дальнѣйшихъ изысканій.

явленій въ клѣткѣ. Нашли, что въ извѣстныхъ предѣлахъ повышеніе t^0 вызываетъ ускореніе этихъ явленій. Это ускореніе очень сходно съ тѣмъ ускореніемъ, какое по закону van t'Hoff'a наблюдается при повышеніи t^0 и въ химическихъ реакціяхъ.

Ясно, что чѣмъ больше соберется аналогій между физико-химическими реакціями и чѣмъ эти аналогіи будутъ ближе, тѣмъ больше выиграетъ въ вѣроятности предположеніе, что біологическіе процессы цѣликомъ могутъ быть сведены къ физико-химическимъ. Крайняя степень дѣлимости живого вещества, и въ особенности простѣйшихъ существъ, и цѣлесообразныя регулятивныя реакціи организма въ отвѣтъ на внѣшнія вліянія являются серьезной помѣхой къ окончательному установленію механистическаго міровоззрѣнія теперь-же, но я считаю совершенно недоказаннымъ утвержденіе Driesch'a, что эта помѣха непреодолима.

Мы знаемъ, что внѣшнія вліянія оказываютъ сильное дѣйствіе на жизненныя явленія въ клѣткѣ. Имѣются химическіе и физическіе агенты (изъ послѣднихъ обратимъ особое вниманіе на вліяніе температуры), изъ которыхъ одни ускоряютъ жизненные процессы (скорость движенія, быстрота дѣленія и размноженія), а другіе — замедляютъ ихъ. Съ другой стороны, было установлено, что во время процессовъ, протекающихъ подъ вліяніемъ ядра, во время питанія, роста, дѣленія и регенераціи ядро само испытываетъ измѣненія, съ одной стороны, въ своемъ строеніи и составѣ, а съ другой—въ своей массѣ.

Эти измѣненія неодинаковы при дѣйствіи агентовъ, ускоряющихъ жизненные процессы, и при дѣйствіи агентовъ замедляющихъ. Такъ, напримѣръ, выяснилось, что отношеніе величинъ ядра и плазмы въ теплѣ не то, что на холоду. Въ связи съ этимъ стоятъ и другія различія, которыя находятъ свое выраженіе въ быстротѣ роста и въ величинѣ тѣла клѣтки. Этимъ самымъ намъ даются средства для дальнѣйшаго анализа жизненныхъ явленій клѣтки *).

*) Изъ большого числа выдвигающихся здѣсь проблемъ я назову лишь нѣкоторыя. 1. *Дѣленіе клѣтки.* Когда клѣтка или одноклѣточный организмъ питается и вслѣдствіе этого растетъ, то наступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда эта клѣтка дѣлится на двѣ дочернія клѣтки. Раньше было очень распространено мнѣніе, по которому процессъ дѣленія клѣтки считался выростаніемъ «за предѣлы индивидуальныхъ размѣровъ». Въ этомъ опредѣленіи содержится представленіе, что каждой клѣткѣ присуща опредѣленная максимальная величина. Это мнѣніе неправильно, и ничего не объясняетъ. Объясненіе можетъ быть найдено лишь въ томъ случаѣ, если удастся доказать, что для того, чтобы приступить къ дѣленію, клѣтка должна пережить извѣстныя измѣненія въ своемъ состояніи, что въ только что раздѣлившейся клѣткѣ царитъ состояніе равновѣсія между всѣми ея составными частями и что это состояніе равновѣсія въ теченіе слѣдующаго за дѣленіемъ роста клѣтки нарушается.

Дѣленіе клѣтки вызывается тѣмъ, что это нарушеніе перешло за извѣстные предѣлы подобно тому, какъ электрическая искра перескакиваетъ лишь тогда, когда достигнуто опредѣленное напряженіе электричества. Рѣшающимъ моментомъ для наступленія дѣленія клѣтки является, очевидно, отношеніе величинъ ядра и протоплазмы. Если мы станемъ исходить изъ нормальнаго соотношенія ихъ величинъ, какое соблюдается въ каждой дочерней клѣткѣ, только что возникшей въ результатѣ дѣленія, то мы увидимъ, что это соотношеніе съ теченіемъ времени измѣняется вслѣдствіе болѣе энергичнаго, по сравненію съ ростомъ ядра, роста протоплазмы. Въ клѣткѣ возникаетъ особое состояніе, которое обычно зовется состояніемъ напряженія между ядромъ и плазмой. Это напряженіе разрѣшается въ процессѣ дѣленія. Все это путемъ точныхъ измѣреній доказано на инфузоріяхъ. Если измѣнить это соотношеніе при помощи температурныхъ или иныхъ вліяній, то удастся измѣнить также и ту величину клѣтки, при которой она начинаетъ дѣлиться.

2. Сюда же относится другая проблема, а именно, вопросъ о томъ, не подвергается ли въ теченіе жизненнаго процесса строеніе клѣтки, выраженное въ соотношеніи величинъ плазмы и ядра еще другимъ измѣненіямъ, но уже не преходящимъ, а постояннымъ, и не являются ли эти измѣненія тѣми причинами, которыя влекутъ за собою старость, а вмѣстѣ съ нею и физіо-

Вторая область для экспериментальныхъ изслѣдованій клѣтки представляется намъ изученіемъ половыхъ клѣтокъ. Въ особенности-же женскихъ половыхъ клѣтокъ, являющихся наиболѣе благопріятнымъ объектомъ для изслѣдованія.

Оплодотворенное яйцо представляетъ изъ себя обыкновенную клѣтку; подобно всякой другой клѣткѣ оно состоитъ изъ протоплазмы и ядра, но изъ этой клѣтки съ теченіемъ времени развивается—представьте себѣ—человѣкъ или какое-нибудь другое высоко организованное животное, во всякомъ случаѣ, организмъ, нерѣдко удивительно разносторонній, снабженный не только всѣми признаками того вида, къ которому онъ принадлежитъ, но и безчисленными индивидуальными особенностями.

Это чудесное разнообразіе признаковъ въ основѣ своей содержится уже въ яйцѣ. Этого нельзя понимать въ прямомъ смыслѣ, въ видѣ лежащаго въ яйцѣ, готоваго, но миніатюрнаго существа, какъ то въ теченіе долгаго времени утверждалось школой эволюціонистовъ. Всѣ свойства будущаго организма заложены въ яйцѣ въ видѣ зачатковъ. Достаточно совершенно ничтожныхъ внѣшнихъ вмѣшательствъ въ строеніе яйца для того, чтобы задѣть и измѣнить матеріальную основу этихъ зачатковъ. Эти ничтожныя вмѣшательства часто влекутъ за собою очень важныя послѣдствія. Это становится особенно очевиднымъ, если удается выходить и довести до полнаго развитія такой поврежденный зародышъ съ измѣненными зачатками, или, какъ обычно говорятъ,—съ измѣненной наслѣдственной массой.

Методика экспериментальнаго изслѣдованія половыхъ клѣтокъ отчасти та же, что и при изученіи одноклѣточныхъ животныхъ. Во-первыхъ, на нѣкоторыхъ объектахъ мы можемъ соотвѣтствующими пріемами выключать изъ процесса развитія отдѣльные участки яйца; наиболѣе важныя для насъ составныя части яйцеклѣтки представлены опять-таки протоплазмой и ядромъ. Послѣднее въ оплодотворенномъ яйцѣ наполовину отцовскаго, наполовину материнскаго происхожденія.

Отецъ даетъ ядро сѣменной клѣтки, мать приноситъ ядро яйцеклѣтки. Оба эти ядра при оплодотвореніи сливаются и образуютъ новое комбинированное ядро, «ядро дробленія». Экспериментатору легко удалять части протоплазмы: гораздо труднѣе, но за то несравненно интереснѣе измѣнять ядерный аппаратъ. Между тѣмъ, на цѣломъ рядѣ объектовъ удалось преодолѣть это затрудненіе и

логическую смерть, ту смерть, которая происходитъ не въ результатѣ внѣшнихъ поврежденій, и можетъ быть объяснена цѣликомъ или въ большей своей части старческими измѣненіями организма.

3. Наконецъ, является несомнѣннымъ и то обстоятельство, что половая дифференцировка связана съ различнымъ соотношеніемъ между ядромъ и плазмою, но здѣсь остается открытымъ вопросъ, являются ли рѣшающимъ моментомъ качественныя или количественныя измѣненія въ ядрѣ.

въ однихъ случаяхъ исключить изъ участія въ процессѣ развитія материнскій элементъ,—ядро яйцеклѣтки, въ другихъ—отцовскій элементъ—ядро сѣменной клѣтки. Особенно остроумный методъ далъ намъ возможность исключать даже отдѣльныя составныя части ядра. Самымъ важнымъ и поразительнымъ во всѣхъ этихъ экспериментахъ является то, что такія подвергшіяся глубокимъ измѣненіямъ яйца все же продолжаютъ развиваться, а по тѣмъ отклоненіямъ отъ нормы, которыя наблюдаются въ ихъ развитіи, можно судить о роли, какую выключенныя части ядра обычно играютъ въ нормальномъ процессѣ развитія.

Такъ экспериментъ позволяетъ намъ проникнуть въ причинную связь процессовъ наслѣдственности и пролить свѣтъ на одну изъ наиболѣе темныхъ и таинственныхъ областей человѣческаго изслѣдованія. Онъ даетъ намъ, кромѣ этого, еще возможность по нашему желанію кореннымъ образомъ измѣнять эти процессы *).

Въ рукахъ біолога имѣется еще одинъ методъ для экспериментальнаго вмѣшательства въ явленія наслѣдственности. Это—методъ планомѣрнаго скрещиванія. Онъ очень старъ. Тысячи лѣтъ онъ уже служитъ дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ скотовода. Нерѣдко призывался онъ также и на службу наукѣ. Но лишь *Gregor Mendel*, аббатъ августинскаго монастыря въ Брюннѣ, усовершенствовалъ его до такой степени, что онъ далъ возможность сдѣлать совершенно неожиданныя заключенія о существѣ и механизмѣ наслѣдственности.

Мы говоримъ о скрещиваніи, когда соединяются индивидуумы съ ясно выраженными различіями, съ рѣзко отличными «наслѣдственными массами». Для того, чтобы этотъ методъ сталъ дѣйствительно научнымъ средствомъ, необходимо прежде всего точно выяснить природу наслѣдственной массы.

Это становится до извѣстной степени возможнымъ, если скрещиваемые организмы различаются лишь немногими, но за то рѣзко выраженными признаками. Тогда экспериментаторъ можетъ не обращать вниманія на главную часть наслѣдственной массы, часть, общую обоимъ изслѣдуемымъ индивидуумамъ, и сосредоточить все свое вниманіе на немногихъ чертахъ различія.

---

*) Я могъ лишь кратко коснуться тѣхъ процессовъ, которые извѣстны подъ именемъ *мерогоніи* (искусственное исключеніе ядра яйцеклѣтки) и *искусственнаго партеногенеза* (исключеніе ядра сѣменной клѣтки), и не упомянулъ о результатахъ, достигнутыхъ при помощи этихъ методовъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что въ этой, самой молодой, области эсспериментальнаго изслѣдованія — имѣется еще очень много противорѣчиваго. Я выпустилъ также и экспериментальныя изслѣдованія надъ питательнымъ желткомъ. Это не значитъ, что я придаю этимъ опытамъ слишкомъ мало значенія. Наоборотъ, я даже держусь того мнѣнія, что желтокъ играетъ двойную роль: съ одной стороны, онъ своимъ расположеніемъ вліяетъ на архитектонику яйца, отъ чего зависитъ ходъ его дробленія, а съ другой — желтокъ, несомнѣнно, имѣетъ вліяніе также качественнаго характера.

Кромѣ того, ему необходимо самымъ точнымъ образомъ прослѣдить результаты скрещиванія. Нельзя ограничиться изслѣдованіемъ одного лишь перваго послѣ скрещиванія поколѣнія. Наслѣдственность это такой факторъ, который проявляется не только на дѣтяхъ, но и на внукахъ и даже на слѣдующихъ поколѣніяхъ. Сущность ея тогда лишь сможетъ быть понята во всей ея полнотѣ, когда удастся ее прослѣдить на протяженіи многихъ поколѣній при тщательномъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы картина не была затемнена ничѣмъ новымъ,—въ видѣ ли измѣненія условій существованія, или въ видѣ скрещиванія съ имѣющими другіе признаки формами. Исходя изъ этихъ соображеній, представляется необходимымъ въ теченіе долгихъ поколѣній охранять продукты скрещиванія отъ примѣсей чужой крови или, какъ теперь выражаются, воспитывать ихъ въ чистыхъ рядахъ и соблюдать въ теченіе всего опыта одинаковыя условія существованія.

Описаннымъ здѣсь усовершенствованіямъ въ методахъ скрещиванія Mendel былъ обязанъ тѣмъ, что ему первому удалось установить законы наслѣдственности, допускающіе при томъ весьма простую числовую формулировку. Одновременно съ этимъ онъ пришелъ къ очень опредѣленнымъ и одинаково важнымъ, какъ для теоріи, такъ и для практики, представленіямъ объ устройствѣ матеріальной основы наслѣдственности—наслѣдственной массы, и о томъ, что съ этой наслѣдственной массой происходитъ во время созрѣванія половыхъ клѣтокъ и во время оплодотворенія.

Очень интересно то, что къ тѣмъ самымъ представленіямъ, къ какимъ Mendel пришелъ на основаніи своихъ экспериментальныхъ работъ, біологія пришла уже гораздо раньше, еще въ то время, когда о работахъ Mendel'я не было ничего извѣстно. Ее привело къ этому необычайно тщательное микроскопическое изученіе соотвѣтствующихъ явленій.

Эти представленія состоятъ въ слѣдующемъ. Всякій организмъ, всякое животное и растеніе представляютъ изъ себя, такъ сказать, мозаику свойствъ. Этой мозаикѣ свойствъ взрослаго организма соотвѣствуетъ мозаика первичныхъ зачатковъ въ зародышѣ. Эти зачатки мы зовемъ наслѣдственными единицами. Въ процессѣ оплодотворенія соединяются двѣ подобныя системы зачатковъ—отцовская и материнская. Отсюда и происходитъ средній характеръ потомства. Этотъ средній характеръ можетъ во всякомъ случаѣ быть сдвинутъ, какъ въ сторону отца, такъ и въ сторону матери, въ зависимости отъ того, какіе зачатки обладали болѣе значительной способностью передаваться по наслѣдственности—отцовскіе или материнскіе. Мы приходимъ къ чрезвычайно важному пункту. При дѣленіяхъ созрѣванія половыхъ клѣтокъ отцовскіе и материнскіе зачатки снова расходятся и распредѣляются по половымъ клѣткамъ, которыя такимъ образомъ содержатъ уже снова лишь однородные зачатки.

Если-бы сохранилась старая группировка наслѣдственныхъ единицъ въ двѣ системы—отцовскую и материнскую, то одна часть половыхъ клѣтокъ осталась бы чисто-материнской, другая—чисто-отцовской, и въ результатѣ не получилось бы ничего новаго. Выяснилось, что въ большинствѣ случаевъ этого не бываетъ: элементарные зачатки системы, отдѣльныя наслѣдственныя единицы, могутъ во время дѣленій созрѣванія распредѣляться по половымъ клѣткамъ совершенно независимо одна отъ другой. Можетъ наблюдаться частичный обмѣнъ зачатками между обѣими системами, и такимъ образомъ возникаютъ новыя комбинаціи.

Эти отношенія станутъ яснѣе на примѣрѣ изъ области химіи. Всякое сложное химическое, а въ особенности органическое соединеніе состоитъ изъ многочисленныхъ радикаловъ, находящихся въ закономѣрной группировкѣ по отношенію другъ къ другу. Такъ и наслѣдственная масса животнаго состоитъ изъ многочисленныхъ зачатковъ. Подобно тому, какъ химикъ умѣетъ отщеплять отъ соединенія одни радикалы и замѣщать ихъ другими, и такимъ образомъ создавать новыя соединенія, такъ и скотоводъ можетъ добиваться новыхъ комбинацій отцовскихъ и материнскихъ зачатковъ и создавать этимъ путемъ новыя животныя формы. Эта возможность слишкомъ еще мало оцѣнена для практическаго ея примѣненія.

На основаніи почти столѣтняго опыта химику удалось разработать методику, годную для многихъ случаевъ анализа и синтеза. Такъ далеко раціональное скотоводство еще не пошло. Оно все еще должно эмпирически изучать каждый отдѣльный случай; но тѣмъ не менѣе мы не теряемъ надежды, что и намъ, наконецъ, удастся выработать общія нормы, подобныя тѣмъ, какія были созданы въ химіи, и при помощи искусственнаго вмѣшательства вполнѣ опредѣленно видоизмѣнять результаты скрещиванія. Скотоводство очень старо, какъ практическая дѣятельность, но, какъ научный методъ, оно совсѣмъ еще молодо.

Часто упрекали химію въ томъ, что она построила всѣ свои теоріи на основѣ атомистическаго ученія, и подвергали это послѣднее очень рѣзкой критикѣ. Тотъ же упрекъ можно сдѣлать и нашимъ новымъ ученіямъ о наслѣдственности. Всѣ они предполагаютъ извѣстную атомистику свойствъ и ихъ зачатковъ принимая существованіе элементарныхъ свойствъ и соотвѣтствующихъ имъ наслѣдственныхъ единицъ. Такое допущеніе сталкивается еще съ большими затрудненіями, чѣмъ атомистика въ точныхъ наукахъ. Тѣмъ не менѣе оно должно быть до поры до времени сохранено, хотя это не болѣе какъ превосходная рабочая гипотеза.

Всѣ описанныя нами экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя на половыхъ клѣткахъ, имѣютъ между собою то общее, что качественный составъ клѣтокъ при всѣхъ опытахъ оставался безъ измѣненія. Способы изслѣдованія сводились къ тому, что изъ

развитія выключались отдѣльныя составныя части клѣтки или же къ тому, что изъ этихъ составныхъ частей созидались новыя комбинаціи. Экспериментирующему біологу остается сдѣлать еще одинъ лишь шагъ для того, чтобы вызвать и качественныя измѣненія въ клѣткѣ. Для этого въ его рукахъ имѣется богатый арсеналъ средствъ, о которыхъ была уже рѣчь выше при описаніи опытовъ съ простѣйшими животными. Эти средства отчасти физическія, отчасти химическія. Изъ нихъ главную роль играютъ тепло и холодъ и они находятъ примѣненіе во всѣхъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ.

Здѣсь передъ зоологомъ открывается необъятное поле для точнаго научнаго изслѣдованія. Оно тѣмъ обширнѣе, что на половыя клѣтки можно дѣйствовать съ двухъ сторонъ.

Во-первыхъ, можно дѣйствовать непосредственно на половыя клѣтки, во-вторыхъ, можно подвергать различнымъ вліяніямъ все тѣло животнаго или растенія. Этимъ путемъ тоже можно добиться опредѣленныхъ измѣненій въ половыхъ клѣткахъ у соотвѣтствующаго организма. Эта возможность измѣненій въ половомъ аппаратѣ при посредствѣ вліяній, дѣйствующихъ на весь организмъ въ его цѣломъ, и представляетъ изъ себя предметъ возбудившаго столько споровъ ученія о наслѣдованіи пріобрѣтенныхъ признаковъ, которое играетъ такую важную роль въ борьбѣ дарвинистовъ съ нео-ламаркистами *).

Подобно тому, какъ мы экспериментируемъ съ отдѣльными клѣтками, мы можемъ в.бирать предметомъ нашихъ экспериментальныхъ изслѣдованій и такія единицы, какъ цѣлые комплексы клѣтокъ. Ихъ также можно изслѣдовать съ точки зрѣнія ихъ морфологическаго значенія.

Можно оперативнымъ путемъ удалять у взрослаго животнаго части органовъ, цѣлые органы и, наконецъ, даже цѣлые комплексы органовъ и наблюдать послѣдствія такихъ опытовъ. Можно прослѣдить, какъ при этомъ измѣняются жизненныя явленія организма, какими средствами организмъ пользуется для того, чтобы выровнять образовавшіеся дефекты въ его строеніи и въ его функціяхъ, какой именно клѣточный матеріалъ изъ рядомъ лежащихъ органовъ принимаетъ участіе въ этомъ процессѣ и какимъ измѣненіямъ долженъ подвергнуться этотъ клѣточный матеріалъ для того. чтобы удовлетворить выросшимъ передъ нимъ новымъ потребностямъ.

Такіе же эксперименты можно производить и на зародышахъ, съ тою разницей, что предметомъ изслѣдованія въ послѣднемъ

*) Я не могу входить здѣсь въ споръ о томъ, наслѣдственны-ли эти соматогенныя свойства. Эксперименты, произведенные для доказательства этого положенія, представляются мнѣ недостаточно убѣдительными. Съ другой стороны, я придерживаюсь того мнѣнія, что ученіе о наслѣдственности не можетъ обойтись безъ принятія соматогенныхъ свойствъ.

случаѣ являются не сами органы, а эмбріональные зачатки. Если мы произведемъ подобные опыты (въ одномъ случаѣ на зародышѣ, а въ другомъ на взрослыхъ животныхъ разнаго возраста) и сравнимъ результаты этихъ опытовъ, то для насъ станетъ ясно, какія измѣненія переживаетъ клѣточный матеріалъ животнаго въ теченіе его постепеннаго развитія.

Кромѣ полнаго удаленія клѣтокъ и органовъ, экспериментальная зоологія пользуется еще и другими пріемами для того, чтобы выяснить, какое участіе принимаютъ опредѣленныя группы клѣтокъ въ построеніи тѣла животнаго, и получить такимъ образомъ представленіе о причинной связи въ образованіи формъ.

Можно переносить зачатки органовъ съ одного мѣста зародыша на другое и убѣдиться, сохранятъ ли они при этомъ свойственный имъ характеръ или же подъ вліяніемъ новой среды они измѣнятся. Можно также разрушить связь между отдѣльными частями такъ, чтобы нарушилось ихъ взаимодѣйствіе. Наконецъ, можно подвергнуть весь организмъ или его часть воздѣйствію физическихъ или химическихъ факторовъ и разнообразить эти опыты въ самыхъ широкихъ предѣлахъ.

То, что я здѣсь кратко намѣтилъ, составляетъ излюбленную главу того отдѣла экспериментальной біологіи, который носитъ названіе физіологіи развитія *).

---

*) При обсужденіи попытокъ объяснить организацію животныхъ причиннымъ образомъ я различалъ между двумя теченіями: морфологическимъ, которое можно назвать также историческимъ,—оно опирается на данныя анатоміи и эмбріологіи, палеонтологіи и зоогеографіи, — и физіологическимъ, которое вводитъ въ біологію точный экспериментъ и математическій методъ. Оба эти направленія вступили другъ съ другомъ во враждебное противорѣчіе. Между тѣмъ такое положеніе является ненормальнымъ, такъ какъ оба они должны бы взаимно дополнять другъ друга. Представители физіологическаго направленія, пренебрежительно отзываясь о морфологическомъ, забываютъ, что послѣднее подготовило почву для ихъ собственныхъ изслѣдованій и поставило передъ ними цѣлый рядъ задачъ. А съ другой стороны, физіологія развитія призвана создать прочную почву для историко-морфологическаго теченія въ біологіи. Ученіе о происхожденіи видовъ имѣетъ дѣло съ явленіями измѣнчивости и наслѣдственности, приспособленія къ внѣшней средѣ,— чѣмъ бы послѣднее ни вызывалось: прямымъ ли воздѣйствіемъ или же измѣненнымъ упражненіемъ органовъ, или даже путемъ подбора.

Все это такіе процессы, которые и теперь еще дѣйствуютъ по тѣмъ же законамъ, хотя нерѣдко и при измѣнившихся условіяхъ. Результаты этого изученія смогутъ пролить новый свѣтъ и на прошлое, на историческую задачу о происхожденіи видовъ.

Въ связи съ этимъ мнѣ бы хотѣлось указать еще на одну область экспериментальнаго изслѣдованія, о которой я не могъ распространяться въ самомъ докладѣ. Но по своему значенію она стоитъ того, чтобы о ней упомянуть. Это—область точнаго изученія измѣнчивости. Какъ извѣстно, Дарвину принадлежитъ заслуга того, что онъ научно изслѣдовалъ понятіе о видѣ— эту основу всего ученія о происхожденіи видовъ. Онъ попытался доказать, что между видами и разновидностями нѣтъ никакого принципіальнаго различія, ни въ отношеніи ихъ строенія, ни въ ихъ способности къ скрещиванію.

Мы видѣли, какъ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ зоологія пережила глубокую перемѣну, какъ къ прежнимъ ея задачамъ описанія и систематики животныхъ присоединились новыя проблемы. Эти проблемы пріобрѣтали все большее и большее значеніе, ибо ихъ разрѣшеніе вело къ причинному объясненію образованія животныхъ формъ. Мнѣ остается теперь лишь показать, что по мѣрѣ того, какъ зоологія изъ науки описательной развилась въ науку объясняющую, она разбила узкія рамки спеціальнаго знанія и стала плодотворно вліять на другія науки. Я буду кратокъ, чтобы не произвести на васъ впечатлѣнія слишкомъ ревностнаго оратора pro domo.

Значительнѣйшимъ завоеваніемъ зоологіи я назвалъ ученіе о происхожденіи видовъ. Мнѣ нѣтъ надобности описывать, какое могучее вліяніе оказало это ученіе на всѣ почти области человѣческаго изслѣдованія, какъ близко оно соприкоснулось съ великими

Историческимъ изученіемъ породъ нашихъ домашнихъ животныхъ онъ старался доказать, что тѣ значительныя расовыя различія, какія мы теперь видимъ среди нашихъ голубей и другихъ домашнихъ животныхъ, возникли уже въ историческое время. Онъ и самъ вступилъ на путь экспериментальнаго изслѣдованія тѣмъ, что онъ разводилъ домашнихъ животныхъ и особенно тѣмъ, что онъ сдѣлалъ доступными для научнаго изслѣдованія выводы скотоводовъ-практиковъ. Этимъ ему удалось получить правильныя представленія о сущности измѣнчивости и о способѣ ея дѣйствія.

Идя по этому пути, біологія, и въ особенности ботаника, достигла блестящихъ результатовъ. Мы обязаны этимъ усовершенствованію методики. Болѣе точная характеристика измѣнчивости была достигнута, когда Galton и Pearson примѣнили къ этому вопросу разработанный Quetelet статистическій методъ. Имѣя подъ руками богатый фактическій матеріалъ, они конструировали кривыя измѣнчивости.

Такимъ образомъ удалось установить различіе между флюктуирующей (колеблющейся) измѣнчивостью и мутаціей. При флюктуирующей измѣнчивости крайнія формы всегда связаны цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ. Разнообразныя формы, въ какихъ намъ являются животныя, могутъ быть расположены по ихъ частотѣ вдоль кривой, гдѣ среднія формы соотвѣтствуютъ самой высокой точкѣ кривой, гдѣ онѣ, иначе говоря, представлены наибольшимъ числомъ случаевъ, въ то время, какъ плюсъ или минусъ-варіанты тѣмъ рѣже встрѣчаются, чѣмъ дальше они отклонились отъ средней формы. Подъ мутаціей же разумѣютъ рѣзко очерченныя группы формъ, близкихъ между собой, но совершенно не связанныхъ переходами съ другими группами. Способъ дѣйствія обѣихъ формъ измѣнчивости и ихъ значеніе для образованія видовъ были выяснены при помощи воспитыванія животныхъ въ чистыхъ рядахъ, какъ, напримѣръ, при опытахъ менделизаціи, при разведеніи животныхъ въ условіяхъ строжайшей чистоты крови.

Изъ всѣхъ произведенныхъ до сихъ поръ опытовъ слѣдуетъ, что флюктуирующая измѣнчивость не имѣетъ никакого значенія для образованія новыхъ видовъ оттого, что даже самые крайніе варіанты, при самомъ заботливомъ охраненіи чистоты крови, все же возвращаются къ средней видовой формѣ, въ то время, какъ при чистой разводкѣ мутацій новые признаки сохраняются даже при продолжительной культурѣ. Спрашивается лишь, сможетъ ли удержаться рѣзкое различеніе между мутаціей и варіаціей, и не развилась ли мутація постепенно изъ колеблющейся измѣнчивости.

основными вопросами, тревожащими человѣческій духъ. Все это еще слишкомъ свѣжо въ нашей памяти. Мнѣ бы хотѣлось лишь упомянуть о той службѣ, какую зоологія сослужила и вѣрно еще сослужитъ въ будущемъ родственнымъ съ нею наукамъ, въ особенности — ученію о скотоводствѣ и ученію о болѣзняхъ, какъ человѣка, такъ и животныхъ и растеній. Эта служба имѣетъ отчасти практическое, отчасти теоретическое значеніе. Практически важны и успѣхи, достигнутые зоологіей въ области паразитологіи.

Въ какомъ положеніи находилось бы ученіе о страшныхъ бичахъ человѣчества—маляріи, сифилисѣ, сонной и многихъ другихъ болѣзняхъ, преграждающихъ человѣческой культурѣ путь въ роскошные тропики, что бы представляла изъ себя планомѣрная борьба съ простѣйшими организмами, возбуждающими эти болѣзни, если бы для плодотворной работы въ этой области не была заранѣе подготовлена почва десятилѣтіями упорнаго труда надъ изученіемъ строенія и развитія простѣйшихъ организмовъ. Я бы могъ упомянуть здѣсь еще о многихъ другихъ болѣзняхъ животныхъ и растеній, вызываемыхъ многоклѣточными паразитами, но эти вопросы въ достаточной степени уже извѣстны въ широкой публикѣ. Но помимо этого наиболѣе важные импульсы, исходящіе изъ современнаго направленія зоологіи, относятся не къ практической, а къ теоретической области. Прежде всего мнѣ бы хотѣлось упомянуть о томъ, какой толчокъ получила всякая наука, занимающаяся вопросами жизни, въ томъ числѣ, конечно, и медицина, отъ того углубленнаго представленія о сущности животной организаціи, какое возникло благодаря зоологическимъ изслѣдованіямъ.

У всѣхъ еще на устахъ могучій успѣхъ, достигнутый въ медицинѣ подъ вліяніемъ ученія Вирхова о целлюлярной патологіи. Этотъ успѣхъ былъ обусловленъ примѣненіемъ ученія о клѣткѣ къ изученію больного организма. Но что-же представляло бы изъ себя ученіе о клѣткѣ безъ классическихъ изслѣдованій его великаго реформатора Макса Шульце надъ строеніемъ простѣйшихъ? Въ тѣ времена главный интересъ былъ сосредоточенъ на строеніи клѣтки. Теперь онъ обращенъ на ея физіологію, на изученіе ея дѣятельности и ея дѣеспособности.

Я ужъ показалъ,—на сколько это было возможно въ предѣлахъ краткаго доклада—какой богатый арсеналъ средствъ данъ для этой цѣли біологу изученіемъ простѣйшихъ животныхъ и половыхъ клѣтокъ. Я твердо убѣжденъ, что подобныя экспериментально-физіологическія изслѣдованія клѣтки сыграютъ въ развитіи медицинскихъ знаній не меньшую роль, чѣмъ въ свое время сыграли морфологическія изслѣдованія. Ученіе о болѣзняхъ, это—ученіе о борьбѣ двухъ армій, гдѣ съ одной стороны нападаютъ инфекціонные организмы, физическія и химическія поврежденія, разрушающія дѣйствія жизненнаго процесса, а противъ всего этого борется

защищающійся организмъ, способность сопротивленія котораго въ послѣднемъ счетѣ опредѣляется его конституціей.

Что же представляетъ изъ себя «конституція» организма, какъ не жизненную энергію, жизненную дѣятельность его клѣтокъ? А это вѣдь и есть одна изъ тѣхъ клѣточныхъ задачъ, которыя въ свое время такъ живо увлекали зоологовъ. Очень характерно для значенія зоологическихъ изслѣдованій клѣтки въ медицинѣ то, что столь плодотворная идея фагоцитоза исходитъ отъ зоолога. Я много говорилъ въ своемъ докладѣ о томъ, какую важную роль въ области изслѣдованій зоолога играетъ изученіе наслѣдственности. И результаты этого изученія имѣютъ большое значеніе для медицины, правда, не въ повседневной жизни практическаго врача, которому достаточно «класть», какъ поется въ пѣснѣ, «заплаты на развалившійся домъ грѣшной души», они важны, главнымъ образомъ, для врача человѣчества, умѣющаго заглянуть черезъ головы отдѣльныхъ личностей впередъ, въ будущее, для врача, который видитъ свою задачу въ созданіи духовнаго и тѣлеснаго здравія грядущихъ поколѣній.

Въ концѣ моей рѣчи мнѣ бы хотѣлось обратиться съ нѣсколькими словами къ вамъ, мои молодые друзья и соратники.

Большинство изъ васъ, къ какому бы факультету вы ни принадлежали, вступите по окончаніи университетскаго ученія въ практическую жизнь. Тамъ вамъ придется примѣнить на дѣлѣ то, чему вы научились въ университетскіе годы. Кой-кому изъ васъ, быть можетъ, покажется, что та теоретическая подготовка, какая при всякомъ ученіи предшествуетъ пріобрѣтенію практическихъ знаній, представляетъ собою ненужный балластъ. Я бы хотѣлъ всѣми силами предостеречь васъ отъ подобной духовной узости. То, что я сказалъ въ примѣненіи къ зоологіи, сохраняетъ свою силу и для другихъ наукъ: повсюду теорія и практика стоятъ въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи. Практика жизни всегда способствуетъ развитію наукъ, но, съ другой стороны, и всякая наука, преслѣдующая, казалось бы, только свои собственныя цѣли, въ конечномъ счетѣ приноситъ не мало пользы и для практической жизни.

Поэтому я и хотѣлъ бы васъ предостеречь, какъ отъ научнаго самомнѣнія, такъ и отъ узости, въ которой люди иной разъ стремяться ограничить ученіе однимъ лишь тѣснымъ кругомъ нужнаго и полезнаго.

Ходъ развитія зоологической науки побуждаетъ меня привести еще одно соображеніе, которое должно служить вамъ напоминаніемъ. Зоологія при своемъ развитіи распадалась на все большее и большее число отдѣльныхъ вѣтвей, она все больше и больше спеціализировалась. Теперь мы находимся въ такомъ положеніи, что даже для наиболѣе всеобъемлющаго ума стало совершенно невозможнымъ

охватить всѣ эти все болѣе и болѣе отчуждающія направленія, различающіяся часто не только по своимъ цѣлямъ, но и по своимъ методамъ. Невозможно ихъ охватить, не говоря уже о томъ, чтобы на столько овладѣть ими, чтобы имѣть возможность самостоятельными изслѣдованіями участвовать въ ихъ развитіи.

И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше долженъ зоологъ отрекаться отъ широты изслѣдованія и ограничивать свою дѣятельность на узкомъ пространствѣ.

Эта узкая спеціализація, казалось бы, мало подходитъ къ духу нашихъ высшихъ школъ, такихъ гордыхъ своею universitate litterarum—всеобщностью своихъ знаній. На самомъ-же дѣлѣ это такъ только кажется. Чѣмъ больше зоологъ бываетъ вынужденъ ограничиться въ своей собственной наукѣ, тѣмъ сильнѣе онъ чувствуетъ, какъ тѣсно онъ долженъ подойти къ другимъ наукамъ.

На первомъ мѣстѣ я назову здѣсь родственную науку--ботанику. Ея отношенія съ зоологіей стали такими близкими, что многое изъ того, что я здѣсь сказалъ, можно съ одинаковымъ правомъ отнести и къ ботаникѣ. Какъ тѣсна связь зоологіи съ медициной, я сказалъ уже ранѣе. Я долженъ назвать здѣсь еще физику и химію, а также и основу всякаго научнаго мышленія—математику. Чѣмъ глубже пытается зоологія проникнуть въ причинную связь между явленіями, тѣмъ нужнѣе становятся для нея выводы физики, химіи и математики. Такъ оправдалось и для зоологіи одно наблюденіе, которое имѣетъ значеніе для всякой истинной науки, а именно, что ограниченіе влечетъ за собой углубленіе изслѣдованія, а углубленіе возвращаетъ его къ всеобщности.

Оттого я напоминаю вамъ: стройте свои знанія на возможно болѣе широкой основѣ, прежде чѣмъ вы углубитесь въ особенности вашей спеціальности.

Стройте на широкой основѣ,—по скольку вамъ это позволяютъ ваши духовныя силы, не то вы подвергнетесь другой опасности, опасности диллетантства и непроизводительнаго всезнайства. Оставайтесь вѣрными духу нашей Almae matris, которая, слѣдуя традиціямъ universitatis litterarum, всегда стремилась воспитать не однихъ лишь толковыхъ знатоковъ своего дѣла, но и образованныхъ мужей, свободнымъ и открытымъ окомъ глядящихъ на всѣ общіе вопросы жизни.

Рихардъ Гертвигъ.

Изъ записокъ заграничнаго агитатора.

I.

Красный Оффенбахъ и русскіе кожевники.

Красный Оффенбахъ — промышленный городъ, центръ производства портфелей (бумажниковъ) и издѣлій изъ тонкой кожи.

На станціи меня не встрѣчаютъ. Приходится самой съ помощью носильщика найти себѣ обиталище.

Городъ опрятный; гостиница—домъ-особнякъ, должно быть, бывшая вилла какого-нибудь магната-капиталиста изъ Франкфурта. Магазиновъ много, но все дешевка, разсчитано на покупателей со скромнымъ кошелькомъ. На столбахъ, на углахъ улицъ всюду громадные красные плакаты:

«Wer die Wahrheit über die Russische Revolution aus berufenen Munde erfahren will, der versäume nicht die öffentliche Volksversammlung am Sonntag“ *)...

А я пріѣхала въ понедѣльникъ!.. Должно быть, надѣлала хлопотъ устроителямъ...

Неловко, досадно...

Спѣшу въ редакцію.

Что это? Демонстрація? Празднество? Происшествіе? Пустыя за часъ до этого улицы затоплены народомъ, панели запружены, движеніе трамвая затруднено... Откуда этотъ безконечный потокъ людей?

— Обѣденный часъ. Это фабричные, служащіе, конторщики,— поясняютъ мнѣ въ магазинѣ.

Въ редакціи меня встрѣчаютъ холодно, непривѣтливо. Не потому ли, что я принуждена была отсрочить собраніе? Объясняю причину своего опозданія, извиняюсь...

— Сегодня вечеромъ мы обсудимъ вопросъ о вашемъ собраніи. Вы крайне затруднили дѣло своей неожиданной отсрочкой; все уже было готово. Публика такихъ сюрпризовъ не любитъ. Мы рискуемъ остаться при пустомъ залѣ...

Звучитъ почти выговоромъ.

---

*) Кто хочетъ узнать изъ компетентнаго источника правду о русской революціи, тотъ не долженъ пропустить публичнаго народнаго собранія въ воскресенье...

— Давно агитируете по Германія?

Отвѣчаю.

— Такъ... Мы о васъ наводили справки въ Берлинѣ; Vorstand одобрилъ...

И тѣмъ не менѣе я ощущаю непривычный холодокъ, почти непріязнь...

— Отсюда мы васъ пошлемъ на сѣверъ, на спеціально-женскія темы. О Россіи тамъ говорить не стоитъ. Кстати, у васъ тамъ, въ Россіи, все еще длится экономическая депрессія?

— Повидимому кризисъ затягивается. Сейчасъ задѣто ужо и текстильное производство; до сихъ поръ оно держалось... Производятся массовые разсчеты.,.

— Очень печально. И для васъ, и для насъ... Да, да, и для насъ... Ваши русскіе затопили городъ. Они ведутъ себя непозволительно; это—такіе Lumpen *), простите за выраженіе, такія некультурныя животныя, такіе беззастѣнчивые Lohndrucker'ы **), что противъ нихъ приходится принимать крайнія мѣры. Да, какъ это ни прискорбно, а другого выхода нѣтъ...

— Безчестный народъ... Полное отсутствіе пролетарскаго чувства,—подхватываетъ другой, и, перебивая другъ друга, они продолжаютъ «честить» моихъ соотечественниковъ.

— Позвольте! что же они дѣлаютъ преступнаго? Въ чемъ ихъ вина? Дайте факты... И неужели же ихъ такъ много въ Оффенбахѣ?

— Много ли ихъ? Тысячи, и все еще прибываютъ. Сколько лѣтъ мы, портфельщики, работаемъ надъ своей организаціей; можемъ съ гордостью сказать — многаго достигли. Я — членъ комитета нашего союза и могу вамъ привести достаточно яркихъ примѣровъ изъ жизни союза до и послѣ нашествія русскихъ... Плата у насъ выше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Германіи, рабочій день ниже, хозяева съ нами считаются... И вотъ — являются ваши русскіе, и что же вы думаете? Насъ, старыхъ, опытныхъ рабочихъ, выпроваживаютъ на улицу... И изъ-за кого? Изъ-за несознательныхъ, некультурныхъ, крикливыхъ русскихъ! Какъ саранча налетѣли на городъ, осаждаютъ союзъ, требуютъ помощи... Съ какой стати? Вы же не организованы! Ничего не слушаютъ, кричатъ, женщины воютъ, дѣти плачутъ... Гонишь, не уходятъ... Сядутъ на лѣстницу профессіональнаго дома, съ дѣтьми, съ кульками, узелками—и сидятъ... А потомъ и началось: на мѣсто нашихъ стали на фабрики, повыперли насъ таки... Теперь, поглядите-ка, полюбуйтесь: старые, организованные рабочіе шатаются безъ дѣла, а этотъ нестоющій народъ, эти Schmutz-Konkurenten ***) заполонили мастерскія. Что вы на это скажете?

*) Босяки.

**) Сбиватели заработной платы.

***) Грязные конкуренты.

— А сколько они денегъ повыклянчили!.. И не только изъ союзной кассы: у частныхъ лицъ въ долгъ позабирали и не отдаютъ. Бывали и худшія дѣла — кражи.

Я непріятно подавлена, ошеломлена, но, за потокомъ обвиненій, все еще сути дѣла не схватываю.

Приходъ редактора прерываетъ нашу бесѣду.

Это—«ревизіонистъ», и у меня къ нему невольное предубѣжденіе. Но славное, умное лицо, привѣтливость и простота обхожденія развѣиваютъ предвзятую непріязнь.

Насъ оставляютъ вдвоемъ. Атмосфера, созданная его коллегами, исчезаетъ; говорится легко и просто, какъ со старымъ знакомымъ.

Прежде всего пробую выяснить, что значитъ эта враждебность къ русскимъ? Откуда? Чѣмъ вызвана?

Редакторъ улыбается и машетъ рукой.

— Уже успѣли вамъ нажаловаться?! Это—непріятная исторія. Отчасти изъ-за этого мы васъ и выписали. Собственно не «мы», а «я» настоялъ на этомъ, и не безъ борьбы—имѣйте это въ виду... Но вашъ рефератъ послужитъ къ уясненію вопроса, и потому я за него стою.

Наконецъ, узнаю «суть дѣла».

Знаменитый локаутъ кожевниковъ въ Вильнѣ въ 1907 г. повыбросилъ русскихъ кожевниковъ, преимущественно евреевъ, на заграничный рынокъ. Потянулись и въ Оффенбахъ. Публика сѣрая, забитая, изголодавшаяся; безпомощны, какъ дѣти... Чужіе нравы, чужой языкъ. И встрѣтили ихъ «волками», почуяли «злостныхъ конкурентовъ». Наивно стучались въ союзы, осаждали партійный комитетъ, приставали назойливо, нудно, ждали, требовали помощи, поддержки, указаній... Ихъ отваживали... Что же оставалось дѣлать? На собственный страхъ и рискъ пошли въ заводскія и фабричныя конторы. Соглашались на любыя условія. Развѣ можно винить ихъ за это — «этихъ жалкихъ, наивныхъ, голодныхъ дѣтей?»

Но результатъ оказался трагичный: хозяева обрадовались давно невиданной дешевой рабочей силѣ. Стали давать разсчетъ; поплатились старые профессіоналисты, партійно-организованные... Положеніе непріятное, что и говорить!

— Разумѣется, поднялся ропотъ... А ваши еще преступили цѣлый рядъ священныхъ для насъ, нѣмцевъ, традицій, главнымъ образомъ изъ-за своей безпорядочности. Дѣло дошло до того, что на одномъ собраніи союза портфельщиковъ серьезно обсуждался вопросъ о томъ, чтобы отъ имени союза обратиться въ городское правленіе,—тамъ сейчасъ наше большинство,—и потребовать «высылки» русскихъ за черту города... Порядкомъ тогда повздорить пришлось... И не думайте, что за такое рѣшеніе стояли «оппортунисты», практики, руководители профессіональнаго движенія...

Наши, партійные, изъ лѣвыхъ, и тѣ подавали голоса за «крутыя мѣры». Теперь уже страсти нѣсколько поулеглись; поняли, какой путь должны избрать соціалисты: повели агитацію среди вашихъ, пробуютъ втянуть ихъ въ союзы, издаютъ листки на жаргонѣ... Конечно, все это очень затруднительно: чужой языкъ, не найти агитаторовъ... Кстати, не говорите-ли вы на жаргонѣ? Очень жаль. Признаться я на это разсчитывалъ... Намъ бы это очень сейчасъ пригодилось.

Проситъ въ моей рѣчи отвести побольше мѣста положенію евреевъ въ Россіи, освѣтить причины, заставляющія еврейскихъ рабочихъ спасаться за-границу.

— Если вы сумѣете нарисовать яркую картину, наши устыдятся своего шовинизма и яснѣе поймутъ свою ошибку. Не бойтесь бить рѣзкими словами... Надо встряхнуть ихъ соціалистическую совѣсть... Втайнѣ почти вся редакція озлоблена на вашихъ... Впрочемъ, сами увидите сегодня вечеромъ, когда будемъ обсуждать вопросъ о вашемъ собраніи... Боюсь, какъ бы нѣкоторыя лица не стали класть палки въ колеса. Не очень-то жаждутъ вашего реферата,—усмѣхается редакторъ.—Но за то у васъ будетъ сознаніе, что своимъ выступленіемъ вы сослужите службу и своимъ соотечественникамъ... Итакъ, побольше мужества. «Muth und immer mehr Muth»—таковъ долженъ быть нашъ девизъ.

Вечернее собраніе комитета назначено въ домѣ профессіональныхъ союзовъ. Внизу—кнейпа, съ билліардомъ, пивомъ, карточной игрой. Выше—рядъ бюро и помѣщеній: редакціи, союзовъ, комитетовъ и коммиссій. Съ трудомъ отыскиваю помѣщеніе, гдѣ происходитъ засѣданіе комитета.

Комната небольшая; увѣшена снимками съ празднествъ рабочихъ.

Засѣданіе уже началось. Мелкія, будничныя дѣла: продленіе цикла вечернихъ лекцій для рабочихъ, расширеніе зданія партійной типографіи, выборы должностнаго лица и т. д.

Сосредоточенныя лица, полныя вниманія къ дѣлу. Повидимому, все рабочіе, за исключеніемъ редактора.

Въ мою сторону направлены любопытствующіе взгляды; редакторъ привѣтливо киваетъ... Остальные не шевелятся. Порядокъ дня течетъ своимъ чередомъ.

— Пунктъ пятый: вопросъ о перенесеніи собранія русскаго товарища К. съ воскресенія на слѣдующую субботу, 15-го,—читаетъ секретарь.

— Дѣло въ томъ, что товарищъ К. не могла выполнить взятаго на себя обязательства провести открытое публичное собраніе въ воскресенье, т. е. вчера, и предлагаетъ перенести его на субботу,—поясняетъ предсѣдатель.

— Не говоря уже о томъ, что отмѣна реферата стоила намъ большихъ хлопотъ, что при перенесеніи собранія мы рискуемъ остаться

при пустомъ залѣ, приходится обратить вниманіе товарищей еще и на то обстоятельство, что перенесеніе реферата сопряжено съ новыми расходами для партіи.

— И немалыми,—вставляетъ кассиръ...—Безъ того эта затѣя дорого обошлась кассѣ: расклейка и печатаніе плакатовъ—30 марокъ, разсылка объявленій объ отмѣнѣ семь марокъ,—равномѣрно, обличительно звучитъ его голосъ.

— Въ виду всего этого,—продолжаетъ предсѣдатель,—ставлю на обсужденіе вопросъ: переносить ли собраніе на слѣдующую субботу или вообще отказаться отъ реферата товарища К. ?.

Никакъ не ожидала такого оборота и чувствую, какъ безпомощно краснѣю. Редакторъ ободряюще улыбается мнѣ черезъ столъ, но это не искупаетъ непріятности моего положенія.

Одинъ за другимъ берутъ слово члены мѣстнаго комитета. Время для реферата неблагопріятное... Перенесеніе его на другой день убиваетъ всѣ шансы на успѣхъ. Не цѣлесообразно, поэтому, взваливать на кассу ничѣмъ не оправдываемые расходы... Въ теченіе пяти дней нѣтъ фактической возможности оповѣстить публику, а дѣла и безъ этого собранія не оберешься; нѣтъ смысла отвлекать силы отъ непосредственной и необходимой работы.

Подсчитываютъ расходы, вскользь упоминаютъ, что и тема неудачная, не агитаціонная. Явно склоняются къ отмѣнѣ собранія.

Безпомощно гляжу на редактора. Почему онъ молчитъ и только глаза его дружески, успокоительно мнѣ улыбаются?

— Я думаю, что товарищъ К. ничего не будетъ имѣть противъ отмѣны собранія и вмѣсто Оффенбаха согласится прямо проѣхать въ G. и W., чтобы провести тамъ рядъ женскихъ собраній?— вопросительно обращается въ мою сторону предсѣдатель.

Раскрываю ротъ для возраженія, но редакторъ меня перебиваетъ.

— Прошу слова.

И будто нехотя, очень спокойно, очень равнодушно, онъ говоритъ о томъ, что отмѣна собранія въ Оффенбахѣ принесетъ кассѣ бо̀льшіе убытки, чѣмъ перенесеніе на другой день. Добровольными пожертвованіями во время открытыхъ собраній удается обычно покрыть всѣ расходы. При отмѣнѣ же реферата уже понесенные расходы такъ и останутся бременемъ на кассѣ. Надо принять во вниманіе, что и референтка уже здѣсь; слѣдовательно, ей придется возмѣстить путевые расходы. Найдетъ ли ревизіонная коммиссія рѣшеніе объ отмѣнѣ собранія достаточно мотивированнымъ?

Ни слова объ «идейномъ» значеніи собранія. Я раздосадована, разочарована. Но движеніе на лицахъ показываетъ, что слова редактора возымѣли свое дѣйствіе. Небольшая дискуссія съ цифрами съ обѣихъ сторонъ,—и подавляющее большинство голосовъ высказывается за перенесеніе собранія на субботу.

— Теперь остается позаботиться о томъ, чтобы на собраніи было достаточно публики,—замѣчаетъ редакторъ.—Что меня касается, то въ завтрашнемъ номерѣ уже появится объявленіе о рефератѣ, а затѣмъ пущены будутъ соотвѣтствующія замѣтки. Вопросъ исчерпанъ. Могу удалиться.

Вопреки предсказаніямъ и опасеніямъ, въ субботу большой залъ геверкшафсхауза полонъ. Много женщинъ.

— Видите,—говоритъ редакторъ, когда мы усаживаемся съ нимъ за предсѣдательскій столъ на эстрадѣ,—успѣли и плакаты напечатать, и публику оповѣстить... А вѣдь какъ отнѣкивались-то!.. Что, ловко я тогда дѣло повелъ?—Смѣется.—Вы, вѣрно, подумали: что за безпринципный человѣкъ редакторъ! И все только о финансовой сторонѣ дѣла хлопочетъ; сейчасъ видно: «ревизіонистъ»... Но это былъ единственный способъ добиться соглашенія; если бы я на засѣданіи коммиссіи задѣлъ снова идейную сторону собранія, страсти разыгрались бы и ничего бы не вышло. А вы, признайтесь-ка, вѣроятно, и комитетъ нашъ осудили за то, что финансовая часть играетъ у насъ такую рѣшающую роль?

— Признаюсь, да.

— Вотъ оно, сейчасъ видно—русская! Вы, русскіе, какъ-то не отдаете себѣ отчета, что каждый пфеннигъ партійной кассы стоитъ лишеній и жертвъ, что пролетаріи наши, чтобы аккуратно вносить свои взносы, должны все время урѣзывать свой бюджетъ, отказывать себѣ часто въ необходимомъ... Какъ же вы хотите, чтобы мы—тѣ, кто знаетъ, изъ какихъ грошей сколочена партійная касса,—относились бы легкомысленно къ этимъ суммамъ, пускали бы деньги на вѣтеръ? Однако, пора и начинать. Сегодня залъ почти цѣликомъ состоитъ изъ нашихъ кожевниковъ. Помните же мои указанія и будьте мужественны.

Но «мужество» у меня сегодня отсутствуетъ. Въ залѣ царитъ та недовѣрчивая, непріязненная атмосфера, которая неуловимыми путями сообщается оратору, связываетъ его языкъ, дѣлаетъ его голосъ глухимъ, вялымъ...

Пара внимательныхъ женскихъ глазъ встрѣчается съ моими. Старушка—милое, ласковое лицо и какъ слушаетъ! Залъ съ его тысячной аудиторіей исчезаетъ, существуетъ лишь эта старушка, въ тактъ кивающая своею сѣдой головою съ гладкимъ проборомъ, старушка съ внимательными глазами и доброй улыбкой... Ей, только ей разсказываю я про темныя дѣянія реакціи, про гибель многихъ тысячъ сыновей такихъ же старушекъ... Побѣда смѣняется кризисомъ, репрессіей... Безработица, локауты... Вильна—массовые разсчеты кожевниковъ... Вотъ оно «опасное мѣсто» моего реферата! Старушка слушаетъ напряженно, внимательно... Ей, только ей буду я говорить о черныхъ ужасахъ погромовъ, о мучительныхъ тискахъ «черты осѣдлости», о юдоли печали, гоненій,

отчаянія еврейскаго народа,—тамъ, на далекой родинѣ... Но будто о колючую стѣну ударяются мои слова и глухо проносится по залѣ:

— За своихъ заступается. Еще бы, соотечественники!..

— За своихъ?—Точно бичемъ меня ударили.—Развѣ это не ваши же братья, спаянные съ вами одними страданіями, одними ужасами безпросвѣтнаго пролетарскаго существованія.

Быстро, быстро колотится сердце, но еще быстрѣе льются слова, задорнѣе, горячѣе становится рѣчь...

Старушка забыта. Я потеряла себя, слилась, растворилась въ единомъ переживаніи со слушателями. Все выше и выше растетъ настроеніе...

Кончила. Окружили, спрашиваютъ о Россіи, жмутъ руки...

— Einen tüchtigen deutschen Proletarier sollen Sie heiraten, Genossin *),—съ чувствомъ желаетъ мнѣ огромнаго роста Genosse, тряся мою руку такъ, что я чуть не вскрикиваю.

Подходятъ кожевники изъ Вильно. Одни благодарятъ, довольны; другіе критикуютъ.

— Вся первая часть—никуда не годилась... Оппортунизмъ чистѣйшей воды... Послѣ вашего выступленія на женскомъ конгрессѣ мы отъ васъ ожидали другого. Впрочемъ, конечно, вы—меньшевичка!—И мой критикъ пренебрежительно пожимаетъ плечами.

Предстоитъ традиціонное сидѣніе въ партійной кнейпѣ, но явное утомленіе даетъ мнѣ поводъ отказаться.

Завтра выступленіе въ сосѣднемъ мѣстечкѣ.

II.

Въ Саксонской деревнѣ.

Въ деревнѣ Гауерницѣ собраніе приходится въ воскресенье днемъ.

Свѣтлый, солнечный день. Воздухъ прозраченъ, какимъ бываетъ только раннею весной. Зелень полей голубоватая, нѣжная. Деревня еще уныло голая, но въ вышинѣ на всѣ голоса уже распѣваютъ перелетные гости о приближеніи весны.

Идемъ по узкимъ проселочнымъ дорогамъ, что вьются среди полей, и кажется, что это не промышленная Саксонія, а кусочекъ далекой родины... Паромъ черезъ Эльбу; плывемъ лѣниво, медленно. И рѣдкіе пѣшеходы идутъ той тяжелой, степенной поход-

*) Вамъ, товарищъ, слѣдуетъ выйти замужъ за настоящаго нѣмецкаго пролетарія.

кой, «съ развальцемъ», какая отличаетъ сельскаго жителя отъ стремительнаго горожанина.

— Gut'Tag—привѣтствуемъ другъ друга при встрѣчѣ.

Здѣсь человѣкъ не теряется въ людскомъ океанѣ, какъ въ городѣ; здѣсь даже случайный встрѣчный на счету.

Вотъ и Гауерницъ. Деревушка ничтожная; съ бѣлыми избами, садики, огороды. Въ концѣ улицы фабричная труба.

— Это фабрика, перерабатывающая тряпье въ бумагу. Единственное промышленное заведеніе Гауерница. Ничтожное по размѣрамъ, скверно-оборудованное, оно держится тѣмъ, что цѣлый рядъ операцій производятся на дому, въ избахъ. Не только въ самомъ Гауерницѣ, но и въ сосѣднихъ поселкахъ женщины и дѣти заняты разборкой тряпья и лохмотьевъ. Этимъ способомъ хозяинъ остается въ двойной выгодѣ: экономитъ на помѣщеніи и, что еще важнѣе, безъ стѣсненія, безъ вмѣшательства закона можетъ эксплуатировать женскія и дѣтскія силы. Оплата—нищенская, а господинъ фабрикантъ еще дѣлаетъ видъ, что «благодѣтельствуетъ» населеніе. Даетъ работу не каждому, съ выборомъ: приди да поклаияйся ему,—строптивыхъ наказываетъ. И тѣ, мимо кого фура съ тряпьемъ проѣзжаетъ, не останавливаясь, въ самомъ дѣлѣ воображаютъ себя «обойденными» и обиженными...

—Темный, забитый нуждой народъ. Еще не пробудился въ нихъ «священный огонь недовольства»,—съ улыбкой говоритъ мой спутникъ.—Вотъ и задача вамъ сегодня: расшевелите ихъ. Покажите, что есть и другая жизнь.. Впрочемъ, явятся все больше мужчины; а они то съ міромъ все-таки соприкасаются. Многіе тутъ только ночуютъ въ семьѣ, а сами работаютъ на желѣзо-прокатномъ заводѣ. Женщины же,—тѣ, кому бы и послушать здравыя рѣчи,—тѣхъ на собраніе не заманишь.

— Если разборка тряпья производится на дому, да еще дѣтьми, значитъ здѣсь должны быть постоянныя эпидеміи? Какъ же къ этому относятся ваши саксонскія власти, такъ много хлопочущія о народномъ здравіи?

— Какъ относятся? А вотъ какъ: вспыхнулъ въ прошломъ году дифтеритъ, сталъ косить не только дѣтей, но и взрослыхъ. Надѣялись на разслѣдованіе условій труда. Коммунальныя власти зашевелились... Но господинъ фабрикантъ—человѣкъ опытный—зналъ, гдѣ замолвить словечко. Такъ до сего дня никакого разслѣдованія и не предпринято.

— Сколько женщинъ занято на этой фабрикѣ?

— Это сказать трудно, цифры измѣнчивы. Вообще же въ Саксоніи переработкой тряпья и лохмотьевъ занято свыше 19 тысячъ женщинъ. Количество не малое, особенно если вспомнить, при какихъ условіяхъ совершается работа: тряпье разбирается въ жилой комнатѣ. Неразобранные тюки хранятся въ кухнѣ... Дѣти, возвращаясь изъ школы, сразу же засаживаются за это неопрят-

ное дѣло... Однако, мы пришли. Группа здѣсь незначительная, собранія у насъ не частыя, и потому помѣщеніе оставляетъ желать лучшаго.

Дѣйствительно, помѣщеніе скромное. Низкая комната въ два окна, раскаленная желѣзная печь. Человѣкъ шестьдесятъ тѣсно сидятъ за длинными столами, пьютъ пиво. И типъ аудиторіи не такой, какъ въ городахъ: одѣты по праздничному, много яркихъ, пестрыхъ галстуховъ. Лица неподвижныя, застывшія; говору не слышно. Женщинъ съ десятокъ; сидятъ за отдѣльнымъ столомъ. Некрасивыя, болѣзненныя, безцвѣтныя.

Передъ самымъ началомъ собранія дверь съ шумомъ распахивается; величаво вплываетъ высокая, полная «бабуся», въ платочкѣ, въ просторной ситцевой кофтѣ, какія носятъ и у насъ въ деревняхъ. Важно и степенно проплываетъ къ переднимъ мѣстамъ. За ней, сѣменя старческими ногами, плетется ея мужъ, маленькій, сухенькій, сгорбленный.

— Такъ. Вотъ и я пришла. Еще никогда не слышала, какъ говорятъ женщины,—солидно на всю комнату заявляетъ «бабуся».— Пусть и онъ послушаетъ (небрежный жестъ въ сторону мужа). Ему полезно. Ну, старикъ, садись же.

Оба усаживаются впереди, близко передо мною. У бабуси большіе, умные голубые глаза, здоровый цвѣтъ лица и съ просѣдью свѣтло-льняные волосы, гладко расчесанные въ проборъ. А ротъ— характерный ротъ Екатерины II. Когда-то бабуся была красавицей,—это несомнѣнно.

Сейчасъ—это олицетвореніе несокрушимой силы и энергіи. Какой контрастъ съ этими вялыми, блѣдными женщинами тамъ у окна, этими типичными «рабынями капитала»!.. Бабуся слушаетъ внимательно, скрестивъ руки на животѣ. И вдругъ, со вздохомъ на всю комнату:

— Да, да! Вотъ эта-то, видно, въ школѣ побывала!

Замѣчаніе относится ко мнѣ.

Отъ печки пышетъ жаромъ. Пробую отойти къ входной двери, но ее часто пріотворяетъ прибывающая публика. И здѣсь неудобно. Становлюсь посреди комнаты, тѣсно окруженная слушателями. Такъ, пожалуй, даже лучше.

Интимная обстановка заставляетъ упростить рѣчь до дружеской бесѣды; теперь я ближе къ слушателямъ, понятнѣе имъ...

Послѣ реферата предсѣдатель предлагаетъ открыть дискуссію. Но публика жмется, молчитъ. Равнодушіе? Стѣсненіе?

— Небось мужчины-то языки свои проглотили,—вдругъ нарушаетъ тишину низкій голосъ бабуси.—Ничего, что баба,—больше вашего знаетъ. Надъ такой не покуражишься. Посидите-ка и вы разъ дураками. Спѣси-то у васъ поубавится. Du alter! komm nun! *)—

*) Ну, старикъ, иди!

И, самодовольно ухмыляясь, она побѣдительницей уплываетъ изъ комнаты. За ней покорно сѣменитъ мужъ.

Врядъ-ли удавалось ему надъ ней «покуражиться»!

Дискуссія явно не состоится. Задыхаюсь отъ духоты и ухожу въ сосѣднюю комнату. Здѣсь мирные обыватели, по случаю воскресенья, попиваютъ кофе, пиво, сражаются на билліардѣ. Натыкаюсь на бабусю и, разумѣется, вступаю въ бесѣду.

Она—«домохозяйка»: своя избушка, торгуетъ овощами. Мужъ бывшій ткачъ, но по слабости здоровья уже давно «на ея шеѣ». Есть дѣти и внуки: всѣхъ сама на ноги поставила. Одинъ внукъ даже «контористомъ» сталъ. Сейчасъ вдвоемъ остались,—всѣ по свѣту разбрелись. А работать до сихъ поръ приходится, какъ послѣдней клячѣ: всѣ съ нея тянутъ—дочери, сыновья, внуки. Не двужильная, и ей пора на покой. Да ужъ, видно, только въ могилѣ и дадутъ отдохнуть. По ночамъ и то работаетъ: вяжетъ шерстяныя кофты; большой спросъ на нихъ пошелъ, и скупщикъ охотно покупаетъ. Только глаза плохи что-то стали, очки приходится носить, а ей всего 68 лѣтъ; отецъ и мать до восьмидесяти дожили и очковъ не знали. Положимъ, тѣ были «землевладѣльцы»,—свою землю пахали, имѣли корову, лошадь, свиней... Не то, что эта фабричная голь, какъ ея мужъ. Не будь ея, давно бы подъ заборомъ сдохъ... Только ею и кормится. Тихій онъ, одно утѣшеніе, зря не перечитъ. Прежде тоже, бывало, пробовалъ куражиться, ревновалъ ее... Усмѣхнулась, опустила глаза. Что-то вспомнила... Всѣ они, мужчины,—«скоты» и всѣ дураки. Въ концѣ-концовъ самаго умнаго вокругъ пальца можно обернуть; ничего, что сама безграмотная, а онъ ученый...

— А вы сами откуда?—прерываетъ она себя.

— Я? Изъ Россіи.

— Изъ Россіи? Батюшки мои! Этакую даль и одна пріѣхала? Прямо сюда?

— Я уже два года за-границей. Теперь вотъ у васъ работаю.

— Замужемъ?

— Да.

— И мужа оставила? Одна ѣздите? Вотъ, это такъ. Дѣлать дѣло, такъ ужъ дѣлать! Чего съ ними путаться,—одобрила бабуся и, пожелавъ успѣховъ въ агитаціи (сама она давно организована, «соци»—народъ дѣльный), увела своего терпѣливо дожидавшагося супруга.

Занимаю столикъ возлѣ многочисленной семьи, подъѣхавшей къ кнейпѣ на собственныхъ лошадяхъ, въ линейкѣ. Повидимому—помѣщики; дѣлаютъ воскресный «Ausflug». Солидный папаша заказываетъ кофе, пирожное. Но дамы въ воскресно-безвкусныхъ шляпахъ перешептываются, разглядываютъ меня съ любопытствомъ. Новое необычное лицо въ этой деревушкѣ. Обращаетъ на меня вниманіе

и папаша. Любопытство растетъ. Подзываютъ хозяйку. Разспрашиваютъ. И вдругъ—выраженіе лицъ мѣняется, становится «сухимъ», полнымъ презрительнаго неодобренія.

Кофе не допитъ, пирожное не доѣдено, а папаша уже рѣшительно и демонстративно встаетъ и громко командуетъ: «Kommt, Kinder, kommt, hier ist keine passende Gesellschaft für euch» *).

Дѣтишки, уплетая остатки пирожнаго, косятся на меня; въ глазахъ любопытство и маленькій страхъ... Кажется, думаютъ: а какъ она вдругъ на насъ бросится?..

И вся семейка величественно удаляется. Достоинство «аграрія» не позволяетъ пить кофе въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ соціалъ-демократкой.

III.

Умирающій городъ.

Пустынно и темно въ узкихъ уличкахъ стараго текстильнаго гнѣзда Grossenhain'а. Насупились низкіе дома съ высокими, крутыми крышами; точно вымерла жизнь за ихъ темными, пустыми окнами. Ни кафе, ни оживляющихъ магазинныхъ огней, ни трамваевъ.

Унылая, пустая площадь; посрединѣ—мучной складъ. Безлюдно, беззвучно... Но это—не та убаюкивающая тишина деревни, за которой улавливаешь притаившіеся шорохи жизни, заглушенные звуки говорящей природы... Здѣсь—тишина глухого, мертваго подземелья. И кажется, будто самое небо, беззвѣздное, тусклое, налегло на крыши домовъ и давитъ, и душитъ...

Когда-то, полъ-столѣтія тому назадъ Grossenhain былъ живымъ центромъ текстильной промышленности. Сюда изъ далекихъ странъ длинныя вереницы вагоновъ привозили тюки, туго набитые лучшими сортами хлопка. Отсюда увозили узорчатыя тонкія ткани съ замысловатыми рисунками, пестрыми и мелкими,—спеціальность Grossenhain'а. Кипѣла жизнь въ маленькомъ городѣ. Пыхтѣли фабрики, громыхали нагруженныя фуры, позванивали денежки...

Раннимъ утромъ къ фабричнымъ зданіямъ тянулись тяжелой и вялой походкой съ безпросвѣтной покорностью судьбѣ «рабы капитала»... Это были дѣти «ткачей» Гауптмана. Кирпичное чудовище поглотило въ своей ненасытной утробѣ ихъ кормильцевъ, прекратило біеніе жизни въ сотняхъ ткацкихъ станковъ, что стояли въ родныхъ избахъ, раззорило избы, разсыпало членовъ семей по бѣлу-свѣту... И, чтобы довершить униженіе, заставило и женъ, и дѣтей стучаться въ ворота къ «кирпичному чудовищу» и терпѣливо предлагать свое единственное достояніе—рабочія руки..

Но сюда же, въ это закопченое гнѣздо печали, гдѣ чахоточный кашель смѣшивался съ криками голодныхъ младенцевъ, до-

*) Уходите, дѣти, уходите! Здѣсь совсѣмъ не подходящее для васъ общество.

летали и первыя искры разгоравшагося «краснаго пламени». Сюда, одушевленные непоколебимой вѣрой въ близость побѣды, являлись люди другого міра, юныя, пылкія головы. Здѣсь, въ тѣсномъ кругу, въ надежной, дружеской кнейпѣ вели они свои воодушевляющія, пламенныя бесѣды... И въ сердцахъ вмѣстѣ съ искрой надежды разгорался протестъ, пробуждалась энергія, зарождалась новая, невѣдомая имъ самимъ сила...

По прежнему, рано поутру тянулись длинныя вереницы рабочихъ. По прежнему, потирая руки, сгребали позванивающее золото хозяева; но Grossenhain уже былъ не тотъ, что прежде.

Что-то таила глухо-роптавшая масса; что-то нарождалось тамъ, въ глубинѣ, за тусклыми окошками низкихъ, затхлыхъ перенаселенныхъ рабочихъ квартиръ... Въ маленькихъ домикахъ съ острыми крышами шла новая, тревожившая властителей города жизнь... Тамъ формировалась и росла новая сила—организація рабочихъ...

Уже не разъ пришлось изумленнымъ хозяевамъ, привыкшимъ съ удобствами, «безъ помѣхъ» пользоваться по своему усмотрѣнію живымъ товаромъ, столкнуться съ непонятной, жуткой «непокорностью» недавнихъ послушныхъ рабовъ. Уже не разъ среди бѣла дня, въ неурочное время, умолкали станки и пустѣли мастерскія... Уже не разъ разогрѣтая толпа угрожающе обступала фабричную контору и заставляла самого г-на директора, съ трясущейся челюстью, выходить къ ней для «окончательныхъ переговоровъ»...

Въ тусклыхъ жилищахъ текстильщиковъ забрезжилъ свѣтъ надежды... Позднѣе сталъ теперь гудѣть по утрамъ нудно-настойчивый фабричный гудокъ; раньше стали зажигаться огни въ квартирахъ рабочихъ. И родители рѣже выносили въ сумеречную пору крошечные дѣтскіе, плохо-сколоченные гробики...

Казалось, ласковое солнце надежды забросило свой мягкій лучъ въ закопченое гнѣздо и шептало о близости, о возможности избавленія...

Но новая бѣда уже сторожила у воротъ злополучнаго гнѣзда печали. Со всѣхъ сторонъ, тѣснымъ кольцомъ обступили, окружили текстильный городъ новыя предпріятія «усовершенствованнаго» типа. Величавыя фабрики съ громадными окнами, со сказочными изобрѣтеніями новѣйшей техники, безъ трясущихся подъ ногами половъ, безъ адскаго, безтолковаго грохота машинъ... Новые методы фабрикаціи товара, новые, невиданные сорта тканей... Не угонишься за ними!

Старый Grossenhain глядѣлъ сначала изумленно, обиженно, попробовалъ понатужиться, посостязаться, но быстро опустилъ свои отяжелѣвшія, старыя крылья. Вагоны, нагруженные заморскимъ хлопкомъ, все чаще и чаще останавливались теперь у сосѣднихъ мѣстечекъ и станцій, все рѣже увозили изъ Grossenhain'а пестрыя узорчатыя ткани—спеціальность умиравшаго города... Если жизнь не замерла еще окончательно, то только потому, что всю тяжесть

«креста», выпавшаго на долю стараго города, хозяева пытались переложить на плечи снова притихшихъ, покорныхъ рабочихъ...

— Вотъ одна изъ послѣднихъ, не сдающихся пока крѣпостей, самое крупное предпріятіе города,—указываетъ мнѣ мой спутникъ на угрюмое, длинное фабричное зданіе, съ узкими, мелкими окнами и уродливыми трубами.

— Теперь такихъ чудовищъ больше не встрѣтишь. Прежде война велась въ открытую: мы—съ одной стороны, они—съ другой... Никакихъ сантиментовъ! Теперь же, со всей этой слащавой болтовней о соціальныхъ реформахъ, даже г-да фабриканты сбиваются съ тона и воображаютъ, что, если бумагопрядильня будетъ имѣть видъ увеселительнаго дворца, то классовые интересы сами собою смягчатся. Впрочемъ, старыхъ гроссенхайнцевъ сладкими словечками не купишь. У насъ ненависть въ крови,—съ молокомъ матери всосали... Четвертое поколѣніе во власти капитала,—это что-нибудь да значитъ! Я еще помню, какъ дѣдъ мой изъ упрямства просиживалъ ночи за своимъ станкомъ... И чуть отца не проклялъ, когда тотъ на фабрику отправился... Такъ и умеръ дѣдъ за станкомъ. Утромъ нашли его мертвымъ, а челнокъ въ рукѣ зажатъ. Съ челнокомъ и похоронили...

Мой спутникъ—предсѣдатель мѣстной группы. Старикъ, худой, высокій, держится прямо, гордо несетъ свою красивую голову съ широкой бородой и тонкимъ профилемъ. Волосы бѣлые, а брови и глаза живые, какъ у юноши, черные. Могъ-бы сойти за малоросса.

— Разумѣется, нашъ городъ умираетъ,—продолжаетъ онъ свой образный разсказъ.—Держимся только дешевкой... Дрянной товаръ стали вырабатывать, за то дешево. Конечно, и эксплуатація соотвѣтствующая... Читали вы книгу Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи? Не хотите-ли живую иллюстрацію къ книгѣ? А еще говорятъ о томъ, что устарѣла, молъ, теорія обнищанія... На моихъ глазахъ измѣняется картина: нищенская плата, отвратительныя условія мастерскихъ, звѣрское обращеніе...

— Но почему-же рабочіе здѣсь остаются?

— Почему? Привычка къ мѣсту—это главное... Дѣдъ жилъ, отецъ жилъ... Да и куда пойдешь? Вы думаете, въ другихъ мѣстахъ слаще? Всюду тѣ же кровопійцы, всюду тѣ же порядки... Къ тому-же—неизвѣстность, безработица... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, «свое», изведанное... Впрочемъ, молодежь и не остается; вотъ, и мои сыновья всѣ разбрелись по свѣту... Но одни уходятъ, а другіе, изъ деревень, все еще тянутся сюда по старой памяти. Обратите вниманіе на собраніи, увидите два рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа. Одни, это—мы, поколѣніе текстильщиковъ, нездоровыя и некрасивыя лица, чахоточныя груди... Другіе—деревенскіе парнишки, кровь съ молокомъ; не успѣла еще фабрика выѣсть изъ нихъ запасъ деревенскаго здоровья... Дѣти

пахарей изъ Шлезвига, изъ Богеміи... Да, да наслѣдственность—великая вещь! «Естественный подборъ»... Вотъ вы, молодое поколѣніе, совсѣмъ невѣжды въ естественныхъ наукахъ, Дарвина и того не знаете... Въ наше же время каждый соціалистъ создавалъ себѣ прочный фундаментъ изъ естественныхъ наукъ... Поглядите на меня: если я не обратился къ своимъ шестидесяти годамъ въ дряхлаго старца, а еще ношу образъ и подобіе человѣка, то этимъ я всецѣло обязанъ своей матери и бабкѣ. Крестьянками были; дѣдушка и отецъ оба ѣздили за невѣстами въ деревенскую глушь, куда капиталъ еще не протягивалъ своихъ цѣпкихъ лапъ... Здоровыя были бабы; мать моя до 80 лѣтъ дожила и всѣхъ насъ въ повиновеніи держала, недавно и померла-то...

— Вы давно въ организаціи работаете?

— Скоро двадцать пять лѣтъ, состою партійнымъ и союзнымъ функціонеромъ, одновременно. У насъ тутъ дружно люди живутъ, нѣтъ этой безтолковой грызни; союзъ, партія—всѣ одному Богу служатъ; изъ-за чего же копья ломать?

Мы дошли. Залъ большой, но низкій. Невыносимо жарко, душно, накурено.

— Отчего такъ мало женщинъ?

— А на что онѣ вамъ?—иронически улыбается предсѣдатель, и его живые глаза загораются задорнымъ огонькомъ.—Неужто и вы «равноправка»?

— Мой образъ дѣйствій вамъ это подтверждаетъ.

— То, что вы агитаторша? Это ничего не доказываетъ. Исключенія всегда возможны. Но для массъ, для большинства женщинъ—это вредная, недопустимая, безумная затѣя... Наивный утопизмъ и глупость, болѣе ничего.

— Какъ вы можете такъ разсуждать, когда сами прекрасно знаете, что именно въ вашей отрасли промышленности, именно у текстильщиковъ женскій трудъ играетъ такую огромную роль?

— Что-же изъ этого? Что-же тутъ хорошаго, скажите на милость? Хозяйство запускается, квартиры обращаются въ свиные хлѣвы, дѣти мрутъ, а кто выживаетъ, тотъ становится воромъ, пьяницей, негодяемъ .. На что похожа женщина, побывавшая на фабрикѣ? Поглядите, полюбуйтесь!.. Вы думаете, намъ мужьямъ это пріятно? Вы думаете, это поддерживаетъ любовь, когда жену уже къ тридцати годамъ отъ вѣдьмы не отличишь?—Глаза у старика горятъ: видно, задѣла больной вопросъ.—Моихъ дочерей я ни одну до этого паденія не допустилъ. Приходилось и голодъ терпѣть, но ни я, ни жена не сдавались...

— Но вы сами знаете: бываютъ случаи, и къ сожалѣнію частыя, когда нѣтъ другого исхода, какъ послать жену и дочерей на службу къ «кирпичному чудовищу»...

— Неправда! Ложь!—и кулакъ его тяжело ударяетъ по столу. —Кабы не женщины, никогда бы такъ низко не палъ нашъ зара-

ботокъ.. Мужчины сумѣли бы себя отстоять; а эти бабы, эти вертихвостки, готовы бросить семью, домъ, продать себя капиталисту, чорту, кому хотите, изъ-за лишней тряпки; наше классовое дѣло страдаетъ... Вы думаете, я не агитировалъ за десятичасовой рабочій день для женщинъ? Ого! Еще какъ! Пусть-ка законъ имъ хвостъ поприщемитъ... У насъ тутъ по 11 часовъ работаютъ—не желаете-ли на 10 часовъ перейти изъ-за бабъ?.. Думаете перешли? Нѣтъ. Попросту стали бабъ разсчитывать. И прекрасно. Мужчины, безъ нихъ, лучше за себя постоятъ... Однако, начнемъ...

IV.

«Женская долюшка».

На станцію меня вызвалось провожать нѣсколько женщинъ. Кажется, остались довольны, чувствуютъ, что для нихъ вела рѣчь.

А предсѣдатель иронически улыбается, пожимая мнѣ руку на прощанье.

— Молоды вы еще,—вотъ что я вамъ скажу, товарищъ! Думаете, старый дуракъ не пойметъ, въ чей огородъ вы камешки забрасывали, а? Противъ меня агитацію повели; бабьи интересы, значитъ, подъ защиту взяли... Ну, да Богъ съ вами; спасибо, что публику расшевелили. Другой разъ пріѣзжайте; мы вамъ полный залъ женщинъ наберемъ!.. Вишь, съ какой помпой васъ провожаютъ—эскортъ бабій! Смотрите, не совратите вы ихъ окончательно,—шутливо грозитъ онъ пальцемъ.

Женщины закутались въ платки и шали. Неожиданно налетѣли холода; ночь вѣтреная, морозная... Лица у женщинъ нездоровыя, усталыя; старящія, уродующія борозды провели на нихъ заботы и жизнь...

— Вы говорите десятичасовой рабочій день? А гдѣ онъ соблюдается? десятичасовой день—это на бумагѣ, а у насъ все сверхъ-урочные часы... Говорятъ: это «временно», и всего то полъчаса лишнихъ... Для нихъ это незамѣтно, а для насъ то каково? А не согласна—ступай за ворота,—жалуется одна.

— А развѣ фабричная инспекція не слѣдитъ за правильнымъ исполненіемъ закона?

— Какъ же ей слѣдить? Сверхъ-урочные часы же не вписаны...

— Отчего вы не жалуетесь?

— Кому? инспектриссѣ? Нашли судью! Начнетъ насъ же увѣщевать: «вы плохія хозяйки; оттого у васъ и заработка не хватаетъ... У разсудительной да экономной хозяйки еще сбереженія бы получились. Вотъ пойдите на кулинарные курсы! Прекрасное учрежденіе»,—передразниваетъ она инспектрису.—«Всему васъ тамъ научатъ. Самъ господинъ пасторъ во главѣ стоитъ... Небесное жар-

кое учитъ готовить»... Нѣтъ. Мы съ инспекціей не связываемся. Если что надо, идемъ къ нашему довѣренному лицу отъ союза; это все же свой человѣкъ,—не подведетъ.

— Говорили, говорили соціалъ-демократы о новомъ законѣ для женщинъ. Не вѣсть какихъ благъ наобѣщали, а что вышло? Къ чему привело?—жалуется другая.—Насъ тридцать женщинъ на улицу выбросили, только и всего. Лучше, что ли, что я теперь надъ вышивками по тюлю слѣпну? Сколько зарабатываю? Скажу, такъ не повѣрите... Бываетъ, что и 4 марокъ въ недѣлю не получаю.

— Всѣмъ тяжело! ужъ не знаешь, кому и завидовать,—вздыхаетъ третья.—Мужья все хвастаются: «я семью кормлю, я и хозяинъ». А какое тамъ кормитъ... Онъ то 10 часовъ работаетъ на фабрикѣ, а я весь вѣкъ спины не разгибаю. Онъ семью кормитъ! Да если бъ я надъ каждымъ пфеннигомъ не дрожала, развѣ бы мы могли самъ-шестъ на 15 мар. въ недѣлю прожить? Все сама дѣлаю: сама мужу панталоны шью, сама дѣтямъ чулки вяжу, бѣлье... Это вы правильно сказали: двое мы за тѣ же несчастныя 15 марокъ въ недѣлю на капиталиста работаемъ.

— Я вотъ къ семейному очагу вернулась, какъ рекомендуетъ намъ предсѣдатель, а что хорошаго? Голодаемъ больше прежняго, только и всего...—горько усмѣхается четвертая.—Ничего не подѣлаешь. У каждаго свое горе... Мы въ красильномъ отдѣленіи работали, сестра да я... съ чаномъ что-то неладное приключилось,—вырвался паръ, да прямо на насъ... Ей все лицо, грудь, животъ обварило. Три недѣли промучилась въ больницѣ, да и померла. А мнѣ только плечо да лѣвую руку обдало, и то поправиться не могу. Видите, и сейчасъ рука въ бинтѣ? Язвы пошли, болячки; не залѣчиваются...

— Пособіе вамъ выдаютъ?

— Конечно. Я—организована. Да развѣ на это проживешь? У насъ дѣти, да и сейчасъ вотъ беременна опять. Это ужъ мужья скоты насъ награждаютъ... Угождай имъ, а не то сейчасъ къ дѣвкамъ побѣгутъ... И шелъ бы. . Жаль, что-ли? Да деньги туда снесетъ—вотъ бѣда, начнетъ пить... А мы—голодомъ сиди. Обидно. Возьмите хоть теперь меня: гдѣ ужъ мнѣ съ третьимъ ребенкомъ возиться? И тѣ то ухода требуютъ. Я ему и говорю: «пожалѣй ты меня, Карлъ! вѣдь жена же я тебѣ... и «товарищъ»... Помнишь, вмѣстѣ съ хозяиномъ воевали? Тогда и полюбили другъ друга... Силъ моихъ больше нѣтъ... Больна вѣдь я»... Такъ нѣтъ вѣдь, на своемъ настоялъ. Если ты меня гнать будешь—къ дѣвкѣ пойду...

Закутанныя въ своихъ толстыхъ платкахъ-шаляхъ движутся темныя, безформенныя женскія фигуры въ полу-тьмѣ вымершихъ улицъ и тянутся до жути однородныя повѣсти «бабьей долюшки»...

— Помните Марію? Погибла дѣвушка,—спилась, говорятъ... Поневолѣ запьешь отъ такой жизни...

Тусклая, мертвая станція. Кругомъ меня ни одного пассажира. Тепло жмутъ руки эти закутанныя фигуры съ усталыми, скорбными лицами. Благодарятъ.

За что? За то, что въ эти краткіе вечерніе часы позволила имъ забыть о тусклой безпросвѣтности ихъ темнаго существованія?

А. К.

ЕНДРЕКЪ ЧАЙКА.

Станислава Виткевича.

Переводъ съ польскаго Л. Я. Круковской.

Страстная жажда жизни кипѣла въ душѣ Ендрека Чайки.

Какъ изъ кипящаго котла вырываются горячіе брызги и пѣна, такъ и въ немъ билъ черезъ край пылъ бѣшенаго темперамента, увлекавшій его безъ памяти за каждымъ впечатлѣніемъ, каждымъ страстнымъ желаніемъ, за каждою цѣлью, или безъ всякой цѣли. Казалось, что въ немъ бьется сила, лежащая внѣ его воли и желанія, какая-то стихійность, озладѣвающая имъ самостоятельно, рвущая, теребящая, увлекающая его и заставляющая неустанно метаться въ радостномъ вихрѣ жизни.

Такимъ Ендрекъ былъ съ дѣтства.

Лишь только онъ подросъ отъ земли, какъ сталъ уже плясать до головокруженія, крича, какъ безумный: *„хорошо играть и на ножки поглядать“*. А ему наигрывалъ при этомъ другой Ендрекъ, пиля палочкой о щепку, топая босой ножкой, какъ Бартекъ Бартжей, и напѣвая: „гопъ! гопъ!„

Маленькій, какъ пѣтушокъ, со взъерошеннымъ чернымъ хохломъ, носился Ендрекъ по хлѣву, сараямъ, навѣсамъ и крышамъ, кувыркался на лугу, взбирался по лѣстницамъ, прыгалъ черезъ заборы, смѣялся и шалилъ, убѣгая, какъ сусликъ, отъ отцовскаго ремня сквозь утесы, просѣки, галлереи, между сѣрыми уступами, въ розовой чащѣ клевера, залегающаго въ лощинахъ среди скалъ. Тамъ онъ безумствовалъ въ бѣшеномъ весельи, вызванномъ недосягаемымъ проворствомъ маленькихъ ножекъ и силой остраго взгляда его ясныхъ, сверкающихъ, какъ сталь, глазъ.

По мѣрѣ того, какъ Ендрекъ подрасталъ, мѣста его прогулокъ становились все болѣе отдаленными отъ хаты.

Онъ поспѣвалъ всюду, всюду бѣгалъ, все видѣлъ, всему

радовался, и его знали далеко за предѣлами хаты Чаекъ. Всѣхъ веселилъ этотъ мальчикъ, въ которомъ самыя существенныя качества характера горцевъ играли, какъ струны, настроенныя на высокій ладъ.

Когда наступалъ Духовъ день и все въ Подгале горѣло, точно рой свѣтлячковъ, мелькающими по скаламъ и межамъ огнями, тогда всѣ окрестныя деревни знали, гдѣ носится съ горящимъ факеломъ Ендрекъ. „Собачій сынъ! ловкая бестія“—говорили старики, вглядываясь въ ночной мракъ, прорѣзаемый рядомъ кровавыхъ, бѣгающихъ огоньковъ, среди которыхъ одинъ производилъ впечатлѣніе искры, бѣшено носимой хаотическимъ ураганомъ. Всѣ дѣти, дѣвушки и мальчики сбѣгались къ Ендреку, точно привлекаемый свѣтомъ рой бабочекъ. Ендрекъ безумствовалъ. Онъ страстно ловилъ взоромъ всѣ огни, а ноги его бѣшено носились по загонамъ и лугамъ, путаясь въ травѣ, пробѣгая надъ скалистыми обрывами и руслами потоковъ.

Когда Ендрекъ подросъ на столько, что могъ прислуживать въ пастушескихъ шалашахъ, онъ пасъ овецъ, вѣрнѣе, пасся вмѣстѣ съ ними по ложбинамъ, спускающимся, точно малахитовыя жилы, среди сѣрыхъ уступовъ скалъ. Въ то время, какъ овцы, разсыпавшись и тихо побрякивая колокольчиками, паслись, не предвидя никакой опасности, Ендрекъ ни съ того, ни съ сего, въ бѣшеной погонѣ за весельемъ, издавалъ пронзительный свитъ, сгонялъ со стремительной быстротой перепуганное стадо и одновременно выбѣгалъ навстрѣчу ему самъ съ свирѣпыми псами.

Не было въ Карпатахъ собаки, которой удалось бы убѣжать отъ него, которую маленькій Чайка не догналъ бы, не схватилъ бы за хвостъ и не скатился бы вмѣстѣ съ нею невѣдомо куда—въ пропасть, такъ въ пропасть, въ потокъ, такъ въ потокъ. Иногда онъ застывалъ на минуту неподвижно на утесѣ; пораженные глаза его страшно расширялись, казалось, что они ничего не видятъ... Но вдругъ онъ просыпался и съ крикомъ: „гэй, хлопцы!“ прорѣзавшимъ, точно ружейный выстрѣлъ, тяжелую тишину нѣмыхъ скалъ,—несся со своимъ стадомъ среди звона мѣдныхъ колокольчиковъ, топота и блеянія овецъ и лая доведенныхъ до изступленія собакъ.

Ендрекъ принадлежалъ къ числу тѣхъ горцевъ, взоръ и мысль которыхъ возносятся надъ верхушками хатъ и рвутся туда, гдѣ самыя высокія вершины Карпатскихъ горъ поднимаются въ своемъ каменномъ величіи къ небу.

— Не будетъ изъ тебя хозяина, а будешь ты разбойникомъ, или охотникомъ, или изъ тебя выйдетъ бездѣльникъ, гоняющійся съ сумкой за господами,—пророчили ему настоя-

щіе хозяева, у которыхъ была „склонность къ земледѣлію и степенность“ и которые, устремивъ взоръ на Карпаты, говорили: „я никогда этимъ не занимался!“

Изъ него не вышло разбойника, потому что онъ не обладалъ мужественной и жестокой душой и не жаждалъ золота и серебра. Не сталъ онъ также и охотникомъ, такъ какъ не могъ пріучить себя къ терпѣливому выжиданію, лукавому выслѣживанію, подкрадыванію и хладнокровной стрѣльбѣ...

А хозяиномъ онъ не сдѣлался потому, что у него не было хозяйства... За то онъ сталъ превосходнымъ проводникомъ.

Чайка такъ приспособился къ жизни въ Карпатахъ, точно онъ родился отъ этого горнаго воздуха, крутыхъ стѣнъ утесовъ, глубокихъ пропастей и безконечной дали, открывающейся съ вершинъ.

Въ его груди билось сердце, полное могучей, неизсякаемой силы, его легкія работали, какъ неутомимые крѣпкіе новые кузнечные мѣха. Его слухъ поглощалъ весь этотъ огромный, подавленный шумъ, блуждающій въ Карпатахъ за дуновеніемъ вѣтра, вылавливалъ среди него отдѣльные голоса самыхъ далекихъ потоковъ, вздохи и шепотъ вѣтра, шелестъ травъ и сосенъ въ ложбинахъ, далекій топотъ стада, спускающагося къ шалашамъ, мягкую поступь медвѣдя, шорохъ земли подъ когтями суслика, удары копытъ козы по песчанымъ насыпямъ, шумъ орлиныхъ крыльевъ и отзвуки человѣческой жизни, долетающіе изъ безконечной дали сверкающихъ подъ солнцемъ долинъ. Но прекраснѣе всего были его глаза.

„За мои глаза я не въ силахъ отслужить Господу Богу, даже если бы я прожилъ до ста лѣтъ!“—говорилъ Ендрекъ.

Эти глаза могли разглядѣть еле замѣтный слѣдъ человѣческой ноги на черной, сухой поросли, прилѣпившейся къ гранитнымъ камнямъ. Достигая до края горизонта, они видѣли, что происходитъ въ деревняхъ, еле мелькающихъ въ туманной дали. Они блуждали по видимому міру въ вѣчномъ восторгѣ, въ безконечной радости, приближая къ Ендреку міры, запрятанные въ голубой дали, и обнаруживали множество незамѣтныхъ предметовъ подъ ногами, водя его днемъ и ночью черезъ хаотическій міръ Карпатовъ съ непоколебимою увѣренностью. Мелкія зерна гранитнаго песку, только что проросшій листикъ растенія, качающійся листъ папоротника, мелькающая въ чащѣ бѣловатая подкладка листа малины—все это охватывалъ его взоръ и направлялъ его съ непоколебимою точностью стрѣлы, несу-

щейся къ цѣли. Онъ проникалъ своимъ взоромъ, на самомъ далекомъ разстояніи, въ расплывающіеся посрединѣ уступы, разглядывалъ тропинки, борозды, выступы скалъ, щели и отверстія и направлялся по нимъ всегда безошибочно. Стоя на вершинѣ, онъ заглядывалъ на дно долинъ и, далекій и невидимый, присутствовалъ въ шалашахъ, казавшихся маленькими ящичками. Товарищи смѣялись надъ нимъ, говоря, что онъ видитъ съ Менгушовецкой вершины форелей въ Морскомъ Окѣ, или, стоя на верхушкѣ Кшиваня, его спрашивали: „Ендрекъ! видишь въ Подбаньской деревнѣ, вонъ на томъ пастухѣ, тамъ налѣво?“ —„Что?“—спрашивалъ Ендрекъ, который, прежде чѣмъ осмотрѣлся, былъ увѣренъ одну минуту, что могъ бы разглядѣть и это. Незамѣтный для другихъ глазъ орелъ, парящій въ заоблачной вышинѣ, среди ослѣпительныхъ лучей солнца, не укрывался отъ взора Ендрека.

Онъ видѣлъ нору суслика, затерянную среди гранитныхъ глыбъ и травы, среди сумрачныхъ тѣней глубокихъ ущелій, видѣлъ стригущаго ушами барана, каждаго погонщика, впиваясь страстнымъ тоскующимъ взоромъ въ красную точку платка и зналъ, что это Зоська или Янтка, къ которой ниспадалъ со своей вершины тихо, какъ тѣнь, неожиданно, какъ пуля, и хищно, какъ ястребъ. Въ темныхъ пространствахъ лѣсовъ, залегающихъ по далекимъ склонамъ горъ и долинамъ, глаза его видѣли стройныя ели и взъерошенныя пихты, старые буки вытягивали къ нему могучіе, покрытые мхомъ, сучья, облупленные пни явора сверкали для него вдали, точно торчащіе удавы. Куда бы онъ ни взглянулъ—на востокъ, западъ, сверкающій югъ или сумрачный сѣверъ, подъ ноги или на самую верхушку небеснаго свода, всюду для него былъ раскрытъ широкій міръ, полный жизни, чудесныхъ явленій и веселыхъ картинъ. Въ темную ночь или въ яркій полдень, въ густой мглѣ или въ ясный сентябрскій день, въ сумеркахъ осеннихъ вечеровъ и среди ослѣпительной зари весенняго утра, онъ видѣлъ все, что окружаетъ его и еще что-то, составлявшее его внутреннюю радость, счастье полнаго, неизмѣннаго наслажденія чувствами. Въ его глазахъ былъ геній зрѣнія, дававшій ему возможность наслаждаться впечатлѣніями, граничащими съ безуміемъ. Когда Ендрекъ пробирался по темнымъ бороздамъ, просѣченнымъ надъ пучиной пропасти, цѣпляясь руками и ногами за небольшія щели и выступы скалъ, его несла вверхъ страстная жажда его взора, надежда на ожидающую его тамъ радость, стремленіе броситься въ пространство, точно на крыльяхъ, на лучахъ этихъ глазъ. Онъ взлеталъ

наверхъ, какъ стрѣла, точно его несли туда не ноги, а горный вѣтеръ выдулъ его изъ глубины ущелья, онъ выскакивалъ на свѣтъ, поднимался еще выше на воздухъ съ крикомъ: „гэй, хлопцы!“ А его сѣрые, окаймленные черными кругами глаза, жадно и страстно впивались въ окружающій міръ. Его взоръ упивался свѣтомъ, какъ запекшіяся уста пьютъ холодную воду горныхъ ключей.

— Вотъ глаза, такъ глаза! — кричалъ онъ, восторгаясь ихъ совершенствомъ. — И ноги не отстаютъ отъ нихъ!—говорилъ еще Ендрекъ.—Что увидятъ мои глаза, туда меня донесутъ и ноги. Если бы я могъ еще летать!

Но изъ этого ничего не выходило, хотя онъ и пробовалъ иногда. Когда горный вѣтеръ бился о края гранитныхъ утесовъ, тянувшихся съ востока на западъ, Ендрекъ взбѣгалъ на самый высокій утесъ, растягивалъ руками плащъ, подскакивалъ вверхъ, предоставляя вѣтру подхватить его, и падалъ внизъ, барахтаясь въ пескѣ, прежде чѣмъ найти равновѣсіе.

Эти ноги, такъ легко поднимавшія его на вершины, превращались во что-то нечеловѣческое во время танцевъ. При звукѣ гусель и баса у Ендрека начинало колотиться сердце, холодная дрожь пробѣгала по его спинѣ, кожа на головѣ двигалась взадъ и впередъ, а волосы становились дыбомъ, какъ перья на головѣ орла. И онъ танцовалъ, какъ безумный. На блѣдномъ и потномъ лицѣ появлялось выраженіе какого-то изумленія, глаза не видѣли никого и ничего, поднятыя надъ головой руки время отъ времени хватались за волосы, ерошили ихъ, точно припоминая что-то. А ноги! ноги прыгали съ такой страшной быстротой, что присутствующіе на свадьбѣ нагибались для того, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли его ноги такъ сгибаются въ колѣняхъ и бедрахъ.

Казалось, что голени и бедра также имѣютъ суставы и изгибаются въ какомъ-то фантастическомъ зигзагѣ, который вырветъ ихъ съ мѣста—и все полетитъ куда-то къ чорту. Ендрекъ не былъ склоненъ къ дракамъ и не дрался никогда изъ-за чего-нибудь. Но во время танцевъ, когда никто не могъ дождаться своей очереди, потому что Ендрекъ готовъ былъ плясать все время безъ отдыха, другіе танцоры бросались на него гурьбой, валили его на полъ, выносили въ поле и запирали въ гумнѣ. Или же, по старому способу, подымали уголъ сундука, подсовывали подъ него прядь длинныхъ волосъ Ендрека и опускали уголъ на мѣсто. Они убѣгали, а волосы Ендрека оставались зажатыми точно въ волчьей челюсти. Онъ лежалъ и рвался, проклиная и грозя мщеніемъ до тѣхъ

поръ, пока дѣвушкамъ не удавалось упросить, чтобы его освободили.

Когда Ендрекъ пасъ овецъ въ горахъ, затерянный съ ними среди хаоса скалъ, и вѣтеръ доносилъ до него мимолетный, какъ жужжаніе комара, звукъ гуслей Бартуся, игравшихъ гдѣ то вдали отправляющимся на прогулку господамъ, Ендрекъ, недолго думая, забиралъ свое стадо и гналъ по направленію къ музыкѣ, для того, чтобы потанцовать до упаду на узкомъ краю уступа. Отправляясь съ сумкой на прогулки, Ендрекъ шелъ, приплясывая. На каждой остановкѣ, если прогулка была, „какъ подобаетъ", съ музыкой, Ендрекъ, вмѣсто отдыха, плясалъ, „такъ что пыль столбомъ летѣла и танцовали мы до утра"—повторялось въ каждомъ его разсказѣ о путешествіи съ господами

Такъ жилъ Ендрекъ Чайка, несомый вихремъ своего темперамента, не дававшаго ему ни минуты отдыха, ни возможности опомниться, призадуматься надъ жизнью и своей судьбой.

Когда пришло время, Ендрекъ женился. Онъ взялъ дочь нѣкоего Хмыни, жившаго на краю деревни. У нея были свѣтло-голубые глаза на сверкавшемъ румянцемъ и весельемъ лицѣ и бѣлокурые волосы. Больше у нея не было ничего, кромѣ сундука съ оранжевыми платками, синими платьями и красными плахтами.

Ендрекъ ничего и не требовалъ. Но дядя Зоси, старый одинокій Сихля, завѣщалъ ей землю и хату. Земли было столько, что граница ея опредѣлялась слѣдами капавшей съ крыши воды, а хата была такова, что крестьяне говорили: „Что съ ней, точно она потеряла что-то..." Она стояла безъ фундамента, подъ огромнымъ ясеневымъ деревомъ, на корняхъ котораго покоились ея углы, и состояла изъ одной комнаты съ маленькимъ оконцемъ, глядѣвшимъ въ узкій проходъ между сараями, съ дырявыми сѣнцами, полусгнившимъ хлѣвикомъ, прилѣпленнымъ къ ней съ задней стороны. Старая, почернѣвшая, покрытая мохомъ и согнувшаяся, она, казалось, припадала отъ страха къ землѣ во время горнаго вѣтра и лѣтней непогоды, передъ чернымъ призракомъ ясеня, чудовищная масса котораго бушевала около нея, качая и тормоша ее вмѣстѣ съ огромнымъ кускомъ земли, въ который впились его могучіе корни.

— Ничего! Намъ хорошо, хоть и тѣсно, — говорилъ Ендрекъ.

Богъ сталъ его щедро благословлять, а нищета крѣпко сжала его. Въ одинъ прекрасный день Ендрекъ сосчиталъ, что у него ихъ семеро! „Чортъ васъ знаетъ, куда васъ дѣ-

вать! Откуда вы тамъ беретесь у Господа Бога!"—недоумѣвалъ Ендрекъ и отправился въ корчму для того, чтобы посовѣтоваться со своимъ товарищемъ Сухимъ.

Ясь Сухій охотно пилъ, но никогда не напивался. Онъ лилъ въ себя потоки пива, вина или водки, и только глаза его постепенно подергивались добродушнымъ маслянымъ выраженіемъ. Онъ говорилъ: „Не знаю, куда дѣвается этотъ напитокъ, который я вливаю въ себя!" Это былъ одинъ изъ самыхъ рослыхъ крестьянъ не только въ деревнѣ, но и во всей околицѣ. Когда онъ шелъ по улицѣ, со спокойствіемъ огромныхъ, чрезвычайно тяжелыхъ и сильныхъ созданій, онъ возвышался надъ всей толпой цѣлой головой, крѣпко сидѣвшей на мощныхъ плечахъ. На красивомъ, добродушномъ лицѣ его съ черными, ласково смѣющимися глазами, меланхолически свисалъ длинный, немного красноватый носъ, а на толстыхъ румяныхъ устахъ играла, подъ черными усами, счастливая дѣтская улыбка. О немъ говорили, что если онъ получитъ въ морду на Новомъ Базарѣ, то спохватится лишь въ Поронинѣ, разозлится и разнесетъ корчму.

Дѣйствительно, такъ бывало. И тогда Сухій становился страшнымъ. Прилавокъ со всей посудой разлетался въ дребезги, столы, скамейки, табуреты—все валялось въ избѣ, поломанное и разбитое, а вывороченные столбики крыльца торчали криво подъ висящимъ въ воздухѣ навѣсомъ. Ясь Сухій отомстилъ въ Поронинѣ за Новый Базаръ, и шелъ домой, привѣтливый и улыбающійся.

„И чего, человѣче, разсердился"—думалъ онъ, не чувствуя ни слѣда злобы и не сохранивъ даже воспоминанія о несправедливости и отомщеніи за нее.

Онъ былъ женатъ на старой некрасивой бабѣ, маленькаго роста съ большимъ, краснымъ лицомъ, испещреннымъ толстыми, мясистыми складками, среди которыхъ сверкали маленькіе, свѣтлые, подвижные глаза. Широкія, синія губы сжимались иногда со злобной энергіей.

— Не приходится точить ей зубы!—говаривалъ Ясекъ. И пила она достаточно!

— Вотъ какіе дьяволы,—говорили о нихъ:—вмѣсто того, чтобы она вела его изъ корчмы, онъ ведетъ бабу.

Они подружились съ Чайкой въ шалашахъ и во время прогулокъ съ господами.

Сухій вскидывалъ на широкія плечи все, что нужно было нести, и шелъ, колыхаясь на огромныхъ ногахъ, спокойно, непринужденно, безъ всякаго усилія, точно его подталкивало что-то—шелъ, поглядывая привѣтливо и довѣрчиво на Чайку. Быстрый и ловкій Ендрекъ видѣлъ за себя, за Яська

и за господъ, хозяйничалъ въ сумкахъ, вглядывался въ чащу и былъ по отношенію къ Яськѣ тѣмъ, чѣмъ является быстрая мысль для отяжелѣвшаго тѣла.

Снуя такъ все лѣто изъ долинъ на вершины, съ вершинъ въ долины, бѣгая изъ Польши въ Венгрію и по возвращеніи снова собираясь и спѣша съ другими господами изъ-подъ Гевонта на Кишвань и съ Гавроня на Особиту,—они совершенно выходили изъ рамокъ тѣсной домашней жизни. Ихъ души пріобрѣтали широкій размахъ, смѣлость, отвагу, благородную щедрость, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, жажду смѣлыхъ приключеній, сильныхъ впечатлѣній и свободы. И они не слышали бабьей воркотни и сѣтованій, забывали о всякихъ заботахъ, бѣдахъ и неурядицахъ. Они утопали въ веселомъ, свободномъ трудѣ, доставлявшемъ имъ счастливое и радостное сознаніе силы, выносливости, быстроты, полной гармоніи средствъ и цѣли, слѣдствій и намѣреній.

Этотъ пріобрѣтенный въ горахъ размахъ нельзя было сразу подавить и втиснуть въ рамки будничной жизни.

Ясь Сухій и Ендрекъ Чайка не могли еще долго, по окончаніи лѣта, опомниться и подчиниться на долгіе мѣсяцы осени, зимы и весны—покою, тѣснотѣ и мелкимъ, вседневнымъ заботамъ обыденной жизни.

Закопанэ готовилось къ зимней спячкѣ.

Всѣ пріѣзжіе разъѣхались, двери и окна хатъ забиты досками. Съ временныхъ лавокъ сняты вывѣски, рестораторы, выйдя изъ пустыхъ комнатъ, стояли на мосту, немытые, съ пухомъ въ волосахъ, въ грязномъ платьѣ, съ грубоватыми манерами, отдыхая послѣ двухмѣсячнаго стѣсненія, въ которомъ жили, прислуживая гостямъ, постоянно „цѣлуя ручки" и „падая до ногъ".

По дорогамъ носился горный вѣтеръ или сверкало яркое сентябрское солнце. Въ лѣсахъ осыпались листья, поля пестрѣли бабами, копавшими картофель, сновали возы, нагруженные пузатыми мѣшками, отъ которыхъ несся острый запахъ свѣжеразрытой земли и сырья отъ розоваго и желтаго картофеля, поцарапаннаго мотыками.

Ендрекъ и Ясь боролись съ этой обыденной жизнью остатками пріобрѣтеннаго въ горахъ размаха и остатками крейцеровъ, еще недобытыхъ бабами изъ сумокъ.

— Ясь!—кричалъ протяжно, какъ сова, Ендрекъ, появляясь въ деревнѣ. И Ясь, сгибаясь пополамъ для того, чтобы выйти изъ низкой комнатки около гумна и сарая, гдѣ онъ проживалъ съ бабой, на улицу, еще съ сумкой и бляхой проводника шелъ за Ендрекомъ. Баба высовывалась изъ двери и глядѣла вслѣдъ, чуя попойку. Они шли поспѣшно

какъ бы по важному и неотложному дѣлу, вкатывались къ Копкѣ и пили.

Сухій усаживался у окна, тяжело опустивъ на столъ свои могучія руки, между которыми постоянно появлялись большія кружки пива. Чайка садился на край скамейки, какъ птица на кончикѣ вѣтки, подпиралъ лицо руками такъ, что глаза его исчезали въ складкахъ кожи, а искривленный и растянутый ротъ доходилъ до ушей, пилъ и размышлялъ.

Сухій пилъ и устремлялъ свои становившіеся все болѣе нѣжными и влажными глаза на Ендрека, котораго охватывалъ пьяный туманъ, поднимая со дна души на поверхность неизвѣданныя имъ до сихъ поръ мрачныя мысли. И сколько онъ ни старался разогнать эти мысли, ничто не помогало:

Ихъ семеро, а онъ всего одинъ!

— Ясь! Знаешь, что я скажу тебѣ, это вѣрно, какъ на исповѣди семеро: ихъ, этихъ дѣтей!

— А сколько же ты думалъ, если не семеро!

— Я и не думалъ... И почему дьяв... нѣтъ, Господь Богъ такъ щедро благословилъ меня?

— Ужъ и Господь Богъ.. А ты гдѣ же былъ, когда...

Здѣсь Ясекъ взглянулъ масляными глазами на Ендрека и влилъ въ себя разомъ половину большой кружки пива.

— Семеро! Ясекъ, Войтусь, Зося, Марыня...

— Знаю! Ендрекъ, Терезка и Мацекъ—знаю! У меня нѣтъ — ни-ни, ни слѣда! Мнѣ пригодились бы хоть трое, но нѣтъ никого!

Яська охватывала грусть, масляные глаза наполнялись слезами:—И нѣтъ, говорю тебѣ, ни крошки, ничего! Вотъ какъ; одинъ, какъ перстъ—и что мнѣ дѣлать!

Ендрекъ молчалъ. Голова свѣшивалась на руки, затуманенные глаза блуждали по комнатѣ: казалось, что онъ свалится со скамейки. И неожиданно онъ подскакивалъ вверхъ, до потолка и съ крикомъ: гэй, хлопцы!—падалъ на ноги, оглядывался, подбрасывалъ плечомъ плащъ и съ покорной миной неловко усаживался.

— Цындру взорвало!—засмѣялся кто-то сбоку.

„Цындра"—это было прозвище Ендрека, которымъ онъ гордился, ибо, что это за человѣкъ, у котораго нѣтъ какого-нибудь прозвища—говорилъ Ендрекъ.

— Взорвало не взорвало, но ихъ семеро, этихъ дѣтей, это я говорю, Ясекъ, какъ на святой исповѣди!

Онъ помолчалъ минуточку и вдругъ началъ пѣть, вглядываясь въ Яся:

Пилъ и гулялъ,
Попа жонки не взялъ.

Стало не на что пить,
Жонку надо кормить...

— Ясь! Маршъ домой, а то мнѣ баба задастъ за это.

— Что мнѣ баба! Баба—баба и есть! Баба на меня, такъ я еще больше задамъ ей! Бабу нужно держать строго!—говорилъ Ясекъ, выкатываясь за порогъ корчмы.

Они обнялись и шли, немного покачиваясь, но смѣло, и, любовно глядя другъ на друга, выкрикивали:

Всѣ вершины обошелъ,
Всѣ исколесилъ.

Улица была пуста—всѣ были въ полѣ, у картофеля и опоздавшихъ овецъ, Ендрекъ и Ясекъ шли, возбужденные, отважные, самоувѣренные и, сближая лица такъ, что почти соприкасались,—продолжали пѣть съ остервенѣніемъ:

Впередъ, хлопче, впередъ,
Ничего не бойся...

Вдругъ Ендрекъ остановился, взялъ Яся за ремень сумки, прищурилъ правый глазъ и, вглядываясь въ него таинственно и довѣрчиво лѣвымъ глазомъ, сказалъ:

— Не знаю, говорилъ я тебѣ или нѣтъ, но скажу, какъ на святой исповѣди: ихъ семеро!

— Пусть себѣ ихъ будетъ хоть семнадцать! Лѣшій ихъ возьми,—бранился Ясь, котораго только теперь охватилъ пьяный угаръ.—Что мнѣ за дѣло, сколько ихъ! Ко всѣмъ чертямъ! Что ты мнѣ все каркаешь: семеро да семеро, а я тебѣ говорю, что у меня нѣтъ ни маковой росинки, ни пылинки—ничего! И началъ пѣть:

Бряцали цѣпи, звенѣли оковы,
Когда насъ въ замокъ провожали новый...—

подхватилъ Ендрекъ, идя въ ногу съ Ясемъ, и они продолжали свой путь, наполняя шумомъ пьянаго пѣнія тишину сентябрскаго дня и обыденной жизни, въ которую была погружена деревня, отзвуками лѣта, прогулокъ, лихой жизни.

Ендрекъ только поздно сосчиталъ „ихъ“, но онъ давно зналъ, что „они“ существуютъ, какъ лошадь, тянущая возъ, чувствуетъ, когда грузъ увеличивается, хотя и не считаетъ пудовъ, добавляемыхъ кѣмъ то на возъ. И какъ хорошая лошадь думаетъ, что нужно только больше понатужиться и натянуть постромки, такъ и Ендрекъ уравновѣшивалъ тягости жизни большимъ напряженіемъ энергіи, неизсякаемымъ запасомъ которой онъ обладалъ. Его бѣше-

ный темпераментъ, необдуманная стремительность жизни и доходившій до безумія оптимизмъ никогда не позволяли ему почувствовать ни тяжести жизни, чудовищный трудъ которой онъ несъ, ни бѣдности, которая глядѣла изъ всѣхъ щелей и доходила до нищеты, проникавшей къ нему черезъ всѣ заплаты, составлявшія обычную одежду всей семьи Чаекъ.

Съ перваго дня, когда онъ очутился съ Зоськой въ черной, полусгнившей избѣ, они терпѣли такую же бѣдность, какъ и въ тотъ день, когда Ендрекъ сообразилъ, что „ихъ семеро". Трудиться ли вдвоемъ на двоихъ, или вдвоемъ на семерыхъ—это такая мелочь, которая, пока въ Чайкѣ жила неудержимая жажда жизни, совершенно не проникала въ его сознаніе.

Сначала они составляли всѣ вмѣстѣ меньшую кучу, затѣмъ она нѣсколько увеличилась. Иногда пищали отъ голода и холода, какъ пищалъ и Чайка въ дѣтствѣ, иногда же бѣсились отъ веселья, какъ бѣсился и онъ отъ радости, доставляемой чѣмъ бы то ни было: солнечнымъ лучомъ, краюшкой чернаго хлѣба, ложкой похлебки или новой заплатой на порткахъ.

Зима была страшна для Чаекъ. Полусгнившая изба выпускала за ночь все тепло, которое добывала Зоська весь день, сжигая безъ устали собранныя осенью вѣтви и шишки, притащенныя ею щепки съ построекъ, куски негодныхъ колодокъ, гніющихъ подъ заборами хозяйскихъ хлѣвовъ.

Ночью на кровати и на смежной скамьѣ лежала тѣсная куча Чаекъ. Родители и дѣти, дѣвочки и мальчики—всѣ прижимались другъ къ другу, грѣясь взаимно сплетенными тѣлами и дыханіемъ, подъ грудой тряпья, образующаго постель. А надъ всѣмъ этимъ высоко качалась люлька съ „послѣднимъ", который всегда былъ на лицо.

За то днемъ было жарко, если не дулъ вѣтеръ. Тепло, идущее отъ печки, разносило по избѣ паръ отъ горшковъ, добывало изъ кадки острый запахъ прокисшей капусты, изъ мисокъ вонь прогорклаго сала, запахъ пота человѣческихъ тѣлъ, стекавшаго въ духотѣ струей съ блѣдныхъ лицъ. Чайки таяли въ этой жарѣ, раскисали среди горечихъ испареній. Время отъ времени они выбѣгали въ поле на морозъ, сверкающій при ослѣпительномъ блескѣ солнца и благоухающій свѣжестью воздухъ Карпатскихъ горъ.

Чайки хватались за всякій трудъ, всякій заработокъ, лишь бы добыть хоть сколько нибудь денегъ, лишь бы прожить. Ендрекъ ходилъ рубить лѣсъ, утопая въ сугробахъ и отряхаясь отъ ледяныхъ сосулекъ, падающихъ съ раскачиваемыхъ вѣтвей елей и пихтъ; караулилъ зимою господскіе дома, сдиралъ кору съ пихтъ для бумажной

фабрики, работалъ плугомъ, тесалъ на постройкахъ, клалъ фундаменты, ставилъ печи, клепалъ въ кузницѣ, корчевалъ просѣки. По каждому требованію и за всякую плату готовъ былъ работать, не чувствуя усталости, не пренебрегая ничѣмъ. Онъ не зналъ, когда ему была выгодна работа, или когда онъ былъ выгоденъ другому. Лишь бы крейцеры звякали въ сумкѣ, а сколько ихъ—все равно, лишь бы они тамъ были.

Зоська также бралась за всякую бабью работу. Взявъ съ собою своего „послѣдняго", завернутаго въ кусокъ полотна, она отправлялась разбивать пласты земли, перебирать картофель, разбрасывать навозъ, очищать овесъ, трепать ленъ или прислуживать господамъ. Вообще, гдѣ только можно было найти заработокъ,—всюду бросалась Ендрекова, работала тихо, охотно, полная заботъ объ этихъ семерыхъ...

Чайки обладали въ высокой степени развитымъ, спеціальнымъ качествомъ горцевъ: они умѣли голодать и трудиться. И какъ еще трудиться! „Сухой хлѣбъ"—это говорилось не въ переносномъ смыслѣ, а было неизмѣннымъ фактомъ каждаго дня.

Основой ихъ благосостоянія служили заработки Ендрека во время прогулокъ съ господами. Если лѣто было хорошее и господа „приличные", а не такіе голыши, которые „носятся, какъ хорошія собаки, и почесываютъ затылокъ изъ за каждой копѣйки",—Ендрекъ запасался на столько, что почти до самаго мясопуста острая нужда не смѣла заглянуть въ его хату подъ ясенемъ. Собранныя деньги Чайки давали взаймы такимъ людямъ, у которыхъ была земля, но не было денегъ, и брали, въ видѣ залога, небольшіе загоны подъ картофель или гряды подъ капусту. Однажды случилось даже что-то вродѣ чуда, осуществленіе какихъ то недоступныхъ, недосягаемыхъ предначертаній! Казалось, самъ Господь на минуту остановился у хаты, трепещущей на корняхъ ясеня: въ хлѣвикѣ при избѣ стояла корова! Она досталась имъ такимъ же способомъ, какъ и гряды и загоны, какъ бы поступила на время на службу къ Чайкамъ. Это была безобразная корова. Низкая, съ широкимъ хребтомъ, выгнутымъ подъ тяжестью огромнаго вздутаго живота, изъ за котораго еле виднѣлся узкій крестецъ и грудь; ноги, колѣни которыхъ были изогнуты внутрь, опирались на большія, стоптанныя копыта. На тонкой выгнутой шеѣ висѣла огромная квадратная голова, согнутые рога—одинъ впередъ, другой назадъ, какъ у козы, уши большія, косматыя и мокрыя; широкая синяя морда; только глаза у нея были красивые, добродушные коровьи глаза.

Чайки трепетали отъ радости, бѣснуясь около Бжезули,

стоявшей терпѣливо, неподвижно, пережевывая свою сѣчку и не обращая вниманія на шумную ораву, вертѣвшуюся у ея морды и хвоста. Она производила впечатлѣніе затерявшейся гдѣ то въ странѣ карликовъ чудовищной игрушки огромнаго ребенка. Но она принадлежала имъ! Она позволяла себя доить и мычала, когда Зоська опаздывала съ ведромъ, наполненнымъ помоями. Чайкамъ казалось, что въ избѣ стало свѣтлѣе, теплѣе и просторнѣе.

Это продолжалось недолго...

Бжезуля вернулась къ своему хозяину, а осиротѣвшій хлѣвикъ пугалъ дѣтей своей черной пустотой. Кромѣ заработка на горныхъ экскурсіяхъ, существовалъ еще одинъ трудъ, отъ котораго Ендрекъ не отказывался,—это взрываніе скалъ въ каменоломнѣ въ Кроквѣ. Ендрекъ любилъ эту работу. Правда, сверленіе скважины для патрона выводило его изъ терпѣнія продолжительностью труда... Но за то какая радость, когда уже фукнуло! И онъ копался съ увлеченіемъ среди сѣрыхъ скалъ, съ гуломъ отрывая кусокъ за кускомъ, пробираясь за лѣсъ, висящій надъ пропастью, разбивая взрывами пороха массивныя скалы и отступая, съ суевѣрнымъ страхомъ, передъ темными нѣдрами пропастей, неожиданно открывающихся подъ оторванными взрывомъ ржавыми глыбами. Ендрекъ вглядывался пристально, не появятся ли изъ черной пасти, *панки*—злые духи „съ черными рожами", прислушивался, не раздастся ли въ глубинѣ, гдѣ звонко сыпался образовавшійся отъ взрыва щебень, какой-нибудь страшный голосъ. Иногда въ головѣ его, какъ молнія, неожиданно мелькала мысль о кладѣ, и Ендрекъ, подталкиваемый всегда несбыточной надеждой, съ утроенной энергіей взрывалъ скалы. Обыкновенно ему казалось, что тамъ притаилась злая, непобѣдимая сила. Онъ съ нею борется, а она защищаетъ эти скалы, кишащія драконами, которыми онъ считалъ раковины, залегавшія въ утесахъ. Онъ вылущивалъ ихъ оттуда и приносилъ дѣтямъ, указывая „гдѣ находятся глаза". А маленькіе Чайки трепетали отъ радости, сжимая въ рукахъ голову дракона. „Вотъ она, голова дракона—видишь! Вотъ ротъ, а здѣсь глаза". И они носили его съ веселымъ смѣхомъ по избѣ и сараю. Вѣдь это были всѣ до одного „настоящіе Чайки". Несмотря на то, что ихъ было семеро, Ендрекъ страстно любилъ ихъ, радовался ихъ веселой болтовнѣ и слѣдилъ за ними своими живыми глазами.

Когда, съ восходомъ лѣтняго солнца, со скрипомъ открывалась почернѣвшая дверь, и изъ темныхъ сѣней высыпалъ цѣлый рой Чаекъ, вокругъ избы, по окрестнымъ дорогамъ

и межамъ разносился веселый смѣхъ, пѣніе и крики, а сосѣди говорили:

— Эге! Чайки вылетѣли!

И всѣ радовались.

Такъ жили Чайки среди жестокой нужды, тяжелаго труда и свѣтлой радости, самой прочной радости, такъ какъ источникъ ея находился въ нихъ самихъ, а не въ ихъ жизни. Жизнь была такова, что всякій другой рвалъ бы на себѣ волосы отъ непоколебимой увѣренности, что сегодня его задушитъ нищета, или отъ постоянной неизвѣстности, что будетъ завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ!..

Но ихъ судьба была уже предрѣшена.

Въ одинъ весенній вечеръ, когда солнце пряталось гдѣ-то за Губаловкой, оставляя за собой пылавшую зарю, когда среди ущелій еще раздавалось тихое хрипѣніе кулика, серны сновали по краямъ просѣкъ, а въ глубинѣ лѣса свистѣли звонко и весело дрозды—Ендрекъ, насыпавъ по обыкновенію въ сумку горсть раковинъ для дѣтей, собравъ свои инструменты, возвращался домой.

Когда, проходя мимо костела, онъ снялъ шляпу и набожно перекрестился, его позвали находившіеся на краю утеса крестьяне, разбивавшіе камни.

— Цындра! Ендрусь! Иди сюда, фукни намъ камень!

— Отчего же не фукнуть!—отвѣтилъ привѣтливо и весело Ендрекъ, легко взобрался на край, тотчасъ набилъ порохомъ уже выдолбленную скважину, зажегъ фитиль и спрятался вмѣстѣ съ крестьянами за уголъ.

Ендрекъ ждалъ—ничего!

Подождалъ еще—ничего. Прошла еще минута—тихо!

— Чортъ возьми! Что случилось?

И онъ побѣжалъ къ огромному обломку скалы, лежавшему въ мертвой тишинѣ. Взглянулъ, дунулъ въ скважину—фукнуло!

. . . .

. . . .

Вѣтеръ разнесъ дымъ и пыль въ сторону. На землѣ валялись бѣловатые обломки взорванной скалы и лежалъ, прислонившись спиной къ камнямъ, Ендрекъ, барахтаясь въ крови... Надъ всей долиной носился гулъ страшныхъ отзвуковъ, удалявшихся куда-то въ далекій свѣтъ, ворча грозно, угрюмо, зловѣще.

Опускалась ночь.

Убѣдившись, что жизнь не улетѣла за этими отзвуками и оказавъ первую помощь, крестьяне понесли Ендрека на носилкахъ домой.

Когда они принесли его, совершенно стемнѣло.

Всю ночь ушедшая въ землю хата, надъ которой грозно возвышались чудовищныя вѣтви стараго ясеня, казалось, умирала въ страшномъ горѣ. Изъ-за стѣнъ вырывались и носились надъ крышей страшные вопли Чайки. Съ этимъ воплемъ боли, страха, отчаянія, безумія смѣшивались протяжныя, жалобныя причитанія, дикій вопль и крикъ Зоськи, а логовище, гдѣ спали дѣти, потрясали рыданія, всхлипыванія и отрывочныя, безсознательныя слова...

Тихая весенняя ночь глядѣла яркими звѣздами до утра на хату Чайки, прислушиваясь съ холоднымъ, безжалостнымъ, невозмутимо мягкимъ спокойствіемъ къ стонамъ, воплямъ и мучительнымъ причитаніямъ. На слѣдующій день съ утра пріѣхали врачи. Ничего нельзя было различить при входѣ въ комнатку Чайки въ чудный весенній день, сверкавшій солнцемъ, полосами одуванчиковъ, цикорія и желтымъ ковромъ мелкихъ лютиковъ. Темная комнатка съ маленькимъ квадратикомъ свѣтлаго оконца была наполнена тихимъ, жалобнымъ, непрестаннымъ стономъ.

Хату осаждала толпа бабъ и дѣтей, которыя, точно оцѣпенѣвшее стадо, толкались въ двери и облѣпили окно.

Проталкиваясь въ дверь, врачи только и слышали: „Не дѣлайте ему операціи, не дѣлайте! Ему не суждено больше жить, не мучьте же его, дайте ему спокойно умереть. Развѣ можетъ жить такой“.

Прежде чѣмъ уснуть подъ хлороформомъ, Ендрекъ хваталъ зубами приближавшіяся къ нему руки: онъ не сознавалъ ничего, кромѣ боли.

Теперь онъ лежалъ открытый и спокойный. При слабомъ, зеленоватомъ свѣтѣ видно было, какъ изъ его чудесныхъ глазъ лилась кровь, смѣшанная съ крупинками пороха и щебня. На вытянутыхъ по бокамъ рукахъ висѣли, вмѣсто кистей, оборванные окровавленные клочья. Разбитая бѣлая грудь тяжело вздымалась, на ногахъ виднѣлись мѣстами слѣды какъ-бы ружейныхъ выстрѣловъ.

Зоська прислуживала молча, стараясь не глядѣть своими суровыми глазами на Ендрека, смотрѣла на врачей, исполняя всѣ порученія ловко и быстро.

Только ея руки дрожали, а на шеѣ конвульсивно вздрагивали мускулы отъ усилія, съ которымъ она сжимала зубы, чтобы не разразиться страшнымъ крикомъ, готовымъ вырваться изъ ея души и сжимавшимъ ея горло.

Это тянулось долго.

Наконецъ, врачи ушли въ поле, блѣдные, съ потными лицами и, не снимая бѣлыхъ балахоновъ, съ засученными рукавами, сидѣли молча и курили папиросы...

Въ комнатѣ, откуда валила струя воздуха, пропитан-

наго хлороформомъ, карболовой кислотой и іодоформомъ, снова толкались бабы и дѣти, помогая женѣ Ендрека убирать окровавленные куски, толпясь въ изумленіи около постели Ендрека.

Онъ лежалъ нѣсколько дней въ хатѣ, куда безпрестанно заглядывало людское милосердіе. Жена Ендрека почувствовала вдругъ, точно „что-то“ сняло съ ея плечъ все бремя обычныхъ заботъ.

Съ одной стороны, всѣ ея мысли были подавлены жгучей, полной отчаянія болью за Ендрека; съ другой стороны, она сознавала, что въ хатѣ творится что-то особенное. Никто ничего не просилъ, а у семьи было не только все необходимое, но и больше. Дѣти были не только сыты, но ходили съ лицами, вымазанными шеколадомъ. Они были не только одѣты, но и обуты, и у каждаго изъ нихъ была еще одежда для перемѣны. Для Ендрека не нужно было ни варить, ни покупать. Въ избѣ, вмѣсто кислятины, шелъ запахъ отъ горшка съ прекраснымъ супомъ, пахло старымъ виномъ и апельсинами.

Душа Ендрековой металась, раздираемая между страшнымъ горемъ и радостью, ворвавшеюся вмѣстѣ съ увѣренностью въ завтрашнемъ и сегодняшнемъ днѣ. До сихъ поръ ей не приходилось никогда заботиться объ Ендрекѣ съ безпокойствомъ и страхомъ: онъ не болѣлъ никогда, не страдалъ и не грустилъ. Всѣ ея тревожныя мысли были сосредоточены на дѣтяхъ, на не оставлявшей ее ни на минуту тревогѣ объ ихъ настоящемъ и будущемъ. Все это теперь исчезло, остался только Ендрекъ, превратившійся въ окровавленные клочья. Она не могла понять, что случилось: счастіе и несчастіе одновременно постучали въ дверь ихъ хижины, столкнулись и сплелись въ какую-то чудовищную загадку... У жены Ендрека не было ни времени, ни силы ума для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ.

Ясь Сухій пришелъ взглянуть на Ендрека. Согнувшись въ дверяхъ, онъ стоялъ минуту съ опущенной головой, касавшейся потолка, тяжело опустился на скамейку, но не могъ долго оставаться. Изъ глубины его огромнаго туловища поднималась острая жалость, которой онъ не выносилъ, и глаза его затуманивались при видѣ крови, просачивавшейся сквозь повязки.

Онъ вышелъ, глубоко вздыхая, и направился къ Копкѣ. Пилъ и обдумывалъ, но въ головѣ засѣла одна отчетливая мысль.

„Цындра фукнулъ!“—Онъ бормоталъ все время: „Цындра фукнулъ!“—и больше ничего не могъ понять. Масляные глаза его глядѣли съ обычнымъ добродушіемъ, но иногда

въ пиво стекали слезы, и Ясекъ, попавъ въ какую-то темную пропасть, безъ дна, не могъ понять, почему Цындру взорвало.

Объ Ендрекѣ стали заботиться даже „господа чиновники“, а черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ утромъ гминный полицейскій, посадилъ Ендрека въ телѣжку и отвезъ въ Хабувку, а оттуда въ Краковъ, въ госпиталь.

Непобѣдимая живучесть и сопротивленіе организма вскорѣ одержали побѣду надъ болѣзнью и ослабленіемъ Ендрека. По мѣрѣ того, какъ его раны заживали, по мѣрѣ того, какъ уменьшалась боль и возвращались силы и свобода мышленія, Чайку все чаще раздражала непроглядная тьма, о которую онъ бился чувствомъ и мыслью, какъ о что-то твердое, причиняющее боль. Онъ, который жилъ, постоянно носясь на лучахъ своихъ чудныхъ глазъ, теперь не видѣлъ ничего, моталъ головой, какъ дикая лошадь, которой завязали глаза, и метался по постели, порываясь куда-то бѣжать... Онъ не видѣлъ ничего, не слыхалъ ни одного знакомаго голоса, ни знакомаго говора горцевъ... Онъ напоминалъ человѣка, стоящаго въ темную ночь у моря, надъ которымъ бушуетъ буря: ничего не видать и не слыхать, ни одного голоса, имѣющаго что-нибудь общее съ человѣческою жизнью. Но Ендрекъ вполнѣ сознавалъ, что съ нимъ случилось, и его бѣшеный темпераментъ, подавленный и связанный, готовился къ какой-то безумной выходкѣ.

Въ одну ночь Ендрекъ сорвалъ всѣ повязки, разрывая зубами бинты на рукахъ и груди, колотя руками о кровать и хватаясь окровавленными культяпками за повязки на глазахъ.

Онъ метался и безумствовалъ, бросаясь на сестеръ милосердія и прислужниковъ и кусая ихъ руки. Изъ устъ его, вмѣстѣ съ безумнымъ лепетомъ, вырывалась пѣна, смѣшанная съ кровью изъ открывшихся ранъ. Его успокоили, и опять потянулись дни въ госпиталѣ.

Раны заживали, но въ глазахъ продолжала стоять непроглядная ночь.

Между тѣмъ тамъ, въ хатѣ подъ ясенемъ, становилось все лучше: сочувствіе и милосердіе окружали это гнѣздо нищеты. Господа и доброжелатели - горцы—всѣ торопливо шли туда, неся помощь. Маленькіе Чайки, среди толпы дѣтей сосѣднихъ хижинъ, производили впечатлѣніе барскихъ дѣтей въ матросскихъ блузахъ, штанахъ и длинныхъ черныхъ чулкахъ.

О завтрашнемъ днѣ незачѣмъ было безпокоиться.

Женѣ Ендрека скорѣе приходилось искать мѣста для того, чтобы спрятать излишекъ всякаго добра, а въ уголкѣ

тряпочки были завязаны деньги, которыя она могла не тратить и спрятала съ мыслью, возникшей при первыхъ накопившихся деньгахъ,—купить корову.

Когда Ендрекъ вернулся и, держа въ двухъ уцѣлѣвшихъ пальцахъ костыль, нащупывалъ передъ собой порогъ, всѣ бросились къ нему, а онъ завылъ вдругъ, какъ ошпаренная собака: Ендрекъ не видѣлъ никого и ничего! Самый младшій изъ дѣтей, не поймавъ на себѣ его взгляда, не узналъ его и, дергая за рукавъ, повторялъ:

— Кто вы? Кто вы?

Наступило лѣто. Съѣхались господа, и всѣ бросились спасать Чайку. Эта толпа, въ которой жило множество общественныхъ инстинктовъ, не имѣя никакой иной заботы, въ поискахъ за развлеченіемъ и какимъ-нибудь дѣломъ, охотно соединяла дни отдыха съ милосердіемъ. Старые знакомые и доброжелатели Чайки воспользовались этими добрыми желаніями и довели ихъ до дѣятельнаго проявленія. Одни ходили по улицамъ и домамъ, *„собирая"*, другіе устраивали балы, рауты, лоттереи, лекціи. И все, что дѣлалось, дѣлалось во имя выжженныхъ глазъ Чайки. Танцовали, играли, пѣли, декламировали, веселились, потому что гдѣ-то въ темной полусгнившей хатѣ сидѣлъ слѣпецъ и калѣка.

Другіе шли прямо къ Чайкѣ и помогали его женѣ пожертвованіями и добрымъ совѣтомъ. Одинъ добрый баринъ, котораго звали „панъ дядя", далъ сразу сколько нужно для покупки коровы, и Бжезуля явилась къ Чайкамъ, не какъ наемница, а въ качествѣ постоянной собственной коровы.

— Не грустно возвращаться домой, когда знаю, что она тамъ,—говорилъ Чайка.

Передъ наступленіемъ зимы Чайки переѣхали въ новую избу изъ двухъ комнатъ, съ высокими дверями и окнами. Они размѣстились просторно, по хозяйски, разставили утварь, развѣсили въ чистой комнатѣ подаренное платье въ кладовой также „что-то" хранилось. Такъ какъ Богъ, продолжалъ благословлять ихъ, то люлька съ „послѣднимъ", котораго старшія дѣти называли „нашъ ребенокъ", качалась высоко надъ кроватью.

Долгое время Ендрекъ еще надѣялся, что глаза его только болятъ, но они существуютъ, что настанетъ день, когда онъ прозрѣетъ и увидитъ все, что совершилось въ ихъ жизни, что чудо, о которомъ ему разсказывали и которое онъ еле могъ кое-гдѣ нащупать двумя сохранившимися пальцами,—онъ увидитъ и убѣдится, что это—сущая правда. Ендрекъ привыкъ во всемъ опираться на свидѣ-

тельство своихъ, когда-то бывшихъ у него чудныхъ глазъ. Возбужденные нервы вызывали какіе-то проблески внутренняго свѣта, принимаемые имъ за проникновеніе солнечныхъ лучей въ выжженные глаза. Онъ ѣздилъ въ Краковъ, совѣтовался со знакомыми, обнадеживавшими его врачами, но, наконецъ, натолкнулся на такого, который сказалъ ему правду: онъ останется слѣпцомъ навсегда, до смерти. Ендрекъ оцѣпенѣлъ. Тупая скорбь, каменная неподвижность мертваго отчаянія, не жалующагося и не бунтующагося, овладѣла имъ на мгновеніе.

Ендрекъ былъ по темпераменту человѣкъ дѣятельный, и всѣ его силы были вполнѣ приноровлены къ этому темпераменту. Онъ слѣдовалъ всегда первому порыву, и приводилъ въ исполненіе то, чего требовалъ этотъ порывъ. Не размышлялъ, не останавливался и не мечталъ: у него не было на это ни времени, ни надобности. Все совершалось такъ, какъ онъ намѣревался поступить.

Ему не нужно было закрывать глаза на дѣйствительность и погружаться въ воображаемые міры, ослѣплять душу для того, чтобы видѣть то, чего хочется. Его мысли, чувства, воображеніе были полны явленій и происшествій изъ жизни, которою онъ упивался всѣми чувствами и которая давала постоянно избытокъ новыхъ, свѣжихъ, радостныхъ, а если и грустныхъ, то всегда жизненныхъ, впечатлѣній. У него не было никакихъ, спрятанныхъ на черный день, созданій фантазіи, образовъ, понятій, надеждъ. Съ той минуты, когда для него погасъ солнечный свѣтъ и исчезла надежда, что онъ когда-нибудь снова засіяетъ, Ендрекъ очутился въ совершенной, безконечной пустотѣ. Въ немъ осталось только сознаніе несчастья, печали, отчаянія, которое Ендрекъ не умѣлъ оправдать, воплотить въ какой-нибудь призракъ фантазіи.

Онъ погрузился во мракъ и бездѣйствіе.

Однажды Ендрекъ все-таки очнулся и велѣлъ мальчику вести себя въ корчму.

Ясь Сухій сидѣлъ тамъ, по обыкновенію, у окна.

— Ясь! Ты здѣсь?

— Здѣсь! Гдѣ же я больше могу быть!—Ендрекъ усѣлся, отправилъ домой своего мальчика и сталъ пить.

— Ясь!—пододвинь ко мнѣ свое лицо, — говорилъ онъ время отъ времени и проводилъ пальцами по добродушному лицу Яся.

— Ясь! это ты?—спрашивалъ онъ снова.

— А кто же, какъ не я!

Они пили, пили много, и, хотя Ендрекъ начиналъ пья-

нѣть, но сознаніе увѣчья держало его прикованнымъ къ скамьѣ.

Но вскорѣ Цындру, по старому, взорвало.

Крикнувъ дикимъ голосомъ:—Гэй, хлопцы!—онъ вскочилъ, опрокинулъ скамейку, на которой сидѣли другіе, повалился и, быстро и неловко перебирая ногами, грохнулся головой о прилавокъ. Вся корчма задрожала отъ смѣха. Его подняли и старались усадить на скамью, но онъ упирался и кричалъ:—Черти, чего вы сунули меня въ такую темноту, въ такой мракъ, я ничего не вижу? Ясь! нѣтъ ли у тебя спичекъ? Зажги лампу, костеръ или свѣчку или искру, но зажги, а то я ничего не понимаю!

— Вѣдь ты у Копки! Бери и пей!—Ендрекъ снова припалъ губами къ кружкѣ пива и черезъ минуту снова понималъ все и пилъ молча...

Среди носившагося въ избѣ пьянаго шума гдѣ-то изъ угла раздалось пѣніе:

Лишь увидѣлъ тебя на зеленомъ лугу,
Влюбились въ тебя мои очи...

Ендрекъ насторожилъ слухъ, сморщилъ брови и вдругъ завылъ:

— Очи! Какіе это были очи! И куда вы дѣвались, и отчего пропали, кто васъ выжегъ! Глаза мои, глаза! Ничего у меня не было, кромѣ васъ; и я могъ разглядѣть міръ отъ края до края, до другого, третьяго міра! Кто же васъ отнялъ у меня, кто взялъ, кто выжегъ? Ясь, ратуй меня, товарищъ, ратуй! Веди меня къ солнцу, къ свѣту! Идемъ сейчасъ-же, уйдемъ изъ этого мрака! Ясь!

Ясь, снова почувствовавшій невыносимую острую жалость, не хотѣлъ больше пива, въ которое стекали соленыя слезы. Онъ взялъ Ендрека и отвелъ его домой. Съ тѣхъ поръ Чайку не видѣли въ корчмѣ.

Во время болѣзни, въ госпиталѣ, онъ не пилъ; затѣмъ, по возвращеніи домой, долгое время это не приходило ему въ голову, среди царившей вокругъ него суматохи.

Онъ отвыкъ отъ питья, и это неожиданное опьяненіе ни на минуту не вызвало даже намека на свѣтъ въ его глазахъ, не вызвало ни одной надежды со дна души, ни одной радости. Наоборотъ, возбудило противную, отвратительную тоску.

И все это навсегда лишило его обычнаго крестьянскаго утѣшенія въ горѣ: корчмы. Теперь Ендрекъ, какъ узникъ въ темницѣ, отдался размышленіямъ. Онъ опускался на самое дно мрачныхъ пещеръ, въ самыя отдаленныя глубины души, гдѣ онъ никогда не бывалъ до сихъ поръ, и старался найти

въ этомъ безнадежномъ мракѣ какой-нибудь путеводный огонекъ, какое-нибудь основаніе, которое удержало бы его мысль отъ приступа чудовищнаго отчаянія. Но тамъ, въ глубинѣ, подстерегали его *панки*, злые духи немилосердно трезвыхъ понятій, которые, развѣвая обманчивый миражъ вѣры, обнаруживали передъ нимъ всю безмыслицу происшедшаго. Понятія о злѣ и добрѣ, добродѣтели и преступности, наградѣ и наказаніи, справедливости и милосердіи сплелись въ страшной борьбѣ между собой и потеряли основы, на которыхъ покоился весь міръ, потрясли понятіе о Богѣ. Ендрекъ не осмѣливался приблизиться къ этому центру, гдѣ сосредоточились всѣ главныя причины его существованія, не смѣлъ подойти съ сомнѣніемъ къ этому источнику всего, блуждая мыслью вдали.

Но эта мысль должна была неизбѣжно, по привычкѣ, въ которой она развилась и жила, направиться туда и искать тамъ отвѣта. И она пошла и спрашивала дерзко, вызывающе грубо и страстно:

— Отчего такъ случилось?

И отвѣчалъ на это не кто-либо другой, а самъ Ендрекъ.

Онъ добывалъ изъ себя то, что вложилъ въ понятіе причины всѣхъ причинъ, и хаосъ въ его умѣ еще увеличился, когда же онъ пытался ступить на путь логическаго разсужденія, рождалось холодное сомнѣніе.

То, что до сихъ поръ объясняло все и управляло всѣмъ, эта первооснова, служившая ключемъ для открыванія всѣхъ таинственныхъ замковъ, эта именно первооснова пошатнулась. Звенья причинъ были связаны такъ:

Ендрекъ страдалъ—нѣтъ страданія внѣ возмездія, нѣтъ возмездія внѣ вины. Что же совершилъ онъ, Чайка, такого чудовищно-сквернаго, чтобы на него пала самая страшная кара, когда-либо постигшая человѣка? И въ то же время онъ не лишился разсудка и сознаетъ свое несчастіе.

Ендрекъ копался въ своей совѣсти съ неумолимой, немилосердной жестокостью. Правда, онъ былъ нехорошимъ человѣкомъ, на душѣ его было множество грѣховъ, но развѣ такихъ же грѣховъ не было у другихъ, развѣ не были отягощены ими всѣ, начиная [illegible] товарища Яся Сухого? Отчего же всѣмъ не выжигаютъ глазъ, не обрываютъ рукъ, не осуждаютъ, не караютъ, какъ покарали его?

Но развѣ покарали? Развѣ Ендрекъ теперь не хозяинъ, развѣ у него нѣтъ хаты, коровы, пищи, одежды—у него, Зоськи и восьмерыхъ дѣтей? Развѣ съ ихъ жизни не свалилось страшное бремя нужды, труда, который сталъ бы, наконецъ, непосильнымъ, бремя заботъ и безпокойства о судьбѣ всей семьи? Ендрекъ зналъ, что это такъ, и зналъ цѣну

свалившагося на нихъ богатства, но у него не было чувства собственности, жажды владѣнія. Онъ былъ весь порывъ къ дѣятельности, жажда впечатлѣній. Даже если бы у него въ сундукѣ былъ милліонъ, это не радовало бы его такъ сильно, какъ послѣднія двѣ монеты, „полученныя на табакъ",—говаривалъ онъ. Сознаніе доставшагося ему богатства, которое онъ не добылъ своимъ трудомъ и энергіей и которымъ семья пользовалась со страстной жаждой жизни, не могло наполнить темной пропасти, куда онъ былъ сброшенъ, и удержать его проснувшуюся мысль въ стремленіи разгадать окутавшія ее противорѣчія.

Ендрекъ не считалъ собственную неосторожность главной причиной, изъ-за которой „фукнуло". Столько лѣтъ онъ обращался совершенно такъ же съ порохомъ и камнями, и все шло хорошо. Теперь „фукнуло" и фукнуло въ него. Безъ Божьей воли волосъ не упадетъ съ головы человѣка... Значитъ, здѣсь дѣйствовала Его воля? А это счастье, довольство откуда? Отъ милосердія людей? Дойдя до этого мѣста въ своемъ разсужденіи, Ендрекъ почувствовалъ, что мракъ, заслонявшій отъ него солнце, окуталъ все въ его душѣ.

Кому же онъ былъ *обязанъ* благодарностью и добрымъ словомъ, кому—местью и злобнымъ проклятіемъ? Кто былъ источникомъ дурного, а кто—ключемъ добра?

Всѣ лѣса, поддерживавшіе душевное равновѣсіе Ендрека, рухнули. Сломалось кормило, помогавшее какъ-нибудь плыть въ путаницѣ жизни, среди лабиринта противорѣчій, рухнули основы цѣлаго строя мышленія, которымъ жилъ Ендрекъ вмѣстѣ съ цѣлымъ народомъ.

Одно было вполнѣ ясно: по какимъ-то непонятнымъ причинамъ, судьба не соглашалась, чтобы Чайка владѣлъ глазами и руками, и одновременно жизнь его была-бы свободна отъ тяжелой нищеты. До тѣхъ поръ, пока у него были чудные глаза и здоровыя руки для труда, была и нищета; погибли глаза, руки были разорваны въ клочья—и въ то же время нищета и забота не только покинули темную хату, но и забрали съ собой эту хату, оставивъ Чаекъ въ свѣтлыхъ комнатахъ, въ достаткѣ. Такимъ образомъ за благосостояніе своей семьи онъ заплатилъ собой, заплатилъ тѣмъ, что было въ немъ лучшаго, отдалъ себя для того, чтобы семья всегда имѣла полную миску и одежду.

— Если тебѣ нужны были мои глаза за то, что ты далъ имъ жрать, пусть будетъ такъ, ничего не подѣлаешь, но...

Ендрекъ съ усиліемъ остановилъ мысль и погрузился въ мрачное молчаніе. Но эта мысль осталась въ его душѣ, какъ стрѣла въ натянутой тетивѣ лука.

Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ, преданнымъ проклятью, или зачумленнымъ, выброшеннымъ за бортъ, чтобы корабль не пошелъ ко дну, или чтобы не вымеръ весь экипажъ. Онъ утопалъ въ темной безднѣ, за то корабль продолжалъ свой путь на всѣхъ парусахъ, и хорошо, что онъ двигался впередъ... А Ендрекъ тонулъ! Отчего? Отчего?

. . . .

Однажды его пришелъ провѣдать ксендзъ и, пораженный его мрачной тоской, старался возбудить въ немъ сознаніе счастія, свалившагося на него, высчитывалъ все, что получили Чайки, рисовалъ ему всю силу переворота, совершившагося въ ихъ жизни, и глубину божескаго милосердія, ниспославшаго все это.

— Андрей!—сказалъ онъ, наконецъ:—вы должны чувствовать безграничную благодарность къ Провидѣнію, сжалившемуся надъ вашей нищетой, надъ вашимъ увѣчьемъ и принявшему на себя заботы о вашихъ дѣтяхъ, женѣ и васъ.

Ендрекъ слушалъ сосредоточенно и молчалъ.

Вдругъ кожа на лбу собралась въ странную складку надъ глазами, злобно скривился носъ, и Ендрекъ крикнулъ:

— А гдѣ же мои глаза? А? Развѣ я просилъ объ этомъ? У меня были руки, были глаза, была во мнѣ сила на десятерыхъ, я не просилъ милостыни, не кланялся, не плакалъ, а работалъ, работала и баба, мы бы справились какъ-нибудь безъ такого милосердія! Наконецъ, если бы мы и пропали, свѣтъ не перевернулся бы вверхъ тормашками. Милосердіе, хорошее милосердіе! Взойдите на паперть и дайте нищему въ морду, а потомъ дайте ему хоть сто, хоть тысячу бумажекъ... Если въ немъ есть хоть какая-нибудь душа, онъ не проститъ вамъ этого удара, не станетъ лизать ваши руки. Или сорвите человѣку голову и положите его потомъ хоть въ золотой гробъ—будетъ онъ вамъ благодаренъ? Сколько стоитъ эта новая хата и все, что сюда принесли люди? Сколько? Ну, пусть двѣ тысячи! Развѣ мои глаза, мои руки моя жизнь, моя сила не стоятъ столько? Хоть бы и сто тысячъ, хоть милліонъ—развѣ у меня спросилъ кто-нибудь, желаю я или нѣтъ продавать за деньги жизнь? Если бы еще жизнь! Если бы меня разорвало на куски! А теперь? Что я теперь? Свинья, запертая съ корытомъ въ темный хлѣвъ? Что осталось у меня? Только то, что чувствую себя живымъ, что могу думать, но я не желаю никому такихъ думъ! Милосердіе! Это—милосердіе! Слишкомъ большіе проценты за такой капиталъ! Если бы я продался цѣликомъ въ неволю еврею, онъ оставилъ бы мнѣ руки и глаза. Пусть кто-нибудь выжжетъ вамъ глаза, а потомъ сдѣлаетъ васъ хоть св. Отцомъ? Развѣ не остались бы вы лучше викаріемъ, какъ

теперь? За что меня покарали? За что наградили? Когда я былъ лучше, когда сталъ хуже? Столько же грѣшилъ съ глазами, сколько и безъ глазъ, за что же меня наградили, когда выжгли глаза? Вѣдь если бы я самъ, по собственной волѣ, пожертвовалъ своими глазами, то не просилъ бы денегъ, и пусть бы меня тогда награждали! Но я не думалъ, что мои глаза и руки нужны въ уплату за супъ для дѣтей. А вы думаете, что такой супъ, за отцовскіе глаза, вкусенъ? Спросите у моей бабы,—вкусно ли, когда слезы капаютъ въ миску, спросите, хорошая ли это приправа?

Ендрекъ остановился, его горло сдавили рыданія, отъ которыхъ вздрагивала склонившаяся спина. Онъ выпустилъ стрѣлу, лежавшую на натянутой тетивѣ его страданія, выпустилъ свою злобу и отдался горю.

Добрый ксендзъ-викарій тоже молчалъ, удрученный тяжелымъ страданіемъ, побѣжденный простой логикой того, что слышалъ. Онъ явился сюда съ искреннимъ желаніемъ исполнить свой долгъ, принеся съ собой запасъ обычныхъ и, какъ ему казалось, всегда цѣлебныхъ лѣкарствъ отъ болѣзни человѣческой души. Но онъ не устоялъ передъ этимъ страданіемъ и самъ поддался его могучему потоку. Вмѣсто того, чтобы исполнить свою обязанность, онъ сталъ сочувствовать и страдать. . . . .

. . . .

Но онъ сдержалъ себя и старался силой своей истины обуздать вырвавшуюся изъ обычной колеи душу Ендрека.

— Видите ли, Андрей,—говорилъ онъ,—то, что представляется вамъ несчастіемъ, омрачило вашъ умъ. Вы осмѣливаетесь осуждать пути Провидѣнія и вашимъ слабымъ умомъ хотите проникнуть въ тайники Его мудрости. Можетъ быть, Богъ допустилъ это увѣчье потому, что возлюбилъ васъ и хочетъ обезпечить вамъ спасеніе, можетъ быть, онъ посылаетъ вамъ испытаніе, можетъ быть, отнявъ у васъ зрѣніе, руки, онъ хочетъ уберечь васъ отъ какого-то тяжелаго грѣха, который лишилъ бы васъ жизни вѣчной и низвергнулъ бы на вѣчную муку въ адъ. Цѣли и дѣла Господа не всегда понятны человѣческому разуму...

Ендрекъ слушалъ внимательно. Его умъ старался отыскать какой-нибудь выходъ изъ этого темнаго хаоса; его душа жаждала во что бы то ни стало мира и свѣтлой радости; онъ повѣрилъ бы каждому разрѣшенію вопроса, которое хоть въ одномъ словѣ было бы согласно съ состояніемъ его души. Никогда до сихъ поръ Ендрекъ не пускался въ разсужденія, въ изслѣдованіе какихъ-нибудь вопросовъ изъ болѣе отвлеченной сферы. У него не было

также привычки ни къ внутренней работѣ ума, ни къ веденію подобныхъ споровъ.

Онъ подчинялся всегда быстрымъ рѣшеніямъ своей воли, своего чувства, и то, что онъ говорилъ теперь, было только словеснымъ выраженіемъ чувствъ, которыя терзали его подъ вліяніемъ страшнаго несчастія.

Онъ слушалъ внимательно, но въ этой фразеологіи, которую онъ уже зналъ и принималъ, какъ истину, до тѣхъ поръ, пока его мысль не стала независимой, онъ не слышалъ теперь ни одного голоса, который былъ бы понятенъ его наболѣвшей душѣ и облегчилъ бы ее. Онъ замѣтилъ и запомнилъ только одно: Іисусъ Христосъ выжегъ ему глаза потому, что возлюбилъ его. И онъ старался представить себѣ, выжегъ ли бы онъ глаза кому-нибудь изъ дѣтей, Зоськѣ, или Ясю Сухому? Ендрекъ думалъ, а ксендзъ продолжалъ:

— По сравненію съ Господомъ всѣ мы—только жалкіе грѣшники, и каждый изъ насъ заслуживаетъ страшной кары... Можетъ быть, Провидѣніе, ниспославъ ее вамъ теперь, хотѣло охранить васъ отъ болѣе ужасной кары—вѣчной.

— А Столица изъ Быстраго?

— Какой Столица?

— Да тотъ, который убилъ Тютьку, искалѣчилъ Бульчика, обокралъ чуть не всю деревню, сжегъ сарэй у Галейды—и живетъ до сихъ поръ, и ничего ему не дѣлается?

— Милосердіе и терпѣніе Провидѣнія неисчерпаемы: оно даетъ срокъ для исправленія, или, быть можетъ, готовитъ ему кару на томъ свѣтѣ...

— Отчего же оно не хотѣло подождать, пока я исправлюсь? Для чего ему нужны были такъ спѣшно мои глаза?—спрашивалъ Ендрекъ и думалъ о томъ, какъ Іисусъ Христосъ подстерегаетъ, чтобы прижать Столицу на томъ свѣтѣ.

Добрый ксендзъ почувствовалъ, что между его словами и Ендрекомъ лежитъ въ эту минуту непреодолимая пропасть, несмотря на глубокое сочувствіе къ нему.

Ксендзъ былъ молодъ и неопытенъ.

Образованіе, заключившее его умъ въ отдѣльныя ученыя формулы, перерѣзало связь между его чувствомъ и мыслью. Онъ не умѣлъ высказать того, что чувствовалъ такъ, какъ чувствовалъ, не умѣлъ и не смѣлъ. Онъ хотѣлъ наставлять, хотѣлъ преградить плотиной мудрствованій потокъ, кипѣвшаго въ Ендрекѣ страстнаго чувства. Въ первый разъ ему пришлось испытать цѣнность своей науки по отношенію къ великому несчастью, великому чувству, и онъ увидѣлъ, что она безсильна. Съ нѣкоторымъ стыдомъ и отвращеніемъ онъ слушалъ собственныя слова, холодныя, сухія и далекія отъ

его собственной души. Они разстались вѣжливо и привѣтливо и, какъ показалось Ендреку, примиренные, такъ какъ за непонятнымъ для него разсужденіемъ ксендза онъ чувствовалъ сердечное сочувствіе, а въ себѣ—возрастающую благодарность и нѣжность, которая стала яснѣе обозначаться и выступать во время бесѣды съ ксендзомъ изъ-за негодованія, гнѣва и мстительности, обуревавшихъ до сихъ поръ его душу. Съ одной стороны, его мысль попадала въ страшный мракъ, гдѣ подстерегали затаенныя злыя и гнусныя чувства; съ другой — изъ страшнаго хаоса, въ который сплелись всѣ его понятія, выдѣлялась яркая точка—людское милосердіе. „Людишки - бѣдняги“! — подумалъ онъ въ первый разъ, въ ту минуту, когда низвергалъ передъ ксендзомъ ядъ мстительнаго гнѣва . . . .

. . . .

Ендрекъ, отрѣзанный отъ внѣшняго міра и дѣятельной жизни, превращался изъ существа, только чувствующаго и только активнаго, въ существо мыслящее, разсуждающее.

Въ первыя минуты этой метаморфозы, этого поворота силъ души къ новымъ загадкамъ, главнымъ образомъ въ первые моменты этой умственной бури, когда вошедшія въ привычку понятія столкнулись съ неожиданно сверкнувшей новой правдой,—Ендрекъ чувствовалъ потребность говорить объ этомъ, скрѣпить словомъ молчаливую, но упорную внутреннюю работу. Но не со всякимъ онъ болталъ охотно. Онъ бесѣдовалъ охотно съ Ясемъ, вѣрнѣе, высказывалъ свои мысли Ясю, такъ какъ Сухій не былъ склоненъ къ подобнымъ разсужденіямъ.

— „Вѣрно, говоритъ, Іисусъ Христосъ возлюбилъ тебя и поэтому выжегъ тебѣ глаза“,—понимаешь?

— Неужели?—удивился Ясекъ.

— „Человѣкъ, говоритъ, подлецъ и самъ не замѣтитъ, какъ попадетъ въ пекло. Ибо если ты согрѣшилъ, то куда же дѣнешься, какъ не въ пасть дьявола?“

— И правда! Куда же онъ пойдетъ, какъ не въ самое пекло, если виноватъ!—говорилъ Ясь и, довольный тѣмъ, что ясно понялъ эту истину, глядѣлъ масляными глазами на задумчиво сосредоточенное лицо слѣпого Чайки.

— И я выжгу твои глаза, оторву твои руки, чтобы ты не грѣшилъ больше и спокойно могъ попасть въ царство небесное...

— Это спокойнѣе,—вставилъ Ясекъ,—иначе пришлось бы, тяжело,—понимаешь?

— А что касается того Столицы изъ Быстраго, не безпокойся о немъ совершенно. Іисусъ Христосъ наградитъ его здѣсь всѣмъ по горло, а потомъ накажетъ.

— Ну, да! Кого же ему и наказать, какъ не его?

Они бесѣдовали такимъ образомъ долго на тему разговора Ендрека съ ксендзомъ, но Ендрекъ хорошо чувствовалъ, что его слова не соотвѣтствуютъ тому, что творится въ его душѣ, но и то, что говорилъ Ясь, не выражаетъ того, что онъ хотѣлъ бы услышать. Ендрекъ не могъ справиться съ новыми, слишкомъ отвлеченными понятіями, зародившимися въ немъ, а Ясекъ отвѣчалъ ему такими сужденіями, которыя, какъ звонкая монета, были въ постоянномъ обращеніи и срывались съ устъ по привычкѣ.

Несмотря на это, подобный разговоръ былъ пріятенъ Чайкѣ. Каждый изъ нихъ думалъ не то, что говорилъ, но чувствовали они одно и то же, потому что любили другъ друга.

— Если Ясекъ скажетъ мнѣ на корову конь, или на красное, что это зеленое, я не стану и думать, что это не такъ, а съ другимъ, какъ-бы онъ меня ни увѣрялъ, я не согласился бы никогда, — говаривалъ Ендрекъ.

Время уходило, а Чайка все больше углублялся въ размышленія, которыя входили въ его привычку, становились необходимыми для жизни. Вся его страстная и сильная натура сосредоточилась на этихъ мысляхъ, углубилась одиноко въ область размышленій. Все, что отвлекало его отъ этихъ мыслей, было ему непріятно.

Его ушедшая въ себя, болѣвшая душа развивала дальше неожиданно открытую истину. Міръ раздѣлился на двѣ сферы: въ одной скрывалась во мракѣ сомнѣнія грозная, таинственная сила, которая, вслѣдствіе непонятныхъ теперь для Ендрека причинъ, совершала этотъ чудовищный безпорядокъ въ жизни; въ другой, среди сіянія милосердія и страданій, обнаружились людишки-бѣдняги.

Ендрекъ былъ не только благодаренъ имъ за то, что для него сдѣлали, но понялъ теперь до самаго дна, въ чемъ состоитъ мудрость жизни, въ чемъ заключается сила, могущая устранить изъ людской жизни гнетъ таинственной власти, охранить человѣчество отъ ея громовъ, уничтожить страданія жизни и затушить адъ.

Открытіе этой истины доставляло ему такую радость, отъ нея исходилъ такой свѣтъ, что ему казалось, будто онъ прозрѣлъ, будто заря этой радости подняла его запавшія вѣки и обнаружила передъ нимъ еще большій, обширнѣйшій міръ, чѣмъ тотъ, который онъ видѣлъ прежде своими прекрасными глазами.

По мѣрѣ того, какъ эта истина укрѣплялась въ его сознаніи, Ендрекъ прозрѣвалъ и становился страшно чувствительнымъ ко всякимъ проявленіямъ несогласія между людьми.

Его тонкій слухъ улавливалъ въ человѣческомъ голосѣ самые легкіе оттѣнки распри, злобы, подозрительности, брюзжанія, и душа его болѣзненно сжималась и вздрагивала съ отвращеніемъ при проявленіи грубости, ссоры, сварливой брани, оскорбленій и мести.

Онъ не могъ усидѣть въ комнатѣ, когда слышалъ, какъ Зоська бранила дѣтей, или начинались ссоры дѣтей между собою. Сплетни, злословіе, легкомысленное осужденіе, приносимыя въ избу сосѣдями, возмущали его на столько, что онъ бралъ свой костыль, уходилъ на обычное мѣсто—у полотна желѣзной дороги, къ старому пограничному буку, усаживался тамъ и, проводя иногда рукой по пахучимъ травамъ, постукивая костылемъ по корнямъ деревьевъ,—размышлялъ. Слѣпой—онъ обладалъ внутреннимъ зрѣніемъ, обращеннымъ къ этому, недавно открывшемуся ему новому міру и озарявшимъ веселымъ свѣтомъ весь жизненный путь, кромѣ одного, темнаго пятна...

Огромный, далекій, неизмѣнный, заполняющій всю ширь, шумъ горныхъ потоковъ исчезалъ иногда изъ его сознанія и черезъ мгновеніе снова возвращался въ видѣ единственнаго теперь отзвука давнихъ дней и единственнаго долетѣвшаго до него извнѣ живого голоса теперешней жизни.

Обиженные люди, народы, живущіе подъ гнетомъ насилія, являются рычагомъ человѣческаго развитія, побужденіемъ искать болѣе совершенныхъ формъ существованія, воплощающихъ общее благо.

Ихъ страданіе является жгучей раной, не позволяющей наслаждаться счастіемъ, прежде чѣмъ она не будетъ исцѣлена. Всѣ эти мечты объ идеальной жизни человѣчества и кровавая борьба, среди которой устанавливаются новые устои жизни, являются стремленіемъ заживить эту рану, уничтожить ядъ ея заразы. Мечтаютъ объ этомъ люди чувствующіе, думаютъ надъ этимъ мудрецы, борются за это герои идеи и мстители за униженныя, притѣсненныя поколѣнія.

Думалъ объ этомъ также и Ендрекъ Чайка. Постигшее его горе и счастье, посѣтившее его одновременно, какъ непосредственный результатъ этого горя, съ такой силой поразили его душу, были такимъ яркимъ выраженіемъ противорѣчій въ установившихся взглядахъ, о примиреніи которыхъ онъ не смѣлъ до сихъ поръ думать, что Ендрекъ неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ настоятельной потребностью найти отвѣтъ на вопросы и сомнѣнія, которыхъ онъ до сихъ поръ не смѣлъ разрѣшать.

Провидѣніе и „людишки-бѣдняги“ стояли, какъ ему казалось, другъ противъ друга, въ борьбѣ изъ-за него. Ен-

дрекъ сталъ обсуждать это и, блуждая наткнулся, наконецъ, на еле замѣтную сначала тропинку, приведшую къ безбрежной странѣ, залитой блескомъ счастья.

Ендрекъ, разбираясь въ совершившемся фактѣ своей жизни, постепенно охватывалъ всѣмъ разсудкомъ извѣстную ему область жизни, все, что онъ зналъ, и все, что слышалъ о томъ, какъ живутъ на свѣтѣ, и всюду убѣждался, что огромная область людской жизни находится въ полной зависимости отъ самихъ людей. Область эта такъ обширна, что для власти, случая или воли, стоящей выше человѣка, не оставалось почти ничего.

Когда почернѣвшія стѣны маленькаго костела оглашались страшнымъ, молящимъ стономъ о спасеніи отъ голода, огня, непогоды и войны, отъ неожиданной и внезапной смерти, Ендрекъ думалъ:

— Внезапная смерть, или голодъ, или огонь, война, или даже болѣзнь—все это въ рукахъ людей!

Эта мысль, уносившая его въ какой-то свѣтлый и радостный міръ, сопровождалась страхомъ передъ богохульствомъ, передъ прикосновеніемъ къ тому, что до сихъ поръ было недосягаемо, что стояло выше людей и съ такой силой давило ихъ жизнь, что только легкомысленная забывчивость снимала съ человѣческихъ душъ, на мгновеніе, оковы слѣпого подчиненія этой силѣ и волѣ.

Ендрекъ такъ неожиданно былъ вынужденъ задуматься, былъ такъ неподготовленъ къ тому, что встрѣтитъ его на жизненномъ пути, что, подходя къ этой мысли, онъ чувствовалъ головокруженіе и страхъ, какого не испытывалъ никогда надъ самыми страшными пропастями среди скалъ.

У Ендрека не было героизма мысли, отваживающейся на все: онъ предпочиталъ обходить одну половину открытой имъ истины и, чувствуя ея присутствіе, сознавалъ, что то, чего онъ хочетъ, является борьбой съ той силой, избѣгалъ опредѣлять, называть, представлять себѣ ее, а погружался всецѣло во вторую половину истины, въ ясно очерченный, почти осязаемый міръ своихъ размышленій.

Взвѣсивъ численность и могущество этихъ силъ, низводящихъ на людей зло и несчастія, и сравнивъ это со зломъ, несчастіемъ, мученіями, являющимися непосредственнымъ результатомъ того, что люди представляютъ другъ для друга, Ендрекъ былъ пораженъ и обрадовался. Если бы люди были иными другъ для друга, перестали бы быть орудіемъ кары и мести въ рукахъ... Ендрекъ тревожно избѣгалъ этой части разсужденія и спрашивалъ у жизни, могутъ ли люди быть иными, лучшими?

— Ой, ой!—еще какъ!

Ендрекъ даже порывался бѣжать куда-то отъ радости, вспомнивъ о томъ, какъ люди поступили съ нимъ.

— Если-бы не бѣдняжки-людишки, не осталось бы ни пылинки, ни слѣда отъ Зоськи, отъ дѣтишекъ! Лисицы и вороны давно растаскали бы ихъ косточки.

Ендрекъ прилагалъ это дѣло людей ко всѣмъ извѣстнымъ ему тягостямъ жизни и всюду замѣчалъ, какъ передъ этой силой исчезаютъ мученія, нищета, горе и несчастія, исчезаетъ все зло человѣческой жизни, и народъ становится какой-то страшной силой, которая противопоставляется... Ендрекъ снова остановилъ свою мысль, которая, увлекаемая потокомъ, приблизилась къ покрову, за которымъ скрывалась извѣстная и неизвѣстная власть... Подъ вліяніемъ сильныхъ страданій и гнѣва, онъ пустилъ когда-то стрѣлу въ сторону, но теперь, послѣ трезваго размышленія, теперь, когда онъ не таилъ въ душѣ яда мести, а наоборотъ, хранилъ въ сердцѣ мягкость и сочувствіе,—онъ не только не хотѣлъ борьбы, но испытывалъ нѣкоторое сожалѣніе, что эта борьба живетъ въ его мысляхъ.

Выйдя изъ тѣсныхъ рамокъ своего существованія, нанизывая на нить свѣтлой мысли всѣ сосѣднія хаты и проникая все дальше за свою деревню, за Бѣлый Дунаецъ, Новый Базаръ, Людомиръ, Краковъ, собравъ всѣ извѣстные ему случаи изъ человѣческой жизни, изъ сношеній съ крестьянами, бабами, панами, съ начальствомъ, полиціей, лѣсничими, „жандармами“,—Ендрекъ всюду видѣлъ одно: ненужную пагубную враждебность, злонамѣренность и глупость, широко отворявшія двери несчастіямъ, бѣдамъ, мести и карамъ... А сколько-сколько въ душѣ всѣхъ хорошаго!

— Вѣдь если бы они не ждали, пока имъ выжгутъ глаза!.. Что было бы! Что это было бы!

И Ендрекъ утопалъ въ восторгѣ отъ этого чуднаго міра, который могутъ создать люди, міра, изъ котораго исчезло-бы все то, что терзало сердце страданіемъ и держало мысль въ плѣну.

Размышляя такъ, Ендрекъ сиживалъ цѣлыми часами подъ широкой верхушкой стараго бука, покрытаго темными лѣтними листьями.

Разные люди шли дорогой, здоровались съ Чайкой, который отвѣчалъ имъ вѣжливо и охотно бесѣдовалъ со всякимъ, кто подсаживался къ нему.

Шелъ какъ-то той дорогой Ямрозъ (Амвросій) Газа и вѣжливо привѣтствовалъ Ендрека, напряженно прислушивавшагося къ человѣческимъ голосамъ, по которымъ узнавалъ людей. Газу Ендрекъ зналъ мало и рѣдко встрѣчался ъ нимъ. Ендрекъ принадлежалъ къ тому классу людей,

которыхъ богатые хозяева называютъ „жмудь", „войтки", изъ которыхъ набираются слуги и которые лишены возможности имѣть слишкомъ близкое общеніе съ крупными хозяевами, широко расположившимися на своихъ владѣніяхъ. А Газа былъ крупнымъ хозяиномъ и человѣкомъ, котораго уважали не только за то, что онъ былъ не безъ денегъ. Онъ былъ не глупъ и не кичился передъ другими. Онъ „охранялъ свою честь" съ достоинствомъ, и къ нему не относились слова: „онъ забралъ въ голову, что король, потому что имѣетъ муки больше на два горшка".

— Достойная персона!—говорили о немъ, когда онъ шелъ со строго задумчивымъ выраженіемъ лица,—широко плечій, не очень высокаго роста, одѣтый въ черный плащъ, съ красными кантами, длиннѣе, чѣмъ носятъ обыкновенно, въ брюкахъ, на которыхъ былъ только одинъ черный шнурокъ, въ широкой пляпѣ, изъ-подъ которой виднѣлось квадратное лицо, выбритое, окруженное длинными сѣдыми волосами подъ шеей. На горбинѣ правильнаго, большого носа держались тяжелые круглые очки. Въ рукѣ большой посохъ, въ зубахъ трубка „достаточная для того, чтобы ее курить втроемъ". Таковъ былъ Газа. Его посохъ и трубка были собственной работы и ясно указывали на его характеръ. Заглянувъ въ его хату, всякій былъ бы пораженъ силой, которая сказывалась во всемъ. Къ нему входили по огромнымъ плитамъ, образовывавшимъ гигантскія ступени. Въ стѣнѣ изъ чудовищныхъ срубленныхъ пихтъ была прорѣзана посрединѣ дверь съ огромными столбами по бокамъ и съ иконой въ рамѣ, густо усѣянной деревянными гвоздями вокругъ. Сама дверь изъ досокъ толщиною въ нѣсколько дюймовъ была прикрѣплена къ вертикальнымъ брусьямъ, нижняя часть которыхъ вращалась въ выдолбленномъ камнѣ, наполненномъ саломъ, смѣшаннымъ съ дегтемъ. На двери былъ огромный тяжелый замокъ, а изъ досокъ, уложенныхъ по лучамъ восходящаго солнца, густо торчали черныя головки желѣзныхъ гвоздей, и „если она хоть кончикомъ задѣнетъ тебя по ногѣ, ты не будешь танцовать больше, хоть бы играли сами ангелы", — такъ говорили объ этихъ дверяхъ.

Позади чистой избы была большая рабочая изба, соединенная съ кузницей. Здѣсь Газа выдѣлывалъ поразительныя вещи: огромные башенные часы, статуи святыхъ, тяжелые замки, точно для крѣпостныхъ воротъ, ручныя мельницы, трубки, перевязи, заставки, кирки и топоры, винты для передвиженія хатъ, части оградъ и мельницъ, кадильницы, ночники—вообще все, что нужно было ему и другимъ и что не нужно было никому; здѣсь же, рядомъ, находи-

лась маслобойня, огромное колесо которой, пропитанное жиромъ и лоснящееся отъ рукъ, казалось, было выковано изъ темной, полированной яшмы.

Необходимость добывать своимъ трудомъ, ловкостью и находчивостью все, что нужно для жизни, превращаетъ каждаго горца въ существо, приспособленное къ всестороннему труду, и эта необходимость, вынуждая къ дѣятельности такого напримѣръ способнаго человѣка, какъ Газа, давала поразительные результаты. По сравненію съ уровнемъ народной культуры онъ былъ геніальнымъ творцомъ съ могучей силой духа и дѣятельности.

Газа принадлежалъ къ старшему поколѣнію горцевъ, которые обладаютъ большой независимостью и скептицизмомъ трезваго ума, способнаго къ логическимъ выводамъ по всѣмъ вопросамъ жизни и къ критическому анализу понятій, составляющихъ основу народнаго сознанія.

— Въ Бога вѣрь, но не вѣрь Ему,—говорили они скептически, разбираясь въ отношеніяхъ Провидѣнія къ человѣческой жизни, къ дѣйствительно существеннымъ вопросамъ бытія. Но ихъ разсудокъ искалъ одновременно въ разгадкѣ тайны бытія формулу, которая однимъ закономъ объяснила бы цѣлую тьму разнородныхъ явленій міра; искалъ и принималъ ту, которую наслѣдовалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и которую могъ еще критиковать.

— Здравствуйте, Андрей!

— Спасибо, здравствуйте,—отвѣтилъ Ендрекъ, наморщивъ лобъ и насторожившись слухъ, чтобы узнать по голосу, кто къ нему обращается.—Не могу узнать, кто вы? Извините!

— Газа, Ямрозъ, не видите!

— Газа! Газа! Здравствуйте! Здравствуйте! Присядьте на минутку, мы поговорили бы немножко.

Газа сѣлъ, набилъ себѣ трубку, помогъ и Ендреку справиться съ трубкой, закурили.

— О чемъ же вы здѣсь въ полѣ размышляете?

— Думаю и думаю. Скажу вамъ, чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ больше у него является такихъ мыслей, которыя онъ не можетъ передать никому. Можетъ быть, не никому, но не всякому въ краѣ. Съ вами я радъ поболтать, такъ какъ знаю, что вы человѣкъ неглупый и можете все понять. А являются такія мысли, что хотѣлось бы, чтобы то же самое думали всѣ.

Начали говорить о томъ, что больше всего интересовало Ендрека и о чемъ говорили съ нимъ всѣ: о выжженныхъ глазахъ и благосостояніи, принесенномъ ему его увѣчьемъ... Ендрекъ поймалъ, наконецъ, нить своихъ самыхъ дорогихъ мыслей и сказалъ запальчиво и радостно:

— Нѣтъ! Ничего не будетъ! Ничего не сдѣлаютъ! Если бы весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, отъ мала до велика, крестьяне, бабы, паны или изъ чиновниковъ, жандармы, евреи, нѣмцы, или хотя бы и сыщики, если бы всѣ соединились, никакая сила не могла бы покорить ихъ! Не говорите ничего! Все ничего не значило бы: ни вода, ни огонь, ни громъ, ни вѣтеръ, ни болѣзнь—все ничего не значитъ въ сравненіи съ этой силой! Воду заключатъ въ плотину, вѣтеръ возьмутъ для мельницъ, молніей, не знаю, правда ли, но говорятъ, парни будутъ объ нее зажигать трубки; о болѣзни не было бы и разговору, если бы люди заботились другъ о другѣ и были умны. Взгляните на меня: мнѣ выжгло глаза, искалѣчило руки... Какъ остался въ живыхъ такой обрубокъ, отчего мы не погибли всѣ? Вслѣдствіе людского милосердія! Викарій говоритъ: „Богъ выжегъ тебѣ глаза, потому что возлюбилъ тебя и наградилъ тебя новой избой, и коровой, и деньгами, потому что милосердъ къ тебѣ". Я думаю,—понизилъ голосъ Ендрекъ,—что глаза я выжегъ себѣ самъ, по собственной глупости, а милосердіе и состраданіе всегда было въ людяхъ. Богъ совершенно не касается этого и всего, что относится къ человѣческой жизни. Все, что необходимо, человѣкъ долженъ добывать себѣ собственными руками, собственнымъ потомъ, мученіями, трудомъ и долженъ всегда остерегаться, биться, горевать и гнуться, чтобы какъ-нибудь одолѣть всѣ преграды, все, что мѣшаетъ. И кто же поможетъ тебѣ въ этомъ? Кто подыметъ тебя, когда ты упадешь, кто будетъ пахать, сѣять за тебя? Кто спасетъ тебя? Кто же? Взгляните, какъ было со мной? Когда я подумаю теперь, какъ я жилъ, какъ трудился, какъ страдалъ, я удивляюсь! Я не повѣрилъ бы теперь, если бы мнѣ кто-нибудь разсказалъ. А что у меня было? И мы стали бы послѣдними нищими и были бы всѣ такими, пока, наконецъ, болѣзнь и голодъ не унесли бы всѣхъ дѣтей. Кто спасъ? Бѣдняги-людишки! Скажу вамъ: если бы они спохватились во время, не ждали, пока выжгутъ глаза, мы бы и не знали...

Ендрекъ сталъ говорить тихо, съ величайшимъ напряженіемъ и сосредоточенностью мысли.

Газа снялъ очки и глядѣлъ сурово и умно въ слѣпые глаза Чайки. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Откуда же взялся міръ?

— Откуда взялся, оттуда и взялся! Что мнѣ за дѣло? Буду ли я знать объ этомъ или нѣтъ, какая мнѣ прибыль отъ этого? Откуда бы онъ ни взялся, смотрите, какъ въ

немъ живется! Нужно устраиваться такъ, чтобы на немъ было хорошо...

Ендрека совершенно не интересовали метафизическіе вопросы. Онъ бросился въ глубину разсужденій только подъ вліяніемъ своего несчастія, ярко освѣтившаго ему бытъ людей и его отношеніе къ Богу. Холодный скептицизмъ Газы и невозмутимая метафизика столкнулись въ немъ со страстнымъ чувствомъ, шедшимъ по прямой линіи для того, чтобы схватить не отвлеченную идею, а кровавую и радостную правду жизни, великую направляющую мудрость, единственную силу, могущую вывести людей на путь, ведущій къ главной цѣли всѣхъ стремленій, труда и борьбы—къ счастью.

— А душа?—спросилъ Газа.

— Душа? Такъ вѣдь если люди будутъ жить, какъ я сказалъ вамъ, то будутъ, какъ святые!

Газа всталъ. На его умномъ, суровомъ лицѣ сіяла радость. Ендрекъ еще удержалъ его.

— Я скажу вамъ: самому Богу было бы легче, потому что Ему не пришлось бы заботиться о каждомъ кускѣ, дать или не дать! Подумайте только, что бы это было! Куда ни повернись, всюду міръ трепещетъ отъ любви, отъ радости, счастія! И никто не сидитъ, какъ я, съ выжженными глазами, съ оторванными руками. И никто не плачетъ, не стонетъ, не жалуется, не мститъ, не дерется, не клянетъ и не боится... Взгляну ли на небо или на землю, на Карпаты, на море—нигдѣ нѣтъ страха!.. Люди, ради Бога!—кричалъ Ендрекъ, ослѣпленный своимъ видѣніемъ.—Только не мѣшкайте, не ждите, пока выжгутъ глаза!..

Отношенія между религіей и политикой у философовъ XVIII вѣка.

(По поводу одной новой книги *).

I.

Французская просвѣтительная философія XVIII в. не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе историковъ. За самые послѣдніе годы о ней и объ отдѣльныхъ ея представителяхъ вышло въ свѣтъ нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ, каковы книги Рустана «Философы и французское общество XVIII в.» (1906), Ж. Фабра «Отцы революціи» (1910), Лансона и Пеллисье о Вольтерѣ (1906 и 1908; послѣдняя о немъ, какъ о философѣ), Баркгаузена (или Баркозена) о Монтескьё, Нуриссона, Бредифа Дюкро, Розанова, Шампіона о Руссо (1903, 1906, 1908, 1909, 1910) и т. п. Этотъ списокъ можно было бы еще увеличить, если бы, отъ отдѣльныхъ книгъ мы перешли къ статьямъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ или къ главамъ въ трудахъ на болѣе общія темы **). Къ этой новѣйшей литературѣ о французской просвѣтительной философіи XVIII вѣка относится и недавно вышедшая книга А. Г. Вульфіуса «Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII вѣкѣ», посвященная взглядамъ на этотъ предметъ трехъ корифеевъ тогдашней передовой мысли: Вольтера, Монтескьё и Руссо.

Понятно, что отъ изслѣдованій по исторіи культурныхъ идей XVIII в. въ настоящее время нельзя требовать какого-либо новаго, доселѣ нетронутаго матеріала, какой въ изобиліи доставляютъ архивы изслѣдователямъ, наприм., экономическаго быта Франціи за тотъ же періодъ времени. Факты исторіи культурныхъ идей французскаго просвѣщенія XVIII в. извѣстны, и крупныхъ от-

---

*) Очерки по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII вѣкѣ. Вольтеръ, Монтескьё, Руссо. Критическое изслѣдованіе А. Г. Вульфіуса. Спб. 1911. XI+338 страницъ.

**) См., напр., Jules Delvaille. Essai historique sur l'histoire de l'idée de progrès jusqu'à la fin du XVIII siècle. P. 1910. Въ этой книгѣ французскимъ писателямъ XVIII в. посвящено 139 страницъ.

крытій въ этой области дѣлать не приходится, за весьма рѣдкими исключеніями. За то, съ другой стороны, возможны новыя точки зрѣнія, возможно изслѣдованіе вопросовъ, остававшихся доселѣ недостаточно разработанными, пересмотръ ходячихъ взглядовъ и т. п. Сколько, наприм., писали о Руссо, а между тѣмъ проф. М. Н. Розановъ предпринялъ же о немъ большой трудъ въ виду того, что роль «руссоизма», какъ посредствующаго звена между старыми сентиментальными теченіями и новыми романтическими настроеніями въ литературѣ, оказалась «недостаточно еще изслѣдованной въ литературѣ» *). Авторъ труда, которому посвящена эта статья, ничего не говоритъ намъ объ общей постановкѣ избранной имъ темы у его предшественниковъ, но отрывочныя замѣчанія, оправдывающія выборъ имъ данной темы, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ его книги.

«Странно, говоритъ г. Вульфіусъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 22), что до сихъ поръ въ столь обширной литературѣ о Вольтерѣ мы не встрѣчаемъ детальнаго и подробнаго анализа этой стороны его дѣятельности (проповѣди терпимости), поставленнаго въ связь съ его религіозными воззрѣніями». Кромѣ того, о томъ же Вольтерѣ другими писателями высказывались мнѣнія, требующія исправленій и дополненій (стр. 49, 65, 71, 80, 100, 132, 153, 163 и др.). Еще съ бóльшимъ правомъ авторъ говоритъ о необходимости пересмотра соотвѣтственныхъ идей Монтескьё (стр. 172), писателя, до сихъ поръ все еще мало изученнаго, какъ слѣдуетъ. Кстати, о Монтескьё у г. Вульфіуса былъ и кое-какой новый матеріалъ, еще не успѣвшій войти въ общій обиходъ **). Наконецъ, хотя о религіозномъ міросозерцаніи Руссо было написано гораздо больше, тѣмъ не менѣе и здѣсь очень много спорнаго, рѣшаемаго изслѣдователями то въ одномъ, то въ другомъ смыслѣ (см., напр., стр. 235). Анализируя взгляды Вольтера, Монтескьё и Руссо, г. Вульфіусъ постоянно ихъ сопоставляетъ и сравниваетъ между собою въ такой мѣрѣ, въ какой не дѣлалъ этого, пожалуй, никто изъ его предшественниковъ. Впрочемъ, и предшественниковъ-то такихъ, которые столь же систематически изслѣдовали бы вопросъ, какъ это сдѣлано г. Вульфіусомъ, у него было мало.

Для того, чтобы написать изслѣдованіе, подобное разбираемымъ нами «Очеркамъ», лицо, его предпринимающее, должно быть основательно знакомымъ со всѣми произведеніями избранныхъ имъ писателей. Судя по всему, А. Г. Вульфіусъ вполнѣ удовлетворяетъ этому условію. Другое необходимое требованіе, какое слѣдуетъ ставить такого рода трудамъ, это хорошее знакомство съ литера-

*) М. Н. Розановъ. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе XVIII и начала XIX вѣка. М. 1910. Стр. V.

**) Кромѣ бывшихъ неизданными сочиненій, опубликованныхъ въ 1891—1901 гг., Barckhausen, Montesquieu, „l'Esprit des Lois“ et les archives de la Brède“. Bordeaux. 1904.

турою предмета. Списокъ цитируемыхъ авторомъ пособій заключаетъ въ себѣ болѣе пятидесяти названій, да и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ г. Вульфіусъ, то и дѣло, ссылается на отдѣльныхъ писателей, главнымъ образомъ, для исправленія ихъ невѣрныхъ, съ его точки зрѣнія, мнѣній. Тѣмъ не менѣе въ литературѣ, которою пользовался авторъ, нельзя не отмѣтить довольно важные пропуски, къ числу каковыхъ я особенно отношу труды Лорана и Барни, имѣющіе ближайшее отношеніе къ темѣ г. Вульфіуса, и нѣкоторые другіе *). Быть можетъ, нелишними для г. Вульфіуса пособіями оказались бы и труды тѣхъ историковъ французской революціи, которые, какъ Луи Бланъ, Тэнъ, Сорель, останавливались болѣе или менѣе подробно на Вольтерѣ, Монтескьё и Руссо: ихъ замѣчанія часто заслуживаютъ вниманія **).

II.

Особая точка зрѣнія, съ какой авторъ «Очерковъ по исторіи идей вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII в.» предпринялъ свое «критическое изслѣдованіе», заключается въ признаніи необходимости изученія этой идеи въ связи исключительно съ религіозными воззрѣніями самихъ ея провозвѣстниковъ. Такую постановку вопроса нельзя не признать правильною, но въ то же время и одностороннею. Кромѣ религіознаго момента, въ этомъ вопросѣ есть и вопросъ политическій. Вотъ эту послѣднюю сторону А. Г. Вульфіусъ и не вводитъ въ свои общія соображенія.

А, между прочимъ, она очень важна. Средневѣковая католическая церковь одинаково подавляла или стремилась подавить какъ свободу вѣрующей личности, такъ и самостоятельность государственной власти, но въ эпоху религіозной реформаціи XVI в началась эманципація и единичной личности, и государства отъ подчиненія старой церковной власти. Однако, и личность, и государство, такъ сказать, тянули въ разныя стороны, вслѣдствіе чего реформація и получила внутренне противорѣчивый характеръ. Послѣ освобожденія отъ стараго церковнаго авторитета, когда ни надъ единичною личностью, ни надъ цѣлымъ государствомъ не

*) F. Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. Tome XII. La philosophie du XVIII siècle et le christianisme. Paris. 1866.—J. Barni. Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle. 1867.—См. также краткую, но очень обстоятельную, основанную на самостоятельномъ изученіи Руссо статью В. И. Герье въ „Энц. Слов." Брокгауза-Ефрона. Списокъ могъ бы, впрочемъ, быть увеличенъ.

**) Я уже не говорю о томъ, что г. Вульфіусъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы просмотрѣлъ нѣкоторыя книги, касающіяся религіозной стороны французской революціи, поскольку эта сторона проливаетъ свѣтъ на идеи „философіи XVIII в."

тяготѣла больше власть папы, клира, церковнаго преданія и т. п., въ отколовшихся отъ Рима странахъ долженъ былъ необходимо возникнуть вопросъ, какъ же въ дальнѣйшемъ будетъ устраиваться ихъ религіозная жизнь; а это должно было зависѣть отъ того, какъ будетъ пониматься сама религія въ ея отношеніяхъ къ моральнымъ запросамъ отдѣльныхъ личностей и къ потребностямъ, интересамъ и стремленіямъ правительствъ.

Съ одной стороны, религія была внутреннимъ дѣломъ человѣческой души, извѣстнымъ образомъ настроенной. Это была точка зрѣнія Лютера въ первый періодъ его дѣятельности, какъ реформатора, главнымъ образомъ, въ эпоху вормскаго сейма; впослѣдствіи же эта точка зрѣнія еще сильнѣе проявлялась въ мистическомъ и раціоналистическомъ сектантствѣ, бывшемъ именно индивидуалистическою реформаціей, тогда какъ въ лютеранствѣ, въ цвингліанствѣ, въ англиканствѣ и въ кальвинизмѣ возобладала другая, государственная форма новаго устроенія религіозной жизни. Яснѣе и полнѣе другихъ формулировали взглядъ на религію, какъ на интимнѣйшее дѣло личной совѣсти,—вдобавокъ, съ тѣмъ практическимъ отсюда выводомъ, что государство не должно вмѣшиваться въ эту сферу жизни,—англійскіе индепенденты середины XVII вѣка, передавшіе эту свою основную идею деистамъ и свободнымъ мыслителямъ конца того же столѣтія, предшественникамъ философовъ XVIII в. Практическое осуществленіе теоретическая мысль, выросшая на почвѣ религіозно-индивидуалистическихъ стремленій реформаціи, получила въ томъ отдѣленіи церкви отъ государства, на основѣ котораго покоится религіозная жизнь въ великой заатлантической республикѣ.

Съ другой стороны, религія была не только дѣломъ вѣрующей совѣсти единицъ, но и дѣломъ государственной власти, видѣвшей въ религіи одно изъ орудій управленія. Уже самъ Лютеръ, во второй періодъ своей дѣятельности, толкнулъ реформацію на путь союза съ государственною властью, приводившій въ концѣ концовъ къ подчиненію новой церкви свѣтскимъ властямъ. Конечно дѣло объясняется не желаніемъ или нежеланіемъ Лютера, а общими историческими причинами; дѣйствіе же послѣднихъ было таково, что и лютеранство, и цвингліанство, и кальвинизмъ, не говоря уже объ англикализмѣ, подѣлались государственными религіями въ тѣхъ странахъ, гдѣ утверждались съ согласія свѣтской власти и даже по ея иниціативѣ. Принятая въ Германіи формула: «чья страна, того и вѣра» (cujus regio, ejus religio) является одною изъ лучшихъ иллюстрацій государственнаго пониманія религіи среди отщепенцевъ отъ средневѣковой церкви. Борьба за религіозную свободу между государственниками-пресвитеріанами и индивидуалистами-индепендентами въ эпоху первой англійской революціи—лучшій примѣръ тѣхъ конфликтовъ, какіе неминуемо должны были возникать между принципами полной индивидуаль-

ной свободы въ дѣлахъ вѣры, выводомъ изъ чего является отдѣленіе церкви отъ государства, съ одной стороны, и государственной церкви, обязывающей подданныхъ вѣрить и молиться извѣстнымъ образомъ—съ другой.

Въ эпоху господства средневѣковыхъ католическихъ началъ не могло существовать государственныхъ церквей. Церковь была единая и общая для всѣхъ государствъ Запада и стояла выше каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Реформація разрушила церковное единство и главенство, и протестантскія страны обзавелись своими мѣстными церквами, сдѣлавшимися своего рода государственными учрежденіями, т. е. орудіями государственнаго властвованія. Католическая церковь видѣла въ свѣтской власти отдѣльныхъ государствъ орудія высшей духовной власти; теперь, наоборотъ, новыя духовныя власти попадаютъ въ зависимость отъ мѣстныхъ свѣтскихъ властей, т. е. церковь становится орудіемъ государства, религія становится на службу политикѣ. Все это не могло не отразиться и на церковно-политическихъ отношеніяхъ и въ католическихъ странахъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ, приведшихъ религіозную реформацію къ такому результату. При сложившихся раньше очень тѣсныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, между религіей и политикой, иначе и быть, въ сущности, не могло. Кромѣ того, въ теоретическое пониманіе взаимныхъ отношеній религіи и политики стала, такъ сказать, вливаться античная струя въ видѣ римскаго взгляда на религію, какъ на «instrumentum imperii», на орудіе государственнаго властвованія. Эта традиція въ западноевропейскомъ политическомъ мышленіи ведетъ свое начало изъ эпохи классическаго ренессанса: стоитъ вспомнить хотя бы одного Маккіавелли. Извѣстно, какое вліяніе античныя идеи оказывали на мышленіе французскихъ философовъ XVIII в., и изученіе ихъ политическихъ идей указываетъ на то, что и въ данномъ отношеніи они раздѣляли взглядъ на религію, какъ на государственное дѣло.

Однимъ изъ результатовъ взгляда на религію, какъ на государственное дѣло, было требованіе единства вѣры подданныхъ одного и того же государства. Протестантская нетерпимость была не лучше католической: иновѣріе преслѣдовалось какъ католическими, такъ и протестантскими государями, и нужны были продолжительныя и кровавыя междоусобія, въ родѣ французскихъ религіозныхъ войнъ второй половины XVI в. или тридцатилѣтней войны въ Германіи XVII столѣтія, чтобы могло войти въ жизнь требованіе вѣротерпимости. Государству по чисто практическимъ соображеніямъ приходилось отказываться отъ принципа единовѣрія и среди своихъ подданныхъ „терпѣть“ отступниковъ отъ признававшейся государствомъ религіи. Если, однако, государство „терпѣло“ иновѣріе, то все-таки оставаясь господиномъ

положенія: вѣротерпимость вытекала не изъ права гражданина вѣрить или не вѣрить, а изъ права государства дѣлать послабленія своимъ подданнымъ, оказывать имъ милость (вспомнимъ „édit de grâce" 1629 г., подтвердившій религіозныя уступки французскимъ кальвинистамъ) въ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ интересахъ самого же государства: если уже невозможно достигнуть религіознаго единообразія, лучше допустить иновѣріе, чѣмъ переживать постоянныя внутреннія потрясенія. Вѣротерпимость, это все-таки не что иное, какъ регулированіе государствомъ религіозныхъ отношеній, вмѣшательство государства въ вѣрованія подданнымъ, т. е. нѣчто, вытекающее изъ взгляда на религію, какъ на предметъ, который входитъ въ компентенцію государства. Какъ бы ни была широка вѣротерпимость государства, разъ послѣднее находится въ особомъ отношеніи къ той или другой церкви, мы еще не имѣемъ дѣла съ полнымъ отдѣленіемъ религіи отъ политики, требуемымъ религіозною свободою и индивидуалистическимъ пониманіемъ религіи.

Французскіе писатели XVIII в. въ современной имъ дѣйствительности имѣли передъ глазами примѣры и государствъ, въ которыхъ господствовала нетерпимость, и государствъ, проявлявшихъ бо̀льшую или меньшую вѣротерпимость. Какъ люди, не стоявшіе въ религіи на почвѣ какой-либо догматики, и какъ враги католическаго фанатизма, въ качествѣ представителей свободомысленнаго просвѣщенія, они, разумѣется, не могли не быть сторонниками и проповѣдниками вѣротерпимости; но, принимая послѣднюю, они часто выводили ее, въ общемъ, не изъ правъ вѣрующей совѣсти, а изъ соображеній философскаго безразличія или государственнаго интереса. Имъ чуждо было религіозное одушевленіе сектантовъ, казавшееся имъ только фанатизмомъ, и гораздо понятнѣе былъ античный взглядъ на религію, какъ на «instrumentum imperii». Раціонализмъ XVIII в. не былъ приспособенъ къ проникновенію въ психику встревоженной совѣсти, и для него доступнѣе былъ взглядъ на религію, какъ на одну изъ сторонъ политическаго бытія народовъ. Философовъ занималъ вопросъ, какъ надлежитъ правителямъ, руководимымъ принципами разума и терпимости, пользоваться вѣрованіями народовъ въ интересахъ самого же государства.

Т. е. я хочу сказать, что во взглядѣ писателей XVIII в. на религію политическая точка зрѣнія на столько выдвигается впередъ, что вполнѣ понять и оцѣнить ихъ взгляды на вѣротерпимость и свободу совѣсти нельзя безъ анализа нѣкоторыхъ сторонъ ихъ политическаго міросозерцанія. Что Вольтеръ стоялъ на точкѣ зрѣнія абсолютизма, хотя и просвѣщеннаго, что республикализмъ Руссо сочетался съ культомъ неограниченнаго государства и т. п., это не могло не отразиться на ихъ идеяхъ, касающихся вѣротерпимости.

Посмотримъ теперь, послѣ нашей постановки вопроса, какъ ставитъ его авторъ «Очерковъ по исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы въ XVIII в.» Заранѣе отмѣтимъ, что общія соображенія, подобныя высказаннымъ выше, совершенно ему чужды, вслѣдствіе чего его изслѣдованіе оказывается какъ бы оторваннымъ отъ общей эволюціи взаимныхъ отношеній религіи и политики въ новое время, только-что мною изображенной.

III.

«Авторъ,—говоритъ о себѣ г. Вульфіусъ въ предисловіи,—вполнѣ убѣдился въ томъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшенъ безъ параллельнаго разбора религіознаго міросозерцанія изучаемыхъ писателей, въ виду тѣсной связи между религіозными взглядами всякаго человѣка и тѣмъ, что авторъ понимаетъ подъ философскою терпимостью». Далѣе онъ указываетъ на то, что «различеніе понятій философской и гражданской терпимости представляетъ собою основной моментъ въ построеніи всей его работы». Именно, подъ первою онъ разумѣетъ «умѣніе съ уваженіемъ относиться къ мнѣнію противника», а какъ разновидность этой философской терпимости является у него «терпимость богословская, признающая возможность спасенія и для всѣхъ тѣхъ, кто вѣритъ иначе» (стр. V). Что касается до терпимости гражданской, то для г. Вульфіуса это есть «требованіе установленія со стороны государства тѣхъ или другихъ условій, ограждающихъ право личности на религіозное самоопредѣленіе или упраздняющихъ явленія, которыя дѣлаютъ это право неосуществимымъ»; въ понятіи же свободы совѣсти г. Вульфіусъ видитъ не что иное, какъ своего рода «расширеніе» вѣротерпимости, понимаемой у него поэтому и «въ узкомъ смыслѣ слова», для котораго, впрочемъ, онъ не даетъ спеціальнаго термина. Можно сказать, толкуя слова автора, что свобода совѣсти принимается имъ, какъ своего рода «разновидность» вѣротерпимости. Наконецъ, г. Вульфіусъ въ философской и гражданской терпимости усматриваетъ двѣ «стороны терпимости» вообще, полагая, что у каждой есть своя особая «принципіальная предпосылка». Для первой это—«пониманіе ограниченности познавательной способности человѣка» и «признаніе извѣстной исторической цѣнности за многими явленіями, которыя представляются намъ ложными или отжившими свой вѣкъ», а для второй, т. е. для гражданской терпимости эта принципіальная предпосылка заключается въ «суммѣ признаковъ, которыми мы опредѣляемъ содержаніе понятія терпимости и, въ зависимости отъ этого, границы той свободы, духовной и религіозной, которую должно обезпечивать государство» (стр. VI).

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ рядѣ мыслей г. Вульфіуса. Выходитъ такъ, что вопросъ о гражданской терпимости у корифеевъ французской просвѣтительной литературы XVIII в. не можетъ получить удовлетворительнаго разрѣшенія безъ разбора ихъ религіознаго міросозерцанія, поскольку оно тѣсно связано со степенью ихъ философской терпимости. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ, въ какихъ отношеніяхъ, по его мнѣнію, находятся философская и гражданская терпимость; а между тѣмъ ради первой при разсмотрѣніи второй, повидимому, только и привлекается имъ къ изслѣдованію религіозное міровоззрѣніе изучаемыхъ имъ писателей. Если, далѣе, это привлеченіе обусловливается ничѣмъ инымъ, какъ связью между религіозными взглядами человѣка и степенью, что-ли, его философской терпимости, то едва-ли въ такомъ случаѣ нуженъ разборъ всѣхъ ингредіентовъ религіознаго міровоззрѣнія писателя, такъ какъ тѣ или другіе изъ нихъ могутъ не имѣть ни малѣйшаго отношенія къ терпимости или нетерпимости; съ этой точки зрѣнія, многое въ религіозномъ міросозерцаніи писателя можетъ быть и ненужнымъ для изслѣдователя, разъ его исходнымъ пунктомъ являются вѣротерпимость и свобода совѣсти, разсматриваемыя въ гражданскомъ отношеніи. Забѣгая впередъ, скажу, что въ своей книгѣ г. Вульфіусъ попутно касается многаго такого, что съ указанной точки зрѣнія должно быть сочтено за излишнее. Въ этомъ, конечно, нѣтъ бѣды, но этимъ еще болѣе подчеркивается самый важный пробѣлъ въ самой постановкѣ г. Вульфіусомъ его темы.

Понятія вѣротерпимости и религіозной свободы, значущіяся въ самомъ заглавіи книги, относятся къ области не философской, а какъ-разъ гражданской терпимости, какъ это явствуетъ изъ объясненій самого же г. Вульфіуса. Что для пониманія отношенія къ этой терпимости у Вольтера, Монтескьё и Руссо необходимо принять въ разсчетъ и религіозныя ихъ идеи со степенью ихъ собственной терпимости къ инако мыслящимъ, объ этомъ не можетъ быть никакого спора; но столь же необходимо было бы, съ другой стороны, параллельно разобрать и политическое міросозерцаніе этихъ писателей, поскольку послѣднее касается вопроса о правахъ личности и предѣлахъ власти государства. Конечно, авторъ не могъ не упоминать о взглядахъ Вольтера, Монтескьё и Руссо на взаимныя отношенія религіи и политики, но въ своей общей постановкѣ темы онъ не далъ этой сторонѣ дѣла такого же, по крайней мѣрѣ, мѣста, какое отвелъ религіозному міровоззрѣнію трехъ названныхъ писателей.

Конечно, важно, на сколько тотъ или другой изъ нихъ самъ былъ «философски терпимъ»; но еще болѣе важно, какъ каждый изъ нихъ понималъ взаимныя отношенія религіи и политики въ связи съ общимъ пониманіемъ правъ личности и предѣловъ власти государства. Разъ религія есть внутреннее дѣло индивидуальной

совѣсти и государство не имѣетъ права вмѣшиваться въ эту сферу жизни гражданъ, то на этой почвѣ возникаетъ идея свободы совѣсти, требованіе религіозной свободы и, какъ практическій отсюда выводъ, отдѣленіе церкви отъ государства. Если, наоборотъ, религія есть дѣло государственное, то свободы въ этой области быть не можетъ, и само государство опредѣляетъ вѣру своихъ гражданъ или же только терпитъ иновѣріе. Вынуждается ли оно къ этому необходимостью, или руководится какимъ-либо политическимъ разсчетомъ, или же поступаетъ такъ подъ вліяніемъ религіознаго индифферентизма своихъ правителей, —во всѣхъ трехъ случаяхъ оно, не имѣетъ въ виду безусловнаго права самой личности на религіозное самоопредѣленіе.

«Понятіе вѣротерпимости расширяется до понятія свободы совѣсти»,—говоритъ нашъ изслѣдователь. Нѣтъ, это не такъ: эти понятія имѣютъ не одинъ и тотъ же источникъ. Одно—во взглядѣ на религію, какъ на нѣчто, такъ или иначе зависящее отъ государства, которое можетъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ то или другое уступать въ этой области отдѣльнымъ группамъ гражданъ, то или иное терпѣть въ ихъ религіозной жизни; источникомъ же другого является взглядъ на религію, какъ на интимное дѣло человѣческой души, въ которое (съ его внѣшними проявленіями въ культѣ) государство не имѣетъ никакого права какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться. Авторъ, какъ мы видѣли, опредѣляетъ «принципіальныя предпосылки» обѣихъ сторонъ терпимости,—и философской, и гражданской,—но я бы сказалъ, что вѣротерпимость и религіозная свобода (т. е. дѣйствительная свобода совѣсти), различающіяся между собою не количественно (не въ смыслѣ расширенія одной въ другую), а качественно, имѣютъ діаметрально противоположныя предпосылки. Принципіальная предпосылка религіозной свободы заключается въ признаніи за религіей значенія исключительно интимнаго дѣла человѣческой души, въ которое государство не имѣетъ никакого права вмѣшиваться; принципіальная же предпосылка вѣротерпимости сводится къ тому, что государство имѣетъ полное право такъ или иначе опредѣлять религіозный бытъ своихъ подданныхъ и терпѣть тѣ или другія отступленія отъ принятой нормы въ государственныхъ же интересахъ.

Свобода совѣсти была первымъ видомъ индивидуальной свободы, требованіе котораго было въ новой исторіи предъявлено со стороны личности всемогущему государству, первою изъ свободъ, къ числу каковыхъ принадлежатъ свобода философской и научной мысли, свобода слова, печати и т. п. Для всѣхъ этихъ свободъ есть свои спеціальныя предпосылки, объединяющіяся на почвѣ общей предпосылки объ естественныхъ правахъ личности. Ученіе объ «естественномъ правѣ» играло въ просвѣтительной философіи XVIII в. слишкомъ большую роль, чтобы можно было игнорировать его въ общей постановкѣ вопроса о «гражданской терпи-

мости» у выдающихся представителей этой литературы. Для удовлетворительнаго рѣшенія задачи было бы поэтому важнѣе знать, какъ Вольтеръ, Монтескьё и Руссо понимали это естественное право и природу государства, нежели то, какъ понимали они метафизическую сущность Божества, провидѣніе, происхожденіе зла въ мірѣ, свободу воли, безсмертіе души и т. п.

Вѣротерпимость мыслима лишь тогда, когда имѣется какая-либо государственная религія, но разъ дана послѣдняя въ строгомъ смыслѣ слова, полной религіозной свободы нѣтъ, какъ бы ни была широка вѣротерпимость. Свобода совѣсти исключаетъ государственную религію, и эта послѣдняя дѣлается, съ точки зрѣнія полной религіозной свободы, столь же внутренне противорѣчивою вещью, какъ наприм., государственная философія, государственная наука, государственное искусство и т. п.,—разъ признается, что государство не вмѣшивается въ философское или научное мышленіе и въ художественное творчество своихъ подданныхъ. А. Г. Вульфіусъ въ томъ же предисловіи, изъ котораго уже былъ приведенъ рядъ его основныхъ мыслей, считаетъ нужнымъ отъ понятія государственной религіи отличать понятіе религіи гражданской (стр. VI). Подъ первою онъ разумѣетъ одно изъ исторически существующихъ вѣроисповѣданій, подъ второю—лишь «внѣвѣроисповѣдный кодексъ обязательныхъ для гражданъ религіозныхъ идей», находя, что обѣ могутъ то «удаляться» одна отъ другой, то между собою «сближаться», при томъ сближаться до полнаго «сліянія» (стр. VII). Съ точки зрѣнія различенія между положительными религіями и философскою, или, какъ ее въ XVIII в. называли, естественною религіей, которая и отожествлялась съ гражданскою, это различеніе еще имѣетъ смыслъ, но совершенно второстепенный, разъ мы выдвигаемъ на первый планъ противоположеніе между свободою совѣсти и государственнымъ, хотя бы и минимальнымъ вмѣшательствомъ въ религіозную жизнь гражданъ. Гражданская религія Руссо можетъ быть названа государственной даже въ большей степени, чѣмъ положительныя вѣроисповѣданія: послѣднія, имѣя сами независимое отъ государства бытіе, государствомъ только признаются, тогда какъ гражданская религія уже прямо есть созданіе государства, имѣющее въ виду и чисто государственную цѣль. По одному изъ тезисовъ автора, подъ условіемъ признанія гражданской религіи, какъ «суммы основныхъ религіозныхъ идей, обставленныхъ простѣйшими формами культа», государство, основанное на правильномъ общественномъ договорѣ (по ученію Руссо), «предоставляетъ полную свободу отдѣльнымъ религіознымъ вѣрованіямъ» (стр. 338), но мы не задумаемся сказать, что въ данномъ случаѣ мыслится лишь своеобразная государственная религія, допускающая вѣротерпимость, но отнюдь не религіозная свобода.

Вообще общія соображенія автора обнаруживаетъ очень слабое

у него знакомство съ теоретическою постановкою вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти и т. д. въ спеціальной, этому посвященной литературѣ, или въ трудахъ по публичному праву. Если бы я еще сталъ разбирать книгу г. Вульфіуса и съ этой стороны, то пришлось бы отмѣтить не мало отдѣльныхъ доказательствъ *) того, что онъ приступилъ къ своему историческому изслѣдованію безъ достаточной теоретической подготовки **).

IV.

Изложенію и разбору религіозныхъ воззрѣній Вольтера, Монтескьё и Руссо г. Вульфіусъ отводитъ такъ много мѣста, какъ будто бы это было главнымъ предметомъ книги. Каждому изъ названныхъ писателей онъ посвящаетъ по особому «отдѣлу», состоящему изъ двухъ главъ, изъ которыхъ одна трактуетъ о религіозномъ міровоззрѣніи даннаго писателя, другая—объ «идеѣ вѣротерпимости въ его міровоззрѣніи». Въ отдѣлѣ о Вольтерѣ въ обѣихъ главахъ почти равное число страницъ (74 и 73), въ отдѣлѣ о Руссо число страницъ, посвященныхъ его религіознымъ воззрѣніямъ (79), чуть не вдвое больше числа страницъ, посвященныхъ его терпимости (42), и только въ отдѣлѣ о Монтескьё о религіозныхъ воззрѣніяхъ говорится меньше (18 страницъ), чѣмъ о терпимости (24 страницъ), да и въ общей сложности выходитъ такъ, что изъ приблизительно 310 страницъ, содержащихъ разсмотрѣніе взглядовъ трехъ писателей, главамъ первой категоріи принадлежитъ около 170 страницъ, главамъ второй—только около 140. Это отношеніе будетъ еще менѣе благопріятнымъ для «терпимости», если мы примемъ въ разсчетъ, что вообще въ главахъ, гдѣ о ней идетъ рѣчь, говорится не объ одной гражданской терпимости, но и о философской, и что въ главѣ о терпимости Вольтера разсматривается еще его ученіе о прогрессѣ, о происхожденіи и развитіи религіи, о роли христіанства и т. п.

Въ этихъ главахъ о религіозномъ міровоззрѣніи Вольтера, Монтескьё и Руссо г. Вульфіусъ очень обстоятельно разсматриваетъ, какъ они понимали природу Божества, его отношеніе къ

---

*) Какъ, напр., г. Вульфіусъ понимаетъ раздѣленіе церкви отъ государства, противополагаемое имъ не ихъ союзу, а единству власти (см. стр. 100).

**) На это указываетъ и отсутствіе въ спискѣ цитируемыхъ пособій какихъ-либо сочиненій, спеціально трактующихъ о предметѣ. См., напр., старыя и общеизвѣстныя книги Friedrich Maassen Neun Kapitel über free Kirech und Gewissensfreiheit.—Bluntschli. Geschichte des Rechts der religiosen Bekentnissfreiheit и т. п., или въ русской литературѣ книгу М. А. Рейснера „Государство и вѣрующая личность“, а кромѣ того, статьи объ этомъ въ спеціальныхъ лексиконахъ.

міру и къ человѣку, происхожденіе зла въ мірѣ, безсмертіе души и свободу воли, сущность морали и даже болѣе спеціальныя вещи, въ родѣ значенія молитвы. Эта часть работы г. Вульфіуса произведена съ большой обстоятельностью, но центръ тяжести всего его труда долженъ былъ бы, повторяю, лежать не здѣсь, а въ томъ, чему онъ посвятилъ меньше вниманія и отвелъ меньше мѣста. Между тѣмъ въ короткомъ введеніи (отличномъ отъ разсмотрѣннаго выше предисловія) авторъ говоритъ (только крайне поверхностно) о томъ, какъ вопросъ о вѣротерпимости зародился и развивался съ эпохи реформаціи до XVIII в., а не какъ измѣнились взгляды на Божество, на божественный промыселъ, на загробное воздаяніе, въ виду чего можно было бы ожидать, что и въ дальнѣйшемъ автора будетъ занимать именно политическая, а не метафизическая сторона религіи.

О самомъ этомъ введеніи слѣдуетъ сказать, что въ немъ нѣтъ яснаго разграниченія между двумя теченіями религіозной реформаціи, приводившими—одно къ образованію государственныхъ церквей, другое—къ отдѣленію религіи отъ политики. Намекъ на это мы находимъ только въ одномъ мѣстѣ. По словамъ автора, «протестантскія церкви способствовали дѣлу вѣротерпимости, разрушая папскій абсолютизмъ и единовластіе католицизма, а сектантскія церкви,—поддерживая идею религіозной свободы внутри самого протестантизма, который, подъ вліяніемъ старыхъ навыковъ и традицій, не всегда умѣлъ оставаться вѣрнымъ заложенному въ немъ принципу религіозной свободы» (стр. 2). Разница, однако, не въ этомъ: принципъ религіозной свободы былъ заложенъ въ основѣ только сектантства, которое и не стремилось къ церковной организаціи при помощи государственной власти, тогда какъ протестантизмъ (въ болѣе узкомъ смыслѣ лютеранства, реформатства и англиканизма) какъ-разъ подъ вліяніемъ старыхъ навыковъ и традицій замѣнялъ одинъ абсолютизмъ и одно единовластіе другими, организуя свои государственныя церкви. Далѣе, говоря о вліяніи гуманизма, А. Г. Вульфіусъ отмѣчаетъ лишь его стремленіе къ свободѣ духовнаго развитія (стр. 3), забывая упомянуть, что именно въ этомъ «научно-литературномъ движеніи», столь часто проникавшемся античными идеями, и зародился взглядъ на религію, какъ на орудіе государственной власти. Наконецъ, нашему изслѣдователю кажется, что весь вопросъ касался «взаимоотношеній церковнаго авторитета и свободы духовнаго развитія», тогда какъ дѣло въ значительной мѣрѣ шло еще о власти государства и о правахъ подданныхъ.

Что въ этомъ послѣднемъ вопросѣ вся суть дѣла, это видно хотя бы и изъ того, что какъ-разъ съ данной стороны, главнымъ образомъ, самъ г. Вульфіусъ разсматриваетъ (все въ томъ же введеніи) взгляды Бэйля. Любопытно, что уже у этого мыслителя, говоря словами автора, «широта отвлеченной формулы не

всегда оказывается нетронутой, когда дѣло доходитъ до вопроса о взаимоотношеніи государственной власти и религіозныхъ убѣжденій и культа подданныхъ» (стр. 10),—явленіе, поражающее насъ и во взглядахъ Вольтера и Руссо, а отчасти и Монтескьё. Одна изъ заслугъ г. Вульфіуса заключается въ томъ, что онъ указалъ источникъ противорѣчія во взглядѣ и Бэйля, и Вольтера съ Руссо на свободу совѣсти, съ одной стороны, и на право государства вмѣшиваться въ религіозную сферу съ другой: это—непониманіе ими «важности элементовъ внѣшняго культа и возможности внѣшняго проявленія религіи для внутренняго акта вѣры» (стр. 13); но самого этого непониманія не могло бы возникнуть, если бы въ умѣ Бэйля, Вольтера и Руссо не было постоянно политическаго воззрѣнія на религію *). Безъ этого взгляда Бэйль, конечно, не сталъ бы признавать за государствомъ «право карать преступленія чисто религіознаго свойства», вродѣ отрицанія Бога христіаниномъ (стр. 15). Локкъ,—правильно замѣчаетъ авторъ,—уже рѣшительно сталъ на точку зрѣнія полной свободы совѣсти, но первымъ, сдѣлавшимъ это (стр. 17), я назвалъ бы его не безъ оговорокъ (напр., относительно Генри Вэна).

«Вопросы, интересовавшіе Бэйля и Локка, — читаемъ мы дальше въ книгѣ А. Г. Вульфіуса,—т. е. вопросъ о взаимоотношеніи церкви и государства и вопросъ о правѣ личности на свободу религіознаго самоопредѣленія, перешли и въ XVIII в.» (стр. 17). Это—центральные вопросы, для рѣшенія которыхъ далеко не все важно въ религіозномъ міросозерцаніи Вольтера, Монтескьё и Руссо и въ то же время очень важно очень многое въ ихъ политическомъ міросозерцаніи. Въ одномъ мѣстѣ авторъ самъ указываетъ на то, что «вопросъ о вѣротерпимости въ міровоззрѣніи Вольтера связывается съ вопросомъ о его политическихъ взглядахъ», но прибавляетъ къ этому замѣчанію такія слова: «мы не собираемся, однако, останавливаться на этой проблемѣ, которая заслуживаетъ спеціальнаго изысканія въ виду

---

*) Свои выводы на этотъ счетъ А. Г. Вульфіусъ формулировалъ въ слѣдующихъ „тезисахъ“: „Вторженіе государственной власти въ область церковнаго ученія и культа Вольтеръ не считаетъ нарушеніемъ вѣротерпимости, такъ какъ проводитъ рѣзкую грань между религіей въ смыслѣ психологическаго внутренняго акта вѣры, и между внѣшними формами ея“ (стр. 336). „Въ отличіе отъ Вольтера, Монтескьё прекрасно понималъ неразрывную связь между внѣшними формами религіи и ея внутреннею сущностью и считаетъ эти внѣшнія формы (церемоніи, храмы, духовенство) неизбѣжными послѣдствіями развитія религіознаго чувства“ (стр. 336). „Глубина религіознаго чувства приводитъ Руссо къ такой спиритуализаціи религіи, при которой всѣ внѣшнія формы религіи кажутся чѣмъ-то второстепеннымъ и малоцѣннымъ“, въ виду чего „Руссо и не задумывается объявить эти внѣшнія формы вполнѣ подчиненными государственной власти“ (стр. 338). Отсылаемъ къ стр. 167—168, 191—193 и 307—318, гдѣ объ этомъ говорится подробнѣе.

разноголосицы въ ея разрѣшеніи въ научной литературѣ» (стр. 164). «Разноголосица» существуетъ и въ отношеніи религіозныхъ взглядовъ писателей XVIII в., но это не помѣшало же г. Вульфіусу опредѣлять характеръ религіознаго міросозерцанія, напр., Руссо, котораго иные стремились представить, какъ пантеиста или даже матеріалиста (стр. 235). Для пониманія идеи вѣротерпимости у Вольтера анализъ его политическихъ взглядовъ былъ бы гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ его метафизическія воззрѣнія, которыми авторъ такъ много занимается. Анализъ понятій о власти государства и правахъ личности у авторовъ «Духа законовъ» и «Общественнаго договора» тоже далъ бы для темы гораздо болѣе, нежели всѣ разсужденія Руссо о Божествѣ, о душѣ, о молитвѣ и т. п., которыя такъ интересуютъ автора.

Отсюда и главные выводы, вытекающіе изъ изслѣдованія А. Г. Вульфіуса и изложенные имъ на послѣднихъ страницахъ (стр. 335—338) книги, страдаютъ значительною неполнотою, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія наиболѣе важныхъ изъ этихъ тезисовъ съ тою формулировкою, которую должны были бы имѣть.

Тезисы г. Вульфіуса *).	*Мои поправки* **).
1. Взгляды Вольтера, Монтескьё и Руссо на вѣротерпимость необходимо изучать въ связи къ ихъ религіозными воззрѣніями.	Взгляды В., М. и Р. на вѣротерпимость необходимо изучать въ связи, *во первыхъ*, съ *нѣкоторыми* ихъ религіозными воззрѣніями *и съ ихъ политическими идеями—во-вторыхъ*.
2. Въ религіозномъ міровоззрѣніи Вольтера можно установить два рода мыслей (относительно Божества), взаимно исключающихъ другъ друга.	Въ религіозно-*политическомъ* міросозерцаніи В. можно установить два взаимно исключающихъ одинъ другой ряда мыслей *не только* относительно Божества, *но и относительно самой религіи, какъ дѣла личной совѣсти, съ одной стороны, и политическаго орудія—съ другой.*
3.... Вольтеръ считаетъ вѣру въ Бога... прекраснымъ средствомъ для борьбы съ вредными страстями.	В. считаетъ вѣру въ Бога... прекраснымъ средствомъ для борьбы съ вредными страстями *и для управленія государствомъ.*
7. Исходя изъ крайне отрицательной оцѣнки исторической роли христіанства, и ослѣпленный своею ненавистью противъ церкви, Вольтеръ .. ратуетъ за полное единство власти и полное господство государства надъ церковью.	Исходя изъ *взгляда на религію, какъ на орудіе власти*, В. ратуетъ за полное господство государства надъ церковью.
10. Иногда Вольтеръ подымается до... понятія свободы совѣсти.	Иногда В. подымается до понятія свободы совѣсти, *находящагося въ полномъ противорѣчіи со взглядомъ на религію, какъ на чисто- государственное дѣло.*

*) Приводятся съ купюрами и съ поясненіями (въ скобкахъ), заимствованными изъ самихъ же тезисовъ г. Вульфіуса.

**) Поправки курсивомъ.

16. Монтескьё очень близко подходитъ къ требованію раздѣленія церкви и свободы совѣсти (но вмѣстѣ съ тѣмъ) возвращается къ мысли о необходимости государственной религіи (даже съ требованіемъ о недопущеніи другихъ религій).

М., *какъ и Вольтеръ,* очень близко подходитъ къ требованію... свободы совѣсти, *но вмѣстѣ съ этимъ, какъ и Вольтеръ,* признаётъ необходимость государственной религіи, *въ чемъ и у М. проявляется такая же двойственность взгляда на религію, какъ и у Вольтера.*

21... Руссо не задумывается объявить внѣшнія формы религіи вполнѣ подчиненными государственной власти и въ конкретныхъ историческихъ условіяхъ считаетъ подчиненіе внѣшнимъ формамъ государственной религіи обязанностью гражданъ.

Въ полномъ противорѣчіи со своимъ взглядомъ на религію, какъ на внутреннее дѣло человѣческой души, Р., съ другой стороны, подобно Вольтеру, готовъ подчинить внѣшнія формы религіи государственной власти и вмѣнить это подчиненіе въ число обязанностей гражданъ по отношенію къ государственной власти.

22. Въ государствѣ, основанномъ на правильномъ общественномъ договорѣ (т. е. не въ конкретныхъ историческихъ условіяхъ), государственная религія переходитъ въ гражданскую, т. е. въ сумму основныхъ религіозныхъ идей, обставленныхъ простѣйшими формами культа. Подъ условіемъ признанія этихъ идей государство предоставляетъ полную свободу религіознымъ вѣрованіямъ.

Въ государствѣ, основанномъ на правильномъ общественномъ договорѣ, *Руссо также считаетъ необходимымъ существованіе особой гражданской религіи, устанавливаемой государствомъ и, слѣдовательно, также имѣющей право называться государственною, поскольку граждане обязаны ее признавать. Если при этомъ Руссо говоритъ* о предоставленіи государствомъ полной свободы религіознымъ вѣрованіямъ, *то здѣсь есть противорѣчіе, объяснимое такою же двойственностью въ пониманіи у Руссо религіи, какую мы находимъ и у Вольтера съ Монтескьё.*

(Г. Вульфіусъ не дѣлаетъ никакого дальнѣйшаго вывода изъ сопоставленія взглядовъ Вольтера, Монтескьё и Руссо на взаимныя отношенія религіи и государства, а между тѣмъ это могло бы быть предметомъ особаго тезиса, въ которомъ мысли философовъ XVIII в. могли бы быть сопоставлены съ идеями реформаторовъ XVI—XVII в. и дѣятелей французской революціи).

23. *Ни Вольтеръ, ни Руссо, ни даже Монтескьё не понимали всей непримиримости взглядовъ на религію, какъ на внутреннее дѣло человѣческой души и какъ на одно изъ государственныхъ учрежденій, въ чемъ сходились съ противорѣчивыми рѣшеніями религіознаго вопроса какъ въ эпоху реформаціи* (лютеровская защита свободы совѣсти и лютеровское же признаніе за государями juris reformationis или cujus regio, ejus religio), *такъ и въ эпоху французской революціи* (объявленіе религіозной свободы и рядомъ гражданское устройство духовенства и культы разума или Верховнаго Существа).

(Г. Вульфіусъ въ первомъ тезисѣ упомянулъ лишь о религіозныхъ воззрѣніяхъ Вольтера, Монтескьё и Руссо, а потому и не сдѣлалъ еще одного вывода).

24. *Каково ни было бы различіе между религіозными воззрѣніями Вольтера, Монтескьё и Руссо и какъ бы эти воззрѣнія ни отражались на ихъ взглядахъ касательно вѣротерпимости, въ своемъ политическомъ міросозерцаніи они были еще далеки отъ рѣзкой постановки вопроса о предѣлахъ власти государства.*

V.

Свою работу авторъ «Очерковъ по исторіи вѣротерпимости» исполнилъ очень тщательно, и въ его анализѣ собственно религіозныхъ взглядовъ Вольтера, Монтескьё и Руссо много цѣннаго, о чемъ я, впрочемъ, здѣсь распространяться не намѣренъ. Много важнаго и въ спеціальныхъ главахъ о терпимости у этихъ писателей, при чемъ слѣдуетъ подчеркнуть, что самъ же г. Вульфіусъ даетъ матеріалъ для тѣхъ поправокъ къ его тезисамъ, которыя я сейчасъ предложилъ. Въ другой, чѣмъ у него, постановкѣ вопроса этотъ матеріалъ могъ бы, однако, получить болѣе яркое освѣщеніе. Авторъ совершенно правильно дѣлаетъ различіе между взглядами на вѣротерпимость у Вольтера и Руссо, съ одной стороны, и отчасти у Монтескье и еще болѣе у Тюрго—съ другой (стр. 18), и можно только пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ особаго отдѣла о Тюрго, у котораго особенно опредѣленно проводится идея невмѣшательства государства въ религіозную жизнь частныхъ лицъ. «Отчасти Монтескьё и еще болѣе опредѣленно Тюрго примыкаютъ къ ученію Локка, тогда какъ Вольтеръ и Руссо—ближе къ оговоркамъ Бэйля, ограничивающимъ права личности, и даже далѣе, нежели онъ самъ, отходятъ отъ широкаго пониманія терпимости, какъ только ставятъ проблему государства и церкви, власти и религіозной свободы личности». По представленію г. Вульфіуса, Вольтеръ и Руссо какъ бы вернулись обратно къ ученію о единствѣ власти, поставивъ лишь, въ отличіе отъ церковныхъ теорій, средневѣковья, «государство выше церкви» (стр. 18). Къ сожалѣнію, г. Вульфіусъ пропустилъ въ своемъ краткомъ обзорѣ предшественниковъ французскихъ писателей XVIII в. имя Гоббза, какъ извѣстно, ставшаго въ занимающемъ насъ вопросѣ на точку зрѣнія, діаметрально противоположную точкѣ зрѣнія Локка. Послѣдній отстаивалъ независимость религіи отъ политики, тогда какъ Гоббзъ является принципіальнымъ защитникомъ подчиненія религіи политикѣ. Въ раціоналистической философіи XVII в. Гоббзъ и Локкъ являются продолжателями двухъ противоположныхъ теченій религіозной реформаціи XVI в. Если бы нашъ изслѣдователь исторіи идеи вѣротерпимости и религіозной свободы взялъ за исходный пунктъ реформаціонную противоположность религіознаго индивидуализма и государственной религіи, онъ, говоря о Локкѣ, какъ философскомъ апологетѣ первой, непремѣнно вспомнилъ бы Гоббза, какъ принципіальнаго сторонника государственнаго установленія вѣрованій гражданъ. Г. Вульфіусъ думаетъ еще, что Вольтеръ, Монтескьё и Руссо разсматривали въ общей связи вопросы о вѣротерпимости и о взаимоотношеніи церкви и государства потому, что ихъ связала между собою

французская дѣйствительность XVIII в., но на самомъ дѣлѣ обѣ проблемы были связаны между собою по существу.

Повторяю свое сожалѣніе о томъ, что авторъ „Очерковъ" не остановился подробнѣе на Тюрго, котораго онъ не только противополагаетъ Вольтеру и Руссо, но даже отдѣляетъ отъ Монтескье, видя въ министрѣ-реформаторѣ писателя, который наименѣе находился въ подчиненіи у традиціи государственной религіи. Бросая общій взглядъ на то, какъ французская революція, внесшая принципъ религіозной свободы въ „Декларацію правъ человѣка и гражданина", вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ принципомъ господства государства надъ церковью, дала клиру «гражданское устройство», а потомъ предписывала всѣмъ гражданамъ общую гражданскую религію, А. Г. Вульфіусъ называетъ «главныхъ дѣятелей эпохи революціи въ гораздо большей степени учениками Вольтера, чѣмъ Монтескье или Тюрго», но въ данномъ случаѣ онъ выдвигаетъ на первый планъ не столько подчиненіе Вольтеромъ церкви государству, мало чѣмъ отличающееся отъ гражданской религіи Руссо, сколько ненависть и презрѣніе Вольтера къ историческимъ вѣроисповѣданіямъ. И въ этомъ замѣчаніи также проявляется бо́льшій интересъ автора къ религіозной, а не политической сторонѣ темы. Но въ такомъ случаѣ почему г. Вульфіусу было не назвать свою, еще разъ скажу, все-таки добросовѣстную, интересную и полезную книгу „Религіозными взглядами Вольтера, Монтескьё и Руссо"?

Н. Карѣевъ.

Изъ Англіи.

I.

Любимое чтеніе англичанъ — автобіографіи. Записки бывшей кронпринцессы саксонской расхватали здѣсь въ одинъ день. И это не только потому, что читатель предвкушалъ крупный скандалъ. Есть извѣстные люди, труды которыхъ большая публика по наслышкѣ очень почитаетъ, но никогда не читаетъ, такъ какъ знаетъ что они «dry-as-dust» (сухи, какъ пыль). Но стоитъ престарѣлому ученому написать автобіографію, какъ онъ станетъ читаемымъ. *Соціальная статика* Герберта Спенсера съ трудомъ разошлась въ двадцать пять лѣтъ, хотя изданіе состояло изъ пятисотъ экземпляровъ, тогда какъ громадная автобіографія нашла многочисленныхъ читателей. Извѣстный англійскій позитивистъ Фре-

дерикъ Гаррисонъ не принадлежитъ къ числу писателей, которыхъ читаетъ большая публика. Между тѣмъ Autobiographic Memoirs, выпущенныя имъ въ прошломъ мѣсяцѣ, уже требуютъ второго изданія. Я не сказалъ бы, что эта автобіографія представляетъ собою болѣе занимательное чтеніе, чѣмъ Order and Progress, Social Statics, Comte's Positive Polity и другіе труды Гаррисона.

Чѣмъ объяснить подобное явленіе? Тутъ не можетъ быть рѣчи о томъ, что публика желаетъ вполнѣ знать великаго человѣка, такъ какъ зачастую не читаетъ его. Пушкинъ говоритъ, что публика съ жаднымъ любопытствомъ роется въ автобіографіяхъ, запискахъ и частныхъ письмахъ великаго человѣка, потому что желаетъ убѣдиться, что онъ, «подлъ и низокъ, какъ она». «Врете, подлецы,—прибавляетъ Пушкинъ,—онъ низокъ, но по другому». Слабости человѣческаго характера, изображенныя великимъ мастеромъ слова, не отталкиваютъ уже. Гете правъ, когда говоритъ:

„Was im Leben uns verdriesst
Man im Bilde gern geniesst"

(Мы охотно наслаждаемся въ художественномъ изображеніи тѣмъ, что насъ раздражаетъ въ жизни).

«Автобіографія безполезна, если она не эготична въ точномъ смыслѣ слова,—говоритъ Фредерикъ Гаррисонъ въ своихъ запискахъ.—Въ ней долженъ быть отчетъ о всемъ томъ, что авторъ самъ видѣлъ, чувствовалъ и передумалъ. И если писатель такъ застѣнчивъ, что стѣсняется говорить правду; если онъ скрываетъ отъ публики хотя бы мелкій, но характерный фактъ, авторъ обманываетъ себя и читателя. Когда человѣкъ такъ смѣлъ, что рѣшается подняться и давать свидѣтельскія показанія о собственной жизни, онъ долженъ говорить правду, всю правду и ничего, кромѣ правды».

Какія гордыя и хорошія слова! Мы знаемъ безчисленное множество автобіографій, но много ли среди нихъ такихъ, въ которыхъ авторы исполняютъ требованіе Фредерика Гаррисона, т. е. говорятъ «правду, всю правду и ничего, кромѣ правды?» Историкъ литературы назоветъ не мало мемуаровъ, авторы которыхъ послѣ торжественнаго обѣщанія говорить правду, рисуются или оправдываются передъ потомствомъ. «Передъ вами картина жизни безпокойной и бурной, или точнѣе говоря, печальной и обремененной затаенными отъ міра тревогами сердца, которыхъ не могли побѣдить ни гордость, ни мужество. Въ этомъ отношеніи я могу назвать себя мученикомъ принужденія; я говорю мученикомъ, потому что скрывать свои чувства и казаться въ ложномъ свѣтѣ—всегда было противно и невыносимо тяжело для моей природы... Итакъ, примите исторію моей жизни, грустную исторію, изъ которой легко было бы составить увлекательный романъ. Я писала ее безъ при-

готовленія, такъ, какъ я говорю, и съ полной откровенностью, устоявшей противъ всѣхъ горькихъ уроковъ опыта. Правда, я прошла молчаніемъ или только слегка коснулась тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя были слѣдствіемъ неблагодарности людей, обманувшихъ мою безграничную довѣренность къ нимъ. Это единственные факты, обойденные мною; одно воспоминаніе о нихъ еще доселѣ приводитъ меня въ трепетъ». Авторъ желаетъ говорить правду, всю правду и ничего, кромѣ правды, чтобы опровергнуть обвиненія «французскихъ памфлетистовъ» *). И, несмотря на торжественное обѣщаніе «говорить съ полной откровенностью», въ Запискахъ княгини Дашковой мы имѣемъ скорѣе «увлекательный романъ». Я достаю одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ алмазовъ русской литературы, въ которой такъ много самоцвѣтныхъ камней. Я беру книгу, написанную великимъ человѣкомъ въ часы необыкновеннаго душевнаго подъема. Въ міровой литературѣ не много произведеній, искренность и поэзію которыхъ можно сравнить съ Былымъ и Думами А. И. Герцена. «Я жилъ въ одномъ изъ лондонскихъ захолустій, близъ Примрозъ Гиля, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей. Въ Лондонѣ не было ни одного близкаго мнѣ человѣка... А между тѣмъ, я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, не знаетъ ее и что съ моей смертью умретъ истина. Я рѣшился писать; но одно воспоминаніе вызвало сотни другихъ; все старое, полузабытое воскресло: отроческія мечты, юношескія надежды, удаль молодости, тюрьма и ссылка,—эти раннія несчастія, не оставившія никакой горечи на душѣ, пронесшіяся, какъ вешнія грозы, освѣжая и укрѣпляя своими ударами молодую жизнь. Этотъ разъ я писалъ не для того, чтобы выиграть время—торопиться было некуда» **). Герценъ писалъ кровью своего сердца и, тѣмъ не менѣе, Dichtung примѣшивается къ Wahrheit. Даже тогда, когда иной авторъ говоритъ о себѣ въ Запискахъ такія вещи, которыя обыкновенный человѣкъ глубоко прячетъ на днѣ души и краснѣетъ, вспоминая про нихъ, мы еще далеко не убѣждены, что передъ нами «истина, вся истина и ничего, кромѣ истины». Историкъ литературы знаетъ, что великіе люди приписывали себѣ не только благородные, но и гадкіе поступки, которыхъ никогда не дѣлали. Мы тутъ имѣемъ дѣло съ трудной психологической загадкой, къ которой попробую подойти дальше. Классическимъ примѣромъ является Исповѣдь Руссо. Какое торжественное вступленіе! «Я берусь за предпріятіе, которому не было примѣра и которое не найдетъ подражателей. Я

*) «Записки княгини Е. Р. Дашковой. Лондонъ. 1859 года, стр. 1—2.
**) Сочиненія А. И. Герцена. Geneve, 1878, томъ VI, стр. 3—4.

хочу показать себѣ подобнымъ—человѣка во всей истинѣ его природы. И этотъ человѣкъ—буду я. Я самъ. Я чувствую мое сердце и знаю людей. Я не похожъ на всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ. Я смѣю думать, что подобныхъ мнѣ нѣтъ. Если я не стою больше другихъ людей, то во всякомъ случаѣ не похожъ на нихъ. Сдѣлала ли природа хорошо или дурно, сломавъ форму, въ которую отлила меня, видно будетъ, когда вы прочтете мою книгу... Я показалъ себя въ ней такимъ, какимъ есть: подлымъ, низкимъ, когда поступалъ такъ; но порою добрымъ, великодушнымъ и величественнымъ (sublime)» *). Всѣмъ извѣстно, что Руссо съ поразительной откровенностью разсказываетъ про низкіе и презрѣнные поступки, сдѣланные имъ. Между тѣмъ, мы доподлинно знаемъ теперь, что Руссо приписалъ себѣ не только поступки «génereux» и «sublimes», но «méprisables et vils». «Исповѣдь написана имъ подъ вліяніемъ галлюцинаціи, или при такихъ условіяхъ, которыя заставляютъ насъ сильно сомнѣваться въ показаніяхъ Руссо противъ самого себя,—говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ французской литературы Джорджъ Сэйнтсбери.—Придержи Руссо языкъ, литературная слава автора Исповѣди стояла бы теперь ниже, но, несомнѣнно, его репутація, какъ человѣка, стояла бы выше. Лучшей автобіографіей въ англійской литературѣ считается та, которая написана Эдуардомъ Гиббономъ, авторомъ Исторіи упадка и паденія Римской Имперіи. «Гиббонъ написалъ великолѣпную исторію и замѣчательную автобіографію. Эти безсмертныя произведенія дополняютъ другъ друга. Исторія комментируется автобіографіей, а въ автобіографіи есть ссылки на Исторію» **). Въ автобіографіи Гиббонъ говоритъ, что, желая быть возможно болѣе искреннимъ, онъ не обрабатываетъ даже стиля и даетъ прямо черновую рукопись. Между тѣмъ Августинъ Биррель (извѣстный государственный дѣятель въ кабинетѣ Аскита) выясняетъ, что въ то время, какъ Гиббонъ посылалъ въ типографію прямо черновую рукопись Исторіи,—свою автобіографію онъ передѣлывалъ и переписалъ шесть разъ. «Fat and famous» (т. е. жирный и знаменитый), по выраженію Билреля, Гиббонъ въ дѣйствительности мало похожъ на того, изображеніе котораго видимъ въ автобіографіи. Къ числу поразительно рѣдкихъ мемуаровъ, авторы которыхъ, дѣйствительно, говорятъ про себя «истину, всю истину и только истину», относится столь популярный въ Англіи «Дневникъ» Пеписа. Авторъ—крупный англійскій чиновникъ, скончавшійся въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Въ продолженіи девяти лѣтъ (отъ 1660—1669) Пеписъ велъ дневникъ, записывая туда каждое свое дѣйствіе. Авторъ принялъ всѣ мѣры, чтобы рукопись была недоступна: онъ не только зашифровалъ ее,

*) J. J. Rousseau. „Les Confessions“ Livre premier.
**) Augustine Birrell, Selected Essays, p. 66.

но, кромѣ того, наиболѣе предосудительныя мѣста писалъ по французски, испански или по латыни. Рукопись была такъ законспирирована, что только въ 1825 году удалось расшифровать ее. Авторъ писалъ только для себя. И «Дневникъ» Пеписа представляетъ рѣдкое исключеніе въ томъ смыслѣ, что авторъ не глядится въ зеркало, прежде чѣмъ выйти на сцену къ публикѣ. Передъ нами дѣйствительно человѣческій документъ. Авторъ добродушно повѣствуетъ, какъ бралъ взятки, какъ подбилъ глазъ женѣ, какъ зашелъ въ церковь помолиться и обнялъ сосѣдку, которая пригрозила всадить въ него булавку. Передъ нами серьезный, важный, богомольный, уважаемый всѣми чиновникъ, потихоньку грѣшащій съ веселыми дѣвицами и добросовѣстно отмѣчающій все это въ дневникѣ. Что можетъ быть откровеннѣе такого факта, напримѣръ: Пеписъ разсказываетъ, что кліентъ прислалъ ему въ подарокъ лежалую дичь, совершенно не годную для ѣды. Что дѣлать? Выбросить только. И вотъ, авторъ вспоминаетъ, что сегодня—день рожденія «дорогой и любимой матери», которой и посылаетъ въ презентъ негодную дичь. По своей поразительной откровенности, дневникъ Пеписа является драгоцѣннымъ пособіемъ для знакомства съ эпохой реставраціи.

Мы видѣли, что, несмотря на торжественныя обѣщанія говорить «правду, всю правду и только правду»,—автобіографіи часто уклоняются отъ нея. Кто знаетъ, быть можетъ, мы не имѣемъ тутъ дѣла съ сознательнымъ обманомъ: мы видѣли, что Dichtung замѣчается въ автобіографіяхъ поразительно искреннихъ людей. Быть можетъ, мы стоимъ передъ сложной психологической загадкой, для разъясненія которой намъ надо обратиться къ спеціалистамъ.

Передо мною крайне интересное изслѣдованіе «The Dissociation of a Personality», написанное американскимъ психіатромъ Мортономъ Принсемъ. Авторъ изслѣдованія—ординаторъ городской больницы для душевно-больныхъ въ Бостонѣ и профессоръ по нервнымъ болѣзнямъ въ Tufts College Medical School. Изслѣдованіе вышло еще въ 1906 году, но, кажется, русской публикѣ неизвѣстно. Какъ видно по заглавію, авторъ говоритъ о психологической загадкѣ, извѣстной подъ названіемъ раздвоенія личности. Мортонъ Принсъ приводитъ свои многолѣтнія наблюденія надъ больной, нѣкоей миссъ Бьючэмпъ, въ «которой намѣчалось нѣсколько личностей». «Она можетъ измѣнять время отъ времени свои личности»,—говоритъ авторъ изслѣдованія.—Вмѣстѣ съ этимъ мѣняется совершенно характеръ миссъ Бьючэмпъ. Мѣняется также и память. Такія превращенія могутъ быть раздѣлены промежуткомъ всего лишь въ нѣсколько часовъ». Мортонъ Принсъ наблюдаетъ въ своей больной три разныя индивидуальности. «Каждая изъ нихъ обладаетъ различнымъ способомъ мышленія, разными взглядами, убѣжденіями, идеалами, темпераментами, вкусами, привычками.

Каждая индивидуальность имѣетъ свои собственныя воспоминанія и отличается отъ дѣйствительной миссъ Бьючэмпъ (original miss Beauchamp,—какъ выражается авторъ изслѣдованія). Каждая изъ этихъ индивидуальностей не имѣетъ представленія о другой, кромѣ свѣдѣній, полученныхъ отъ постороннихъ. Такимъ образомъ, въ памяти каждой индивидуальности есть пробѣлы, соотвѣтствующіе появленію другой личности. Когда послѣднее случается, она не имѣетъ представленія о томъ, что за минуту до того дѣлала предшествующая индивидуальность». Разныя личности, живущія въ миссъ Бьючэмпъ, смѣняются съ калейдоскопическою быстротою. Такимъ образомъ, напр., она развиваетъ планы, къ которымъ еще недавно относилась совершенно отрицательно. Три опредѣленныя индивидуальности, живущія въ миссъ Бьючэмпъ, которыя авторъ изслѣдованія наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, «участвуютъ въ большой и безпрерывной комедіи ошибокъ», то впадающей въ фарсъ, то граничащей съ трагедіей.

Онѣ постепенно убѣгаютъ со сцены, приводя наблюдателя въ смущеніе. «Настоящая» миссъ Бьючэмпъ—крайне застѣнчивая, въ высшей степени щепетильная, скромная и очень правдивая дѣвушка. Когда Мортонъ Принсъ сталъ наблюдать ее, она была студенткой. Авторъ описываетъ ее, какъ неврастеничку въ высшей степени. Три индивидуальности, живущія въ миссъ Бьючэмпъ, психіатръ отмѣчаетъ терминами: «святая», «женщина» и «дьяволъ».

«Первая индивидуальность,—говоритъ Мортонъ Принсъ,—представляетъ собою типичную святую, какъ она изображается въ литературѣ. Въ ея характерѣ мы наблюдаемъ рѣзко выраженныя черты, прославляемыя всѣми религіями: христіанствомъ, буддизмомъ, шинтоизмомъ или ученіемъ Конфуція. «Святая» (или Бьючэмпъ I) считаетъ эгоизмъ, раздражительность, грубость, жестокость и малѣйшее уклоненіе отъ истины смертнымъ грѣхомъ. Самыя слабыя проявленія этихъ пороковъ у себя «Бьючэмпъ I» старается искупить постомъ, молитвой и бичеваніемъ. Бьючэмпъ II, или «женщина» является олицетвореніемъ непостоянства, легкомысленности, эгоизма, честолюбія и кокетства. Она хочетъ жить такъ, чтобы было пріятно, не считаясь съ интересами другихъ. Бьючэмпъ III, или «дьяволъ»—проказливый, злой, лживый бѣсенокъ, величайшее удовольствіе котораго—мучить людей». Поразительно, что разныя индивидуальности, живущія въ миссъ Бьючэмпъ, надѣлены разнымъ здоровьемъ. Бьючэмпъ I (святая)—крайне хрупка. Каждое усиліе утомляетъ ее. Бьючэмпъ II (женщина)—гораздо крѣпче здоровьемъ и можетъ легко заниматься физическимъ или умственнымъ трудомъ. Что же касается «Дьявола» (Бьючэмпъ III), то она не знаетъ ни усталости, ни болѣзней» *).

---

*) Morton Prince. «The Dissociation of a Personality». New-Jork. 1906. P. p. 2—17.

Мнѣ кажется, что въ такъ называемомъ нормальномъ человѣкѣ подобный симбіозъ разныхъ индивидуальностей встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ можно думать, и только имъ можно объяснить тѣ странности въ характерѣ окружающихъ, которыя то удивляютъ, то раздражаютъ, то возмущаютъ насъ.

Въ Ивановѣ, котораго мы всѣ знаемъ, какъ скромнаго, корректнаго, трудолюбиваго и добраго человѣка, можетъ жить одновременно Ивановъ II—развратникъ, Ивановъ III—злой завистникъ и т. д. Конечно, эти индивидуальности не всегда такъ рѣзко и опредѣленно выражены, какъ у миссъ Бьючэмпъ. Точно такъ же, какъ она не имѣла представленія о «Святой», «Женщинѣ» и «Дьяволѣ», жившихъ въ ней,—нормальный человѣкъ иногда всю жизнь не подозрѣваетъ, что въ подпольяхъ его души скрывается современникъ мамонта или павіанъ. Раціоналистъ, окончательно покончившій, какъ ему кажется, съ мистицизмомъ, въ иныя мгновенія, подъ впечатлѣніемъ извнѣ, можетъ почувствовать, что внезапно перерождается (на нѣсколько секундъ) въ глубоко вѣрующаго, который готовъ упасть на колѣни и молиться Тому, въ котораго не вѣритъ. Противорѣчій въ человѣческомъ характерѣ нѣтъ, а есть только типичныя черты разныхъ характеровъ, разныхъ индивидуальностей, живущихъ въ насъ. Въ такъ называемомъ нормальномъ человѣкѣ одна какая-нибудь индивидуальность доминируетъ надъ всѣми остальными. Въ неуравновѣшенномъ субъектѣ всѣ индивидуальности живутъ въ состояніи анархіи. Воспитаніе характера заключается въ томъ, что мы выбираемъ одну индивидуальность, черты которой намъ кажутся наиболѣе хорошими съ точки зрѣнія установившейся морали, и даемъ этой индивидуальности возможность загнать всѣ остальныя въ подполье. Иногда воспитатель (имъ можетъ быть общество) доставляетъ побѣду дѣйствительно достойному. Иногда онъ загоняетъ въ подполье души индивидуальности, заслуживающія лучшей участи. Но будутъ ли загнаны въ «подполье» достойные или недостойные, они въ любой моментъ могутъ выползти оттуда. Мы не знаемъ всѣхъ индивидуальностей, живущихъ въ насъ. Тѣмъ менѣе мы знаемъ индивидуальности, живущія въ другихъ. И если этотъ другой—крупный человѣкъ, пишущій автобіографію,—мы не знаемъ, какая изъ его индивидуальностей отразится въ ней. Быть можетъ, мы увидимъ ту индивидуальность, къ которой привыкли всѣ. Быть можетъ, случайно, какъ фавнъ изъ-за кустовъ, выглянетъ на свѣтъ незнакомое намъ лицо. И мы тогда будемъ говорить о «неискренности» автора. Кто знаетъ, быть можетъ, публика набрасывается такъ жадно на автобіографіи крупныхъ людей потому, что инстинктивно желаетъ узнать, сколько именно индивидуальностей жило въ немъ.

II.

Передо мною теперь автобіографія извѣстнаго англійскаго экономиста, соціалъ-демократа Хайндмэна *). Когда о немъ заходитъ рѣчь, то отзывы могутъ быть различны, но всѣ они очень опредѣленны. И друзья, и враги представляютъ себѣ Хайндмэна очень ясно и просто: «Наиболѣе талантливый и правовѣрный истолкователь Маркса въ Англіи»,—скажутъ друзья.—«Вождь, разогнавшій всѣхъ своихъ послѣдователей и оставшійся совершенно одинъ»,—скажутъ фабіанцы. Хайндмэнъ, какъ изображаетъ онъ самъ себя въ автобіографіи, дѣйствительно, не очень сложная натура; но и въ немъ мы замѣчаемъ любопытный симбіозъ нѣсколькихъ индивидуальностей. Передъ нами, во-первыхъ, правовѣрный соціалъ-демократъ, глубоко убѣжденный, что послѣ Маркса въ области политики нечего больше открывать, кромѣ развѣ методовъ. Какъ экономистъ, Хайндмэнъ абсолютно индифферентенъ къ революціямъ, произведеннымъ Вагнеромъ или Ничше. Передъ нимъ все такъ просто и ясно. Какъ соціалъ-демократъ, онъ отъ всей души ненавидитъ капиталистическій строй, но въ то же время мы въ запискахъ Хайндмэна находимъ такое мѣсто: «Соціалистическая пропаганда и финансовыя неудачи сильно уменьшили мое состояніе (Хайндмэнъ—богатый человѣкъ и былъ еще богаче раньше), поэтому я рѣшилъ стать профессіональнымъ журналистомъ. До того я писалъ только случайно и получалъ хорошій гонораръ. Я былъ на столько счастливъ, что получилъ крайне выгодное предложеніе—занять мѣсто передовика въ очень распространенной газетѣ. Я пошелъ къ Мередиту, чтобы посовѣтоваться, принять ли предложеніе и связать себя такимъ образомъ до извѣстной степени, или же воспользоваться тѣми финансовыми свѣдѣніями, которыя я имѣю, и постараться извлечь изъ нихъ выгоду. Мередитъ настоятельно посовѣтовалъ второе: «Если вы начнете писать ради денегъ,—сказалъ онъ мнѣ,—то неминуемо будете втянуты въ водоворотъ ежедневной журнальной работы. Такимъ образомъ, у васъ совсѣмъ не останется времени для агитаціи. Вы не можете вести пропаганду и быть въ то же время постояннымъ газетнымъ работникомъ. Будьте независимы, все равно, какимъ способомъ». Я послѣдовалъ совѣту Мередита. У меня нѣтъ основанія сожалѣть по поводу принятаго рѣшенія, принимая во вниманіе успѣхъ того дѣла, которому я посвятилъ себя» **). Проще говоря, Хайндмэнъ сталъ биржевикомъ и, играя на повышеніе и пониженіе, сильно поправилъ свое состояніе. Что касается успѣха того дѣла, которому

*) „The Record of an Adventurous Life“. By Henry M. Hyndman. London. 1911.

**) „The Record“, etc., p. 88.

посвятилъ себя Хайндмэнъ, то онъ выразился въ слѣдующемъ: Хайндмэнъ остался вождемъ безъ послѣдователей. Послѣ тридцатилѣтней пропаганды соціалъ-демократическая партія имѣетъ въ Англіи десять тысячъ послѣдователей, считая женъ и дѣтей, одну очень распространенную, скучную, не талантливую еженедѣльную газету «Justice» и насчитываетъ рядъ пораженій на выборахъ. Хайндмэнъ — соціалъ-демократъ, рабъ доктрины, не считающійся совершенно съ жизнью.

«Grau, theuer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum».

Вторая индивидуальность Хайндмэна, отражающаяся въ запискахъ, это—борецъ, выступающій на всѣхъ митингахъ, созванныхъ съ цѣлью протеста. Я вижу передъ собою Трафальгарскую площадь въ кислый, хворый октябрскій день. На цоколѣ Нельсоновской колонны стоятъ мужчины и женщины, собравшіеся протестовать противъ войны, которая только что объявлена въ Южной Африкѣ. Но подавляющее большинство толпы на площади настроено крайне враждебно противъ манифестантовъ. Оно свищетъ, улюлюкаетъ, кричитъ «бу-у-у», поетъ «Rule Britannia» и въ интервалахъ предлагаетъ выкупать въ бассейнѣ всѣхъ ораторовъ. Одинъ за другимъ они пробуютъ говорить, но потомъ безнадежно машутъ руками. И вотъ выступаетъ широкоплечій, бородатый, необыкновенно подвижной, отлично одѣтый джентльмэнъ. Ему кричатъ: «Круджеръ»! (т. е. Крюгеръ), «Подстригите баки!», «Довольно!» Но джентльмэнъ сердито трясетъ длинною рыжей бородой и пробуетъ говорить. Раздается свистъ. Тысячи глотокъ выводятъ «бу-у-у»! Джентльмэнъ взбѣшенъ, что видно по трясущейся бородѣ, но упорно пробуетъ говорить. Какіе то хулиганы швыряютъ помидоры и яйца, которые ударяются о великолѣпный лоснящійся цилиндръ. «Выкупайте Круджера!»—пронзительно пищитъ пьяная баба. Толпа напираетъ на цѣпь безстрастныхъ бобби, окружившихъ колонну, чтобы схватить оратора. Но, повидимому, угрозы дѣйствуютъ на него, какъ тоническое средство. Онъ быстро шагаетъ взадъ и впередъ по цоколю, трясетъ длинною бородой и характернымъ жестомъ безпрерывно вытягиваетъ руки, какъ будто рукава великолѣпно сшитаго чернаго сюртука коротки и изъ нихъ вылѣзаютъ слишкомъ далеко манжеты. Джентльмэнъ упорно пытается говорить. Что именно онъ говоритъ,—не слышно, но на лицѣ такое выраженіе: «Только послушайте меня и вы сразу все поймете»! Длиннобородый джентльмэнъ, порывающійся говорить, не смотря на угрозы,—Хайндмэнъ. Я вспоминаю знаменитый «про-бурскій» митингъ 1899 года.

Затѣмъ передъ нами новая индивидуальность Хайндмэна: милитаристъ и консерваторъ. «Я упорный и непримиримый врагъ капитализма и имперіализма и, тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что

нація, отказывающаяся приносить жертвы, необходимыя для поддержанія ея вліянія за границей и трактатовъ, заключенныхъ ею, недостойна и неспособна завоевать для себя экономическую и соціальную свободу. Это въ особенности относится къ моимъ землякамъ» *). Соціалистъ и революціонеръ, какъ называетъ себя постоянно Хайндмэнъ, является горячимъ защитникомъ смертной казни даже для душевно-больныхъ. «Я никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые стоятъ за абсолютное уничтоженіе смертной казни,—говоритъ Хайндмэнъ.—Если мужчина или женщина совершаютъ преднамѣренное убійство, то я не знаю причинъ, почему другіе люди, не имѣющіе на своей совѣсти подобныхъ преступленій, должны въ теченіе многихъ лѣтъ кормить убійцъ, заботиться о нихъ и сторожить ихъ. Я не знаю, почему общество, какъ цѣлое, должно жить въ вѣчномъ страхѣ, что убійца убѣжитъ изъ тюрьмы и совершитъ еще рядъ страшныхъ преступленій. Въ такихъ случаяхъ лучше помнить, что мертвый никому больше не можетъ вредить. Намъ говорятъ: «Обождите, осужденный убійца, все равно, умретъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ». Но зачѣмъ же ждать? Я иду дальше,—продолжаетъ Хайндмэнъ,—и протестую противъ дарованія жизни убійцамъ душевно-больнымъ **). Почему здоровые должны заботиться о тѣхъ, которые доказали уже, что представляютъ опасность для общества? Комфортабельную отправку за предѣлы вѣчности, конечно, нельзя назвать смертной казнью. Это только «прекрасный методъ получить легкую смерть», какъ сказалъ Бэконъ. Такая быстрая смерть лучше, быть можетъ, мучительной кончины, которая все равно наступитъ черезъ нѣсколько лѣтъ» ***). Хайндмэнъ долженъ былъ бы пойти еще дальше и написать такой же панегирикъ палачу, какъ это сдѣлалъ послѣдовательный Жозефъ де Местръ. «Разумное существо съ другой планеты» является на землю, и ему объясняютъ обязанности солдата и «исполнителя смертныхъ приговоровъ» (ministre de mort): «Изъ этихъ двухъ убійцъ по профессіи одинъ пользуется большимъ почетомъ. И такъ было съ незапамятныхъ временъ на томъ земномъ шарѣ, куда вы прибыли теперь. Другой, напротивъ, всюду и съ давнихъ поръ глубоко презирается и шельмуется всѣми. Угадайте, пожалуйста, кто именно изъ двухъ предается проклятію?— «Разумѣется, странствующій обитатель другой планеты не будетъ колебаться ни одной минуты,—продолжаетъ Жозефъ де Местръ. Онъ произнесетъ похвальное слово палачу и искренно примѣнитъ къ нему терминъ gentilhomme, примѣненный Вольтеромъ иронически.

— «Палачъ возвышенное существо!—воскликнулъ бы обитатель другой планеты. Это краеугольный каменъ общества. Такъ какъ

---

*) Ib. Preface.

**) Въ Англіи ихъ запираютъ пожизненно въ спеціальныя убѣжища.

***) «The Record», etc. P. p. 53—54.

преступленіе живетъ на землѣ и не можетъ быть остановлено иначе, какъ лишь наказаніемъ, то весь общественный порядокъ обрушится, если только палача не станетъ. Какое величіе души, какое благородное безкорыстіе необходимо человѣку, берущемуся за такія, конечно, почетныя, тяжелыя и противныя вашей природѣ обязанности! Я замѣтилъ уже во время моего пребыванія на землѣ, что, при нормальныхъ условіяхъ, вамъ тяжело даже зарѣзать курицу. Я убѣжденъ поэтому, что общественное мнѣніе окружаетъ палача всевозможнымъ почетомъ, столь заслуженнымъ тяжелой дѣятельностью. Что касается солдата, то это, во всякомъ случаѣ, исполнитель жестокихъ и несправедливыхъ приказаній. Въ самомъ дѣлѣ: много ли войнъ справедливыхъ до очевидности? Сколько, напротивъ, явно несправедливыхъ войнъ? Я убѣжденъ поэтому, что общественное мнѣніе у васъ окружило дѣятельность солдата такимъ же позоромъ, какимъ почетомъ и славой увѣнчало трудъ безстрастнаго исполнителя смертныхъ приговоровъ, наложенныхъ судомъ» *).

Жозефъ де Местръ былъ крайній консерваторъ, а Хайндмэнъ— соціалъ-демократъ, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ они сходятся.

Затѣмъ мы видимъ въ «Запискахъ» Хайндмэна еще одну индивидуальность: типичнаго англичанина выше-средняго класса, черезъ пятьдесятъ лѣтъ вспоминающаго изъ университетской жизни только занятіе спортомъ. Семидесятилѣтній соціалистъ съ гордостью вспоминаетъ, что былъ однимъ изъ одиннадцати въ «матчѣ» Кэмбриджа противъ Оксфорда. «Я припоминаю, какъ отецъ, воспитывавшійся въ Итонѣ, сказалъ мнѣ какъ то, что «капитанъ» на рѣчныхъ гонкахъ итонскихъ школьниковъ, по важности, занимаетъ второе мѣсто послѣ короля. Въ университетѣ предсѣдатель рѣчного клуба (студентъ) и «капитанъ одиннадцати» (т. е. партіи въ 11 играющихъ въ футболъ или въ крикетъ) пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ студентъ, прошедшій первымъ на экзаменахъ (senior wrangler). Быть можетъ, это нелѣпо; но такъ было раньше, и такъ обстоитъ дѣло теперь» **). Хайндмэнъ, повидимому, доволенъ тѣмъ, что и теперь взглядъ студентовъ на «капитановъ» не измѣнился. Онъ любитъ не только спортъ, но и приключенія. Въ свое время Хайндмэнъ участвовалъ въ Гарибальдійскомъ походѣ, объѣхалъ свѣтъ, плавалъ по далекимъ морямъ и странствовалъ по «Дикому Западу» Сѣверной Америки. Хайндмэнъ видѣлъ много интересныхъ людей: Гарибальди, Мадзини, Кавура, Мередита, Биконсфильда, Вильяма Морриса, П. А. Кропоткина, Карла Маркса, Энгельса. Со многими изъ нихъ онъ былъ друженъ и о каждомъ можетъ разсказать что нибудь интересное, когда его не поражаетъ особая болѣзнь—партійная слѣпота. Послѣднюю у Хайндмэна способенъ вызывать, главнымъ образомъ, нынѣшній министръ земствъ

*) Joseph de Maitsre, «Les soirées de Saint Pétersbourg». Entretien VIII.
**) The Record, etc. P. 20.

и муниципалитетовъ Джонъ Бернсъ. «Въ 1884 г.—разсказываетъ Хайндмэнъ,—мы вели пропаганду соціализма въ Гайдъ-паркѣ и на перекресткахъ. Въ этой работѣ намъ помогалъ Джонъ Бернсъ. Хотя въ то время онъ былъ невѣжественъ и малограмотенъ, какъ самый темный чернорабочій, онъ скоро проявилъ способности уличнаго оратора. Несмотря на страшную склонность къ самовосхваленію, онъ былъ намъ тогда полезенъ. Я, Чэмпіонъ и дѣвицы Рочъ принялись развивать его. Онъ оказался способнымъ, но очень поверхностнымъ ученикомъ, которому колоссальное самомнѣніе мѣшало основательно изучить что-нибудь. Надо ли прибавлять, что, знай мы, какъ Бернсъ воспользуется своимъ развитіемъ, мы бы его оставили такимъ же невѣждой, какимъ онъ явился къ намъ. Я долженъ прибавить, что Джонъ Бернсъ былъ намъ абсолютно безполезенъ, покуда состоялъ въ соціалъ-демократической федераціи. Рѣшительно не припомню, чтобы онъ когда-нибудь подалъ совѣтъ, имѣющій какой-нибудь смыслъ. Ошибочно также думать, что Бернсъ страшенъ, какъ оппонентъ въ дебатахъ. Мы въ этомъ убѣдились много разъ, прежде чѣмъ либералы взяли его въ кабинетъ» *). Дальше, конечно, ненависть къ противнику врядъ ли можетъ идти (въ Англіи). Сварливость и желаніе наговорить противнику возможно больше непріятныхъ вещей увлекли Хайндмэна слишкомъ далеко. Если такъ легко побить Бернса, какъ разсказываетъ авторъ «Записокъ», то почему соціалъ-демократы, вмѣстѣ съ консерваторами, не сдѣлали этого на послѣднихъ выборахъ? Тогда соціалъ-демократы напрягли всѣ усилія; съ своей стороны консерваторы выставили сильнаго кандидата и не жалѣли денегъ, чтобы «вышвырнуть Джэка Бернса изъ Баттерси». И въ результатѣ Бернсъ получилъ на 500 голосовъ больше, чѣмъ на прошлыхъ выборахъ. Малограмотнаго, бездарнаго человѣка, конечно, не дѣлаютъ англійскимъ министромъ и членомъ кабинета. У либераловъ во всякомъ случаѣ былъ выборъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Бернсъ умѣетъ подать совѣтъ, когда дѣло касается судебъ Британской имперіи, хотя, по словамъ Хайндмэна, онъ не зналъ, что сказать въ совѣтѣ соціалъ-демократовъ, представлявшемъ тогда партію человѣкъ въ тысячу, включая женъ и дѣтей. Законопроектъ о жилищахъ для рабочихъ и объ оздоровленіи городовъ, внесенный Бернсомъ, былъ встрѣченъ по заслугамъ всеобщими похвалами. Бернсъ съ большимъ талантомъ защищалъ свой билль въ парламентѣ. И если, дѣйствительно, Джонъ Бернсъ былъ такъ невѣжественъ и малограмотенъ въ 1884 году, что его развивали какія то дѣвицы Рочъ, какъ разсказываетъ Хайндмэнъ, то тѣмъ болѣе удивительно, что онъ самъ потомъ развился и въ 1906 году съ честью занялъ постъ въ кабинетѣ.

*) The Record, p. 370.

Несмотря на то, что въ «Запискахъ» отражаются нѣсколько индивидуальностей (Хайдмэнъ соціалистъ, Хайдмэнъ консерваторъ, Хайдмэнъ—англичанинъ выше средняго класса, и т. д.); несмотря на то, что партійная слѣпота вызываетъ иногда у автора совершенно несообразные приговоры, мемуары все-таки очень интересны.

III.

Книга называется «Отчетомъ о жизни, полной приключеній». Критика, встрѣтившая очень сочувственно «Записки», придралась тѣмъ не менѣе къ заглавію. «Гдѣ же приключенія?»—допытывается критикъ «Times'а» такъ же настойчиво, какъ чеховскій Эпаминондъ Максимовичъ Апломбовъ, «гдѣ генералъ», который, по уговору, долженъ быть за ужиномъ. Нельзя не сказать, что у англичанъ—своеобразное представленіе о томъ, что такое спокойная жизнь.

Хайндмэнъ по рожденію и воспитанію принадлежитъ къ выше-среднему классу. «Нашъ родъ происходитъ отъ пирата, явившагося въ Англію съ Вильгельмомъ Завоевателемъ». Отецъ оставилъ Хайндмэну большое состояніе. Авторъ «Записокъ» учился сперва въ аристократической средней школѣ, а потомъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ, гдѣ товарищемъ его былъ принцъ Уэльскій (потомъ Эдуардъ VII), который шутливо увѣрялъ студентовъ, что, когда ему придется вступить на престолъ, королей будутъ уже избирать «по достоинству». Послѣ окончанія университета Хайдмэнъ готовился къ адвокатурѣ; но онъ былъ захваченъ тѣмъ подъемомъ, который переживала тогда вся Европа подъ вліяніемъ событій въ Италіи. Борьба итальянскаго народа за свободу захватила тогда всю Европу, а Англію въ особенности. Объ этомъ можно судить, между прочимъ, по встрѣчѣ, устроенной Лондономъ Гарибальди въ 1862 году. «Трубы. Является идолъ массъ; единственная, великая, народная личность нашего вѣка, выработавшаяся съ 1848 года, является во всѣхъ лучахъ славы,—пишетъ очевидецъ.—Все склоняется передъ ней, все ее празднуетъ, это воочью совершающееся hero worship Карлейля. Пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ, вымпела на корабляхъ... Лондонъ ждетъ пріѣзжаго часовъ семь на ногахъ, оваціи растутъ съ каждымъ днемъ; появленіе человѣка въ *красной рубашкѣ* на улицѣ дѣлаетъ взрывъ восторга, толпы провожаютъ его ночью въ часъ изъ оперы, толпы встрѣчаютъ его утромъ въ семь часовъ передъ Стаффордъ-гаузомъ. Работники и дюки, швеи и лорды, банкиры и high church, феодальная развалина Дерби и осколокъ февральской революціи—республиканецъ 1848 года, старшій сынъ королевы Викторіи и босой swiper, родившійся безъ родителей, ищутъ наперерывъ его руки, взгляда, слова. Шотландія, Ньюкэстль-онъ-Тайнъ, Глазго, Манчестръ трепе-

щутъ отъ ожиданія». «Дюки, маркизы и лорды пошли въ конюхи и оффиціанты къ революціонному вождю, взяли на себя должности мажордомовъ, пажей и скороходовъ при великомъ плебеѣ въ плебейскомъ платьѣ... Англія дворцовъ, Англія сундуковъ, забывъ всякое приличіе, идетъ вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ на срѣтеніе какого-то aventurier, мятежника, который былъ бы повѣшенъ, если бы ему не удалось освободить Сицилію» *). Когда до того прибылъ въ Лондонъ другой герой итальянской войны, но герой печальной славы,—маршалъ Гайнау, приказавшій при усмиреніи Брешіи сѣчь женщинъ, то фургонщики пивовареннаго завода Barkly and Perkins схватили его и сунули въ чанъ, гдѣ маршалъ едва не утонулъ. И весь Лондонъ апплодировалъ фургонщикамъ **).

Борьба за освобожденіе Италіи вдохновила не только массы. Она окрылила тогда англійскую мысль. «Дерзанія» въ области науки того времени, вѣроятно, тоже находятся въ извѣстной связи съ общимъ подъемомъ, вызваннымъ гарибальдійскимъ возстаніемъ. Понятно почему радикалъ, какимъ былъ тогда Хайндмэнъ, воспользовался первымъ случаемъ, чтобы присоединиться хотя бы въ роли газетнаго корреспондента къ отряду Гарибальди. То было въ 1866 году, когда на Австралію, съ одной стороны, двинулась Пруссія, а съ другой—Италія. «Быть можетъ, воюющіе находятъ нѣчто возбуждающее въ битвѣ,—говоритъ Хайндмэнъ,—но наблюдатель со стороны не видитъ ничего, кромѣ ужаса. Видъ поразительнаго мужества, проявленнаго пьемонтской артиллеріей, съ одной стороны, и гарибальдійцами—съ другой, не можетъ изгладить впечатлѣнія, произведеннаго ранеными. Тяжело видѣть, какъ артиллеристу, падающему вдругъ, потому что ему оторвало ногу, помогаетъ, вмѣсто хирурга, другой солдатъ; какъ на вашихъ глазахъ бомба разрываетъ на атомы нѣсколько солдатъ; какъ падаютъ люди кучами. Но неизмѣримо болѣе страшное впечатлѣніе производитъ госпиталь». Хайндмэнъ описываетъ посѣщеніе госпиталя въ Сторо послѣ битвы при Безеккѣ. Съ военной точки зрѣнія, то не былъ даже серьезный бой. Раненыхъ было «всего» 800 человѣкъ. У гарибальдійцевъ была крайняя недостача во врачахъ. Раненымъ дѣлали перевязки военные корреспонденты. «Молодой русскій ученый Ковалевскій, добившійся потомъ большой извѣстности, предложилъ свои услуги,—разсказываетъ Хайндмэнъ ***).

— Я никогда не дѣлалъ перевязокъ,—сказалъ онъ мнѣ,—но, вѣроятно, могу быть полезенъ. Хотите помочь мнѣ?

Ковалевскій и Хайндмэнъ начали помогать раненымъ. «Ничего болѣе ужаснаго, чѣмъ перевязочный пунктъ на полѣ битвы, я въ

*) Сочиненія А. И. Герцена. Томъ IX. Стр. 378—398. Genéve. 1879.

**) „The Record of an Adventurous Life“, p. 68.

***) Дѣло идетъ, вѣроятно, объ извѣстномъ палеонтологѣ Влад. Онуф. Ковалевскомъ (мужѣ С. В. Ковалевской), который въ 1866 году былъ корреспондентомъ отъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ отрядѣ Гарибальди.

своей жизни не видалъ»,—продолжаетъ авторъ. Только видъ Ковалевскаго, спокойно дѣлавшаго перевязки своими нервными, длинными пальцами, придавалъ бодрость Хайндмэну, но у него подгибались ноги, когда онъ вышелъ изъ барака *). «Когда впослѣдствіи мнѣ приходилось читать про героическіе поступки, совершенные во время франко-германской, русско-турецкой или русско-японской войнъ,—говоритъ авторъ «Записокъ»,—вспоминалась сейчасъ же церковь въ Сторо, наполненная искалѣченными людьми, которыхъ подстерегалъ къ тому же еще тифъ. И я не могъ не думать о томъ, какъ нелѣпа цивилизація, при которой люди не могутъ разрѣшать споры иначе, какъ убивая другъ друга».

Хайндмэнъ хорошо зналъ вождей молодой Италіи: Гарибальди, Кавура и Мадзини. «Изъ дѣятелей того времени,—говоритъ авторъ записокъ,—Гарибальди больше всего извѣстенъ. Но ни одинъ портретъ его не передаетъ выраженія «добродушнаго льва», которое прежде всего бросалось въ глаза каждому при встрѣчѣ съ итальянскимъ героемъ. Мнѣ всегда казалось, что главнымъ подвигомъ Гарибальди было не стремительное завоеваніе Сициліи, которое ему, конечно, не удалось бы безъ помощи Кавура, не походъ 1859 года, а борьба за Римъ въ 1848 году и героическое отступленіе, когда возстаніе не удалось».

Большой публикѣ теперь Мадзини неизмѣримо меньше извѣстенъ, чѣмъ Гарибальди. Между тѣмъ, первый былъ вдохновителемъ Италіи, когда возстаніе еще только подготовлялось. «Въ своей маленькой комнаткѣ, съ вѣчной сигарой во рту, Мадзини въ Женевѣ, какъ нѣкогда папа въ Авиньонѣ, сосредоточивалъ въ своей рукѣ нити психическаго телеграфа, приводившія его въ живое сообщеніе со всѣмъ полуостровомъ,—говоритъ современникъ.—Онъ зналъ каждое біеніе сердца своей партіи, чувствовалъ малѣйшее сотрясеніе, немедленно отвѣчалъ на каждое и давалъ общее направленіе всему и всѣмъ съ поразительною неутомимостью. Фанатикъ и въ то же время организаторъ, онъ покрылъ Италію сѣтью тайныхъ обществъ, связанныхъ между собою и шедшихъ къ одной цѣли. Общества эти вѣтвились неуловимыми артеріями, дробились, мельчали и исчезали въ Апенинахъ и въ Альпахъ, въ царственныхъ pallazzi аристократовъ и въ темныхъ переулкахъ итальянскихъ городовъ, въ которые никакая полиція не можетъ проникнуть. Сельскіе попы, кондукторы дилижансовъ, ломбардскіе принчипе, контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты—все шло на дѣло, всѣ были звенья цѣпи, примыкавшей къ нему и повиновавшейся ему. Послѣдовательно, со временъ Менотти и братьевъ Бандьера, рядъ за рядомъ выходятъ восторженные юноши, энергическіе плебеи, энергическіе аристократы, иногда старые старики... и идутъ по указаніямъ Мадзини, рукоположеннаго старцемъ Бо-

*) «The Record», etc. P. p. 38—39.

наротти, товарищемъ и другомъ Гракха Бабефа, идутъ на неравный бой, пренебрегая цѣпями и плахой и примѣшивая иной разъ къ предсмертному крику «Viva l'italia»! Evviva Mazzini!» *).

На Хайдмэна Мадзини произвелъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ Гарибальди. «Вполнѣ понятно, что итальянскій заговорщикъ имѣлъ громадное вліяніе на соотечественниковъ,— говоритъ авторъ «Записокъ».—Удивительно, что Мадзини могъ загипнотизировать и иностранцевъ. Питеръ Тэйлоръ, Стэнсфэльдъ, Конноръ и Джозефъ Каунъ были не такого закала люди, которые дѣлаютъ то, чего не хотятъ. А между тѣмъ Мадзини имѣлъ на нихъ громадное вліяніе. «Когда я думаю только, что сдѣлалъ по настоянію этого человѣка,—сказалъ мнѣ разъ Джозефъ Каунъ,—у меня волосы становятся дыбомъ». И это вліяніе объясняется не только силой воли Мадзини, но и его обаятельностью. Всѣхъ захватывала безконечная преданность Мадзини дѣлу, которому онъ посвятилъ всю жизнь, самоотверженность и поразительная кристаллическая чистота его личности. «Худощавая, гибкая фигура средняго роста; большая голова, жидкая бородка съ просѣдью; обкусанные усы; лицо аскета,—таково было первое впечатлѣніе, производимое Мадзини. Затѣмъ вы забывали совершенно, какое лицо у него, и обращали вниманіе только на глаза и на характерно очерченный ротъ. Прошло уже сорокъ четыре года со дня моей встрѣчи съ Мадзини, а между тѣмъ я, какъ теперь, вижу эти глаза» **).

Послѣ возвращенія изъ Италіи, Хайндмэнъ жилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, вращаясь въ радикальныхъ кругахъ того времени. Автору больше по душѣ тори или тѣ либералы, которые находились въ оппозиціи противъ своей собственной партіи. Такимъ образомъ Хайндмэнъ вспоминаетъ съ любовью извѣстнаго общественнаго дѣятеля того времени, Роберта Лау (впослѣдствіи лордъ Шэрбрукъ), который увелъ «въ пещеру Адуламитовъ» либераловъ, возстававшихъ противъ билля о реформахъ. Теперь, впрочемъ, въ Англіи лорда Шэрбрука помнятъ только по знаменитой эпитафіи, сочиненной ему, когда онъ былъ еще въ живыхъ.

«Here lies Robert Lowe;
Where he's gone i don't know:
If he's flown to realms above,
There's an end to Peace and Love;
Should he have sought a lower level,
The Lord have mercy on the Devil».

(Здѣсь лежитъ Робертъ Лау. Куда онъ пошелъ, я не знаю. Если онъ вознесся въ царство небесное, тамъ больше нѣтъ ни мира, ни любви. Если же онъ попалъ пониже, то пусть Господь сжалится надъ Дьяволомъ).

*) «Сочиненія А. И. Герцена». Томъ VIII. Genève. 1879. Стр. 289.
**) «The Record», etc. P. 61.

Въ 1868 году Хайндмэнъ отправился на парусномъ суднѣ въ Новый Южный Валисъ, куда прибылъ черезъ 104 дня. Затѣмъ онъ плавалъ на баркѣ къ берегамъ Фиджи, дважды едва не утонулъ во время шторма и разъ подвергался опасности быть убитымъ и съѣденнымъ дикарями на островахъ Океаніи. Послѣднее приключеніе обусловливалось тѣмъ, что у соотечественника Хайндмэна некстати проявилась другая индивидуальность. «Я часто наблюдалъ, какъ повидимому скромные англичане, попадая въ обстановку, гдѣ имъ нечего бояться m-rs Grundy, совершенно перерождаются,—говоритъ Хайндмэнъ.—Это относится не только къ Полинезіи, но также къ Австраліи и «Дикому западу» Сѣв. Америки. Явленіе это извѣстно такъ же хорошо и жителямъ континента. Этотъ фактъ навлекъ на насъ незавидную репутацію лицемѣровъ. Я наблюдалъ поразительный случай «перерожденія» крупнаго сиднейскаго финансиста, извѣстнаго въ своемъ городѣ благочестіемъ и степенностью. Этотъ достойный сынъ церкви прибылъ въ Левуку (Фиджи) въ черномъ сюртукѣ и въ сверкающей круглой шляпѣ. Въ тѣ времена подобный нарядъ былъ въ диковину тамъ. Банкиръ сперва все поражался «непристойностями», которыя онъ видѣлъ. Черезъ недѣлю, однако, онъ отбросилъ самъ всякія приличія также легко, какъ свой черный сюртукъ и круглую шляпу. Немногіе европейцы, жившіе тогда въ Левукѣ, сперва смѣялись, а потомъ стали возмущаться... Поведеніе благочестиваго банкира было такъ отвратительно, а языкъ его такъ грязенъ, что даже экипажъ, состоявшій изъ метисовъ, пришелъ къ заключенію, что павіанъ получитъ по заслугамъ, если туземцы его когда-нибудь бросятъ на съѣденіе акуламъ... Нѣкоторые изъ насъ предвидѣли, что «святой изъ Сиднея», какъ мы его звали, надѣлаетъ намъ хлопотъ; но никто не предполагалъ, что изъ-за него мы будемъ подвергаться серьезной опасности. Во всякомъ случаѣ, мы предупредили благочестиваго банкира. И вотъ разъ послѣ обѣда, когда мы спокойно курили, до насъ донесся страшный вой. Непосредственно затѣмъ вбѣжалъ оборванный, блѣдный, какъ смерть, банкиръ, вопя: «спасите меня!» За нимъ гнались туземцы съ ножами». Все это было послѣдствіе несказуемаго амурнаго похожденія. Разъяренные туземцы требовали, чтобы имъ выдали банкира, грозя въ противномъ случаѣ убить всѣхъ. Много дипломатіи пришлось употребить, чтобы успокоить дикарей. Черезъ день банкиръ уѣхалъ. «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, попавъ въ Сидней, я пошелъ взглянуть на банкира,—разсказываетъ Хайндмэнъ.—Я нашелъ въ высшей степени респектабельнаго, богобоязненнаго, чтимаго всѣми гражданина, примѣрнаго мужа и отца семейства. Павіанъ куда-то исчезъ» *).

---

*) „The Record“, etc. P. p. 145—146:

IV.

У правовѣрнаго соціалъ-демократа нѣсколько странно встрѣтить томленіе по первобытной жизни. На время, вмѣсто марксиста, выглядываетъ шатобріановскій Рене. Это томленіе проявляется уже отчасти въ главахъ, въ которыхъ Хайндмэнъ описываетъ свое юношеское путешествіе по Италіи. «Я покинулъ страну съ намѣреніемъ возможно скорѣе возвратиться туда, чтобы снова наслаждаться ея красотами; чтобы видѣть, какъ выросла нація, добывшая больше пораженіями, чѣмъ ея сосѣди—побѣдами. Но обстоятельства сложились такъ, что я снова попалъ въ Италію только спустя сорокъ лѣтъ. И я съ горестью задумывался надъ вопросомъ, выиграли ли что-нибудь отъ перемѣны строя потомки тѣхъ крестьянъ, съ которыми я бесѣдовалъ такъ много въ юности? Налогъ на хлѣбъ явился слишкомъ высокой платой за независимость, а безпрерывный эмиграціонный потокъ въ Аргентину и Соединенные Штаты представлялъ печальное послѣдствіе возвышенія Италіи на степень первоклассной державы. Съ другой стороны, деньги, посылаемыя на родину эмигрантами, такъ улучшили финансы Италіи, что французскіе банковые билеты размѣниваются теперь въ Римѣ съ нѣкоторымъ учетомъ. Я долженъ сознаться, что, несмотря не все мое увлеченіе Мадзини, Гарибальди и Кавуромъ, несмотря на пламенное сочувствіе дѣлу освобожденія, современная буржуазная Италія разочаровала меня. Я видѣлъ матеріальный прогрессъ; но... юность имѣетъ свои иллюзіи». Правовѣрный соціалъ-демократъ долженъ былъ бы радоваться стремительному росту капитализма въ Италіи и гибели старыхъ хозяйственныхъ формъ. Но гораздо болѣе удивительна та апологія первобытной жизни, которую Хайндмэнъ вкладываетъ въ уста гипотетическаго дикаря съ Фиджи, получившаго европейское образованіе. Передъ нами внезапно встаетъ не послѣдователь ученія о матеріалистическомъ толкованіи исторіи, а ученикъ Шатобріана. «Вы называете насъ голыми дикарями,—говоритъ гипотетическій обитатель Фиджи,—вы утверждаете, что мы не въ состояніи подняться выше животныхъ. Быть можетъ, это такъ. Но кому вы, бѣлые, обязаны вашей цивилизаціей, которою такъ гордитесь? Не безпрерывной ли работѣ тѣхъ, которые жили до васъ? Развѣ вы не строите на фундаментѣ, заложенномъ вавилонянами, китайцами, египтянами, греками и еще болѣе ранними народами? Чтобы дать справедливую оцѣнку народу, надо изучить всѣ условія, при которыхъ онъ живетъ... Мы на нашихъ островахъ не имѣемъ ни желѣза, ни другихъ металловъ. Можете ли вы намъ поставить въ укоръ то, что мы смастерили пилы изъ зубовъ акулы и топоры изъ кремня? Правда, это очень жалкія орудія; но могутъ ли ваши корабельные плотники

дать нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ наши двойныя пироги? Взгляните на наши плащи. Повѣрите ли вы, что эта нѣжная ткань сдѣлана изъ коры, что эти расцвѣченные рисунки и геометрическій орнаментъ вытканы дикарями при помощи первобытныхъ инструментовъ. Возьмите нашъ языкъ. Можетъ ли сравниться съ нимъ вашъ языкъ, которымъ вы такъ гордитесь, по силѣ, мѣткости и по способности выражать малѣйшіе оттѣнки? А наша повседневная жизнь? Развѣ мы не относимся сердечно другъ къ другу и къ вамъ? Гдѣ въ другомъ мѣстѣ на землѣ встрѣтили вы такое гостепріимство? Обратите вниманіе на наше земледѣліе. Въ Ломбардіи, въ Даніи и на островѣ Джерсей поля не обработаны лучше, чѣмъ наши плантаціи т а р о или я м ъ. Перенесите нѣсколько европейцевъ на тропическій островъ, оторванный морями отъ всего міра, отнимите у эмигрантовъ инструменты, созданные культурой. Кто знаетъ, быть можетъ, потомки этихъ европейцевъ опустятся еще ниже, чѣмъ мы. И все таки вы называете насъ г о л ы м и д и к а р я м и. До извѣстной степени мы голы, но мы не дикари. Въ концѣ концовъ, предосудительно ли, что мы ходимъ голыми! Въ вашемъ суровомъ климатѣ голые умираютъ. Мы же живемъ и живемъ хорошо. Мы чувствуемъ себя превосходно подъ жаркимъ солнцемъ, которое изнуряетъ васъ. Для насъ, выражаясь языкомъ вашей грубой политической экономіи, платье—роскошь, а для васъ—предметъ первой необходимости. Въ вашей миѳологіи первая пара ходила обнаженная, пока была безгрѣшна. Только послѣ паденія ей понадобилось платье. Развѣ наши мужчины—пьяницы, а наши женщины—потаскуши? Нѣтъ. Пьянство и развратъ были у насъ неизвѣстны до появленія бѣлыхъ. Какія блага привезли къ намъ представители высшей культуры?—Водку и сифилисъ. Намъ дали также новую религію. Сдѣлала ли она насъ лучшими? Кто именно сдѣлалъ насъ лучше? Не весленскіе ли миссіонеры, выжимающіе изъ насъ налоги болѣе тяжелые, чѣмъ тѣ, которые мы платили нашимъ вождямъ? Не католическіе ли монахи, пытающіеся ослѣпить насъ раскрашенными картинами и куколками? Слѣдуете ли вы сами предписаніямъ той морали, которую проповѣдуете? Не вѣрнѣе ли всего, что вы поклоняетесь золотому тельцу и боченку съ грогомъ?

«Мы—каннибалы. Дѣйствительно, это пятно, которое очень трудно стереть. Но кое-что можетъ быть сказано даже здѣсь въ наше оправданіе. Я читалъ, что бѣлые, доведенные до послѣдней степени голода, съѣдали себѣ подобныхъ. Питайтесь долгое время только крахмалистой пищей, какъ т а р о или я м ъ, и вы убѣдитесь тогда, что страшныя слова Данте о томъ, что голодъ сильнѣе горя (Più che il dolor poté il dijiuno) пріобрѣтаютъ особое отвратительное значеніе. Вы чувствуете тогда лихорадочное, болѣзненное томленіе по мясу, которое доводитъ до. . . . У насъ нѣтъ ни свиней, ни овецъ, ни даже домашней птицы.

Мы ловили людей и съѣдали ихъ. Мы убивали, чтобы поддержать жизнь. Какой ужасъ, не правда ли? Но что хуже: убивать ли людей, чтобы утолить голодъ ихъ мясомъ, или убивать и бросать на съѣденіе волкамъ? Сколько людей вы убили или сожгли во имя религіи? Мы не убивали всѣхъ людей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Въ самомъ дѣлѣ, бывали примѣры, что они жили у насъ по пятидесяти лѣтъ. Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ населеніе Корнвалиса раскладывало на берегу костры во время бури, чтобы сбить съ пути моряковъ, и убивало всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе. Эти корнвалійцы могли бы подтягивать нашимъ воинамъ, выплясывающимъ вокругъ плѣнныхъ, которыхъ собираются съѣсть. Довольно. Вы ищете предлога, чтобы истребить насъ. Истреблять неизмѣримо легче, чѣмъ пріобщать къ культурѣ. Это вы знаете очень хорошо. Вы сильнѣе насъ и легко найдете предлогъ; но только не ссылайтесь на то, что мы дикари. Намъ многое надо узнать; мы многому научились; но и вамъ не мѣшаетъ усвоить кое-что: не слѣдуетъ презирать то, чего вы не потрудились понять» *).

Изъ Австраліи Хайндмэнъ попалъ на «Дикій западъ» великой Американской республики, гдѣ тогда еще не было желѣзной дороги; гдѣ господствовали еще нравы, описанные Бретъ-Гартомъ; гдѣ вызывали еще соперниковъ на своеобразную дуэль «Shooting on Sight», кончавшуюся непремѣнно смертью одного, а то и обоихъ дуэлистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, на глазахъ у Хайндмэна застрѣлили человѣка, а этотъ, въ то время, какъ его поддерживалъ авторъ «Записокъ», собралъ послѣднія силы, вытащилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ спину своему убійцѣ. Оба дуэлиста черезъ нѣсколько минутъ скончались.

Хайндмэнъ довольно долго прожилъ въ городѣ послѣднихъ святыхъ нашихъ дней на берегу Соленаго озера. «Отрицательныя стороны мормонства и полигаміи указывались много разъ, — говоритъ авторъ «Записокъ».—Грубость и вульгарность Брайэма Юнга, имѣвшаго семьдесятъ женъ, и сладострастіе богатыхъ старѣйшинъ, окружавшихъ его, были очевидны. Но въ то же время долженъ сказать, что нигдѣ на земномъ шарѣ не видалъ я страны, гдѣ массы жили бы такъ хорошо, какъ въ городѣ святыхъ. Мормонство, какъ религіозное ученіе, очень легко высмѣивать; но въ то же время невозможно отрицать положительныя стороны его». Хайндмэнъ говоритъ, что, несмотря на всѣ старанія, не могъ добыть фактовъ, доказывающихъ, что съ женщинами плохо обращались. Проституція и связанныя съ нею болѣзни были въ то время (въ 1869 г.) совершенно неизвѣстны въ странѣ мормоновъ. «Въ Городѣ святыхъ послѣднихъ дней не было недостатка въ культурныхъ удовольствіяхъ. Громадный театръ былъ всегда переполненъ. Нигдѣ

---

*) „The Record of an Adventurous Life", P. p. 148—150.

не видалъ я такого хорошаго исполненія, какъ въ Солтъ-лэйкъ Сити (Городъ Соленаго озера). Въ театрѣ присутствовалъ пророкъ со всѣми женами. Удивительно хорошо было также пѣніе въ мормонской «скиніи». Что касается поведенія вообще, то нельзя даже сравнивать мормоновъ съ «язычниками», жившими въ то время въ Солтъ-лэйкъ Сити. Послѣдніе, сознавая, что находятся далеко отъ бдительныхъ глазъ M-rs Grundy, приводили въ негодованіе своимъ поведеніемъ не только «святыхъ послѣднихъ дней», но и немногихъ приличныхъ «язычниковъ». Какъ безпристрастный наблюдатель, я могу засвидѣтельствовать, что послѣдователи Галилеянина теряли ужасно много при сравненіи съ учениками Смита изъ Науву (т. е. основателя секты мормоновъ)... Я всегда полагалъ, что съ мормонами поступили крайне несправедливо. Основатели секты потерпѣли жестокую участь въ восточныхъ штатахъ. Послѣдователи ученія, имѣя передъ собою смерть Смита, какъ наглядный урокъ религіозной терпимости американцевъ, удалились въ Ута, представлявшую тогда собою пустыню въ буквальномъ смыслѣ слова, населенную только буйволами, сѣрыми медвѣдями и краснокожими. Откосы долины были голы, мрачны и негостепріимны. И здѣсь поселились святые послѣднихъ дней. Черезъ нѣсколько лѣтъ пустынная долина зацвѣла, какъ роза. Неустаннымъ трудомъ, проводя всюду искусственное орошеніе, мормоны превратили пустыню въ садъ, служащій образцомъ для всего Запада *).

V.

Хайндмэну, какъ я сказалъ уже, пришлось встрѣтить массу интересныхъ людей. Воспоминанія о нихъ—наиболѣе любопытная часть книги. Самое сильное вліяніе на автора имѣлъ Карлъ Марксъ. Политическія бури, свирѣпствовавшія на континентѣ въ серединѣ прошлаго вѣка, прибили къ берегамъ Англіи много изгнанниковъ, искавшихъ убѣжища. Тутъ были французы, итальянцы, нѣмцы, венгерцы, испанцы и поляки. Русскіе тогда «въ лондонской вольницѣ», какъ называлъ эмигрантскую среду А. И. Герценъ, составляли рѣдкое исключеніе. «Какихъ оригиналовъ, какихъ чудаковъ я не наглядѣлся между ними! (эмигрантами). Тутъ рядомъ съ коммунистомъ стараго толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства,—старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино или Донъ-Хуану, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ, рядомъ съ венгерцемъ, разсказывающимъ, какъ онъ съ пятью гонведами опрокинулъ эска-

*) «The Record», p. 184 — 185. Ср. съ наблюденіями сэра Чарльза Дилка, приведенными въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

дронъ австрійской кавалеріи и застегивающимъ венгерку до самаго горла, чтобы имѣть больше военный видъ, венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому, нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искусствъ изъ насущнаго пива, атеистъ, космополитъ, презирающій всѣ націи, кромѣ Куръ-Гессена или Гессенъ-Касселя, смотря по тому, въ которомъ изъ Гессеновъ родился; полякъ прежняго покроя, католически любящій независимость, и итальянецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму» (А. И. Герценъ, «Собраніе Сочиненій», Genéve. 1879. Томъ X, стр. 102).

Въ числѣ эмигрантовъ былъ и Марксъ, съ которымъ Хайндмэнъ сильно подружился. «Марксъ съ женой одно время сильно бѣдствовали въ Лондонѣ,—разсказываетъ авторъ записокъ.—Разъ положеніе было до такой степени плохо, что Марксъ отправился закладывать фамильное серебро жены. Онъ былъ плохо одѣтъ. Впослѣдствіи онъ съ удивительнымъ совершенствомъ овладѣлъ англійскимъ языкомъ, но въ то время Марксъ говорилъ на немъ еще не совсѣмъ свободно. На ложкахъ и на вилкахъ находился гербъ герцога Аргайльскаго, къ роду котораго принадлежала г-жа Марксъ. Этотъ гербъ и видъ иностраннаго еврея, плохо одѣтаго, сильно поразили закладчика. Ростовщикъ задержалъ Маркса и послалъ за полиціей. Полисмэну тоже показалось крайне подозрительнымъ, что у лохматаго, плохо одѣтаго еврея-иностранца находится серебро съ фамильнымъ гербомъ герцоговъ Аргайльскихъ. Карла Маркса отвели въ полицію. Напрасно онъ пытался объяснить здѣсь, что ложки и вилки—его; что онѣ—семейныя. Полицейскій чиновникъ счелъ объясненія Маркса неудачной выдумкой. Такъ какъ тогда была суббота и часъ поздній, чтобы предстать передъ магистратомъ, то арестованнаго до понедѣльника заперли въ камеру при полиціи. Между тѣмъ дома г-жа Марксъ не знала, куда дѣвался мужъ. Когда же тотъ не явился ночью, то жена экономиста страшно испугалась. Въ понедѣльникъ утромъ Карла Маркса доставили къ магистрату, и только здѣсь арестованному удалось убѣдить судью, что серебро не краденое».

Личность автора «Капитала» произвела глубокое впечатлѣніе на Хайндмэна. «Этотъ человѣкъ съ большимъ выпуклымъ лбомъ, сверкающими глазами, рѣзко очерченнымъ ртомъ и густой шевелюрой соединилъ въ себѣ справедливый гнѣвъ провидцевъ своей расы съ холоднымъ аналитическимъ умомъ Спинозы и великихъ еврейскихъ ученыхъ. Такого удивительнаго сочетанія качествъ я никогда не видалъ. Когда я ушелъ отъ Маркса послѣ перваго свиданія, мой спутникъ спросилъ, что я думаю объ авторѣ «Капитала».

— Это—Аристотель XIX вѣка,—отвѣтилъ я. И тогда же я чувствовалъ, что опредѣленіе не точно. Во всякомъ случаѣ невозможно было представить себѣ Маркса, какъ Аристотеля, въ

роли придворнаго, льстящаго новому Александру Македонскому. Марксъ былъ погруженъ въ абстрактное мышленіе, а между тѣмъ умѣлъ замѣчать факты дѣйствительной жизни и выводить изъ нихъ вѣрныя заключенія.

«Помню, какъ-то я сказалъ ему, что, по мѣрѣ того, какъ становлюсь старше, я отношусь болѣе терпимо къ противникамъ».— «Неужели?»—переспросилъ Марксъ. И по тону видно было, что авторъ «Капитала» не становится толерантнѣе съ годами. Мнѣ кажется,—продолжаетъ Хайндмэнъ,—только глубокая ненависть Маркса къ существующему строю, да крайняя рѣзкость его въ полемикѣ съ противниками помѣшали англійскимъ состоятельнымъ классамъ оцѣнить по достоинству великій трудъ. Мы въ Англіи уже давно привыкли употреблять въ полемикѣ рапиры съ насаженными шарами. Марксъ же яростно нападаетъ съ острой толедской шпагой въ рукахъ. И эта страстность въ полемикѣ отталкиваетъ англійскихъ ученыхъ, не допускающихъ, чтобы стиль памфлетиста могъ сочетаться съ поразительной глубиной мысли». Хайндмэнъ говоритъ объ удивительной работоспособности Маркса, который просиживалъ въ Британскомъ музеѣ отъ открытія до закрытія его. Возвратившись домой, Марксъ послѣ короткаго отдыха снова принимался за работу. Только желѣзный организмъ выдерживалъ эту напряженную шестнадцатичасовую умственную работу.

Марксъ признавалъ ошибочность своихъ заключеній, когда это ему доказывали. Такимъ образомъ, напримѣръ, онъ принялъ теорію Льюиса Моргана, что не семья, а родъ былъ единицей первобытнаго общества. Марксъ тогда отказался отъ своего первоначальнаго взгляда, основаннаго на теоріи Нибура. Холодный мыслитель и безпощадный полемистъ былъ самымъ нѣжнымъ отцомъ, котораго дѣти ужасно любили *). Крайне холодно относится Хайндмэнъ къ другу Маркса Энгельсу, котораго изображаетъ человѣкомъ мелкимъ, завистливымъ, «себѣ на умѣ» и крайне злопамятнымъ. «Карлъ Марксъ совершенно не умѣлъ устраивать своихъ денежныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи полную противоположность представлялъ Энгельсъ. Онъ составилъ себѣ очень хорошее состояніе и посвятилъ себя потомъ наукѣ, въ которой у него былъ только одинъ соперникъ—Марксъ... Я не вѣрю тѣмъ, которые убѣждали меня, что Энгельсъ былъ абсолютно дурной человѣкъ, хотя въ то же время я очень невысокаго мнѣнія объ его характерѣ. Энгельсъ былъ придирчивъ, подозрителенъ и завистливъ». Маркса крайне стѣсняла денежная помощь, которую ему оказывалъ въ трудныя минуты Энгельсъ, а тотъ былъ такъ неделикатенъ, что говорилъ о ней. Энгельсъ одно время поссорилъ Маркса съ Хайндмэномъ, и это обстоятельство авторъ «Записокъ» объясняетъ ме-

*) „The Record", etc., p. p. 268—279.

лочнымъ чувствомъ зависти: Энгельсъ боялся, что Хайндмэнъ, какъ человѣкъ богатый, можетъ нарушить ту матеріальную зависимость, въ которой находился авторъ «Капитала» отъ автора «Происхожденія семьи». Злопамятность Энгельса характеризуется слѣдующимъ фактомъ. Въ 1894 году группа датскихъ соціалъ-демократовъ посѣтила Лондонъ и пожелала навѣстить автора трудовъ «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», «Людвигъ Фейербахъ и конецъ классической философіи» и др. При датскихъ гостяхъ въ Лондонѣ былъ «прикомандированъ» старый соціалъ-демократъ Адольфъ Смитъ, служившій переводчикомъ на всѣхъ соціалистическихъ конгрессахъ. Когда датчане попросили, чтобы ихъ повели къ Энгельсу, Смитъ отвѣтилъ, что охотно сдѣлалъ бы это, но знаменитый экономистъ имѣетъ зубъ противъ него. Смитъ выступилъ много лѣтъ тому назадъ въ интернаціоналѣ противъ Энгельса, и тотъ не забылъ этого. Датскіе товарищи,—продолжаетъ «Хайндмэнъ,—не пожелали даже слышать объясненій Смита и настояли на своемъ. Энгельсъ принялъ гостей очень хорошо, а Смита, успѣвшаго сильно состариться и обрости за 25 лѣтъ длинной бородою, онъ не узналъ сперва. Но когда, во время разговора, одинъ изъ датчанъ упомянулъ, что Смитъ принадлежалъ къ интернаціоналу, Энгельсъ сейчасъ же узналъ своего стараго противника. Онъ привскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ Смиту и крикнулъ:

— «Что? Вы Смитъ? Смитъ Хэдингли? Вонъ изъ моего дома! Поражаюсь, что у васъ хватило безстыдства явиться!

«Послѣдовалъ рядъ «комплиментовъ»: Смитъ, поблагодаривъ стараго медвѣдя за любезное гостепріимство, удалился. Причиной ненависти Энгельса было то, что Смитъ когда-то вмѣстѣ съ Везинье и др. напечаталъ протестъ противъ диктаторскаго поведенія Энгельса въ интернаціоналѣ, и черезъ много лѣтъ, на порогѣ смерти, Энгельсъ не могъ простить Смиту этого выступленія» *).

Хайндмэнъ хорошо зналъ автора книги «Прогрессъ и бѣдность». «Генри Джорджъ былъ своего рода интеллектуальный анархистъ, который смотрѣлъ на производство и на обмѣнъ съ точки зрѣнія индивидуалиста,—разсказываетъ Хайндмэнъ.—Во всякомъ случаѣ, книга его *Прогрессъ и бѣдность* имѣла такой громадный успѣхъ, что, когда авторъ явился въ 1882 году въ Ирландію, чтобы изучить здѣсь аграрный вопросъ, Генри Джорджа встрѣчали всюду какъ знаменитость». Фермеры устраивали ему факельцуги, при чемъ манифестанты распѣвали въ тактъ:

„George, George,
Henry George“.

Изъ Ирландіи Генри Джорджъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ тоже былъ встрѣченъ, какъ левъ сезона. Въ Лондонѣ Генри Джорджъ

---

*) „The Record“, etc., p. p. 250—253.

съ семьей гостилъ у Хайндмэна. «Признаюсь,—говоритъ авторъ «Записокъ»,—что я пригласилъ къ себѣ Джорджа и его семью не только потому, что мнѣ хотѣлось видѣть ихъ, но и потому, что надѣялся обратить его въ соціализмъ. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, могущій пойти такъ далеко, какъ Генри Джорджъ, остановился бы навсегда у порога». Хайндмэну, однако, не удалось обратить Генри Джорджа. «Въ извѣстномъ отношеніи въ теоретическихъ спорахъ онъ напоминалъ Кропоткина,—продолжаетъ Хайндмэнъ.—Генри Джорджъ признавалъ возраженія противъ своего основного тезиса и непосредственно затѣмъ дѣлалъ выводы изъ той же предпосылки, какъ будто она не поколеблена. Было совершенно безполезно сердиться на Генри Джорджа или опровергать его тезисы. Наконецъ, у него въ Лондонѣ было столько восторженныхъ поклонниковъ, что, соприкоснувшись съ ними, онъ еще сильнѣе вѣрилъ въ единый налогъ».

Хайндмэнъ полагаетъ, что подъ его вліяніемъ Генри Джорджъ написалъ свою вторую книгу (*Общественные вопросы*), доказывающую поворотъ въ міровоззрѣніи: авторъ начиналъ понимать, что въ современномъ обществѣ люди не могутъ жить только отъ земли. «Генри Джорджъ, какъ человѣкъ, необыкновенно располагалъ всѣхъ къ себѣ. Его умъ не былъ глубокъ, да Джорджъ и не претендовалъ на это. То, что онъ видѣлъ, онъ видѣлъ ясно. Скорѣе идеи овладѣвали Джорджемъ, чѣмъ Джорджъ идеями. Къ тому же онъ былъ глубоко религіозенъ, и въ этомъ я особенно убѣдился на публичномъ диспутѣ съ нимъ, когда предсѣдателемъ былъ Лабушэръ... Генри Джорджъ очень любилъ споры, велъ ихъ съ большимъ добродушіемъ, но въ нихъ онъ не проявлялъ себя первокласснымъ мыслителемъ... Только неспособностью оцѣнить вполнѣ свое положеніе можно объяснить, какимъ образомъ этотъ честный, добрый, благородный человѣкъ попалъ потомъ въ Америкѣ въ невѣроятный политическій лабиринтъ. Хотя Джорджъ, какъ мы всѣ, понималъ вредъ трёстовъ, онъ не вѣрилъ, что они являются естественнымъ результатомъ капиталистическаго производства. Генри Джорджъ не постигалъ, что введеніе единаго налога (т. е. налога на землю) не только не уничтожитъ тресты, но скорѣе даже посодѣйствуетъ ихъ росту. Вслѣдствіе непониманія дѣйствительности, Генри Джорджъ сталъ въ Соединенныхъ Штатахъ орудіемъ въ рукахъ капиталистовъ, но внѣ сомнѣнія, что онъ думалъ помочь рабочему классу, къ которому самъ принадлежалъ по происхожденію.

«Презрѣніе Генри Джоржа къ нашимъ англійскимъ предразсудкамъ иногда ставитъ въ затруднительное положеніе. Разъ,—говоритъ Хайндмэнъ,—мы возвращались домой къ завтраку, когда Генри Джорджъ на углу great Portland street (одна изъ фешіоне-

бельныхъ улицъ въ Лондонѣ, увидѣлъ разносчика, продававшаго съ лотка трубянки *).

— «Послушайте, Хайдмэнъ, эти трубянки выглядятъ очень аппетитно,—сказалъ Генри Джорджъ.—Съѣмъ-ка я ихъ.

— «Ладно. Если онѣ вамъ нравятся, я скажу, чтобы ихъ прислали на домъ.

— «Зачѣмъ же на домъ? Я ихъ съѣмъ сейчасъ же.

«Убѣжденія были напрасны. Джорджъ остановился у лотка и началъ спокойно ѣсть трубянки. Я же, котораго круглая шелковая шляпа и черный сюртукъ пріобщали къ цивилизаціи, не ѣдящей на улицѣ улитокъ съ лотка,—стоялъ рядомъ и созерцалъ. Тогда еще я не отдѣлался отъ классовыхъ предразсудковъ въ такой степени, какъ теперь, и, признаться, поступокъ Джорджа, причинилъ мнѣ не мало огорченій. Если я до того чѣмъ-нибудь обидѣлъ Генри Джорджа, то онъ мнѣ у лотка заплатилъ сторицею. До сихъ поръ я не могу равнодушно видѣть лотка съ трубянками». **).

Съ большимъ уваженіемъ вспоминаетъ Хайндмэнъ Либкнехта, долго жившаго эмигрантомъ въ Лондонѣ. «Изъ соціалистическихъ вождей, которыхъ я когда либо встрѣтилъ, Вильгельмъ Либкнехтъ больше всѣхъ обладалъ талантами государственнаго человѣка... То былъ прирожденный администраторъ, свойство рѣдкое среди соціалистовъ. Либкнехтъ, въ числѣ очень немногихъ континентальныхъ соціалистовъ, хорошо понималъ Англію. Онъ видѣлъ, что она, не смотря на свой консерватизмъ и имперіализмъ, сыграетъ еще великую роль въ предстоящій революціонный періодъ». Въ первое время, когда Либкнехтъ только прибылъ въ Англію еще молодымъ студентомъ, онъ жестоко бѣдствовалъ. Дошло до того, что Либкнехтъ и другой молодой нѣмецъ-эмигрантъ заложили всѣ вещи, и у нихъ осталась одна пара панталонъ на четыре ноги. Когда Либкнехтъ отправлялся искать работу, товарищъ лежалъ въ постели и наоборотъ... «Чѣмъ болѣе я узнавалъ Либкнехта, — пишетъ Хайндмэнъ,—тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему и тѣмъ глубже уважалъ. Предкомъ Либкнехта, какъ извѣстно, былъ Мартинъ Лютеръ... Разсердить Либкнехта представлялось дѣломъ невозможнымъ, а между тѣмъ, его совсѣмъ нельзя было назвать холоднымъ или равнодушнымъ. Все дѣло въ томъ, что Либкнехтъ удивительно владѣлъ собою, и всѣ его эмоціи находились подъ контролемъ разума... Изъ всѣхъ ораторовъ, которыхъ я когда либо слышалъ, я не знаю другого, кто умѣлъ бы говорить такъ ясно, просто и убѣдительно, не прибѣгая къ риторикѣ, какъ Либкнехтъ».

---

*) Маленькія улитки (whelks), являющіяся лакомствомъ для нищихъ, бродягъ и уличныхъ мальчишекъ. Трубянки насыпаны кучей на лоткѣ. Рядомъ стоитъ обыкновенно пивная бутылка съ уксусомъ. За пенсъ бродяга можетъ съѣсть цѣлую пригоршню whelks.

**) «The Record», etc. P. p. 289—293

Хайндмэнъ, повидимому, склоненъ нѣсколько преувеличивать значеніе и вліяніе соціалъ-демократической партіи въ Германіи. Авторъ записокъ вѣритъ даже, что нарождающаяся соціалистическая партія смутила одно время германскія войска подъ Парижемъ.—«Внѣ сомнѣнія,—разсказываетъ Хайндмэнъ,—что во время осады Парижа былъ моментъ, когда германскія войска собирались удалиться. Это обстоятельство, замѣченное въ Версали, нельзя было объяснить успѣхами французскаго оружія, такъ какъ республиканская армія нигдѣ не могла двинуться ни на шагъ. Гдѣ же причина явленія? Не задолго до того марксистская партія въ Берлинѣ, къ которой принадлежали, конечно, Либкнехтъ и Бебель, пыталась организовать возстаніе въ Берлинѣ. Съ этою цѣлью марксисты,—разсказываетъ Хайндмэнъ,—вступили въ переговоры съ лассалевцами, которые тогда питали скорѣе національныя, чѣмъ интернаціональныя симпатіи. Во главѣ лассалевцевъ находился тогда Швейцеръ. Переговоры кончились ничѣмъ. Противъ соглашенія больше всѣхъ были Марксъ и Энгельсъ, жившіе тогда въ Лондонѣ и опасавшіеся, что лассалевцы своею численностью и программою возьмутъ верхъ. Такимъ образомъ,—опасались Марксъ и Энгельсъ,—національная программа отодвинетъ на задній планъ пропаганду интернаціональнаго соціалъ-демократизма». *) По мнѣнію Хайндмэна, предстоявшее сліяніе двухъ соціалистическихъ партій и возможность возстанія въ Берлинѣ заставили на одинъ моментъ вождей германскаго народа подумать о снятіи осады Парижа.

Либкнехтъ испыталъ много горькихъ минутъ даже тогда, когда его партія сплотилась и представляла одно стройное цѣлое. «Съ нѣкоторой горечью Либкнехтъ говорилъ мнѣ, — разсказываетъ Хайндмэнъ,—о томъ, какъ ему крайне неохотно отпускаютъ небольшое жалованье за тяжелый трудъ редактированія «Vorwärts» и за пропаганду съ платформъ. Находились въ партіи люди, завидовавшіе этому жалованью. Либкнехтъ заклиналъ меня никогда не становиться въ матеріальную зависимость отъ партіи, какъ бы плохо ни сложились мои личныя дѣла. **)

Изъ писателей «Викторіанской эпохи» съ Хайндмэномъ былъ особенно близокъ Вильямъ Моррисъ. Эта эпоха или, точнѣе говоря, середина ея, ознаменована необыкновеннымъ умственнымъ подъемомъ. Никогда раньше не пущено было въ Англіи въ обращеніе столько новыхъ и смѣлыхъ мыслей, какъ въ это время. Наиболѣе недоступныя религіозныя и политическія твердыни были атакованы и взяты штурмомъ. Даны были простыя объясненія, навсегда покончившія съ старой космогоніей, державшейся много вѣковъ (напомню только переворотъ въ мысляхъ, произведенный Основами Геологіи Лайеля). Осажденные вынуждены были

*) The Record, etc. P. p. 422—429.

**) Id. P. 433.

покинуть свои позиціи. Теперь трудно оцѣнить ту революцію, которую произвело, напр., появленіе труда Ультера Касселя «Supernatural Religion». Авторъ подвергъ критикѣ Новый Завѣтъ, указалъ на противорѣчія въ немъ и выяснилъ генезисъ большинства легендъ (онъ много лѣтъ провелъ въ Индіи и хорошо зналъ ея литературу). Supernatural Religion трудъ неизмѣримо болѣе научный, чѣмъ знаменитая книга Ренана. Защитники традиціи, видя, что они совершенно разбиты, стали искать покровительства у тѣхъ, кого они раньше называли своими непримиримыми врагами. Это одно изъ наиболѣе любопытныхъ явленій «Викторіанской эпохи». Для иллюстраціи напомню только судьбу ученія объ эволюціи. Когда появилась книга Герберта Спенсера «First Principles», въ которой намѣченъ законъ эволюціи, защитники традиціи рѣшительно возстали. Затѣмъ, когда оказалось, что законъ постепеннаго развитія нельзя опровергнуть, они ухватились за то мѣсто въ «First Principles», гдѣ авторъ говоритъ о тайнѣ, лежащей за границей постигаемаго. Священники Broad church приняли законъ эволюціи, выбросили за бортъ свою миѳологію и стали говорить о примиреніи религіи и науки. Трудно придумать что нибудь болѣе любопытное, чѣмъ видъ клэрджимэна, одобрительно цитирующаго Спенсера. Священникъ обращаетъ вниманіе только на слова философа о непостижимомъ, забывая про объясненіе причинъ возникновенія вѣры въ духовъ, про эволюцію вѣры въ личное безсмертіе и т. д. Революція въ умахъ была такъ радикальна, что противъ такого основнаго догмата, какъ воскресеніе, выступилъ священникъ унитаріанской церкви. Я говорю о Майнотѣ Джэсонѣ Сэвэджѣ, переселившемся впослѣдствіи въ Америку. «Одно изъ основныхъ обвиненій, выдвигаемыхъ церковью противъ науки, это—матеріализмъ послѣдней,—говоритъ этотъ священникъ въ своемъ трудѣ «Религія въ свѣтѣ дарвиновской доктрины». По этому поводу я хочу сказать, что ученіе о будущей жизни всегда было и есть чистѣйшій матеріализмъ. Намъ говорятъ, что матеріальное тѣло должно воскреснуть и поселиться на матеріальномъ небѣ». *) «Между старымъ и новымъ понятіями о свѣтѣ и душѣ существуетъ аналогія,—говоритъ Геккель въ своей знаменитой лекціи, прочитанной въ октябрѣ 1892 года въ семидесятипятилѣтнюю годовщину «Naturforschende Gesellschaft des Osterlandes». Точно такъ же, какъ раньше пламя объяснялось истеченіемъ особенной огненной матеріи (флогистона), мыслящая душа объяснялась гипотезой о газообразной душевной субстанціи. Мы знаемъ теперь, что свѣтъ огня представляетъ собою сумму электрическихъ вибрацій эѳира, и что душа есть сумма движеній плазмы въ нервныхъ клѣточкахъ. Въ сравненіи съ научнымъ представленіемъ о душѣ, схоластичное ученіе о безсмертіи проникнуто такимъ же матеріализмомъ, какъ взгляды краснокожихъ о буду-

*) M. J. Savage. «Religion in the Light of the Darwinian Doctrine», p. 112.

щей жизни, выраженные въ «Надовесскомъ похоронномъ плачѣ» Шиллера».

„Миръ душѣ его свободной—
Тамъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ,
Тамъ, гдѣ маисъ самородный
Зрѣетъ средь луговъ;
Гдѣ въ кустахъ щебечутъ птицы,
Полонъ дичи боръ;
Гдѣ гуляютъ вереницы
Рыбъ по дну озеръ.
Уходя на пиръ съ духами,
Насъ оставилъ онъ,
Чтобы здѣсь, воспѣтый нами,
Былъ похороненъ *).

Нѣсколько лѣтъ послѣ появленія Основныхъ началъ, другъ Спенсера Гексли словомъ Агностицизмъ опредѣлилъ свое и своихъ единомышленниковъ отношеніе къ теологіи. Гексли пошелъ гораздо дальше Спенсера и показалъ, что его отъ церкви, какъ бы широко она ни понималась, отдѣляетъ глубокая и непроходимая пропасть. Никакого примиренія между наукой и религіей, доказывалъ Гексли, существовать не можетъ. Одновременно почти выступилъ Лекки со своей Исторіей раціонализма. Правда, авторъ называлъ себя христіаниномъ, но трудъ его нанесъ культу страшный ударъ. О поразительныхъ «оползняхъ», произведенныхъ величайшей книгой XIX вѣка «Происхожденіе видовъ», извѣстно всѣмъ.

Въ 1874 году проф. Тиндаль произнесъ при открытіи засѣданій Британской Ассоціаціи знаменитую рѣчь, составившую эпоху. «Мы отнимемъ у теологіи всю космологическую теорію»,—сказалъ авторъ «Альпійскихъ глетчеровъ». Рѣчь представляетъ собою манифестъ раціонализма. На томъ же засѣданіи Гексли прочиталъ докладъ, въ которомъ доказывалъ, что наши, такъ называемыя, волевыя движенія представляютъ собою простой процессъ въ механизмѣ нервной системы, связанный закономъ причинности.

Защитники традиціи говорили, что мораль невозможна безъ религіи; что любовь къ ближнему не можетъ существовать, если отрицается Провидѣніе. Раціоналисты доказывали независимость морали отъ религіи. «Сущностью морали, по этому взгляду, является полное безкорыстіе и совершенное отсутствіе ожиданія награды за хорошіе поступки. Человѣкъ, совершающій хорошій поступокъ, потому что ждетъ за него награду въ будущей жизни, съ точки зрѣнія морали стоитъ неизмѣримо ниже того, кто дѣлаетъ добро ради добра, кто не вѣритъ въ награду, не думаетъ совсѣмъ о себѣ и о будущей жизни. Между человѣкомъ, поступающимъ хорошо, потому что предвидитъ свои интересы въ будущемъ, и человѣкомъ, дѣлающимъ это потому, что не понимаетъ собственной выгоды, только

*) Переводъ М. Л. Михайлова.

та разница, что одинъ дальновиденъ, а другой близорукъ. Все человѣчество признаетъ, что безкорыстный поступокъ неизмѣримо выше дѣйствія, основаннаго на разсчетѣ. Какимъ образомъ вѣрующій можетъ совершать безкорыстные поступки? Рай находится надъ нимъ. Адъ ждетъ его, если онъ грѣшникъ. Невольно рай влечетъ его, а адъ страшитъ. Вѣрующій утверждаетъ, что религія полезна человѣку, потому что порождаетъ добрые поступки. Онъ не жалѣетъ красокъ для изображенія райскаго блаженства и адскихъ мученій, ибо думаетъ, что такимъ образомъ поощряетъ добро и отвращаетъ отъ зла. Но, обѣщая награду за добро и наказаніе за зло, вѣрующій отнимаетъ у добродѣтели всю ея сущность, онъ дѣлаетъ ее своекорыстный. Создавая святого въ потенціи, вѣрующій убиваетъ безкорыстіе и отсутствіе разсчета» *).

Тотъ же духъ, который мы находимъ въ трудахъ ученыхъ «Викторіанской эпохи»,—отмѣчаемъ въ произведеніяхъ поэтовъ того времени. Въ 1866 году Свинбернъ выступилъ со своими Poems and Ballads, содержащими восторженный гимнъ эллинизму,—который противопоставляется существующему культу, вынесшему проклятіе тѣлу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, тотъ же поэтъ выпустилъ революціонный сборникъ «Songs befor Sunrise», проникнутый богоборчествомъ. Мрачный поэтъ Джемсъ Томсонъ, о которомъ я говорилъ подробно въ Русскомъ Богатствѣ **), выступилъ со страшной поэмой «The City of Dreadful Night». Въ ней страдающему человѣчеству «возвѣщается благая вѣсть»: «There is no God», «This little life is all we must endure». Поэмы пантеиста Броунинга проникнуты «естественной религіей» Вольтера, Руссо, Гиббона и Байрона. Появляется знаменитый Рубайатъ персидскаго нигилиста Омара Хайяма въ переводѣ Эдуарда Фитцджеральда. Жизнь сравнивается съ караваномъ, остановившимся на ночлегъ у таверны при большой дорогѣ. Караванъ идетъ неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда: завтра онъ уйдетъ, не оставивъ слѣда. Но что до того, когда въ эту ночь есть радость?

„Ah, my Beloved, fill the cup that clears
To-day of past Regrets and future Fears".

(«О, моя возлюбленная! Наполни кубокъ, освобождающій сегодня отъ сожалѣній въ прошломъ и страховъ въ будущемъ»).

Такимъ образомъ, въ наукѣ и въ литературѣ «Викторіанская эпоха» отмѣчена смѣлымъ полетомъ мысли, но зато ее отличаетъ также поразительная безплодность въ области искусства. Зданія, мебель, платье, музыка, картины и статуи середины «Викторіан-

---

*) Walter Bagehot, „The ignorance of Man". Literary Studies. Vol. II. p. p. 353—354.

**) „Поэтъ отчаянія" см. Діонео, „Рефлексы Дѣйствительности". Москва, 1910.

ской эпохи» замѣчательны своею исключительною бездарностью и уродливостью. Съ рѣзкимъ протестомъ противъ бездарности и шаблона въ области живописи выступили прерафаэлиты. Вильямъ Моррисъ сдѣлалъ то же самое въ области повседневной культуры. Гораздо раньше, чѣмъ большая публика оцѣнила его, какъ поэта, она знала Морриса, какъ печатника и декоратора. «Вильямъ Моррисъ сразу обращалъ на себя вниманіе своимъ лицомъ и наружностью,—разсказываетъ Хайндмэнъ.—Когда вспомню про него, онъ мнѣ всегда представляется въ двубортной курткѣ изъ синяго твида, какую носятъ голландскіе шкиперы. Когда Моррисъ разсказывалъ что-нибудь, вы забывали все. Его энергичное лицо, съ красивымъ лбомъ, проницательными сѣрыми глазами, орлинымъ носомъ и большой русой бородой, производило неотразимое впечатлѣніе. Его красивая рѣчь придавала особую убѣдительность аргументамъ. Моррисъ всегда былъ занятъ, всегда работалъ надъ чѣмъ-нибудь, всегда былъ полонъ проектовъ. Никогда я не встрѣчалъ человѣка, который жилъ бы такою интенсивною и полною жизнью, какъ Вильямъ Моррисъ. Даже въ моменты физическаго отдыха голова поэта вѣчно была занята чѣмъ-нибудь. Когда я наблюдалъ его дома, въ мастерской, въ словолитнѣ или въ типографіи, гдѣ печатались по его рисункамъ великолѣпныя кельмскотскія изданія, то никакъ не могъ себѣ представить Морриса «лѣнивымъ пѣвцомъ», какимъ онъ изображаетъ себя въ Земномъ Раѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя далеко въ тайникахъ души Морриса таилось громадное озеро поэзіи, отражавшее во всей прелести образы прошлаго и видѣнія будущаго,—но по натурѣ своей онъ былъ необыкновенно практичный, удивительно работоспособный человѣкъ. Его живыя, рѣзкія манеры, пылкость и рѣшительность характера были свойствами активной натуры, а не мечтательнаго поэта. Другой Моррисъ проявлялся, когда сидѣлъ спокойно съ трубкой въ зубахъ, въ обществѣ близкихъ друзей. Тогда также поэтъ проявлялъ, нисколько не рисуясь, свои громадныя знанія, поражавшія меня постоянно. Я изумлялся не только знаніямъ Морриса, но и тому, что онъ изучалъ предметъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Громадное воображеніе давало возможность поэту возстановлять передъ слушателемъ яркую картину.

«Какъ теперь вспоминаю вечера, проведенные мною у Морриса въ его изящномъ домѣ на берегу Темзы... Здѣсь поэтъ проявлялъ свое удивительное знаніе разныхъ англійскихъ провинцій и ихъ исторіи. Онъ разсказывалъ намъ, напр., про Сессексъ, извѣстный мнѣ хорошо съ дѣтства. И я видѣлъ страну совершенно въ новомъ свѣтѣ, въ какомъ она мнѣ раньше никогда не представлялась. Въ нѣсколько минутъ Моррисъ набросалъ передъ нами яркую картину страны въ то время, когда ея приморскія города, монастыри, замки и мастерскія процвѣтали; когда Сессексъ фактически былъ отрѣзанъ отъ остальной Англіи громад-

нымъ Эшдаунскимъ лѣсомъ. Вся жизнь того періода прошла передъ моими глазами. Вотъ путешественники прибываютъ въ Рай, Винчелси или Гастингсъ; они направляются въ Бодайэмъ, Пивенси или въ Херстмонсо. На ночь они останавливаются въ Льюисъ-Кастлѣ или въ монастырѣ. Имъ устраиваютъ ужинъ. Затѣмъ кавалькада углубляется въ лѣсъ и осторожно слѣдуетъ гуськомъ по узкимъ дорожкамъ, постоянно опасаясь нападенія.

«Въ лѣсу есть полная возможность для нѣкоторыхъ путешественниковъ проявить удаль, молодечество и находчивость. И все это Моррисъ описывалъ такъ ярко, какъ будто вмѣстѣ съ Чосеромъ былъ очевидцемъ... Я получилъ яркое представленіе о битвѣ при Азинкурѣ только тогда, когда ее мнѣ описалъ Моррисъ во время обѣда въ нашемъ клубѣ» *). Вильямъ Моррисъ, какъ извѣстно, желалъ скрасить современную жизнь, обставляя ее старинными декораціями. Онъ находилъ, напр., современныя книги уродливыми, и завелъ словолитню, изъ которой вышелъ шрифтъ, составленный по рисункамъ XV вѣка. Этимъ шрифтомъ были отпечатаны in folio на ручномъ станкѣ, нѣкоторыя книги, доступныя по цѣнѣ только очень богатымъ людямъ (книга стоила отъ 30 — 50 рублей). Моррисъ находилъ не безъ основанія рисунки современныхъ ситцевъ отвратительными и составилъ свои рисунки. По нимъ на ручныхъ станкахъ отбиты были ситцы, опять же доступные по цѣнѣ только тѣмъ, которые могли покупать книги изъ Кельмскотской типографіи. Моррисъ возстановилъ рисунки старинныхъ англосаксонскихъ ковровъ и завелъ ткацкую мастерскую. Мелкій клэркъ или рабочій покупали машинный аксминстерскій коверъ, обходящійся въ 25 — 30 шил., а не артистическій коверъ изъ Кельмскотской мастерской, стоившій 20—25 ф. с. При устройствѣ типографіи и мастерскихъ Моррисъ проявилъ не только замѣчательную энергію, но и поразительную практичность.

VII.

Въ 1879 году Хайндмэна, какъ онъ самъ разсказываетъ, всѣ считали «другомъ консерваторовъ». Интересно, что, несмотря на постоянныя заявленія о своей «революціонности» и на увѣренія, что онъ отдѣлался отъ общественныхъ предразсудковъ, старый тори постоянно проявляется въ соціалъ-демократѣ. Политическія симпатіи его постоянно на сторонѣ боговъ торійскаго пантеона, тогда какъ авторъ не скрываетъ своей ненависти къ либераламъ. «Признаться, я принадлежу къ числу тѣхъ, которые никогда не были поклонниками Гладстона,—пишетъ Хайндмэнъ.—Его удивительная физическая выносливость, замѣчательныя ораторскія способности,

*) «The Record», 351—354.

обширныя, но очень поверхностныя знанія, рѣдкій талантъ быстро приспособляться къ окружающимъ условіямъ и поразительное вліяніе на Палату общинъ — были очевидны. Но для меня внѣ сомнѣнія, что всѣ эти качества не контролировались политическимъ умомъ крупнаго калибра. Гладстонъ не былъ отъявленнымъ лицемѣромъ и ханжей; но онъ до такой степени увѣровалъ въ свою миссію, что искренно считалъ всѣхъ своихъ противниковъ служителями дьявола. И только глубокой вѣрой въ собственную непогрѣшимость можно объяснить, какимъ образомъ тотъ самый человѣкъ, который пламенно отстаивалъ независимость Италіи и освобожденіе балканскихъ государствъ, — завоевывалъ Египетъ, угнеталъ Ирландію и проявлялъ полный индифферентизмъ къ судьбамъ Индіи» *).

Хайндмэнъ забываетъ прибавить, что Гладстонъ рѣшительно и смѣло измѣнилъ свою политику въ Ирландіи, когда убѣдился въ ошибочности ея. Авторъ «Записокъ» самъ отмѣчаетъ поразительное вліяніе Гладстона на всѣ парламентскія партіи, которое было бы непонятно, будь онъ заурядным человѣкомъ. «Вліяніе Гладстона на Нижнюю палату было такъ велико (въ томъ числѣ, даже на тори), что когда Дизраэли вышелъ въ отставку, никто не дерзалъ помѣряться въ «великимъ старцемъ». Въ самомъ дѣлѣ, вожди консервативной партіи относились къ Гладстону съ такимъ уваженіемъ, какъ будто они вполнѣ сочувствовали ему, а боролись съ нимъ только изъ партійныхъ соображеній» **).

Зато съ глубокимъ уваженіемъ относится Хайндмэнъ къ лорду Солсбри, а въ особенности къ Дизраэли, котораго зналъ лично. «Сомнѣваюсь, понималъ ли вполнѣ Гамильтонъ удивительно талантливаго Солсбри, политика котораго была вполнѣ венеціанская по тонкости и по неразборчивости въ средствахъ. Единственнымъ недостаткомъ лорда Солсбри, по моему мнѣнію, было то, что онъ не всегда прямолинейно приводилъ свои планы въ исполненіе». Еще выше Солсбри ставилъ Хайндмэнъ Дизраэли, являющагося теперь главнымъ божествомъ въ пантеонѣ англійскихъ консерваторовъ. «Почему Гладстона, радикально измѣнившаго свои политическіе взгляды и ставшаго изъ тори крайнимъ либераломъ, считаютъ высоко нравственнымъ въ политическомъ смыслѣ, а Дизраэли, всегда преданнаго своей партіи, называли недобросовѣстнымъ, — я рѣшительно отказываюсь понимать... Меня лично привлекало къ Дизраэли его сочувствіе политическимъ и соціальнымъ реформамъ и оппозиція либеральному лицемѣрію среднихъ классовъ, — продолжаетъ Хайндмэнъ. — Сильное вліяніе на меня, впрочемъ, имѣла не столько политическая, сколько литературная дѣятельность Биконсфильда. Внѣ сомнѣнія, что онъ глубоко сочув-

*) „The Record". etc., P. p. 202 — 203.
**) Ib., p. 408.

ствовалъ чартистамъ». Въ романѣ Дизраэли Sybil содержится замѣчательное предсказаніе роста демократіи. Романъ проникнутъ тѣмъ же сочувствіемъ къ пролетаріату, какъ произведенія Карлайля, Рескина и Кингсли. «Всю свою жизнь Дизраэли никогда не пропускалъ случая провести реформу, клонящуюся къ политическому или экономическому освобожденію класса, которому сочувствовалъ съ раннихъ лѣтъ» *).

Я не коснусь совершенно соціалистической дѣятельности Хайндмэна. Онъ написалъ нѣсколько хорошихъ книжекъ, въ которыхъ ознакомилъ англичанъ съ ученіемъ Маркса **) и два-три памфлета, изъ которыхъ одинъ «Bancruptcy of India» произвелъ большое впечатлѣніе; издавалъ газету ***), основалъ партію и, въ концѣ концовъ, остался одинъ. Передъ нами вождь безъ послѣдователей, такъ какъ всѣ они оставили его; но, судя по книгѣ, жизнерадостность Хайндмэна нисколько не уменьшилась отъ этого. Авторъ—крайній оптимистъ. «Великобританія единственная страна въ мірѣ, гдѣ принципы научнаго соціализма могутъ быть мирно и сравнительно быстро проведены въ жизнь,—заканчиваетъ свою книгу Хайндмэнъ.—Только невѣжество работниковъ всѣхъ категорій и вслѣдствіе этого непониманіе дѣйствительности мѣшаетъ намъ немедленно ступить на путь соціалистическихъ преобразованій. Экономическія формы готовы для соціальной революціи. Правительство и муниципалитеты являются теперь самыми крупными работодателями. Банки, желѣзныя дороги, рудники, фабрики, торговые склады легко могутъ быть теперь національзированы. Мы стоимъ у порога соціалистическаго общества. Земельный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только соціализаціей капитала».

Діонео.

*) P. 232.

**) «Historical Basis of Socialism», «Summary of the Principles of Socialism», «Economics of Socialism» и «Dawn of a Revolutionary Epoch».

***) «Justice», въ которой вначалѣ участвовали Вильямъ Моррисъ, Бернардъ Шау, Губертъ Блэндъ, Солтъ, Чэмпіонъ и др.

На очередныя темы.

Культурная драма *).

(Окончаніе).

Мѣры предупрежденія и пресѣченія. XII. Административная ссылка и порочные люди. — XIII. Проектируемыя и практикуемыя мѣры розыска.— XIV. Идейные союзники.—XV. Проекты поголовнаго выселенія; агитація овцеводовъ.—XVI. Какъ плодятъ абрековъ и какъ служатъ порочные люди.—XVII. Слѣдоводители и дикая вира.—*Заключеніе.* XVIII. Гдѣ граница между разбойниками и мирнымъ населеніемъ?—XIX. Когда окончится кавказская драма?

XII.

Предыдущій очеркъ я озаглавилъ: «какъ искореняютъ грабежи и разбои на Кавказѣ». Я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, то радикальное средство, которое употребляется кавказскими властями въ борьбѣ съ застарѣлою болѣзнью и которое особенно широко практиковалось временно-охотничьимъ отрядомъ подъ командой г. Вербицкаго. Состоитъ оно въ томъ, что разбойниковъ просто-на-просто истребляютъ,—истребляютъ, гдѣ возможно и какъ возможно. Но это средство—не единственное. Помимо хирургическаго вмѣшательства,—если выразиться въ медицинскихъ терминахъ,—администраціею примѣняются и другія средства, такъ сказать, профилактическаго, симптоматическаго и даже симпатическаго характера. Съ кое-какими изъ этихъ средствъ мы попутно уже познакомились.

Такъ, среди профилактическихъ мѣръ одною изъ самыхъ полезныхъ издавна считалось и до сихъ поръ считается обезоруженіе туземнаго населенія. Нѣкоторые думаютъ даже, что въ оружіи, какое имѣется у туземцевъ, заключается все дѣло: отобрать его,— и разбои прекратятся. Даже такой спеціалистъ по разбоямъ, какъ г. Вербицкій, въ одномъ изъ своихъ докладовъ такъ объяснялъ ихъ происхожденіе.

Дебри Чечни и Ингушіи,—писалъ онъ,—находясь почти внѣ контроля, даютъ полную возможность заводить и сохранять оружіе,—вещь для туземца, въ большинствѣ бездѣльничающаго, самую дорогую. Отсюда соревнованіе, похвальба, цѣлый спортъ, а научившись владѣть оружіемъ, останется только примѣнить его въ дѣло... Если прибавить сюда и то обстоятельство, что на пріобрѣтеніе оружія зачастую укладываются послѣдніе гроши, то яснымъ становится желаніе дикаго и не умѣющаго трудиться туземца возмѣстить свои убытки упрощеннымъ способомъ. Ва-

*) См. „Русское Богатство“, іюль и сентябрь.

женъ первый шагъ, и такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, преступленіе остается безнаказаннымъ, то и продолженіе неминуемо: малый воръ становится большимъ, отъ угрозы переходитъ къ убійству, затѣмъ—абрекъ, герой, а слѣдовательно, и новый примѣръ для подростающаго, жаждущаго подвиговъ, поколѣнія.

Видите, какъ просто... Впрочемъ, другіе разсуждаютъ и того проще:

Съ палкой или дубиной—писалъ, напримѣръ, атаманъ станицы Слѣпцовской, рекомендуя совершенно обезоружить туземное населеніе, —туземецъ на разбой не рискнетъ, а съ оружіемъ кремневымъ или кинжаломъ можетъ посягнуть на всякую преступность изъ-за легкой наживы *).

Руководясь подобными соображеніями, кавказская администрація издавна принимаетъ всякія мѣры, чтобы стѣснить пріобрѣтеніе и ношеніе оружія туземцами и даже отобрать то, которое у нихъ уже имѣется. Но читатели, какъ мнѣ кажется, достаточно познакомились съ мѣропріятіями этого рода и достигаемыми при ихъ помощи результатами, и вновь къ этому предмету я могу теперь не возвращаться.

Другая мѣра, широко практикуемая кавказскою администраціей съ цѣлью обезвредить населеніе и предупредить грабежи и разбои, это—высылка «порочныхъ людей» изъ предѣловъ области. Для ссылки туземцевъ прежде имѣлось даже особое мѣсто,—Чечень-островъ; теперь, какъ и прочихъ россійскихъ обывателей, ихъ отправляютъ въ Сибирь и сѣверныя губерніи. Въ предыдущемъ изложеніи мнѣ пришлось упоминать объ этой мѣрѣ лишь мимоходомъ, и теперь не лишне будетъ нѣсколько остановиться на ней.

Прежде всего необходимо отмѣтить тѣ затрудненія, съ какими приходится считаться въ этомъ случаѣ администраціи, и ту изобрѣтательность, которую проявляетъ она, чтобы обезпечить планомѣрное и цѣлесообразное дѣйствіе административно-ссыльнаго механизма.

Одно изъ главныхъ затрудненій заключается въ томъ, какъ въ общей массѣ населенія найти тѣхъ людей, которыхъ, въ интересахъ общественной профилактики, надлежитъ отправить въ мѣста отдаленныя. Единственный объективный признакъ, которымъ могла бы руководиться администрація, это—опороченіе по суду. Нерѣдко она имъ и пользуется, но вполнѣ онъ, видимо, ее не удовлетворяетъ. Судебный аппаратъ дѣйствуетъ въ области крайне плохо, нерѣдко имъ опорочиваются совершенно невинные люди и еще чаще, какъ можно думать, отъ него вовсе ускользаютъ наиболѣе порочные элементы. Если русская администрація вообще не считаетъ возможнымъ положиться на судебную квалификацію, то на

*) 21 іюля 1909 г. № 2054.

Кавказѣ это и подавно ей представляется рискованнымъ. Приходится изыскивать другія средства.

Сама собой явилась мысль обратиться къ содѣйствію населенія, которому всѣ порочные люди, конечно, извѣстны. По мнѣнію кн. Капланова, высказанному имъ на грозненскомъ съѣздѣ *),

---

*) Мнѣ пришлось уже упоминать, что по вопросу о разбойничествѣ въ 1909 г. въ Терской области былъ созванъ рядъ съѣздовъ: участковыхъ, окружныхъ и областной (въ г. Грозномъ). Протоколами, журналами и докладами этихъ съѣздовъ я и пользуюсь. Кромѣ того, въ томъ же году по вопросу о мѣрахъ борьбы съ разбойничествомъ были затребованы мнѣнія станичныхъ и аульныхъ властей, каковыя мнѣнія имѣются у меня въ подлинникахъ и на которыя я тоже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылаюсь.

Чтобы читатели представили себѣ характеръ и значеніе матеріаловъ, которыми я пользуюсь, не лишне будетъ дать по поводу ихъ нѣкоторыя объясненія. На съѣздахъ, кромѣ представителей администраціи (участковыхъ, окружныхъ начальниковъ и т. д.), присутствовали и представители отъ населенія, „назначенные и выбранные". Какъ выбирались представители, я не знаю. Во всякомъ случаѣ, на съѣздахъ рѣшительно преобладали и играли безусловно руководящую роль должностныя лица. Другіе представители должны были прилаживаться къ заданному ими тону. Особенно стѣсненными чувствовали себя, какъ можно думать, туземцы,— тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ не владѣли даже русскою рѣчью. „Что, какъ не грубую насмѣшку надъ безсиліемъ чеченскаго народа,—пишетъ теперь г. Ткачевъ,—могутъ представлять эти шумливые послѣдніе съѣзды, гдѣ къ связанному по рукамъ и ногамъ народу правители обращались съ вопросомъ, какія бы мѣры посовѣтовалъ онъ самъ, чтобы излѣчить его отъ болѣзни. Что это, какъ не издѣвательство?" (Г. А. Ткачевъ. Ингуши и чеченцы въ семьѣ народностей Терской области. Владикавказъ. 1911. Стр. 60). Этотъ отзывъ — къ слову сказать, человѣка очень близкаго къ терской администраціи,—несомнѣнно, нужно признать утрированнымъ. Объясняется онъ, какъ можно думать, тѣмъ, что администрація уже отказалась отъ мысли призвать само населеніе къ участію въ разработкѣ одного изъ самыхъ наболѣвшихъ вопросовъ. „Что можетъ вамъ сказать,—пишетъ г. Ткачевъ,—народъ, лишь вчера вышедшій изъ колыбели?» Отвѣтъ самъ собою, конечно, подразумѣвается: ничего путнаго сказать онъ не можетъ, безъ народа начальство лучше справится... Съ нашей точки зрѣнія, попытку привлечь народъ къ борьбѣ съ угнетающимъ его зломъ можно было бы только привѣтствовать. Все дѣло въ томъ, что эта попытка была сдѣлана въ данномъ случаѣ въ крайне неудачной формѣ и, въ результатѣ, въ трудахъ съѣздовъ сказалось не столько независимое общественное мнѣніе,—и тѣмъ болѣе не столько мнѣніе широкихъ слоевъ населенія,—сколько мнѣніе довольно тѣснаго административнаго круга и близкихъ къ нему лицъ. Но и неудачные съѣзды были не совсѣмъ безполезны: многое на нихъ все таки вскрылось. Кое-что вскрылось въ совсѣмъ наглядной формѣ. Упомяну хотя бы о такомъ эпизодѣ, разыгравшемся на одномъ изъ съѣздовъ: одно изъ начальствующихъ лицъ щеголяло съ дорогимъ кинжаломъ на поясѣ; туземцы присмотрѣлись, и узнали кинжалъ, отнятый у одного изъ нихъ Зелимханомъ; такимъ образомъ совершенно наглядно вскрылась близость одного изъ начальствующихъ лицъ къ послѣднему...

Что касается матеріаловъ, доставленныхъ станичными и аульными правленіями, то и въ нихъ, конечно, отразилось не столько мнѣніе населенія, сколько мнѣніе низшей администраціи, старающейся попасть въ тонъ высшему начальству, а то и просто отписывающейся по установив-

«въ каждомъ аулѣ извѣстны не только настоящіе, но и будущіе воры, т. е. тѣ, которые могутъ сдѣлаться ворами». Вотъ ихъ и надо «зарегистрировать». Терская администрація такъ и поступаетъ: время отъ времени она требуетъ отъ аульныхъ и станичныхъ обществъ, чтобы тѣ представили ей списки своихъ порочныхъ членовъ. Такіе списки, какъ увидимъ дальше, нужны администраціи не только на предметъ ссылки, но и для другихъ надобностей...

Но на этомъ пути имѣются свои препятствія, особенно ощутительныя какъ разъ среди туземнаго населенія, содѣйствіе котораго въ данномъ случаѣ представляется особенно нужнымъ.

Среди туземнаго населенія,—пишетъ нальчикское слободское правленіе—съ историческихъ временъ установился обычай не выдавать единовѣрцевъ-виновниковъ другимъ націямъ, стараясь скрывать своихъ людей отъ преслѣдованія... Это обстоятельство подтверждается тѣмъ уже, что неоднократно правительству приходилось ставить экзекуціи съ требованіемъ выдачи воровъ и порочныхъ лицъ и, несмотря на эту мѣру, общества оставались твердыми въ своемъ рѣшеніи и говорили начальству,

---

шемуся уже шаблону. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ были доставлены приговоры обществъ, но и въ нихъ нельзя видѣть результатъ свободнаго и независимаго обсужденія вопроса. Между прочимъ, въ моихъ матеріалахъ имѣется приговоръ Гудермесовскаго сельскаго общества, въ которомъ содержится детально разработанная система всяческихъ репрессій (штрафовъ, высылокъ и т. д.), которымъ должны подлежать не только абреки, но и всѣ ихъ родственники и даже все общество. Читаешь этотъ приговоръ, и прямо диву даешься: вотъ вѣдь до чего дошли люди,—сами себя со свѣта сжить хотятъ... Ларчикъ открывается, однако, просто: приговоръ составленъ 20 марта 1909 г., т. е. черезъ 6 дней послѣ устроенной въ Гудермесѣ бойни, при чемъ, какъ сказано въ приговорѣ, правила „выработаны нами по указаніямъ г. Начальника участка Берздніева и принципіально одобрены г. Начальникомъ округа“... По отношенію къ мнѣніямъ, высказаннымъ аульными старшинами, слѣдуетъ кромѣ того отмѣтить, что очень часто, какъ можно думать, это не мнѣнія самихъ старшинъ изъ туземцевъ, а мнѣнія русскихъ писарей, помощью которыхъ они должны пользоваться. При рапортѣ Атажукинскаго старшины (Нальчикск. округа) отъ 11 іюня 1909 г. за № 1102,—при рапортѣ, въ которомъ рекомендовались всевозможныя мѣры, начиная отъ награды сыщикамъ и вплоть до смертной казни,—я нашелъ даже приложенную записочку буквально слѣдующаго содержанія: „Еще многое, способствующее развитію и существованію кражъ и другихъ преступленій могъ бы я изложить, но насилу склонилъ старшину и къ доложенному донести Вашему Высокоблагородію. Остальное, можетъ быть, я доложу Вашему Высокоблагородію, когда будете здѣсь съ отрядомъ. Писарь М. Ермоленко“. И писарямъ вѣдь хотѣлось выслужиться...

Въ общемъ, какъ видятъ читатели, матеріалы сами по себѣ не могутъ считаться особенно цѣнными, но для мѣстной администраціи и господствующихъ въ ея средѣ взглядовъ, они, несомнѣнно, являются характерными. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ въ нихъ прорываются, какъ можно думать, и живыя нотки,—нотки, которыя донеслись изъ жизни и которыхъ не въ силахъ оказались заглушить административныя сужденія и типики.

что порочныхъ у нихъ нѣтъ, и кто занимается кражами и разбоями,- не знаютъ *).

Кромѣ естественнаго нежеланія выдавать своихъ однообщественниковъ для административной расправы, не менѣе сильно даетъ себя знать и боязнь мести со стороны тѣхъ, которые были бы выданы. Особенно боятся этого опять-таки туземцы, и боятся не безъ основанія. Прежде всего, предназначенный къ высылкѣ односельчанинъ, какъ они по опыту знаютъ, можетъ откупиться взяткой, уклониться такимъ путемъ отъ высылки и жестоко отомстить тѣмъ, кто его выдалъ. Но если бы онъ и былъ высланъ, то останутся все-таки его родственники, которые могутъ отомщать за него. Наконецъ,—и этого особенно боятся,—высланный можетъ возвратиться изъ ссылки, а вернется онъ не только не съ угасшимъ, но и съ разгорѣвшимся еще болѣе послѣ перенесенныхъ испытаній чувствомъ мести. Это чувство на столько властно, что у нѣкоторыхъ изъ ссыльныхъ оно является чуть ли не главнымъ стимуломъ для возвращенія на родину.

— «Какъ же сдѣлать, чтобы они не возвращались?»—спрашивалъ на Грозненскомъ съѣздѣ помощникъ наказнаго атамана, генералъ-маіоръ Орбеліани.

— Если высылка въ Сибирь не гарантируетъ отъ воровъ, то пусть ихъ ссылаютъ—предложилъ Яхшаатъ Загдаевъ—хоть въ Турцію, откуда труднѣе возвратиться». По мнѣнію урядника Бычкова, «надо обязательно высылать съ семьями: тогда имъ не будетъ предлога возвращаться обратно». Войсковой старшина Вербицкій предложилъ свой планъ: «желательно—говорилъ онъ—всѣхъ подозрѣваемыхъ преступниковъ выселить съ семействами въ особый аулъ подъ особый надзоръ».—«Неисправимыхъ же—предложилъ г. Аліевъ—ссылать на острова»...

Предлагались и другія средства. Но найти такую форму ссылки, чтобы ссыльный не могъ возвратиться, администраціи до сихъ поръ не удалось. Наиболѣе вѣрнымъ, судя по моимъ матеріаламъ, въ ея кругахъ считается средство, предложенное урядникомъ Бычковымъ: ссылать съ семьями... Но и противъ этого имѣются возраженія. «У насъ—заявилъ на грозненскомъ съѣздѣ представитель ногайскаго народа, Аракчіевъ,—ссыльные преступники находятъ поддержку. Если высылать съ семьями, то они еще больше будутъ находить сочувствія». Въ результатѣ, добиваться выдачи порочныхъ людей станетъ, пожалуй, еще труднѣе, а возвратъ ихъ на родину, въ виду сочувствія, на которое они могутъ разсчитывать, сдѣлается, быть можетъ, даже легче.

Надо изобрѣсти что-нибудь другое.—«Шагуинъ Аліевъ заявилъ, что всѣ разговоры будутъ излишни, если онъ выскажетъ свое мнѣніе. Поэтому пусть онъ говоритъ первымъ» — предложилъ

*) 12 августа 1909 г., № 2317.

г. Вербицкій послѣ одного изъ перерывовъ на грозненскомъ съѣздѣ. Слово было предоставленно Шагуипу Аліеву, и тотъ предложилъ такой планъ:

1) Для выбора старшины собрать выборныхъ по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. 2) Этихъ выборныхъ передъ выборомъ старшины привести къ присягѣ. 3) Выбранный такимъ образомъ старшина составляетъ списокъ всѣхъ неблагонадежныхъ, опрашивая помощниковъ, муллу и пр. Выборные десятскіе опять приводятся къ присягѣ, что не будутъ скрывать воровъ. Затѣмъ они созываются въ правленіе, гдѣ предъявляется имъ списокъ воровъ. 4) Списокъ составили. Ставятъ ящики: черный или бѣлый. Правленіе освобождается отъ всѣхъ, остаются только старшина и мулла. Затѣмъ подтверждается данная присяга и происходитъ баллотировка.

Ящикъ раскрываютъ при всѣхъ. Въ списокъ заносятъ въ порядкѣ количества полученныхъ шаровъ. Списокъ этотъ представляется начальнику округа...

Самъ Шагуипъ Аліевъ придавалъ, повидимому, особое значеніе присягѣ. Но въ его планѣ была и другая мысль, давно уже разрабатываемая администраціей: обставить выдачу такъ, чтобы порочные люди не знали, кто ихъ выдалъ. Такой способъ составленія списковъ порочнымъ людямъ и былъ принятъ въ концѣ-концовъ грозненскимъ съѣздомъ; только старшину и муллу, предложенныхъ Аліевымъ, съѣздъ замѣнилъ болѣе надежнымъ въ глазахъ администраціи лицомъ,—начальникомъ участка.

Надо, однако, сказать, что и этотъ способъ далеко не вполнѣ гарантируетъ отъ мести. Съ одной стороны, трудно сохранить тайну баллотировки, особенно въ небольшихъ обществахъ, гдѣ легко по пальцамъ высчитать, кто куда положилъ свой шаръ; а съ другой стороны, мстить вѣдь можно не только отдѣльнымъ лицамъ, но и всему обществу.

Болѣе легкой задачей представляется администраціи справиться съ нежеланіемъ туземцевъ выдавать своихъ однообщественниковъ. Этого вопроса на обсужденіе съѣздовъ она даже не ставила. Когда же на грозненскомъ съѣздѣ зашла рѣчь объ этомъ, то г. Вербицкій объяснилъ, что средства противъ упорствующихъ у администраціи имѣются. И привелъ такой примѣръ:

— Въ горной части мнѣ сказали, что воровъ не выдадутъ. «Когда, молъ, найдете сами, тогда ихъ и высылайте».—«Да, я воровъ найду и помимо выдачи сборомъ; но знайте, если я найду, напримѣръ, четырехъ воровъ, то вмѣстѣ съ ними вышлю такое же количество самыхъ вліятельныхъ выборныхъ, какъ укрывателей»...

Одинъ изъ чеченцевъ, г. Чермоевъ, подалъ, было, на это такую реплику:

— Зачѣмъ ссылать нашихъ почетныхъ стариковъ въ Сибирь? Если В. С. Вербицкій имѣетъ такую власть, то пусть лучше сошлетъ всѣхъ воровъ, и мы будемъ благодарны...

Но въ томъ-то и дѣло, что найти воровъ администрація не

можетъ. За то она въ силахъ навести такой страхъ на туземцевъ, что они сами порочныхъ людей выдадутъ. Г. Вербицкій достаточнымъ считалъ для этого демонстрацію вооруженной силы. Если этого мало, то власти могутъ и, дѣйствительно, прибѣгаютъ къ экзекуціямъ. Въ крайнемъ случаѣ, имѣется и еще средство, издавна практикуемое русскими властями, когда масса не выдаетъ «зачинщиковъ»: можно взять перваго, пятаго, десятаго...

«Если виновные не будутъ обнаружены, — предлагаетъ въ своемъ рапортѣ бавтугаевскій сельскій старшина,—общество по жребію обязано выдать въ руки администраціи двухъ подозрительныхъ для удаленія» *). Ссылка «по жребію» встрѣчается и во многихъ другихъ проектахъ,—въ проектахъ, принимавшихся и обсуждавшихся съ достодолжною серьезностью. Входила она и въ планъ Шагуипа Аліева, цитированный мною выше. Въ случаѣ какой-нибудь кражи,—по его проекту,—

начальникъ округа вызываетъ къ себѣ внесенныхъ въ списокъ воровъ и опрашиваетъ ихъ по одиночкѣ о томъ, кто укралъ. При этомъ предупреждаетъ, что если виновный не найдется, то будетъ сосланъ въ Сибирь одинъ изъ нихъ по жребію. Кто-нибудь да и выдастъ. Въ противномъ случаѣ бросаютъ жребій, и двое изъ вынувшихъ ссылаются въ Сибирь на два года. Тогда оставшимся родственникамъ предоставляется право розыска настоящихъ виновниковъ и выдачи ихъ.

Не знаю, практиковала ли уже терская администрація ссылку по жребію, или дѣло не шло пока дальше проектовъ... **) Во всякомъ случаѣ средствъ, чтобы сломить «упорство», въ ея распоряженіи имѣется достаточно. И такъ или иначе, но списки порочныхъ лицъ отъ обществъ она получаетъ...

Но за тѣмъ остается вопросъ, кто въ эти списки попадаетъ. Въ газетахъ было какъ-то разсказано, какъ составлялся списокъ порочныхъ членовъ (для ссылки въ Сибирь) въ слободѣ Нальчикѣ.

Собрался общественный сходъ. Міроѣды, почти всѣ члены союза русскаго народа, кричали: «Прежде всего надо выселить толстовцевъ, потому что они выдумали новую вѣру, иконъ не признаютъ и молятся на портретъ графа Толстого. Потомъ слѣдуетъ хорошенько пощупать жидовъ: они мошенники, да и бунтовать любятъ. Затѣмъ надо среди русскихъ поискать воровъ, пьяницъ и развратниковъ». Является слободской старшина; на столъ ставятся баллотировочные ящики и начинается чтеніе заранѣе составленнаго списка порочныхъ лицъ, но при этомъ ни однимъ словомъ не объясняется, въ чемъ состоитъ порочность каждаго изъ нихъ.

---

*) 13 іюля 1909 г. № 797.

**) Косвенныхъ указаній на то, что такая ссылка практикуется, имѣется не мало. Напримѣръ, въ концѣ октября намѣстникъ распорядился выслать „семь наиболѣе вредныхъ шейховъ съ семьями". Степень вредности, очевидно, еще не установлена, а число уже назначено... Извѣстны случаи, когда въ число высылаемыхъ назначались малолѣтніе и даже покойники. Объяснить это можно однимъ только: пятый-десятый опредѣлялись, очевидно, по списку, какой подвернулся подъ руку.

— Николай Самотоповъ!—кричитъ старшина.—Господа, кладите шары: налѣво за порочность, направо за непорочность.

— Самотоповъ—воръ и пьяница, его давно слѣдуетъ вышвырнуть!—кричатъ союзники.

Слобожане переминаются въ нерѣшительности:

— Да вѣрно ли, что Самотоповъ воръ? Какъ бы грѣха на душу не взять...

Однако, послѣ нѣкотораго колебанія «вышвыриваютъ» Самотопова изъ среды общества.

— Горскій еврей Тамиу Дыгиловъ,—читаетъ старшина.

— Жида надо упечь!—кричитъ союзникъ Озерцовъ.—Онъ—воръ, мошенникъ и бунтовщикъ.

Но оказывается, что многіе изъ слобожанъ лично совсѣмъ не знаютъ Дыгилова.

— За что будемъ губить человѣка: можетъ, онъ честный человѣкъ! Если бы воръ былъ, тогда совсѣмъ другое дѣло... Мы его совсѣмъ не знаемъ.

— За то мы знаемъ, что онъ вредный человѣкъ!—кричатъ союзники.—Надо воздухъ очистить отъ вредныхъ газовъ, чтобы вѣрнымъ сынамъ русской земли жилось легче. А тѣмъ, кто заступается за жидовъ, не поздоровится.

Въ число «вышвырнутыхъ» попалъ и Дыгиловъ, а съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ горскихъ евреевъ и русскихъ.

А вслѣдъ за тѣмъ разыгрывается другая сценка, финалъ которой получилъ впослѣдствіи судебную квалификацію.

Покончивъ съ порочными, союзники отправились въ ресторанъ „Курортъ", выпили изрядно и принялись упрекать одинъ другого „въ разной подлости": оказывается, одинъ не такъ давно укралъ у кабардинца бурку, другой—другъ и пріятель конокрадовъ, третій „сбондилъ" хомутъ и т. д. Началась ругань, и дѣло едва до драки не дошло. А къ этому времени хозяинъ ресторана обнаружилъ пропажу у себя восьми штукъ куръ. Принялся искать ихъ, заглянулъ подъ коридоръ и видитъ: сидитъ тамъ союзникъ Озерцовъ, подъ мышкой держитъ хозяйскаго пѣтуха, а въ рукахъ связанныхъ нога за ногу семь куръ *).

Какъ составляются списки порочныхъ въ ингушскихъ и чеченскихъ селеніяхъ, мы не знаемъ, ни одинъ корреспондентъ намъ объ этомъ не разскажетъ. Намъ извѣстно лишь, что тамъ имѣются свои міроѣды, свои секты и партіи; возможно, что имѣются даже свои «союзники», хотя бы и не столь шумливые; во всякомъ случаѣ тамъ есть ненавидящіе другъ друга кровники... Возможно, что и тамъ при составленіи списковъ сводятся всякіе счеты и притомъ не всегда въ пользу добродѣтели. Во всякомъ случаѣ мѣстной администраціи кое-что на этотъ счетъ извѣстно.

«Были случаи,—говорилъ помощникъ наказнаго атамана на грозненскомъ съѣздѣ,—когда въ селеніяхъ записывали въ преступники бѣдныхъ, одинокихъ людей, а богатыхъ изъ большихъ семействъ воровъ скрывали изъ боязни мести». Надо было выдать

*) „Рѣчь", 31 марта.

кого-нибудь начальству, ну, и выдавали тѣхъ, кто постоять за себя не въ силахъ и вступиться за которыхъ некому.

«Были случаи,—заявилъ генералъ-маіоръ Орбеліани въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій,—когда старшина выдавалъ людей изъ личной мести... Были случаи, что общества несправедливо нападали на какое-нибудь лицо». По словамъ одного изъ участковыхъ начальниковъ, шт.-кап. Розаліонъ-Сошальскаго, «при опредѣленіи (внесеніи въ списки) порочныхъ людей для желающихъ наживы настаетъ самое благопріятное время». А такіе желающіе, конечно, всегда имѣются.

Бываетъ даже такъ, повидимому, что заносятся въ списки порочныхъ и предназначаются къ высылкѣ какъ разъ тѣ люди, которые помогаютъ начальству искоренять разбойничество. По крайней мѣрѣ, въ моихъ матеріалахъ имѣется нѣсколько прошеній предназначенныхъ къ высылкѣ лицъ, которыя увѣряютъ, что ихъ высылаютъ по злобѣ, за то, что они ловили воровъ и убивали разбойниковъ. Для примѣра приведу прошеніе казака ст. Щедринской Петра Дорошенко отъ 3 апрѣля 1909 г. Раньше онъ служилъ въ партизанской командѣ и велъ, по его словамъ, энергичную борьбу съ преступниками: онъ поймалъ Алексѣя Шаповалова, когда тотъ воровалъ войсковой лѣсъ; поймалъ Андрея Зеленскаго съ похищеннымъ имъ сѣномъ, захватилъ Ивана Пономаренко съ похищенными имъ баранами и т. д. и т. д.

Всѣ совершенныя этими лицами преступленія—продолжаетъ Дорошенко—могу подтвердить фактически, которыя я самъ лично открывалъ; въ семъ 1909 г. лица эти состоятъ выборными на сборѣ, въ виду изложеннаго питая на меня зло и, когда поступили, стали уговаривать другихъ выборныхъ, съ которыми состоя въ родствѣ, а съ нѣкоторыми въ тѣсной дружбѣ, выдали меня правительству, не имѣя противъ меня никакихъ уликъ. Я же не только не велъ свою порочную жизнь, а напротивъ, состоя въ партизанской командѣ, открывалъ таковыхъ, а въ 1907 г. убилъ въ лѣсу станицы Щедринской 2-хъ злоумышленниковъ, за что общество мнѣ выдало 50 руб. вознагражденія. Общество вѣскихъ доказательствъ противъ меня не имѣетъ...

Видите, какой заслуженный человѣкъ: даже убилъ двоихъ злоумышленниковъ,—и вдругъ его приговариваютъ къ ссылкѣ... Имѣя въ рукахъ такое прошеніе,—а оно до начальства вѣдь дошло,—приходится признать одно изъ двухъ: или правительство въ борьбѣ съ грабежами и разбоями пользовалось услугами извѣстнаго всему населенію вора, или населеніе (въ данномъ случаѣ—казачье населеніе) включило въ списокъ порочныхъ людей вѣрнаго слугу правительства.

Но если бы такихъ случаевъ и не было, администрація, въ силу указанныхъ уже причинъ, не можетъ быть увѣренной въ доброкачественности списковъ, составляемыхъ сельскими обществами,—и тѣмъ болѣе списковъ, составляемыхъ подъ угрозой военной силы, экзекуцій, штрафовъ и т. д.

И этой увѣренности, видимо, нѣтъ у нея...

XIII.

„Вамъ, можетъ быть, покажется, господа, страннымъ—говорилъ на областномъ съѣздѣ начальникъ грозненскаго округа, полковникъ Стрижовъ,—услышать отъ меня, старшаго начальника окружной полиціи, тотъ выводъ, къ которому я пришелъ, а именно: число лицъ, подвергнутыхъ административной ссылкѣ, обратно пропорціонально коэффиціенту умѣлой дѣятельности чиновъ полиціи. Я смѣло говорю: тамъ, гдѣ больше административно-ссыльныхъ, тамъ менѣе искусны агенты полиціи и тѣмъ хуже ея организація. Вы не забывайте, г.г., что ссылкѣ подвергаются не преступники съ ясными уликами содѣяннаго ими преступленія, а только лишь подозрѣваемые, въ числѣ которыхъ могутъ быть и невиновные, въ то время, какъ виновные, оставаясь на свободѣ, продолжаютъ свою преступную дѣятельность. И къ этому способу (ссылкѣ) администрація прибѣгаетъ лишь тогда, когда чины полиціи безсильны добыть ясныя судебныя доказательства, при чемъ когда даже и въ этомъ направленіи неумѣлыя дѣйствія полиціи не дадутъ никакихъ результатовъ, дающихъ право лишь „подозрѣвать" кого-либо виновнымъ содѣяннаго преступленія,—раздаются безпомощныя жалобы, что „населеніе не выдаетъ воровъ".

Выводъ, къ которому пришелъ старшій начальникъ грозненской окружной полиціи, хотя и могъ показаться страннымъ другимъ дѣятелямъ терской администраціи, въ существѣ своемъ, несомнѣнно, правильный. Столь же правильнымъ, если «взглянуть на вопросъ подъ угломъ зрѣнія, выработаннымъ теоріей полицейскаго права», представляется и другое общее положеніе г. Стрижева, который, видимо, не прочь былъ щегольнуть полицейскимъ образованіемъ. «На опытѣ дознано—говорилъ онъ,—что никакія репрессіи, никакія кары не уменьшаютъ числа преступленій, если таковыя не будутъ обращены на непосредственныхъ виновниковъ». Это положеніе представлялось столь безспорнымъ, что подтвердить его счелъ не лишнимъ и предсѣдатель грозненскаго съѣзда, генералъ-маіоръ Орбеліани,—человѣкъ тоже не безъ образованія.

Криминалисты пришли къ заключенію,—говорилъ онъ,—что помогаетъ уменьшенію преступленій не строгость наказанія, а то, чтобы каждое преступленіе было открыто и наказаніе пало на преступника. Напримѣръ, если бы за кражу быка установили смертную казнь, но преступниковъ ловили бы очень рѣдко, то это было бы не такъ дѣйствительно, какъ назначить наказаніе за кражу быка 25 руб. штрафу, но при каждомъ случаѣ воровства ловить преступника...

Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что терская администрація, усвоившая такія истины и по опыту убѣдившаяся, что такое представляетъ изъ себя административная ссылка, отказалась впредь отъ примѣненія послѣдней и всѣхъ другихъ видовъ административной расправы; изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что отнынѣ она никого не накажетъ иначе, какъ при наличности «ясныхъ судебныхъ доказательствъ». Нѣтъ! Къ такому рѣшенію

нигдѣ еще не приходила и, конечно, сама собой не придетъ русская администрація. И въ данномъ случаѣ изъ посылокъ, развитыхъ гг. Стрижевымъ и Орбеліани, былъ сдѣланъ болѣе узкій выводъ. «Поэтому надо такъ организовать преслѣдованіе,—продолжалъ послѣдній свою рѣчь,—чтобы преступнику трудно было ускользнуть». Вотъ и весь выводъ...

Если нельзя положиться на содѣйствіе населенія, которое «не выдастъ воровъ», то, стало быть, нужно проявить изобрѣтательность въ другомъ направленіи: нужно расширить административный механизмъ, усилить полицію, развить сыскъ въ достодолжныхъ размѣрахъ. Вотъ плодотворный путь для административнаго творчества.

Съ планомъ усиленія полиціи и выступилъ полковникъ Стрижевъ. Конечно, «за счетъ мѣстнаго населенія»... Не превышая «мѣры возможности», «не выходя изъ предѣловъ своей власти», «опираясь на циркуляръ намѣстника», онъ высчиталъ, что для необходимаго усиленія полиціи, если имѣть въ виду одинъ его округъ, потребуется «ежегодный расходъ въ 18.540 руб., а въ первый годъ—34.000 руб.».

И вотъ,—говорилъ онъ,—если представители чеченскаго народа хотятъ доказать на дѣлѣ, что всѣ возгласы, которые мы слышали здѣсь о желаніи придти на помощь администраціи въ истребленіи враговъ спокойствія не праздныя слова, они, несомнѣнно, руководствуясь упомянутымъ выше циркуляромъ намѣстника, не преминутъ убѣдить пославшихъ ихъ сюда составить надлежащіе общественные приговоры объ ассигнованіи необходимыхъ средствъ.

Убѣдить имъ общества тѣмъ легче, что «средства потребуются небольшія... въ первый годъ потребуется около 83 коп. съ дома, а въ послѣдующіе годы, ежегодно,—около 65 коп.“... Начальникъ одного изъ участковъ того же грозненскаго округа, шт.-кап. Розаліонъ-Сошальскій, предложилъ съ своей стороны планъ улучшенія сельской администраціи, для чего выборныхъ старшинъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ замѣнить назначенными, а для увеличенія имъ жалованья обложить населеніе по 1 рублю съ дыма. «Кромѣ того, надъ старшинами надо имѣть извѣстный контроль, для чего слѣдуетъ въ распоряженіе участковаго начальника назначить нѣсколько полицейскихъ урядниковъ», которыми, ради экономіи, можно замѣнить сельскія правленія. Еще «надо, чтобы и мулла былъ агентомъ правительства». Кадіевъ же можно прямо зачислить въ стражники... Словомъ, улучшить и усилить полицейскую организацію не трудно,—даже безъ расходовъ со стороны казны это можно сдѣлать. Въ моихъ матеріалахъ имѣется цѣлый рядъ такихъ проектовъ,—въ разныхъ варіантахъ, конечно. Между прочимъ, кромѣ жалованья, въ нѣкоторыхъ проектахъ предлагается установить для полицейскихъ чиновъ еще вознагражденіе или, такъ сказать, сдѣльную плату за каждаго пойманнаго ими пре-

ступника и даже просто «подозрительнаго» человѣка, котораго они захватятъ.

Но одной наружной полиціи, какъ бы ея много ни было,—даже съ прибавленіемъ полицейскихъ собакъ, обзавестись которыми рекомендовалъ полковникъ Стрижевъ,—все-таки недостаточно. По опыту уже дознано, что наружная полиція очень хорошо можетъ хватать людей, но нужно еще, чтобы кто-нибудь ей указывалъ. Нужны «доказчики». Для этого писарь Ермоленко «склонилъ» атажукинскаго старшину «установить секретный сыскъ, въ видѣ назначенія для сего самихъ жителей»,—«съ выдачей наградъ», конечно, «хотя бы въ 3 руб.». Свой планъ г. Ермоленко надлежащимъ образомъ мотивировалъ.

На сколько замѣчено,—пишетъ атажукинскій старшина,—жители и вообще туземцы жадны до денегъ и среди нихъ развито доказчество по секрету, слѣдовательно, каждый житель, а въ особенности врагъ, будутъ слѣдить одинъ за другимъ, въ чаяніи получить 3 руб., тѣмъ болѣе, что имя сообщившаго останется въ секретѣ *).

Повидимому, жадность туземцевъ къ деньгамъ въ этомъ проектѣ сильно преувеличена, и за 3 рубля, пожалуй, предателя не получишь. Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, власти платятъ доказчикамъ по 50 руб.,—и платятъ не за преступника даже, а только за то, что они спрятанное ружье укажутъ. Но и при этой повышенной цѣнѣ въ доказчикахъ ощущается явный недостатокъ, услуги ихъ являются случайными. Отсюда—стремленіе сдѣлать сыскъ болѣе планомѣрнымъ и для доносовъ найти болѣе сильный стимулъ, чѣмъ денежная награда. Одинъ изъ участниковъ грозненскаго съѣзда напомнилъ, что

лѣтъ 15 тому назадъ аулъ раздѣлялся на кварталы. На каждый кварталъ назначался квартальный, который слѣдилъ за подозрительными людьми и зналъ, кто когда отлучился. Онъ провѣрялъ каждую ночь ихъ наличность. Если кого-либо не оказывалось дома, то онъ передавалъ о томъ старшинѣ...

Вотъ и теперь слѣдуетъ возстановить эту планомѣрную слежку. Ее можно и нужно развить еще шире: не только въ каждомъ кварталѣ долженъ быть подглядыватель, но въ каждой семьѣ; нужно, чтобы братъ слѣдилъ за братомъ, отецъ за сыномъ и всѣ другъ за другомъ. Кое-гдѣ такая система уже введена. Такъ, приговоромъ гудермесовскаго общества, составленнымъ 20 марта 1909 года «по указаніямъ начальника участка», первымъ дѣломъ установлена такая мѣра:

Всѣ члены каждой отдѣльной семьи, числящейся въ нашемъ обществѣ, являются отвѣтственными другъ за друга, а равно и за другихъ лицъ, живущихъ съ ними въ одной семьѣ, за поведеніе и хорошій образъ

*) 11 іюля 1909 г. № 1102.

жизни. Если кто-либо изъ семьи не пожелаетъ принять отвѣтственность за кого-либо изъ членовъ семьи, имѣющаго наклонность къ совершенію преступленій, обязанъ заявить объ этомъ надлежащимъ властямъ...

Даже о наклонности къ преступленіемъ члены семьи обязаны доносить другъ на друга. Конечно, «выдачей наградъ» къ этому ихъ, пожалуй, не побудишь. Поэтому въ данномъ случаѣ пущено въ ходъ другое средство: «лица, сдѣлавшія таковое заявленіе,—говорится въ приговорѣ,—отъ отвѣтственности за этого члена семьи освобождаются»; иначе же они отвѣчать должны, а какъ отвѣчать—объ этомъ говорится въ слѣдующихъ пунктахъ приговора:

По уходѣ кого-либо изъ жителей нашего общества въ абреки, семью его и лицъ, жившихъ съ нимъ въ одномъ домѣ, высылать въ мѣста по усмотрѣнію начальства; имущество семьи скрывшагося абрека конфисковать и обратить въ капиталъ на его же поимку...

Лицу, убившему этого абрека, выдавать вознагражденіе изъ капитала, образовавшагося отъ имущества его дыма, а при несостоятельности изъ нашихъ общественныхъ суммъ двѣ тысячи рублей; за поимку абрека живымъ, выдавать изъ тѣхъ же источниковъ одну тысячу рублей *).

Не донесшіе заблаговременно должны отправиться «въ мѣста по усмотрѣнію начальства», а ихъ брата или сына все равно уничтожатъ и еще за ихъ же счетъ убійцамъ заплатятъ. Стимулъ для доносовъ придуманъ достаточно сильный...

И это—не проектъ только; это—приговоръ, вошедшій въ законную силу... Впрочемъ, при томъ произволѣ, какой царитъ въ отношеніяхъ къ туземцамъ, между проектомъ и закономъ нѣтъ, въ сущности, разницы. Напримѣръ, замѣна выборныхъ старшинъ назначенными—это только проектъ, осуществить который, казалось бы, можно не иначе, какъ законодательнымъ порядкомъ. Но такая замѣна давно уже практикуется кавказскими властями. Вотъ и теперь: намѣстникъ распорядился «назначить правительственныхъ старшинъ во всѣхъ сельскихъ обществахъ, составляющихъ районъ дѣятельности Зелимхана» **). А районъ этотъ не маленькій,—нѣсколько округовъ въ него входятъ...

Взысканіе съ населенія денегъ на улучшеніе и усиленіе полиціи—это тоже только проектъ, но этотъ проектъ уже давно осуществляется. И при томъ еще такъ: деньги съ населенія взыскиваются, а полиція не улучшается и не усиливается. «При пріемѣ мною команды 1-го участка (веденскаго округа)—доносилъ, на-

---

*) Читатели, быть можетъ, удивятся, но такова ужъ кавказская политика: за убійство преступника,—правильнѣе сказать, подозрѣваемаго въ преступленіи,—платятъ дороже, чѣмъ за его поимку. И это, пожалуй, понятно: съ живымъ еще возиться надо, доказательства собирать, деньги на него тратить, а убитъ—и кончено дѣло. Сразу полная „ликвидація"...

**) Телеграмма С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства изъ Тифлиса отъ 27 октября 1911 г.

примѣръ, штабсъ-ротмистръ Кужуевъ—мнѣ заявлено было, что у нихъ числятся ингуши, которые никакой службы не несутъ, а жалованье получаютъ съ населенія участка; такихъ оказалось двое. родственники начальника участка... Партизанская команда 4-го участка состояла изъ 14 человѣкъ, на которыхъ въ мѣсяцъ слѣдовало взыскивать по 20 руб., всего 280 рублей, а взыскивалось значительно больше» *). Г. Кужуевъ приводитъ цѣлый рядъ такихъ случаевъ. Когда эти переборы обнаружились, то администрація потребовала отъ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ полномочія въ видѣ приговоровъ. И, конечно, такіе приговоры получила...

Во многихъ ли селеніяхъ составлены приговоры, подобные гудермесовскому,—я не знаю. Но и безъ приговоровъ администрація пользуется всѣми средствами, чтобы заставить туземцевъ доносить другъ на друга. Практикуетъ она и ссылку родственниковъ,—особенно, когда тотъ или иной абрекъ долго не дается ей въ руки. Жена и малолѣтнія дѣти Зелимхана, напримѣръ, отправлены въ Сибирь, какъ только были разысканы. Теперь намѣстникъ распорядился отправить въ ссылку и другихъ его родственниковъ, а за одно и семь шейховъ съ ихъ семьями...

Результаты, однако, получаются все время неудовлетворительные. «Секретныя свѣдѣнія», получаемыя при помощи доказчиковъ, какъ мы видѣли, нерѣдко оказываются ложными, порочные люди остаются неразысканными, абреки—непойманными... Хуже того. Имѣются основанія думать, что система доказчичества привела уже къ тѣмъ послѣдствіямъ, къ какимъ неизбѣжно ведетъ вообще система «сотрудничества»: подъ покровомъ тайны государственная организація переплелась уже съ разбойничьей, и какъ разъ самые порочные люди нерѣдко являются агентами государственной власти. Съ указаніями на такой симбіозъ намъ уже пришлось встрѣчаться, а въ дальнѣйшемъ и еще таковыя намъ попадутся.

XIV.

«Серьезнымъ препятствіемъ къ поимкѣ Зелимхана—говорится въ послѣднемъ, только что цитированномъ распоряженіи намѣстника—служитъ особая секта подъ названіемъ Зикра, комплектующая шайку Зелимхана своими послѣдователями мюридами, доставляющими ему оружіе, патроны и проч.» **). О сектахъ среди туземцевъ мнѣ пришлось уже упоминать въ предыдущемъ изложеніи. По литературнымъ даннымъ (относящимся къ началу 90-хъ годовъ) такихъ сектъ двѣ.

---

*) Рапортъ начальника 1 уч. кизлярскаго отдѣла атаману отдѣла, отъ 3 ноября 1909 г. за № 768.

**) Цитирую по упомянутой телеграммѣ Петербургскаго агентства.

Одна изъ сектъ, основатель которой Батылъ-хаджъ живетъ въ аулѣ Сыхарки, отличается джигитствомъ, выражающимся въ безстрашномъ удальствѣ, убійствахъ, воровствѣ и т. п., и крайней нетерпимостью, вслѣдствіе чего ея послѣдователи прерываютъ сношенія даже со своими родными, не примкнувшими къ сектѣ... Другая секта, основатель которой Куктъ-хаджъ скрывается неизвѣстно гдѣ и которая пользуется общими симпатіями, имѣетъ гораздо болѣе послѣдователей... Они выдѣляются своимъ смиреніемъ, набожностью и незлобивостью, не пьютъ, не курятъ и гнушаются воровства *)...

Въ моихъ матеріалахъ встрѣчаются указанія на нѣсколько сектъ, а по словамъ мѣстныхъ дѣятелей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, теперь имѣется цѣлый рядъ ихъ. Судя по этому, идейная жизнь не только не замерла у чеченцевъ, но, напротивъ, отличается въ послѣднее время особою интенсивностью. Во всякомъ случаѣ въ ихъ средѣ имѣются разныя идейныя теченія, и между представителями послѣднихъ идетъ оживленная борьба. Для стороннихъ наблюдателей эта борьба представляется не вполнѣ понятной, но несомнѣнно все-таки одно: къ разбойничеству различныя секты относятся неодинаково. Однѣ изъ нихъ, повидимому, даютъ ему идейное оправданіе, другія—считаютъ грѣхомъ. Уже одна принадлежность къ той или иной сектѣ, по мнѣнію туземцевъ, можетъ служить доказательствомъ, участвовало или нѣтъ данное лицо въ разбойничьемъ нападеніи. Приведу хотя бы такой примѣръ.

13 апрѣля 1909 г. въ с. Урусъ-Мартанѣ былъ арестованъ житель этого селенія Нукка Домбаевъ, 40 лѣтъ, подозрѣвавшійся въ томъ, что онъ участвовалъ въ плѣненіи овцевода Мѣсяцева. Отецъ арестованнаго, Домбай Богаевъ, на допросѣ, между прочимъ, показалъ:

Нукка въ молодости воровствомъ занимался, но потомъ онъ вступилъ въ секту Накшубанъ; отъ главы секты онъ посвященія не принималъ, а только принялъ всѣ обязательства секты. Поэтому я считалъ его очистившимся отъ порока.

Нуккѣ это не помогло, и онъ былъ въ концѣ концовъ повѣшенъ **)... Можетъ быть, принадлежность къ сектѣ и нельзя считать достаточнымъ судебнымъ доказательствомъ. Легко, однако, понять, что наличность указанныхъ идейныхъ разногласій въ чеченской средѣ существенно облегчаетъ задачу государства въ его борьбѣ съ разбойничествомъ. Во всякомъ случаѣ эта задача пред-

---

*) Энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Статья „Ингуши".

**) Не помогло ему и свидѣтельство аульнаго старшины, который показалъ подъ присягой, что во время плѣненія Мѣсяцева Нукка находился въ ямѣ, т. е. сидѣлъ подъ арестомъ. Къ сожалѣнію, въ моихъ матеріалахъ имѣются лишь нѣкоторые документы, относящіеся къ этому дѣлу, и я не могу судить, на сколько вѣски были улики, на основаніи которыхъ Нукка былъ приговоренъ къ смертной казни.

ставляется менѣе трудной, чѣмъ была бы она, если бы приходилось имѣть дѣло съ отвердѣвшимъ, не вызывающимъ сомнѣній и разногласій міросозерцаніемъ цѣлаго племени. Государственная власть имѣетъ возможность принять участіе въ идейной борьбѣ и обезпечить себѣ сочувственную поддержку.

Наличность сектъ и борьбы между ними не ускользнула отъ вниманія кавказской администраціи. Послѣдняя, видимо, не прочь была бы использовать этотъ факторъ въ своихъ видахъ. Но дѣлаетъ она это въ высшей степени своеобразно. Напримѣръ, на зикристовъ, считающихъ Зелимхана святымъ, она обрушивается репрессіями, совершенно упуская изъ виду, что гоненія пріобрѣтаютъ въ этомъ случаѣ религіозный характеръ, а такія гоненія, какъ извѣстно, если и могутъ дать результаты, то прямо обратные тѣмъ, которыхъ добиваются.

Еще своеобразнѣе относится администрація къ тѣмъ сектамъ, среди которыхъ разсчитываетъ найти себѣ сочувствіе. Не идейной поддержки она у нихъ ищетъ, а шпіонскихъ услугъ отъ нихъ требуетъ и на ихъ физическую силу возлагаетъ надежды. Какъ будто войскъ у государства недостаточно! Приведу хотя бы такой эпизодъ.

Приступая къ искорененію разбойничества, г. Вербицкій посѣтилъ основателей крупныхъ религіозныхъ сектъ и просилъ ихъ содѣйствія. Глава одной секты, Баматъ-Гирей Хаджи Митаевъ, далъ ему слово оказать такое содѣйствіе и даже обѣщалъ въ непродолжительномъ времени представить голову Зелимхана. Но для этого Баматъ-Гиреевъ просилъ вооружить бердановскими ружьями отъ 30 до 40 его послѣдователей. Г. Вербицкій выхлопоталъ разрѣшеніе у генералъ-губернатора для 36 человѣкъ, изъ которыхъ и сформировалась особая добровольческая команда.

Эти свѣдѣнія я почерпнулъ изъ «весьма секретнаго» рапорта штабсъ-ротмистра Кужуева, который, напомнивъ обо всемъ этомъ Вербицкому, далѣе пишетъ:

Команда эта не оправдываетъ принятыхъ на себя обязательствъ, а даннымъ Вами правомъ ношенія скорострѣльнаго оружія пользуется для своихъ сектантскихъ цѣлей, злоупотребляя при этомъ Вашимъ именемъ. Для этой цѣли команда Баматъ-Гирей-хаджистовъ производитъ обыски только у вліятельныхъ представителей другихъ сектъ и муллъ, не признающихъ Баматъ-Гирея святымъ *).

Г. Кужуевъ приводитъ рядъ случаевъ, какъ Баматъ-Гирей-Хаджисты обыскивали уважаемыхъ населеніемъ лицъ, отбирали у нихъ книги, избивали ихъ самихъ и т. д. Судя по этому перечню, больше всего страдали отъ нихъ послѣдователи упомянутой выше наиболѣе мирной секты Кунтъ-Хаджи. Не обходилось дѣло и безъ денежныхъ посягательствъ. «Представитель секты Кунтъ-Хаджи,

*) 10 августа 1909 г. № 85.

Саи Хаджіевъ,—пишетъ г. Кужуевъ—между прочимъ, обвиняетъ команду въ кражѣ ста рублей». Ну точь-въ-точь русскіе союзники, вооруженные револьверами для активной борьбы съ революціей... Въ концѣ концовъ двое изъ Баматъ-Гирей-хаджистовъ встрѣтились съ конно-охотничьей командой, которая и отобрала у нихъ ружья,—отобрала, однако, послѣ сопротивленія, едва не кончившагося кровопролитіемъ.

Такимъ образомъ своихъ идейныхъ союзниковъ г. Вербицкій успѣлъ превратить въ настоящихъ ранбойниковъ. Впрочемъ, таковыми они были, можетъ быть, и раньше. При тѣхъ методахъ, какими пользуется администрація для искорененія разбойничества, найти себѣ поддержку она можетъ, пожалуй, лишь у тѣхъ сектъ, которые даютъ разбойничеству идейное оправдавіе и даже вмѣняютъ въ обязанность своимъ послѣдователямъ это занятіе.

XV.

Въ разныхъ формахъ, какъ мы видѣли, добивается государственная власть поддержки со стороны населенія: требуетъ она содѣйствія у сельскихъ обществъ, проситъ помощи у религіозныхъ сектъ, вербуетъ себѣ на службу доказчиковъ и кровниковъ... И разными средствами она пытается обезпечить себѣ эту поддержку: требуетъ ее во имя идеи, покупаетъ ее за деньги, вынуждаетъ ее страхомъ... Однако, и за всѣмъ тѣмъ содѣйствіе населенія оказывается явно недостаточнымъ. Безъ его же помощи администрація въ громадномъ большинствѣ случаевъ безсильна найти и захватить преступниковъ,—тѣмъ болѣе безсильна она предупредить ихъ посягательства. Поэтому въ рѣшительную минуту власти обрушиваются репрессіями на тѣхъ, кто подвернется подъ руку, а то и на все населеніе.

Даже высылка нерѣдко практикуется ими въ массовой формѣ. Убѣдившись въ своемъ безсиліи отличить порочныхъ людей отъ мирнаго населенія, администрація начинаетъ высылать цѣлые аулы или цѣлыя категоріи населенія. Не далѣе, какъ нынѣшней весной, въ Сибирь были отправлены жители ауловъ Нельхъ и Кекъ въ числѣ 98 семействъ. Теперь намѣстникомъ предписано «войти съ представленіемъ о разселеніи хуторовъ, жители которыхъ уличены въ укрывательствѣ Зелимхана», а это значитъ, что вновь цѣлый рядъ селеній будетъ подвергнутъ болѣе или менѣе отдаленной высылкѣ. Въ проектахъ же и мечтахъ высылка представляется мѣстной администраціи полезной и необходимой въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ. «Всего лучше,—рекомендовалъ, напримѣръ, атаманъ станицы Вознесенской,—если возможно разселить туземцевъ по русскимъ селамъ, городамъ и станицамъ, гдѣ они обрусѣютъ и отвыкнутъ отъ своихъ дурныхъ наклонностей». Не только

низшія, но и высшія должностныя лица терской администраціи носятся съ такими же грандіозными планами. Напомню хотя бы такой случай.

Въ 1909 году послѣ ряда разбойническихъ нападеній, владикавказская городская дума обратилась по телеграфу къ высшему правительству и отправила депутацію къ начальнику области съ требованіемъ о принятіи энергичныхъ мѣръ для защиты города.

Нашлись гласные, которые потребовали у начальника области поголовнаго выселенія горцевъ въ коренную Россію, гдѣ они „растворятся" и сдѣлаются безвредными... Генералъ Михеевъ согласился даже на такую мѣру и сознался, что подобное ходатайство уже давно имъ возбуждено было, но потерпѣло фіаско, и на него послѣдовалъ отвѣтъ, что горцевъ нужно „переселять", а не „выселять", а для этого нужно дать имъ землю и деньги. Однако, онъ обѣщалъ возобновить свое ходатайство и просить о переселеніи горцевъ на персидскую границу *)...

Но и на эту комбинацію правительство, очевидно, не согласилось. Да едва ли когда и согласится: земли и денегъ на осуществленіе любого изъ подобныхъ грандіозныхъ плановъ, дѣйствительно, потребовалось бы слишкомъ много. Собственными же силами осуществить такіе проекты кавказская администрація, при всей «полнотѣ ея власти», конечно, не можетъ. Волей-неволей ей приходится отъ нихъ отказаться и удовлетворится высылкой, хотя бы и массовой, но въ болѣе скромныхъ размѣрахъ.

Между прочимъ, въ началѣ 1909 г. терскій генералъ-губернаторъ распорядился выселить всѣхъ чеченцевъ-скотоводовъ съ лѣвой стороны Терека. Такихъ скотоводовъ оказалось около 50, при чемъ каждый въ среднемъ имѣлъ, кромѣ коней, около 200 шт. рогатаго скота и до 500 шт. овецъ. Нечего и говорить, что всѣ они оказались въ ужасномъ положеніи,—тѣмъ болѣе, что распоряженіе о выселеніи застигло ихъ въ самое неудобное время.

Отъ безкормицы и продолжительной зимы— писалъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ—у меня скотъ произошелъ въ худобу, пять коровъ новотельныхъ лежать на подъемѣ, три лошади—тоже, и не болѣе пяти дней, какъ начался обкотъ барановъ; я неминуемо понесу громадный ущербъ отъ падежа скота, если онъ не поддержится выкормомъ на мѣстѣ моего кочевья мѣсяца три **).

Да и помимо этого найти кормъ и пастбища для такого громаднаго количества скота на другой сторонѣ Терека можно было не сразу. Чеченцы волей-неволей должны были продавать свой скотъ за безцѣнокъ русскимъ скотоводамъ.

Само собой понятно, что высылка мотивировалась необходимостью борьбы съ разбойничествомъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ администрація обрушилась на самую зажиточную часть

*) „Рѣчь", 3 декабря 1909 г.

**) Прошеніе Нагая Макаева Вербицкому отъ 4 апрѣля 1909 г.

чеченскаго населенія, то дѣло не обошлось безъ протестовъ. Чеченцы-скотоводы представили грозненскому съѣзду докладъ, въ которомъ исторію своего поселенія на казачьей сторонѣ и затѣмъ выселенія отсюда излагаютъ въ такомъ видѣ.

Послѣ войны съ Шамилемъ правительство всѣми мѣрами стремилось пріохотить чеченцевъ къ занятію земледѣліемъ и скотоводствомъ и успѣло достигнуть въ этомъ отношеніи замѣтныхъ результатовъ: «въ продолженіе 40—50 лѣтъ поля стали неузнаваемы, овцеводство и скотоводство приняло солидные размѣры». Чеченцы-скотоводы стали арендовать землю у казаковъ, и нѣкоторые изъ нихъ перебрались на другую сторону Терека. Такихъ насчитывалось одно время до 200 человѣкъ. При этомъ «чеченцы и казаки жили, какъ одна дружная семья, одолжая другъ друга всѣмъ необходимымъ». Такъ продолжалось «до нашествія тавричанъ, лѣтъ 15 тому назадъ». Съ появленіемъ тавричанъ, между двумя группами скотоводовъ началась конкуренція изъ-за пастбищъ, при чемъ тавричане начали агитировать среди казаковъ противъ чеченцевъ, обвиняя всѣхъ ихъ вообще, въ томъ числѣ и скотоводовъ, въ разбойничествѣ и укрывательствѣ. Чеченцы начали ликвидировать свои дѣла и въ концѣ концовъ изъ 200 скотоводовъ осталось лишь около 50. Но въ послѣднее время чеченцы вновь были допущены казачьими обществами на торги и начали довольно успѣшно конкурировать съ тавричанами.

На торгахъ Щедринскаго участка, шедшаго всего за 5000 рублей,—говорятъ они въ своемъ докладѣ,—наши чеченцы догнали этотъ участокъ до 20.000 руб. и получили въ аренду. Тавричане увидѣли, что мы, чеченцы, поняли, какую цѣнность составляетъ арендованіе участковъ, и, видя въ насъ сильныхъ конкурентовъ, начали дѣйствовать на предметъ изгнанія насъ съ насиженныхъ мѣстъ. Не знаемъ, какимъ путемъ, но они этого достигли, и теперь мы... должны все отдать тавричанамъ и уйти ни съ чѣмъ.

Между тѣмъ они, чеченцы, всегда отличались лояйльностью и «во время общихъ внутреннихъ смутъ въ Россіи проявили самую горячую преданность своему царю»; въ частности, чеченцы-скотоводы ни въ чемъ плохомъ замѣчены не были, и ихъ нельзя мѣшать съ порочными людьми, которыхъ они сами изгоняютъ изъ своей среды, а русскіе овцеводы съ какой-то «тайною цѣлью» принимаютъ ихъ къ себѣ на службу.—«Гдѣ искать правды?—восклицаютъ авторы доклада.—Къ кому обратиться? У кого просить милости не раззорять насъ?».

На съѣздѣ этотъ докладъ не былъ, однако, заслушанъ. Когда же одинъ изъ туземцевъ, г. Яндаровъ, попытался все-таки поднять этотъ вопросъ, то предсѣдатель заявилъ, что скотоводы высылаются по распоряженію генералъ-губернатора, обсуждать которое тутъ не мѣсто.

Между тѣмъ русскіе конкуренты развили, повидимому, еще

болѣе широкую агитацію. «По сосѣдству оставалось много земель, принадлежащихъ туземцамъ. На эти земли и обратили вниманіе овцеводы». Они «начали систематическій походъ противъ туземцевъ, въ видѣ настойчивыхъ указаній на свои убытки отъ разбоевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ ходатайствъ о выселеніи туземцевъ съ ихъ земель». По крайней мѣрѣ, въ этомъ именно смыслѣ газетные корреспонденты комментировали одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ этого похода, имѣвшій мѣсто въ 1910 году.

Преслѣдуя крупную шайку по изготовленію и сбыту (главнымъ образомъ, туземцамъ) фальшивыхъ кредитокъ, владикавказская полиція явилась въ одну изъ гостиницъ къ нѣкоему Филатову, который считался виднымъ участникомъ шайки. Въ его номерѣ она застала крупнаго мѣстнаго овцевода—милліонера, по словамъ газетъ,—Гр. Мамонтова и еще двоихъ овцеводовъ Калмыкова и Курьянова *). Всѣ они были арестованы; Филатовъ былъ отправленъ въ кандалахъ въ Ростовъ, гдѣ о немъ велось дѣло, остальные вскорѣ были выпущены. Но при обыскѣ, произведенномъ по этому случаю, у Мамонтова было найдено нѣсколько вымогательскихъ писемъ, составленныхъ отъ имени Зелимхана, но написанныхъ рукою Мамонтова и адресованныхъ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ овцеводовъ съ требованіями, подъ угрозой плѣненія, уплатить отъ 10 до 50 т. рублей. Какъ оказалось, нѣкоторые изъ овцеводовъ уже получили подобныя письма. Преданный за вымогательство суду, Мамонтовъ объяснилъ, что онъ писалъ письма исключительно съ цѣлью напугать овцеводовъ и заставить ихъ такимъ путемъ принять дѣятельное участіе въ борьбѣ съ разбойничествомъ. Судъ удовлетворился такимъ объясненіемъ и оправдалъ Мамонтова **).

Прежде, однако, чѣмъ состоялся судъ, овцеводы, чувствуя себя скомпрометированными всѣмъ этимъ дѣломъ, выступили съ опроверженіемъ газетныхъ разоблаченій и отреклись отъ Мамонтова. «Онъ среди овцеводовъ—писалъ предсѣдатель ихъ комитета—далеко не пользуется уваженіемъ, репутація его всѣмъ намъ извѣстна; предсѣдателемъ нашихъ собраній и съѣздовъ никогда онъ не былъ и, если допускался на наши собранія, то только вслѣдствіе свойственной всѣмъ намъ излишней деликатности. Его терпѣли скрѣпя сердце... По одному ему нельзя судить о всѣхъ, какъ нельзя судить о семействѣ, въ которомъ волею судьбы оказался уродъ» ***). Повидимому, это категорическое опроверженіе

*) По утвержденію предсѣдателя комитета овцеводовъ Сѣвернаго Кавказа, овцеводами были лишь отцы Филатова, Калмыкова и Курьянова, сами же они „врядъ ли имѣютъ опредѣленныя занятія, кромѣ того, въ чемъ они обличаются закономъ“ („Новое Время“, 13 апрѣля 1910 г.).

**) „Новое Время“, 1 октября 1910 г.

***) „Новое Время“, 13 апрѣля 1910 г.

чуть ли не всецѣло было основано на томъ, что газеты смѣшали «общество овцеводовъ Сѣвернаго Кавказа» съ «организаціей терскихъ овцеводовъ», къ которой «принадлежатъ гг. Мамонтовъ и К°.» *). Во всякомъ случаѣ среди терскихъ овцеводовъ Мамонтовъ былъ «излюбленнымъ человѣкомъ» и, напримѣръ, на грозненскомъ съѣздѣ являлся ихъ представителемъ. А его агитацію противъ туземцевъ и послѣ оправданія его судомъ ни въ коемъ случаѣ нельзя, конечно, считать добросовѣстной.

Я не берусь съ увѣренностью судить, на сколько были правы чеченцы-скотоводы, всецѣло объяснявшіе свою высылку подобной же агитаціей. Достаточно того, что такая агитація возможна, въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто и, что главное, не остается безрезультатной. Читатели видѣли, какой сложный переплетъ отношеній можетъ получаться при этомъ: сбытъ фальшивыхъ денегъ, конкуренція изъ-за пастбищъ, борьба съ разбойничествомъ— все это сплетается въ одинъ клубокъ. Дѣйствуя въ слѣпую, примѣняя репрессіи безъ «ясныхъ судебныхъ доказательствъ», государственная власть легко можетъ оказаться—и во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, оказывается,—простымъ орудіемъ въ рукахъ всякихъ хищниковъ. Очень часто это хищники иной формаціи, но по существу—тѣ же разбойники. По своимъ же размѣрамъ иные изъ нихъ превзойдутъ всякаго Зелимхана: до такихъ «грандіозныхъ мошенничествъ», какія удается подчасъ имъ осуществлять, тому даже не додуматься...

XVI.

Послѣ сказаннаго, я думаю, легко понять, что мѣры предупрежденія и пресѣченія, примѣняемыя терской администраціей, не столько предупреждаютъ и пресѣкаютъ грабежи и разбои, сколько поддерживаютъ и плодятъ хищниковъ и разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это на столько ясно, что сама администрація это отчетливо видитъ.

Возьму опять ссылку. Удаленіе порочныхъ людей изъ среды населенія самое вѣрное, казалось бы, средство для его профилактики. По отношенію къ горцамъ эта мѣра является вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ самыхъ жестокихъ, почти равносильной для многихъ изъ нихъ смертной казни. Попадая въ совершенно иныя климатическія, топографическія и бытовыя условія, кавказскіе горцы, какъ извѣстно, очень плохо переносятъ сибирскую жизнь и довольно быстро сходятъ въ могилу: одни сгораютъ отъ грудныхъ болѣзней, другіе таютъ отъ тоски по родинѣ, третьихъ доканываютъ нужда и недоѣданіе.

*) См. письмо г. Тимофеева въ „Рѣчи", отъ 27 марта 1910 г.

Вполнѣ понятно поэтому, что ссыльные ингуши и чеченцы такъ упорно стремятся возвратиться на родину. И администраціи, какъ я уже говорилъ, до сихъ поръ не удалось придумать средствъ, чтобы предотвратить самовольное возвращеніе сосланныхъ туземцевъ. Само собой понятно, что возвратившихся ловятъ и вновь ссылаютъ, но они вновь возвращаются. По свидѣтельству начальника 2-го участка хасавъ-юртовскаго округа, г. Абдулкандырова, «на практикѣ много случаевъ истребованія отъ обществъ дважды и даже троекратно одного и того же преступника, выданнаго обществомъ иногда по собственной иниціативѣ, но возвратившагося изъ ссылки».

Не всегда, однако, общества, если даже и хотѣли бы, могутъ выдать. Вернувшіеся изъ ссылки зъ большинствѣ случаевъ переходятъ на «нелегальное положеніе» и дѣлаются «форменными абреками».

Опытъ показываетъ,—читаемъ мы въ особомъ мнѣніи д-ра Руттенберга, кн. Орбеліани и полковника Стрижева,—что ссыльный элементъ, находясь не подъ достаточно сильнымъ надзоромъ, бѣжитъ съ мѣстъ ссылки къ себѣ на родину. Это и понятно, если имѣть въ виду особое тяготѣніе горца къ Кавказу, а равно и чрезвычайную трудность матеріальнаго ихъ обезпеченія на мѣстахъ ссылки, въ виду ихъ незнакомства съ русскимъ языкомъ. Возвращаются же они въ качествѣ нелегальныхъ лицъ, а слѣдовательно, должны скрываться и заниматься абречествомъ, иначе говоря, предназначенная мѣра высылки *) способствовала бы увеличенію контингента абрековъ, съ которыми и безъ того борьба чрезмѣрно трудна.

Легко понять, что не только «предназначенная мѣра», но и вообще высылка приводитъ къ тѣмъ же результатамъ: «порочные люди», имѣющіе «наклонность къ совершенію преступленій» и просто «подозрительные» по возвращеніи становятся несомнѣнными разбойниками. По общимъ отзывамъ, это—распространенное явленіе.

Надо, однако, сказать, что уходъ въ абреки—не единственный выходъ для «нелегальныхъ лицъ», которыхъ плодитъ своими мѣропріятіями терская администрація. Нѣкоторымъ изъ нихъ удается устроиться... на полицейской службѣ. Въ моихъ матеріалахъ имѣется любопытная на этотъ счетъ переписка, начинающаяся прошеніемъ двоихъ самовольно вернувшихся чеченцевъ разрѣшить имъ остаться на родинѣ. При этомъ они приложили одобрительный приговоръ отъ своего общества. Получивъ это прошеніе, генералъ-губернаторъ отдалъ распоряженіе немедленно арестовать просителей. Но въ обществѣ ихъ не оказалось: одинъ вовсе не показывался въ своемъ селеніи и просилъ о приговорѣ черезъ

*) Грозненскій съѣздъ постановилъ, чтобы ссылка производилась не за счетъ общества, а за счетъ казны; по этому вопросу и было подано особое мнѣніе.

родственниковъ, а другой, какъ выяснилось, служитъ въ партизанской командѣ, т. е. занимается искорененіемъ разбойничества. Начальникъ команды, упоминавшійся уже штабсъ-ротмистръ Кужуевъ, объяснилъ, что бѣглый чеченецъ былъ принятъ на службу начальникомъ участка.

Что касается администраціи Веденскаго округа—продолжалъ г. Кужуевъ,—то она считала вполнѣ нормальнымъ принимать и держать на службѣ въ этихъ командахъ самовольно вернувшихся изъ ссылки, что подтверждается, что въ командѣ 2-го участка того же округа служили таковые Ибрагимовъ, Витуевъ и Удіевъ... Кромѣ всего этого, въ этихъ командахъ были и другія порочныя лица, но когда я высказался, что ихъ... придется смѣнить, начальники участковъ подняли шумъ, а старшина Сайхановъ и переводчикъ Чумаковъ посовѣтовали мнѣ не спѣшить съ этимъ вопросомъ, чтобы не вооружить противъ себя всю окружную администрацію.

Былъ даже случай, по словамъ г. Кужуева, что начальникъ округа добился отмѣны судебнаго приговора, чтобы сохранить на своей службѣ преступника, при чемъ послѣдній былъ произведенъ въ старшіе урядники и получилъ высшій окладъ жалованья. Имѣются на службѣ порочные люди въ писарскихъ и другихъ должностяхъ. Въ своемъ рапортѣ г. Кужуевъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что при такихъ служащихъ администраціи легче обдѣлывать свои дѣлишки и, въ частности, получать денежныя расписки, не выдавая денегъ, и собирать деньги, не выдавая расписокъ. Но такъ какъ и порочнымъ людямъ чѣмъ-нибудь жить надо, то въ конечномъ счетѣ платятся за все казна и населеніе. Г. Кужуевъ приводитъ длинный рядъ фактовъ неправильнаго расходованія казенныхъ денегъ и незаконныхъ поборовъ съ населенія.

Мѣстной же администраціи, сумѣвшей заручиться бѣглыми и порочными людьми въ качествѣ служащихъ, живется недурно. Въ частности, начальникъ округа чувствуетъ себя владѣтельнымъ княземъ и пользуется подобающими почестями. «И мнѣ—пишетъ г. Кужуевъ—пришлось разъ удостоиться этой чести за компанію».

Когда мы выѣхали изъ Грознаго, на опушкѣ подъѣхалъ начальникъ 4-го участка г. Бердзніевъ со своей участковой партизанской командой и съ трехцвѣтнымъ флагомъ. Команда эта по грязи конвоировала насъ до Устаръ-Гордоя; здѣсь насъ долженъ былъ встрѣтить начальникъ 3-го участка, г. Госташевъ, но онъ этого почему-то не сдѣлалъ, чѣмъ капитанъ Дудниковъ (начальникъ округа) остался весьма недоволенъ... Но за то на станціи Эрсеной оказалась стянута вся партизанская команда 3-го участка... Не доѣзжая до Ведено семи верстъ около Ца-Веденской сельской мечети насъ, т. е. капитана Дудникова, встрѣтилъ съ хлѣбомъ-солью старшій помощникъ, кол. сов. Михайловъ, со штатомъ своимъ въ полномъ составѣ... и съ партизанской командой 1-го участка въ полномъ составѣ, но безъ флага, что было поставлено на видъ завѣдующему командой; тутъ же расположилось Ца-Веденское общество со своимъ старшиной... Послѣ рапорта и краткихъ взаимныхъ привѣтствій расположи-

лись за столомъ, накрытымъ холодной закуской, виномъ и водкой около самой мечети для „обмѣна“ мыслей и впечатлѣній подъ громовые возгласы „ура“, оглашавшіе окрестныя горы... Потомъ, окруженный живописной толпой свиты, капитанъ Дудниковъ тронулся въ Ведено.

Едва ли нужно говорить, что борьба съ разбойничествомъ въ этомъ владѣтельномъ княжествѣ ведется не очень успѣшно. Но деньги на эту борьбу расходуются весьма энергично, при чемъ «главной статьей, по словамъ г. Кужуева, является Зелимханъ»...

XVII.

Разбойничество не только не мѣшаетъ, но, быть можетъ, даже помогаетъ представителямъ мѣстной администраціи жить на всей своей волѣ и въ полномъ довольствѣ. Но, кромѣ разбойниковъ и администраціи, имѣется вѣдь еще мирное населеніе.

Не полагаясь на государственную власть, которая безсильна искоренить разбои, безсильна предупредить ихъ, безсильна даже потомъ отыскать истинныхъ виновниковъ, населеніе, какъ я уже говорилъ, пытается собственными силами оградить свою жизнь и имущество. Туземцы не разстаются съ оружіемъ и упорно держатся за свои первобытные институты, довѣряя имъ несравненно больше, чѣмъ государственнымъ установленіямъ. «Русскій человѣкъ, даже казакъ не любитъ оружія и старается обходиться безъ него» *). Но и русское населеніе въ значительной его части,—прежде всего, казаки,—ходитъ вооруженнымъ. И русское населеніе во многихъ случаяхъ больше полагается на свои собственныя силы и выработанные мѣстною жизнью институты, чѣмъ на государственные.

Въ качествѣ примѣра я указалъ въ своемъ мѣстѣ на институтъ отвѣтственныхъ караульщиковъ, которымъ населеніе гораздо больше довѣряетъ въ охранѣ имущества, чѣмъ войскамъ и полиціи. Послѣ того, какъ соотвѣтствующій очеркъ появился въ печати, я получилъ письмо отъ одного изъ тульскихъ помѣщиковъ, А. В. Афанасьева, который 9 лѣтъ велъ хозяйство на Сѣверномъ Кавказѣ и успѣлъ за это время достаточно хорошо ознакомиться съ условіями тамошней жизни. «Вотъ, что поучительно,—между прочимъ, писалъ онъ.—Станица Суворовская (вблизи которой онъ жилъ)—очень большая, выставляющая чуть ли не полкъ очередныхъ казаковъ на службу, въ ней есть много георгіевскихъ кавалеровъ, есть лейбъ-казаки... и она тоже нанимаетъ въ пастухи кабардинцевъ и съ такою же отвѣтственностью». Г. Афанасьевъ оспариваетъ допущенное мною предположеніе, — предположеніе,

*) Приказъ по Терской области, 7 марта 1909 г., № 209.

изъ котораго исходитъ въ своихъ мѣропріятіяхъ терская администрація,—а именно, что отвѣтственные караульщики находятся въ стачкѣ съ ворами и грабителями, благодаря чему ихъ дѣятельность и является успѣшной. Предпочтеніе, оказываемое населеніемъ въ этомъ дѣлѣ туземцамъ, г. Афанасьевъ объясняетъ тѣмъ, что они лучше, чѣмъ русскіе, сторожатъ скотъ, а главное, въ случаѣ кражи или грабежа погонятся за грабителями и даже вступятъ въ бой съ ними, отбивая ввѣренное имъ имущество. При этомъ, исполняя свои обязанности, они опираются на содѣйствіе остального населенія, и на этотъ счетъ имѣются свои обычаи, свои «законы».

Въ качествѣ примѣра г. Афанасьевъ приводитъ такой случай. Однажды ему доложили, что одну изъ лошадей необходимо зарѣзать, такъ какъ рана загноилась и въ ней завелись черви... Откуда взялась въ имѣніи раненая лошадь? Выяснилось слѣдующее:

Въ какомъ-то табунѣ за 60 или болѣе верстъ украли лошадей. Тамошній отвѣтственный табунщикъ гнался за ворами, но гнался не по дорогѣ, а по степи, отъ табуна къ табуну. Во всякомъ табунѣ онъ бросалъ усталую лошадь, получалъ свѣжую и, наконецъ, на нашей лошади догналъ вора и подрался съ нимъ на кинжалахъ, въ результатѣ чего наша лошадь и получила нѣсколько ранъ. Хотя неписанный,—продолжаетъ г. Афанасьевъ,—но это *законъ*: всякій табунщикъ въ погонѣ за воромъ имѣетъ право на свѣжую лошадь въ сосѣднемъ табунѣ. И этотъ законъ исполняется свято. Не одинъ разъ были случаи, что и у насъ пропадали лошади и нашъ табунщикъ такъ же гнался, разыскивалъ и получалъ свѣжихъ лошадей у другихъ.

Таковъ законъ, свято исполняемый населеніемъ. Имѣются и другіе такіе же «законы». Судя по моимъ матеріаламъ, наибольшую роль въ дѣлѣ розыска похищеннаго имѣетъ институтъ слѣдоводительства. Состоитъ онъ въ слѣдующемъ.

Въ случаѣ кражи или грабежа населеніе само начинаетъ розыскъ. Послѣдній производится по слѣду, какой могли оставить грабители. Если слѣдъ удается вывести на землю сосѣдняго селенія, то вызываются его должностныя лица съ понятыми, которые должны «принять» слѣдъ и «вести» его дальше. Такъ и ведется розыскъ отъ станицы къ аулу, отъ аула къ станицѣ,—иногда черезъ всю область. Техника слѣдоводительства разработана весьма тщательно,—имѣются даже особые спеціалисты-слѣдоводители, особенно искусные въ этомъ дѣлѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по слѣду удается дойти до самаго двора, въ которомъ спрятано похищенное, или до стада, къ которому присоединенъ угнанный скотъ.

Само собой понятно, что слѣдоводительство не обходится безъ недоразумѣній, но и для ихъ разрѣшенія имѣются свои правила. У ингушей имѣется даже особая организація—«отцовскій судъ». Составъ и функціи послѣдняго мало извѣстны, но одной изъ задачъ его является, какъ можно думать, разборъ претензій, свя-

занныхъ съ розыскомъ похищеннаго. Извѣстны случаи, когда даже казаки обращались къ «отцовскому суду» и получали удовлетвореніе.

Государственная власть къ мѣрамъ, принимаемымъ самимъ населеніемъ для охраны своего имущества, относится, какъ я уже говорилъ, въ общемъ отрицательно, а къ нѣкоторымъ и рѣзко-враждебно. Отвѣтственныхъ караульщиковъ, напримѣръ, она теперь запрещаетъ. Что касается «отцовскаго суда», то это — строго-конспиративная организація, о которой представители администраціи говорятъ не иначе, какъ съ негодованіемъ *)..

Однако сознаніе нѣкоторой отвѣтственности передъ мирнымъ населеніемъ все-таки остается. Въ самомъ дѣлѣ: если государственная власть не въ силахъ обезопасить жизнь и имущество гражданъ, то должна же она предоставить имъ какой-нибудь способъ получать хотя бы вознагражденіе за вредъ и убытки. Пусть даже всѣхъ туземцевъ поголовно она считаетъ разбойниками, но и за всѣмъ тѣмъ остается мирное населеніе: казаки и прочіе русскіе. Бываетъ вѣдь, что даже близкіе начальственному сердцу люди терпятъ вредъ и убытки. Нельзя же ихъ оставить безъ вознагражденія.

Ничего, однако, лучшаго русскія власти не придумали въ этомъ случаѣ, какъ вернуться ко временамъ Ярослава Мудраго, къ тому средству, какое примѣнялось на порогѣ русской государственной исторіи. Онѣ ввели круговую отвѣтственность и при помощи «дикой виры» стали вознаграждать частныхъ лицъ за вредъ и убытки.

Сначала это практиковалось спорадически: разсердится соотвѣтствующее начальство и предпишетъ взыскать вознагражденіе потерпѣвшимъ съ аула, на землѣ котораго произошло убійство или жители котораго заподозрѣны въ кражѣ. Но потомъ, въ 1879 г., были введены и общія правила на этотъ счетъ. Для того же, чтобы облегчить себѣ задачу, власти легализовали слѣдоводительство. Потерпѣвшимъ достаточно было довести слѣдъ до земли туземцевъ, и съ соотвѣтствующаго аула, если онъ оказывался не въ состояніи разыскать и выдать виновниковъ, административнымъ порядкомъ взыскивалась стоимость похищеннаго или пеня въ пользу семьи убитаго. Въ результатѣ туземцы изъ года въ годъ пла-

*) „Я затрудняюсь допустить даже мысль,—говорилъ, напримѣръ, на грозненскомъ съѣздѣ его предсѣдатель, г.-м. Орбеліани, – чтобы на нашемъ съѣздѣ разбирался вопросъ объ этой тайной организаціи. Тайный судья, никѣмъ не выбранный, это—преступникъ“. „Это—государственное преступленіе, говорилъ онъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, а вы его хотите узаконить“. Напрасно одинъ изъ туземцевъ, г. Куріевъ, доказывалъ, что «отцовскіе суды это—суды примирительные, которые мирятъ кровниковъ» и что «суды эти вовсе не тайные». Предсѣдатель твердилъ одно: „но все таки это есть неузаконенная организація“

тили въ пользу остального населенія своего рода многотысячный налогъ.

Едва ли нужно даже говорить, что круговая отвѣтственность нисколько не содѣйствовала уменьшенію разбойничества. Можно даже думать, что она способствовала его развитію. «Ловкій воръ— говорилъ на грозненскомъ съѣздѣ полковникъ Стрижовъ—можетъ себѣ красть, а все населеніе обязано за него платить. Наконецъ, я самъ могу украсть у себя плохую скотину и получить за нее съ селенія, на которое наведу слѣды, большую плату, какъ за хорошую». И туземцы подтвердили, что дѣйствительно это и наблюдается. «Воры—говорилъ, напримѣръ, Хадисъ Худабердовъ— начали дѣйствовать свободнѣе, потому что за нихъ платили мирные жители, а казаки, обезпеченные уплатой за уворованное, перестали охранять свое имущество». И то, конечно, дѣйствовало, что невиновный долженъ былъ платить за виновнаго: «разъ я внесъ въ кассу одинъ рубль — говорилъ одинъ изъ членовъ съѣзда—я обязательно пойду воровать, чтобы вознаградить себя». Круговая отвѣтственность обществъ за уголовныя преступленія сдѣлалась даже орудіемъ мести. По свидѣтельству участковаго начальника Абдулкандырова, если занесенный въ списокъ порочныхъ людей «не могъ установить главныхъ иниціаторовъ его выдачи при удачной закрытой баллотировкѣ, то месть обществу производится путемъ совершенія тѣмъ разбойникомъ ряда вопіющихъ преступленій на юртовомъ надѣлѣ того общества, чтобы оно, по существующимъ административнымъ мѣрамъ, понесло матеріальное и карательное наказаніе».

Въ 1905—1906 гг.—подъ вліяніемъ, быть можетъ, освободительнаго движенія—въ описанную систему была сдѣлана попытка внести нѣкоторое улучшеніе. Круговая отвѣтственность была сохранена, но разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ (о достовѣрности слѣдовъ, о размѣрахъ убытковъ и т. д.) было рѣшено передать суду. На съѣздахъ въ станицѣ Червленной тогда же были выработаны правила объ особомъ смѣшанномъ судѣ, изъ представителей какъ казачьяго, такъ и туземнаго населенія, при чемъ самая отвѣтственность была сдѣлана взаимной, т. е. не только туземцы должны были отвѣчать передъ казаками, но и казаки— передъ туземцами. При этомъ, для облегченія взысканій, туземныя общества, примкнувшія къ постановленіямъ червленскихъ съѣздовъ, обязаны были внести заранѣе по рублю съ дыма въ особый фондъ, за счетъ котораго и должны удовлетворяться потерпѣвшіе.

Казачье населеніе, судя по моимъ матеріаламъ, осталось очень довольно новымъ порядкомъ, и, главное, быстротою, съ которой, при наличности фонда, удовлетворялись его претензіи. Въ иномъ положеніи оказались чеченцы, и на грозненскомъ съѣздѣ они подняли прямо вопль противъ червленскихъ постано-

вленій, согласно которымъ «за воровство платятъ авансомъ всѣ мирные жители».

— Чеченцы почему-то считаютъ, — говорилъ подполковникъ Мордановъ,—что этотъ судъ направленъ только противъ нихъ, а не противъ казаковъ. Сколько помню, былъ, кажется, одинъ или два случая, когда къ казакамъ не примѣнили по какимъ-то обстоятельствамъ суда...

Но чеченцы такихъ случаевъ, повидимому, знали больше.

— «Мы убѣждены -говорилъ мулла Сугаибъ Гайсумовъ,—что эти суды полезны только для казаковъ, но вредны для туземцевъ и не искореняютъ разбоевъ». Жизнь при смѣшанныхъ судахъ, по его словамъ, «походитъ на миръ, заключенный между волкомъ и бараномъ».

Съ своей стороны, туземцы умоляли объ одномъ только, «чтобы честнымъ людямъ не мѣшали жить, а разбойниковъ преслѣдовали» (Ахшаатъ Дзагаевъ), «чтобы наказаніе было направлено по возможности на самыхъ преступниковъ, а не на мирное населеніе» (Чермоевъ). Они соглашались на самыя тяжкія наказанія: пусть даже отрубаютъ руки и головы, но только дѣйствительнымъ ворамъ и разбойникамъ, а не тѣмъ, кто подвернется подъ руку.

Но казаки, поддерживаемые администраціей, ни въ коемъ случаѣ не желали отказаться отъ круговой отвѣтственности. Въ концѣ-концовъ остановились на компромиссѣ. Были выработаны новыя правила о «народно-примирительныхъ» судахъ, согласно которымъ отвѣчать другъ за друга должны были лишь «порочные люди», заранѣе внесенные въ списки.

Намѣстникъ тогда же въ «принципѣ» одобрилъ эти правила, и новые суды были кое-гдѣ уже введены. Но въ слѣдующемъ, 1910 году, приказомъ по Терской области, съ согласія намѣстника, они были упразднены, въ виду «обнаружившейся неподготовленности населенія къ проведенію въ жизнь основныхъ принциповъ третейскихъ судовъ и неоправданія возложенныхъ на эти суды надеждъ» *). Какими соображеніями въ дѣйствительности руководилась администрація,—я не знаю. Возможно, что одни «порочные люди» оказались не въ состояніи вознаградить за всѣ убытки. Возможно и то, что въ спискахъ «порочныхъ людей» оказались слишкомъ ужъ очевидныя нелѣпости.

Такъ или иначе, но администрація для вознагражденія частныхъ лицъ отъ грабежей и разбоевъ сочла за лучшее вернуться къ дикой вирѣ въ ея первобытной и даже еще болѣе грубой формѣ... Не такъ давно Зелимханъ со своей шайкой напалъ на

---

*) Приказъ отъ 14 апрѣля 1910 г, за № 467. У меня нѣтъ этого приказа и мотивы я заимствую изъ приговора Кахановскаго станичнаго сбора отъ 23 мая 1910 г. за № 94, гдѣ этотъ приказъ цитируется.

инженерную коммиссію, при чемъ убилъ двоихъ инженеровъ и истребилъ почти весь ихъ конвой. Произошло это въ андійскомъ округѣ Дагестанской области. Помимо другихъ каръ, какія посыпались по этому случаю на туземцевъ Терской области, намѣстникъ распорядился: взыскать со всего чеченскаго населенія веденскаго и грозненскаго округовъ штрафъ въ 100.000 рублей, назначивъ эти деньги въ пособіе семьямъ убитыхъ и пострадавшихъ при нападеніи на дорожную коммиссію.

Власти никакъ не могутъ искоренить Зелимхана... Ну, такъ пусть расплачивается за него мирное чеченское населеніе.

XVIII.

Въ личномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ начальника Терской области и наказного атамана терскаго казачьяго войска на 1903 годъ, между прочимъ, было сказано:

> На матеріальное благосостояніе казаковъ Терскаго казачьяго войска оказываетъ самое гибельное вліяніе сосѣдство хищныхъ горцевъ. Не говоря уже объ отсутствіи личной безопасности казака, принужденнаго работать въ полѣ съ оружіемъ въ рукахъ, конокрадство и скотокрадство положительно раззоряютъ населеніе, особенно Сунженскаго и Кизлярскаго отдѣловъ.

На этихъ словахъ государемъ была положена такая резолюція: «По моему, именно это сосѣдство поддерживаетъ въ Терскихъ казакахъ старую удаль».

Заимствую эти свѣдѣнія изъ книги, составленной Г. А. Ткачевымъ и изданной войсковымъ штабомъ терскаго казачьяго войска подъ заглавіемъ: «Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки. Книга для чтенія въ станичныхъ и полковыхъ школахъ, библіотекахъ и командахъ» *). Старой казачьей удали въ этой книгѣ удѣлено очень большое вниманіе, да это и понятно, въ виду ея назначенія. «Книга для чтенія» имѣетъ цѣлью поддержать старый доблестный духъ въ современномъ казачествѣ и прежде всего въ подростающихъ его поколѣніяхъ.

Авторъ не скрываетъ отъ своихъ читателей каково было прошлое казачество.

> Главнымъ занятіемъ вольнаго казачества,—пишетъ онъ,—было «молодечество», т. е. попросту говоря—разбой; только разбой этотъ производился надъ людьми чужой вѣры и чужого племени, потому вольные казаки въ немъ грѣха не видѣли и считали его войной съ невѣрными.

Въ частности, терскіе казаки «также грабили и обирали проѣзжихъ купцовъ и охотившихся инородцевъ, у которыхъ отнимали не только добычу, но и мелкую рухлядь и оружіе». И въ дру-

*) Владикавказъ, 1911 г.

гихъ отношеніяхъ нравы у казаковъ были разбойничьи, если не хуже.

Такъ какъ женъ своихъ казакамъ приходилось отвоевывать, воровать или покупать, то у нихъ существовали сначала жены «невѣнчальныя», при чемъ, если казаку попадалась жена отъ другого мужа, то, чтобы не вводить въ свою семью чужого отродья, первыхъ рожденыхъ дѣтей отъ такихъ женъ казаки убивали... Токіе нравы существовали въ то время.

Да и по происхожденію своему казаки,—тѣмъ болѣе терскіе казаки,—были, главнымъ образомъ, разбойники, и при томъ отнюдь нельзя сказать, чтобы русскаго только происхожденія. Въ значительной мѣрѣ ряды казачества пополнялись «перебѣглыми мѣстными народами—чеченцами, кабардинцами, ногаями, кумыками, которыхъ казаки охотно въ свои городки принимали и крестили *). Уже въ сравнительно позднія времена—при Петрѣ Великомъ, напримѣръ, и даже при Аннѣ Іоанновнѣ,—по сохранившимся свѣдѣніямъ, среди терскихъ казаковъ насчитывалось около трети инородцевъ. Въ болѣе же раннія времена казачество было, несомнѣнно, еще болѣе разноплеменнымъ. Даже атаманами у терскихъ казаковъ нерѣдко бывали инородцы. Въ сущности, это была интернаціональная разбойничья организація, сложившаяся на закраинѣ государства, куда не достигала власть послѣдняго.

«Разбойничья»,—конечно, въ иномъ нѣсколько смыслѣ, чѣмъ какой обычно вкладываемъ въ это слово мы, уже сжившіеся съ государственной формой. Въ нашемъ обычномъ пониманіи, разбойникъ—вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно преступникъ, т. е. человѣкъ, нарушающій установленные государствомъ законы. Казаки такихъ законовъ вовсе не знали; это были безгосударственные люди (каковыми до извѣстной степени остаются и теперь ингуши и чеченцы).

Когда государство распространило свою власть и на земли, занятыя казаками, то оно не прочь было искоренить ихъ такъ же, какъ теперь «искореняетъ» кавказскихъ «разбойниковъ». Не располагая достаточными для этого силами, оно, какъ можно думать, готово было сдѣлать это даже чужими руками. Напримѣръ, въ 1584 году царь Ѳедоръ Іоанновичъ велѣлъ передать турецкому султану Амурату, что въ городкѣ на Терскѣ «завели себѣ при-

*) Само собой понятно, что этотъ процессъ не былъ одностороннимъ. Казаки, какъ можно думать, тоже въ значительномъ числѣ уходили къ туземцамъ, принимали ихъ вѣру и языкъ, совершенно, такъ сказать, очечнивались. Судя по сохранившимся преданіямъ, имѣются цѣлые аулы, населенные такими перебѣжчиками и въ названіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось указаніе на ихъ русское происхожденіе. Даже въ совсѣмъ недавнія времена—во время войны съ Шамилемъ, напримѣръ,—солдаты и казаки дезертировали къ чеченцамъ, о чемъ въ солдатской средѣ до сихъ поръ сохранились разсказы.

тонъ безгосударственные люди, волжскіе казаки», и что «хотя бы вы ихъ и всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не за что».

Государство нашло, однако, способъ, чтобы использовать въ своихъ видахъ казачью удаль. Прежде всего она пригодилась ему для «войны съ невѣрными», какъ казаки и раньше называли свои разбойничьи набѣги. А въ дальнѣйшемъ эта удаль стала примѣняться и въ борьбѣ съ внутренними врагами, такъ какъ для казаковъ, въ сущности, было безразлично, на комъ показать свое «молодечество». Напримѣръ, когда приверженцы Стеньки Разина овладѣли Астраханью, то «гребенскіе и терскіе казаки, съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, пошли противъ бунта открытою силою. Они подошли къ Астрахани и оказали важную услугу правительству, захвативъ главнаго коновода астраханскихъ мятежниковъ, Федьку Шелудяка, и передавъ его воеводамъ государевымъ, двигавшимся изъ Казани съ ратью».

«Казаки мало-по-малу перестали быть вольными и перешли на царскую службу, стали всѣ государевы». На этой службѣ они и до сихъ поръ числятся и такъ же, какъ раньше, ихъ удалью государственная власть пользуется для «войнъ съ невѣрными» и для борьбы съ «внутренними врагами». Впрочемъ, порою и этой послѣдней борьбѣ, для успокоенія совѣсти, удается, какъ извѣстно, придать смыслъ войны съ невѣрными,—съ «жидами» и иными «инородцами».

Я воспользовался офиціознымъ изданіемъ, чтобы показать отсутствіе какой-либо существенной разницы между прежнимъ казачествомъ и теперешними «разбойничьими племенами». И въ крови, и въ нравахъ, и въ отношеніяхъ къ государству у нихъ, несомнѣнно, можно найти много общаго. Можно, пожалуй, прибавить, что государственная власть проявляетъ все время стремленіе использовать удаль «разбойничьихъ племенъ» такъ же, какъ она пользуется казачьей. Когда была война съ японцами, кавказскихъ туземцевъ попробовали использовать въ качествѣ военной силы, но, при нынѣшнихъ способахъ веденія войны, ихъ удаль оказалась никчемной. Когда началась «смута», ингушей и чеченцевъ выпустили на «внутреннихъ враговъ», и здѣсь они оказались, какъ нельзя больше, у мѣста.

Можно даже сказать, что не только въ прошломъ, но и теперь нѣтъ рѣзкой и непереходимой грани между казаками и туземцами. «Перебѣглые народы» въ довольно значительномъ числѣ поступаютъ на государственную службу и служатъ вмѣстѣ съ казаками, а казаки, случается, уходятъ въ «безгосударственные люди» и разбойничаютъ вмѣстѣ съ чеченцами. Приведу хотя бы такой фактъ.

Въ 1909 году въ с. Алисханъ-Юртъ милиціонерами былъ захваченъ нѣкій Хаджи-Муратъ, у котораго оказалась краденая лошадь. Въ дѣйствительности это былъ казакъ станицы Червленной,

Пименъ Макаровичъ Мартыновъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, уклоняясь отъ воинской повинности, бѣжалъ изъ станицы и скрылся въ Чечнѣ. На допросѣ Хаджи-Муратъ, онъ же Мартыновъ, показалъ:

Жилъ я раньше въ Киглярѣ у пристава Лебедева, тамъ я научился говорить по кумыкски. Учился въ церковной школѣ въ Червленной, знаю и по скорописному. Когда мнѣ стало 16—17 лѣтъ, я ушелъ изъ станицы въ с. Гудермесъ; здѣсь встрѣтилъ одного молодого чеченца, фамиліи его не знаю, хорошо говорилъ по русски. Онъ повелъ меня въ с. Міюртупъ и устроилъ меня къ чеченцу Ибрагиму Цимхаеву.

По увѣреніямъ Мартынова, онъ служилъ у Цимхаева работникомъ и помогалъ ему въ торговыхъ дѣлахъ. Дознаніемъ, однако, это не подтвердилось. Такъ, по словамъ старшины с. Міюртупъ, «у Ибрагима Цимхаева бывалъ, но не служилъ въ годовыхъ работникахъ, казакъ, по имени Хаджи-Муратъ. Онъ заходилъ только къ Цимхаеву на нѣсколько дней, но подолгу не жилъ, уходилъ къ другимъ. Хаджи-Мурата принимали у себя всѣ, такъ какъ онъ считался перешедшимъ въ мусульманство. Дарили ему,—тотъ черкеску, тотъ бешметъ и т. п. Но я никогда не видѣлъ, чтобы онъ работалъ». То же въ общемъ показалъ и самъ Ибрагимъ Цимхаевъ.

Я не отказывалъ Хаджи-Мурату въ кускѣ хлѣба. Онъ ходилъ такъ по всѣмъ ауламъ Чечни. Водился съ молодежью, ходилъ по свадьбамъ, но, чтобы работалъ гдѣ-нибудь когда, я не видѣлъ. Учился онъ въ школѣ с. Міюртупъ по арабски-чеченски, а затѣмъ учился въ хуторѣ Билиты около с. Ялхой-Мохъ.

Изъ этого видно, что казакъ Мартыновъ совсѣмъ очеченился, даже образованіе свое закончилъ по чеченски.

Еще труднѣе провести какую либо грань между «государственными» и «безгосударственными» людьми въ отношеніяхъ ихъ къ разбойничеству. Мы хорошо знаемъ, какъ ведутъ себя ингуши и чеченцы на государственной службѣ. Были случаи, что даже офицеры изъ «перебѣглыхъ народовъ» оказывались руководителями разбойничьихъ шаекъ. Съ другой стороны, давно числящіеся на государевой службѣ казаки тоже не безвинны въ кавказскомъ разбойничествѣ. Въ моихъ матеріалахъ имѣется не мало на этотъ счетъ указаній. Вотъ какія, напримѣръ, свѣдѣнія войсковой старшина Вербицкій собралъ объ урядникѣ ст. Щедринской, Гауровѣ.

Высланный изъ области, казакъ ст. Щедринской Никита Мингалевъ года четыре тому назадъ говорилъ въ Кизлярской тюрьмѣ, что онъ, Мингалевъ, продалъ Гаурову семнадцать лошадей по 10—12—15 рублей. Очевидно, лошади ворованыя. У Мингалева никогда своихъ лошадей не было.

Четыре-пять лѣтъ тому назадъ Гауровъ отсылалъ въ горы четырехъ лошадей, якобы пригулявшихся къ табуну Гаурова. На дорогу далъ 50 рублей.

Табунщикомъ у Гаурова, во всемъ ему помогавшимъ, былъ ногаецъ Абассауръ. Когда на сборѣ въ станицѣ Щедринской поднялся вопросъ о высылкѣ, какъ неблагонадежнаго, Абассаура, то за него заступился атаманъ Капчеринъ и Гауровъ. Такъ вопросъ о высылкѣ и не былъ осуществленъ.

Жена Ивана Хомутова разсказывала, что Гауровъ совершенно испортилъ ея мужа: «пріѣдетъ съ Мингалевымъ и требуетъ закуски, заводитъ пьянство въ домѣ, сѣдлаютъ лошадей и всѣ трое уѣзжаютъ; иногда возвращаются скоро, а иногда пропадаютъ дня три; вернутся—новая попойка...

У вдовы Прасковьи Канаткиной была украдена со двора ночью буйволова кожа. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ къ Канаткиной Гауровъ и потребовалъ съ нея три рубля за находку кожи, говоря, что онъ израсходовался на розыски кожи. Та дала три рубля. Тогда Гауровъ отправился въ нежилой домъ Юкина и вытащилъ изъ-подъ лавки кожу.

И т. д., и т. д. Словомъ, выясняется вполнѣ опредѣленная картина: не объ одномъ лишь подозрительномъ человѣкѣ надо говорить, а о цѣлой шайкѣ,—и при томъ о шайкѣ, захватившей въ свои руки станичную власть. Въ приведенной выдержкѣ упоминается, между прочимъ, атаманъ Капчеринъ. Надо сказать, что онъ довольно часто упоминается въ моихъ матеріалахъ. Фигурируетъ онъ и въ дѣлѣ Дорошенка, прошеніе котораго я привелъ выше. По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Вербицкимъ, Дорошенко, это—всѣмъ извѣстный воръ, хотя онъ и служилъ въ партизанской командѣ. И вотъ:

На сборѣ 12 марта—показывали казаки Кисель и Пономаренко—при баллотировкѣ Петра Дорошенко къ высылкѣ, атаманъ станицы Капчеринъ ставить его на баллотировку не хотѣлъ, а затѣмъ при самой баллотировкѣ пытался переложить шары изъ черной половины въ бѣлую.

Хищническіе инстинкты, несомнѣнно, далеко не вполнѣ еще заглушены въ казачествѣ. Не заглушены они и въ остальномъ русскомъ населеніи. Конечно, русскіе хищники чаще, чѣмъ чеченскіе, пользуются болѣе культурными, такъ сказать, формами. Поэтому то они не прочь были бы «замирить» инородцевъ, заключить «миръ между бараномъ и волкомъ»...

Надо, однако, сказать, что и чеченцы проявили уже склонность и способность усвоить эти, менѣе грубыя и кровавыя, формы хищничества. Въ массѣ же своей чеченцы, какъ и русскіе, являются, конечно, мирнымъ трудящимся населеніемъ. Во всякомъ случаѣ и въ ихъ средѣ гораздо больше тѣхъ, которыхъ грабятъ, чѣмъ тѣхъ, которые грабятъ. И если это не всѣмъ ясно, то только потому, что

тамъ—какъ говорилъ одинъ изъ участниковъ грозненскаго съѣзда—слѣдовъ выводить не къ чему, тамъ и запротоколивать кражъ не для чего. Казаки дѣлаютъ это ради полученія вознагражденія; ауламъ—взыскивать не съ кого, и тамъ «слѣды» смываются горькими слезами и безвозвратно гибнутъ для исторіи и потомства.

Граница между разбойниками и мирнымъ населеніемъ, которую должна найти государственная власть, проходитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ она ее ищетъ. Племенная грань, грани вѣры, языка, обычаевъ—тутъ не при чемъ. Хищничество такими гранями не очерчивается, оно выходитъ далеко за нихъ и поднимается высоко надъ ними. Хищники, какъ мы видѣли, нерѣдко являются агентами государственной власти или пользуются ею, какъ орудіемъ. Опираясь на нее, они осуществляютъ наиболѣе грандіозные свои планы. Отъ давнихъ временъ они унаслѣдовали свои инстинкты, но и до сихъ поръ они опираются на «старую удаль», отстаивая свои интересы. До сихъ поръ они пользуются ею,—не брезгуя ни казачьей удалью, ни чеченской...

Искоренить хищничество во всѣхъ его видахъ, это—громадная соціальная задача, надъ которой уже многія тысячи лѣтъ бьется человѣчество. И разрѣшена она будетъ не прежде, чѣмъ настанетъ трудовое царство...

XIX.

Но кавказская проблема въ обычномъ ея пониманіи—гораздо уже. Вопросъ, какъ мы видѣли, заключается не въ томъ, чтобы совсѣмъ искоренить хищничество, а въ томъ, чтобы оно прекратилось хотя въ такихъ грубыхъ и кровавыхъ формахъ, какъ грабежи и разбои... Легко понять, что и эту, сравнительно узкую, задачу нельзя разрѣшить тѣми методами, какими пользуется русская администрація. Единственно вѣрныя средства для этого—культура и право.

И нельзя сказать, чтобы мѣстные дѣятели не понимали этого, чтобы не понимала этого сама администрація. Во всѣхъ проектахъ мало-мальски общаго характера, кромѣ «мѣръ немедленнаго воздѣйствія», обязательно фигурируютъ и «мѣры длительнаго характера». Напримѣръ, въ «Памятной запискѣ отъ временнаго охотничьяго отряда» рекомендуются такія длительныя мѣры: 1) устройство дорогъ; 2) устройство школъ; 3) устройство духовнаго училища для подготовки муллъ; 4) борьба съ обычаемъ кровничества; 5) борьба съ обычаемъ калыма; 6) введеніе воинской повинности, и 7) введеніе земскихъ учрежденій. Такимъ образомъ даже въ этомъ отрядѣ понимали, что одною стрѣльбою хотя бы и прямо въ лобъ, разбойничество не искоренить.

Все дѣло въ томъ лишь, что съ «мѣрами длительнаго характера», какъ представляется мѣстнымъ дѣятелямъ, можно не спѣшить: все равно они будутъ дѣйствовать медленно. Прежде всего нужно принять «мѣры немедленнаго воздѣйствія»: онѣ сейчасъ же скажутся. Но на этихъ мѣрахъ администрація обыкновенно и останавливается.

Идеаломъ для нея до сихъ поръ остается полковникъ (впослѣдствіи генералъ-майоръ) Бѣлликъ, бывшій начальникомъ чеченскаго народа во второй половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка. Чтобы читатели могли судить объ этомъ идеалѣ, приведу нѣсколько выдержекъ изъ его приказовъ *).

1858 г. Апрѣля 26. № 15... Изъ крѣпости въ короткое время уведено двѣ лошади и корова, слѣды которыхъ проведены по-надъ стѣнами вашего аула. Лошади и корова стоятъ 264 руб. 50 коп. серебромъ; деньги эти представьте ко мнѣ для удовлетворенія обиженныхъ воровствомъ, и съ настоящаго времени я возлагаю на васъ отвѣтственность за все воровство на разстояніи, начиная отъ Саранчи-Юрта до вашего аула, на томъ основаніи, что земля эта принадлежитъ вамъ.

1858 г. Маія 14. № 16... Чеченцы не перестаютъ воровать и я объявляю ввѣренному мнѣ народу, что всякій изъ чеченцевъ, обвиняемый въ воровствѣ за Терекомъ ...будетъ ссылаться въ Сибирь навсегда.

1858 г. Іюля 21. № 20. Ко мнѣ поступило множество жалобъ, что мальчики Староюртовской деревни выходятъ толпами на дорогу и бросаютъ камни въ проѣзжающихъ. Объявите, князь, народу староюртовскому, что если и послѣ этого я услышу жалобы отъ проѣзжающихъ, то для того, чтобы дорога была свободна отъ разбойниковъ-мальчишекъ, я переселю всю Староюртовскую деревню на другое мѣсто.

1859 г. Генваря 14. № 6. Куларцы! Вы не исполнили моего приказанія въ томъ, что не выѣхали на арбахъ помогать бѣднымъ покорившимся чеченцамъ.., и я лучшаго наказанія не нашелъ, какъ смѣнить вашего добраго старшину Батуку и назначить строгаго Гамбулата. Онъ научитъ васъ порядку.

1859 г. Ноября 21. № 25... 2) Никто изъ чеченцевъ не долженъ отлучаться изъ аула въ другой аулъ безъ спроса у старшины...

4) Если чеченецъ имѣетъ надобность продать свою лошадь или скотину въ своемъ наибствѣ, то долженъ имѣть свидѣтельство отъ старшины (въ другомъ наибствѣ—отъ наиба)...

9) Объявляю... что если чеченцы будутъ тамъ (въ Кабардѣ, Назрани, на Кумыкской плоскости и т. д.) являться безъ билетовъ, то заарестовывать ихъ и присылать ко мнѣ въ кандалахъ за карауломъ. Люди, пойманные въ тѣхъ мѣстахъ безъ билетовъ, будутъ ссылаться въ Сибирь.

1860 г. Апрѣля 9. № 13. Приказъ въ Шалинскій аулъ. На вашей землѣ... убитъ русскій человѣкъ. По правиламъ, объявленнымъ уже вамъ объ отвѣтственности за землю, вы обязаны заплатить 1.000 руб серебромъ или поймать и представить ко мнѣ виновнаго въ убійствѣ. Деньги штрафныя начать теперь же взыскивать съ аула.

Словъ нѣтъ, кое въ чемъ нынѣшняя администрація не достигла этого идеала, но кое въ чемъ она и превзошла его. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что она создана по образу и подобію Бѣллика. Приведу еще двѣ-три черты сходства.

«Объявляю народу...—писалъ Бѣлликъ,—что доказчикъ за открытіе какого-либо преступленія пользуется данью уваженія, и народы только этою мѣрою достигаютъ искорененія дурныхъ пороковъ, вредныхъ обществу. Я желалъ бы, чтобы и чеченцы перестали держаться вреднаго для самихъ себя обычая поощрять

*) Цитирую по книгѣ Г. А. Ткачева: «Ингуши и чеченцы». Владикавказъ, 1911 г.

воровство и упрекать доказчика» (1857 г. № 21)... И нынѣшняя администрація очень бы этого хотѣла,—особенно, чтобы побольше было доказчиковъ...

«Ко мнѣ доходятъ слухи, что нѣкоторые наибы позволяютъ себѣ брать взятки и за то скрываютъ отъ меня мошенниковъ и воровъ». (1858 г. № 12). И до нынѣшняго генералъ-губернатора доходятъ такіе слухи объ окружныхъ и участковыхъ начальникахъ.

Въ довершеніе сходства остается прибавить развѣ одно: приказы, которые издаетъ терская администрація, какъ мы видѣли, часто остаются вовсе неизвѣстными туземному населенію; до него доходятъ только кары. То же наблюдалось и съ краснорѣчивыми приказами Бѣллика.

Я многихъ чеченцевъ спрашивалъ,—пишетъ онъ:—читаютъ ли вамъ мои бумаги, которыя я присылалъ въ продолженіе 1855, 1856, 1857 и 1858 гг. въ каждый аулъ о томъ, какъ долженъ жить народъ. Мнѣ отвѣчаютъ, что никто не читалъ... (1859 г. № 13).

Болѣе пятидесяти уже лѣтъ дѣйствуетъ одна и та же система,—система «мѣръ немедленнаго воздѣйствія». За это время и «мѣры длительнаго характера» могли бы сказаться. Но и до сихъ поръ осуществить ихъ не удосужились. Даже пустяковъ не сдѣлали. Возьму хотя бы такой примѣръ. «Я знаю—писалъ Бѣлликъ—во многихъ деревняхъ такихъ муллъ, которые не только неграмотные и непонимающіе обязанности своей,—но они отличаются еще особою бездарностью ума» (1857 г. № 18). «Повѣрьте мнѣ, что *я коранъ знаю болѣе, какъ вашъ мулла*»—писалъ онъ въ другомъ приказѣ (1858 г. № 21). Муллы и до сихъ поръ остаются невѣжественными. «Немножко мулла»—какъ подсмѣивался г. Вербицкій въ Ялхороѣ. Даже духовныхъ наставниковъ народа просвѣтить не позаботились. Впрочемъ, что муллы... Даже переводчиковъ для своихъ учрежденій за пятьдесятъ лѣтъ правительство не подготовило.

Это, конечно, не случайность,—не случайность, что дальше репрессій русская администрація не пошла въ борьбѣ съ разбойничествомъ.

Культура и право—сказалъ я—необходимы, чтобы, по крайней мѣрѣ, кровь перестала литься на Кавказѣ. Но развѣ культуру и тѣмъ болѣе право можетъ внести полицейское государство?

Поэтому-то я и назвалъ то, что происходитъ на Кавказѣ, драмой... Кончится она, повидимому, не прежде, чѣмъ полицейское государство уступитъ мѣсто правовому. А это—вопросъ общероссійскій.

А. Пѣшехоновъ.

Холера или культура?

(По поводу однихъ «Трудовъ»).

Развернувъ недавно вышедшіе «Труды южно-русскаго областного съѣзда по борьбѣ съ холерой (26/III — 4/IV 1911 г., Екатеринославъ)», — не только врачъ, а каждый рядовой интеллигентъ не скоро оторвется отъ этихъ двухъ объемистыхъ томовъ,—столько въ нихъ цѣннаго живого матерьяла, столько глубокаго соціальнаго драматизма, наконецъ, столько откровеній изъ лагеря людей, которыхъ всегда занятно и полезно послушать въ обстановкѣ, вовлекающей ъ вольныя и невольныя признанія...

«Кажется, будто для Россіи начинается эпоха оздоровленія. Надолго ли?» — говорилъ въ привѣтственной рѣчи завѣдующій екатеринославскимъ санитарнымъ бюро, д-ръ Смидовичъ.—«Мы сейчасъ стоимъ предъ дилеммой—оставаться ли по-прежнему данниками холеры, безропотно отдающими ежегодно тысячи жертвъ, или сдѣлаться неуязвимыми для нея» *).

А для этого — «есть лишь одинъ путь, уже протоненный Западной Европой,—путь культурнаго и общественно-экономическаго подъема и широкихъ оздоровительныхъ мѣръ. Внѣ этого пути нѣтъ спасенія отъ холеры»...

Трудно было болѣе сжато и полно охарактеризовать сущность современнаго научнаго воззрѣнія на борьбу съ холерой, чѣмъ это сдѣлалъ цитируемый авторъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ словахъ мы имѣемъ и ключъ къ психологіи екатеринославскаго съѣзда, раздѣлившаго приведенную сейчасъ оцѣнку антихолерныхъ мѣропріятій и закрѣпившаго свое научно-соціальное credo по вопросу о борьбѣ съ холерой въ рядѣ соотвѣтствующихъ резолюцій. Однако самый процессъ выработки и установленія основного взгляда дался съѣзду не легко, и «Труды» послѣдняго рисуютъ довольно извилистый и тернистый путь, которымъ принудило идти работу съѣзда отношеніе матеріально заинтересованныхъ группъ въ лицѣ представителей горной промышленности юга Россіи.

«*Мы*» и «*вы*», — это противопоставленіе, не мало затруднивъ продуктивность работъ съѣзда, вскрыло въ то же время не мало поучительныхъ извилинъ антисоціальной психологіи представителей капитала. Вѣдь доходило, какъ свидѣтельствуютъ стенограммы «Трудовъ», до того, что «вы» (т. е. представители общественныхъ интересовъ и здравоохраненія) «запрещайте или нѣтъ, а «мы»

*) „Труды", т. I, стр. 14.

пользоваться ею (шахтной водой для хозяйственныхъ надобностей) *будемъ*»... *).

До какой степени подчасъ обнажалась пропасть между защитниками общественнаго блага и представителями капитала, лучше всего пояснитъ одинъ характерный выкрикъ, сорвавшійся въ пылу преній по вопросу о рабочихъ жилищахъ. Рѣчь шла о томъ, чтобы установить въ резолюціи сроки, въ теченіе которыхъ недопустимыя по антигигіеничности жилища рабочихъ были бы замѣнены лучшими, по указаніямъ общественныхъ самоуправленій. По этому поводу произошелъ такой обмѣнъ «мнѣній»:

П. П. Казакевичъ (инженеръ, представитель съѣзда горнопр.): Разъ этого закона нѣтъ, мы не можемъ издать его...

Оратору разъясняютъ, что дѣло идетъ не объ «изданіи закона», а лишь о направленіи, которое желательно развить въ законѣ. Если разсуждать такъ, какъ г. Казакевичъ, то нельзя выносить вообще никакой резолюціи, которую желательно отразить въ законѣ (д-ръ Смидовичъ).

Тогда раздается такой крикъ наболѣвшаго горнопромышленнаго сердца:

А. С. Макомасскій (инженеръ, пом. директора Днѣпровскаго завода): «Всѣ пожеланія исполнимы и могутъ быть проведены, но не пожеланіе разрушить существующіе поселки и *вынуть* десять милліоновъ,—такихъ законовъ ставить нельзя» **).

Не правда ли, какъ это искренно сказано?.

И по какому поводу такой шумъ (закончившійся принятіемъ резолюціи и внесеніемъ отдѣльнаго мнѣнія отъ совѣта съѣзда горнопромышленниковъ)?

Этотъ взрывъ негодованія послѣдовалъ при обсужденіи резолюціи по докладу санит. врача *Н. И. Лященка*: «Жилищный вопросъ на горнопромышленныхъ предпріятіяхъ Донецкаго бассейна и данныя обслѣдованія жилищъ рабочихъ О-ва Ю.—Р. каменноугольной промышленности». Докладъ украшенъ такимъ эпиграфомъ: «чтобы не возгорѣть ненавистью къ обществу, проживая въ этихъ норахъ, недостаточно быть человѣкомъ добродѣтельнымъ, нужно быть богатыремъ» (Дюмениль).

Очевидно, въ благородномъ стремленіи своемъ превращать горныхъ рабочихъ изъ добродѣтельныхъ людей въ богатырей добродѣтели и смиренія и заключалась причина, побудившая гг. инженеровъ такъ яростно отстаивать тѣ «норы», въ которыхъ до холеры прошлаго года безвозбранно ютились рабочіе гг. Казакевичей, Макомасскихъ и К°.

---

*) Ib., с. 290.
**) Id., с. 275—276.

II.

Условія жилища и жилищный вопросъ на горнопромышленныхъ предпріятіяхъ юга Россіи, можно сказать, явились «гвоздемъ» съѣзда. Самый горячій бой между представителями общественнаго здравоохраненія и представителями горнопромышленныхъ интересовъ велся именно вокругъ докладовъ, вскрывшихъ эти коренного значенія вопросы.

О, какой обильный и мрачный «фактическій матеріалъ» пришлось выслушать съѣзду въ этихъ докладахъ!..

«*Расходы на медицину* (въ томъ числѣ и на всякія санитарныя и гигіеническія улучшенія, прибавимъ мы отъ себя) — *это темныя пятна на нашемъ дивидендѣ»*, говорятъ болѣе откровенные представители капитала» *).

При такомъ взглядѣ,—что значитъ для предпринимателя такой ужасъ, какъ *«водяной голодъ»* рабочаго населенія Бахмутскаго уѣзда, центра рудничнаго района. А именно этими словами докладчикъ, д-ръ Конторовичъ, вынужденъ былъ характеризовать «общее положеніе водоснабженія на промышленныхъ предпріятіяхъ» этого уѣзда **). Причинъ этого ужаса, по заключенію докладчика, двѣ, «въ одинаковой мѣрѣ серьезныя»: «одна изъ нихъ—въ естественныхъ неизбѣжныхъ условіяхъ разработки каменнаго угля; другая—въ такомъ же (sic) *естественномъ* ***) отношеніи горнопромышленниковъ къ условіямъ жизни рабочихъ въ донецкомъ бассейнѣ». По мѣрѣ выработки угля, шахты все больше высасываютъ воду изъ прилегающихъ мѣстностей. «Населеніе стонетъ отъ недостатка воды, болѣетъ всякими желудочно-кишечными болѣзнями, тифами... но это вѣдь совершенно не отражается на условіяхъ производства—предложеніе труда велико» ****),—а этого послѣдняго вполнѣ достаточно, чтобы... спокойно подсчитывать дивиденды подъ стонъ населенія, буквально задыхающагося безъ воды.

Вы представляете себѣ, что значитъ для рудничнаго рабочаго усчитывать каждую пригоршню воды. «Видали ли вы шахтеровъ, идущихъ съ работы?—спрашиваетъ д-ръ Конторовичъ въ другомъ своемъ докладѣ *****).—Весь черный, перепачканный въ угольной пыли, въ своемъ мокромъ холодномъ шахтерскомъ костюмѣ, онъ бѣжитъ домой во всякую погоду... Въ переполненную жильцами квартиру или артельную казарму шахтеръ приноситъ всю шахт-

---

*) Ib., стр. 192.

**) «Труды», II, стр. 191, докладъ д-ра *Конторовича*.

***) Курсивъ мой, А. Т.

****) Ib., стр. 193.

*****) „Тр.“, т. II, с. 211.

ную грязь и на своемъ тѣлѣ, и на своей знаменитой шахтеркѣ... Пойдите за шахтеромъ домой. Тѣло его все такъ густо покрыто угольной пылью, что кажется, будто онъ чѣмъ-то смазанъ»... Но воды нѣтъ, воды такъ мало, что «такое тѣло нѣсколько шахтеровъ моютъ въ одной чашкѣ и въ одной и той же водѣ» [1]).

«Моемся въ корытахъ, а тѣло черное»,—говорятъ шахтеры по адресу предпринимательскихъ «бань» [2]). «На всѣхъ рудникахъ слышатся жалобы, что нѣтъ умываленъ. Жалуются рабочіе, жалуются ихъ жены» [3]). На 40 обслѣдованныхъ д-ромъ Конторовичемъ шахтахъ имѣется только 5 умываленъ. На одномъ рудникѣ додумались до того, что *раньше чѣмъ черезъ полгода, не пускаютъ въ умывальню*. «Своего рода стажъ», добавляетъ докладчикъ [4]). Обычно умывальня—«огромный сарай съ неоштукатуренными стѣнами и полуцементнымъ, полуземлянымъ поломъ, заставленнымъ ящиками разныхъ размѣровъ, сбитыми кое-какъ изъ балокъ» [5])... «Отъ пара ничего не видно; платье (тутъ же подвѣшенное. «прѣетъ», какъ говорятъ шахтеры, и *никогда не просыхаетъ*. Невыразимо тѣсно, раздѣваться негдѣ. Моющіеся обдаютъ грязной водой приходящихъ и уходящихъ» [6])...

Не лучше и «бани». «Вода вездѣ проведена *изъ шахты*» [7]); даже на тѣхъ рудникахъ, гдѣ имѣются водопроводы (кромѣ рудниковъ Казакевича и «Дагмара»), вода проведена для бань *также шахтная*...

Всюду жалуются, что вода въ баняхъ мутная, ржавая, жесткая и, какъ говорятъ рабочіе, «смоляная». Женскихъ волосъ хоть не мой: слипаются. *На многихъ шахтахъ нѣтъ бани, потому что нѣтъ горячей воды*. Нѣкоторыя бани такъ запущены, что напоминаютъ скорѣе сараи. «Только счетъ, что баня, говорятъ рабочіе: одна простуда». «Въ баню не ходимъ, холодно въ ней. Тамъ, гдѣ раздѣваются, вовсе нельзя терпѣть: охолонешь» [8]).

Это—условія наружнаго потребленія воды людьми, полсутокъ проводящими въ угольной шахтѣ, работающими въ душныхъ забояхъ безъ рубашки. Каковы условія внутренняго потребленія—не трудно угадать.

Минимальная жесткость воды, допускаемая гигіеной, — 12°. Тамъ, гдѣ была изслѣдована вода предпріятій, найдена жесткость отъ 47° до 124°, т. е. *въ $3^1/_2$—8 разъ болѣе* допускаемаго минимума. Въ 25-ти предпріятіяхъ населеніе само ходитъ по воду;

---

1) Ib., с. 213.
2) Ib., с. 215.
3) Ib., с. 214.
4) Ib., с. 213.
5) Ib., с. 216.
6) Ib., с. 214.
7) И это—тогда, когда «возможность загрязненія шахтной воды холерными вибріонами *научно установлена*».—А. Т. («Тр.», т. II, с. 299).
8) Ib., с. 215—216.

въ 15-ти вода доставляется подрядчикомъ и только въ 2-хъ—конторой. Доставка подрядчикомъ это—полная кабала для населенія: захочетъ—привезетъ, захочетъ—2-3 дня оставитъ безъ воды. А въ среднемъ суточный расходъ воды на душу (считая и служащихъ)—*отъ* $^1/_2$ *до* $^1/_3$ *ведра!* Насколько далека эта норма отъ установленныхъ нормъ, видно изъ того, что въ Берлинѣ, напр., потребляютъ теперь на душу 150 литровъ (около 15 ведеръ). Горнорабочій бахмутскаго района принужденъ, слѣдовательно, обходиться всего $^1/_{30}$—$^1/_{45}$ долей берлинской нормы и еще за эту ничтожную долю нормальмаго потребленія воды живущій въ угольной пыли рабочій принужденъ платить по одной-полторы копѣйки за ведро (Горловскіе рудники, Юзовскій заводъ). Въ другихъ пунктахъ плата за воду включена въ плату за квартиру,—отъ 40 к. до 1 р. съ одинокаго и отъ 80 к. до 3—4 р. въ мѣсяцъ съ семейнаго. Вдобавокъ ко всему этому на нѣкоторыхъ рудникахъ водовозныя бочки и ассенизаціонный обозъ помѣщаются рядомъ *).

«Тутъ безъ холеры холера будетъ»... «Безъ воды помираемъ»... «Хоть караулъ кричи безъ воды»... «На 11—12 человѣкъ артели 3—4 ведра. За копѣйку полъ-ведра даетъ. Трудовая копѣйка какъ достается? Человѣкъ бьется, бьется въ забоѣ, а придетъ,—нечѣмъ чаю напиться»... «День съ водой, два безъ воды». «Топимъ снѣгъ для питья и чая. Бабы стоятъ въ затылокъ въ два ряда, нѣтъ терпѣнія ждать, околѣешь съ ведрами»... «Придешь съ работы,—помыться нечѣмъ. Ложишься, какъ скотина»... «Когда въ котлы наберутъ, разрѣшаютъ потомъ брать изъ резервуара около шахты». «Платимъ водовозу 60, а то 70 к.» «На семью въ 9 человѣкъ берутъ 2 ведра»... «Брать больше не можемъ, достатку нѣтъ»... «Почитаютъ хуже скотовъ, что и пожаловаться некому,—сейчасъ прогонятъ». «Къ веснѣ много народа уѣзжаетъ въ Россію и полегче въ водѣ». «Тутъ не житье, а мученье»!.. **).

Такъ характеризуютъ (по даннымъ личной анкеты) рабочіе бахмутскаго района свое «водоснабженіе». Это ли не стонъ, это ли не вопль, это ли не настоящій водяной «голодъ»?! И, однако, гг. горнопромышленники... впрочемъ, о нихъ немного ниже. «Гуртомъ—дешевле», а потому лучше ужъ послушать за одинъ пріемъ комментаріи гг. горнопромышленниковъ и къ этому докладу, и къ докладу о жилищахъ.

---

*) Ib., с. 196—201.
**) Ib., с. 204—20

III.

Жилища... но ихъ только 22,3%, если подъ ними разумѣть квартиры въ каменныхъ и кирпичныхъ зданіяхъ. 77,7%—это все что угодно, но не человѣческое жилье: землянки, полуземлянки, землянки-каютки, сарайчики, «лѣтнія кухни»... Докладчикъ, *д-ръ Лященко*, отказался харатеризовать этотъ типъ жилья съ санитарной точки зрѣнія, а прямо заявилъ, что всѣ эти землянки—каютки, сарайчики и кухни—«недопустимы, какъ жилища. Ихъ нужно снести и какъ можно скорѣе: жить въ этихъ помѣщеніяхъ нельзя, а они вѣдь—*половина* всѣхъ квартиръ,—51,7%» *). «Больше ²/₃ всѣхъ квартиръ можно считать темными и полутемными, нигдѣ нѣтъ двойныхъ рамъ. Вентиляція—плита... топятъ ее въ большинствѣ цѣлый день или 3—4 раза въ день. Почти всѣ квартиры горловскихъ рудниковъ имѣютъ естественное освѣщеніе ниже нормы, указанной въ обязательныхъ постановленіяхъ екатеринославскаго губернскаго земства, 41% семействъ имѣютъ столовниковъ, отъ одного до пятнадцати человѣкъ на семью». Причинами такого переполненія квартиръ авторъ доклада считаетъ: «во 1) недостаточный размѣръ жилищъ для рабочихъ; во 2) недостаточное количество жилищъ; въ 3) недостаточную заработную плату».

Что касается обстановки типичной квартиры горнопромышленнаго рабочаго, то—говоритъ изслѣдователь—«она самая неприглядная: деревянная кровать со всякаго рода тряпьемъ, рѣдко желѣзная, а больше—нары; столъ, 3—4 скамьи; развѣшанные по стѣнамъ на гвоздяхъ, а нерѣдко на веревкѣ, протянутой отъ одной стѣны къ другой,—рабочіе костюмы; плита, на которой готовится пища; надъ плитой опять мокрые костюмы и онучи, развѣшанные для просушки; на плитѣ рядомъ почти съ кушаньями—мокрые «постолы» или лапти; подлѣ плиты всякая хозяйственная утварь, тутъ же стоитъ вода, тазъ для умыванья, подъ кроватью съѣстные припасы вмѣстѣ съ грязнымъ бѣльемъ, сундучки рабочихъ и проч. Прибавьте къ этому, что квартиры съ землянымъ поломъ, безъ потолка, съ черными отъ угольной пыли и сырыми стѣнами, съ маленькими окнами, скудно пропускающими свѣтъ. На нарахъ спятъ рабочіе, вернувшіеся съ работы. На грязномъ полу ползаютъ ребятишки,—вотъ вамъ приблизительная картина обстановки, въ которой живетъ рабочій» **). Дѣтская смертность отъ 1 года до 7 лѣтъ 55%. «У насъ дѣти есть, да они дома, на родинѣ; мы ихъ сюда не беремъ, здѣсь слишкомъ мрутъ они, отъ воды, видно. Вода здѣсь плоха»,—объясняютъ рабочіе. Да и какъ дѣтямъ не умирать въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ: «насажденій нила-

*) Ib., т. II, с. 128.
**) Ib., с. 130—137.

кихъ нѣтъ,—повѣствуетъ изслѣдователь,—они есть только передъ домами рудничнаго начальства; мысль о необходимости насажденія деревьевъ передъ квартирами рабочихъ управляющимъ рудниковъ кажется настолько дикой, что они встрѣчаютъ ее только иронической улыбкой». Вмѣсто зелени, ласкающей взглядъ, дающей кислородъ, задерживающей пыль,—«прежде всего вы видите цѣлую шеренгу клозетовъ и мусорныхъ ящиковъ, сбитыхъ обычно изъ трехъ досокъ... Вокругъ... человѣческіе экскременты»... *) Передавая эти краткія выдержки, невозможно удержаться отъ указаній на отдѣльные конкретные случаи, отмѣченные *д-ромъ Лященкомъ* въ его докладѣ. Вотъ наудачу нѣсколько выборокъ:

Никитовскій, 2 (сѣверный рудникъ): «Въ казармахъ спятъ на нарахъ вплотную, тутъ же ѣдятъ и моются».

Троицкій каменноугольный рудникъ Мошкевича: «тѣснота невѣроятная. *Владѣлецъ считаетъ двухъ рабочихъ за одного, такъ какъ они работаютъ посмѣнно*».

Софіевскій рудникъ: «За свой счетъ хотѣли печки передѣлать, *не позволяютъ*. Сдѣлайте милость, помогите!»

Рудникъ Козакевича: «Замѣчательны землянки, вросшія въ землю. Сплошныя нары въ обѣихъ, стѣны черныя. Если въ семейныхъ землянкахъ отвратительно, то артельныя вовсе не поддаются описанію. *Такія помѣщенія низводятъ человѣческую личность до скотскаго существованія. Въ хлѣву лучше*». **)

Но... довольно. Иначе придется переписать весь докладъ. Неправда ли,—«чтобы не возгорѣть ненавистью къ обществу, проживая въ этихъ норахъ, недостаточно быть добродѣтельнымъ, нужно быть богатыремъ»,—какъ выразился столь кстати цитированный докладчикомъ Дюмениль?!.

IV.

Если такъ интересно, такъ (независимо отъ воли авторовъ) драматично сложились цитированные доклады, то тѣ комментаріи, которыми ихъ любезно снабжали въ преніяхъ представители горнопромышленниковъ, вдвойнѣ заслуживаютъ быть отмѣченными въ общей печати. Не часто вѣдь удается присутствовать при томъ, когда капиталъ обнажаетъ свою психологію, когда промышленникъ точно подставляетъ свою промышленную душу подъ фотографію, предаваясь жуткой откровенности. И надо отдать справедливость

*) Ib., с. 138—139.
**) Ib., с. 143, 146. 147. *Курсивъ мой*, 9 т.

гг. горнопромышленникамъ. Если, дебатируя на екатеринославскомъ съѣздѣ, они не лишены были стремленія щегольнуть «европейской складкой» ума и образованія,—что, пожалуй, подчасъ имъ и удавалось,—то какая все же старая закорузлая разуваевщина просвѣчивала сквозь эти европейскія складки всякій разъ, когда рука настоящаго интеллигента распахивала ихъ и обнажала истинныя отертанія столь блестящихъ «европейцевъ»...

Прочитайте только 1-й томъ «Трудовъ» екатеринославскаго съѣзда, и вы воочію убѣдитесь, какъ все еще тонокъ и ничтоженъ этотъ налетъ россійскаго капиталистическаго «европеизма». Разверните, напримѣръ, рѣчь того самаго инж. Козакевича, у котораго рабочіе, какъ мы знаемъ, живутъ въ такихъ помѣщеніяхъ, что «въ хлѣву лучше» *). Почитайте, какъ умѣютъ говорить наши промышленники изъ «европейцевъ». Съ внѣшней стороны рѣчь впору первоклассному оратору: такъ ловко она построена, такъ закруглена и отточена ея фраза, столько внѣшняго лоска во всѣхъ ея оборотахъ и изгибахъ. Но попробуйте внимательно прослѣдить за мыслью оратора, загляните въ доклады, по которымъ она хочетъ ударить,—и изъ-за «европейца» передъ вами встанетъ типичнѣйшій россіянинъ-эксплуататоръ, а вмѣсто всѣхъ изящныхъ фасоновъ «европейскаго» краснорѣчія, зазвучитъ старое: «сгною»... Г. Козакевичъ, повидимому, такой (какъ и полагается «европейцу») чувствительный человѣкъ, что у него при чтеніи докладовъ «волосы дыбомъ становились отъ тѣхъ ужасовъ, которые царятъ въ рудникахъ» **). Но—утѣшаетъ онъ слушателей и самого себя,—«чтобы дать критику какому-нибудь докладу, надо опредѣлить кругъ изслѣдованій и методовъ, которыми этотъ докладъ былъ полученъ» ***).

И вотъ, опредѣливъ «кругъ изслѣдованій», ораторъ указываетъ, что д-ромъ Конторовичемъ «изслѣдованъ одинъ только Бахмутскій уѣздъ и не затронутъ Славяносербскій» и т. д., и т. д...

Однако, если-бы чувствительному оратору угодно было раскрыть «Труды» на страницѣ 111-й тома I-го, то онъ прочиталъ-бы чернымъ по бѣлому: «всѣ данныя, которыя приведены д-ромъ Конторовичемъ, *остаются въ силѣ не только для Бахмутскаго уѣзда, но и для Славяносербскаго»*. И это заявляется категорически никѣмъ другимъ, *какъ бывшимъ рудничнымъ* врачемъ, г. П. М. Наумченкомъ. Такъ что, по одному этому, «кругъ изслѣдованій» д-ра Конторовича, подвергнутый сомнѣнію инж. Козакевичемъ, лучше оставить въ сторонѣ.

Еще печальнѣе вышло съ «кругомъ методовъ».

---

*) ib., с. 147.

**) «Труды», I, с. 89—90.

***) Ib., с. 90.

Д-ръ Конторовичъ, какъ всегда ведется въ такихъ случаяхъ, не удовлетворился тѣмъ, что видѣлъ. Онъ еще примѣнилъ личную анкету, «т. е.,—любезно поясняетъ инж. Козакевичъ:—допрашивалъ отдѣльныхъ рабочихъ о томъ, что они получаютъ, въ какомъ количествѣ и проч.» Еслибы у г.г. Козакевичей все было въ порядкѣ—имъ бы только радоваться такому опросу. Но, оказывается, этотъ методъ «палка о двухъ концахъ». И когда эта палка ударяетъ по больному мѣсту,—анкета перестаетъ быть анкетой, а превращается «въ келейный допросъ отдѣльныхъ лицъ», «шаткое секретное разслѣдованіе» *). Чтобы избѣжать такой бѣды, «нужна извѣстная гласность, нуженъ извѣстный свѣтъ», по мнѣнію г. Козакевича. Но тутъ другая бѣда: оказывается, что «какъ только рабочій дастъ нехорошія свѣдѣнія относительно водоснабженія (въ присутствіи «извѣстной гласности, извѣстнаго свѣта»)—промышленникъ согнетъ этого рабочаго въ дугу, оштрафуетъ или уволитъ, и навсегда будетъ закрыта возможность получить дѣйствительныя свѣдѣнія»,—заявилъ оратору при осмотрѣ рудника д-ръ Конторовичъ. Изъ этого заколдованнаго круга европейскій умъ г. Козакевича вырывается такъ просто, что остается только ахнуть: «Я думаю,—заявляетъ онъ,—что говорить о такого рода дѣйствіяхъ промышленниковъ *пока нѣтъ основаній*. Конечно, это можно предположить, но *намѣренія одинъ Богъ знать можетъ*» **). Выбравшись такимъ образомъ изъ заколдованнаго круга, ораторъ-европеецъ заканчиваетъ вопросъ о «кругѣ методовъ» требованіемъ производства анкеты «не иначе, какъ совмѣстно съ рудничнымъ врачомъ», откровенно передъ тѣмъ отмѣтивъ, что рудничные врачи и есть именно тѣ лица, «на которыхъ мы можемъ опереться» ***).

Кто это «мы»,—члены съѣзда, изслѣдователи, или сами горнопромышленники,—ораторъ въ пылу краснорѣчія, къ сожалѣнію, не указалъ. Но такъ какъ вся рѣчь посвящена защитѣ «*насъ*, горнопромышленниковъ», то и это «*мы*» приходится логически отнести къ тому же лагерю. И въ заключеніе:

— «Я далекъ отъ того,—заявилъ ораторъ,—чтобы сказать, что въ области водоснабженія мы достигли идеала (?!); хотя мы далеко его не достигли и достигнуть его трудно, но я скажу: очень многое сдѣлано»... ****). А руководитель рудничной санитаріи, д-ръ Ретивовъ, присовокупилъ:

— «Если избрать одинъ районъ и его только разсматривать, дефектовъ сколько угодно: но возьмите въ общей массѣ, со всѣми весями и селами нашей родины,—эти рудники и заводы оказы-

*) Ib., с. 91.
**) Ib., с. 91—92.
***) Ib., с. 92.
****) Ib., с. 96.

ваются оазисами среди общаго безобразія, которое царитъ въ нашихъ деревняхъ»... [1]).

Читатель! Вы представьте только себя въ положеніи члена съѣзда, обсуждавшаго нужды здравоохраненія именно даннаго района, когда васъ наивно приглашаютъ увѣровать въ то, что задыхающіеся [2]) безъ воды, безъ кустика, безъ деревца горнопромышленные рабочіе этого самаго района живутъ въ *«оазисахъ»*...

Подумайте, сколько надо имѣть мужественнаго «европеизма» и... особой, я бы сказалъ—«горно-медицинской» идилличности, чтобы послѣ всего указаннаго дѣлать столь поэтическія сравненія.

Что значатъ для гг. Козакевичей, Ретивовыхъ и прочихъ горнопромышленныхъ піитовъ указанія д-ра Смидовича, что, при условіяхъ скученности и страшной загрязненности, «потребность въ водѣ на рудникахъ особенно велика и ея недостатокъ чувствуется особенно остро. Нигдѣ на Западѣ мы не увидимъ такого рабочаго, чернаго съ головы до пятъ, у котораго сверкаютъ бѣлки глазъ... Тамъ рудокопъ черенъ только, пока работаетъ въ шахтѣ, а въ остальное время онъ такой же, какъ всѣ». Что «какъ ни плоха вода,—для котловъ ее все же умудряются очищать, потому что плохой воды котлы не выносятъ, отъ нея они портятся и могутъ разорваться; живой человѣкъ выносливѣе,—отъ скверной воды онъ не треснетъ»... [3]). Что «на Щербаковскомъ рудникѣ имѣются 2 бака; но, когда воды остается 500 ведеръ, тамъ есть хитрый клапанъ, который автоматически захлопывается, и тогда вода идетъ уже по трубамъ въ квартиры служащихъ, а рабочіе ею не пользуются» (д-ръ Конторовичъ) [4]). Когда д-ръ Ретивовъ изъ области піитики перешелъ въ область научныхъ разсужденій и вздумалъ указать на «бактерицидныя свойства угольной пыли вслѣдствіе содержащихся въ ней феноловъ», то изъ этой его экскурсіи хорошаго вышло мало: одинъ солидный оппонентъ (д-ръ Смидовичъ) мягко замѣтилъ: «блаженъ, кто вѣруетъ, что, при такомъ ничтожномъ количествѣ фенола... въ углѣ, да еще въ нерастворенномъ видѣ, (угольная пыль) можетъ дѣйствовать губительно на бактеріи» [5]), а другой, болѣе откровенный оппонентъ (д-ръ Лященко) безцеремонно назвалъ блестящее открытіе д-ра Ретивова «прямо грубой передержкой» [6]).

Броня, въ которую одѣты гг. Козакевичи, на столько плотна, что приведенными возраженіями ихъ не очень-то смутишь...

---

[1]) См. выше.
[2]) Ib., с. 101.
[3]) Ib., с. 105—107.
[4]) Ib., с. 121.
[5]) Ib., с. 132.
[6]) «Тр.», т. I. с. 158.

V.

Но... Богъ съ ними, съ горнопромышленниками, которые устами г. Буковскаго (инженеръ Петро-Марьевскаго рудника) откровенно признавались, что на вопросъ, кто виноватъ?—надо отвѣтить: «эксплуататоръ промышленникъ, и виноватъ иногда съ виной, иногда безъ вины виноватъ»... Что «нѣтъ труда болѣе тяжелаго, чѣмъ трудъ горнаго рабочаго, и не по затратѣ физической энергіи, а по той ужасной обстановкѣ, въ которой онъ работаетъ»... но «есть и среди насъ люди, которые не обращаютъ на это вниманія, есть люди, которые даже, прямо скажу, не прочь поэксплуатировать рабочихъ»... *), что вообще въ глазахъ самихъ же горнопромышленниковъ рудники и житье на нихъ рабочихъ—далеко не тѣ «оазисы», о которыхъ благодушно повѣствовалъ д-ръ Ретивовъ...

Помимо ознакомленія съ бытомъ рабочихъ горнопромышленнаго юга Россіи, помимо спеціальныхъ медицинскихъ темъ, съѣздомъ былъ затронутъ рядъ вопросовъ крупнаго общегосударственнаго значенія и вынесенъ рядъ заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія резолюцій. Оказалось, при ближайшемъ разсмотрѣніи, что говорить сколько-нибудь обстоятельно о русской холерѣ, значитъ говорить вообще о Россіи и ея неустройствахъ. У насъ съ легкимъ сердцемъ, напр., обезглавили московскій университетъ, въ частности,—былую гордость его, медицинскій факультетъ. Съ еще болѣе легкимъ сердцемъ, однимъ взмахомъ министерскаго пера, разогнали женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, объявивъ изгнаннымъ, что онѣ «уволены» для того, чтобы быть уволенными, и собирая потомъ слушательницъ обратно черезъ часъ по столовой ложкѣ.

А вотъ съѣзду по борьбѣ съ холерой пришлось выслушать не мало грустныхъ сѣтованій на самую постановку медицинскаго образованія въ нашихъ, во мгновеніе ока разгоняемыхъ высшихъ школахъ. «У насъ,—говорилъ, напримѣръ, на съѣздѣ *д-ръ Ефимовъ*,—на лѣчебную медицину тратится 97% всѣхъ медицинскихъ расходовъ, а на общественно-санитарную лишь три процента. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Англіи на первую расходуется лишь 40%, а на 2-ю 60% **). Въ результатѣ: изъ *азіатской*—холера стала *русской*, а въ Англіи она разбивается безсильно о твердыню этихъ 60-ти процентовъ расходовъ на общественную санитарію. Нужна была прошлогодняя эпидемія съ ея 109-ю тысячами смертей, чтобы то тутъ, то тамъ земства снова заговорили о введеніи санитарныхъ организацій, санитарныхъ врачей, чтобы министерство внутр. дѣлъ разрѣшилось, наконецъ, тощимъ проектомъ о сани-

---

*) Ib., с. 146—148.
**) «Тр.», т. II, с. 278.

тарныхъ попечительствахъ. Но допустимъ, что всѣ до одного земства завтра же пожелали бы ввести у себя санитарныхъ врачей. Есть ли у насъ для этого достаточное число подготовленныхъ къ общественной санитаріи врачей? Есть ли у насъ въ высшихъ медицинскихъ школахъ необходимыя условія для подготовки такихъ врачей? Докладчикъ, *д-ръ Ефимовъ*, отвѣчаетъ на эти вопросы такимъ образнымъ сравненіемъ: „не припомните ли вы, господа, изъ своихъ гимназическихъ лѣтъ, какъ былъ поставленъ въ первыхъ классахъ гимназіи предметъ, называемый чистописаніемъ?.. Приблизительно такъ же поставлена каѳедра гигіены среди остальныхъ предметовъ медицинскаго преподаванія... программа...—до смѣшного мала для медика... методика гигіеническихъ изслѣдованій упрощена до невѣроятія, курсы медицинской полиціи, статистики введены больше для красоты слога... бактеріологія... до сихъ поръ не вошла въ систему медицинскаго преподаванія» *). Выдвигая требованія о включеніи въ курсъ обязательныхъ предметовъ бактеріологіи, эпидеміологіи, санитарнаго законодательства, санитарной статистики, гигіены, докладчикъ на первый планъ выдвинулъ курсъ *общественной медицины*, справедливо придавая «помимо практическаго, утилитарнаго характера еще громадное воспитательное значеніе для будущихъ врачей» этому курсу, который, по прекрасному выраженію автора, «способенъ будетъ вдохнуть въ преподаваніе живой духъ, смыслъ и глубокое пониманіе врачебнаго призванія»**). Съѣздъ раздѣлилъ точку зрѣнія докладчика. Отмѣтивъ въ своей резолюціи, что для широкихъ и постоянныхъ подготовительныхъ мѣръ необходима наличность постоянной устойчивой планомѣрной и полной санитарной организаціи, въ свою очередь требующей для исполненія своихъ функцій спеціально подготовленныхъ и преданныхъ дѣлу лицъ, съѣздъ постановилъ: вслѣдствіе этого необходимо признать вполнѣ назрѣвшей потребность въ реформѣ медицинскаго образованія въ Россіи, для чего, между прочимъ, необходимо ввести въ кругъ медицинскаго преподаванія цѣлый рядъ дисциплинъ, имѣющихъ цѣлью спеціальную подготовку (врачей) къ дѣятельности на поприщѣ общественной санитаріи ***).

Изъ другихъ резолюцій съѣзда заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія, какъ имѣющія широкое общественное значеніе (приводимъ ихъ in extenso въ порядкѣ напечатанія ихъ въ «Трудахъ»):

1) По докладу *С. А. Томилина*: «3. Въ цѣляхъ обезпеченія общественнаго самоуправленія достаточными средствами для борьбы съ холерой съѣздъ признаетъ настоятельно необходимымъ участіе государства въ половинномъ размѣрѣ дѣйствительныхъ расходовъ

---

*) Ib., с. 280—281.

**) Ib., с. 283.

***) Ib., с. 298.

общественныхъ самоуправленій на это дѣло. 4) Существующія санитарно-исполнительныя коммиссіи не удовлетворяютъ своему назначенію»[1]).

2) Въ связи съ докладомъ *А. И. Ефимова*: «Создавшіяся за послѣднее время въ русскихъ высшихъ школахъ неблагопріятныя условія для научной работы, повлекшія за собой уходъ выдающихся русскихъ ученыхъ, вызываютъ, по мнѣнію съѣзда, необходимость созданія надлежаще обставленныхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ могла бы преемственно продолжаться прерванная научная работа»[2]).

3) По докладамъ *В. П. Фіалковскаго и М. И. Ретивова*: «1) въ условіяхъ обстановки работы въ шахтахъ существуютъ факторы, которые могутъ способствовать развитію и длительному существованію такой эпидеміи, какъ холерная. Возможность загрязненія шахтной воды холернымъ вибріономъ научно установлена»[3]).

4) По докладу *И. И. Лященка*: «1) жилищныя условія рабочихъ донецкаго бассейна были однимъ изъ моментовъ, благопріятствовавшихъ распространенію холеры 1910 года. 4) Необходимо а) изданіе рабочаго и жилищнаго законодательства, б) переустройство существующихъ общественныхъ самоуправленій на началахъ широкаго участія въ нихъ всѣхъ слоевъ населенія и созданія на тѣхъ же началахъ мелкихъ общественныхъ самоуправляющихся единицъ, в) устраненіе препятствій, мѣшающихъ рабочимъ свободно организоваться въ профессіональные союзы и открывать потребительныя товарищества, г) безпрепятственное разрѣшеніе открытія мелкихъ акціонерныхъ строительныхъ обществъ съ освобожденіемъ ихъ отъ налоговъ и предоставленіемъ имъ широкаго кредита»[4]).

5) По докладу *М. А. Ширяева*: «4) широкое повсемѣстное развитіе дѣла улучшенія водоснабженія населенныхъ мѣстъ настоятельно требуетъ обязательнаго и широкаго участія государства въ расходахъ на это дѣло мѣстныхъ и общественныхъ самоуправленій»[5]).

6) Въ связи съ докладомъ по санитарному состоянію промышленныхъ поселковъ: «1) необходимо, чтобы закономъ была обезпечена возможность безпрепятственнаго и постояннаго надзора со стороны общественныхъ самоуправленій за экономіями»[6]).

7) По докладу *Л. А. Бобынина*: «1) санитарный надзоръ на водныхъ путяхъ долженъ быть возможно скорѣе переданъ въ вѣ-

---

[1]) Ib., с. 295.
[2]) Ib., с. 298.
[3]) Ib., с. 299.
[4]) Ib., с. 300.
[5]) Ib., с. 302.
[6]) Ib., с. 303.

дѣніе общественныхъ органовъ управленія земскихъ и городскихъ» *).

8) По докладу *П. Д. Степанова*: «2) для обезпеченія больнымъ холерой коечнаго лѣченія тамъ, гдѣ къ тому представляется надобность, должны быть открыты общія заразныя отдѣленія больницъ и школьныя зданія» **).

9) По докладу *С. Ф. Казанскаго*: «въ виду того, что противодѣйствіе къ проведенію противохолерныхъ мѣропріятій со стороны населенія при правильной организаціи послѣднихъ является результатомъ его некультурности, а отнюдь не проявленіемъ злой воли,—съѣздъ находитъ, что при такихъ условіяхъ всякое самостоятельное вмѣшательство со стороны администраціи, носящее принудительный характеръ, не только излишне, но и вредно для дѣла.—Въ интересахъ ознакомленія населенія съ сущностью заразныхъ болѣзней и правильной постановки дѣла борьбы съ эпидеміями вообще и холерой въ частности, съѣздъ особенно настаиваетъ на предоставленіи какъ земскимъ, такъ и фабрично-рудничнымъ врачамъ права безпрепятственно вести собесѣдованія съ населеніемъ по вопросамъ охраны народнаго здоровья» ***).

10) По докладу *Н. А. Ширяева*: «1) популяризація медико-гигіеническихъ знаній въ народѣ должна являться однимъ изъ необходимѣйшихъ звеньевъ врачебно-санитарнаго дѣла и въ частности противоэпидемической дѣятельности. — 2) Популяризація медико-гигіеническихъ знаній должна производиться при посредствѣ всѣхъ наличныхъ врачебныхъ силъ въ деревнѣ, не только въ формѣ бесѣдъ съ населеніемъ во всѣхъ подходящихъ случаяхъ, но и въ видѣ систематическихъ чтеній и лекцій.—3) Для широкаго распространенія этой мѣры необходимо какъ устраненіе всякихъ административныхъ препятствій, такъ и наличность достаточныхъ ассигнованій и созданіе спеціальныхъ организацій со стороны общественныхъ самоуправленій въ видѣ особыхъ лекторовъ, подвижныхъ музеевъ, библіотекъ медицинской, популярной и справочной литературы, наглядныхъ пособій и проч.» ****).

Какъ видите, съѣзду по борьбѣ съ холерой пришлось меньше всего говорить о холерѣ и больше всего о тѣхъ неотложныхъ экономическихъ, соціальныхъ и культурно-образовательныхъ нуждахъ, которыя, несмотря на наступившее «успокоеніе», все растутъ и растутъ безъ всякой тенденціи въ сторону ихъ удовлетворенія законодательными органами. «Замолкнутъ отголоски холеры, порастутъ травой холерныя могилы, и опять все пойдетъ по старому,—или дѣйствительно эта эпидемія послужитъ толчкомъ къ оздоровленію?»—воскликнулъ въ привѣтственной рѣчи съѣзду док-

*) Ib., с. 305.
**) Ib., с. 309.
***) Ib., с. 309—310.
****) Ib., с. 310.

торъ Смидовичъ и этими словами поставилъ вопросъ огромной важности для государства, въ которомъ грозныя эпидеміи свили себѣ столь прочное гнѣздо. Невольно рядомъ съ этимъ вопросомъ встаетъ и другой: это вопросъ о томъ, покроются ли безслѣдно пылью архивовъ «труды» южно-русскаго областнаго съѣзда по борьбѣ съ холерой, или суровому вердикту этого компетентнаго судилища суждено въ видѣ его резолюціи войти въ жизнь, стать «объявленнымъ въ окончательной формѣ». Съѣздомъ поставлена вполнѣ опредѣленная дилемма: холера или культура. Что выберетъ русская дѣйствительность?

А. А. Титовъ.

Изъ Болгаріи.

Болгарскій конституціонализмъ и пропорціональное представительство.

Пропорціональная избирательная система является въ послѣднее время самою популярною реформою въ Болгаріи. Ея умѣстность и своевременность никѣмъ, кажется, не подвергаются сомнѣнію. Консерваторы и либералы, націоналисты и радикалы, земледѣльцы и соціалъ-демократы—всѣ политическіе эксперты и всѣ признанныя и непризнанныя политическія партіи выступаютъ ея горячими и убѣжденными защитниками, выдвигаютъ ее на первый планъ въ своихъ избирательныхъ платформахъ и партійныхъ программахъ. Это единодушіе такъ полно, что подчасъ начинаетъ казаться даже подозрительнымъ. Иные склонны объяснять его едва ли не всецѣло вліяніемъ моды, болгарскою политическою подражательностью. «Мы, болгары — говорятъ такіе скептики — при всей нашей пресловутой практичности, очень переимчивы. Наше, такъ называемое, образованное общество очень преклоняется передъ Европою и во всемъ—въ техникѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, во внѣшнемъ укладѣ жизни—живетъ, главнымъ образомъ, заимствованіями отъ нея. Мы очень хотимъ, чтобы насъ считали европейцами, и страшно боимся показаться отсталыми въ чемъ бы то ни было. Поэтому нашъ взоръ всегда обращенъ на Западъ, и мы добросовѣстно беремъ оттуда все, что кажется намъ сколько нибудь полезнымъ или интереснымъ, что придастъ намъ видъ европейцевъ, что позволитъ намъ поддержать въ глазахъ Европы нашу репутацію «піонеровъ западной культуры на Балканскомъ полуостровѣ»,—все, начиная съ дамскихъ модъ и кончая новыми теченіями въ искусствѣ и литературѣ. Появились въ Европѣ

стянутыя юбки и шляпки-тюрбаны, и наши дамы немедленно усвоили себѣ эти сомнительныя прелести капризной европейской моды. Пусть завтра эта мода декретируетъ своимъ парижскимъ поклонницамъ гитаны, и наши софійскія красавицы послѣзавтра безропотно уподобятся цыганкамъ и турчанкамъ. Заговорили въ Европѣ объ Эрлиховыхъ инъекціяхъ, и въ рекламахъ нашихъ врачей тотчасъ же замелькала цифра 606. Завелись въ Европѣ поэты-декаденты, и декадентство немедленно вошло хозяиномъ въ болгарскую поэзію. Декадентство смѣнилось въ Европѣ модернизмомъ, и наши писатели и художники съ гордостью начали называть себя модернистами, и т. д. и т. д. Совершенно то же и въ политикѣ. Всѣ новшества европейской политической жизни и мысли тотчасъ же подхватываются у насъ, находятъ горячихъ защитниковъ и пропагандистовъ, въ концѣ концовъ копируются и прилагаются къ дѣлу, часто безъ всякой подготовки, безъ сколько нибудь серьезной критики, безъ поправокъ и измѣненій, которыя отвѣчали бы мѣстнымъ условіямъ. Такъ было съ теоріею «классовой борьбы» правовѣрнаго марксизма; потомъ съ ревизіонизмомъ бернштейніанцевъ. Такъ было съ референдумомъ. Такъ теперь съ пропорціональнымъ представительствомъ. Его завела у себя Бельгія, этотъ традиціонный источникъ политической мудрости въ глазахъ Болгаріи. О немъ теперь усиленно говорятъ во Франціи. Къ нему, очевидно, идетъ Европа. Ну, конечно, не отстаемъ и мы. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ у насъ о немъ впервые услышали; никто даже изъ партійныхъ вождей не зналъ толкомъ, что это за штука такая. А вотъ теперь не найдете политическаго дѣятеля, который осмѣлился бы усомниться въ преимуществахъ модной системы, и всѣ наши политическія партіи безъ исключенія выдвигаютъ ее въ первую голову въ своихъ программахъ»...

Въ этихъ желчныхъ іеремiадахъ старыхъ ворчуновъ есть, конечно, своя доля правды. Въ популярности, которую такъ скоро завоевала здѣсь идея пропорціональнаго представительства, не обошлось безъ болгарской «подражательности». Но не слѣдуетъ и преувеличивать. Эта доля не такъ уже велика и рѣшающа. За склонностью къ заимствованіямъ, за боязнью остаться назади, скрывается реальная политическая необходимость, выросшая—отчасти, можетъ быть, даже безсознательно—на почвѣ вполнѣ реальныхъ условій болгарской общественности. Эти условія весьма многообразны и сложны, но въ своемъ существѣ они почти цѣликомъ сводятся къ фиктивности болгарскаго конституціонализма, который *de jure* долженъ бы былъ, повидимому, служить полною гарантіею широкаго демократическаго народовластія, но который *de facto*, въ дѣйствительной жизни, какими-то неисповѣдимыми путями систематически и неуклонно вырождается въ пресловутый болгарскій «личный режимъ».

Здѣсь не мѣсто доискиваться причинъ этого специфически

болгарскаго процесса перерожденія формальнаго народовластія въ его прямую противоположность. Это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что его наличность ни въ комъ уже здѣсь не вызываетъ сомнѣній, а его почти фатальная непреоборимость самымъ серьезнымъ образомъ озабочиваетъ всѣхъ сколько нибудь вдумчивыхъ и не совсѣмъ индиферентныхъ къ политикѣ людей. «Личный режимъ» расцвѣлъ слишкомъ пышнымъ махровымъ цвѣткомъ, чтобы можно было не замѣчать его, или умалять его общественно - политическое значеніе. Онъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ національной жизни. Онъ не шутя грозитъ изсушить самые источники народной энергіи и самодѣятельности. Онъ начинаетъ утомлять даже тѣхъ, кто вольно или невольно способствуетъ его укрѣпленію, кому моментами онъ бываетъ даже выгоденъ, кто имъ до поры до времени пользуется и отъ него жирѣетъ. У него нѣтъ защитниковъ. Всѣ его ненавидятъ и проклинаютъ. Но—и это, поистинѣ, замѣчательно—онъ отъ этого не чувствуетъ себя ни хуже, ни слабѣе. Печать гремитъ противъ него. Партійныя программмы призываютъ къ борьбѣ съ нимъ. Политическіе дѣятели всѣхъ партій и направленій на такихъ призывахъ строятъ свою карьеру, завоевываютъ себѣ популярность и репутацію. Но, какъ-то фатально, всѣ эти протесты и призывы, вся эта шумная и страстная борьба не даютъ никакихъ замѣтныхъ практическихъ результатовъ. «Личный режимъ» неизмѣнно остается господиномъ положенія при всевозможныхъ министерскихъ и партійно-политическихъ комбинаціяхъ. Самые, казалось бы, убѣжденные его противники, становясь у власти, моментально позабываютъ свои ганнибаловы клятвы въ дни оппозиціи и превращаются въ его покорныхъ слугъ. Это до такой степени обычное здѣсь явленіе, что считается какъ бы правиломъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ такъ называемымъ «управляющимъ» партіямъ. Ихъ обѣщаніямъ болѣе не вѣрятъ. Ихъ считаютъ партизанскими котеріями, которыя органически неспособны представлять широкія народныя массы, на которыя было бы наивно и смѣшно возлагать какія нибудь серьезныя политическія надежды. За нихъ голосуютъ, пока въ ихъ рукахъ власть. Но стоитъ имъ потерять эту власть, онѣ тотчасъ же теряютъ и своихъ избирателей, которые съ тѣмъ же усердіемъ—или, вѣрнѣе, съ тою же покорностью—отдаютъ свои голоса ихъ наслѣдникамъ.

Въ этой пассивности болгарскихъ избирателей, дѣлающей ихъ легкою добычею всякаго «правительства», откуда бы оно ни пришло и что бы оно ни несло съ собою,—главное зло болгарскаго конституціонализма. Она, главнымъ образомъ, и питаетъ собою болгарскій «личный режимъ»...

Чего только не испробовала противъ этого зла болгарская демократія! Какихъ только гарантій не придумалъ для его смягченія болгарскій законодатель! Въ болгарскій избирательный законъ по-

стоянно вводятся поправки и измѣненія, преслѣдующія именно эту цѣль. Вы найдете въ немъ и секретныя комнатки для голосованія, и однообразные конверты для бюллетеней, и независимый составъ избирательныхъ бюро, и большое количество секцій, и суровыя кары за малѣйшія попытки административно-полицейскаго давленія на избирателей, и т. д. и т. д. Все это разсчитано на возможно болѣе полное обезпеченіе свободы и тайны голосованія. Все это, по мысли законодателя, должно дать въ результатѣ дѣйствительно «свободные выборы», чистое отъ примѣсей выраженіе «народной воли».

И все это оказывается въ значительной степени безплоднымъ. «Дѣйствительно свободные выборы» и съ этими гарантіями, какъ заколдованный кладъ, не даются въ руки злополучнымъ болгарскимъ избирателямъ, и указатель ихъ пресловутой «народной воли», теперь, какъ и прежде, неизмѣнно направляется въ сторону «правительства».

И вотъ, на темномъ фонѣ этихъ обидныхъ и горькихъ разочарованій вдругъ загорѣлся новый свѣтъ, принесшій съ собою новую надежду. Политическая мысль Запада выработала и поставила на очередь новую конституціонно-демократическую гарантію въ видѣ пропорціональнаго представительства. Реформа была кое-гдѣ приложена и дала, повидимому, прекрасные результаты. Не въ ней ли лежитъ секретъ спасенія и для Болгаріи? Не поможетъ ли она и несчастному болгарскому конституціонализму освободиться отъ разъѣдающихъ его недуговъ; стать на ноги и зажить, наконецъ, нормальною жизнью?..

Какъ должно произойти это чудо? Какимъ образомъ пропорціональная избирательная система можетъ положить конецъ избирательной монополіи, которою фактически владѣетъ всякое болгарское правительство при настоящихъ условіяхъ? Теорія даетъ на этотъ вопросъ очень простой и, повидимому, совершенно достаточный отвѣтъ: цѣль достигается обезпеченіемъ представительства меньшинства. При мажоритарной системѣ оно сплошь и рядомъ стирается до полнаго исчезновенія, такъ какъ голоса его избирателей пропадаютъ безслѣдно, распыляясь между соперничающими оппозиціонными партіями. При пропорціональной системѣ эти голоса будутъ засчитаны и окажутъ свое дѣйствіе на исходъ выборовъ, въ болѣе или менѣе полномъ соотвѣтствіи съ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ въ общей суммѣ поданныхъ голосовъ. Благодаря имъ оппозиція по праву войдетъ въ народное собраніе и, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, ея представители могутъ оказаться даже въ большинствѣ...

Такъ говоритъ теорія. То же подтверждаетъ и живой практическій опытъ, поскольку онъ имѣлъ до сихъ поръ мѣсто въ Европѣ. Наконецъ, къ тѣмъ же заключеніямъ приводитъ, повидимому, и анализъ данныхъ, собранныхъ избирательною статистикою въ самой Болгаріи.

Въ самомъ дѣлѣ, изученіе этихъ данныхъ приводитъ къ любопытнымъ и неожиданнымъ заключеніямъ. Оказывается, что пресловутая стадность болгарской избирательной массы, ея всегдашняя готовность на выборахъ идти слѣпо за правительствомъ имѣетъ свои предѣлы. Болѣе того: оказывается, это эти предѣлы сплошь и рядомъ довольно тѣсны, особенно въ послѣдніе годы. Не буду утомлять читателя цифрами и ограничусь лишь нѣсколькими случайными примѣрами, взятыми изъ избирательной практики послѣднихъ лѣтъ. Онѣ очень поучительны. Изъ нихъ явствуетъ съ очевидностью, что число голосовъ, подаваемыхъ на законодательныхъ выборахъ за правительственныхъ кандидатовъ, давно уже не представляетъ здѣсь собою того подавляющаго большинства, къ которому пріучили насъ давно прошедшія времена «Стамбуловщины». Часто оно едва превышаетъ число голосовъ, собранныхъ оппозиціонными кандидатами. Иногда оно даже падаетъ ниже этого числа. Но существующая мажоритарная система легко превращаетъ это относительное меньшинство въ громадное, подавляющее, абсолютное большинство. Оппозиціонные голоса распредѣляются между разными партіями, и ихъ распыленіе обезпечиваетъ правительству вѣрную, часто сокрушительную побѣду.

Такую картину даютъ намъ почти всѣ послѣдніе выборы. Возьмемъ для примѣра выборы 1908 г., произведенные демократическимъ кабинетомъ Малинова. Какъ извѣстно, они дали правительству подавляющее большинство. 166 избранныхъ демократическихъ депутатовъ на 37 оппозиціонныхъ. Можно бы было подумать, что приблизительно таково же—81% противъ 19%—должно было быть и отношеніе между поданными за нихъ голосами. Ничего подобнаго! За демократическихъ кандидатовъ—какъ избранныхъ, такъ и провалившихся—было подано въ суммѣ не болѣе 60%, а за оппозиціонныхъ около 40% всего числа поданныхъ голосовъ. Если же прибавить къ оппозиціоннымъ голосамъ и голоса, поданные за незарегистрированныхъ, значитъ незаконныхъ кандидатовъ, то окажется, что число оппозиціонныхъ голосовъ было лишь немногимъ менѣе половины всѣхъ поданныхъ голосовъ. При идеально правильной пропорціональной системѣ соединенная оппозиція была бы въ Собраніи почти равносильна правительству. При мажоритарной системѣ она представляла въ немъ ничтожное, безсильное меньшинство.

Слѣдующими по времени были выборы въ V Великое Народное Собраніе, произведенные этимъ лѣтомъ наслѣдниками демократовъ, коалиціоннымъ кабинетомъ Гешева. Подробныя и точныя данныя, относящіяся къ этимъ выборамъ, еще не опубликованы, но и тѣ отрывочныя сообщенія, которыя появились въ свое время въ мѣстной печати, рисуютъ совершенно ту же картину: громадное правительственное большинство (приблизительно 355 противъ 70) при сравнительно небольшой разницѣ въ количествахъ голосовъ,

собранныхъ кандидатами правительственныхъ и оппозиціонныхъ партій.

Наконецъ, передъ нами совсѣмъ уже недавній опытъ, послѣдніе выборы въ XV Обыкновенное Народное Собраніе. Выборы происходили при исключительно благопріятной для коалиціоннаго правительства общественно-политической обстановкѣ. Во главѣ управленія стояли не одна, а цѣлыхъ двѣ партіи, не безъ основанія считающіяся здѣсь наиболѣе «сильными» (конечно въ болгарскомъ смыслѣ этого слова), съ прочными традиціями, съ установившеюся репутаціею, съ крѣпкою партійною организаціею, съ реальными связями въ населеніи. Ихъ «коалиція» только что съ успѣхомъ выдержала тяжелый искусъ Великаго Народнаго Собранія, съ его запутаннымъ и сложнымъ дѣломъ пересмотра конституціи, и этотъ успѣхъ не могъ, конечно, не укрѣпить ее, не внушить ей вѣры въ свои силы и въ свое «призваніе». Она еще не имѣла времени стать непопулярной въ широкихъ кругахъ населенія, а ея программа манила всѣми выдвинутыми въ послѣднее время демократическими реформами, начиная съ пропорціональнаго представительсгва и кончая широкимъ соціальнымъ законодательствомъ.

Съ другой стороны, оппозиція шла въ бой безъ лозунговъ и безъ вѣры въ свои силы. Попытки временныхъ — такъ называемыхъ «техническихъ» — соглашеній между ея «лѣвыми» теченіями: «земледѣльцами», радикалами, «широкими» и «тѣсными» соціалистами, разбились о сектантскую нетерпимость вождей и не только не дали практическихъ результатовъ, но, пожалуй, лишь обострили борьбу ихъ между собою. Ихъ главный лозунгъ — «за республику» подъ знаменемъ котораго они вели свою кампанію противъ «личнаго режима» въ Тырновскомъ Великомъ Собраніи, оказался явно преждевременнымъ, и отъ него пришлось отказаться, не замѣнивъ его ничѣмъ равнозначущимъ хотя бы въ его потенціальной обаятельности. Націоналисты, съ своей стороны, ясно видѣли, что ихъ страстные протесты противъ «туркофильской» политики правительства потеряли секретъ зажигать воинственнымъ потріотизмомъ болгарскія сердца, и что на этой почвѣ вести серьезную борьбу противъ коалиціи было совершенно безнадежно. Однимъ словомъ, повторяю, обстановка, въ которой подготовлялись и происходили выборы, казалась исключительно благопріятною для правительства. Оно могло быть увѣрено въ своемъ полномъ и рѣшительномъ торжествѣ.

Какъ извѣстно, его ожиданія болѣе чѣмъ оправдались. Правительство одержало блестящую, даже въ Болгаріи невиданную побѣду. Оппозиція оказалась не просто разбитою на голову, но прямо таки разгромленною, уничтоженною. Всѣмъ оппозиціоннымъ партіямъ вмѣстѣ едва удалось провести въ камеру 23 представителя противъ 190 представителей коалиціи. Казалось — можно

ли было «народной волѣ» проявить себя болѣе краснорѣчиво и рѣшительно, можно ли было хоть на мгновеніе усомниться въ категоричности и подавляющемъ значеніи этого «народнаго вердикта»?

Однако, оказывается, что такая возможность имѣется. Оказывается, что уже поверхностное знакомство съ опубликованными до сихъ поръ цифрами ничуть не опровергаетъ тѣхъ заключеній, которыя сдѣланы мною выше на основаніи данныхъ избирательной статистики, относящейся къ выборамъ 1908 г. и къ сентябрьскимъ выборамъ въ Тырновское Великое Собраніе. Эти цифры доказываютъ съ тою же несомнѣнностью, что если не самою побѣдою, то размѣрами своей побѣды правительственная коалиція прежде всего и болѣе всего обязана опять таки мажоритарной избирательной системѣ. Подъ импонирующею внѣшностью громаднаго правительственнаго большинства въ новой камерѣ скрывается то же содержаніе, — далеко не пропорціональное ему большинство въ народѣ, среди самихъ избирателей. Оказывается, что собранное коаліціонными кандидатами количество голосовъ (около 298.000) составляетъ менѣе 60% общаго числа поданныхъ голосовъ. Но оппозиціонные голоса (около 210.000) разбились между разными партіями и потому почти не отразились на окончательномъ результатѣ. О томъ же, иногда еще краснорѣчивѣе, говорятъ детальныя цифры по партіямъ и округамъ. Во многихъ округахъ, по окончательному результату сплошь коаліціонныхъ, правительственные голоса едва превышаютъ голоса оппозиціонные. Въ иныхъ же округахъ, опять таки пославшихъ въ камеру исключительно правительственныхъ депутатовъ, даже большинство поданныхъ голосовъ принадлежитъ оппозиціи. За примѣрами ходить недалеко. Въ самой Софіи, считающейся цитаделью правительства и, дѣйствительно, всегда избирающей правительственныхъ кандидатовъ, коаліціонный избирательный списокъ (въ обѣихъ секціяхъ) собралъ 2.782 голоса, тогда какъ за оппозиціонные списки голосовали 3.945 избирателей (1.648 — за соціалистовъ, 996—за радославитовъ, 587—за демократовъ, и т. д.), т. е. почти въ полтора раза больше. Но, благодаря мажоритарной системѣ, да еще безъ перебаллотировокъ,—это не помѣшало Софіи послать въ Народное Собраніе компактную группу депутатовъ, состоящую изъ 5 видныхъ представителей правительственной коаліціи.

Но послѣдніе выборы интересны не только своими отрицательными указаніями. Они даютъ намъ и вполнѣ положительныя свидѣтельства, бросающія яркій свѣтъ на вѣроятныя послѣдствія, которыя могла бы имѣть для болгарскаго конституціонализма пропорціональная избирательная система. Дѣло въ томъ, что во время послѣднихъ выборовъ эта система была впервые приложена въ двухъ (изъ 12) избирательныхъ округахъ Болгаріи, Тырновскомъ и Пловдивскомъ, посылающихъ въ парламентъ не менѣе 42 депу-

татовъ (изъ всего числа 213). Соотвѣтствующій законъ былъ проведенъ, почти наканунѣ отставки, еще демократическимъ кабинетомъ Малинова, который имѣлъ въ виду произвести опытъ, долженствовавшій подготовить почву для осуществленія намѣченной избирательной реформы.

Типъ избранной для пробы системы былъ далеко не лучшій съ точки зрѣнія требованій справедливости и истиннаго демократизма, но это все-таки была пропорціональная система. Приложена она была къ дѣлу тоже вполнѣ прилично, безъ урѣзокъ, поправокъ и извращеній. Спрашивается, каковы же были результаты этого въ высшей степени интереснаго и знаменательнаго политическаго эксперимента?

Они превзошли всѣ ожиданія и должны быть признаны превосходными во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ нихъ не можетъ, кажется, быть ни малѣйшаго сомнѣнія не только насчетъ чисто технической осуществимости популярной реформы, но и насчетъ ея конституціонно-демократическаго значенія,—въ Болгаріи, пожалуй, большаго, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. На технической сторонѣ дѣла останавливаться не буду: пресловутая сложность пропорціональной системы оказалось чистымъ миѳомъ, и болгарскій массовый избиратель разобрался въ ней очень легко. Гораздо интереснѣе политическая сторона дѣла. Тутъ преимущества пропорціональной системы проявили себя такъ выгодно и такъ очевидно, что обезоружили самыхъ рѣшительныхъ ея противниковъ. Оказалось, что лишь благодаря ей оппозиціи все таки удалось спасти себя отъ совершеннаго погрома и полнаго уничтоженія. Изъ ея 23 избранниковъ болѣе $^2/_3$, именно 16, были избраны отъ Тырновскаго и Пловдивскаго округовъ, въ которыхъ выборы происходили по пропорціональной системѣ. Безъ нея эти два округа не дали бы ни одного оппозиціоннаго представителя, потому что оппозиціонные голоса, хотя въ общей совокупности они и представляли собою около половины всѣхъ поданныхъ голосовъ, разбились между разными партіями и, значитъ, при мажоритарной системѣ, пропали бы совершенно безслѣдно. Выходитъ, такимъ образомъ, что безъ пропорціональной системы вся оппозиція была бы представлена въ новой камерѣ семью случайными депутатами, — нѣчто невиданное даже въ Болгаріи. Съ другой стороны, если бы пропорціональная система была приложена и въ десяти остальныхъ округахъ, число оппозиціонныхъ депутатовъ въ камерѣ поднялось бы до 80-90 человѣкъ,—нѣчто тоже невиданное въ Болгаріи; при чемъ это были бы не случайные люди, а наиболѣе видные представители своихъ партій. Вѣдь и теперь среди 16 оппозиціонеровъ, выбранныхъ отъ Тырновскаго и Пловдивскаго округовъ, фигурируютъ лидеры и шефы всѣхъ управляющихъ партій: Геннадіевъ, Радославовъ, Малиновъ, Тончевъ и др...

Таковы результаты сдѣланнаго въ маломъ масштабѣ избирательнаго эксперимента. Они считаются рѣшающими не только въ лагерѣ «лѣвыхъ», гдѣ защита пропорціональной системы исходитъ изъ болѣе или менѣе принципіальныхъ соображаній о пользахъ и нуждахъ конституціонно-демократическаго развитія Болгаріи. Ихъ теперь горячо привѣтствуютъ и такіе политиканы изъ «управляющихъ» партій, которымъ еще совсѣмъ недавно было очень мало дѣла до пропорціональной избирательной системы, но которые изъ своего личнаго опыта на послѣднихъ законодательныхъ выборахъ имѣли возможность убѣдиться въ ея преимуществахъ. Вообще, можно сказать, что съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и истиннаго парламентаризма вопросъ о пропорціальномъ представительствѣ въ Болгаріи рѣшенъ окончательно и безповоротно.

Но есть и другая точка зрѣнія—интересовъ «сильной власти»—съ которою, увы! приходится еще очень и очень считаться въ наше время. Въ глазахъ политикановъ, стоящихъ на этой точкѣ зрѣнія, пропорціональная система и теперь еще представляется рискованнымъ, опаснымъ дѣломъ. Имъ кажется, что она должна крайне затруднять образованіе «сильнаго правительства», которое можетъ существовать и успѣшно управлять страною, лишь опираясь на прочное правительственное большинство въ парламентѣ. При пропорціональной системѣ такое большинство становится проблематическимъ, чтобы не сказать невозможнымъ. Оно растворится въ хаосѣ борющихся между собою партій, ни одна изъ которыхъ не окажется достаточно сильною, чтобы взять на себя нераздѣленную отвѣтственность за управленіе, и его придется создавать искусственно, путемъ временныхъ коалицій и случайныхъ соглашеній, по необходимости таящихъ въ себѣ сѣмена безсилія и анархіи...

Такое возраженіе приходится еще слышать здѣсь довольно часто,—и не только въ реакціонномъ лагерѣ. Съ нимъ подчасъ серьезно считаются и такіе политики, въ либерализмѣ которыхъ едва ли можно сомнѣваться, напримѣръ, самъ шефъ демократической партіи, бывшій болгарскій премьеръ, Малиновъ. Его опасеніями, между прочимъ, объясняется и тотъ фактъ, что демократическій кабинетъ такъ долго оттягивалъ осуществленіе своего обѣщанія насчетъ введенія въ Болгаріи пропорціональной избирательной системы, и что его пробный законопроектъ о ней, принятый уже наканунѣ отставки, относился лишь къ двумъ избирательнымъ округамъ, а не къ цѣлой странѣ.

Тѣмъ не менѣе, едва ли можно придавать сколько-нибудь серьезное значеніе этому возраженію противъ идеи пропорціональнаго представительства. Отчасти, это—плодъ явнаго недоразумѣнія, доказательство недостаточнаго знакомства съ теоріею и практикою европейскаго конституціонализма; отчасти просто проявленіе рутины, для которой всякое новшество, уже потому, что оно новшество, представляется опаснымъ «прыжкомъ въ неизвѣстность».

Что касается до европейской конституціонной практики, то тутъ много говорить не приходится. Европа давно уже пережила то время, когда фетишу «сильной власти» охотно приносились въ жертву самые существенные интересы народовластія. Тамъ давно уже, даже при наличности мажоритарной системы, управляютъ болѣе или менѣе временныя, болѣе или менѣе случайныя коалиціи. Сама Англія принуждена была отказаться отъ своей классической системы управленія посредствомъ двухъ регулярно смѣняющихся у власти политическихъ партій и сдѣлать значительныя уступки коалиціонному принципу, который ничуть не мѣшаетъ ей не только быть хорошо управляемою, но и осуществлять такія реформы, какъ реформа Палаты лордовъ, проведенная либеральнымъ правительствомъ съ помощью ирландцевъ и Рабочей партіи.

Съ другой стороны, болгарская конституціонная практика еще менѣе оправдываетъ опасенія не въ мѣру осторожныхъ болгарскихъ политиковъ. Оспариваемая система обѣщаетъ извѣстныя гарантіи болгарской оппозиціи, но отсюда еще очень далеко до серьезной угрозы болгарскому «сильному правительству». При ней, какъ и безъ нея, всякая располагающая властью партія можетъ быть вполнѣ увѣрена въ своемъ большинствѣ. Это большинство можетъ быть большимъ или меньшимъ, но превратиться въ меньшинство оно никоимъ образомъ не можетъ. Порукою въ этомъ служатъ индиферентизмъ и малосознательность болгарскихъ сельскихъ избирателей, значительный процентъ которыхъ—по оцѣнкѣ свѣдущихъ людей, не менѣе 30%—всегда послушно вотируютъ за правительственныхъ кандидатовъ. Конечно, это зло преходящее. Съ каждымъ годомъ оно даетъ себя чувствовать меньше и меньше. Сознательность болгарскаго массоваго избирателя въ послѣдніе годы растетъ очень замѣтно. Это подтверждаютъ всѣ вдумчивые наблюдатели здѣшней жизни. Но это обстоятельство не должно смущать болгарскихъ консерваторовъ. Пока что, ихъ идеалу «сильной власти» съ этой стороны не грозитъ никакая опасность. Сельскій избиратель и при пропорціональной системѣ отзовется на призывъ правительства и обезпечитъ ему болѣе или менѣе прочное большинство въ парламентѣ. А къ тому времени, какъ онъ начнетъ измѣнять правительству, конечно, успѣетъ установиться и упрочиться коалиціонная, а не кулачная система управленія...

Эти строки были уже написаны, когда стали извѣстны результаты софійскихъ городскихъ выборовъ, произведенныхъ впервые по пропорціональной системѣ. Эти результаты произвели прямо таки ошеломляющее дѣйствіе и на публику, и на политикановъ всѣхъ лагерей, въ полной увѣренности ожидавшихъ обычной побѣды правительственныхъ кандидатовъ. Вмѣсто побѣды оказалось, по болгарскимъ понятіямъ, пораженіе, потому что правительственной коалиціи удалось провести въ столичный городской совѣтъ лишь 11 своихъ кандидатовъ изъ общаго числа 30 совѣтниковъ.

Еще болѣе неожиданнымъ—и съ охранительной точки зрѣнія, непріятнымъ—показалось то обстоятельство, что изъ другихъ партій наилучшіе результаты получили соціалисты, сумѣвшіе провести въ совѣтъ 9 своихъ кандидатовъ. Стародумы изъ правительственнаго лагеря заволновались. Ихъ боязливая подозрительность по отношенію къ пропорціальной системѣ возродилась съ новою силою,—особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, что и въ Сливнѣ, и въ Тырновѣ, гдѣ тоже подоспѣли городскіе выборы, результаты ихъ для правительственной коалиціи оказались тоже не вполнѣ благопріятными. Перепуганные политиканы забыли о громадной разницѣ между законодательными и городскими выборами, заговорили о «соціалистическомъ засильѣ», о «грядущей анархіи», о необходимости пересмотрѣть вопросъ о введеніи пропорціональной избирательной системы, не спѣшить съ нимъ, пока не будутъ найдены подходящіе громоотводы противъ таящихся въ ней угрозъ «порядку» и «доброму управленію».

Въ связи съ этими опасеніями и предупрежденіями всевозможныхъ поклонниковъ «сильной власти», въ обществѣ стали ходить тревожные слухи о томъ, что правительство подготовляетъ отступленіе, что оно собирается если и не отказаться совсѣмъ отъ обѣщанной реформы, то, по крайней мѣрѣ, свести ее на нѣтъ, обезцѣнивъ рядомъ искусственныхъ ограниченій, вродѣ дробленія избирательныхъ округовъ, установленія высокаго минимума поданныхъ за партійные списки и засчитываемыхъ голосовъ и т. д. и т. д.

Эти слухи очень правдоподобны, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ практическаго значенія. Совсѣмъ отказаться отъ проведенія реформы правительство не рѣшится уже по одному тому, что оно слишкомъ далеко зашло въ этомъ направленіи. На слишкомъ серьезныя ограниченія оно тоже не пойдетъ, потому что такая лицемѣрная тактика вызвала бы сильные протесты даже въ самомъ правительственномъ лагерѣ, гдѣ не только «цанковисты», но и все молодое крыло «народняковъ» продолжаютъ и теперь—послѣ софійскихъ выборовъ—высказываться самымъ рѣшительнымъ образомъ за пропорціональное представительство. Объ оппозиціонныхъ политикахъ и о широкомъ общественномъ мнѣніи и говорить нечего. Тамъ опытъ послѣднихъ выборовъ могъ только увеличить популярность пропорціональной системы, какъ единственнаго средства заставить болгарское правительство считаться съ волею болгарскаго народа, а не безнаказанно играть ею при помощи отжившихъ свое время пріемовъ избирательной тактики.

Все это позволяетъ надѣяться, что обѣщанная реформа будетъ осуществлена въ ближайшемъ будущемъ, и что назначенная недавно для ея разработки парламентско-правительственная коммиссія, состоящая къ тому же почти сплошь изъ «лѣвыхъ» представителей правительственной коалиціи, сумѣетъ предохранить ее отъ опас-

ныхъ покушеній реакціонеровъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что такія покушенія не могли бы, повидимому, разсчитывать и на поддержку со стороны короны. На сколько я могъ узнать, царь Фердинандъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу противниковъ пропорціональной системы. Напротивъ, онъ не разъ высказывался въ ея пользу и, напримѣръ, въ конфликтѣ между Малиновымъ и Мушановымъ при обсужденіи демократическимъ кабинетомъ вопроса о принятіи пропорціональной системы для выборовъ въ Тырновскомъ и Пловдивскомъ округахъ, былъ на сторонѣ Мушанова, настаивавшаго на возможно болѣе широкомъ приложеніи реформы.

Какъ бы то ни было, судьбы реформы кажутся обезпеченными. Она, очевидно, будетъ проведена еще настоящимъ правительствомъ. А разъ она войдетъ въ жизнь, ея результаты не замедлятъ сказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ въ смыслѣ оздоровленія болгарской политической атмосферы и упорядоченія болгарскаго конституціонализма. Она, можетъ быть, не убьетъ «личнаго режима», но, во всякомъ случаѣ, серьезно ограничитъ его проявленія и его возможности...

И. Калина.

Обозрѣніе иностранной жизни.

I. Франко-германскій договоръ о „черномъ континентѣ".—II. Революція въ Срединной имперіи.—III. Изъ книги цивилизаторовъ: триполійская трагедія и персидскій фарсъ.

I.

Полоса колоніальной и дипломатической политики продолжается. Настоящій моментъ подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, положеніе, какое высказываютъ обыкновенно искренніе друзья свободы и прогресса, а именно, что внѣшняя политика перемѣшиваетъ карты внутренней, производитъ странное сочетаніе политическихъ партій, мѣшаетъ чистотѣ идейной борьбы во всякой странѣ, втянутой въ международныя столкновенія, и отодвигаетъ на задній планъ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Мы не будемъ уже говорить о томъ, что триполитанскій походъ, повидимому, надолго затормазилъ то реформаціонное движеніе, которое замѣчалось на Апеннинскомъ полуостровѣ въ послѣднее время. Но и марокккскій вопросъ, вызванный переплетеніемъ интересовъ нѣсколькихъ культурныхъ державъ на сѣверо-западѣ Африки, очевидно, ослабилъ общественное

вниманіе къ задачамъ внутренней жизни въ Германіи, Франціи, Испаніи, перенеся центръ тяжести въ область дипломатическихъ переговоровъ.

Врядъ ли будетъ большимъ парадоксомъ сказать, что и такъ называемая мирная внѣшняя политика, обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, можетъ вызывать такія же почти послѣдствія, какъ и обмѣнъ артиллерійскаго и ружейнаго огня. Теперь вошло въ моду съ легкой руки «реальныхъ политиковъ» необыкновенно торжественно распространяться о значеніи внѣшней политики, какъ важнѣйшей, какъ полезнѣйшей области національной жизни. А между тѣмъ безпристрастное изученіе исторіи внѣшнихъ сношеній и ея выраженія въ дипломатіи должно было бы, кажется, предупредить искреннихъ друзей народа противъ увлеченія всякими международными ходами. Для трудящихся массъ есть одна международная политика—солидарность между рабочимъ народомъ всѣхъ странъ и братская поддержка каждой національности, каковъ бы ни былъ цвѣтъ раздѣляющихъ ихъ пограничныхъ столбовъ. Дипломатія же выросла изъ войны, изъ тайны и обмана, и почти всегда является лишь крючкотворнымъ закрѣпленіемъ на бумагѣ того, что рѣшила въ жизни грубая сила. Конечно, въ сравненіи съ звѣриной грызней первобытныхъ народовъ, дипломатія представляетъ прогрессъ. Но вѣдь и рабство, смѣнившее людоѣдство, является по отношенію къ послѣднему шагомъ впередъ, хотя само по себѣ очень далеко отъ желательнаго строя отношеній между людьми.

Мало того. То, что было возмутительнаго, противообщественнаго въ средневѣковой дипломатіи и дипломатіи просвѣщеннаго абсолютизма, лишь нѣсколько слабѣе проявляется и въ современной дипломатіи. Разница здѣсь только въ степени, а не въ качествѣ, не въ типѣ явленія. Пусть вспомнятъ афоризмы знаменитыхъ дипломатовъ послѣднихъ вѣковъ. Что это какъ не сплошное прославленіе обмана, нечестности, вѣроломства, предательства и шпіонства?..

«Кто не умѣетъ притворяться, тотъ не умѣетъ и господствовать» (Qui nescit dissimulare, nescit regnare); «посолъ есть мужъ добрый, отправляемый за границу для того, чтобы лгать ради блага государства» (Legatus est vir bonus peregre missus ad mentiendum reipublicae causa) и т. д. И даже тѣ изъ писателей, занимавшихся разработкой науки международнаго права на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, которые желали внести нѣкоторую честность въ поведеніе посланниковъ, тѣмъ не менѣе говорили, что при случаѣ самый благородный представитель своей страны въ чужихъ краяхъ долженъ прибѣгать къ «официіальной лжи» (officiosum mendacium) и даже быть «великолѣпнымъ лжецомъ» (splendide mendax). Главною ролью посланниковъ было соглядатайствовать и шпіонить. Исторически допущеніе иностранныхъ пословъ къ себѣ предполагало возможность отправлять своихъ надежныхъ людей для согля-

датайства за границу, и весь вопросъ сводился для каждаго государства къ установленію баланса, что выгоднѣе: препятствовать чужому титулованному и сіятельному шпіонству свить гнѣздо у себя, но и самому не имѣть возможности внѣдрить за границей своихъ соглядатаевъ, или, наоборотъ, допускать чужестранное шпіонство у себя, но парализовать его еще болѣе артистическимъ шпіонствомъ у другихъ?

Недаромъ у нѣкоторыхъ благородныхъ писателей конца XVI и начала XVII в. прорываются наивно-негодующія, но по существу вѣрныя опредѣленія подлинной природы дипломатіи. Пасхалій считаетъ постоянныя посольства «злополучнымъ порожденіемъ сего злополучнаго вѣка» (infelicis hujus aetatis infelix partus), а Феликсъ де-ла-Моттъ Ле-Вейе восклицаетъ, что посланники могли появиться лишь тогда, когда открылся ящикъ Пандоры, и изъ него посыпались на этотъ несчастный міръ «сѣмена всѣхъ золъ» (cum Pandora malorum omnium semina in hunc mundum demisit). А чтобы перейти совсѣмъ къ нашему времени, достаточно припомнить Талейрана съ его изреченіемъ на счетъ языка, даннаго человѣку для того, чтобы скрывать мысли; Меттерниха, который считалъ необходимымъ сочетаніемъ для дипломата глубокую внутреннюю лживость, искусство играть роль «почетнаго шпіона» (honourable spy, какъ называли его англичане), а также корректность и изящество внѣшнихъ манеръ; небезызвѣстнаго и намъ, русскимъ, дипломата, котораго наивные турки прозвали «отцомъ лжи»; и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ представителей международнаго вѣроломства и фальши, въ сношеніяхъ съ которыми Бисмаркъ, и самъ не останавливавшійся ни передъ какимъ обманомъ, считалъ, однако, наилучшимъ пріемомъ парированія ихъ интригъ циничное возвѣщеніе истины: до такой степени они изолгались и не вѣрили правдѣ!..

И пусть не говорятъ намъ, что политическій строй современныхъ культурныхъ государствъ, основанный на участіи народа въ правленіи, а въ иныхъ случаяхъ—даже и на чистомъ парламентаризмѣ съ министерствомъ, отвѣтственнымъ передъ представителями націи, сдалъ въ архивъ старинные пріемы дипломатіи, основанной на тайнѣ и лжи. Вѣдь сфера внѣшнихъ сношеній всего менѣе подверглась оживляющему дѣйствію народоправства и открытой политической борьбы партій. Взаимоотношеніе государствъ даже въ лучшихъ конституціяхъ нашихъ дней относится къ той области, куда народное представительство имѣетъ доступъ лишь, такъ сказать, украдкой и обыкновенно послѣ завершившагося факта. Намъ нечего уже говорить о Германской имперіи, гдѣ ученые авторитеты, въ родѣ Павла Лабанда, этого пресловутаго защитника модернизированнаго абсолютизма и бюрократіи, прямо доказываютъ, что внѣшняя политика должна быть дѣломъ правительства, независящимъ отъ утвержденія народными представите

лями. Но даже въ республиканской Франціи конституція 1875 г. даетъ президенту республики право «вырабатывать и ратифицировать» договоры и сообщать о нихъ парламенту, лишь когда то позволяютъ «интересъ и безопасность государства». Изъ этого исключаются только договоры, затрагивающіе финансовые интересы страны или касающіеся территоріальныхъ измѣненій *). И вотъ, благодаря этому чудовищному для республики анахронизму, президентъ республики, т. е., въ сущности, кабинетъ, какъ временный носитель исполнительной власти, является творцомъ строго охраняемаго имъ въ тайнѣ международнаго соглашенія, существенныя части котораго сплошь и рядомъ неизвѣстны націи. Примѣръ—франко-русскій договоръ, который умышленно скрывается отъ французскаго народа, потому что онъ основанъ на признаніи франкфуртскаго договора, подрывающаго легальныя основы реванша, между тѣмъ какъ дипломаты обѣихъ странъ старались до послѣдняго времени внушить французамъ, что именно Россія и должна способствовать тайными условіями трактата возвращенію Эльзаса-Лотарингіи.

Наилучшей иллюстраціей этихъ соображеній, отъ которыхъ ни за что нельзя отдѣлаться, когда обращаешь вниманіе на современное положеніе Европы, является недавно подписанный германскимъ и французскимъ правительствами конго-марокккскій договоръ (его часть, касающаяся Марокко, была подписана еще 11 октября, а соглашеніе относительно Конго—лишь 4 ноября). Столкновеніе правительствъ двухъ странъ въ Африкѣ, которое могло вызвать всеобщій пожаръ нынѣшнимъ лѣтомъ, повело за собою продолжительную дипломатическую прю между Парижемъ и Берлиномъ, но ни въ одинъ моментъ не было отдано на рѣшеніе самому населенію обоихъ государствъ, казалось бы, однако, чрезвычайно заинтересованному въ исходѣ переговоровъ. Четыре мѣсяца прошло со времени посылки нѣмцами канонерки въ Агадиръ, и ни разу въ теченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ широкія массы не были поставлены въ извѣстность относительно тѣхъ условій устраненія войны, которыя вырабатывались въ тиши галльскихъ и тевтонскихъ канцелярій. Народу, который трудится и изнываетъ въ когтяхъ нужды, зарабатываетъ насущный хлѣбъ и поддерживаетъ колоссальное зданіе современнаго государства, народу, который первый же долженъ будетъ платиться послѣдними крохами и кровью своихъ сыновей въ случаѣ войны,—народу, говоримъ мы, по обѣ стороны Вогезовъ оставалось лишь одно: протестовать, на сколько возможно, противъ воинственныхъ поползновеній правительствъ и имущихъ классовъ и подвергаться за то свирѣпымъ упрекамъ въ измѣнѣ отечеству со стороны рыцарей меча и наживы...

---

*) См. Loi constitutionelle du 16 juillet 1875, § 8, въ Сборникѣ: Duguit et Monnier, „Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789"; Парижъ, 1898, стр. 324.

И пусть намъ не говорятъ, что такое важное и спеціальное дѣло, какъ установленіе границъ владѣній и опредѣленіе экономическихъ и политическихъ правъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, не можетъ быть предметомъ преждевременнаго гласнаго обсужденія. Въ сущности, обсужденіе франко-германскаго договора было гласнымъ, но эта гласность была особаго рода, была полугласностью. Правительства и Германской имперіи, и Французской республики все время находились въ общеніи идей съ представителями крупнаго капитализма и пользовались, можно сказать, съ ихъ согласія рупоромъ вліятельной буржуазной прессы для того, чтобы вести интернаціональный торгъ не принадлежащими имъ владѣніями. Ни для кого не тайна, что органы этой печати шумно отражали въ своихъ статьяхъ не только директивы государственной дипломатіи, но и переливы настроенія имущихъ классовъ, заварившихъ всю эту марокскую кашу. И это понятно. Презрѣніе верховъ общественной пирамиды къ ея нижнимъ этажамъ, къ трудящимся массамъ, отнюдь не исключаетъ у людей власти и капитала яснаго пониманія того, что въ настоящее время безъ поддержки массъ нельзя ничего сдѣлать даже монополистамъ дипломатической тайны. Презирая массы, когда онѣ защищаютъ свои собственные интересы, правящіе и имущіе классы отнюдь не брезгуютъ пользоваться могучимъ напоромъ этихъ широкихъ слоевъ, когда дѣло идетъ, наоборотъ, объ охраненіи своихъ привилегій. Да, дипломатическая тайна и на сей разъ вырабатывалась бюрократами и вліятельными политическими дѣятелями верховъ. Но всякій разъ, когда надо было произвести давленіе на противоположную сторону, при помощи прессы пускались каждой стороной пробные шары для того, чтобы опредѣлить, куда дулъ вѣтеръ въ широкихъ слояхъ, и дѣлались настойчивыя попытки пробуждать шовинистскіе инстинкты въ трудовомъ народѣ съ тѣмъ, чтобы, опираясь на нихъ, предъявлять болѣе значительныя требованія несговорчивому партнеру. Желтая пресса обѣихъ странъ поддувала мѣхами патріотической реторики эти пробные шары, и демагоги военщины и капитализма бросали боевые лозунги «улицѣ» для поддержки «національной политики». И счастье, что воинственное настроеніе пламенныхъ колонизаторовъ не успѣло передаться трудящемуся населенію и лопнуло, какъ подмоченная ракета. Раньше во Франціи, позже въ Германіи, но организованныя массы все же выразили достаточно ясно свой протестъ противъ опасной игры въ завоевательную политику, и видимо оба правительства не рѣшились пойти до конца за крайними выразителями военно-капиталистическихъ стремленій и оставили ихъ на полдорогѣ.

Разумѣется, смѣшно поднимать вопросъ, кто правъ и кто виноватъ въ заварившейся марокской кутерьмѣ. Тутъ потрудились достаточно обѣ стороны. Еще на рубежѣ XX вѣка французскіе соціалисты горячо возставали противъ колоніальной по-

литики Франціи въ Марокко, куда толкали страну аппетиты засидѣвшихся въ метрополіи военныхъ и работающихъ для войны заводчиковъ и поставщиковъ. Но и противодѣйствіе этой политикѣ со стороны Германіи тоже исходило цѣликомъ изъ желанія нѣмецкихъ милитаристовъ и нѣмецкихъ фабрикантовъ принять участіе въ расхищеніи «чернаго континента». И англо-французское соглашеніе 1904 г., и послѣдовавшее затѣмъ соглашеніе 1904 и 1905 г. между Франціей и Испаніей, и пресловутое путешествіе Вильгельма II въ Танжеръ въ 1905 г., и алгесирасская конференція 1906 г., и походъ Франціи на Уджду и Шауйю въ 1907 г., подъ предлогомъ избіенія берберами французскихъ гражданъ, и французскія интриги съ Мулай-Гафидомъ, побѣдившимъ своего брата, прежняго султана, Мулай-Асиза, въ 1908 г., и франко-германское соглашеніе 1909 г., и препирательства въ сферѣ совмѣстной экономики между Франціей и Германіей въ 1910 г., и майскій походъ 1911 г. Франціи въ Фецъ, за которымъ послѣдовалъ испанскій походъ на эль-Ксаръ и эль-Араишъ, и, наконецъ, скоропалительная посылка нѣмецкой канонерки 1 іюля текущаго года въ Агадирскій портъ,—вся эта цѣпь колоніальныхъ, военныхъ и дипломатическихъ дѣйствій показываетъ намъ, что на территоріи Марокко интересы различныхъ военно-капиталистическихъ организацій четырехъ или пяти культурныхъ странъ образовали чрезвычайно запутанный узелъ, разрубать который правительствамъ соперничающихъ сторонъ не пришлось, можетъ быть, только потому, что массы не проявили достаточной готовности воспылать патріотически-завоевательнымъ жаромъ. О началѣ франко-германскаго столкновенія этого года я въ свое время говорилъ съ читателемъ и отмѣтилъ тамъ, какъ мнѣ кажется, въ достаточной степени пріемы стяжательной политики, къ которымъ прибѣгали на почвѣ Марокко заинтересованные въ его завоеваніи цивилизаторы. Возвращаться къ этому не стоитъ. Теперь намъ приходится говорить лишь о результатахъ соглашенія, вырабатывавшагося въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и державшаго въ страхѣ войны широкія массы населенія въ Европѣ.

Договоръ намъ нынѣ извѣстенъ. Въ Германіи онъ уже послужилъ предметомъ академическаго, хотя во многихъ отношеніяхъ интереснаго обсужденія въ рейхстагѣ. Во Франціи онъ долженъ быть одобренъ палатой депутатовъ и сенатомъ. Но его ратификація со стороны представителей Французской республики не подлежитъ сомнѣнію, такъ что мы можемъ говорить о немъ, какъ о совершившемся фактѣ. Посмотримъ же, что представляетъ собою этотъ трактатъ, который, несомнѣнно, не удовлетворилъ крайнихъ колонизаторовъ Германіи и Франціи, но за то бросаетъ интересный свѣтъ на отношеніе современныхъ культуртрегеровъ къ нецивилизованнымъ расамъ. Онъ распадается на двѣ части: первая касается Марокко, вторая—французскихъ владѣній въ Конго.

Относительно Марокко договоръ можно охарактеризовать короткими словами. Это—отдача имперіи шерифа въ полное распоряженіе Франціи съ условіемъ лишь допустить къ экономической эксплуатаціи страны и другихъ европейцевъ, т. е., конечно, прежде всего нѣмцевъ, такъ какъ аппетиты германскихъ авантюристовъ капитализма въ родѣ бр. Маннесмановъ далеко не удовлетворяются тою сравнительно второстепенной ролью, какая выпадаетъ пока на долю нѣмецкой торговли въ Марокко *).

На этихъ условіяхъ имперское правительство Германіи заявляетъ (ст. 1), что оно отнюдь «не будетъ мѣшать дѣйствію Франціи, имѣющему въ виду помогать правительству Марокко во введеніи всѣхъ административныхъ, судебныхъ, экономическихъ, финансовыхъ и военныхъ реформъ, которыя ему понадобятся для надлежащаго управленія имперіей» **). Такимъ образомъ, Франція получаетъ право, «по соглашенію съ марокккскимъ правительствомъ», занимать войсками ту или другую часть территоріи, когда она сочтетъ только это нужнымъ для охраненія порядка, равно какъ располагать полицейскою силою на землѣ и на водѣ (ст. 2); право, въ лицѣ своихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, опять-таки съ согласія марокккскаго султана, быть представительницей и покровительницей подданныхъ и интересовъ Марокко за границей, при чемъ представитель Франціи при марокккскомъ дворѣ можетъ взять на себя функцію посредника между султаномъ и иностранными государствами (ст. 3); право замѣнить, когда это будетъ возможно, консульскіе суды правильной судебной организаціей, а пока дѣлать представленія султану Марокко о назначеніи особаго арбитра для спорныхъ дѣлъ, по соглашенію съ французскимъ консуломъ и съ консуломъ заинтересованной стороны (стр. 9), и т. д. Французское и германское правительства обязуются помогать другъ другу во всемъ, что касается пересмотра ихъ отношеній съ третьими лицами и иностранцами, пользующимися покровительствомъ, а также полученія согласія всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ Алгесирасскомъ договорѣ, на новый договоръ. Короче говоря, Франція создаетъ себѣ въ Марокко такое же положеніе покровительствующей державы по отношенію

---

*) Въ 1909 году изъ общаго итога ввозной и вывозной торговли Марокко, равнаго 5,912,596 ф. ст., на Великобританію приходится 2,204,771, на Францію почти столько же, а именно, 2,195,109, а на Германію всего 564,147. См. „The Statesman's year-book for the year 1911", стр. 1025.

**) Ср. текстъ французскаго оригинала договора въ „Le Temps" отъ 7 ноября 1911 г. и нѣмецкій переводъ въ „Vossische Zeitung" отъ того же числа, прилож. 6. Французы жалуются, что ихъ всегда столь ясный аналитическій языкъ, необыкновенно годящійся для дипломатическихъ документовъ, подвергся вліянію неуклюжихъ и туманныхъ германизмовъ въ упомянутомъ договорѣ. Но неясности тутъ гораздо болѣе заключаются въ самой мысли договаривающихся сторонъ, инстинктивно не желающихъ идти до конца, чѣмъ въ способѣ выраженія.

къ правительству страны, въ какомъ она стоитъ въ Тунисѣ по отношенію къ правительству бея. Это—самый недвусмысленный протекторатъ, т. е. фактическое распоряженіе всей страной, замѣняющее чисто призрачную власть султана, которому будетъ дана жирная синекура за угодливость и покладистость. И если въ договорѣ не упоминается слово «протекторатъ», то оно стоитъ en toutes lettres въ дополняющихъ соглашеніе письмахъ, которыми договаривающіяся стороны обмѣнялись послѣ.

Переходя къ экономической сторонѣ дѣла, соглашеніе прежде всего даетъ Франціи ничѣмъ неограниченное право финансовой реорганизаціи, контроля и гарантій, какое правительство республики сочтетъ нужнымъ потребовать отъ султана. Что касается до другихъ странъ, то оно провозглашаетъ принципъ свободы торговли разныхъ державъ въ Марокко и равенства для всѣхъ ихъ таможенныхъ сборовъ, желѣзнодорожныхъ тарифовъ, транзита и т. п. Французское правительство обязуется не взимать никакихъ вывозныхъ пошлинъ съ желѣзной руды, по отношенію къ которой предполагается лишь установленіе опредѣленнаго налога съ гектара эксплуатируемой поверхности и съ валовой доходности предпріятія. Оно обязуется не давать никакихъ привилегій гражданамъ той или иной страны при сдачѣ съ торговъ различныхъ общественныхъ работъ, при образованіи акціонерныхъ и другихъ компаній и будетъ стараться, чтобы правительство шерифа допускало по очереди къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ членовъ уже существующей международной коммиссіи, наблюдающей за государственнымъ банкомъ, и т. п.

Трудно придумать болѣе жестокую иронію, чѣмъ та, какая сквозитъ изъ каждой строчки этого соглашенія, касательно Марокко и его повелителя. Повсюду говорится, что французское правительство постарается «испросить» у шерифа ту или другую мѣру, а въ случаѣ его иниціативы, постарается придти къ нему на помощь. Повсюду выдвигаются на первый планъ интересы покровительствуемой страны и ея правительства. А на самомъ дѣлѣ все.—и международное представительство, и внутренняя администрація, и войско, и полиція, и финансы Марокко,—все отдано въ безконтрольное распоряженіе правительству Третьей республики. О правахъ, о потребностяхъ, о желаніяхъ, о волѣ самихъ марокканцевъ нѣтъ нигдѣ и помину. Этого требуетъ, очевидно, высшій интересъ цивилизаціи!..

Переходимъ ко второй части соглашенія, а именно къ территоріальнымъ измѣненіямъ во французскомъ Конго. Какъ извѣстно, въ западной части центральной Африки у Франціи, начиная съ половины 80-хъ годовъ, стала расти и, наконецъ, образовалась обширная территорія, которая на востокѣ отдѣляется рѣкой Конго отъ бельгійскаго Конго, на сѣверо-западѣ упирается въ нѣмецкій Камерунъ, а на сѣверѣ, среди оазисовъ Сахары, сливается съ гигантскими

владѣніями французской Западной Африки. Во французскомъ Конго, получившемъ въ 1910 г. официальное названіе французской экваторіальной Африки, насчитывается болѣе 1.765.000 кв. кил. съ 10 милліонами жителей. Здѣсь-то германское правительство и пожелало, за отказъ отъ всякихъ политическихъ правъ на Марокко, получить территоріальное вознагражденіе, или, какъ это называется на благородномъ дипломатическомъ жаргонѣ, компенсацію. Нѣтъ нужды останавливаться подробно на перемѣщеніи границъ, которое установлено конгосскимъ соглашеніемъ. Достаточно сказать, что Германія отдала Франціи на крайнемъ сѣверо-востокѣ Камеруна кончикъ, такъ называемаго въ силу своихъ контуровъ на картѣ, «утинаго носа», между рѣкою Шари и нижнимъ теченіемъ его притока, Восточнаго Логона. А взамѣнъ этого получила обширный клинъ земель на западѣ Конго и въ томъ числѣ двѣ большія, но не равныя по величинѣ, полосы земли, называемыя, также по своему виду на картѣ, во Франціи «лапками», въ Германіи «щупальцами», или, иронически, въ честь статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, «мостами Кедерлена-Вэхтера», дающими въ двухъ мѣстахъ доступъ къ важнымъ артеріямъ страны: на югѣ къ Конго, на сѣверѣ къ Убанги. Въ результатѣ Германія отдала Франціи пространство въ 14.000 кв. кил. со 100.000 жит., а сама получила около 230.000 кил. населенныхъ одни говорятъ, 600.000, другіе 1.000.000 негровъ.

Но эти голыя цифры не говорятъ еще ничего. Интересно, на что разсчитываютъ новые пріобрѣтатели и что теряютъ прежніе владѣльцы. Мы можемъ оставить въ сторонѣ подробную географію выхваченной нѣмцами у французовъ территоріи. Насъ гораздо болѣе интересуетъ соціальная и общечеловѣческая точка зрѣнія. Не довольно сказать, что страна производитъ въ большомъ количествѣ каучукъ и слоновую кость, или что въ земляхъ, пріобрѣтенныхъ Германіей, находится центръ гибельной «сонной болѣзни» *). Гораздо интереснѣе отмѣтить, что французское Конго—обѣтованная земля громадныхъ капиталистическихъ концессій, жестоко эксплуатирующихъ туземцевъ, изъ которыхъ правительство выжимаетъ въ свою очередь послѣдніе соки въ видѣ подушной подати. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Конго насчитывалось сорокъ акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 50 милл. фр., при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ концессій достигали размѣровъ большихъ княжествъ. Въ послѣднее время выдвинулось особенно такъ называемое Лѣсное общество (Forestière), которое занимается добываніемъ каучука и т. п. на пространствѣ 170.000 кв. кил. и въ 1910 г. выдало акціонерамъ дивиденда около 4 милл. фр. Этотъ концессіонный режимъ вызвалъ невѣроятныя злоупотребленія, повелъ къ разграб-

*) Trypanosomiasis, состоящая въ болѣзни мозга и мозговыхъ оболочекъ и вызываемая особыми паразитами, которыя переносятся мухою тсе-тсе.

ленію цѣлыхъ племенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ доступъ къ промышленности и торговлѣ рядовымъ коммерсантамъ и ремесленникамъ, такъ что французское правительство принуждено было съ 1908 г. хоть до нѣкоторой степени усилить контроль за хищническою дѣятельностью этихъ компаній и за присвоеніемъ туземныхъ территорій. Не слаще, впрочемъ, живется туземцамъ и на тѣхъ земляхъ, которыя французское правительство оставило въ рукахъ негрскихъ родовъ, но объявило ихъ своею государственной собственностью. Къ этимъ землямъ примѣняется съ особою энергіею практика поголовной подати, достигающей до 5 фр. въ годъ съ каждаго туземца,—сумма, чрезвычайно значительная для этой полупервобытной страны, гдѣ трудъ человѣческій цѣнится такъ низко и гдѣ деньги такъ дороги. Какъ бы то ни было, этимъ путемъ французскія власти выбирали съ туземцевъ въ послѣдніе годы около 4.000.000 фр. И если эти суммы недостаточно еще велики сравнительно съ общимъ числомъ облагаемыхъ туземцевъ, то лишь потому, что въ иныхъ мѣстахъ, напр., въ южной части Конго, именуемой Габономъ, воинственныя племена, каковы пагуины, оказываютъ отчаянное сопротивленіе европейцамъ и, дѣлая постоянныя вылазки изъ родныхъ тропическихъ лѣсовъ, вступаютъ въ борьбу съ притѣснителями.

О чемъ же теперь забота новыхъ благопріобрѣтателей? О томъ, чтобы откупиться подешевле отъ концессіонныхъ обществъ, остающихся имъ въ наслѣдіе отъ Франціи, и замѣнить ихъ своими, заключающими большее число германскихъ элементовъ, хотя, по правдѣ сказать, эту операцію чистки будетъ трудно продѣлать хотя бы уже потому, что и теперь въ монопольныхъ компаніяхъ Конго орудуютъ дѣлами пираты интерціональнаго капитала. Другою заботою германскаго правительства является стараніе продолжать взимать и, если можно, взимать въ увеличенныхъ размѣрахъ поголовный налогъ. И опять таки о туземцахъ, о правахъ ихъ на землю, объ ихъ крайнемъ нежеланіи работать на чужеземныхъ эксплуататоровъ, конечно, никто и не думаетъ въ организующемся за-ново германскомъ Камерунѣ, достигшемъ теперь съ новыми пріобрѣтеніями 761.000 кв. кил.

Въ концѣ-концовъ, такъ какъ обѣ договаривающіяся державы подводятъ итоги своихъ прибылей и убытковъ за счетъ туземцевъ, ни одна изъ сторонъ не оказывается въ накладѣ. Напр., французы, хоть и не очень довольные уменьшеніемъ размѣровъ своего Конго, не безъ основанія утѣшаютъ себя тѣмъ соображеніемъ, что за ними остается возможность еще болѣе интенсивной эксплуатаціи оставшихся владѣній, благодаря тому, что обѣ главныя рѣки страны, Конго и Убанги, остаются все же въ ихъ рукахъ, а «утиный носъ» позволяетъ имъ привести въ болѣе тѣсное соприкосновеніе черезъ Логонъ и Шари оставшееся Конго и громадныя территоріи Судана, тогда какъ, въ силу заключеннаго съ Германіей

условія, они могутъ теперь проводить желѣзныя дороги и устанавливать такъ называемые «этапные» пути сообщенія черезъ Бенуэ къ океану въ германскомъ Камерунѣ. Какъ видите, если оба честные торгаша и не совсѣмъ довольны результатами четырехмѣсячныхъ переговоровъ, то все же каждый изъ нихъ уходитъ во свояси не съ пустыми руками и надѣется осуществить часть несбывшихся мечтаній усиленной эксплуатаціей раздѣленныхъ полюбовно владѣній.

Во всемъ этомъ препирательствѣ особенно интересна политическая сторона вопроса, проявившаяся въ Германіи. Параллельно съ явнымъ неодобреніемъ воинственнаго колонизаторства широкими слоями нѣмецкаго населенія, неодобреніемъ, которое не дошло, впрочемъ, до провозглашенія столь нелюбимой соціалъ-демократами всеобщей стачки, шло очень сильное фрондерство въ германскомъ юнкерствѣ и въ германской буржуазіи, ведшихъ себя въ данномъ случаѣ гораздо болѣе оппозиціонно по отношенію къ имперскому правительству, чѣмъ они обыкновенно дѣлаютъ это въ области внутренней политики. И въ этомъ заключается иронія современнаго положенія Германіи: бюргерскія партіи, обыкновенно столь мало привыкшія къ сопротивленію властямъ на почвѣ домашнихъ вопросовъ, на сей разъ, когда дѣло шло о пиратствѣ на черномъ континентѣ, обнаруживали самый несомнѣнный оппозиціонный духъ. А феодалы и рвали, и метали всякій разъ, какъ имъ начинало казаться, что правительство отступаетъ отъ тактики бронированнаго кулака, принятой ею въ началѣ столкновенія съ Франціей,— несомнѣнно, по соглашенію съ представителями военщины и крупнаго капитала.

Мало того. Вихрь неповиновенія пронесся даже по рядамъ той сугубо дисциплинированной въ Германіи группы, которая составляетъ образцовую прусскую бюрократію. Передъ самымъ заключеніемъ договора, статсъ-секретарь колоніальнаго департамента, Линдеквистъ, и экспертъ по географическимъ вопросамъ, проф. Данкельманъ, отрясли бюрократическую пыль съ своихъ сандалій и подали въ отставку, возмутивъ тѣмъ до глубины души традиціонно-лойяльную часть прусскаго чиновничества Не забудьте, что статсъ-секретарь, по германской конституціи, ни больше, ни меньше, какъ младшій приказчикъ, нанимаемый главнымъ управляющимъ, имперскимъ канцлеромъ, отвѣтственнымъ передъ главою государства, но отнюдь не передъ парламентомъ. У него не можетъ быть своей собственной политики. Онъ творитъ волю своего прямого начальства. Судите же, до какой степени долженъ былъ дойти духъ шовинистскаго фрондерства въ Германіи, если образцовый чиновникъ считаетъ нужнымъ покинуть своего господина, находя слабой и недостаточно патріотической политику владыки. И, однако, этотъ уходъ съ поста не былъ осужденъ даже консерваторами, стоящими за принципъ іерархіи, а о прогрессив-

выхъ бюргерахъ и говорить нечего: тѣ ужъ совсѣмъ произвели Линдеквиста въ національные герои.

Эти переливы фрондирующаго настроенія въ области внѣшней политики съ поучительной рельефностью обрисовались во время трехдневныхъ преній (9—11 ноября) въ рейхстагѣ по поводу франко-нѣмецкаго соглашенія. Канцлеромъ Бетманомъ-Хольвегомъ, защищавшимъ политическій актъ раздѣла, остались недовольны, какъ не безъ остроумія было замѣчено однимъ изъ депутатовъ, всѣ фракціи,—за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, которые держались того мнѣнія, что худой миръ лучше доброй брани, и что когда война висѣла на волоскѣ, можно съ благодарностью отнестись къ судьбѣ за всякое рѣшеніе, устранявшее необходимость кроваваго столкновенія. Проявляя свое недовольство договоромъ, всѣ эти фракціи пускались въ критику его каждая со своимъ темпераментомъ. Всего рѣзче порицаніе было высказано представителемъ консервативной партіи, «некоронованнымъ королемъ» юнкерства, Гейдебрандомъ-ундъ-деръ-Лаза, и вождемъ націоналъ-либераловъ, Бассерманомъ. Но и прогрессисты,—Вимеръ, Гауссманъ, Мугданъ—выражали свое недовольство договоромъ. И разница была лишь, такъ сказать, въ тембрѣ этой критики. Между тѣмъ какъ консерваторы въ своемъ отрицаніи доходили до самыхъ высокихъ нотъ, вопіяли о позорѣ правительства и усиленно показывали кулакъ Англіи за ея давленіе во время переговоровъ,—представители прогрессивнаго бюргерства тоже не могли отказаться отъ удовольствія пустить по адресу властей предержащихъ нѣсколько шпилекъ, возставая только противъ излишняго шовинизма консерваторовъ и націоналъ-либераловъ и выражая желаніе болѣе или менѣе мирно столковаться съ Англіей.

Наибольшій, впрочемъ, интересъ во время этихъ преній въ рейхстагѣ представляло, можетъ быть, поведеніе кронпринца, который спеціально пріѣхалъ изъ Данцига, гдѣ онъ командуетъ полкомъ «черныхъ гусаровъ Смерти», и очень недвусмысленно подкрѣплялъ выраженіемъ лица, кивками и даже рукоплесканіемъ тѣ мѣста консервативныхъ рѣчей, которыя особенно рѣзко направлялись противъ правительственной политики, и въ то же самое время старался всячески обнаружить свое недовольство объясненіями канцлера. А такъ какъ окончательная форма договора получила аппробацію императора Вильгельма, то выходило, что полковникъ черныхъ гусаровъ демонстративно возставалъ противъ своего царственнаго отца и вмѣстѣ верховнаго начальника. Люди, недовольные въ Германіи существующимъ режимомъ, не безъ удовольствія отмѣчаютъ капризы исторической Немезиды, такъ же выдвигающей настоящаго кронпринца во имя энергичной національной политики противъ своего родителя, какъ Вильгельмъ II возставалъ во время оно, во имя все той же энергичной національной политики, противъ либеральныхъ поползновеній своего

отца. Что это? Иронія судьбы, рѣшившей, чтобы и на тронѣ Гогенцоллерновъ происходила борьба между отцами и дѣтьми и расколъ поколѣній? Уже во время преній прогрессивные депутаты отмѣтили некорректность этого поведенія будущаго императора. Но во время же преній консерваторы восклицаніями «слава Богу!» высказали свою радость, что кронпринцъ можетъ стать во главѣ шовинистской фронды.

Въ напыщенно-патріотическихъ рѣчахъ представителей реакціи и націоналъ-либерализма характерна была та черта, что они умѣли сочетать необыкновенную скромность требованій въ области конституціи съ величайшею заносчивостью въ международныхъ вопросахъ. По мнѣнію Гейдебранда, невозможно, напр., было бы желать расширенія правъ рейхстага въ сферѣ внѣшней политики. Это, молъ, пусть дѣлаютъ парламенты Англіи, Франціи и Италіи, а по нашей конституціи представительство Германіи во-внѣ цѣликомъ принадлежитъ императору и органамъ центральной власти. Но за то съ какимъ пафосомъ Гейдебрандъ разносилъ дѣйствія этого самого правительства во время переговоровъ, воинственно восклицая: «Не уступчивостью обезпечиваемъ мы себѣ миръ, а нѣмецкимъ мечомъ. Мы должны были желать въ данный моментъ извлечь этотъ мечъ изъ ноженъ». Ораторъ съ необыкновенной запальчивостью вооружался противъ Англіи, которая, дескать, мѣшаетъ нѣмцамъ занять мѣсто на солнцѣ, и, наконецъ, заявлялъ о своемъ желаніи отъ лица всей партіи принести всякія имущественныя и проч. жертвы «на алтарь отечества», лишь бы не погрѣшить противъ «чувства чести». И въ то самое время, какъ изъ рядовъ соціалъ-демократовъ раздавались ироническіе возгласы: «жертвы? да, изъ кармана рабочихъ», а прогрессисты не менѣе иронически спрашивали: «Ну, а какъ же насчетъ налога на наслѣдство?», въ это же самое время молодой Гогенцоллернъ нервно теребилъ бѣлые эксельбанты своего чернаго мундира и подчеркивалъ усердными аплодисментами призывы Гейдебранда къ нѣмецкому мечу. Точно также и рѣчь Бассермана соединяла самое лояльное преклоненіе передъ принципомъ безправія рейхстага въ дѣлѣ внѣшней политики, заключенія договоровъ и т. п., и разглагольствованія «о сильномъ національномъ чувствѣ Германіи, о готовности во время переговоровъ къ войнѣ, когда каждый, какъ то и должно быть, пожертвовалъ бы имуществомъ и кровью для блага нѣмецкой націи и нѣмецкаго отечества».

Старый Бебель воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать, какъ запальчивые критики правительства снова смиренно соглашаются на второстепенную роль рейхстага: «Этимъ лѣтомъ изъ всѣхъ буржуазныхъ лагерей раздавался протестъ противъ того, чтобы рейхстагъ былъ отодвинутъ на задній планъ, противъ того, чтобы народъ не имѣлъ права говорить, а теперь, когда у васъ есть возможность оказать дѣйствіе, вы же первые отказываетесь

выступить противъ этого умаленія нѣмецкаго народа. Англія, Италія, Австрія, даже Турція и, по проекгу конституціи, уже и китайскій парламентъ имѣютъ право одобрять государственные договоры, а нѣмецкій рейхстагъ—нѣтъ». Возвращались къ этому вопросу еще разъ соціалисты въ лицѣ Франка. Говорили о немъ и прогрессисты, защищавшіе необходимость измѣнить нѣмецкую конституцію въ смыслѣ предоставленія парламенту большихъ правъ въ области внѣшней политики. Но у демократовъ бюргерства эти пожеланія все время сплетались съ неудовольствіемъ на заключенный договоръ и съ укорами,—увы! мало обоснованными, — соціалъ-демократіи, будто она своимъ антипатріотическимъ поведеніемъ во время переговоровъ и желаніемъ организовать всеобщую стачку подрывала авторитетъ отечественнаго правительства. Читатель изъ моего отчета объ іенскомъ конгрессѣ могъ видѣть, на сколько былъ незаслуженъ этотъ упрекъ именно нѣмецкой рабочей партіей, которая, наоборотъ, всячески отмахивалась отъ предложенія крайнихъ элементовъ въ своей средѣ рѣзко проявить отрицательное отношеніе къ воинственной политикѣ путемъ всеобщей забастовки.

Въ сущности наилучшимъ возраженіемъ противъ патріотической реторики консерваторовъ и націоналъ-либераловъ была рѣчь, какъ это ни странно, самого имперскаго канцлера. Съ никѣмъ не ожидавшейся отъ него силой и ироніей насмѣшки онъ вскрылъ внутреннія противорѣчія словесной шумихи Гейдебранда, который заявлялъ о своемъ желаніи не создавать правительству никакихъ затрудненій и вмѣстѣ съ тѣмъ обрушивался на «постыдную уступчивость» Германіи, театрально указывая на нѣмецкій мечъ. Бетманъ не безъ основанія замѣчалъ, что дѣйствительно сильный человѣкъ не толкуетъ все время о своемъ оружіи, и что въ этой надменной критикѣ консерваторами миролюбивой тактики правительства можно видѣть ни больше, ни меньше, какъ приготовленіе этой партіи къ будущимъ выборамъ, какъ простой избирательный маневръ для привлеченія голосовъ.

Парламентарное значеніе этой энергичной и остроумной рѣчи было въ данный моментъ велико. Но будетъ ли слѣдовать за нею и измѣненіе отношеній германскаго правительства къ своему излюбленному юнкерству? Врядъ ли. Императорская власть, вѣроятно, поостережется вступить въ борьбу съ этой самой надежной опорой современнаго полуфеодальнаго, полуконституціоннаго режима въ Германіи. Вѣдь уже не первый разъ дѣлались попытки,—правда, попытки слабыя и половинчатыя,—со стороны представителей офиціальной Германіи положить предѣлъ высокомѣрнымъ требованіямъ юнкерства. И всякій разъ эти начинанія завершались отступленіемъ правительства по всей линіи передъ притязаніями консерваторовъ и заключеніемъ съ ними еще болѣе тѣснаго союза. А между тѣмъ въ Германіи феодальная реакція и не скрываетъ, почему она стоитъ за твердую власть, проще сказать за абсолю-

тизмъ. «И король пусть будетъ неограниченнымъ владыкой... если творитъ нашу волю»,—

Und der König absolut,
Wenn er unsern Willen thut!..

Силу реакціоннаго напора юнкерства испыталъ на себѣ уже Каприви, желавшій ограничить притязанія нѣмецкихъ феодаловъ необходимостью считаться хотя бы въ экономическомъ отношеніи съ потребностями современной жизни. Свое могущество прусскіе консерваторы проявили и въ отставкѣ Бюлова, тщетно стремившагося создать дружную коалицію противъ соціалъ-демократіи изъ всѣхъ остальныхъ политическихъ партій. Да и самъ Бетманъ, всего мѣсяцъ тому назадъ, въ вопросѣ о вздорожаніи жизни покорно шелъ по чертѣ, властно проведенной протекціонистами феодальнаго лагеря. Трудно поэтому предположить, чтобы на предстоящихъ въ будущемъ январѣ выборахъ правительство рѣшило бороться противъ своихъ порою очень непокорныхъ, но любимыхъ дѣтей. Возможенъ, конечно, хотя и не особенно вѣроятенъ, такой казусъ, что прусскіе реакціонеры пожелаютъ сгруппироваться вокругъ кронпринца, выбрать его показной фигурой своего лагеря, и тѣмъ вызовутъ сопротивленіе болѣе умѣренныхъ элементовъ, которые по закону противодѣйствія могутъ въ свою очередь избрать лозунгомъ своей агитаціи вѣрность императору Вильгельму.

Препирательства по поводу конго-марокскаго договора носили въ Германіи лишь академическій характеръ. Статсъ-секретарь Дельбрюкъ въ засѣданіи бюджетной коммиссіи 14 ноября сдѣлалъ заявленіе отъ имени правительства, что, согласно конституціи, обсужденіе франко-германскаго соглашенія ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться къ компетенціи парламента, хотя правительство и не выражаетъ, молъ, принципіально противъ увеличенія полномочій рейхстага въ этой области, для чего надобно, впрочемъ, еще провести спеціальный законъ. Во Франціи пренія будутъ, конечно, носить строго парламентарный характеръ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Конго, гдѣ произошло измѣненіе границъ. Но и тамъ уже одно приготовленіе къ этимъ дебатамъ показало, какъ еще мало область внѣшней политики пропитана элементами настоящаго народоправленія. Объясненія кабинета въ коммиссіи внѣшнихъ сношеній, вызвали, дѣйствительно, любопытную «исторію». Какъ извѣстно, за франко-германскимъ договоромъ выдвигается для Франціи щекотливая задача: а какъ же поступить съ испанцами, которые находятся нынѣ въ эль-Ксарѣ и эль-Араишѣ, на основаніи,—утверждаютъ они,—октябрьскаго тайнаго договора 1904 г. между Франціей и Испаніей? Вотъ, разбирая это, коммиссія и поставила министру иностранныхъ дѣлъ, де-Сельву, вопросъ: былъ ли своевременно заявленъ французскимъ правительствомъ протестъ противъ захвата испанцами упомянутыхъ пунктовъ. Де-Сельвъ отвѣ-

тилъ, что, на сколько ему извѣстно, нѣтъ. Сейчасъ же началась въ печати ожесточенная кампанія противъ Крюппи, предшественника де-Сельва, который, молъ, совершилъ такую колоссальную ошибку, какъ непредставленіе своевременнаго возраженія испанцамъ. Но Крюппи поднялъ перчатку и доказалъ съ документами въ рукахъ, что весной этого года, когда еще былъ у власти кабинетъ Мониса, онъ, Крюппи, занимавшій въ немъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, протестовалъ противъ испанскаго похода и словесно, и письменно.

Можете себѣ представить, какой взрывъ негодованія разразился въ парламентскихъ сферахъ и органахъ печати, когда узнали о такомъ поистинѣ курьезномъ фактѣ, что министръ иностранныхъ дѣлъ демократической страны ничего не знаетъ о существенныхъ дѣйствіяхъ своего предшественника. Пришлось нарядить слѣдствіе. Оказалось, что ни директоръ политическихъ дѣлъ, ни директоръ кабинета министра иностранныхъ дѣлъ, въ силу какихъ-то несчастныхъ случайностей, не могли поставить де-Сельва въ извѣстность относительно протеста Крюппи противъ Испаніи. Попутно съ этими обвиненіями и оправданіями заинтересованныхъ лицъ выяснилась одна восхитительная подробность, которой, впрочемъ, не знали лишь педанты государственнаго права, незнакомые со стряпней даже въ республиканскихъ кабинетахъ. Дѣло въ томъ, что настоящими господами положенія въ каждомъ министерствѣ оказываются не министры, уносимые парламентарнымъ шкваломъ, но высшіе департаментскіе чиновники, не всегда уходящіе съ перемѣною министровъ, а еще болѣе тѣ безсмѣнные, второстепенные по рангу, но чрезвычайно вліятельные по своей дѣловой компетентности служащіе, которые болѣе всего работаютъ въ бюро и въ рукахъ которыхъ скопляется вся кухня министерской дѣятельности. Министры уходятъ, бюро остаются. Чиновники въ этихъ бюро съ величайшей ироніей въ душѣ относятся къ своему непосредственному начальству и изъ области бюрократической тайны сообщаютъ своимъ новымъ начальникамъ лишь то, что имъ заблагоразсудится. Получаются поистинѣ удивительныя qui-pro-quo,—и это въ XX вѣкѣ, въ республиканской странѣ, гдѣ парламентъ теоретически всемогущъ, и гдѣ министръ является исполнителемъ программы парламентскаго большинства!..

Какъ видите, внѣшняя политика до сихъ поръ представляетъ собою старый міръ дипломатическихъ секретовъ, гдѣ возможны ужаснѣйшія злоупотребленія, и гдѣ порою рѣшаются судьбы самыхъ, казалось бы, демократическихъ націй. Чего же тутъ платонически негодовать? Можно и должно лишь измѣнить кореннымъ образомъ старый порядокъ. И вполнѣ понятны требованія послѣдовательныхъ демократовъ и послѣдовательныхъ соціалистовъ, которые вооружаются противъ архаическаго способа веденія международной политики и требуютъ замѣны посольствъ, дипломатическихъ канцелярій, тайныхъ переговоровъ между профессіоналами—

широкимъ обсужденіемъ международныхъ отношеній и непосредственнымъ участіемъ не только парламента, но и всего народа, въ рѣшеніи этихъ основныхъ задачъ національнаго существованія. Тамъ, гдѣ жизнь, имущество, счастье широкихъ массъ могутъ быть поставлены на карту однимъ ложнымъ дипломатическимъ шагомъ, не можетъ и не должно быть мѣста игрѣ въ дипломатическія потемки. Грозные вопросы войны и мира должны рѣшаться не въ тиши канцелярій и даже не только въ стѣнахъ парламента, но на площади, на улицѣ, въ печати, на митингахъ, путемъ широко организованнаго референдума, который долженъ проявить истинную волю народа, жертвующаго столь многимъ при столкновеніи съ другими народами. А затѣмъ еще одно основное требованіе: пусть каждая страна какъ можно больше занимается внутренними вопросами, и какъ можно менѣе искушается соблазнами внѣшней, «міровой», имперіалистской политики, ведущей такъ часто къ кровавому столкновенію между людьми-братьями.

II.

Фраза о томъ, что событія въ Китаѣ развертываются съ головокружительной быстротой, стала общимъ мѣстомъ въ политическихъ кругахъ, печати и даже широкой публикѣ. Нѣкоторые наблюдатели китайскихъ событій заходятъ даже такъ далеко, что считаютъ въ настоящее время именно Китай, а не какую-либо другую страну страной неограниченныхъ возможностей. Неограниченныхъ возможностей не въ ироническомъ, а въ серьезномъ смыслѣ, выражающемъ вѣру въ то, что громадный человѣческій муравейникъ въ 400, а другіе говорятъ, въ 500 милліоновъ душъ можетъ дать народнымъ стремленіямъ такія оригинальныя формы, къ которымъ не привыкли люди, чья мысль вращается въ кругѣ обычныхъ европейскихъ представленій. Но прежде всего чрезвычайно трудно разобраться въ хаосѣ скрещивающихся, зачастую противорѣчивыхъ сообщеній о томъ, что дѣлается въ Срединной имперіи. Недвижный Китай двинулся. Страна, которая считалась образцомъ традиціонной устойчивости, пришла въ великое броженіе, которое можно сравнить развѣ лишь съ гигантскимъ землетрясеніемъ, опрокидывающимъ цѣлыя толщи древнихъ геологическихъ породъ. Разумѣется, въ банальномъ взглядѣ на старый Китай было много условно-ложнаго. Лишь крайнимъ незнакомствомъ съ китайскою жизнью можно объяснить, что страна, живущая уже столько тысячелѣтій исторической жизнью, считалась чуждою политическимъ потрясеніямъ. Китай уже очень давно пережилъ нѣсколько громадныхъ политическихъ и соціальныхъ революцій, и даже въ теченіе послѣднихъ 270 лѣтъ, когда маньчжурская династія распространила свое господство надъ страной цѣною подавле-

нія народной жизни, возстанія слѣдуютъ за возстаніями по широкому лицу Срединной имперіи. Лишь въ послѣднее шестидесятилѣтіе Китай пережилъ такія гигантскія движенія, какъ религіозно-національное возстаніе тайпиновъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, соціально-аграрное возстаніе наньфеевъ («факельщиковъ»), продолжавшееся чуть ли не всѣ 60-е годы, магометанское движеніе дунгановъ въ 60-хъ и 70-хъ, національное движеніе Кулака въ началѣ этого вѣка и, наконецъ, переживаетъ ту великую революцію, при которой мы присутствуемъ теперь.

Никогда еще старый китайскій режимъ не подвергался такой опасности. Повидимому, весь югъ и центръ Китая уже охваченъ революціоннымъ пламенемъ, и движеніе перекидывается на сѣверъ, въ Монголію и Маньчжурію. Одна изъ двухъ колоссальнѣйшихъ артерій страны, Янъ-Цзы-Цзянъ, на всемъ своемъ нижнемъ и среднемъ теченіи уже почти повсюду находится въ рукахъ побѣдоносныхъ инсургентовъ. Отъ Нанкина, относительно котораго существуютъ пока противорѣчивыя извѣстія, до Ичана громадная рѣка является словно пороховымъ шнуромъ, который взрываетъ вдоль себя огнемъ революціи всѣ важныя мѣста. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного пункта на этомъ протяженіи, который бы не принадлежалъ инсургентамъ, и возстаніе быстро бѣжитъ по большимъ правымъ притокамъ Янъ-Цзы. Города Хань-Коу, Хань-Янъ, Учанъ, Іо-Чжоу, Чанъ-ша, Хэнъ-Цзянъ, Нань-Чанъ и т. д., повидимому, уже окончательно захвачены революціонерами. Въ послѣдніе дни ихъ флагъ развѣвается побѣдоносно и въ Су-Чжоу, командующемъ входомъ въ Императорскій каналъ, по которому Пекинъ снабжается всѣмъ необходимымъ для существованія громаднаго города, и въ Амоѣ, имѣющемъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе, такъ какъ здѣсь находится главный военный портъ, морской арсеналъ и пороховой правительственный заводъ. Еще раньше того Кантонъ сталъ на сторону революціонеровъ, и есть много шансовъ, что этотъ воспріимчивый нервный городъ Юга станетъ центромъ преобразующагося государства. Дѣйствительно, на громадномъ пространствѣ Срединной имперіи повсюду происходитъ теперь почкованіе автономныхъ республикъ, которыя по большей части пріурочиваются къ живущимъ самостоятельной исторической жизнью областямъ.

Въ Шань-Дунѣ уже происходятъ правильные выборы въ автономный органъ провинціи. И въ провинціи Чжи-Ли, той самой, гдѣ находится Пекинъ, мѣстое собраніе выставляетъ требованіемъ федеративное устройство государства. Временныя правительства многихъ областей уже условливаются между собой объ общемъ собраніи представителей, изъ котораго должно вырости правительство молодого Китая. Даже въ Маньчжуріи, гдѣ господствующая раса занимаетъ выдающееся положеніе, въ крупныхъ городахъ начинаютъ составляться комитеты общественной охраны, которые

вотъ-вотъ превратятся въ полномочные центры управленія. Короче сказать, изъ 18 провинцій собственно Китая 14 отпали отъ стараго государства, влачащаго призрачное существованіе. Правительство потеряло голову. Уже были слухи о томъ, что оно намѣрено бѣжать въ предѣлы Россіи, гдѣ дворъ надѣется найти пріютъ и убѣжище. Уступки, которыя дѣлаются дворомъ побѣдоносно шествующей революціи, только, кажется, усиливаютъ требованія инсургентовъ. Хитрый Юанъ-Ши-Кай, возвратившійся снова въ Пекинъ съ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ, впрочемъ, онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго желанія вступить въ открытую борьбу съ мятежниками, видимо, не питаетъ большой вѣры въ прочность манчжурской династіи и выжидаетъ только момента, чтобы вступить на путь компромиссовъ съ революціонерами. Поэтому представляется большимъ вопросомъ, долго ли просуществуетъ только что назначенный (16 ноября) указомъ регента по личному докладу Юанъ-Ши-Кая новый кабинетъ.

Во всякомъ случаѣ революціонеры уже не довольствуются очень либеральной программой конституціи, которая была предложена регенту Предварительнымъ парламентомъ и сейчасъ же одобрена престоломъ. Между тѣмъ эта программа сразу вдвигаетъ Китай въ рангъ не только конституціонныхъ, но и строго парламентарныхъ государствъ, давая ему болѣе широкое и истинное народоправленіе по сравненію съ Японіей, или даже Германской имперіей.

Достаточно сказать, что въ 19 параграфахъ проекта основныхъ законовъ, утвержденнаго 3 ноября, упоминается о неприкосновенности монарха, но главнымъ образомъ говорится о центральномъ значеніи парламента. Такъ, парламентъ избираетъ, а императоръ лишь формально назначаетъ выбраннаго премьера, который самъ подбираетъ себѣ кабинетъ. Глава министерства, въ случаѣ неодобренія его политики народными представителями, или долженъ уйти въ отставку, или распустить парламентъ, по во всякомъ случаѣ не больше одного раза. Императоръ будетъ непосредственно распоряжаться арміей и флотомъ, но всякій разъ, какъ эти вооруженныя силы будутъ пускаться въ ходъ внутри страны, способъ и условія ихъ употребленія устанавливаются парламентомъ. Лишь въ крайней необходимости императорскій указъ можетъ замѣнить правильно вотированный законъ, но и то долженъ быть строго согласованъ съ общимъ характеромъ законодательства по данному вопросу. Международные договоры не могутъ заключаться безъ согласія парламента. Если парламентъ отвергнетъ бюджетъ, то правительство не имѣетъ права ни прибѣгать къ смѣтѣ предыдущаго года, ни вводить статьи расхода, не вотированныя парламентомъ, ни, наконецъ, обращаться къ чрезвычайнымъ расходамъ. Издержки императорскаго дома и всякое увеличеніе и уменьшеніе гражданскаго листа опредѣляются опять таки парламентомъ. Никакія внутреннія распоряженія, касающіяся членовъ император-

ской фамиліи и ихъ отношеній между собою, не могутъ идти въ разрѣзъ съ конституціей. А конституція эта, предлагаемая временнымъ парламентомъ и одобренная императоромъ, должна быть и можетъ быть исправлена и окончательно вотирована лишь полномочнымъ парламентомъ. Какъ видите, согласно проекту, для народнаго представительства нѣтъ ничего забронированнаго ни въ области національной политики, ни въ области національной экономики. И парламентъ Срединной имперіи можетъ, говоря словами англійскаго афоризма, сдѣлать все на свѣтѣ.

Но мы уже сказали, что событія забѣгаютъ впередъ всякой политики компромисса. Повсюду выдвигаются требованія республиканскаго строя и вмѣстѣ съ нимъ широкаго федеральнаго режима. Удастся ли восторжествовать программѣ инсургентовъ цѣликомъ, сказать нельзя съ увѣренностью. Можно даже предположить, что въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, останется монархія, и при томъ, можетъ быть, даже въ лицѣ маньчжурской династіи, такъ какъ возведеніе на престолъ прежней чисто китайской династіи Миновъ, по толкованію самой же оппозиціи, является неосуществимымъ предпріятіемъ. Болѣе или менѣе подлинныхъ членовъ этой фамиліи не осталось, если не считать одного крайне проблематическаго Мина, почтеннаго жирно-оплачиваемаго мандарина, который лояльно служитъ маньчжурской династіи и, повидимому, очень мало думаетъ о своихъ правахъ на престолъ. Не даромъ китайскіе революціонеры говорятъ, что лозунгъ, бросаемый ими въ народъ и состоящій въ четырехъ словахъ: «низвергнуть Циновъ, возстановить Миновъ»—означаетъ ни много, ни мало, какъ покончить съ монархіей и сдѣлать китайскій народъ вершителемъ своихъ судебъ.

Но, какъ бы ни сложились послѣдующія событія, какими бы кровавыми перипетіями историческій фатумъ ни сопровождалъ выработку новаго строя въ Срединномъ государствѣ, несомнѣнно одно: Китай перестанетъ быть абсолютной монархіей. Съ большой увѣренностью можно также сказать, что страна, изнывавшая подъ бременемъ чисто внѣшняго, формальнаго централизма, которымъ маньчжуры сдавливали, какъ желѣзными обручами, организмъ великаго народа, долженъ будетъ уступить мѣсто, если не чисто федеративному союзу государствъ, то, по крайней мѣрѣ, широко идущей во всѣхъ мѣстныхъ вопросахъ автономіи областей. Въ сущности мысль объ отвѣтственности монарха передъ народомъ и понятіе о правѣ провинцій распоряжаться своими дѣлами принадлежатъ къ числу глубоко вросшихъ въ душу китайца идей. Такъ, съ представленіемъ объ императорѣ, какъ объ отцѣ всего народа, тѣсно связана мысль о томъ, что священный долгъ повиновенія великой политической семьи своему верховному главѣ предполагаетъ, однако, со стороны послѣдняго строжайшее исполненіе завѣта любви къ своимъ дѣтямъ и основное требованіе—жить не для

себя лично, а для всей націи. Въ противномъ случаѣ народъ отрѣшается отъ всякой обязанности по отношенію къ злочестивому монарху, и не только гнѣвное небо будетъ мстить всей имперіи и ея повелителю за злыя дѣла правительства, но каждый гражданинъ получаетъ право раздѣлаться съ богдыханомъ, какъ съ любымъ врагомъ народа. Не даромъ у нѣкоторыхъ китайскихъ философовъ встрѣчаются мысли и изреченія, пользующіяся широкой популярностью среди китайцевъ, но могущія показаться крайне революціонными и «анархическими» даже передовому европейцу. У самого кроткаго Конфуція встрѣчается сравненіе народа съ водой, а монарха—съ лодкой: въ хорошемъ государствѣ народъ поддерживаетъ монарха, какъ вода челнокъ. Но горе тому владыкѣ, который забудетъ изъ-за личныхъ интересовъ и личныхъ удовольствій долгъ передъ народомъ: бушующее море вправѣ разнести въ щепы негодный корабль!..

Не менѣе глубоко, чѣмъ это представленіе о политической отвѣтственности монарха за судьбы своего народа, сидитъ въ душѣ китайца стремленіе къ широкому областному самоуправленію. И тутъ дѣло идетъ не только объ изреченіяхъ мудрецовъ, но о самомъ складѣ китайской исторіи. Даже и теперь жизнь провинцій играетъ въ ней громадную роль по сравненію съ центральной властью. Такъ, при составленіи общегосударственнаго бюджета всегда признается неотъемлемое право областей употреблять мѣстные доходы прежде всего на удовлетвореніе своихъ нуждъ и затѣмъ только излишкомъ дѣлиться съ центральнымъ правительствомъ. Даже теперь, при невѣроятномъ хаосѣ и анархіи государственнаго хозяйства, эта провинціальная автономія рельефно выражается въ томъ фактѣ, что, по исчисленію высшаго таможеннаго чиновника, англичанина Морса, въ 1907 г. изъ 284 милл. таелей (таель=ок. 1 р. 42 к.) областная администрація поглощаетъ 142 милл., мелкая мѣстная администрація—43, и на долю имперской администраціи приходится такимъ образомъ лишь 99 милл., т. е. немногимъ больше одной трети всѣхъ расходовъ страны по управленію.

Разъ мы коснулись финансоваго вопроса, то не мѣшаетъ кстати прибавить, что неограниченный монархъ, теоретически являющійся обладателемъ всего имущества и всякаго рода труда своихъ подданныхъ, тѣмъ не менѣе не имѣетъ, какъ представитель короны, никакихъ особыхъ доходовъ. Или, какъ выражается нѣкто Джайльсъ, авторъ интереснаго сочиненія о «Китаѣ и китайцахъ» *), «онъ зависитъ въ своихъ доходахъ отъ податей, взимаемыхъ высшими чиновниками въ отдѣльныхъ областяхъ и зависящихъ отъ воли народа, безъ согласія и содѣйствія котораго ничего не можетъ быть сдѣлано». Слѣдуетъ прибавить, что, хотя областная администрація вице-королей, губернаторовъ и тому по-

*) H. A. Giles, «China and the Chinese»; Лондонъ, 1902.

добныхъ чиновниковъ сопряжена всегда съ поборами и вымогательствомъ, но отъ времени до времени этимъ злоупотребленіямъ кладется предѣлъ возстаніемъ населенія, изгоняющаго въ концѣ-концовъ хищнаго губернатора. И глубоко вошло въ административные нравы Китая обыкновеніе считать въ данномъ случаѣ гласъ и дѣйствія народа за гласъ и дѣянія божьи, такъ что эта расправа жителей съ чиновнымъ эксплуататоромъ никогда обыкновенно не кассируется центральной властью. Приговоръ населенія является какъ бы правильнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія вещей, сложившагося въ данной провинціи. Какъ видите, даже въ современномъ, угнетаемомъ маньчжурами Китаѣ, живыя силы котораго такъ долго скрывались отъ взглядовъ поверхностныхъ наблюдателей архаическою покрышкою абсолютизма и традицій, есть здоровые элементы народоправства, свободы и мѣстной автономіи, которые не вездѣ существуютъ и въ старой Европѣ.

Не безынтереснымъ усложненіемъ современной политической революціи въ Китаѣ является національный и соціальный вопросъ. Не надо забывать, что люди крайнихъ мнѣній, вродѣ знаменитаго революціонера Суенъ-Йи-Сьена или, проще, Сунъ-Вена*), въ настоящее время играютъ большую роль въ общемъ напорѣ оппозиціонныхъ силъ противъ стараго режима. Потому ли, что китайская революція движется еще по восходящей вѣтви параболы и мы находимся въ періодѣ не реакціи, а «акціи», или въ силу общаго историческаго положенія, но крайніе элементы придаютъ замѣтную окраску современному оппозиціонному движенію, и даже недавно обученныя по-европейски войска,—которыя играютъ въ настоящемъ переворотѣ приблизительно такую же роль, какъ младотурецкіе военные элементы въ недавней оттоманской революціи,—съ симпатіей вслушиваются въ требованія вожаковъ крайнихъ лѣвыхъ партій. А онѣ, какъ уже выразился упомянутый Суэнъ-Йи-Сьенъ еще 4 года тому назадъ, въ большой рѣчи, произнесенной за границей, въ Токіо, 16 января 1907 г., стремятся единовременно къ національному, политическому и соціальному перевороту: «мы хотимъ революціи независимости, потому что не желаемъ, чтобы горсть маньчжуровъ монополизировала всѣ выгоды; мы хотимъ политической революціи, потому что не желаемъ, чтобы одинъ человѣкъ пользовался всѣми преимуществами; и мы хотимъ соціальной революціи, потому что не желаемъ, чтобы кучка богачей распоряжалась всѣмъ достояніемъ народа. И если мы не достигнемъ хотя

*) Въ послѣднее время онъ сталъ широко извѣстнымъ по газетамъ подъ своимъ кантонскимъ именемъ Сунъ-Ять-Сенъ. См. о немъ въ интересной книгѣ: Albert Maybon, „La politique chinoise, Etude sur les doctrines des partis en Chine“; Парижъ, 1908, стр. 168—195; и въ русской работѣ: Аркадій Петровъ, «Китай за послѣднее десятилѣтіе (Соціально-политическій очеркъ)»; Спб., 1910, стр. 40—47.

бы одной изъ поставленныхъ нами трехъ цѣлей, то мы нанесемъ сильный ударъ нашей общей программѣ переворота».

Уже въ прошломъ обозрѣніи, отмѣчая первые шаги китайской революціи, мы имѣли случай говорить о томъ, въ какой степени современному движенію чужда ненависть къ иностранцамъ. Не только выразители соціалистическихъ идеаловъ, вродѣ только что цитированнаго нами дѣятеля, но и обширные ряды общей оппозиціи тѣсно связываютъ ненависть къ своимъ національнымъ притѣснителямъ, маньчжурамъ, съ доброжелательствомъ и горячими симпатіями къ представителямъ бѣлой цивилизаціи. Недаромъ представители культурныхъ державъ охотно сносятся до сихъ поръ съ революціонерами и, несмотря на обычные аппетиты «высшей расы», удерживаются отъ помощи рушащемуся строю. Къ сожалѣнію, является даже опасность другого рода: у долго тѣснимыхъ маньчжурами китайцевъ проявляется стремленіе сбросить гнетъ абсолютизма, воплощеннаго для китайцевъ въ лицѣ маньчжурской династіи, путемъ поголовнаго истребленія маньчжуровъ. Нужно ли говорить, что это было бы наименѣе удачнымъ рѣшеніемъ вопроса новаго устройства. Маньчжуровъ сдѣлало угнетателями, какъ это всегда бываетъ съ «господствующей народностью», ихъ привилегированное положеніе въ государствѣ. Но когда современному Китаю удастся свалить допотопный деспотизмъ,—въ тотъ самый моментъ будетъ разбитъ и тотъ центральный рычагъ гнета, который держатъ въ своихъ рукахъ маньчжуры. Можно понять настроеніе революціонеровъ, когда имъ приходится захватывать въ плѣнъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ изъ маньчжуровъ и ихъ семьи. Вѣдь традиціонной политикой маньчжуровъ было всегда избивать десятками и сотнями тысячъ побѣжденныхъ мятежниковъ, какъ это было во время возстанія тайпиновъ, нань-феевъ, дунгановъ, и т. п. и какъ теперь мы еще видимъ всякій разъ, какъ имперскимъ отрядамъ удается то тамъ, то здѣсь одержать частную побѣду надъ революціонерами. Сумѣютъ ли прогрессивные китайцы сдѣлать благородное усиліе надъ собою и поставить себѣ цѣлью побѣждать въ честномъ бою своихъ противниковъ, а не вырѣзывать ихъ женъ и дѣтей, какъ это случилось уже раза два въ формѣ репрессій послѣ побѣды революціонныхъ войскъ надъ правительственными?

Еще одинъ вопросъ: можетъ ли современный Китай осуществить одновременно и политическую, и соціальную революцію, какъ о томъ мечтаютъ соціалистическіе вожаки возстанія? Было высказано нѣкоторыми европейскими писателями мнѣніе, что въ Китаѣ чуть ли не тысячу лѣтъ тому назадъ могли быть проведены, правда, не надолго, извѣстныя мѣры соціалистическаго характера, такъ называемые «синь-фа» («новые законы») знаменитаго реформатора Ванъ-Ань-Ши, а потому и въ наше время Срединная имперія можетъ стать обширнымъ опытнымъ полемъ для такихъ

археческихъ экспериментовъ. Но то вѣдь были мѣры не современнаго народнаго, рабочаго соціализма, а мѣры фискальнаго деспотизма, мѣры, которыя имѣли въ виду главнымъ образомъ податные интересы государства, а не благосостояніе живыхъ членовъ его. И государственная монополія торговли, и государственные магазины и рынки, и система принудительныхъ займовъ, навязываемыхъ центральнымъ правительствомъ мѣстнымъ властямъ для истребленія ростовщичества, и всеобщій налогъ, соразмѣрявшійся съ пространствомъ разрѣзанныхъ на правильныя, словно шахматныя, клѣтки земель, а не съ числомъ живущихъ на территоріи обитателей,—все это могло быть въ свое время, въ концѣ XI в., интересною попыткою справиться съ тяжелымъ положеніемъ тогдашняго Китая, но все это представляло собою такое деспотическое распоряженіе человѣческой личностью, что о воскрешеніи подобныхъ реформъ не можетъ быть и рѣчи.

Самъ Сунъ-Венъ, заявившій недавно о своемъ присоединеніи къ интернаціональному соціализму и, стало быть, принимающій принципы современнаго міровоззрѣнія труда, не можетъ вдохновляться примѣромъ своего древняго предшественника. Каковы его теперешніе взгляды, мы, впрочемъ, въ точности не знаемъ. А въ рѣчи, произнесенной имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и упомянутой нами мимоходомъ выше, мы встрѣчаемся, вмѣсто какого бы то ни было широкаго плана соціалистическихъ реформъ, лишь съ однимъ аграрно-налоговымъ предложеніемъ, очевидно отзывающимся его пребываніемъ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ одно время пользовались такой популярностью взгляды Генри Джорджа. Дѣйствительно, вожакъ современной соціалистической партіи въ Китаѣ говорилъ: «Относительно способовъ рѣшенія соціальнаго вопроса соціалисты держатся различныхъ мнѣній. Система, за которую стою я, это та, которая основана на опредѣленіи цѣнности земли. Напр., если у собственника есть клочокъ земли, который стоитъ 1000 піастровъ, то можно назначить ей цѣнность (декретировать закономъ? Н. Р.), скажемъ, въ 2000 піастровъ. Такъ что, если когда-нибудь эта земля, благодаря развитію путей сообщенія, возвысится въ своей цѣнности до 10000 піастровъ, то хорошо будетъ, если собственникъ получитъ хоть 2000. Для него есть несомнѣнная выгода, и онъ нисколько не пострадаетъ. А излишекъ въ 8000 піастровъ долженъ будетъ перейти къ государству... Такимъ образомъ совокупность злоупотребленій, чинимыхъ богатыми людьми, которые монополизируютъ почву, исчезнетъ навсегда... Въ Европѣ и въ Америкѣ цѣнность земли дошла до максимума. Невозможно назначить тамъ ей цѣнность разъ на всегда, потому что нѣтъ опредѣленнаго масштаба (?). Но что касается до страны, гдѣ цѣнность земли еще не поднялась, то тутъ-то какъ разъ и насталъ моментъ дѣйствовать... Вотъ причина, почему соціальная революція, очень трудная въ Европѣ и въ Америкѣ, будетъ легка у

насъ... Въ Китаѣ послѣ соціальной революціи жители никогда болѣе не будутъ платить никакихъ налоговъ, а будетъ существовать только одинъ подоходный налогъ, и его будетъ достаточно, чтобы сдѣлать изъ Китая самую богатую націю въ мірѣ. Другія страны никогда не будутъ въ состояніи достигнуть степени богатства нашего соціалистическаго государства. То, что мы сдѣлаемъ, будетъ такимъ образомъ не подражаніе другимъ, но, наоборотъ, имъ подастъ примѣръ. Нашей революціи, конечно, будутъ подражать всѣ другія цивилизованныя страны. Однимъ словомъ, цѣль нашей революціи обезпечить счастье всѣхъ».

Какъ видите, за этими слегка наивными соціально-патріотическими разсужденіями скрывается ни больше, ни меньше, какъ планъ земельной реформы во вкусѣ Генри Джорджа съ его «единственнымъ налогомъ» *). Нѣтъ сомнѣнія, что сложность современныхъ условій заставитъ китайскаго реформатора глубже вдуматься въ тѣ мѣры, которыя могутъ дѣйствительно повести за собой существенное соціальное преобразованіе. И, однако, если мы не знаемъ, какой привносъ удастся сдѣлать китайскому соціализму въ совершающійся на нашихъ глазахъ политическій переворотъ, то все же было бы невѣроятно, чтобы то великое потрясеніе, которое разразилось въ настоящее время въ Китаѣ, окончилось исключительно однѣми политическими реформами. Народоправство и отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ на извѣстной ступени развитія общества—великія вещи. Но для того, чтобы провести, поддержать эти реформы противъ абсолютистской и бюрократической реакціи, нужно сочувствіе народа и, стало быть, такія мѣры, которыя будутъ прямо идти въ пользу его. Ибо трудно предположить, чтобы массы стали жертвовать жизнью и счастьемъ ради торжества чисто политическихъ формулъ... Впрочемъ, всякія пророчества становятся трудными, когда изъ-за огня и дыма великаго соціальнаго изверженія нельзя еще ясно видѣть контуровъ только что обрисовывающагося порядка вещей.

Нѣсколько словъ о новыхъ подвигахъ культуртрегеровъ въ «варварскихъ» и отсталыхъ странахъ. Итальянцы, которые вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ воюютъ на побережьѣ Триполи, отнюдь не летятъ отъ побѣды къ побѣдѣ, какъ на это надѣялись патріотическіе пропагандисты увеселительно-цивилизаторской экспедиціи въ Африку. И если нельзя особенно довѣрять турецкимъ извѣстіямъ, говорящимъ о страшныхъ пораженіяхъ итальянцевъ въ Триполи, то видно во всякомъ случаѣ, что война эта оказалась для Италіи

*) Кстати сказать, если не отчужденіе въ пользу общества, то обложеніе «незаработаннаго приращенія» (unearned increment) практикуется теперь многими муниципальными учрежденіями Европы и Америки, которыя, однако, остаются на почвѣ современнаго понятія о собственности и отнюдь не видятъ въ этой финансовой политикѣ соціалистической панацеи джорджеанства.

далеко не столь легкой, какъ утверждаютъ сыны Апеннинскаго полуострова, заглушающіе военной цензурой голосъ правды о томъ, что дѣлается на полѣ сраженій. Не преждевременна-ли поэтому ихъ попытка провозгласить королевскимъ декретомъ 5 ноября присоединеніе Триполитаніи и Киренаики и ихъ подчиненіе «подъ полную и нераздѣльную власть Итальянскаго королевства» (sotto la sovranità piena ed intera del Regno d'Italia)?

А пока что, нарушая принципы международнаго права и рѣшенія Гаагской конференціи 1907 г., они обрушились съ варварской жестокостью на арабовъ, успѣшно сопротивлявшихся имъ въ теченіе трехъ дней 23—26 октября подъ Триполи и разстрѣляли и вырѣзали не одну тысячу туземцевъ подъ предлогомъ того, что они «мятежники», распространяя эти цивилизаторскіе подвиги на женщинъ и дѣтей. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ мало-мальски культурныхъ людей этой жестокостью, достойною временъ Аттилы, показалось на столько невыгоднымъ для итальяцевъ, что премьеръ Джолитти счелъ необходимымъ оправдываться передъ Европой въ этихъ, по его мнѣнію, вымышленныхъ англійскими досужими корреспондентами жестокостяхъ и противопоставлялъ имъ якобы дѣйствительныя звѣрства арабовъ, которые, молъ, не оставляютъ на полѣ сраженія живыми ни одного раненаго итальянца, а увѣчатъ и убиваютъ безпощадно всѣхъ. Но Европа, повидимому, не особенно довѣряетъ этимъ официальнымъ опроверженіямъ, и ея симпатіи, несомнѣнно, на сторонѣ мусульманъ, вся вина которыхъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что они являются патріотами не на словахъ только, а на дѣлѣ и мужественно сопротивляются завоевателю. Италія находится въ данный моментъ въ тупикѣ. Ударить Турцію въ больное мѣсто, какъ льстили себя надеждою итальянскіе политики, замышляя еще въ самомъ началѣ кампаніи повести морскую войну въ восточной части Средиземнаго моря, имъ врядъ ли удастся. Уже ихъ союзница, Австрія, готовится устроить въ свою очередь военную демонстрацію посылкою флота въ Эгейское море, если Италія рѣшится направить туда свою эскадру.

Съ другой стороны, въ области внутренней политики теперь царитъ рѣшительный застой. Все, чѣмъ жила и волновалась нація во внутренней жизни, стушевалось передъ безконечно лживой прозой и поэзіей военныхъ бюллетеней. Предсказанія истинныхъ друзей итальянскаго народа и итальянской демократіи сбылись раньше, чѣмъ можно было даже думать. На театрѣ военныхъ дѣйствій силы Италіи уже доведены до 100.000 чел. Уже военные расходы начинаютъ пахнуть сотнями милліоновъ, и отрезвленіе начинаетъ охватывать самыя пылкія головы. Уже слышится критика столь легкомысленно задуманнаго предпріятія, несущаго, по всей вѣроятности, Италіи жестокія разочарованія. Что сдѣлалось съ избирательной реформой? Что сталось съ планами госу-

дарственнаго страхованія? Ихъ затянулъ туманъ кровавыхъ испареній, который поднимается съ песковъ Африки и, словно фатаморгана, обманываетъ итальянцевъ фантастическими картинами великой колоніальной политики...

А теперь о новой сценѣ въ персидскомъ кровавомъ фарсѣ. Призванный персидскимъ правительствомъ для поправленія финансовъ, американецъ Шустеръ (Шэстеръ), высшій таможенный чиновникъ Персіи, рѣшилъ, согласно мнѣнію кабинета, конфисковать имущество брата мятежнаго шаха, принца Шуа-Эсъ-Солтанэ. Русское правительство энергично запротестовало противъ такого пріема, утверждая, что оно имѣетъ права привилегированнаго кредитора на все имущество упомянутаго воителя, такъ какъ онъ уже заложилъ Россіи свое достояніе. Персіи посланъ былъ грозный ультиматумъ. Персидско правительство имѣло бы, быть можетъ, многое отвѣтить на этотъ ультиматумъ. Но увы! оно ничего не отвѣтило... такъ какъ въ данный моментъ въ Иранѣ нѣтъ никакого правительства: и регентъ, и министерство подали въ отставку. И въ результатѣ русскій отрядъ двигается на Казвинъ, по дорогѣ къ Тегерану... *)

Н. С. Русановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Предвыборныя мѣропріятія.—2. Безъ платформы и безъ паники.—3. Очередныя сужденія объ основныхъ законахъ. Роль сплоченной реакціи. Въ тенетахъ противорѣчій.—4. Назадъ къ основнымъ вопросамъ.—5. Мысли безъ хозяина и хозяинъ безъ мыслей.

Въ серединѣ февраля нынѣшняго года „С.-Петербургскія Вѣдомости“ писали:

„Одинъ активный сановникъ на вопросъ: что вы дѣлаете?—отвѣтилъ:
— Занимаюсь четвертой Думой.
— Да вѣдь у насъ еще третья жива...
Сановникъ махнулъ рукой:
— Кто же думаетъ о третьей? Живой трупъ“...

Положимъ, ниоткуда не видно, что будущій трупъ будетъ живѣе трупа нынѣшняго; но готовиться надо. И уже въ февралѣ были извѣстны нѣкоторыя общія основанія подготовительныхъ работъ.

„Хотя правительство — писалъ, напр., офиціозный „Кіевлянинъ“ — безпартійно, но оно *окончательно рѣшило опереться на національную партію*“.

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ (14 ноября) новое персидское министерство дало требуемое удовлетвореніе, однако русскій отрядъ продолжаетъ двигаться.

„Правительство заняло твердую позицію по отношенію къ предстоящимъ выборамъ. Разумѣется, это будетъ имѣть огромное значеніе. Очень важно уже одно то, что правительство... подходитъ къ будущимъ выборамъ съ опредѣленными партійными симпатіями... А воля и желаніе начальства въ Россіи много значатъ".

Правительство «подходитъ къ выборамъ съ опредѣленными партійными симпатіями». И это очень хорошо. Однако, все еще «трудно отвѣтить» на вопросъ: «что дадутъ будущіе выборы»?

„Отъ того, какую позицію займетъ правительство и какъ сильно оно будетъ ее отстаивать, зависитъ очень много" *).

Не всѣ еще вопросы рѣшены, въ самой твердости есть еще нетвердость, «опредѣленныя партійныя симпатіи» все еще недостаточно опредѣленны. Предстояло разрѣшить множество частныхъ вопросовъ, относительно которыхъ въ нѣдрахъ самой «національной партіи» были и есть большія разногласія. Цѣль выборовъ ясна: надо устранить лѣвую опасность, не допустить, чтобы четвертая Дума оказалась оппозиціоннѣе третьей. Но, во-первыхъ, откуда считать «лѣвыхъ»? Кадеты—лѣвые; это безспорно. Лѣвые—и безпартійные прогрессисты. А октябристы и особенно тѣ «приличные», «независимые» октябристы, которые все-таки будируютъ на либеральный ладъ? Слѣдуетъ ихъ причислить къ врагамъ внутреннимъ или не слѣдуетъ? И какихъ средствъ требуетъ борьба съ лѣвою опасностью? Надо ли произвести новое кудетатистое усовершенствованіе избирательнаго закона, или можно обойтись мелкими партизанскими нажимами на законъ въ порядкѣ обычной полицейской практики? Вопросовъ предстояло рѣшить много. Но прежде чѣмъ окончательно сложилось то или иное рѣшеніе, покойному Столыпину пришлось пережить мартовскую передрягу: неожиданно разладилось организованное правительствомъ большинство Государственнаго Совѣта, пришлось подать прошеніе объ отставкѣ; потомъ «компенсація», трехдневный роспускъ Думы, «бурные» запросы въ Совѣтѣ и Думѣ... Столыпинъ удержалъ за собою постъ премьера. Однако, даже «Новое Время» не скрывало, что его отставка—дѣло рѣшенное. «Столыпинъ не проченъ»—это не могло не отражаться на самочувствіи и центральныхъ, и провинціальныхъ администраторовъ. Не могло это не отражаться и на подготовкѣ къ выборамъ, на темпѣ предвыборныхъ мѣропріятій. Будь Столыпинъ прочнѣе, музыка, вѣроятно, была бы не та. Однако, несмотря на непрочное положеніе Столыпина, музыка получилась достаточно эффектная.

15 марта кончился трехдневный роспускъ. Дума и Совѣтъ предъявили запросы о незакономѣрномъ примѣненіи 87 статьи. Приблизительно недѣли черезъ полторы въ газетахъ появились свѣдѣнія о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, предлагавшемъ

*) Цит. по „Кіевской Мысли", 5 марта.

губернаторамъ «принять мѣры къ своевременному внесенію въ земскія и городскія смѣты 1912 года кредитовъ на производство выборовъ въ четвертую Государственную Думу» [1]). И уже этотъ невинный по внѣшности циркуляръ вызвалъ въ прессѣ соображенія о заднихъ цѣляхъ и конфиденціальныхъ замыслахъ:

Быть можетъ,—догадывалась, напр., „Кіевская Мысль“—„срокъ, отдѣляющій насъ отъ выборовъ, будетъ внезапно укороченъ. Возможность гильотинированія полномочій третьей Думы еще не исключена“ [2]).

Въ концѣ мая и въ началѣ іюня объ этой «возможности» говорили уже вполнѣ опредѣленно:

Въ «Berliner Tageblatt» телеграфируютъ изъ Петербурга, что... осенью Государственная Дума будетъ распущена, такъ какъ на ея поддержку Столыпинъ больше не надѣется»... [3]).

Угроза надъ «живымъ трупомъ» повисла. Тѣмъ временемъ шли подготовительныя работы, и, въ частности, вопросъ о размѣрахъ и предѣлахъ лѣвой опасности, видимо подвергся болѣе точному рѣшенію. Уже въ серединѣ лѣта обнаружилось, что обычное предвыборное привлеченіе разныхъ общественныхъ дѣятелей къ суду по статьямъ, влекущимъ лишеніе избирательныхъ правъ, на сей разъ задѣваетъ и октябристовъ. И «Голосъ Москвы» сталъ протестовать, жаловаться, заявилъ, что эти привлеченія имѣютъ цѣлью впредь до суда, который, вѣроятно, вынесетъ оправдательные приговоры, устранить лицъ, нежелательныхъ администраціи, «отъ участія во всякаго рода выборахъ, въ томъ числѣ и въ предстоящихъ въ 1912 г. выборахъ въ Государственную Думу». Жалобы такъ и остались жалобами. А обычныя предвыборныя мѣропріятія задѣли октябристовъ и съ другой стороны: въ августѣ по распоряженію администраціи былъ закрытъ крестьянскій союзъ 17 октября.

Результаты не замедлили обнаружиться. Въ началѣ нынѣшняго года прогрессивная печать брезгливо отмѣчала «заигрываніе октябристовъ передъ избирателями путемъ фронды и словеснаго либеральничанія» [4]).

«Чѣмъ ближе къ избирательной кампаніи, тѣмъ либеральнѣе становится третьедумскій центръ» [5]).

Октябристы „охорашиваются и наряжаются въ либеральныя тоги“... Октябристъ „надѣваетъ тогу лишь для того, чтобы пустить пыль въ глаза. Разыгравъ свою роль на предвыборныхъ подмосткахъ, онъ быстро напяливаетъ на себя обычный свой халатъ и продолжаетъ прежнюю работу, не считаясь со своими рѣчами“ [6]).

---

[1]) „Кіевская Мысль“, 31 марта.
[2]) «Утро Россіи», 11 іюня.
[3]) «Южная Заря», 17 февраля.
[4]) „Кіевская Мысль“, 16 февраля.
[5]) „Саратовскій Вѣстникъ“, 2 марта.
[6]) Тамъ же.

По естественному порядку вещей либеральная жестикуляція и либеральное празднословіе должны были бы наростать. И они, дѣйствительно, наростали. Къ маю «Голосъ Москвы» дошелъ до родичевскихъ нотъ:

„О П. А. Столыпинѣ - пока кончено. Немногихъ близорукихъ вводитъ въ заблужденіе внѣшняя побѣда, пиръ побѣдителей. Удивятся потомъ, на сколько онъ длился недолго. Удивятся, какъ могли на кораблѣ за звуками бальной музыки не замѣтить, что онъ идетъ ко дну“... „Онъ (Столыпинъ) не удержится. Онъ попадетъ въ маховое колесо исторіи, какъ попадалъ всякій, кто думалъ удержать своею рукою ходъ этого колеса“.

„Нѣтъ увѣренности—вотъ основной симптомъ болѣзни власти. Поэтому неопредѣлененъ самый государственный строй; конституція и манифестъ 17 октября, неупраздненные явно по нерѣшимости, стали чѣмъ-то, о чемъ неприличного ворить“... „Возстановивъ противъ себя всѣхъ“, министерство Столыпина „пытается создать хоть видимость общественнаго сочувствія, инсценируетъ свои партіи, свою печать. И оно готово само на моментъ повѣрить, что... можетъ опереться на созданный имъ же картонный оплотъ. Скоро покажутъ выборы, чего стоятъ эти надежды... Кончится бѣдою такой пиръ *).

По мѣрѣ развитія предвыборныхъ мѣропріятій, тонъ октябристской печати спадалъ. Въ іюлѣ «Голосъ Москвы» дошелъ до защиты и восхваленія извѣстной расправы надъ женскимъ медицинскимъ институтомъ; въ августѣ октябристская печать приняла дѣятельное участіе въ кампаніи, направленной явно къ тому, чтобы объявить виднѣйшихъ представителей конституціонно-демократической партіи причастными къ подготовкѣ террористическихъ актовъ. Въ сентябрѣ «Голосъ Москвы» докатился до выступленій погромнаго характера. Слишкомъ тонкая грань между октябристами и націоналистами такимъ образомъ была прорвана. Плоды пожать судьба опредѣлила г. Коковцову,—«столпу консерватизма», какъ выразился о немъ гр. Витте. Въ октябрѣ «могущественная» думская партія октябристовъ вступила въ открытую связь съ націоналистами, съ «картоннымъ оплотомъ», если придерживаться майской терминологіи «Голоса Москвы». Въ началѣ ноября тотъ же руководящій органъ октябристовъ высказалъ, что самый «актъ» 17 октября 1905 г. является «дѣломъ необдуманнымъ, твореніемъ канцелярскимъ, не имѣющимъ ни историческихъ, ни косвенныхъ основъ, результатомъ безмѣрной самонадѣянности и крайняго легкомыслія».

Плоды пожалъ г. Коковцовъ. Но жатва созрѣла уже къ моменту катастрофы 1 сентября. Октябристы были успокоены. Надлежало подойти вплотную къ рѣшенію вопроса о болѣе серьезной «кадетской опасности». Опытъ доказалъ, что частными мѣропріятіями, направленными противъ отдѣльныхъ лицъ, привлекаемыхъ, высылаемыхъ, исключаемыхъ изъ избирательныхъ списковъ и т. д., эта опасность устраняется далеко не вполнѣ. Требуется,

*) „Голосъ Москвы“, 3 мая

очевидно, общій ударъ. И въ концѣ августа «Новое Время», «Россія», «Голосъ Москвы» одновременно начали жестокій обстрѣлъ кадетскихъ позицій. Справками изъ «Революціонной Россіи», «Освобожденія», изъ «Рѣчи» 1906 г. и разныхъ другихъ архивныхъ источниковъ «Новое Время» и «Голосъ Москвы» устанавливали слѣдующее:

1) Доселѣ „гг. Милюковы настойчиво проводятъ программу" парижскаго конгресса революціонеровъ, происходившаго въ 1904 г. („Голосъ Москвы", 23 августа).

2) „Всѣ террористическіе акты 1905 — 6 гг. совершены при содѣйствіи кадетовъ"; „главари партіи соціалистовъ-революціонеровъ утверждаютъ, что обязательства, принятыя на себя соглашеніемъ соціалистовъ-революціонеровъ и кадетовъ, продолжаютъ сохранять свою силу и въ настоящее время и выразятся, между прочимъ, въ поддержкѣ, которую обязались оказывать эти партіи другъ другу въ предстоящей выборной кампаніи въ четвертую Думу" („Голосъ Москвы", 24 августа).

3) Теперь (въ концѣ августа) возрождается революціонный терроръ, и возрождается при содѣйствіи кадетовъ. „Конечно, почтенные лидеры кадетской партіи не возьмутъ въ руки браунинга (не дай Богъ, выстрѣлитъ!), *но по договору они обязаны представлять въ распоряженіе революціонеровъ лицъ, умѣющихъ изготовлять взрывчатыя вещества*" („Голосъ Москвы", 26 августа),

Полтора мѣсяца спустя, въ октябрѣ, тотъ же «Голосъ Москвы» производилъ историческія изысканія въ другомъ направленіи: оказалось, кадеты были въ союзѣ не только съ соціалистами-революціонерами, но и съ гр. Витте и съ П. Н. Дурново; послѣдній именно по кадетскому настоянію былъ призванъ въ 1905 г. на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но это открылось приблизительно черезъ 40 дней послѣ смерти Столыпина. А за 10 дней до его смерти было извѣстно другое: соціалисты и кадеты хотятъ устроить новую смуту, поэтому власть и общество должны сплотиться:

„Нужно готовиться къ борьбѣ. Предстоитъ двойной экзаменъ — правительству и обществу—экзаменъ на степень той политической зрѣлости, наличность которой обезпечиваетъ государство отъ покушеній революціонныхъ безумцевъ или проходимцевъ" *).

«Общество», заговорившее такимъ тономъ, очевидно, уже «созрѣло». Вѣроятно, и министръ юстиціи достаточно былъ убѣжденъ, что къ кадетамъ вполнѣ примѣнимы 126 и 102 статьи Уголовнаго уложенія. Работы въ этомъ направленіи могутъ быть, разумѣется, возобновлены. Но кіевскою неожиданностью онѣ прерваны.

И въ другихъ отношеніяхъ шла подготовка. По Россіи въ теченіе лѣта путешествовали кое-какіе «агитаторы изъ клуба націоналистовъ». Агитаціонную поѣздку совершилъ и г. Пуришкевичъ. Въ разныхъ большихъ и малыхъ городахъ основаны отдѣлы «всероссійскаго національнаго союза»; въ дополненіе къ нимъ

---

*) „Голосъ Москвы", 26 августа.

старательно насаждались новые отдѣлы союза русскаго народа. Съ этой цѣлью, между прочимъ, г. Марковъ II, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ дворянъ, священниковъ, сотрудниковъ мѣстной черносотенной печати, добровольцевъ и зѣвакъ, совершилъ своеобразный крестовый походъ по Курской губерніи; «крестоносцевъ» въ нѣкоторыхъ селахъ встрѣчали колокольнымъ звономъ; «*по приказанію полиціи*, зданія и *церкви* по пути слѣдованія г. Маркова были иллюминованы». Произнося агитаціонныя рѣчи, г. Марковъ и его спутники, разумѣется, не стѣснялись.

— Лѣвые хотятъ „отдать храмы на откупъ жидамъ", „поголовно истребить всѣхъ православныхъ христіанъ".

— „Кто не запишется въ союзъ, того къ чертовой матери"...

— „Выбирайте въ четвертую Государственную Думу только изъ союза истинно-русскихъ людей" *).

Во многихъ мѣстахъ Западнаго края и кое-гдѣ внѣ этого района къ 1 сентября уже были организованы и приступили съ помощью начальства къ дѣятельности «патріотическіе» выборные комитеты.

Шла дѣятельная работа по изысканію средствъ въ дополненіе къ извѣстнымъ «темнымъ деньгамъ». Еще въ началѣ іюня «Голосъ Москвы» сообщалъ:

Въ Петербургѣ ходитъ очень странный слухъ. Говорятъ, что извѣстный инженеръ Е., домогающійся передачи обширныхъ морскихъ заказовъ группѣ южныхъ металлургическихъ заводовъ, желая заручиться поддержкой со стороны націоналистическихъ элементовъ Государственной Думы и правительства, предложилъ 300000 руб. на предвыборную агитацію въ пользу націоналистовъ".

Дѣйствительно ли инженеръ Е. «предложилъ»,—осталось невыясненнымъ. Но, вообще, это—одинъ изъ источниковъ. О другомъ источникѣ даетъ понятіе слѣдующая газетная телеграмма изъ Томска:

„Губернаторъ обратился къ нѣкоторымъ мѣстнымъ купцамъ съ предложеніемъ дать денегъ на изданіе частной газеты, мотивируя свое предложеніе приближеніемъ выборовъ въ Государственную Думу" **).

Не только эти два источника, разумѣется, существуютъ. Но углубляться въ столь специфическую тему не буду. Достаточно отмѣтить, что и денежная сторона избирательной кампаніи не забыта. Не забыли, повидимому, запасаться и казенными избирательными цензами. Г-нъ А. Стаховичъ разсказалъ довольно подробно, какъ продѣланы двѣ такія операціи въ Орловской губерніи.

1) Непремѣнному члену орловскаго по земскимъ и городскимъ

*) „Утро", 14 августа; „Рѣчь", 7 августа.

**) „Рѣчь", 24 октября.

дѣламъ присутствія статскому совѣтнику Петрову крестьянскій банкъ 1 іюля 1911 г. продалъ сразу два имѣнія: одно въ 65½ десятинъ по нормальной цѣнѣ (152 р. 70 к. за десятину), но на очень льготныхъ условіяхъ (уплата наличными 1000 р. съ разсрочкою на 6 лѣтъ), другое, состоящее изъ 17 хуторскихъ участковъ, всего 171¾ десятинъ, по совершенно невѣроятной цѣнѣ — *16 рублей за десятину*, на условіяхъ: платежъ наличными 290 р. за всѣ 171¾ десятинъ и съ разсрочкой на 6 лѣтъ; такимъ образомъ, если вѣрить г-ну Стаховичу, при годичномъ взносѣ наличными всего около 220 р. (166 р. за первый участокъ и 48 р. — второй) статскій совѣтникъ Петровъ сталъ владѣльцемъ полнаго ценза — 237 десятинъ. Вотъ оно на что пригодился земельный фондъ крестьянскаго банка.

2) На имя трехъ другихъ лицъ фиктивно куплено 700 десятинъ, при чемъ—опять таки по словамъ А. А. Стаховича — «расходы покрыты изъ казенныхъ средствъ,—конечно, изъ тѣхъ, что не подлежатъ государственному контролю (губернская типографія и секретныя)» *).

Неожиданная смерть Столыпина и послѣдовавшее затѣмъ назначеніе г. Крыжановскаго, подъ руководствомъ котораго велись всѣ эти обширныя приготовленія, на высшій постъ внесли въ предвыборныя работы замѣшательство. Нѣкоторыя газеты поспѣшили высказать даже надежду, что послѣдуетъ радикальное измѣненіе плановъ.

„При В. Н. Коковцовѣ нельзя разсчитывать на то, чтобы послѣдовали какія-нибудь указанія на счетъ того, какой элементъ на выборахъ является наиболѣе желательнымъ и заслуживающимъ поддержки. Наоборотъ, данныя при покойномъ премьерѣ указанія если еще не отмѣнены, то будутъ отмѣнены. И мѣстнымъ властямъ будутъ воспрещены заботы о проведеніи тѣхъ или иныхъ кандидатовъ подъ страхомъ законной отвѣтственности“ **).

И самъ А. И. Гучковъ будто бы сказалъ въ клубѣ націоналистовъ: «мы переживаемъ тяжелыя времена,—настали сумерки ***)». Какое распоряженіе напишетъ г. Коковцовъ, и для кого настали сумерки,—это мы еще посмотримъ. А пока перейдемъ къ дальнѣйшему обзору предвыборнаго наслѣдства.

II.

Наслѣдство богатое. Техническія подготовленія обширны, хотя и не удивительны: россійскаго обывателя даже казенными цензами не удивишь. Есть, однако, и для россійскаго обывателя кое-что любопытное въ предвыборномъ наслѣдствѣ. Правительство рѣшило выступать «съ опредѣленными партійными симпатіями». И вопреки

---

*) „Утро Россіи“, 21 и 31 августа; „Рѣчь“, 4 августа и 5 ноября.

**) Тамъ же.

***) „Русское Слово“, 25 октября.

предсказаніямъ о будущихъ циркулярахъ г. Коковцова, я полагаю, что, какъ рѣшено Столыпинымъ, такъ и будетъ. Въ этомъ одно изъ противорѣчій «обновленнаго строя»: правительство стремится сохранить порядокъ, при которомъ власть должна быть внѣпартійной; но такъ какъ въ странѣ нѣтъ достаточной вѣры въ этотъ порядокъ, то самое стремленіе сохранить его является узкимъ партійнымъ дѣломъ. Получается какъ бы желаніе построить изъ кирпичей деревянный домъ. Но такъ ужъ сложилось. Начальство на выборахъ выступитъ, и при томъ съ опредѣленными симпатіями, ибо таковыя у него имѣются, а эти симпатіи по необходимости партійны. Покойный Столыпинъ лишь возвелъ противорѣчіе существующему строю въ обязательную для администраціи систему дѣйствій. Вышла обширная техническая подготовка, диктуемая «опредѣленными партійными симпатіями». Но если вы, не интересуясь техникой, спросите: какова избирательная платформа, формулирующая эти симпатіи, какими лозунгами правительственная партія намѣревается привлечь избирателей, то окажется, что ни платформы нѣтъ, ни лозуговъ пока не имѣется.

Не мудрено, что нѣтъ платформы и лозунговъ для крестьянской, второй городской или рабочей куріи. Это—плебеи, и мѣсто имъ избирательный законъ отводитъ плебейское. Они, сверхъ того, заражены превратными ученіями. Съ плебеями невозможно найти общій языкъ. Да и не въ нихъ сила, не они опора. Есть патриціи, первая курія, полные цензовики. Среди нихъ по преимуществу правительство вынуждено искать себѣ сторонниковъ. Съ ними, казалось бы, правительству легко сговориться. И путь для сговора открытъ. Существуетъ, положимъ, въ N-скомъ уѣздѣ извѣстное количество полноцензовыхъ избирателей. Пусть правительственная партія, какъ бы она ни называлась, предложитъ ихъ вниманію опредѣленную избирательную платформу,—не болтовню на общія темы: еврейское засилье, Россія для русскихъ, русскіе для Россіи и т. д., а именно платформу: вотъ наши основныя цѣли, вотъ чего мы желаемъ добиться въ четвертой Думѣ, вотъ какіе законы намѣрены провести... Понравится платформа полноцензовымъ избирателямъ, и они сами, собственнымъ усердіемъ постараются избрать желательнаго правительственной партіи кандидата. Однако, вмѣсто этого прямого и открытаго пути, мы видимъ путь чрезвычайно извилистый и темный. Дѣловой платформы пока нѣтъ. Попытки сплотить избирателей на почвѣ опредѣленныхъ очередныхъ задачъ не сдѣлано. Дѣловой разговоръ замѣненъ никому ненужной націоналистической болтовней или прямо истерикой. А подъ шумокъ заводятся, напр., «патріотическіе» цензы, которые, естественно, раздражаютъ полноцензоваго избирателя, ибо онъ видитъ въ нихъ покушеніе измѣнить его коллективную волю посредствомъ краплевыхъ голосовъ. Создается цѣлый рядъ неловкостей, недоразумѣній, возникаетъ подобіе войны правительства съ полноцензовымъ изби-

рателемъ. И все это какъ будто потому, что «избирательная канцелярія» г-на Крыжановскаго слишкомъ увлеклась техникой и упустила изъ виду, что на первомъ планѣ должна быть платформа.

Не первый разъ, однако, «избирательная канцелярія» упускаетъ это изъ виду. Дѣловой платформы не было предложено полноцензовымъ избирателямъ и передъ выборами въ третью Думу. Тогда существовала особая платформа,—*психологическая*, на исчезновеніе которой не такъ давно жаловался въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» сотрудникъ «Кіевлянина» г. Савенко:

„Страхъ прошелъ, и недосожженные землевладѣльцы вновь, какъ и въ 1904 г., стали либеральничать, критиковать правительство, осуждать національный курсъ политики... Такихъ недосожженныхъ землевладѣльцевъ довольно много. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ вліятельное положеніе. На предстоящихъ выборахъ эти равнодушные къ родинѣ люди сыграютъ свою ощутительную роль" *).

«Голосъ Москвы» и «Утро Россіи» жалуются на обиліе такихъ же равнодушныхъ къ родинѣ людей среди «русскаго купечества».

„Мы неоднократно указывали, что принадлежность купца къ кадетской партіи, поставившей на своемъ знамени принудительную экспропріацію частной собственности... можетъ быть объяснена лишь недоразумѣніемъ или политическимъ недомысліемъ"... **).

«Мы неоднократно указывали», и тѣмъ не менѣе...

„Какъ это ни странно,—пишетъ „Утро Россіи",—но русское купечество въ массѣ не имѣетъ еще ни своей сознательно-буржуазной психологіи, ни своего государственно-правового критерія. Нерѣдкость встрѣтить въ Москвѣ и, въ особенности, въ провинціи купца, искренно считающаго себя соціалъ-демократомъ; еще чаще встрѣчаются купцы, серьезно поддерживающіе платформы, на знамени которыхъ написано: національзація земельныхъ имуществъ" ***).

Если говорить по настоящему, то и либералы-землевладѣльцы и даже соціалисты-помѣщики были и будутъ, и среди купечества были кадеты и соціалъ-демократы въ 1907 г., есть нынѣ, будутъ въ 1917 г... Но, конечно, не этими частными случаями опредѣляется общее правило. Сложнѣе дѣло.

Переворотъ 3 іюня тѣсно связанъ съ психологіей опредѣленнаго историческаго момента. Широкія массы заражены отрицательнымъ отношеніемъ къ сословной государственности. Но есть слои, которые до крайности напуганы; имъ все равно съ кѣмъ идти: Дурново—такъ Дурново, Столыпинъ—такъ Столыпинъ,—лишь бы «противъ революціи». Такъ опредѣлилось настроеніе во времена второй Думы. И сообразно этому настроенію, г. Крыжановскій распредѣлилъ избирателей: массы—второй разрядъ; крупные собственники (буржуазія и въ особенности землевладѣльцы)—первый разрядъ, «хозяева»; они поставляютъ большинство, они во время

*) Цит. по „Рѣчи", 15 октября.
**) „Голосъ Москвы", 11 октября.
***) Цит. по „Голосу Москвы", 11 октября.

выборовъ играютъ во многихъ отношеніяхъ рѣшающую роль. Это распредѣленіе осталось. Но психологія, съ которой оно связано, существенно измѣнилась. Паника, характерная для крупноцензовыхъ слоевъ въ 1906—7 г.г., по самой природѣ своей не могла быть безконечной. «Хозяева» мало-по-малу освоились съ тѣмъ, что происходитъ, отъ огульнаго страха перешли къ способности различать и оцѣнивать. Правда, революціонное движеніе не прекратилось,—оно лишь измѣнило форму, частью разбилось на мелкіе ручейки, частью ушло на сложную молекулярную работу. Не прекратились и революціонные эксцессы. Экспропріаторство, къ счастью, пошло на убыль, но явились анархическія организаціи «мстителей». Не прекратился и бытовой терроръ. Въ частности, не прекратились и деревенскія «свои средствія». И самый страхъ далеко не исчезъ. Но много значитъ уже одно то, что люди вышли изъ того состоянія, когда «небо съ овчинку кажется». Пять лѣтъ назадъ кое-кому—на лѣвомъ флангѣ—казалось, что очередная задача революціи—прямо перейти въ соціалистическій строй. Другіе—на правомъ флангѣ—полагали, что революціонеры хотятъ отнять у нихъ все имущество, дѣтей выгнать на улицу, женъ въ поневы одѣть и въ судомойки обратить, а мужей обрядить въ зипуны и заставить кули таскать. И для тѣхъ, и для другихъ было время точнѣе оцѣнить дѣйствительное положеніе вещей. Много значитъ и то, что крупноцензовые люди, такъ сказать, перебѣсились: ринулись въ политику, съѣзды да организаціи, взносы, пожертвованія... Десяткамъ, быть можетъ, и сотнямъ людей все это принесло выгоду: темныя деньги, концессіи, гарантіи, субсидіи. Но тысячи, разумѣется, на собственномъ опытѣ изведали, что политика—вовсе не дешевое занятіе: расходы большіе, времени уходитъ бездна, на бюджетѣ-то оно сказывается. Сказывается на бюджетѣ и другое. Г. Савенко сердится, что землевладѣльцы «осуждаютъ національный курсъ политики». Но для того, чтобы осуждать нынѣшнюю политику относительно, напр., евреевъ вовсе не надо быть либераломъ,—достаточно быть, положимъ, кіевскимъ домовладѣльцемъ или дачевладѣльцемъ; да и вообще для землевладѣльца, живѣйше заинтересованнаго хотя бы только въ поддержаніи конкуренціи среди скупщиковъ и торговцевъ, въ существованіи дешеваго посредничества, дешеваго кредита, знающаго свое дѣло ремесленника и т. д., гоненія противъ евреевъ—не такое ужъ выгодное дѣло. И не для однихъ землевладѣльцевъ. Ярмарочные комитеты тоже вѣдь «осуждаютъ національный курсъ политики». И не только національный курсъ бьетъ первую курію по карману. Беру хотя бы такую мелочь. Населеніе настроено враждебно. Его надо разоружить. И разоружаютъ. Установленъ, между прочимъ, сложный разрѣшительный порядокъ для пріобрѣтенія револьверовъ. И оно бы хорошо. Однако, не очень. Прежде — меланхолически пишетъ «Голосъ Москвы»—Тула продавала «ежегодно около 25000 револьверовъ,

теперь же всего 500 штукъ». Недавно появились въ цѣломъ рядѣ губерній (Тульская, Вологодская и др.) обязательныя постановленія, дополнительно стѣсняющія продажу, покупку и храненіе охотничьихъ ружей. И въ «Голосѣ Москвы» читаемъ:

„Страшный переполохъ среди тульскихъ кустарей-ружейниковъ. Около 10.000 мастеровъ-кустарей обречены этимъ распоряженіемъ на безработицу и голодъ. Въ оружейныхъ мастерскихъ и у скупщиковъ на складахъ, которыхъ насчитывается до 50, съ утра до вечера толкутся кустари, кто проситъ работы, кто приноситъ изготовленныя ружья и части ружейныя, въ надеждѣ выручить за нихъ деньги, но владѣльцы принуждены отказывать... Торговля револьверами упала совершенно. Можно съ увѣренностью сказать, что торговля дробовыми ружьями сократилась почти въ такомъ же отношеніи"...—

Словомъ, «вопросъ серьезный»; «отцы и дѣды прадѣды тульскаго кустаря со временъ Петра Великаго кормились выдѣлкой охотничьихъ ружей, они ничего другого дѣлать не умѣютъ»... *) Еще бы не серьезный вопросъ—раззореніе отрасли промышленности, которой живетъ добрая половина губернскаго города. И цѣлый рядъ другихъ серьезныхъ вопросовъ возникаетъ въ связи съ мѣрами, направленными къ разоруженію населенія: размноженіе вредителей (зайцы) и хищниковъ (волки), подрывъ звѣроловнаго промысла, пушной торговли и т. д. Заинтересовавшись данною частностью среди охранныхъ мѣропріятій, «Голосъ Москвы» пишетъ: «необходимо принять экстренныя мѣры», чтобы спасти Тулу отъ экономическаго опустошенія. Но вѣдь такихъ частностей очень много. И не Тулу только надо спасать. Одесса, пожалуй, гораздо болѣе опустошена, и много бы можно насчитать большихъ и малыхъ городовъ, опустошенныхъ ради охранительныхъ надобностей.

Въ послѣднее время крупноцензовые люди въ земствахъ и городскихъ управленіяхъ выступили съ протестами противъ послѣдствій еще одной охранительной частности. «Третій элементъ», какъ извѣстно, вообще элементъ вредоносный. Это окончательно доказано въ 1905 году, когда... Требовалось, очевидно, усилить строгости. И онѣ были усилены, по газетнымъ свѣдѣніямъ, до такихъ размѣровъ: о прошломъ каждаго кандидата, приглашаемаго на земскую или городскую службу, забираются справки, начиная съ 1904 г., какъ по мѣсту службы (въ учрежденіяхъ), такъ и по мѣсту жительства (во всѣхъ полицейскихъ участкахъ, въ районѣ которыхъ находились квартиры кандидата). И только когда всѣми этими справками политическая благонадежность не опорочивается, приглашаемый кандидатъ допускается администраціей. Это незаконно. Для установленія такого порядка понадобилось частнымъ образомъ игнорировать юридическія нормы и сроки. Но что значитъ «юридическая формалистика», когда рѣчь идетъ объ охранѣ? Бѣда лишь въ томъ, что земства и города очутились при огромномъ некомплектѣ необходимѣйшихъ техническихъ силъ. Постоянныя, штатныя долж-

*) „Голосъ Москвы", 8 октября.

ности остаются въ значительномъ числѣ незамѣщенными. А приглашеніе техническаго персонала для надобностей экстренныхъ (выставки, эпидеміи и т. д.) во многихъ случахъ стало дѣломъ невозможныхъ: необходимъ эпидемическій врачъ, но для справокъ о его прошломъ, начиная съ 1904 г., нужны мѣсяцы переписки, и пока переписка окончится, либо эпидемія прекратилась, либо кандидатъ нашелъ уже другое мѣсто. Земство или городское управленіе могутъ, конечно, требовать, чтобы отзывъ губернатора о приглашаемыхъ на службу лицахъ былъ данъ не позже извѣстнаго срока. Но въ теченіе этого срока губернатору нельзя собрать справки, и, руководствуясь обязательными для него инструкціями и циркулярами, онъ устранитъ кандидата въ силу своего дискреціоннаго права. И вотъ сами же крупноцензовые люди выступаютъ съ протестами противъ такого положенія, нелѣпаго, невозможнаго, незаконнаго...

Но развѣ только въ этомъ пунктѣ создалась положеніе и нелѣпое и незаконное? Пять лѣтъ назадъ люди кричали: нечего церемониться, на войнѣ—какъ на войнѣ. При этомъ упускалось изъ виду, что война есть война, т. е. такое состояніе, когда люди дерутся, но не живутъ и не могутъ жить нормальной гражданской жизнью. Охранителямъ понадобилась такая система, которая, опустошая государство, больно бьетъ ихъ самихъ: вѣдь и они часть государства. 5 лѣтъ назадъ была паника. Мало-по-малу должно было явиться чувство, по крайней мѣрѣ, физической боли. Должно было явиться недовольство частностями, необходимыми въ общей системѣ, иногда очень выгодными для отдѣльныхъ группъ, но крайне убыточными для другихъ. На сцену, сверхъ того, выступили естественныя противорѣчія положеній, индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ, взглядовъ, вкусовъ... Охваченные паникой борцы съ революціей кончились. Явились просто обыватели, которые, правда, готовы бороться съ революціей, но которымъ нужно также жить, производить цѣнности, покупать, продавать, имѣть врачей, агрономовъ, инженеровъ, вѣрить въ завтрашній день и т. д. Періодъ, когда значеніе «реформы» 3 іюня опредѣлялось только надобностями внутренней войны, миновалъ. «Реформу» надо примѣнить и къ потребностямъ мирной жизни. А это вовсе не просто.

Каждый соціальный слой, несмотря на внутреннія противорѣчія, конечно, отстаиваетъ свой групповый интересъ. Групповой интересъ—величина устойчивая, но не постоянная: у нея есть свой максимумъ и свой минимумъ. Каждая группа, въ предѣлахъ, допускаемыхъ ся интересами, переживаетъ смѣны настроеній. Даже знаменитые 130.000 помѣщиковъ не представляютъ чуда, всегда равнаго самому себѣ. Это тѣ же люди, у которыхъ мѣняются настроенія, какъ и у всѣхъ другихъ людей. У нихъ есть своя правая, своя лѣвая и свой центръ. Вчера большинству 130.000 помѣщиковъ казалось, что нужная ему истина на сторонѣ правой, и оно шло за такими людьми, какъ гг. Марковъ и Пуришкевичъ. Сегодня настроеніе

измѣнилось, большинству кажется, что нужная ему истина лежитъ лѣвѣе, и оно идетъ за такими людьми, какъ, напр., гг. Хомяковъ и Леоновъ. Никакой тутъ революціи нѣтъ. И нѣтъ отказа отъ своихъ интересовъ. Просто данная группа живетъ такъ же, какъ и все живое.

Представьте, что правительство рѣшило бы наполнить Думу избранниками только этихъ ста тридцати тысячъ. Такъ какъ групповой интересъ этой опоры есть величина устойчивая, то и политика правительственная пріобрѣтетъ, разумѣется, извѣстную устойчивость и опредѣленность. Однако, правительству нужна была бы и гибкость, достаточная, чтобы лавировать между внутренними противорѣчіями опоры и приспособляться къ ея колеблющимся настроеніямъ. Ему надо такъ или иначе ладить съ опорой и тогда, когда она въ большинствѣ на сторонѣ Маркова, и тогда, когда ея большинство на сторонѣ Хомякова. Иначе неминуемъ затяжной конфликтъ между властью и ея соціальной базой. Уже одно это было бы не просто. Но вѣдь опора не только сто тридцать тысячъ, настроеніе которыхъ, повидимому, измѣнилось. Опора еще—торгово-промышленный классъ, настроеніе котораго также измѣнилось. Вотъ еще недавно «Москва слушалась» г. Крестовникова, а теперь «не слушается». Крупноцензовая «русская» Одесса еще недавно шла нога въ ногу съ генераломъ Толмачевымъ, а послѣдніе 3—4 мѣсяца воевала противъ него. И опять тутъ нѣтъ никакихъ революцій: обыкновенная смѣна настроеній въ предѣлахъ, допускаемыхъ групповымъ интересомъ... Имѣя дѣло съ двухсоставной опорой, правительство, очевидно, должно обладать еще большей гибкостью, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Оставаясь устойчивой, поскольку устойчивы соціальные интересы опоры, политика власти, однако, должна быть построена на возможности колебаній и вправо, и влѣво. Представьте, далѣе, что правительство задалось цѣлью сплотить опору на почвѣ опредѣленной платформы на выборахъ. Очевидно, оно должно уловить господствующее настроеніе и примѣнительно къ нему строить свои планы и разсчеты. Но вотъ этого-то «примѣнительно» «обновленнымъ строемъ» и не предусмотрѣно. Онъ построенъ на иныхъ началахъ: власть дѣйствуетъ, охраняя устойчивые интересы опоры, а послѣдняя содѣйствуетъ; не правительство должно вести политику достаточно гибкую, чтобы вмѣщать, въ случаѣ надобности, и правыя, и лѣвыя настроенія опоры, а опора должна обладать гибкостью, чтобы поддерживать разъ навсегда принятый курсъ и слѣдовать за его случайными колебаніями. Начала явно несостоятельныя. Можно быть разныхъ мнѣній о 130.000 помѣщикахъ и россійской буржуазіи. Но это не политиканскіе кружки, именующіе себя партіями октябристовъ, націоналистовъ и т. п.; это—настоящія соціальныя величины. Возможныя въ нихъ колебанія настроеній зависятъ отъ сложныхъ стихійныхъ причинъ. И дико думать, будто цѣлый общественный слой можетъ под-

чинять свои настроенія капризамъ очередныхъ министровъ. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, если даже правительство откажется отъ очевидно несостоятельнаго принципа, оно все таки не можетъ вести достаточно гибкую политику. Къ этому пороку и къ другимъ несообразностямъ мы скоро перейдемъ. А пока и сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы понять, почему офиціозные публицисты заранѣе сердятся на избирателей перваго разряда. «Недосожженные», молъ... И въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы просто, если бы опора все время неизмѣнно оставалась въ паническомъ ужасѣ. Не даромъ профессіональные политиканы въ послѣдніе мѣсяцы по всякому поводу и даже безъ всякаго повода кричатъ о возрожденіи революціоннаго натиска: неизвѣстные люди по неизвѣстнымъ мотивамъ убили прокурора Скопинскаго,—видимое дѣло, революція; грузчики забастовали,—ага, опять «начинается, какъ было и въ 1904 году»; загадочная перестрѣлка въ керченскомъ крѣпостномъ районѣ—значитъ, революціонныя «нападенія на пороховые погреба и патронные склады начинаютъ пріобрѣтать эпидемическій характеръ и поражаютъ своею дерзостью и продуманностью» *)... Эхъ, кабы запугать... Но запугать не такъ-то просто. И создалось положеніе, едва ли удобное: у власти есть соціальная база, въ которой правительство, т. е. активный органъ той же власти, находитъ «критику», неудовольствіе, а тогда о противодѣйствіе. Очевидно, надо думать, гдѣ выходъ изъ этого положенія.

III.

По мнѣнію виднѣйшихъ идеологовъ охранительнаго лагеря (Левъ Тихомировъ, кн. Мещерскій и др.), закономѣрнаго выхода нѣтъ и быть не можетъ. Плохъ избирательный законъ 3 іюня, но еще хуже основные законы 1906 г. Въ нихъ корень зла. И всѣ усилія надо направить на «избавленіе Россіи отъ доказанно вредныхъ и опасныхъ послѣдствій этой неудачной конституціи» (слова г. Л. Тихомирова). Не о выборахъ надо думать,—необходимъ прежде всего радикальный пересмотръ основныхъ законовъ. Необходимо, чтобы власть облекла себя учредительными диктаторскими полномочіями. Если вѣрить «Новому Времени», то и покойный Столыпинъ признавалъ «всѣ эти теоретическія разсужденія» «прекрасными»; онъ лишь полагалъ, что они «на практикѣ оказались бы злостною провокаціей и началомъ новой революціи». Въ прессѣ—и особенно октябристской—этотъ обмѣнъ мнѣній понятъ въ томъ смыслѣ, что вотъ де Левъ Тихомировъ стремится къ возрожденію абсолютизма, а покойный Столыпинъ защищалъ хоть куцую, но конституцію. Въ дѣйствительности вопросъ, разумѣется, гораздо слож-

*) „Голосъ Москвы“, 26 августа.

нѣе. Не одни охранительные идеологи признаютъ, что изъ создавшагося положенія нѣтъ закономѣрнаго выхода. Сколько помнится, какъ-то П. Н. Милюковъ высказывалъ, что 3 іюня есть такой клинъ въ русской жизни, который едва ли можетъ быть устраненъ закономѣрными способами. А пути незакономѣрнаго устраненія, разумѣется, ближе для власти, чѣмъ для ея антагонистовъ. Въ послѣдніе мѣсяцы я присматриваюсь, на сколько это для меня доступно, къ предвыборнымъ настроеніямъ провинціи. «Правая сторона» готовится къ выборамъ. Лѣниво готовится къ выборамъ и «сторона лѣвая». У правительства нѣтъ лозунговъ. Нѣтъ лозунговъ и въ прогрессивной части, по крайней мѣрѣ, провинціальнаго общества. Не дать отпора «черной сотнѣ» нельзя и обидно, но настоящаго дѣла ждать не приходится. «Помѣщики свое возьмутъ». Если бы даже четвертая Дума оказалась прогрессивной,—«все равно черезъ Государственный Совѣтъ не перепрыгнешь».

— Помилуйте! Старовѣрская свобода въ Государственномъ Совѣтѣ погибла. Волостное земство называютъ революціей. Десятимилліонную ассигновку на народныя школы тормазятъ. О чемъ тутъ можно разговаривать?

Съ разныхъ сторонъ можно подходить къ мыслямъ о переворотѣ. Съ разныхъ точекъ зрѣнія можно, стало быть, и опасаться рекомендуемаго г. Л. Тихомировымъ выхода. Что собственно предлагается измѣнить? Въ 1905 и 1906 г. былъ натискъ. Основательно опасаясь, что первая Дума будетъ органомъ освободительнаго движенія, гр. Витте противопоставилъ ей Государственный Совѣтъ, наполненный въ большинствѣ высшей бюрократіей, крупнѣйшимъ землевладѣніемъ, представителями крупнѣйшей буржуазіи; на придатокъ представители ученыхъ корпорацій и т. д. Получился великолѣпный, съ охранительной точки зрѣнія, заслонъ. Что такое, напр., крупнѣйшее землевладѣніе, которому отведено значительное число мѣстъ въ Государственномъ Совѣтѣ? Это даже не 130.000. Это гораздо болѣе тѣсный кругъ лицъ, даже очень тѣсный,—почти каста внутри сословія. Его групповые интересы очень узки. Возможныя колебанія настроеній въ немъ крайне ничтожны. Такой же узкой по своимъ соціальнымъ интересамъ, почти профессіональной группой являются и чины высшей бюрократіи. Черезъ этотъ заслонъ, дѣйствительно, не перепрыгнешь. Но вѣдь не только снизу не перепрыгнешь. Гр. Витте поставилъ великолѣпную преграду не одному освободительному движенію, солидная преграда создана и для правительства. Гр. Витте, соорудивъ защитную твердыню, несомнѣнно, ограничилъ власть,—ограничилъ не только юридически, но и реально, ибо ей противопоставлена сплоченная организованная сила реакціоннѣйшихъ элементовъ страны. Юридическія ограниченія имѣютъ лишь формальный характеръ, это—буква. Но организованная,

сплоченная реакція въ обстановкѣ тѣхъ бытовыхъ условій, въ какихъ живутъ руководящія сферы, сила огромная и страшная.

Съ именемъ П. А. Столыпина связано дальнѣйшее усовершенствованіе обороны противъ прогрессивныхъ элементовъ страны: Дума превращена въ представительство извѣстныхъ соціально-охранительныхъ группъ, которымъ отведено большинство мѣстъ въ Таврическомъ дворцѣ. Появилось двѣ твердыни, противопоставленныя освободительному движенію. Но что получилось для самой власти? Во-первыхъ, правительство, кто бы ни былъ премьеромъ—Столыпинъ или Коковцовъ,—должно вести политику упругую и прямолинейную, какъ требуетъ сплоченная реакція; но его политика должна быть достаточно гибка, чтобы сообразоваться съ измѣнчивыми настроеніями широкихъ круговъ землевладѣнія и буржуазіи. Не удовлетворишь первому условію,—«шептуны» загрызутъ. А угодишь «шептунамъ»,—съ опорой въ болѣе широкомъ смыслѣ окажешься въ конфликтѣ. Во-вторыхъ, власть вынуждена такъ или иначе сообразоваться съ группами, не на столько значительными, чтобы ихъ соціальный интересъ во многихъ отношеніяхъ совпадалъ съ интересомъ общегосударственнымъ; и въ то же время это не случайныя группы, интересы которыхъ могутъ во всѣхъ отношеніяхъ не совпадать съ общегосударственнымъ интересомъ. Во многихъ отношеніяхъ интересы противоположны; во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ... Что это значитъ и что отсюда слѣдуетъ? Поясню примѣромъ. Государству нужно, положимъ, развитіе народнаго образованія. Оно нужно и торгово-промышленному классу, и бюрократіи, и дворянству. Въ этомъ пунктѣ групповые и государственные интересы совпадаютъ. Но развитіе народнаго образованія ведетъ къ распространенію эгалитарныхъ идей, увеличиваетъ тѣмъ самымъ шансы освободительнаго движенія, которое одному элементу опоры грозитъ общественнымъ контролемъ, другому отмѣной сословныхъ привилегій, третьему—уничтоженіемъ воспособленій... Съ этой точки зрѣнія групповый и общегосударственный интересы не только не совпадаютъ, но и прямо противоположны. И вслѣдствіе этого власть попадаетъ въ странное положеніе: если она противодѣйствуетъ народному образованію, охранительныя группы кричатъ: что же это такое, куда мы идемъ? Если она содѣйствуетъ, тѣ же группы подымаютъ крикъ: вѣдь это дорога къ крушенію, въ пропасть. Туда нельзя, но и сюда нельзя. И отъ большихъ вопросовъ правительство отдѣлывается мизерной ассигновкой въ 10 милліоновъ рублей, стараясь демонстративно выторговать изъ нея 2 милліона; да и эта ассигновка застряла въ Совѣтѣ.

Беру другой примѣръ. Въ современныхъ намъ условіяхъ интересы государственной независимости требуютъ приспособленія къ милитаризму международной политики. Того же требуютъ и групповые интересы россійской буржуазіи, россійской бюрократіи,

россійскаго дворянства. Но современная намъ международная военная техника возникла въ освобожденной отъ абсолютизма Европѣ. За этой техникой стоятъ: свободная наука, высокое культурное развитіе массъ, свободная иниціатива, высокое чувство отвѣтственности, серьезно организованный государственный и общественный контроль, точность разсчетовъ, невозможная при существованіи личнаго произвола, бюджетное право парламентовъ, устранившее бюджетный хаосъ и безхозяйственность полицейской государственности... Англія—богатѣйшая изъ странъ. Но устраните въ ней хотя бы только бюджетное право парламента и начнется безхозяйственное таяніе государственныхъ средствъ, исключающее возможность тратить ежегодно сотни милліоновъ и на культурныя нужды, и на постройку дредноутовъ. Устраните свободу печати, собраній, общественныхъ организацій,—и англійскіе Виккерсы станутъ не лучше россійскихъ. Военная техника нынѣшней Европы—во многихъ отношеніяхъ ужасное, но законное дитя правового строя. И кому нужно имѣть этого ребенка, тому необходимо имѣть и его родителей. Пока въ Россіи нѣтъ правового строя, принятаго конкурирующими съ нею культурными странами, ея оборона не можетъ быть поставлена на высоту, сообразную величинѣ государства, открытости его границъ, сложности его международныхъ отношеній. Но что значитъ правовой строй въ Россіи? Созовите у насъ настоящее народное представительство, предоставьте ему дѣйствительное бюджетное право, а не карикатуру на него, не «забронированный бюджетъ», придуманный гр. Витте, что тогда произойдетъ съ бюрократическими штатами, пенсіями, секретными суммами, расходами государства на сословный кредитъ, субсидіями и подачками, за счетъ которыхъ питаются многіе промышленники? Предоставьте странѣ свободу печати, собраній, личную неприкосновенность и т. д. Общественное мнѣніе станетъ не хоромъ разрозненныхъ индивидуальныхъ мнѣній, а организованной силой. Но кто сомнѣвается, что значительная доля общественнаго вниманія уйдетъ все на тѣ же основные вопросы—равноправіе и обезпеченіе быта малоземельныхъ и безземельныхъ. И едва-ли можно сомнѣваться, что для общественной мысли возможны только положительные отвѣты на эти вопросы. Равноправіе есть само по себѣ одно изъ необходимыхъ условій правового строя. Неустройство быта малоземельныхъ и безземельныхъ есть государственное бѣдствіе, а въ Россіи, при ея обширной территоріи и огромныхъ естественныхъ богатствахъ, это и недопустимый абсурдъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ были охотники утверждать, будто не находящую нынѣ примѣненія трудовую энергію, «свободныя рабочія руки», поглотитъ индустрія. Нынѣ сами промышленники признаютъ и не скрываютъ, что рабочихъ рукъ заводы и фабрики могутъ вмѣстить не больше, чѣмъ допускаетъ емкость внутренняго рынка, и что нѣтъ надежды на завоеваніе рынковъ

внѣшнихъ, подобныхъ тѣмъ, какими питается безземельный и малоземельный людъ Германіи, Франціи, Англіи и т. д. Можетъ быть споръ о формахъ рѣшенія вопроса, о содержаніи и характерѣ закона, отвѣчающаго на этотъ вопросъ, но нельзя вынести отрицательный отвѣтъ. Это инстинктивно понимаютъ крестьяне, — они упорно твердятъ понынѣ: «какъ тамъ ни верти, а безъ земельки нельзя», «такъ ли, сякъ ли, а земля будетъ», «земли не будетъ—и Россіи не будетъ». И стоитъ лишь дать положительный отвѣтъ «насчетъ земельки», и сразу станетъ ясной необходиость обезпокоить, по крайней мѣрѣ, владѣтельцевъ лятифундій, въ кабинетахъ которыхъ пишутся пьесы, разыгрываемыя объединеннымъ дворянствомъ, союзомъ русскаго народа и иными подобными «оплотами». Ясное дѣло — правовой строй недопустимъ. А если онъ недопустимъ, то и удовлетворительная постановка государственной обороны недостижима. А разъ она остается недостижимой, тотъ же «мануфактурный король Россіи» г. Кнопъ, которому «Московскія Вѣдомости» приписывали авторскія права на «программу» г-на Гучкова, тѣ же Крестовниковы, тѣ же Шереметевы подымаютъ шумъ: гдѣ возрожденіе арміи и флота? Почему за 6 лѣтъ ничего въ сущности не сдѣлано? Ахъ какое, дескать, бездарное правительство! Ахъ, какіе, дескать, ничтожные министры! Правительство старается сдѣлать хоть что-нибудь. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ обѣщанное время спустило въ невскую воду четыре желѣзныхъ коробки, которыя хотя и объявлены уже офиціально броненосцами, но будутъ таковыми впослѣдствіи, когда удастся изготовить и поставить на мѣсто машины, броню, вооруженіе; правительство въ Николаевѣ въ назначенный срокъ торжественно совершило закладку еще трехъ «дрэдноутовъ», потомъ, послѣ закладки, приступило къ окончательному разсмотрѣнію и утвержденію чертежей, къ срытію горы, возлѣ которой совершена закладка, къ постройкѣ на мѣстѣ этой горы тѣхъ приспособленій, которыя необходимы для сооруженія заложенныхъ дрэдноутовъ... И тѣ же охранители, на совѣсти которыхъ должны лежать столь демонстративныя выступленія, пожимаютъ плечами и фыркаютъ: скандалъ! Богъ знаетъ что! Положительно необходима и еще одна смѣна морского министра...

Такое же по существу положеніе создалось и на почвѣ исключительныхъ положеній. Для защиты групповыхъ интересовъ они при данныхъ условіяхъ необходимы. Для государства они вредны. Въ этомъ пунктѣ групповой и государственный интересы противоположны. Но надо стать инороднымъ тѣломъ въ государствѣ, чтобы довести эту противоположность до ея логическаго конца и не почувствовать при этомъ никакихъ неудобствъ. Такія инородныя тѣла въ Россіи имѣются: у насъ создалась цѣлая профессія политическихъ лакеевъ, которые никакого другого промысла не имѣютъ и живутъ только за счетъ суммъ, коими оплачивается ла-

кейство. Этимъ проходимцамъ рѣшительно все равно: чѣмъ бѣдственнѣе состояніе государства, тѣмъ для нихъ лучше. Это—черви, которые грызутъ больного заживо, и для которыхъ настоящій праздникъ наступаетъ тогда, когда больной умираетъ и организмъ превращается въ трупъ. Не о проходимцахъ у насъ теперь рѣчь. Иныя бытовыя группы пьютъ шампанское, когда страна облекается въ трауръ; бываетъ, что день національнаго горя для нихъ является праздникомъ, и національный праздникъ—днемъ скорби. Къ сожалѣнію, даже часто бываютъ эти плясы на похоронахъ и плачъ на свадьбахъ. Но, какъ бы ни была склонна та или иная бытовая группа подражать дураку народной сказки, все же для нея есть предѣлъ, и предѣлъ этотъ въ томъ, что хоть въ нѣкоторыхъ пунктахъ ея групповой интересъ совпадаетъ съ интересомъ общегосударственнымъ. Все хорошо, а какъ дойдетъ до этого пункта, такъ и становится больно, скверно. Паспортныя строгости — вещь прекрасная, но когда изъ-за нихъ купецъ терпитъ стѣсненія и убытки, онъ начинаетъ браниться: помилуйте, вѣдь за границей... Обязательныя постановленія—тоже штука великолѣпная, нужная; но если они бьютъ по карману, то, сами посудите, можно ли не возмущаться: когда же, наконецъ, наше правительство водворитъ порядокъ, основанный на законѣ?.. Полицейскіе стражники—прямо таки благодѣяніе: чуть кто запрекословитъ—моментально въ тигулевку. Но когда тѣ же стражники самимъ дворянамъ «показываютъ дворянство», то... «Куда смотритъ правительство? Почему оно допускаетъ такія безобразія?». И такъ какъ послѣдствія чрезвычайныхъ положеній самими охранителями больно чувствуются на каждомъ шагу, то отдѣльные выкрики сливаются въ сплошной крикъ. Дошло до того, что значительная часть думскаго большинства голосовала за запросъ о незакономѣрности исключительныхъ положеній. Запросъ принятъ. И онъ ставитъ правительство въ очень щекотливое положеніе. Закономѣрностью, дѣйствительно, и не пахнетъ: положеніе объ охранахъ объявлено закономъ въ 1881 г. на 25 лѣтъ; срокъ этотъ окончился въ 1906 г.; законъ пересталъ быть закономъ, его нельзя было ни подтвердить, не внося въ Думу, ни внести въ Думу (первую и вторую), гдѣ его, разумѣется, отвергли бы, ни объявить по 87 статьѣ, ибо вторая Дума поступила бы съ нимъ такъ же, какъ съ положеніемъ о военно-полевыхъ судахъ. Оставалось праву противопоставить фактъ и силу. Это и сдѣлалъ Столыпинъ. Съ этого началъ премьерскую карьеру и г. Коковцовъ. Словомъ, правительство виновато,—на оцѣнку значительной части даже думскаго большинства. Но если оно не станетъ расправляться съ «крамольниками», такъ же, какъ расправилось думское большинство въ самый моментъ принятія запроса съ московскимъ депутатомъ Тесленкомъ за цитату изъ Іеллинека, то будетъ еще больше виновато. Если г. Коковцовъ, въ самомъ дѣлѣ, захочетъ сократить дѣйствіе

исключительныхъ положеній, его загрызутъ. Оставить все, какъ есть,—его тоже будутъ грызть и при первой возможности свалятъ. Его преемникъ также будетъ во всемъ виноватъ и никого не удовлетворитъ.

Правительство превратилось въ организацію, обреченную привлекать раздраженіе и тѣхъ, противъ кого оно воюетъ, и тѣхъ, за кого оно воюетъ. Охранители проклинаютъ гр. Витте, хотя для нихъ онъ ничего плохого не сдѣлалъ: онъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ слова спасъ. Охранители проклинаютъ Столыпина и уже начали проклинать Коковцова. Правительство не въ силахъ споютить столь оригинальную опору. Оно не можетъ удовлетворить ея групповой эгоизмъ, ибо послѣдній во многихъ отношеніяхъ противорѣчитъ государственнымъ интересамъ, которые далеко не безразличны и для правительства, и для самихъ охранителей. И, наоборотъ, выдвинувъ интересы общегосударственнаго порядка, оно неминуемо упрется въ групповой эгоизмъ. Руководящая законодательная политика превратилась въ политическое бездѣлье, наполненное вермишелью. Чтобы скрасить пустоту такого бытія, приходится устраивать бумъ-думмъ-политику,—политику законодательныхъ эксцессовъ, демонстративнаго наскока на здравый смыслъ и установленныя понятія о правѣ.

За покойнымъ Столыпинымъ было важное преимущество: не имъ установленъ «обновленный строй», но фактически онъ собралъ «хозяевъ», онъ ввелъ ихъ во владѣніе. Это помогало ему сохранять тонъ «домовладыки». У преемниковъ Столыпина—и настоящихъ и будущихъ—нѣтъ основанія для домовладыческаго тона: они приходятъ на готовое, не они, а ихъ вводятъ во владѣніе «хозяева»; и даже г. Коковцовъ, старый министръ, достаточно, казалось бы, всѣмъ извѣстный, на первыхъ же шагахъ подвергся допросу съ пристрастіемъ: отъ него довольно таки нагло потребовали доказать, въ порядкѣ ли у него «національное чувство», вполнѣ ли онъ православный. И нельзя сказать, что г. Коковцовъ пренебрегъ этими требованіями. Не трудно предвидѣть дальнѣйшее логическое развитіе столь недвусмысленныхъ посылокъ: поставленное между врагами слѣва и раздраженными наскоками справа, лишенное возможностей политическаго творчества, правительство обречено на состояніе неустойчиваго равновѣсія; его авторитетъ долженъ катиться по наклонной плоскости. Это ненужно и вредно самой реакціи. И съ своей точки зрѣнія кн. Мещерскій имѣетъ полное основаніе желать, чтобы сооруженія гр. Витте и Столыпина были упразднены, а реакціонная оппозиція и реакціонная фронда—возвращены въ то первобытное, раздробленное состояніе, которое можетъ быть охарактеризовано словами Фамусова.

А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ: что слово приговоръ!
Вѣдь, столбовые все; въ усъ никому не дуютъ

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!

Всегда вѣдь такъ было: влѣво правительство повернетъ — «наши старички» по губерніямъ и клубамъ кричали, что «Россія гибнетъ»; повернетъ правительство вправо — «наши старички» въ сущности очень довольны, но фрондируютъ; нѣтъ поворотовъ, правительство просто занято текущими дѣлами,—старички все таки «придерутся къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему, поспорятъ, пошумятъ и разойдутся». И правительству не такъ ужъ важно, о чемъ шумятъ и спорятъ въ Крутогорской губерніи «прямые канцлеры въ отставкѣ по уму»,—если крутогорскіе канцлеры будутъ какъ встарь, просто расходиться по домамъ, а не заполнять политическіе салоны Петербурга, если они лишатся возможности систематическаго ежедневнаго вмѣшательства въ правительственныя политическія дѣла.

Цѣною того, что предлагаетъ г. Тихомировъ, правительство выиграетъ въ смыслѣ независимости и устойчивости. Но выиграть нельзя, не принося жертвъ и не рискуя. Если, дѣйствительно, покойный Столыпинъ видѣлъ въ переворотѣ революціонную опасность, онъ былъ правъ: ослабивъ или упразднивъ установленія, сдѣлавшіяся цитаделью реакціи, правительство неминуемо измѣнитъ созданное равновѣсіе въ благопріятную для освободительнаго движенія сторону. Желѣзная логика о борьбѣ антагонистовъ: если хочешь сопротивляться освободительному движенію, то долженъ стремиться къ возможно большему господству реакціонныхъ элементовъ. Безъ переворота скверно и переворотъ скверно... Жизнь привела покойнаго Столыпина къ промежуточному выходу, диктуемому инстинктами самосохраненія. Въ организованное представительство групповыхъ интересовъ мало-по малу начали вклиниваться: деверья, шуровья, націоналисты, казенные цензы... Говоря иначе, опредѣлилось стремленіе къ замѣнѣ крутогорскихъ «канцлеровъ» Молчалиными, реакціонеровъ, сидящихъ на землѣ и все таки связанныхъ съ ея интересами,—политическими лакеями. Перманентный «нажимъ» на основные законы 1906 г., — вмѣсто предлагаемаго г. Л. Тихомировымъ открытаго ниспроверженія ихъ. Интрига личной политики—вмѣсто предлагаемой г. Тихомировымъ диктатуры. Введеніе крапленныхъ картъ въ игру — вмѣсто учредительныхъ функцій, которыя, по убѣжденіямъ г. Тихомирова, власть должна взять на себя. Вотъ что скверная практика жизни противопоставила «прекраснымъ теоріямъ» охранительныхъ идеологовъ.

Легко, однако, понять, что этотъ выходъ никакой и никуда. Онъ не улучшаетъ, а ухудшаетъ положеніе. Замѣна «канцлеровъ» Молчалиными нужна только для думскихъ и совѣтскихъ голосованій. Въ жизни это равносильно борьбѣ съ опорой и полному одиночеству правительства... Такой выходъ изъ безвыходнаго положенія лишь обостряетъ необходимость вернуться къ тѣмъ основ-

нымъ вопросамъ, перерѣшить которые рекомендуетъ въ числѣ прочихъ г. Левъ Тихомировъ.

Никуда не уйдутъ отъ основныхъ вопросовъ охранительныя группы. Къ основнымъ вопросамъ не могутъ не возвращаться даже тѣ реакціонеры, которые понимаютъ, сколь выгоденъ для нихъ «обновленный строй». Полагаю, никуда не уйдутъ отъ основныхъ вопросовъ и прогрессивные элементы страны,—даже тѣ наиболѣе умѣренные средніе русскіе люди, которымъ, быть можетъ, очень хотѣлось бы успокоиться.

IV.

«Прекрасныя теоретическія разсужденія»... Такъ, по словамъ «Новаго Времени», отозвался Столыпинъ 9 іюля 1911 года на письменное предложеніе г. Льва Тихомирова ниспровергнуть основные законы (оговорку покойнаго относительно практической стороны дѣла мы уже видѣли). 9 іюля—разгаръ начатыхъ предвыборныхъ работъ. По этому можно судить, съ какимъ чувствомъ правительство везло возъ и ожидало 4-ую Думу. Еще не родилась, но уже въ достаточной мѣрѣ постыла. Повторяю, не видно, чтобы съ особеннымъ воодушевленіемъ подходило къ выборамъ и общество. Въ первую Думу средніе слои шли съ намѣреніемъ писать конституцію. До 25 апрѣля—день появленія основныхъ законовъ,—ее называли «Думой съ учредительными функціями». Вторая Дума прошла подъ знакомъ собиранія и организаціи силъ. Ея большинство предполагало вести «осаду»,—но опять для рѣшенія основныхъ вопросовъ правовыхъ и соціальныхъ. Третью Думу выбирали, когда въ обывательскіе умы стала прокрадываться мысль, что основные вопросы въ сущности уже рѣшены:

— Не по нашему, но что жъ дѣлать? Мы стали на якорь,—и быть можетъ, надолго. Невесело, но могло быть и хуже. Все таки «у насъ есть конституція»,—неважная, ухудшеннаго прусскаго образца,—но на большее, если принять во вниманіе, что мы живемъ на востокѣ отъ Пруссіи, пока нельзя и разсчитывать.

Эта иллюзія нашла себѣ апологетовъ и идеологовъ въ либеральной печати. На разные лады стали повторяться аргументы: почти всѣ государства переживали на переходѣ отъ абсолютизма къ правовому строю періодъ призрачнаго конституціонализма; мы также обречены пережить его; и нельзя слегка относиться къ призрачной конституціи; благодаря ей мало-по-малу и общество, и власть привыкнутъ къ соблюденію конституціонной формы, ея начала войдутъ въ правосознаніе, въ нравы, возникнутъ правовыя представленія, не позволяющія игнорировать извѣстныя формальности; тогда возникнетъ и конституціонное существо... О людяхъ, впавшихъ въ разочарованіе, говорятъ, что они ищутъ утѣшенія въ вѣрѣ. Лѣтъ

20 назадъ такую вѣру дали ложно понятые законы историческаго матеріализма: погодите, Россія «выварится въ фабричномъ котлѣ» у насъ появится крѣпкая буржуазія,—тогда придетъ и правопорядокъ. Теперь утѣшеніе было найдено въ принципахъ психологической теоріи права—впрочемъ, опять-таки ложно понятыхъ.

Дѣйствительность на каждомъ шагу давала понять, что правосознаніе массъ воспитывается создавшимися условіями отнюдь не въ конституціонномъ направленіи. Но вѣра оставалась вѣрой. Крупный ударъ ей нанесло появленіе «яркой политики» и рожденныхъ послѣднею націоналистическихъ законопроектовъ. Осенью прошлаго года «всеобщій думскій любимецъ», московскій депутатъ г. Маклаковъ давая отчетъ избирателямъ, заявилъ о «глубокомъ разочарованіи»:

— «Ожиданія насъ обманули». Третья «Дума начала ухудшать положеніе. Изъ безполезной она стала становиться вредной» *).

И, конечно, не одинъ г. Маклаковъ «глубоко разочаровался». Отъ попытокъ найти виноватаго, отъ упрековъ «въ измѣнѣ» по адресу октябристовъ либеральная печать мало-по-малу перешла къ оцѣнкѣ рухнувшихъ надеждъ по существу. Надѣялись на конституцію ухудшеннаго прусскаго образца (безземельную, октябристскую, которая впослѣдствіи, Богъ дастъ, станетъ мирнообновленческой). Но возможна ли въ Россіи конституція? По нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ, считаю нужнымъ напомнить, что этотъ вопросъ, но въ иной формѣ: возможна ли въ Россіи октябристская конституція, мнѣ пришлось поставить въ началѣ дѣятельности третьей Думы, въ разгаръ либеральныхъ надеждъ на нее. 3 года назадъ я писалъ, что октябристская (безъ земли) конституція въ Россіи невозможна, ибо нѣтъ у насъ того соціальнаго слоя, на который она могла бы опереться: трудовая масса къ ней холодна, дворянству всего важнѣе субсидіи, буржуазія и слишкомъ слаба, и слишкомъ зависима отъ экономической политики абсолютизма... Теперь для либеральной печати пришла очередь вспомнить тѣ же аргументы, но она такъ освѣтила и такъ окрасила ихъ, что исчезли оттѣнки, полутоны, опрокинуты понятія о перспективѣ, и получился лубокъ на славу. Я говорилъ, что у насъ нѣтъ соціальной почвы для октябристской или мирнообновленческой безземельной конституціи. По мнѣнію, напр., кн. Евгенія Трубецкого, въ Россіи нѣтъ «соціальнаго базиса» для всякаго вообще правового порядка.

„У насъ еще не выросъ тотъ общественный слой, который былъ бы въ состояніи держать на себѣ и питать своими соками прогрессивную общественность".

„Насъ губитъ слабое, зачаточное развитіе тѣхъ среднихъ слоевъ общества, которые могли бы послужить проводникомъ правовыхъ началъ въ жизнь".

Вся бѣда въ томъ, что въ Россіи есть только двѣ дѣйствительно мощныя «реальныя историческія силы»: 1) крестьянство и проле-

---

*) Цит. по „Русской Мысли", февраль 1911 г.

таріатъ,—«крайняя демократія пугачевско-эсеровскаго или пугачевско-эсдековскаго типа»; 2) бюрократія и землевладѣльцы,—«крайняя олигархическая реакція дворянско-чиновничья». Вотъ почему, между прочимъ, не осуществлены и свободы, обѣщанныя манифестомъ 17 октября:

„чтобы эти свободы стали фактомъ, необходимо преодолѣніе не только реакціи, но и пугачевщины—обѣихъ антиправовыхъ крайностей нашей жизни".

«Необходимо преодолѣніе»... И преодолѣть могъ бы только либерализмъ, но подъ либерализмомъ нѣтъ сильнаго «соціальнаго базиса». И такимъ образомъ переходъ къ правовому строю—въ настоящее время задача неразрѣшимая.

Назвать пугачевцами — въ бранномъ смыслѣ этого слова — многомилліонную массу тружениковъ, значитъ, не только прибѣгнуть къ пріемамъ лубочной живописи, но и публично совершить неприличіе. Надо, однако, сказать, что и это неприличіе, и весь этотъ суздальскій пессимизмъ психологически понятенъ и неизбѣженъ. 60—70 лѣтъ назадъ тѣ либералы, которые настаивали на освобожденіи безъ земли, не имѣли подъ собою почвы,—нерѣдко даже крестьяне находили, что лучше иго, чѣмъ такая «свобода». Но были другіе либералы, которые считали необходимымъ не только отмѣнить то право частной собственности, объектомъ коего являлись человѣческія души, но и обезпечить бытъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости крестьянства земельнымъ надѣломъ; и проекты этихъ либераловъ имѣли подъ собою очень солидную почву. Теперь на очереди «увѣнчаніе неувѣнчаннаго»—продолженіе стараго вопроса, сохранившаго отчасти и старую форму: конституція безъ земли или конституція съ землей. Такъ же, какъ прежде, первая беземельная конституція есть безпочвенная попытка создать прочныя правовыя отношенія, не обезпечивая въ земледѣльческой странѣ хозяйственный бытъ земледѣльской массы. По прежнему, въ нѣдрахъ самого либерализма сложилось теченіе, основанное на мысли, что правовой и хозяйственный вопросы надо рѣшать одновременно и параллельно. Можно обвинять кадетовъ, что они недостаточно понимаютъ всю важность этой мысли, недостаточно послѣдовательно проводятъ ее, но ихъ проектъ, конечно, имѣетъ подъ собою почву. Однако, еще 5 лѣтъ назадъ нѣкоторыми либералами, въ родѣ кн. Е Трубецкого рѣшено, что даже этотъ, кадетскій, проектъ слишкомъ «радикаленъ», неосуществимъ, ибо встрѣчаетъ сильный отпоръ справа и сверху, да, пожалуй, и нежелателенъ. Среди самихъ кадетовъ нашлись охотники смотрѣть на «принудительное отчужденіе», какъ на увлеченіе молодости. Усталость—коварный совѣтчикъ. А именно, она то и нашептывала, что пора, дескать, трезво учитывать «реальности», не прать противу рожна, не желать невозможнаго,—«удержали октябристскую конституцію», и ту дай Богъ отстоять... Но когда и «октябристы обманули», то ничего другого не осталось, какъ придти къ выводу:

— Значитъ, правовой строй въ Россіи вообще невозможенъ.

«Сидѣнье надъ разбитымъ корытомъ», по словамъ кн. Трубецкого, «всегда предрасполагаетъ къ философскимъ размышленіямъ». Одному такому разбито-корытному философу 5 лѣтъ назадъ пришло на языкъ словечко: «фефела». Другой разбито-корытный философъ вспомнилъ и словечко другое,—то самое, между прочимъ, которымъ запугивали и Николая I, и Александра II: «пугачевщина». Слизь славянская—оттого и свободы вамъ нѣтъ. Повальный бунтъ, разбойничество, «хулиганство» (срывается у кн. Евг. Трубецкого и это словечко), какая тутъ можетъ быть свобода? Каждый философъ, желая ругаться, походитъ немножко на сапожника: употребляетъ тѣ слова, которыя ему кажутся наиболѣе обидными...

«Сидѣнье надъ разбитымъ корытомъ» предрасполагаетъ также къ исканію вѣры. Нельзя только отчаиваться, надо на что-либо и уповать. Нашелъ упованіе и кн. Евг. Трубецкой. По его мнѣнію, Россія все-таки будетъ спасена. И спасетъ ее аграрная политика Столыпина: она «пріобщаетъ крестьянскую массу къ личной собственности»; благодаря ей, «растительныя силы исторіи создадутъ у насъ новый типъ экономически независимаго крестьянина-собственника».

„Тогда только правовые принципы—основа всѣхъ конституціонныхъ свободъ—войдутъ въ сознаніе нашего крестьянства и станутъ ему дороги. Тѣмъ самымъ создастся недостающій теперь соціальный базисъ для русскаго либерализма... Россія станетъ государствомъ правовымъ".

Цитируемыя мною соображенія кн. Евгенія Трубецкого высказаны имъ въ февральской книжкѣ «Русской Мысли» 1911 г. И любопытно: въ одной этой книжкѣ находимъ и еще нѣсколько заявленій, устремленныхъ къ той же вѣрѣ. Вотъ осторожное, облеченное въ условную форму мнѣніе г. Маклакова:

— Ужасна ставка на сильныхъ. Но «государственный прогрессъ всегда шелъ по трупамъ слабѣйшихъ... этотъ путь болѣе естественъ, болѣе сообразенъ съ законами природы; жизнь идетъ именно такъ: сильный поѣдаетъ болѣе слабаго»... «И если въ результатѣ благополучіе будетъ достигнуто дѣйствительно, и на хуторянахъ воздвигнется новая Россія, холодный историкъ проститъ и забудетъ все горе... Побѣдителямъ все прощается» *).

Вотъ менѣе осторожный отзывъ г. В. Быстренина:

— Конечно, «всѣ мы знаемъ, что законъ 9 ноября явился, какъ орудіе политической борьбы». «Но жизнь беретъ и усвояетъ» «ту идею освобожденія личности», которая содержится въ этомъ законѣ и «объективно роднитъ его съ великой реформой 19 февраля» **).

Эта дружная манифестація вызвала было нѣкоторую тревогу

*) Стр. 108 и 109.
**) Стр. 212.

въ провинціальной печати *). Тревога тѣмъ понятнѣе, что либеральныя надежды на 9 ноября появились давно. Цвѣтутъ онѣ и понынѣ. Но едва ли есть основаніе очень серьезно относиться къ новой вѣрѣ, взявшей свои догматы изъ землеустроительныхъ эвфемизмовъ Столыпина. Какую же вѣру можно основать на «пріобщеніи крестьянства къ личной собственности»? Крестьянство давно къ личной собственности пріобщено. И очень рѣшительно ее защищаетъ. Порою даже слишкомъ рѣшительно: вспомните расправы съ конокрадами. А если говорить о крѣпкихъ индивидуалистическихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, какъ массовомъ явленіи, какъ мощной соціальной базѣ, то эта база не создается при отсутствіи элементарныхъ правовыхъ гарантій и въ условіяхъ той почти первобытной зависимости отъ стихій, которая губитъ русское земледѣліе: «хорошая» засуха, неурожай, вотъ какъ теперь, и милліоны исправныхъ хозяевъ «идутъ по кусочки». Обстоятельства такъ сложились, что нуженъ правовой строй, а потомъ уже, если законодательство свободной Россіи проникнется индивидуалистическими тенденціями, создастся слой крѣпкихъ крестьянъ-собственниковъ. Сначала пусть сойдетъ снѣгъ,—и тогда появится трава. Надѣяться на обратный порядокъ: сначала выраститъ трава, а потомъ, вслѣдствіе тепла, развиваемаго органической жизнью, растаетъ и снѣгъ... Кн. Е. Н. Трубецкой долженъ бы прежде всего доказать, что такой порядокъ возможенъ... Это не вѣра, которая можетъ найти многихъ адептовъ. Это—крайніе предѣлы, до которыхъ дошла мысль, руководимая усталостью и ищущая на что уповать. Если ужъ до вѣры въ землеустроительные эвфемизмы дѣло дошло, то значитъ отступать больше некуда и уповать не на что.

Основной вопросъ не рѣшенъ. Трудно придумать вѣру, что онъ рѣшится какъ-то самъ собою, незамѣтно, механически. И ничего другого не остается, какъ вернуться назадъ, опять къ нему и подумать, почему онъ не рѣшился, и какъ его рѣшить.

Любопытно, что не такъ давно октябристы сдѣлали попытку повернуть назадъ, къ одному изъ основныхъ вопросовъ, а съ моей личной точки зрѣнія, къ самому основному вопросу—«о землицѣ». Тактика октябризма въ значительной мѣрѣ сводилась къ тому, чтобы снять аграрный вопросъ и замѣнить его землеустроительными вопросами: переселеніе, разселеніе, крестьянскій банкъ, размежеваніе, а главное—улучшеніе быта зажиточныхъ крестьянъ («кулаковъ», по деревенской терминологіи) въ порядкѣ принудительнаго отчужденія общинной и семейной земельной собственности. Но не на хуторянахъ будущаго, не на гроссбауэрахъ, которыхъ воспитаютъ и вскормятъ «растительныя силы исторіи» построенъ октябристскій конституціонализмъ. Проще всего: нынѣшняя

*) Напр., „Смоленскій Вѣстникъ", 28 марта.

опора и количественно, и экономически слаба; но есть нѣсколько милліоновъ зажиточныхъ крестьянъ; «обновленный строй» дастъ имъ возможность поживиться за счетъ общинныхъ земель, и кому онъ поможетъ поживиться, тотъ и будетъ его естественнымъ защитникомъ. Какія тамъ «растительныя силы исторіи». Попросту—мы вамъ, а вы намъ, услуга за услугу, и получится «соціальный базисъ». И Столыпинъ страшно торопился ковать его. А октябристы дѣлали все, что можно, лишь бы поскорѣй подвергнуть принудительному отчужденію общинную и семейную земельную собственность, пустить ее тѣмъ самымъ на рынокъ, гдѣ она найдетъ себѣ хозяина. Безъ выкупа отчужденіе: семейная собственность декретомъ третьей Думы просто была объявлена несуществующей. И Столыпинъ торопился, и жизнь не медлила усвоить «идею освобожденія личности»: кстати, теперь, во время голода, по словамъ газетъ, идетъ повальная продажа и скупка укрѣпленныхъ мужицкихъ земель—по 20, 15, 10 рублей за десятину. Кулаки великолѣпно округляютъ свои владѣнія. Но въ какой мѣрѣ они могутъ быть опорой—неизвѣстно. За то извѣстны и несомнѣнны: такое страшное увеличеніе безземельныхъ и нищихъ, такое не менѣе страшное наростаніе озлобленности, хищничества и разврата, съ одной стороны, мстительной расправы огнемъ и топоромъ—съ другой, что весь «обновленный строй» сталъ подобенъ пороховому погребу, въ которомъ слишкомъ много самовоспламеняющихся матеріаловъ. И изъ октябристскаго парламента мнѣній минувшимъ лѣтомъ, до сліянія съ націоналистами, вышла попытка нащупать почву въ иномъ направленіи.

Еще въ 1906 г. октябристы основали собственный крестьянскій союзъ. Предпріятіе это оказалось мертворожденнымъ. Но предъ 50-лѣтнимъ юбилеемъ 19 февраля вдругъ случилось чудо: мертворожденный сталъ обнаруживать признаки жизни и въ качествѣ организаціи, формально автономной по отношенію къ центральному комитету октябристовъ, приступилъ къ объединенію «всѣхъ крестьянъ, а также рабочихъ», во-первыхъ, «для выборовъ въ четвертую Государственную Думу», а во-вторыхъ, и вообще «для проведенія въ жизнь манифеста 17 октября». Съ этою цѣлью крестьянскій союзъ октябристовъ, между прочимъ, обратился ко «всѣмъ сельскимъ обществамъ», приглашая ихъ прислать делегатовъ «на проектируемый въ Москвѣ въ январѣ 1912 г. всероссійскій съѣздъ партіи крестьянъ». При этомъ каждому сельскому обществу «крестьянскій союзъ 17 октября» предложилъ обсудить на сходахъ по пунктамъ спеціально выработанную программу и снабдить представителей, которые будутъ посланы на съѣздъ, опредѣленнымъ мандатомъ. Программа, разосланная сельскимъ обществамъ, рѣзко распадается на 2 части: политическіе пункты изложены въ формѣ положительныхъ нормъ, экономическіе поставлены въ видѣ вопросовъ. Политическая часть программы

предрѣшаетъ, что Россія должна быть монархіей не парламентарной, унитарной («вся Россія едина и недѣлима»), сословной (но «всѣ сословія равно отвѣтственны передъ закономъ»), союзной съ церковью («православіе должно быть главной религіей государства»). Въ части экономической программа опрашиваетъ мнѣнія сельскихъ обществъ: «желательно ли увеличеніе пахотной земли? желательно ли установленіе нормы земли домохозяина для прокормленія его семьи? желательна ли переоцѣнка земли, не исключая помѣщиковъ и частныхъ лицъ?» *) и т. д. Само «Новое Время» одобрило этотъ хитроумный подходъ къ проклятому вопросу. И администрація не препятствовала. Что затѣмъ произошло на мѣстахъ, когда были получены приглашенія и программы,—неизвѣстно. Только вдругъ московскій губернаторъ нашелъ, что разсылка этихъ программъ не соотвѣтствуетъ уставу крестьянскаго союза 17 октября, и союзъ безъ промедленія былъ закрытъ. Прогрессивная печать реагировала на закрытіе протестами. «Голосъ Москвы», казалось бы, ближайше заинтересованный въ судьбѣ союза, ограничился фактическимъ сообщеніемъ. Конкретные поводы этой ликвидаціи, повторяю неизвѣстны. Но ея общія причины ясны: кто желаетъ сохранить сословность, тому нельзя подходить къ кардинальному вопросу объ устройствѣ земледѣльческаго быта,—на первомъ же шагу онъ вступитъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Не рѣшивъ этого вопроса, нельзя сдвинуться съ мѣста. А подходить къ его рѣшенію значитъ рыть мины подъ тѣми охранительными началами, на основѣ которыхъ сооруженъ и Государственный Совѣтъ гр. Витте, и третьеіюнская Дума Столыпина. Передъ нами еще одно подтвержденіе старой истины: нельзя даже въ минимальной дозѣ обезпечить правовыя начала,—жизнь немедленно воспользуется ими для своихъ цѣлей. Допустите во исполненіе манифеста 17 октября свободу даже такихъ союзовъ, какъ закрытое филіальное отдѣленіе октябристовъ,—и легко представить, что заговорили бы на сельскихъ сходахъ при обсужденіи программы, съ какими мандатами явились бы представители сходовъ на предполагавшійся въ январѣ съѣздъ. И, наоборотъ, попробуйте хоть въ минимальной мѣрѣ удовлетворить эти легко представляемые мандаты,—что останется отъ сословнаго строя?

Въ провинціальныхъ газетахъ нерѣдко приходится читать такія, примѣрно, сообщенія корреспондентовъ:

„Предстоящіе выборы въ четвертую Государственную Думу крестьянъ нашего села почти не интересуютъ... На первую и вторую Думы возлагали громадную надежду,—полагали, что ихъ надѣлятъ землей". Надѣялись и на третью, но теперь „совсѣмъ извѣрились въ ней" *).

Возьмите не заинтересованныхъ непосредственно вопросомъ о

*) „Голосъ Москвы", 18 августа.

**) „Волжскія Вѣсти", 11 марта 1911 г.

землѣ,— ну, хотя бы, напр., населеніе городовъ. Картина та же: на первыя двѣ Думы возлагалась надежда, что онѣ рѣшатъ основные правовые вопросы; надѣялись и на третью и, наконецъ, «совсѣмъ извѣрились». Не рѣшивъ основныхъ вопросовъ права и экономическаго быта, нельзя жить. Но рѣшать ихъ порознь—право безъ быта или бытъ безъ права—тоже нельзя. А между тѣмъ законодательный аппаратъ такъ организованъ, что онъ не допуститъ рѣшить основной вопросъ быта. И уже по этой причинѣ онъ органически неспособенъ рѣшить основной вопросъ права. Тѣмъ не менѣе:

— Граждане, выбирайте въ Думу!

Спросите:

— Для чего?

И справа и слѣва, и соціалъ-демократъ и октябристъ, и кадетъ и трудовикъ по совѣсти могутъ отвѣтить только одно:

— Для вермишели.

Не той, разумѣется, вермишели, которую вноситъ правительство и которую покойный Столыпинъ въ своей лебединой рѣчи назвалъ единственно возможной, если не нажимать на основные законы, политикой защитнаго цвѣта. Есть вѣдь и лѣвая вермишель. Есть, напр., борьба съ административными эксцессами посредствомъ интерпелляцій. Что жъ—на безрыбьѣ и ракъ рыба. Запросъ все-таки больше, чѣмъ совсѣмъ ничего. Но вотъ, напр., отзывъ въ сущности обывательской газеты относительно того, во что фактически обратилось право интерпелляцій:

„Л. А. Кассо не можетъ жаловаться на свою судьбу... Одинъ запросъ о незакономѣрности его дѣйствій обсуждается, три запроса о противозаконности его дѣйствій признаны срочными. Министръ, вызывающій такой потокъ запросовъ, ...можетъ благодарить Думу за оказываемое содѣйствіе. Накопленіе запросовъ о незакономѣрности свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ дѣйствуетъ... весьма энергично. Возбужденіе запросовъ приемлется указаніемъ на то, что онъ дѣйствуетъ похвально и безъ послабленій. И если въ Думѣ заговорятъ о сплошной незакономѣрности, то тамъ, внѣ Думы, будутъ говорить о томъ, что, значитъ, министръ твердой рукой насаждаетъ законность и порядокъ“ *).

Это—одна сторона дѣла. Есть и другая: запросами пользуются вѣдь и для того, чтобы поддерживать басни о ритуальныхъ убійствахъ, вести погромную пропаганду.

Другой сортъ вермишели: основныхъ вопросовъ рѣшить нельзя, но нѣкоторые частные второстепенные законы въ либеральномъ духѣ, быть можетъ, и удастся провести, несмотря на Государственный Совѣтъ, зорко стоящій на стражѣ. Но, во-первыхъ, сколько шансовъ за удачу? А во-вторыхъ, пусть даже удастся провести «либеральный законъ»,—что толку? Въ томъ же «Русскомъ Словѣ» находимъ, между прочимъ, такую фактическую справку о

---

*) „Русское Слово“, 28 октября.

примѣненіи на практикѣ закона о досрочномъ освобожденіи. Не бѣда бы, что этотъ третьедумскій законъ оказался на практикѣ слишкомъ мало примѣняемымъ. Произошло нѣчто худшее. Одинъ изъ тюремныхъ начальниковъ представилъ, напр., къ досрочному освобожденію арестанта Ж.; аттестація такая:

„Человѣкъ молодой, кроткій, добрый и довѣрчивый, постоянно посѣщаетъ церковь, почтителенъ къ тюремной администраціи и стражѣ, участвуетъ во всѣхъ работахъ".

Дѣло о досрочномъ освобожденіи Ж. переходитъ, какъ оно и полагается по закону, на окончательное рѣшеніе окружнаго суда. И окружный судъ рѣшаетъ: Ж. недостоинъ досрочнаго освобожденія, и недостоинъ, между прочимъ, потому, что «онъ не подчинился приговору суда и его обжаловалъ» *). Другими словами, окружный судъ пользуется новымъ закономъ для нападенія на одну изъ важнѣйшихъ судебныхъ гарантій,—для наказанія за подачу кассаціонной жалобы. И если даже судъ даетъ такое направленіе закону, то что же думать о томъ, какъ пользуется этимъ закономъ тюремная администрація? Какой частный законъ ни напиши,—его примѣненіе зависитъ отъ тѣхъ началъ, которыми проникнута внутренняя политика. А для измѣненія этихъ началъ нужно рѣшить общій правовой вопросъ. И такимъ образомъ мы снова попадаемъ въ заколдованный кругъ.

Есть цѣлый рядъ вермишельныхъ соображеній, такъ сказать стратегическаго характера: 1) Пуришкевичи все равно будутъ пользоваться думской трибуной, съ которой они говорятъ странѣ; нуженъ же имъ противовѣсъ; 2) все-таки не мѣшаетъ имѣть своего представителя въ Петербургѣ: бываетъ нужно ходатайство, бываетъ нужно оглашеніе тѣхъ или иныхъ мѣстныхъ фактовъ, наконецъ, вообще, мало ли что можетъ случиться,—именно «на всякій случай» не лишне имѣть своего человѣка въ центрѣ и т. д. Соображенія, несомнѣнно, резонныя. Но въ противовѣсъ имъ даже не партійные люди, а просто обыватели имѣютъ цѣлый рядъ другихъ соображеній. Вотъ какъ разъ теперь горожане-домовладѣльцы стонутъ: вдругъ сразу прямые налоги выросли въ 3—4 раза, нерѣдко въ 7—8 разъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ возростаніе получилось 45-кратное: вмѣсто 1 р.,—45 руб. Домовладѣльцы-промышленники переложатъ тяжесть на квартирантовъ. Собственники мелкіе, имѣющіе домикъ или даже хатку лично для себя, должны покрыть этотъ финансовый экспериментъ изъ своего кармана.

— А кто все?—Дума. Это ея штучки. Это она провела такой государственный налогъ съ недвижимостей.

— При прежнихъ порядкахъ министръ финансовъ не рискнулъ бы сразу увеличить налогъ въ 5—10 разъ. Вѣдь это что жъ

*) „Русское Слово", 19 октября.

такое!.. А съ Думой имъ море по колѣно. Погодите, они еще и не то устроятъ. Ужъ эта Дума!..

— Что они нашего брата, горожанина, бьютъ? Имъ бы помѣщиковъ такъ шарахнуть: въ прошломъ году платилъ 100 руб., а теперь плати тысячу... Читали въ газетахъ: по Петербургу приказъ былъ: аристократическіе особняки оцѣнивать пониже...

— Отъ васъ зависитъ, кого выбрать въ Думу,—рискнулъ я недавно замѣтить одному такому критику, случайному попутчику въ дорогѣ.

Онъ строго посмотрѣлъ на меня:

— А вы, господинъ, избирательскій законъ читать изволили?

Отъ этихъ обывательскихъ конкретностей поднимитесь къ соображеніямъ общимъ, и вы получите не только то, что Дума превращена въ оплотъ реакціи, благодаря Думѣ легче вести агрессивно-охранительную политику, отказывать въ продовольственной помощи голоднымъ, упразднить финляндскую конституцію и т. д.; Дума, сверхъ всего этого, освобождаетъ правительство отъ необходимой осторожности, дѣлаетъ возможными самые смѣлые эксперименты: сегодня увеличили прямые налоги сразу въ 5—10 разъ, завтра проведутъ законъ о насажденіи крупнаго землевладѣнія въ Сибири, послѣзавтра введутъ національзацію кредита... За вермишель, хотя бы и стратегическую, это слишкомъ дорогая плата, особенно если припомнить судьбу многихъ перводумцевъ, втородумцевъ да и третьедумцевъ, прогрессивныхъ выборщиковъ и кандидатовъ; цѣлыхъ думскихъ фракцій, исчезнувшихъ въ пещи огненной.

Конечно, «неволя заставляетъ», «ничего не подѣлаешь»... Но когда я думаю, отчего нѣтъ ни предвыборныхъ надеждъ, ни превыборнаго оживленія, мнѣ невольно вспоминается ожесточенная реплика одного купца, котораго «тожъ неволя заставила» поставлять разные продукты и матеріалы въ полицейскій участокъ:

— Коммерція, коммерція!.. На Ходынкѣ баба квасомъ торговала да костей не собрала,—вотъ какая это коммерція!

V.

Вы говорите: «граждане, идите на выборы!».. Обыватель ворчитъ:

— Знаемъ мы эти выборы. Иди на Ходынку квасомъ торговать...

Вы предлагаете бойкотъ. Тотъ же обыватель ворчитъ:

— Сиди дома, Ерема,—галушки сами на печку пріѣдутъ...

И квасомъ на Ходынкѣ торговать,—какая коммерція! И ждать на печи, когда «галушки сами пріѣдутъ»,—тожъ не слишкомъ умное дѣло. Текущія мелочи и надобности сами по себѣ. Но вѣдь и мечтается обывателю: а вдругъ Deus ex machina, а вдругъ

конъюнктура сложится, а вдругъ событіе,—а мы на печи сидѣли!.. Время такое настало, что психологически невозможно «сидѣть на печи». Чувствуется, что жизнь дошла до какой то поворотной черты. Именно *чувствуется* общая неустойчивость. Не считаться съ этой психологіей нельзя. Однако, нельзя и не видѣть, какіе эффекты создаются на почвѣ этой психологіи въ плоскости вермишельныхъ дѣлъ и вермишельныхъ мыслей, — въ обстановкѣ, гдѣ нѣтъ мѣста политическому творчеству, но много мѣста для сильныхъ критическихъ позицій.

Deus ex machina, ни дня, ни часа не вѣсте... А пока, въ ожиданіи неожиданнаго, люди предаются «философскимъ размышленіямъ» такого, примѣрно, порядка:

— Молодой мѣсяцъ съ правой стороны,—это, вѣрно, къ счастью... Лѣвая ладонь чешется,—это къ деньгамъ...

Прочитывая по необходимости ежедневно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ порціи газетныхъ пророчествъ о «курсѣ» г. Коковцова, я невольно вспоминалъ логику этихъ народныхъ примѣтъ.

— Меньшиковъ написалъ...—значитъ, «курсъ» будетъ лѣвѣе.

— Гучковъ сказалъ въ клубѣ націоналистовъ...—слѣдовательно...

— Начались продовольственныя ассигнованія, «Россія» отказалась считать «общественныя работы» панацеей, саратовскій губернаторъ отмѣнилъ свой недоимочный циркуляръ, значитъ...

— Гр. А. А. Бобринскій сталъ устраивать политическіе рауты съ цѣлью, если вѣрить слухамъ, «объединить всѣхъ благомыслящихъ людей»,—вѣрная примѣта, что реакціонеры обезпокоены намѣреніями Коковцова.

— Самъ Коковцовъ въ Государственной Думѣ въ офиціальной рѣчи сказалъ, что государство обязано обезпечить рабочихъ врачебною помощью,—ура, курсъ новый...

Правда, черезъ нѣсколько дней Коковцовъ по поводу финляндскихъ законопроектовъ высказалъ мысли иного порядка, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположныя тому, что говорилъ, когда былъ только министромъ финансовъ; однако, тонъ у него все-таки мягче, чѣмъ у Столыпина; значитъ, и курсъ будетъ мягче,—«на большее мы вѣдь и не разсчитывали»...

Еще черезъ нѣсколько дней г. Коковцовъ по запросу о голодѣ сказалъ новую рѣчь, которая по отношенію оратора къ фактамъ уже не уступала обычнымъ рѣчамъ Столыпина, а въ деталяхъ, пожалуй, и превосходила ихъ,—ничего не значитъ: если сопоставить отзывъ «Гражданина» съ тѣмъ, что сказала «Земщина», да если принять во вниманіе, кто пріѣзжалъ въ особнякъ гр. Бобринскаго, то «все-таки вертится»...

Вертится, путается мысль, размѣнявшаяся на вермишель, на мелочи, цѣпляется за словечки, умолчанія, намеки, за пустяки, слѣдитъ за каждой крошкой, упавшей со стола случайно или по необходимости... И, увлекаясь всѣми этими дѣлами, упускаетъ изъ

виду реальности. Между прочимъ, если ужъ дѣлать политику, хотя бы и вермишельную, то гораздо выгоднѣе было бы, если бы г. Коковцовъ, «столпъ консерватизма»-то, на первыхъ шагахъ старался показать европейскимъ сферамъ свое отличіе отъ «правыхъ», а не убѣждалъ русскія сферы въ неосновательности надеждъ, возлагаемыхъ на него слѣва. Такая политика имѣла бы, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что ради нея не надо было бы насиловать дѣйствительность.

Печальнѣе всего, что съ мыслью, размѣнявшейся на пустяки и ушедшей въ гаданія, невозможна борьба. Представьте, что я стану доказывать: г. Коковцовъ—дѣйствительно таки «столпъ консерватизма», хотя и не изъ самыхъ высокихъ. Вѣдь, пожалуй, тѣ же люди, которые старательно гадали о перемѣнѣ курса, мнѣ скажутъ:

— Эка новость,—кто же этого не знаетъ?

Представьте другое,—не обращая вниманія на личныя тенденціи г. Коковцова, я докажу неизбѣжность всѣмъ извѣстнаго crescendo:

— Если бы гр. Д. А. Толстой всталъ изъ гроба въ 1903—4 г.г., онъ могъ бы сказать: все-таки при мнѣ не было того, что вы переживаете при Плеве. Въ январѣ—мартѣ 1906 г., во времена Витте-Дурново, тѣ же слова могъ бы повторить Плеве: я былъ по вашему нехорошъ, но вѣдь при мнѣ не было ни повальныхъ драгонадъ, ни массовыхъ смертныхъ казней безъ суда. Казалось, что дальше П. Н. Дурново идти некуда. Но вотъ теперь гр. Витте пишетъ и говоритъ для печати: при мнѣ не было того, что вы пережили при Столыпинѣ. И во многихъ отношеніяхъ это вѣрно: не было. Превзойденъ П. Н. Дурново. Логически развиваясь, тѣ же остающіяся неизмѣнными политическія начала приведутъ къ тому, что и Столыпинъ будетъ превзойденъ его преемниками.

Не такъ ужъ трудно показать неизбѣжность этого crescendo. Но если я займусь этимъ, сами гадальщики мнѣ, быть можетъ, скажутъ:

— Зачѣмъ ломиться въ открытую дверь,—само собой понятно: освободительное движеніе наростаетъ, антагонистическая ему реакція свирѣпѣетъ, и т. д.

Тюремные сидѣльцы нерѣдко увлекаются сложными вычисленіями: сколько часовъ, минутъ и даже секундъ въ тѣхъ годахъ и мѣсяцахъ, которые остались «до срока». Спросите одиночнаго обитателя, положимъ, «Крестовъ», когда онъ этимъ дѣломъ увлеченъ,—зачѣмъ это? Вѣроятно, онъ и самъ разсмѣется и скажетъ:

— Просто такъ, глупость...

Мнѣ кажется, что и политическими прогнозами по методу Мартына Задеки люди занимаются на томъ же въ сущности основаніи: просто такъ, глупость. И не только кажется мнѣ это. Мнѣ приходилось за послѣдніе два мѣсяца въ однѣхъ и тѣхъ же

газетахъ, а иногда и въ одномъ и томъ же номерѣ читать и предположенія, что курсъ не можетъ не измѣниться въ благожелательномъ смыслѣ, и разсужденія, что ожидать этой перемѣны нѣтъ основанія: и г. Коковцовъ—величина, достаточно опредѣлившаяся, и логика вещей толкаетъ его въ опредѣленную сторону, — кто сказалъ А, тотъ скажетъ и В... Мысль, спустившаяся съ высоты общихъ вопросовъ и не находящая сколько-нибудь плодотворнаго практическаго дѣла, уходитъ въ пустопорожнія мѣста; подталкиваемая жаждою перемѣнъ, увлекаемая надеждою на неожиданности неограниченныхъ возможностей, она становится, повидимому, слишкомъ независимой отъ своего хозяина. Хозяинъ-то, если его привести въ нормальное состояніе, прекрасно знаетъ и понимаетъ, что гаданія смѣшны, выводы произвольны. Но его мысль убѣгаетъ изъ-подъ его надзора. Вотъ и появилось множество мыслей, сбѣжавшихъ отъ хозяина, безпризорныхъ.

Мысль, сбѣжавшая отъ хозяина, шалитъ. Но и хозяинъ, потерявшій должную власть надъ своими мыслями, тожъ становится подверженъ шалымъ случайностямъ. Это вообще состояніе интеллектуальнаго упадка, когда такъ легко подкрадывается къ человѣку пошлость и незамѣтно втягиваетъ его въ свои болота и трясины. Это злокачественный тупикъ, изъ котораго надо найти выходъ. И выходъ, думается мнѣ, есть только одинъ: онъ ведетъ отъ безплоднаго скитанія по пустопорожнимъ низинамъ и болотамъ назадъ—къ высотамъ нерѣшенныхъ и неотложныхъ общихъ вопросовъ.

А. Петрищевъ.

Литература и героизмъ.

С. А. Венгеровъ. Героическій характеръ русской литературы. Изд—во „Прометей“. Спб. 1911. Стр. 205. Ц. 1 р.

Основная мысль книги С. А. Венгерова популярна въ широкихъ кругахъ русской интеллигенціи. Всѣ мы привыкли гордиться русской литературой и общимъ сочувствіемъ откликнулись, когда С. А. Венгеровъ сперва съ каѳедры петербургскаго университета, затѣмъ въ брошюрѣ, воспроизводящей его лекцію, воздалъ пламенную хвалу русской литературѣ за то, что «никогда не замыкаясь въ тѣсномъ кругу эстетическихъ интересовъ, она всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово», за то, что «задачи нравственныя въ русскомъ литературномъ сознаніи всегда

стояли на первомъ планѣ». Мысль была не нова, но впервые она была провозглашена съ такимъ увлеченіемъ, впервые была сдѣлана попытка не только заявить, но и доказать ее. Нынѣ С. А. Венгеровъ расширяетъ эту попытку, подвергая новой провѣркѣ свою излюбленную мысль, и тѣмъ не только обосновываетъ ее, но и сообщаетъ ей надлежащее содержаніе. Здѣсь онъ систематически примѣняетъ ее ко всѣмъ выдающимся теченіямъ и представителямъ русской литературы, сопоставляя ея идеалы и достиженія съ общимъ духомъ литературы западно-европейской.

Любовь предвзята, и потому при каждой попыткѣ такого сопоставленія рѣзко бросается въ глаза, какъ почтенный панегиристъ русской литературы мало склоненъ цѣнить высокія стремленія западныхъ литературъ, и, наоборотъ, какъ онъ снисходителенъ къ русскимъ писателямъ тамъ, гдѣ сомнѣніе въ ихъ «героическомъ характерѣ» нарушило бы его заманчивую схему. Это разнообразіе критеріевъ печально не потому, что оно бросаетъ тѣнь на научное безпристрастіе С. А. Венгерова, но потому, что оно помѣшало ему выполнить его важную задачу. Ибо не трудно было провозгласить, что русская литература создана была героями мысли и чувства; трудно было перевести эту формулу отъ смутной вѣры къ твердому убѣжденію, трудно было дать ей исчерпывающее содержаніе. А этого содержанія, убѣдительнаго и конкретнаго, мы не находимъ въ аргументаціи С. А. Венгерова: и впредь мы также вынуждены принимать на вѣру героическій характеръ русской литературы, довольствоваться своими неясными впечатлѣніями и ждать, чтобы пришелъ кто нибудь и сказалъ намъ, да что же такое есть въ этой русской литературѣ особенное, неотразимо привлекательное, прекрасное, героическое, чего мы не находимъ въ другихъ литературахъ.

I.

Героизмъ абсолютенъ. Не всѣ вещи познаются сравненіемъ, и герой опредѣляется не посредствомъ сравненія его съ трусами. Чтобы показать, что русская литература героична, надо было твердо установить, что мы будемъ считать героизмомъ, а затѣмъ выяснить, въ чемъ и какимъ образомъ русская литература соотвѣтствуетъ этому высокому идеалу. С. А. Венгеровъ не ступилъ на этотъ путь. Онъ восхваляетъ русскую литературу по преимуществу на счетъ литературы западно-европейской, а тамъ, гдѣ онъ старается установить общій героическій характеръ русской литературы на примѣрахъ отдѣльныхъ русскихъ писателей, онъ такъ разнообразенъ въ критеріяхъ, что не разъ, соглашаясь съ нимъ по существу, въ заключеніе все таки думаешь: *такъ* доказать можно что угодно.

Лишь непонятнымъ ослѣпленіемъ можно объяснить ту прихотливость, съ которой восхвалены въ книгѣ его русскія литера-

турныя явленія, тѣ натяжки, на которыхъ построенъ его сплошной панегирикъ, ту легкость, съ которой онъ пропускаетъ въ свой *моральный* пантеонъ всякаго, кто имѣлъ честь принадлежать къ сословію россійскихъ литераторовъ. Всѣ у него политики—даже аполитики, всѣ у него религіозны—даже антирелигіозные, всѣ у него идейны—даже безъидейные, всѣ у него прогрессисты—даже реакціонеры, всѣ у него герои—даже трусы. А между тѣмъ вѣдь совершенно ясно, что, ставъ на надлежащую точку зрѣнія, можно было не дѣлать изъ Фета общественнаго борца, изъ Чернышевскаго религіознаго проповѣдника, изъ революціонной моды въ декаденствѣ гражданскаго подвига и такъ далѣе. Русская литература можетъ быть велика и тогда, когда создаютъ ее чистый лирикъ Фетъ, атеистъ Чернышевскій, реакціонные декаденты. И, право, не нужно никакой смѣлости, чтобы согласиться съ этимъ.

Этого разнообразія идеаловъ и индивидуальностей не захотѣлъ признать С. А. Венгеровъ. Разъ русская литература есть каѳедра учительнаго слова, то этимъ все напередъ установлено: каждый русскій писатель есть проповѣдникъ морали, прогрессистъ, альтруистъ и подвижникъ. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать эту обязательную истину; явленія діаметрально противоположныя—и противоположныя именно съ той точки зрѣнія, которая занимаетъ С. А. Венгерова—являются въ его обработкѣ подтвержденіемъ его тезиса. Есть ли, напримѣръ, въ поэтической дѣятельности Державина что-нибудь такое, что позволило бы видѣть въ ней иллюстрацію къ тезису о героическомъ характерѣ русской литературы? «Оды Державина—говоритъ С. А. Венгеровъ—вышли изъ невысокихъ побужденій». Казалось-бы,—гдѣ ужъ тутъ героизмъ? Посчитаться бы съ менѣе высокими требованіями. «Но—отвѣчаетъ С. А. Венгеровъ—настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтическою лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ «блестящимъ» по внѣшности царствованіемъ Екатерины. Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣшенное, по своей темѣ, отъ условій мѣста и времени произведеніе, какъ ода «Богъ», непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму».

Вотъ какой съ Божьей помощью оборотъ. Хорошо быть «настоящимъ талантомъ»; кому не хочется причислить генія къ своимъ?—въ концѣ концовъ непремѣнно кто нибудь докажетъ, что «настоящій талантъ не могъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій». Но если дѣло такъ просто, то о чемъ же разговоръ? Вѣдь во всякой литературѣ были «настоящіе таланты»—стало быть, и побужденія ихъ соотвѣтствовали ихъ произведеніямъ, а не наоборотъ... Но были, конечно, въ русской литературѣ и не столь «настоящіе», второстепенные таланты. По мнѣнію С. А. Вен-

герова «у остальныхъ (кромѣ Г. И. Успенскаго) писателей изъ народной жизни—Златовратскаго, Каронина, Наумова, Засодимскаго, Нефедова и др. добрыя намѣренія преобладали надъ исполненіемъ». Изъ добрыхъ намѣреній ничего дурного, конечно, произойти не могло. Они создали «такое явленіе, какого не было въ литературѣ западно-европейской и которое какъ нельзя ярче иллюстрируетъ общій тезисъ настоящей книжки—о героическомъ характерѣ русской литературы». Дѣло въ томъ, что европейскіе бытописатели крестьянской жизни «просто себѣ живописуютъ» или обличаютъ, а «русскіе писатели-народники священнодѣйствуютъ»: «народная литература» почти утратила характеръ художественнаго явленія и превратилась въ одно изъ наиболѣе горячихъ проявленій стремленія загладить предъ народомъ многовѣковую вину».

Такимъ образомъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ: «низменныя побужденія» Ломоносова и Державина и «добрыя намѣренія» беллетристовъ-народниковъ одинаково выражаютъ добродѣтель русской литературы. Конечно, отъ «низменныхъ побужденій» до «героическаго характера» довольно далеко; но видите-ли, Кантеміръ обличалъ, Ломоносовъ былъ «страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры», Жуковскій «взялъ на себя роль учителя въ буквальномъ смыслѣ слова и знакомилъ русское общество съ литературой Запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ», Крыловъ въ басняхъ бичевалъ пороки своего времени и т. д. Все это показываетъ «учительный характеръ» русской литературы, а отъ «учительнаго характера» до «героическаго характера» вѣдь рукой подать: стоитъ только понизить требованія, предъявляемыя къ героизму.

Между тѣмъ вѣдь въ этихъ требованіяхъ все дѣло. Важно вѣдь не то, признаемъ мы или отвергаемъ «героическій» характеръ русской литературы: слишкомъ ужъ не трудно признать его. Важно то, *что* мы назовемъ при этомъ героизмомъ, какимъ путемъ пойдемъ въ его установленіи, съ какимъ смысломъ свяжемъ высокое слово. Оно вѣдь все таки только слово—и чѣмъ менѣе опредѣленно, чѣмъ болѣе противорѣчиво содержаніе, вкладываемое въ него изслѣдованіемъ, тѣмъ болѣе оно становится пустымъ звукомъ, не внушающимъ того преклоненія, котораго требовало бы высокое понятіе.

II.

С. А. Венгеровъ восхвалилъ русскую литературу въ ея цѣлокупности, въ ея внѣ-исторической основѣ. Возможны были бы, конечно, возраженія. Возможно, напримѣръ, сомнѣніе,—можетъ ли оставаться неизмѣнно высокимъ напряженіе идеализма въ исторіи литературы, имѣющей за собою рядъ столѣтій? Предвидя это возраженіе, С. А. Венгеровъ отвѣчаетъ на него тезисомъ, нуждаю-

щимся въ провѣркѣ: «Эволюціонируетъ,—говоритъ онъ,—вообще, не сущность народной и литературно-общественной психологіи, а проявленія ея. Не увеличивается и не уменьшается самый запасъ идеализма, а измѣняется его устремленіе». Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ заявленіемъ находится та характеристика, которую С. А. Венгеровъ даетъ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія—«чернымъ днямъ Побѣдоносцевщины», ознаменованнымъ «тлетворнымъ стремленіемъ декадентства затушить тоску по подвигу»; очевидно, невозможно считать неизмѣннымъ «запасъ идеализма». Но пусть такъ, пусть «эволюціонируетъ не сущность, а формы». «Источникъ того порыва къ подвигу, который я считаю основною особенностью новѣйшей русской литературы и въ которой вижу главный источникъ ея обаянія, можно было бы прослѣдить далеко въ глубь русской исторіи. Нетрудно, напр., провести прямую психологическую нить отъ протопопа Аввакума и самосожигателей вплоть до самопожертвованія и борьбы за свои идеи самыхъ послѣднихъ годовъ. Это—одинъ и тотъ же благородный металлъ, только въ разныхъ обработкахъ».

Да, нетрудно,—если удовлетвориться методологическими и иными требованіями С А. Венгерова. Но стоитъ ли проводить *такую* нить? Что уяснитъ она и кого осѣнитъ ореоломъ героизма? Не принижается ли и подвигъ Аввакума, и мученичество за идею «послѣднихъ годовъ», если къ духовному объединенію ихъ призваны всѣ, кто былъ между ними: и равнодушные, и враждебные, и ничтожные. Не лучше ли разорвать эту нить, если она идетъ черезъ «истинный талантъ» Державина, не мѣшающій его «низменнымъ побужденіямъ», черезъ «каннибальскіе гимны» Минскаго, черезъ прекраснодушіе Андрея Бѣлаго, черезъ «истиннаго Бога, настоящаго, Бога страданій и самопожертвованія», котораго С. А. Венгеровъ почувствовалъ въ исканіяхъ Д. С. Мережковскаго, и такъ далѣе. Нить есть, конечно,—но С. А. Венгеровъ не скрѣпилъ ея тѣмъ, что вплелъ въ нее многое, безконечно ей чуждое... Героевъ не такъ много на этомъ свѣтѣ, и чѣмъ снисходительнѣе моралистъ въ причисленіи къ ихъ сонму, тѣмъ, очевидно, ниже его представленіе о героизмѣ. Въ этомъ смыслѣ особенно характерно отношеніе С. А. Венгерова къ такъ называемому русскому модернизму. Панегиристъ русской литературы въ ея цѣлокупности, онъ хотѣлъ восхвалить ее въ ея основѣ, въ ея внѣ-временной сущности—и въ этомъ онъ, конечно, правъ. Но онъ былъ и остался человѣкомъ опредѣленнаго общественно-политическаго направленія — и, разумѣется, мы менѣе всего намѣрены ставить ему въ укоръ послѣднее обстоятельство; однако оно не могло не повліять на то представленіе о героизмѣ русской литературы, которое составилъ себѣ С. А. Венгеровъ и которое старается внушить намъ. Онъ не могъ оцѣнить декадентство иначе, какъ оцѣнилъ: оно «зародилось въ черные дни Побѣдоносцевщины» и—«въ унисонъ съ Побѣдоносцев-

щиной повело ожесточенную борьбу съ дѣятелями и идеями 60-хъ годовъ». Казалось бы, этого достаточно: разъ идейная борьба, то уже и геройство: дѣло вѣдь не въ направленіи борьбы. Такъ С. А. Венгеровъ и смотритъ на русскую литературу до 1880-хъ годовъ; здѣсь лишь зародились «аморализмъ и аполитизмъ»; раньше-же даже наши парнасцы должны считаться общественно-политическими дѣятелями: и даже тѣ изъ поклонниковъ «чистаго» искусства, которые не пускались въ прямыя схватки, а только *намѣренно* уходили въ область абстрактнаго, намѣренно устраняли въ своихъ произведеніяхъ все, что напоминало «грязь жизни», этимъ самымъ сообщали имъ весьма опредѣленную окраску». Къ декадентамъ, борьбу съ которыми онъ пережилъ самъ, С. А. Венгеровъ не могъ оказаться столь милостивымъ. Они вели борьбу, но тѣмъ хуже для нихъ: они были сторонниками политической реакціи. Видѣть проявленіе исконной тоски русской литературы по идеалу въ старыхъ реакціонерахъ еще возможно: ихъ талантъ прикрылъ все, а подобострастная исторія истолковала ихъ произведенія въ нужномъ намъ духѣ. Невозможно отшвырнуть отъ себя не только автора «Бѣсовъ», но даже авторовъ «Некуда» и «Взбаламученнаго моря»; они—наши, потому что они большіе люди,—и С. А. Венгеровъ охотно забудетъ, что они вели еще болѣе «ожесточенную борьбу съ дѣятелями и идеями 60-хъ годовъ». Къ новымъ борцамъ—новая мѣрка, и къ декадентству, непризнанному, декаденству, о которомъ говорятъ, что оно «за предѣлами литературы» С. А. Венгеровъ суровъ безпощадно. Но происходитъ обычная исторія: декадентство добивается нѣкотораго *литературнаго* признанія—и самъ С. А. Венгеровъ признаетъ его литературную цѣнность: «можно какъ угодно относиться къ Бальмонту, Брюсову, Блоку, новѣйшимъ «миѳотворцамъ", но кто желаетъ считаться съ реальными фактами, тотъ долженъ констатировать, что эта новая поэзія теперь господствуетъ и что она привила совершенно новые пріемы, новый слогъ и даже новые метры». Трагическая дилемма: надо или вычеркнуть изъ русской литературы уже признанное декадентство или отстаивать «героическій характеръ» Бальмонта и миѳотворцевъ. Разъ новые метры водворились въ литературѣ прочно, первое, очевидно, невозможно; тогда неизбѣжно второе. «Остается ли по прежнему русская литература тою каѳедрой, съ которой раздается учительное слово? Не отодвинулись ли въ литературѣ послѣдней четверти вѣка на второй планъ интересы нравственно политическіе? По прежнему ли наша литература есть выраженіе тоски русской души по нравственному подвигу»?

Успокоительные отвѣты слѣдуютъ за этими трагическими вопросами. Все обстоитъ благополучно. «Новыя теченія» въ своемъ теперешнемъ видѣ не угрожаютъ никакою опасностью исконнымъ традиціямъ русской литературы и являются однимъ изъ органическихъ звеньевъ великой цѣпи».

Грустную усмѣшку вызываютъ тѣ аргументы, которыми нашелъ возможнымъ ограничиться С. А. Венгеровъ, чтобы основать на нихъ свой тезисъ: «теперешній модернизмъ, который поэтому я и предлагаю назвать модернизмомъ *синтетическимъ*,—направленіе, соединившее въ себѣ основное зерно исконныхъ, героическихъ традицій русской литературы съ естественнымъ исканіемъ новыхъ литературныхъ формъ». Въ чемъ же увидѣлъ С. А. Венгеровъ это «зерно героическихъ традицій»? Въ чемъ усмотрѣлъ *кризисъ* декадентства подъ вліяніемъ успѣховъ освободительнаго движенія? Трудно представить себѣ, сколь малымъ довольствуется здѣсь панегиристъ русской литературы: Бальмонта, «ушедшаго отъ печали земли въ свѣтлую область «Безбрежнаго» и якобы отрѣшившагося отъ всего «конечнаго», своеобразно, но весьма ярко захватываетъ тотъ подъемъ, который сказался въ марксизмѣ и гордомъ вызовѣ Максима Горькаго». Мережковскій и Гиппіусъ заявляютъ, что «одинъ эстетизмъ не удовлетворитъ ихъ душевнаго голода» и становятся душой «Религіозно-философскихъ собраній». Изъ кружка Вячеслава Иванова исходитъ ученіе о мистическомъ анархизмѣ. Правда, мистическій анархизмъ для С. А. Венгерова есть нѣчто вродѣ «кондитерскаго пистолета изъ шеколада». «Но все таки очень знаменательно самое желаніе именоваться страшнымъ словомъ. Настроеніе сказывается во всемъ, и развѣ не характерно, что прежде «новыя теченія» создали мистическое оправданіе *самодержавія*, а теперь сочинили мистическій *анархизмъ*?» Но если—замѣтимъ кстати—оправданіе самодержавія несовмѣстимо съ героическимъ характеромъ, то почему С. А. Венгеровъ молчалъ объ этомъ, когда говорилъ, напримѣръ, о Жуковскомъ, или о Гоголѣ, или о Достоевскомъ?

Дальше идетъ та же дешевая продажа индульгенцій. И то, что Минскій, отказавшись отъ «печальнаго титла отца русскаго декадентства», становится въ дни свободы «самымъ крайнимъ изъ большевиковъ» и пишетъ «поистинѣ каннибальскій «Гимнъ рабочихъ»,—должно также служить доказательствомъ «героическаго характера русской литературы». Все въ одну кучу. Брюсовъ оказался чистѣйшимъ классикомъ, отказался отъ бьющихъ на эффектъ выходокъ, «первый въ русской поэзіи становится пѣвцомъ города» и «все больше и больше начинаетъ интересоваться реальной дѣйствительностью». Очень пріятно, но неужто и это относится къ высокой категоріи героизма русской литературы? То же съ Бальмонтомъ, то же съ Сологубомъ, то же съ Мережковскимъ. И для каждаго свой критерій, для каждаго свой хитросплетенный и уклончивый путь къ «героизму». Сперва въ «новыхъ теченіяхъ» геройчно было то, что отъ мистическаго реакціонерства они перешли къ мистическому анархизму; черезъ десять страницъ этотъ доводъ оказывается ничтожнымъ: «если мнѣ новѣйшая фаза русскаго модернизма кажется возвращеніемъ къ

исконнымъ завѣтамъ русской литературы, то не по темамъ и не потому, что онъ изъ реакціоннаго сталъ радикальнымъ, а потому, что въ немъ звучатъ теперь ноты серьезныя и величавыя, думы тревожныя и страдальческія».

III.

Вотъ это могло быть важно, это могло быть существенно. Литература дѣлаетъ великое, героическое дѣло не тѣмъ, что пишетъ неискренніе «каннибальскіе» гимны и сочиняетъ нелѣпыя теоріи соборнаго индивидуализма, но тѣмъ именно, что рождаетъ думы тревожныя и страдальческія. Здѣсь подлинный героизмъ и личный, и общественный, ибо безъ личной тревоги и страданія не зазвучатъ въ поэзіи народа эти серьезныя и величавыя ноты. Но почему ихъ именно не раскрылъ, не показалъ намъ С. А. Венгеровъ? Почему онъ настойчиво пряталъ «реакціонность» стариковъ? Почему не только на «синтетическомъ модернизмѣ», но и на нашихъ классикахъ, на этихъ подлинныхъ герояхъ русской литературы, онъ не выяснилъ всего значенія этого, единственно доступнаго литературѣ героизма? Вмѣсто этого онъ доказываетъ «тѣсную связь Достоевскаго съ настроеніями 70-хъ годовъ»; онъ доказываетъ, что «героическое пониманіе жизни органически, всѣмъ смысломъ его творчества, въ той же степени присуще Чехову, какъ и Достоевскому, какъ и Тургеневу, Толстому и прочимъ большимъ и малымъ печальникамъ литературы русской»; онъ послѣ соотвѣтственной аргументаціи торжественно заявляетъ: «А посему я по совѣсти не могу не признать жаждущую совершенства душу «Вѣхъ» родной сестрой «критически мыслящей личности» Лаврова и ихъ обѣихъ родными дочерьми великой русской тоски по правдѣ. А гдѣ тоска по правдѣ, тамъ уже и подвижничество».

Вотъ какъ легко стать въ рядъ съ Толстымъ и Достоевскимъ, съ Лавровымъ и Чернышевскимъ: всѣ мы подвижники, всѣ герои. Но не только подвижникомъ, такъ же легко стать чѣмъ угодно. Цѣлыя страницы тратитъ С. А. Венгеровъ въ полемикѣ съ марксистами на доказательство того, что «за немногими исключеніями, вся наша художественная литература есть, начиная съ Гоголя, прямое оплеваніе жизни «командующихъ классовъ». Онъ прибавляетъ, конечно: «для ясности рѣзко выражаясь», но суть остается: плевка не смягчишь. Идетъ цѣлый рядъ доказательствъ: Тургеневъ «до небесъ превозноситъ, явно при этомъ преувеличивая, нравственныя качества народа», а представители правящаго класса у него «поражаютъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ». У литературныхъ сверстниковъ Тургенева «уже сплошная черная краска»: у Салтыкова, напримѣръ, у Некрасова, у Пи-

семскаго и Гончарова. «Безмѣрно выше «нѣдра народной жизни» у Толстого, и безмѣрнымъ презрѣніемъ обдаетъ онъ весь укладъ своего «класса».

Всю эту гнусность цѣлаго культурнаго класса, выдвинувшаго великихъ представителей и мыслителей, которые якобы не нашли въ немъ ничего, кромѣ грязи, достойной оплеванія, С. А. Венгеровъ противополагаетъ теоретикамъ классоваго истолкованія литературной исторіи. Много грѣховъ у марксистскихъ историковъ литературы, но, разумѣется, только укрѣпить ихъ позицію могутъ аргументы такого рода. Не ихъ позиціи, однако, интересуютъ насъ здѣсь, а русская литература, то очарованіе ея, которое такъ сильно охватываетъ С. А. Венгерова, и такъ слабо имъ объяснено. Русская литература дала рядъ безсмертныхъ образовъ не только неподражаемо правдивыхъ, но и безконечно прекрасныхъ; они стали частью нашего существа, радостнымъ убѣжищимъ нашей фантазіи, источникомъ размышленія и поученія; мы любимъ ихъ, какъ близкихъ живыхъ людей—и не хотимъ другихъ, не хотимъ лучшихъ. Бабушка и Вѣра и Илья Ильичъ Гончарова, князь Андрей и княжна Марія, и Пьеръ, и Долли, и Наташа Льва Толстого, Рудинъ и Уваръ Иванычъ, Наталья и Елена Тургенева, князь Мышкинъ, и Лиза Дроздова, и Степанъ Трофимычъ Достоевскаго—и вся длинная вереница безконечно привлекательныхъ людей, жизненной красотѣ которыхъ можетъ радоваться всякій бытъ, всякій строй: какое ослѣпленіе необходимо для того, чтобы, даже «рѣзко выражаясь для ясности», увидѣть въ этомъ «оплеваніе» той жизни, которой представителями они изображены.

Самъ С. А. Венгеровъ совсѣмъ не убѣжденъ ни въ этомъ огульномъ возвеличеніи мужика на счетъ командующихъ классовъ, ни въ этомъ сплошномъ «самооплеваніи» послѣднихъ. Онъ это такъ, въ увлеченіи тезисомъ. Онъ самъ вспоминаетъ о томъ, что крупнѣйшій и правдивѣйшій изъ писателей народниковъ, Глѣбъ Успенскій, «не только не идеализировалъ народъ, но сплошь да рядомъ даже сгущалъ краски суровой правды своей»; онъ знаетъ, что и Чеховъ написалъ «Въ оврагѣ» и Толстой нашелъ «Власть тьмы»—тьмы моральной—въ крестьянствѣ. Съ другой стороны, онъ знаетъ, въ какой средѣ русская литература брала свои положительные образы. Самый высшій изъ этихъ идеальныхъ образовъ, по мнѣнію С. А. Венгерова, «идіотъ» Достоевскаго—образъ «безпримѣрный во всемірной литературѣ», «безпримѣрный тѣмъ, что авторъ, поставивъ себѣ почти неисполнимую эстетическую задачу «изобразить положительнаго прекраснаго человѣка»,—тѣмъ не менѣе исполнилъ ее. Онъ далъ образъ человѣколюбца истинно-лучезарной красоты». Оплевана ли среда, давшая князя Мышкина? Да одинъ ли князь Мышкинъ? Вотъ строки С. А. Венгерова, посвященныя эпохѣ послѣ сороковыхъ годовъ: «Искатели правды и подвига становятся центральными типами русской литературы. Сердца дѣвушекъ Турге-

нева можно покорить только призывами къ борьбѣ съ косностью и пошлостью жизни». Въ какой же средѣ брали писатели этихъ искателей подвига и прекрасныхъ дѣвушекъ? Конечно, почти исключительно въ своей. И въ этомъ нѣтъ ни личнаго героизма, ни классоваго эгоизма: есть великое стремленіе генія нравственно преображать, идеализируя познавать то, что ему близко, что ему знакомо.

Отмѣтимъ, что здѣсь герои Тургенева являются искателями правды и подвига. Нѣсколькими страницами раньше мы читали о нихъ: «Основной типъ Тургенева, всѣ эти слабняки и лишніе люди—что представляютъ они собою, какъ не полное признаніе своей общественной непригодности, полное соціологическое банкротство?» Такимъ образомъ русская литература героична, во-первыхъ, потому, что въ образѣ, напримѣръ, Рудина она изображаетъ «слабняка и лишняго человѣка», и тѣмъ проявляетъ свое самоотверженіе, а во-вторыхъ потому, что въ образѣ Рудина изображаетъ искателя правды, призывающаго къ борьбѣ съ косностью, и тѣмъ также проявляетъ свое самоотверженіе. Вотъ какъ хорошо все выходитъ въ русской литературѣ, и какъ легко доказывать, когда доказываешь такимъ образомъ. Только что дѣлать читателю, который хотѣлъ бы не только смутно вѣрить въ героизмъ любимой литературы, но быть въ немъ сознательно убѣжденнымъ? Вотъ, напримѣръ, въ предисловіи онъ прочтетъ, что учительный характеръ русской литературы лишь возвышалъ ея литературныя достоинства: то, что «русская литература всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово»—«не только не шло въ ущербъ непосредственно-литературному совершенству, а напротивъ того, сообщало русскому художественному слову особенную проникновенность». И вдругъ на страницѣ 157 тотъ же читатель узнаетъ о Глѣбѣ Успенскомъ слѣдующее: «Самый крупный художественный талантъ не только 70-хъ, но и 60-хъ годовъ, Глѣбъ Успенскій, палъ жертвою того горячечнаго интереса къ вопросу о народномъ благѣ, которымъ ознаменованы семидесятые годы. Онъ не могъ не сознавать, что странная смѣсь беллетристики, публицистики и даже статистики, какую представляли его очерки народной жизни, безусловно вредитъ цѣльности его художественной дѣятельности». Вѣдь это для основной мысли книги С. А. Венгерова *страшное* признаніе и страшное противорѣчіе. Ибо вся схема его рушится, если высшее напряженіе альтруизма и героизма губитъ въ писателѣ большого художника.

Но этихъ противорѣчій, опасности этихъ признаній не чувствуетъ С. А. Венгеровъ. Самую идейность русской литературы онъ сузилъ въ мѣру своихъ идеаловъ. «Все, что придаетъ такую красоту русской литературѣ, все, что составляетъ тайну обаятельнаго впечатлѣнія, которое она производитъ на европейскіе умы,—все это кроется въ томъ, что кающійся дворянинъ и интеллигентъ не могутъ при-

мириться съ соціальною и иною неправдою». Было бы удивительно, если бы было такъ. Было бы непонятно, какъ Европа, зараженная пагубнымъ индивидуализмомъ, сознательно, въ произведеніяхъ лучшихъ своихъ писателей—по мнѣнію С. А. Венгерова—отстаивающая идеалы личнаго благополучія, вдругъ оказалась подъ обаяніемъ пламенной альтруистической проповѣди. «*Я*, *я*, *я*—вотъ общій смыслъ европейскаго индивидуализма и эстетизма. *Не я*, *не я*, *не я*,—вотъ основная черта, подоплека новой русской литературы на всемъ протяженіи». Это вѣдь пропасть—не могутъ-же люди, ею раздѣленные, увлекаться столь безконечно чуждыми имъ моральными идеалами. Этого и не было. Съ одной стороны, поверхностная антитеза С. А. Венгерова извращаетъ перспективу и заключаетъ въ себѣ лишь ничтожную долю истины. Съ другой стороны,—и это самое важное—европейцы увлекались въ русской литературѣ многимъ, что осталось скрытымъ и непонятнымъ для ея панегириста. Какъ ни ошибочно представленіе С. А. Венгерова о моральной жизни Запада, какъ ни близки и понятны европейской литературѣ идеалы самоотверженія и подвиги альтруизма, конечно, не такъ просто было для Запада содержаніе русской литературы. Напомнимъ, напримѣръ, чѣмъ Ниче обязанъ Достоевскому. Или автора «Заратустры» увлекла въ «Запискахъ изъ подполья» тоже «борьба съ соціальной неправдой»? Высокія альтруистическія настроенія русской литературы бросились когда-то въ глаза Мельхіору де-Вогюэ—и онъ воздалъ имъ должное. Но съ тѣхъ поръ прошло больше четверти вѣка, и намъ надлежало бы, не оставаясь на точкѣ зрѣнія, естественной для иностранца, стараться углубить ее, стараться раскрыть все возможное богатство ея содержанія. Точка зрѣнія С. А. Венгерова его суживаетъ: русская литература велика не только высотой своихъ нравственныхъ идеаловъ, но прежде всего глубиной своей мысли, своей творческой силой, своей художественной честностью. Въ послѣдней подвигъ не меньшій подвига человѣколюбія; его не замѣтилъ С. А. Венгеровъ.

Не замѣтилъ онъ многаго и въ европейской литературѣ, къ которой онъ сумѣлъ быть удивительно несправедливымъ. Намъ кажется, что никакое возвеличеніе русской интеллигенціи и русской литературы въ этой несправедливости не нуждалось. Скорѣе наоборотъ.

IV.

Не только по высотѣ нравственныхъ идеаловъ, но и по художественной силѣ оказалась мелкой литература всѣхъ европейскихъ народовъ въ изображеніи С. А. Венгерова. Легко и просто онъ доказываетъ эти маловѣроятныя вещи. «Если брать для сравненія только новѣйшій періодъ русской литературы, литературу *второй половины XIX столѣтія*, то простой перечень корифеевъ пока-

жетъ, что мѣсто ея нѣсколько иное. Неужели произведенія Толстого, Тургенева и Достоевскаго стоятъ только *рядомъ* съ англійской и американской литературой второй половины XIX вѣка, кульминаціонныя точками которой являются романы Джорджъ Эліотъ, Бичеръ Стоу, разсказы Бретъ-Гарта, туманная поэзія Броунинга, сладенькія идилліи Тениссона? Только ли рядомъ слѣдуетъ ее помѣстить и съ тою нѣмецкою литературой, во главѣ которой стояли Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе? Наконецъ, не совсѣмъ рядомъ ей мѣсто даже съ французской литературой послѣдняго полувѣка, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Дюма-сынъ, Флоберъ и Гюи-де-Мопассанъ». Но остановимся на томъ, что С. А. Венгеровъ такъ легко и спокойно прошелъ здѣсь мимо скандинавскихъ литературъ, какъ будто ихъ не было. Всякому ясно также, что здѣсь для сравненія взять совершенно случайный и очень выгодный для русской литературы моментъ. Самъ авторъ указываетъ, что литература первой половины XIX вѣка была въ Европѣ выше литературы второй его половины, что произведенія Гете, Байрона, Гюго выше произведеній Поля Гейзе, Бичеръ-Стоу, Гюи-де-Мопассана. Но вѣдь такъ можно было бы взять для сравненія одинъ удачный или неудачный годъ—и покончить дѣло; вѣдь рѣчь идетъ о литературѣ во всемъ ея объемѣ, о ея основномъ характерѣ, а не о ея корифеяхъ въ тотъ или иной, съ особой цѣлью подобранный промежутокъ времени. Что слѣдуетъ изъ того, что въ эпоху 1850—1900 нѣмецкая литература не выставила ни одного имени равнаго именамъ Тургенева, Достоевскаго, Толстого? Да равно ничего. И хорошъ подборъ этихъ корифеевъ; какой злой духъ подсказалъ его С. А. Венгерову. Почему, имѣя необходимость оцѣнить новую европейскую литературу, онъ удовлетворился своими ранними читательскими впечатлѣніями и не посчитался съ оцѣнками общепринятыми на Западѣ и не возбуждающими спора у насъ. Шпильгагенъ былъ у насъ общественно-политическимъ воспитателемъ молодой Россіи, Ауэрбаха читали, Фрейтага цѣнятъ и нѣмцы, но развѣ мыслимо говорить о корифеяхъ нѣмецкой литературы второй половины XIX вѣка и при этомъ забыть *только* Готфрида Келлера, *только* Геббеля, *только* Отто Людвига. Ихъ у насъ не знаютъ, но это не основаніе для С. А. Венгерова; романъ Отто Людвига показалъ бы ему, что такое подлинное *«я, я, я»* европейской литературы. И нѣтъ, конечно, никакого основаніе молчать здѣсь о Рихардѣ Вагнерѣ, котораго самые разнообразные историки новой нѣмецкой литературы считаютъ значительнѣйшимъ ея представителемъ. Какъ можно называть Бичеръ-Стоу корифеемъ и не упомянуть не только Мередита, но и Теккерея, изъ крупныхъ романовъ котораго только «Ярмарка тщеславія» относится къ первой половинѣ прошлаго вѣка— къ самому концу ея (1848). Диккенса и Гюго С. А. Венгеровъ относитъ безъ оговорокъ къ одной эпохѣ, нашихъ великихъ романистовъ—

къ другой и тѣмъ, дѣйствительно, избѣгаетъ сопоставленія, которое было бы неудобно для его тезиса: «Безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать слѣдующее: по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное, по основнымъ теченіямъ своимъ русская литература второй половины XIX вѣка стоитъ безусловно выше новѣйшей западно-европейской литературы, кульминаціонной пунктъ которой не во второй, а въ *первой половинѣ* вѣка, въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Бальзака, Гюго, Жоржъ-Зандъ, Диккенса». Списокъ не плохъ: казалось бы, послѣ него можно бы и не утверждать, что учительный характеръ есть специфическая особенность русской литературы, противополагающая ее западнымъ; европейскіе герои, мученики, проповѣдники любви въ литературѣ стоятъ русскихъ: «безъ всякаго національнаго бахвальства» невозможно это отрицать. Но разъ С. А. Венгеровъ оперируетъ дѣленіемъ на эпохи, провѣримъ его хронологію; вотъ нѣсколько датъ: 1845 г.—«Бѣдные люди»; 1846—«Лукреція Флоріани» Жоржъ-Зандъ; 1847—«Хорь и Калинычъ»; 1846—«Домби и сынъ»; 1848—«Бѣлыя ночи»; 1849—«Неточка Незванова» и «Давидъ Копперфильдъ»; 1850—«Пенденнисъ», 1852—«Дѣтство» Толстого, 1854—«Les châtiments» Гюго и «Ньюкомы» Теккерея; 1855—«Севастопольскіе разсказы» и «Крошка Дориттъ», 1856—«Les contemplations» и «Рудинъ»; 1859—«Адамъ Бидъ» Джорджъ Эліотъ и «Дворянское гнѣздо»; 1862—«Les misérables» и «Отцы и дѣти». Что же еще? «Труженики моря» появились *послѣ* «Войны и міра», «Девяносто третій годъ» *послѣ* начала «Анны Карениной». Совершенно ясно, что *середина* XIX вѣка, а не первая или вторая его половины есть цѣльный литературный періодъ, что въ развитіи всей европейской литературы — въ томъ числѣ и русской онъ запечатлѣнъ гуманитарными тенденціями. И потому противополагать русскую литературу европейской нѣтъ достаточныхъ основаній. Или точнѣе: разумѣется, *можно* противополагать русскую литературу европейской и по основнымъ теченіямъ, и по особымъ достоинствамъ формы, и по моральнымъ тенденціямъ: на то русская литература есть великое твореніе великаго народа, столь отличнаго отъ своихъ западно-европейскихъ собратьевъ. Но дѣлать это надо не такъ, какъ сдѣлалъ С. А. Венгеровъ: безъ несправедливости къ чужимъ, безъ грубаго восхваленія своихъ, въ планѣ изученія, а не осужденія, «безъ національнаго бахвальства».

Ибо въ чемъ разница между законной народной гордостью и тѣмъ національнымъ бахвальствомъ, которое отвергаетъ С. А. Венгеровъ въ теоріи и не сумѣлъ преодолѣть на практикѣ? Да въ томъ, что народная гордость спокойно, сознательно ставитъ *свои* идеалы и въ вѣрности своимъ идеаламъ и въ сознаніи ихъ высоты черпаетъ увѣренность въ своей правотѣ и силѣ. Національное бахвальство, лишенное своей физіономіи, лишь хвастаетъ тѣмъ, что перегнало другихъ на пути, ими созданномъ для себя. Народная

гордость въ тяжелый часъ необходимой борьбы говоритъ: мы побѣдимъ; бахвальство кричитъ: шапками закидаемъ. Гордиться можно, и не сопоставляя себя съ другими, бахвалиться можно только на чужой счетъ.

И для того, чтобы внушить законную гордость идеализмомъ русской литературы, надлежало не унижать чужую литературу и ея идеалы, а познать; познать ихъ значило бы дать имъ высокую оцѣнку, и этимъ высокимъ идеаламъ великой европейской литературы можно было побѣдоносно противопоставить идеалы, освѣтившіе путь и давшіе содержаніе литературѣ русской: какая высокая, какая достойная была бы это побѣда.

А С. А. Венгеровъ пишетъ: «какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, на сколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ 1870-хъ и 1880-хъ годовъ, такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей? У русскихъ писателей жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе все таки озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ грубнѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка». Рѣчь идетъ, очевидно, не о «европейскомъ реализмѣ», а о французахъ; изъ нихъ С. А. Венгеровъ упоминаетъ только о Мопассанѣ. Ограничивъ сопоставленіе семидесятыми и восьмидесятыми годами, С. А. Венгеровъ уклонился отъ неудобнаго воспоминаніе о «Мадамъ Бовари». А между тѣмъ слѣдовало бы имѣть въ виду, что реализмъ этого романа не превзойденъ никѣмъ, трагическая высота его не боится никакого сравненія, а отвращеніе къ сытому благополучію, къ пошлому преуспѣянію выражено въ его образахъ съ громадной силой и разнообразіемъ. Нуждается ли идеализмъ Мопассана въ защитѣ? Левъ Толстой показалъ сложность его развитія, раскрылъ пути, пройденные его дарованіемъ, и провозгласилъ его «могучій нравственный ростъ въ продолженіе его литературной дѣятельности».

Идеаловъ европейской литературы не хочетъ знать С. А. Венгеровъ. Ихъ нѣтъ, этихъ идеаловъ. Въ ней вмѣсто идеаловъ и героизма «главную роль играютъ проблемы себялюбиваго индивидуализма»; принято считать Шиллера идеалистомъ; это—пустяки; онъ—поэтъ карьеристовъ: «Въ нѣмецкой литературѣ, начиная съ Шиллеровской «Пѣсни о колоколѣ», идеалъ мужчины—тотъ, кто «устраиваетъ свою судьбу», добивается «положенія въ свѣтѣ».

Да, Шиллеръ былъ не только пѣвцомъ политической свободы,—но идеалистомъ и мыслителемъ онъ былъ вездѣ, былъ имъ и въ «Пѣснѣ о колоколѣ». Не сытость и не положеніе въ свѣтѣ онъ во-

воспѣвалъ въ ней, а строительство жизни, подвигъ жизни. И къ этому подвигу въ значительной степени сводится то, что С. А. Венгеровъ такъ пренебрежительно называетъ «себялюбивымъ индивидуализмомъ» европейской литературы. Жизнь каждаго человѣка есть, сложная, тяжелая, жестокая и отвѣтственная вещь—вотъ вѣдь красная нить, проходящая по всей европейской литературѣ, вотъ ея основной мотивъ. На тему о бремени личной отвѣтственности, о трудности найти себя, построить свою жизнь написаны тысячи томовъ европейскими художниками. Сотни трагическихъ образовъ раскрываютъ предъ нами громадность жизненныхъ задачъ, которыя за свой счетъ долженъ рѣшать для себя европейскій человѣкъ; въ сотняхъ сатирическихъ, отрицательныхъ образовъ воплотилось презрѣніе европейскаго писателя ко всему сытому, самодовольному, грубому, себялюбивому; а С. А. Венгеровъ въ двухъ десяткахъ строкъ раздѣлывается съ европейской литературой, въ которой главную роль играютъ «проблемы себялюбиваго индивидуализма». Однако все таки «проблемы», значитъ, это не такъ просто, значитъ, здѣсь есть надъ чѣмъ задуматься. И европейская литература задумывается: не даромъ она есть высокое воплощеніе мысли великихъ народовъ, не даромъ она есть, быть можетъ, высшее изъ тѣхъ «святыхъ чудесъ», о которыхъ съ восторгомъ преклоненія говорилъ вмѣстѣ съ своимъ Версиловымъ Достоевскій. Не хуже С. А. Венгерова и его многочисленныхъ героевъ знаетъ европейская литература цѣну высокому альтруизму и низкому эгоизму, но она знаетъ—чего не хочетъ знать С. А. Венгеровъ,—какъ далекъ отъ этого элементарнаго животнаго эгоизма «себялюбивый индивидуализмъ» ея подлинныхъ героевъ, какое бремя долга онъ возлагаетъ на отдѣльнаго человѣка, какъ часто альтруизмъ есть лишь часть этого «себялюбія», и какая мелкая часть. И если-бы С. А. Венгеровъ не былъ ослѣпленъ своей идеей, если бы для него важнѣе было углубить, чѣмъ внушить ее, онъ, надо думать, не только въ «новѣйшей фазѣ русскаго модернизма» услышалъ тѣ «думы тревожныя и страдальческія», которыя дѣлаютъ подвигомъ литературу, но, напримѣръ, въ лирикѣ Уайльда и Верлена,—конечно, крайнихъ индивидуалистовъ.

V.

Какъ далекъ С. А. Венгеровъ отъ того, чтобы признать это и пересмотрѣть свои отрицательныя воззрѣнія на европейскую литературу, показываетъ предпослѣдняя—безъ преувеличенія чудовищная—страница его книги, посвященная Ибсену. Здѣсь прямо заявлено, что «западно-европейское отстаиваніе личности какъ разъ въ томъ и состоитъ, чтобы освободить ее отъ какихъ бы то ни было обязанностей. И потому, грубо выражаясь, эго—эгоизмъ, и

только изъ вѣжливости можно говорить объ «индивидуализмѣ». Въ примѣръ приведено творчество Ибсена. Правда, «Брандъ есть воплощеніе идеи самого неумолимаго исполненія долга. Но это ригоризмъ чисто-индивидуалистическій, потому что въ немъ нѣтъ ни капельки реальнаго состраданія къ ближнему, это какое-то сухое разсудочное, математическое рѣшеніе моральной задачи, въ которомъ всякая живая человѣчность совершенно исчезла. Это героизмъ ради героизма, во имя удовлетворенія самого себя». Вотъ и раздѣлались съ Брандомъ. Какъ легко по этому рецепту раздѣлаться со всякимъ героизмомъ,—и какой сухой эгоисткой оказалась бы Лиза Калитина, если бы создателемъ ея образа былъ европейскій писатель. Есть еще герои у Ибсена: «Несомнѣнно, героическая натура и докторъ Штокманъ, но какимъ ужасомъ вѣетъ отъ этого опять таки чисто-индивидуалистическаго героизма, отъ общаго смысла пьесы, которую никакъ иначе какъ человѣконенавистнической не назовешь, отъ страшныхъ заключительныхъ словъ Штокмана: счастье въ томъ, чтобы быть одинокимъ». Правда, Штокманъ говорилъ нѣсколько иное и даже совсѣмъ иное; правда, онъ пожертвовалъ собою въ борьбѣ съ ложью, съ эгоизмомъ, съ предательствомъ, но стоитъ ли разбираться въ этомъ? Ибсенъ, какъ полагается западно-европейскому писателю, «освободилъ его отъ всякихъ обязанностей» и его героизмъ есть лишь вѣжливая форма эгоизма. Но лучше всего порѣшилъ С. А. Венгеровъ съ героиней «Кукольнаго дома»: «Нора, симпатичная Нора, несомнѣнная избранница духа, которой, дѣйствительно, должно быть такъ нестерпимо въ тѣсныхъ рамкахъ мѣщанской условности и трусливости,—развѣ она свое «освобожденіе» не поставила выше своего долга? Она вѣдь бросаетъ во имя идеи свободы личности не только пошлякамужа, на что, конечно, имѣетъ полное право, но и дѣтей, на что ужъ никакого права не имѣетъ. Можно, конечно, найти смягчающія обстоятельства для ея вины, но это все таки *вина*».

Увы, если старый заслуженный писатель можетъ это говорить, съ этимъ, очевидно, надо спорить. Но въ сущности героиня Ибсена, пожертвовавшая высшимъ, чѣмъ можетъ жертвовать мать, ради того, что она считаетъ своимъ долгомъ—не нуждается, конечно, въ защитѣ отъ такихъ обвиненій. *Не для себя* въ конечномъ счетѣ приносятъ такія жертвы—или нѣтъ на свѣтѣ никакихъ жертвъ: и гибель на эшафотѣ за идею тоже вѣдь можно свести къ утонченному эгоизму, и это дѣлалось... Припомнимъ старую терминологію Н. К. Михайловскаго: для С. А. Венгерова преодолѣніе эгоизма исключительно въ болѣзни совѣсти, и этой болѣзнью свята для него русская интеллигенція. Но лучшіе ея представители знали и о болѣзни чести; не ее ли называетъ С. А. Венгеровъ «индивидуалистическимъ героизмомъ»? Не она ли стоитъ въ центрѣ множества трагедій, созданныхъ европейской художественной мыслью? Не ее ли проглядѣлъ и не захотѣлъ оцѣнить С. А. Венгеровъ?

По его мнѣнію, «сущность выясняемаго новою европейскою литературою трагизма жизни» — «единственно въ томъ, что этотъ трагизмъ угрожаетъ благополучію индивида». Слѣдовало бы помнить одно: если угроза благополучію *трагична*, то такая трагедія никогда не заключаетъ въ себя апологіи благополучія: на то она трагедія. Именно трагичность міровоззрѣнія новой европейской литературы, признанная самимъ С. А. Венгеровымъ, опрокидываетъ все его построеніе: разъ литература запечатлѣна трагизмомъ, значитъ, она выясняетъ высшія задачи жизни. Шапки долой передъ нею; въ ней можетъ въ теченіе извѣстнаго времени не быть геніевъ, но нельзя ее—выразительницу великихъ міровоззрѣній, учительницу великихъ народовъ—осуждать съ легкимъ сердцемъ. Знать ее, значитъ, уважать. А уважать совсѣмъ не значитъ приписывать ей небывалыя добродѣтели. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ достоинствомъ Куно Франке, авторъ «Соціальныхъ силъ въ нѣмецкой литературѣ», характеризуетъ тотъ ея періодъ, когда она, дѣйствительно, «потеряла руководящую роль въ борьбѣ за общественный прогрессъ»:

«Въ промежутокъ времени отъ 1848 г. до окончательнаго установленія германскаго единства, германская литература, помимо музыкальныхъ драмъ Вагнера, произвела мало такого, что отстаивало бы высшія цѣли жизни. Это не значитъ, чтобы за это время не было талантливыхъ писателей. Стоитъ только вспомнить о такихъ именахъ, какъ Гейбель, Геббель, Отто Людвигъ, Густавъ Фрейтагъ, Вильгельмъ Іорданъ, Шакъ, Гамерлингъ, Шеффель, Данъ, Шпильгагенъ, Поль Гейзе, Штормъ, Фонтане, Раабе, Фрицъ Рейтеръ, Готфридъ Келлеръ, Анценгруберъ, Розеггеръ, — чтобы видѣть, какое богатство честности, серьезной мысли, патріотической преданности, эстетической утонченности, сердечнаго веселья, глубокаго чувства и непобѣдимаго юмора было вложено тогда въ нѣмецкую литературу. Но тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что нѣмецкая литература за десятилѣтія, предшествовавшія франко-прусской войнѣ, а также непосредственно слѣдовавшія за нею, перестала быть важной движущею силой въ національной жизни».

Вотъ что такое истинная высота критерія. За видимымъ осужденіемъ того періода, который такъ легко отвергнутъ С. А. Венгеровымъ, какое признаніе, какая требовательность! Что было бы, если бы С. А. Венгеровъ попытался примѣнить столь высокій и содержательный критерій къ новой русской литературѣ? О, разумѣется, это грозило бы не сплошнымъ осужденіемъ, наоборотъ, это лишь еще возвысило бы то, что есть высокаго въ русской литературѣ, но отвело бы менѣе возвышенное мѣсто многому, что вынужденъ былъ превознести С. А. Венгеровъ, ибо этого требовала его схема.

Въ отвѣтъ на пламенное привѣтствіе Октава Мирбо, который восторженно исчислялъ, сколь многимъ онъ обязанъ той моральной высотѣ русской литературы, которой онъ не нашелъ въ литературѣ французской, Левъ Толстой съ сдержанностью напомнилъ ему о тѣхъ сокровищахъ, которыя таитъ всякая литература. «Я думаю—писалъ онъ—что каждый народъ пользуется различными способами для выраженія идеала, общаго всему человѣчеству, и что по этой причинѣ мы испытываемъ особое наслажденіе, когда видимъ нашъ идеалъ въ новомъ и неожиданномъ для насъ выраженіи. Нѣкогда французское искусство дало мнѣ это ощущеніе открытія,—когда въ первый разъ я прочиталъ произведенія Альфреда-де-Виньи, Стендаля, Виктора Гюго, и особенно Руссо. Я думаю, что именно этимъ ощущеніемъ объясняется то преувеличенное значеніе, которое вы приписываете сочиненіямъ Достоевскаго и тѣмъ болѣе моимъ».

Эта божественная скромность, думается намъ, пристала не только великанамъ русской литературы, но и всѣмъ ея труженикамъ: не потому, что скромность есть украшеніе добродѣтели, но потому, что признавать чужія достоинства во всей полнотѣ значитъ быть сильнымъ. «Новая русская литература — говоритъ С. А. Венгеровъ—всегда была храмомъ, въ которомъ пѣлись священные каноны». Пусть это—правда, высокая правда. Но тѣмъ непростительнѣе, тѣмъ страшнѣе забывать другую правду: всякая великая литература есть храмъ. Въ ней воплощено народное творчество, народная вѣра, народная правда. И если нѣтъ избранныхъ народовъ, то нѣтъ избранныхъ литературъ. Различны ихъ пути, различны силы, различны идеалы, но всѣ идутъ къ одной высотѣ. Во всякомъ храмѣ молятся тому же Богу, но въ каждомъ по своему. И высокую службу своей религіи—и всему человѣчеству—оказываетъ не тотъ, кто превозноситъ ее на счетъ другихъ, которыя презираетъ, не углубившись въ нихъ, но тотъ, кто, познавъ и ихъ величіе, раскрываетъ сущность и высоту своей вѣры.

Съ юношескимъ увлеченіемъ воспѣлъ С. А. Венгеровъ нравственную красоту русской литературы,—и достойной наградой его молитвеннаго преклоненія передъ нею будетъ не только успѣхъ его проповѣди, но и то, что его излюбленная мысль будетъ отнынѣ очевидно связана съ его именемъ. Вопросъ о содержаніи, которое онъ вкладываетъ въ эту мысль, отходитъ какъ бы на второй планъ предъ паѳосомъ его убѣжденности, предъ красотой его основного тезиса, предъ его настойчивой восторженностью. Но и полное признаніе его заслуги не должно мѣшать намъ провѣрить его аргументацію. Онъ хотѣлъ прославить героическій характеръ русской литературы: это—высокая цѣль. Онъ при этомъ обезцѣнилъ героизмъ: это—дурное средство.

А. Горнфельдъ.

Новыя книги.

Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ **П. А. Сергѣенко.** Подъ ред. **А. Е. Грузинскаго** (Издательство «Окто»). Москва. 1912. Стр. 383.

Извѣстія Общества Толстовскаго Музея. № 1. Спб. 1911. Стр. 100. Ц. 50 к.

Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. Кн—во «Златоцвѣтъ». Москва. 1911. Стр. 176. Ц. 1 р.

П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія. Изд. (2-е, исправл. и дополн. «Посредника». Москва. 1911. Стр. 520. Ц. 2 р. 20 к.

Въ память Л. Н. Толстого. Альбомъ изображеній Толстого и о Толстомъ (sic!) подъ редакціей **Юрія Битовтъ.** Изд. фототипіи К. А. Фишеръ. Москва. 1911. 20 таблицъ.

Первая годовщина со дня смерти Л. Н. Толстого требовала бы нѣкоторыхъ итоговъ: надлежало бы подсчитать, что начато и что достигнуто въ области уясненія его художественныхъ произведеній, знакомства съ его личностью, распространенія его идей. Но годъ едва минулъ и даже чисто статистическіе матеріалы для такого подсчета еще далеко не готовы. Называютъ громадныя цифры тиража всевозможныхъ изданій сочиненій Толстого, говорятъ о сценическомъ и литературномъ успѣхѣ Толстовскихъ пьесъ, но здѣсь итоги, очевидно, преждевременны. За минувшій годъ мы имѣли уже неоднократно случай отмѣчать различныя явленія толстовской литературы, и нынѣ остановимся лишь на томъ, что дали послѣдніе мѣсяцы; даже ограничиваясь болѣе выдающимся, мы не имѣемъ ни надежды, ни притязаній дать что-либо исчерпывающее.

Заботу объ исчерпывающемъ—хотя бы и лишь библіографическомъ—обзорѣ толстовской литературы, очевидно, беретъ на себя новое періодическое изданіе «Извѣстія» Общества Толстовскаго Музея». Программа изданія поставлена, собственно, шире. Оно должно знакомить читателей съ идеей и жизнью Толстовскаго музея и быть естественнымъ средоточіемъ всякой толстовской литературы—отъ неизданныхъ произведеній самого Льва Николаевича до статей и воспоминаній о немъ и т. д. вплоть до возможно полной его библіографіи, русской и иностранной. Всѣ эти отдѣлы представлены въ первомъ выпускѣ «Извѣстій», лежащемъ передъ нами. Жизнь музея, какъ это и естественно въ первые мѣсяцы послѣ смерти великаго писателя, протекала очень полно; коллекціи его прибывали, и вниманіе общества къ нему было достаточно живо. Одно пожеланіе мы бы высказали музею, нынѣ находящемуся какъ разъ въ періодѣ установленія общихъ началъ своей дѣятельности: не увлекаться количествомъ за счетъ качества, внести какъ

можно больше критики въ свою работу, избѣгнуть той Waschzettellitteratur, которая сдѣлалась въ Германіи идеаломъ литературныхъ гробокопателей, посмѣшищемъ здравомыслящихъ людей и проклятіемъ для изслѣдователей, тонущихъ въ массахъ накопленнаго, но ненужнаго матеріала. Груды сырья собираются безъ размышленія, въ теоретическомъ разсчетѣ что кто-нибудь когда-нибудь сдѣлаетъ изъ него обобщающіе выводы; но дѣйствительность показываетъ, что эти надежды не оправдываются, сырье остается сырьемъ и само по себѣ никакихъ выводовъ не даетъ. Съ литературой еще куда ни шло, но особенную осторожность надлежало бы проявить въ собираніи матеріальныхъ предметовъ, «относящихся до жизни и твореній» писателя. Личный культъ легко заводитъ насъ въ коллекціонерствѣ этого рода слишкомъ далеко, разсчеты на будущія «впечатлѣнія», «охватъ», «толстовскую атмосферу» слишкомъ поверхностны и неопредѣленны, чтобы надо было загромождать собраніе всякими, быть можетъ, трогательными, но несомнѣнными пустяками, и, конечно, не трудно признать, что «цвѣты съ одного изъ вѣнковъ, возложенныхъ на могилу Л. Н. Толстого», принятые Музеемъ для храненія, могутъ безъ ущерба для потомства и съ пользой для Музея храниться, какъ реликвія, у жертвователя.

Изъ документовъ, появившихся въ первомъ выпускѣ «Извѣстій», болѣе всего интересны письма Л. Н. Толстого къ одному изъ его раннихъ послѣдователей М. В. Алехину. Правда, какъ и большинство писемъ его, относящихся къ послѣднему двадцатилѣтію, они больше похожи на всенародныя посланія, сравнительно мало говорятъ о личности обоихъ корреспондентовъ, но и въ нихъ есть очень цѣнныя психологическія детали; особенно хорошо выясняется въ нихъ, какъ въ сущности далекъ былъ Толстой отъ толстовскаго сектантства; въ отвѣтъ на предложенія послѣдователей собраться, онъ пишетъ: «Собраться вмѣстѣ не поможетъ истинѣ. Спасеніе одно: въ приближеніи къ истинѣ и въ этомъ одномъ средство единенія. Искусственное же единеніе можетъ ослабить стремленіе къ истинѣ. Потомъ, кому да кому собраться для исканія единенія? И кому и кому помогать матеріально и духовно? Гдѣ та печать единенія, по которой мы узнаемъ *нашихъ*? Не грѣхъ ли выдѣлять себя и другихъ отъ остальныхъ? И не есть ли единеніе съ десятками разъединеніе съ тысячами и милліонами?» Любопытны въ сборникѣ также матеріалы, относящіеся къ трогательной фигурѣ недавно умершаго поклонника Толстого и труженика Музея В. М. Воинова. Хорошую особенность матеріаловъ, появившихся въ «Извѣстіяхъ», составляютъ примѣчанія и тщательно установленный текстъ.

Послѣдняго достоинства, къ сожалѣнію, совершенно лишено важное изданіе г. Сергѣенко, нынѣ опубликовавшаго, въ дополненіе къ двумъ прежнимъ, новый томъ обширнаго собранія писемъ Л. Н. Толстого. Они, разумѣется, читаются съ захватывающимъ

интересомъ, котораго не ослабляетъ то обстоятельство, что большинство матеріаловъ, вошедшихъ въ новый томъ, уже было напечатано. Но именно поэтому просто мучительно все время думать о томъ, что имѣешь дѣло съ чѣмъ-то оборваннымъ, случайнымъ, недостовѣрнымъ. Самъ редакторъ сообщаетъ въ предисловіи, что составителю «приходилось довольствоваться опубликованными текстами съ ихъ неполнотой, вызванной цензурными или личными соображеніями, съ нерѣдкой анонимностью адресатовъ, съ опущеніемъ датъ, съ возможными ошибками». Провѣрка текста по подлинникамъ теперь, очевидно, немыслима; между тѣмъ многія письма послѣдняго періода, вскорѣ по полученіи «начинали ходить по рукамъ, дѣлаясь достояніемъ широкихъ круговъ и утрачивая черты личной переписки, но неизбѣжно теряя при этомъ строгую достовѣрность текста». При такихъ обстоятельствахъ не было никакого основанія спѣшить и, кажется, редакторъ изданія напрасно полагаетъ, что «безпримѣрная міровая популярность Толстого и повсемѣстная жажда какъ можно скорѣе и какъ можно больше узнать его мысли и взгляды, повлекшая за собой многія изъ указанныхъ затрудненій, даетъ и оправданіе всякой попыткѣ въ этомъ направленіи, хотя бы и заранѣе обреченной на несовершенство». «Повсемѣстную жажду» слѣдовало бы удовлетворять съ большой осторожностью,—хотя бы для того, чтобы не оказаться повиннымъ въ поспѣшномъ распространеніи такихъ словъ Толстого, которыя ему не принадлежатъ. Особенно печально то, что, заимствуя свои матеріалы почти исключительно изъ печатныхъ источниковъ, составитель—неужто по наивности?—не указалъ послѣднихъ и тѣмъ чрезвычайно затруднилъ пользованіе своей книгой; иногда отрывки писемъ, перепечатанные имъ, были вкраплены въ текстъ поясненій и воспоминаній; здѣсь этихъ поясненій нѣтъ изъ цитатъ сдѣлались обрывки. Идейный интересъ къ Толстому, намъ представляется, требовалъ бы болѣе бережнаго отношенія къ столь интимнымъ проявленіямъ личности писателя, какъ письма. Но г. Сергѣенко, слишкомъ поспѣшно обогатившій въ этомъ году толстовскую литературу нѣсколькими наскоро составленными сборниками, какъ видно, не склоненъ считаться съ такими требованіями. Его очерки «Толстой и его современники»—поверхностно скомпилированныя сообщенія объ отношеніяхъ Толстого къ Герцену, Некрасову, Достоевскому, Тургеневу, Лѣскову, Чехову, Брайану, Іоанну Кронштадтскому, отовсюду набранныя безъ критики и перспективы и, конечно, безъ точныхъ указаній. Соотвѣтственныя свѣдѣнія изложены въ вяломъ повѣствованіи, при чемъ изъ нѣкоторыхъ очерковъ, напр., объ Іоаннѣ Кронштадтскомъ—только и явствуетъ, что никакихъ отношеній между нимъ и Толстымъ не было. Толстой относился къ священнику благодушно, священникъ относился къ нему съ пламеннымъ негодованіемъ—вотъ и все;

размазать это на двадцати страницахъ можно только при большомъ желаніи состряпать книжку о Львѣ Толстомъ.

Нѣсколько болѣе цѣннымъ, чѣмъ очерки г. Сергѣенко, представляется «Сборникъ воспоминаній о Толстомъ», тоже достаточно коммерческій по способу составленія, но заключающій отчасти довольно любопытные матеріалы; всѣ статьи сборника были уже напечатаны въ разныхъ изданіяхъ, и издательство, воспользовавшись ими, по печальному обычаю, не нашло, однако, нужнымъ сообщить, откуда онѣ взяты. Но выбраны онѣ хорошо,—и въ самомъ дѣлѣ сближаютъ съ живымъ Толстымъ разсказы о немъ такихъ лицъ, какъ Н. В. Давыдовъ, сообщившій ему сюжеты его драмъ, Н. Тимковскій, работавшій подъ его руководствомъ въ «Посредникѣ, С. Шульгинъ, доставлявшій матеріалы для «Хаджи-Мурата» и др. Какъ, напримѣръ, любопытенъ разговоръ съ г. Наживинымъ объ отношеніи культа къ истинной религіи. Собесѣдникъ Толстого указывалъ на то, что культъ есть требованіе души, и ссылался на самого Толстого: «помните ваше письмо къ Фету, гдѣ вы говорите: ну хорошо, мы отвергаемъ обрядъ, но вотъ, умираетъ у насъ дорогой человѣкъ; что же позвать кучера и приказать вынести его въ мѣшкѣ куда-нибудь подальше? Нѣтъ, это невозможно, говорили вы, вамъ казался необходимымъ и розовый гробикъ, и ладонъ, и даже торжественный славянскій языкъ»... И спустя много лѣтъ Толстой, уже твердый въ раціонализмѣ, не отказывается отъ этого. «Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ собесѣднику,—если это (позвать кучера и велѣть ему вынести трупъ дорогого существа) вамъ больно, если это оскорбляетъ васъ. И я на столько понимаю это чувство, что готовъ разсуждать съ вами, сколько хотите, чтобы выработать формы для того, чтобы сдѣлать это какъ можно лучше, торжественнѣе. Я говорю только, что это не имѣетъ ничего общаго съ религіей—это только вопросъ... ну, удобства, что ли, приличія... А признаемъ мы это религіей, мы этимъ самымъ откроемъ въ плотинѣ маленькую дырочку, чрезъ которую уйдетъ вся вода». Очень цѣнныя мелочи также въ воспоминаніяхъ И. Я. Гинцбурга, д-ра Бертенсона, г-жи Малахіевой-Мировичъ. Когда-нибудь изъ всего этого выйдетъ обширный и единый кодексъ разговоровъ Толстого; пока—радостно найти тамъ и здѣсь въ его устныхъ бесѣдахъ новую черточку его личности, поясненіе его произведеній или просто мысль, достойную его умственной мощи.

Дѣйствительное обогащеніе Толстовской литературы за минувшее полугодіе мы видимъ въ новомъ изданіи перваго тома извѣстной книги г. Бирюкова. Не представляя собой настоящей біографіи, чуждый всякой исторической атмосферы и бѣдный творчествомъ, трудъ г. Бирюкова такъ богатъ драгоцѣннымъ сырьемъ, что, конечно, останется навсегда настольной книгой всѣхъ интересующихся жизнью и творчествомъ Толстого. Поэтому, какъ бы ни были сравнительно маловажны дополненія и поправки, внесенныя г. Би-

рюковымъ въ новое изданіе его книги, онѣ все же всегда запечатлѣны какой-то особой значительностью, достовѣрностью, автентичностью. Все новое, включенное въ этотъ основной трудъ по біографіи Толстого, относится не къ выводамъ автора—и объ этомъ едва ли приходится особенно жалѣть,—но къ разнообразнымъ и всегда существеннымъ документамъ, вышедшимъ изъ-подъ пера самого Л. Н. Толстого; это главнымъ образомъ его новыя письма: къ «невѣстѣ» его В. Арсеньевой, къ Ег. П. Ковалевскому и т. д.

Подобно нѣкоторымъ изъ упомянутыхъ нами изданій, и бирюковская біографія сопровождается иллюстраціями, имѣющими здѣсь также документальное значеніе, котораго не устранитъ и обширная толстовская иконографія, исполненная и изданная художественной фототипіей Фишеръ подъ редакціей г. Ю. Битовтъ. Альбомъ стремится быть какъ бы сводомъ всѣхъ изображеній, относящихся къ Толстому какимъ бы то ни было образомъ: задача, необъятная и едва ли нуждавшаяся въ исполненіи. Включивъ въ свой трудъ болѣе 1100 рисунковъ, издательство вынуждено было дать ихъ въ маломъ размѣрѣ, уменьшая ихъ совершенно независимо отъ ихъ содержанія и достоинства. Критика отсутствуетъ: воспроизводилось *все* отъ портрета Крамского до ничтожнѣйшихъ обложекъ и заставокъ въ изданіяхъ Толстого, отъ Рѣпинскихъ иллюстрацій до потрясающе-безвкусныхъ рисунковъ г-жи Самокишъ-Судковской въ Сойкинской біографіи Толстого, рисунковъ на столько неудачныхъ, что издательство съ третьяго выпуска перемѣнило иллюстратора, и обѣщаетъ даже перепечатать первые выпуски... Трудно представить себѣ, какъ много балласта въ почтенномъ изданіи фирмы Фишеръ и какъ это прискорбно въ виду громадныхъ техническихъ средствъ, затраченныхъ, очевидно, на это изданіе. Да, судьба сдѣлала насъ современниками Льва Толстого и тѣмъ возложила на насъ долгъ предъ потомствомъ. Мы должны сдѣлать все возможное, чтобы закрѣпить въ вѣчность и сохранить для будущихъ поколѣній всѣ матеріальные слѣды Толстого, связанные съ его духовнымъ существомъ. Но не слѣдуетъ полагать, что это возможно сдѣлать, не думая, что достаточно набрать ворохъ сырья, ничего не говорящаго о Толстомъ-творцѣ, Толстомъ-мыслителѣ, Толстомъ-подвижникѣ, дать этому сырью широкое распространеніе—и считать, что дѣлаешь что-то для увѣковѣченія памяти Толстого, для толкованія его образовъ, для углубленія его ученія, для пониманія его личности. А вѣдь только это и важно.

Вл. Майстрахъ. Разсказы. Томъ I. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Автору удается народный говоръ (въ разсказахъ: «Неловкое дѣло», «Власъ», «Товарищи»), онъ, видимо, умѣетъ схватывать бытовыя черточки, хотя бы внѣшне-описательныя; но не эти ка-

блюденія возбуждаютъ его фантазію. Что бы ни изображалъ г. Майстрахъ, крестьянство, земскихъ тружениковъ, интеллигенцію, военныхъ, центръ и художественный смыслъ его разсказа—нѣкое романтическое событіе. Любовь земскаго врача Скрябина къ женщинѣ-врачу Голубенко, романъ мужика Власа съ барышней, романъ пріѣхавшаго въ деревню студента Семена съ крестьянкой Маланьей и ревность его товарища студента Викентія, также неравнодушнаго къ Маланьѣ и т. д.—эти моменты воодушевляютъ автора; всѣ остальныя событія (какъ, напримѣръ, крестьянскій бунтъ) изображены вездѣ такъ бѣгло и поверхностно, что служатъ только рамкой для любовныхъ страданій и наслажденій.—А между тѣмъ любовь въ изображеніи г. Майстраха неправдоподобна, сантиментальна и напыщенна.

Влюбленный крестьянинъ Власъ подъ вліяніемъ романтическихъ воспоминаній и выпивки производитъ отчаянное буйство въ вагонѣ желѣзной дороги. Авторъ описываетъ это такъ: «какъ гордый властелинъ, стоялъ надъ ними Власъ»... (Надъ ними—надъ вагонными сосѣдями). «Они падали на колѣна, ловили, цѣловали его руки... А онъ... все выше и выше заносилъ топорище»... «И было въ немъ что-то гордое, безпощадное, сатанинское».—Нѣсколько проще, но также старомодно-романтично любятъ студентъ Семенъ и крестьянка Маланья. Крайне сантиментальна любовь ветеринарнаго врача Меленьтьева и жены офицера, Елены Игнатьевны. «Это была самая чистая любовь. Бѣлая, какъ снѣговая кипень горъ. Нѣжная,—какъ бирюзовая мгла. Ароматная,—какъ цвѣты зеленыхъ доловъ»—Нѣтъ живого характера у героевъ г. Майстраха. Это ярко раскрашенныя олеографіи, не больше. Между тѣмъ авторъ обладаетъ способностью «разсказывать». Онъ умѣетъ мѣнять ритмъ разсказа, вводя новыхъ лицъ, создавать неожиданныя положенія. Но слишкомъ скудно художественное содержаніе его разсказовъ, чтобы закрѣпить за собой вниманіе читателя. Его манера письма, довольно тщательная, лишена свѣжести. Мѣстами чувствуется вліяніе новой литературы, отчасти Андреева: «И вдругъ заѣздили тройки и пары. Забрякали сиплымъ говоромъ бубенчики, зазвонили громкимъ лаемъ колокольчики, заползали, какъ юркія мыши, таясь и пробираясь, жуткіе слухи» (стр. 64). Но эти моменты мало характерны для автора; въ его разсказахъ доминируетъ *интрига*—мазки въ духѣ импрессіонизма теряютъ свое значеніе.

Лучше другихъ, живѣе, болѣе продуманы разсказы: «Неловкое дѣло» (написанный отчасти подъ вліяніемъ Чехова) и «Власъ», (удостоенный почетнаго отзыва на литературномъ конкурсѣ имени Гоголя въ 1910 г.). Разсказъ «Разбойникъ пера», изъ жизни журналистовъ и студенческой революціонной молодежи, хаотиченъ и испорченъ умышленно-отрывистымъ языкомъ. И здѣсь, конечно, главный интересъ автора въ романтическихъ переживаніяхъ.

В. Винниченко. Разсказы. Томъ первый. Переводъ съ украинскаго. «Московское книгоиздательство». 1911. 1 р. 25 к.

По настроенію—живо, свѣжо и молодо. По формѣ—ярко и почти всегда сжато. Вотъ въ двухъ словахъ характеристика украинскаго разсказчика. Но въ то же время г. Винниченко не только художникъ-изобразитель, но и воитель. Онъ не только разсказываетъ, но и доказываетъ—доказываетъ весьма энергично. Ради этого онъ готовъ на все, готовъ прибѣгнуть къ своего рода художественному произволу и насилію надъ читательскимъ впечатлѣніемъ.

Ему, напр., нужно поставить человѣческій идеализмъ на очень скромное мѣсто въ жизни. Надо доказать, что природа умѣетъ ставить преграды какимъ угодно возвышеннымъ стремленіямъ, и г. Винниченко разсказываетъ объ идеалистическихъ людяхъ, запертыхъ въ тюрьмѣ. Среди заключенныхъ есть одинъ невзрачный человѣкъ, вѣчно торчащій на подоконникѣ, ибо въ той же тюрьмѣ находится и невѣста невзрачнаго персонажа г. Винниченка. Прекрасно разсказано, какъ невзрачный человѣкъ вдругъ перестаетъ быть для своихъ товарищей невзрачнымъ, незамѣтнымъ человѣкомъ. Эту перемѣну принесло неожиданное обстоятельство: невзрачный человѣкъ былъ присужденъ къ смерти. Ничего не измѣнилось въ природѣ вещей, но человѣкъ сталъ значительнымъ, близкимъ и во всякомъ случаѣ совершенно другимъ въ глазахъ окружающихъ. Но тутъ-то и начинается глумленіе надъ нимъ уже не людей, а природы или Богъ вѣсть кого. Нужно устроить для осужденнаго тайное свиданіе, здѣсь же въ тюрьмѣ, съ невѣстой. Съ большимъ трудомъ, на пять минутъ, но это удается—наканунѣ исполненія приговора. Дѣвушку приводятъ въ камеру осужденнаго. Вы ожидаете сцены съ игрою чувствъ высокаго значенія. Но вы получаете сцену о зубной боли: у осужденнаго болятъ невыносимо зубы, онъ ни о чемъ не въ состояніи говорить, не хватаясь за щеку, въ теченіе пятиминутнаго свиданія съ самымъ близкимъ человѣкомъ.

Такъ и кончилось свиданіе, устроенное цѣной огромныхъ усилій и риска для принявшихъ участіе въ устройствѣ свиданія. Въ результатѣ вы должны были бы—по замыслу автора—ощущать то, что хочется ему: чувство, что надъ вами «глумится» природа, когда вы дѣлите свои чувства на высшія и низшія, отдавая предпочтеніе первымъ. Но этого, въ дѣйствительности, не получается. Остается только впечатлѣніе «случая», разсказаннаго украинскимъ писателемъ въ доказательство своего положенія, совершенно такъ же, какъ разсказываютъ въ общежитіи: «а вотъ я знаю случай». Очень можетъ быть, что въ основѣ разсказа г. Винниченка лежитъ самый подлинный случайно случившійся случай. Но вѣдь онъ отъ этого не становится доказательнымъ: для доказательности случай долженъ пріобрѣсти нѣчто такое, чего нѣтъ у г. Вин-

ниченка. Рискуя, быть можетъ, нѣкоторой неполнотой опредѣленія, мы готовы сказать, что «случай» тогда законенъ и нуженъ, когда онъ становится дверью, за которою открывается скрытое, затаенное въ человѣческой душѣ, не проявляющееся въ обычныхъ условіяхъ, пока «случай» не сдѣлаетъ этого тайнаго въ душѣ явнымъ. Но что же затаенное въ душахъ раскрылъ г. Винниченко? Неужели то, что зубная боль есть вещь, съ которой не справится никакой экстазъ, никакое душевное потрясеніе,—хотя она и проходитъ, какъ говорятъ, при входѣ къ зубному врачу, отъ мысли, волнующей больного, о предстоящемъ лѣченіи?

Такой же прямолинейностью, уничтожающей выводъ, вѣетъ и отъ другого разсказа: «Нѣчто большее насъ».—Для доказательства теоремы разсказывается, опять таки хорошо и живо, о радости человѣка, запертаго въ тюремную клѣтку—у г. Винниченка при доказательствахъ очень часто фигурируетъ тюрьма—когда къ нему, изголодавшемуся по общенію съ близкимъ по духу человѣкомъ, приводятъ, наконецъ, этого желаннаго близкаго по духу человѣка. Радости, однако, хватаетъ не надолго. Она тускнѣетъ, растрачивается и уходитъ. А тутъ одинъ страдаетъ безсонницей, а другому хочется спать, и шаги по камерѣ мѣшаютъ спокойному сну. И много такихъ мелочей раздражающихъ оказывается при совмѣстной жизни въ теченіе 24 часовъ въ сутки. Всѣ эти мелочи оказываются въ суммѣ «больше насъ» и больше того значительнаго идейнаго, что мы склонны цѣнить, по преимуществу, въ качествѣ связующей силы. Въ итогѣ радость общенія смѣняется взаимнымъ раздраженіемъ, а затѣмъ и безсмысленной, звѣриной злобой другъ къ другу.

Въ разсказѣ, къ сожалѣнію, много правды. Но правда, поскольку она есть въ разсказѣ, частичная, мимолетная, такая же, какъ и всѣ эти взаимныя раздраженія. Этого автору мало. Ему нужно подавляющее впечатлѣніе. Поэтому онъ разсказываетъ поразительный случай съ поразительнымъ финаломъ. Оба невольныхъ сожителя бѣгутъ изъ тюрьмы, при этомъ одинъ изъ нихъ—болѣе ранній обитатель тюрьмы—сломалъ себѣ ногу при неудачномъ прыжкѣ съ острожной стѣны. Вѣрный чувству долга, уцѣлѣвшій товарищъ уноситъ на рукахъ тюремного сожителя, ставшаго ненавистнымъ. Все удается благополучно, больной доставленъ въ дружескія руки; спасшій и спасенный разстаются. И при этомъ, по волѣ авторской, дѣло кончается такъ:

Васюкъ въ ту же ночь передалъ меня товарищамъ, не сказавъ со мною больше ни слова.

Мы разошлись еще бóльшими врагами.

Почему жъ «еще бóльшими?» Вѣдь то, что дѣлало острой вражду, перестало существовать? Вѣдь для обоихъ открылась возможность никогда не увидѣться вновь? Вѣдь самыя тюрьмы перестаютъ быть ненавистными, когда изъ нихъ уходятъ на сво-

боду! Неужели же хоть по этой причинѣ не могло шевельнуться въ душахъ нѣчто похожее на примиреніе, нѣчто связанное съ лучшими минутами, которыя были вѣдь въ началѣ взаимной жизни? Вѣдь она только впослѣдствіи была отравлена ядомъ общенія 24 часа въ сутки! Неужели ничего не вспомнилось и ничего не вспомнили ни спасенный, ни спасшій, ни принявшій огромную услугу, ни оказавшій ее? Наконецъ, пусть ничего не вспомнили. Но почему же все таки разстались *еще бо́льшими* врагами?

Есть извѣстное выраженіе о послѣднемъ ударѣ кисти, который создаетъ внутреннюю сущность всей картинѣ. У г. Винниченка послѣдній ударъ кисти достигаетъ какъ разъ обратнаго: убиваетъ все, что удалось сдѣлать автору сначала. Изъ характернаго у него рождается только случай, ничего не знаменующій и ничего затаеннаго не раскрывающій. И этотъ случай, завершая разсказъ, губитъ его, поглощая тотъ самый выводъ, къ которому стремился г. Винниченко. Матеріалы для этого вывода были; чувство горечи за человѣческую природу накоплялось мало по малу. Но «послѣдній ударъ кисти»—и въ результатѣ нѣтъ въ выводѣ ничего, кромѣ дяковиннаго, ничего и никому не доказывающаго случая.

Тѣмъ не менѣе послѣ прочтенія книги все-таки остается чувство, похожее на расположеніе къ разсказчику, къ его задору и свѣжести дарованія.

Жоржъ Рони. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Перев. съ франц. В. Малахіевой-Мировичъ. Москва. 1911. 1 р. 50 к.

Романъ Рони, выпущенный на русскомъ языкѣ съ предисловіемъ г. Айхенвальда,—романъ философскій. Его тема—о недостаткахъ существующаго соціальнаго строя, во-первыхъ, и о женской любви, во-вторыхъ. А, впрочемъ, правильнѣе сказать, вѣроятно: о любви—во-первыхъ и о соціальномъ строѣ, во-вторыхъ.

У героя французскаго писателя вся жизнь сосредоточилась на женской любви. Такъ какъ онъ милліонеръ, то купить любви онъ можетъ, сколько хочетъ. Но герой Рони не покупатель любви. По мысли автора, намъ должно видѣть передъ собой цѣломудреннаго человѣка, съ утонченными душевными запросами; кстати, онъ не только богачъ, но еще и научный дѣятель. Ему отвратительна продажная любовь, и онъ смотритъ на женщинъ, расцѣнивая ихъ неизмѣнно въ качествѣ жены-товарища, желающаго того же, что и онъ, и идущаго къ тѣмъ же идеалистическимъ цѣлямъ, что и онъ. Ему нужна любовь высокаго достоинства, онъ хочетъ семьи. Эта жажда на столько велика, что всѣ остальные интересы Дерива поглощается мыслью объ искомой чистой любви; для него все—въ ожиданіи ея; все, что онъ думаетъ или дѣлаетъ,—все въ интересахъ этой грядущей любви. Но логическое послѣдствіе такого идеалистическаго настроенія у героя французскаго романиста—

въ томъ, что у него всякая мысль связана съ мыслью о женскихъ бедрахъ (У Рони это выходитъ очень серьезно).

Въ поискахъ высокой любви герой наталкивается на искательницу приключеній, которой нужны туалеты, нужны милліоны идеалиста. Угадывая въ немъ человѣка, ищущаго высокой любви, она надѣваетъ соотвѣтствующую личину и успѣваетъ въ задуманномъ завоеваніи идеалиста-милліонера. При этомъ она безъ всякой надобности отравляетъ трехъ человѣкъ.

Въ концѣ романа изображается крахъ, постигшій обоихъ героевъ. Отравленіе раскрывается; героиня попадаетъ подъ судъ съ призракомъ гильотины; подъ судъ же попадаетъ и герой, заподозрѣнный въ соучастіи. Онъ, однако, выходитъ изъ суда оправданнымъ. Только жизнь его окончательно отравлена въ идеалистическихъ порывахъ.

Логическій выводъ изъ романа различенъ у читателя и у автора. Для читателя ясно, что оба—и герой и героиня—напрасно дѣлали то, что дѣлали. Она напрасно отравила троихъ, а онъ напрасно, ища высокой любви и семьи, прежде всего подвергалъ изслѣдованію у встрѣчныхъ женщинъ бедра.

Для автора выводъ совершенно иной. Онъ громитъ современную цивилизацію за то, что она открываетъ широкую дорогу гнуснымъ проявленіямъ души у милліонеровъ, а чистымъ—ставитъ тяжелыя препятствія.

Деривъ погибъ, несмотря на крѣпость изъ своихъ милліоновъ, за которую онъ спрятался отъ жизни.

Погибъ оттого, что повѣрилъ въ химеру любви и безкорыстія, давно исчезнувшую изъ обихода машины.

S. Freud. Теорія полового влеченія. Авторизированный переводъ со 2-го нѣм. изданія д-ровъ А. В. Вяхирева и И. Е. Полякова. Съ портретомъ автора. М. 1911 г. 116 стр., ц. 75 к.

Имя вѣнскаго профессора Фрейда уже знакомо постояннымъ читателямъ «Русскаго Богатства»: брошюры Фрейда: «Сновѣдѣнія» и «Психопатологія обыденной жизни» были своевременно рецензированы въ нашемъ журналѣ. И, быть можетъ, нѣкоторые читатели помнятъ, что наше отношеніе къ Фрейду въ вышеуказанныхъ рецензіяхъ было весьма сдержаннымъ: не отрицая того, что Фрейдъ стоитъ на вѣрномъ пути, мы не могли не отмѣтить и того, что обработка его основной мысли отличается существенными недостатками, что его методъ доказательства не выдерживаетъ испытанія строгой логики. Это своеобразное сочетаніе вѣрности основной мысли и слабости ея обоснованія въ трудахъ Фрейда обусловило собой неопредѣленность положенія Фрейда среди современныхъ медицинскихъ авторитетовъ: въ то время, какъ небольшая кучка его горячихъ поклонниковъ думаетъ, что Фрейдъ совершилъ цѣлый пе-

реворотъ въ наукѣ, огромное большинство спеціалистовъ относится къ его писаніямъ крайне отрицательно.

Хотя и въ разбираемой нами теперь книгѣ Фрейда не чувствуется того широкаго взгляда и той желѣзной логики, которые присущи дѣйствительно крупнымъ представителямъ научнаго мышленія, тѣмъ не менѣе эта его работа отличается такими достоинствами, что мы не можемъ не рекомендовать ее нашимъ читателямъ, особенно же родителямъ и педагогамъ.

Книга Фрейда состоитъ изъ трехъ главъ (не считая «заключенія»): 1) «Половыя извращенія»; 2) «Половая жизнь въ дѣтствѣ» и 3) «Измѣненія въ періодъ половой зрѣлости».

«Весьма возможно, говорятъ авторъ на стр. 76, что въ организмѣ не происходитъ ничего значительнаго, что не служило бы въ то же время однимъ изъ компонентовъ полового влеченія». Первоначально половое возбужденіе болѣе или менѣе равномѣрно разлито по всему организму и совершенно безлично, т. е., не имѣетъ объекта полового влеченія. И основная характеристика эволюціи полового возбужденія заключается въ томъ, что съ теченіемъ времени совершаются: «подчиненіе всѣхъ источниковъ полового возбужденія примату генитальной зоны и процессъ нахожденія объекта» (стр 108). То обстоятельство, что въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ нѣтъ еще «примата генитальной зоны» ведетъ къ тому, что половая жизнь ребенка плохо понимается взрослыми. Такъ, напримѣръ, слизистая оболочка губъ есть одна изъ «эрогенныхъ зонъ», играющая въ дѣтствѣ особенно большую роль и поэтому даже въ сосаніе материнской груди приходитъ половой моментъ. «Кто видѣлъ (говоритъ авторъ на стр. 56), какъ дитя, насытившись, откидывается отъ груди съ покраснѣвшими щеками и со счастливымъ смѣхомъ впадаетъ въ сонъ, тотъ долженъ признать, что эта картина остается вѣрной и для выраженія сексуальной удовлетворенности въ позднѣйшей жизни». Сосаніе вообще, напримѣръ, сосаніе своего пальца, является проявленіемъ эрогенной функціи слизистой оболочки рта. «Не всѣ дѣти сосутъ. Можно предположить, что этимъ занимаются тѣ дѣти, у которыхъ эрогенное значеніе губной зоны конституціонально усилено. Если это остается, то такія дѣти, ставши взрослыми, дѣлаются любителями поцѣлуевъ, наклонны къ извращеннымъ поцѣлуямъ или—мужчины—приносятъ съ собой сильный стимулъ къ питью и куренію. Но если сюда присоединится вытѣсненіе, то они испытываютъ отвращеніе къ ѣдѣ и даютъ картину истерической рвоты. Благодаря общности губной зоны вытѣсненіе переносится и на влеченіе къ пріему пищи. Многія изъ моихъ паціентокъ съ разстройствами въ ѣдѣ, истерическимъ globus'омъ, сжиманіемъ въ горлѣ и рвотою были въ дѣтствѣ энергичными «сосунами» (стр. 57).

Встрѣчающійся въ этой цитатѣ терминъ «вытѣсненіе» будетъ объясненъ ниже, а теперь продолжимъ наше изложеніе. «Источ-

ники дѣтской половой жизни» по Фрейду весьма многочисленны, что, конечно, объясняется отсутствіемъ «примата генитальной зоны». Успокоеніемъ полового возбужденія объясняетъ Фрейдъ (стр. 72) и усыпляющее дѣйствіе укачиваніемъ въ колыбели. Половое чувство играетъ, по его мнѣнію, роль и вообще въ любви дѣтей къ пассивнымъ и активнымъ движеніямъ. Онъ видитъ проявленія полового возбуженія и въ томъ обстоятельствѣ, «что дѣти такъ любятъ пассивныя движенія, какъ качаніе и подбрасываніе, и назойливо требуютъ повторенія этихъ движеній» (стр. 72). Далѣе, «сотрясенія при ѣздѣ въ экипажѣ и на желѣзной дорогѣ производятъ такое обаятельное дѣйствіе на болѣе взрослыхъ дѣтей, что всѣ дѣти, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ жизни желали быть кондукторами или кучерами... Въ возрастѣ особенно интенсивной дѣятельности фантазіи (незадолго до половой зрѣлости) все относящееся къ желѣзной дорогѣ становится ядромъ исключительно (exquisit) сексуальной символистики» (стр. 72—3).

Итакъ, мы знаемъ, что первичное половое возбужденіе, хотя и связано съ нѣкоторыми «эрогенными зонами», но, въ сущности, довольно равномѣрно распредѣлено по всему организму. Изъ этого вытекаетъ то обстоятельство, что «наклонность къ извращеніямъ представляетъ собой первоначальную всеобщую основу человѣческаго полового влеченія, изъ которой развивается въ теченіе періода половой зрѣлости нормальная половая жизнь путемъ органическихъ измѣненій и психическихъ задержекъ» (стр. 104). Въ качествѣ силъ, направляющихъ половое влеченіе, наряду съ измѣненіями чисто тѣлесными играютъ роль «стыдъ, отвращеніе, состраданіе и соціальныя построенія: мораль и авторитетъ» (стр. 105). Переработка при содѣйствіи всѣхъ факторовъ первичнаго полового возбужденія въ нормальную половую жизнь взрослаго человѣка можетъ по различнымъ причинамъ потерпѣть полную или частичную неудачу. Вѣдь половое возбужденіе ребенка имѣетъ ту ненормальность съ точки зрѣнія взрослаго человѣка, что оно является почти совершенно безразличнымъ отнонительно мѣста своего возникновенія и, сверхъ того, не имѣетъ объекта полового стремленія, а является *аутоэротичнымъ*, какъ выразился Гэвелокъ Эллисъ. Поэтому «если всѣ зачатки сохраняются въ своихъ ненормальныхъ взаимоотношеніяхъ и въ періодъ половой зрѣлости еще усиливаются, то въ конечномъ результатѣ можетъ быть только извращенная половая жизнь» (стр. 111). Характеръ извращенія опредѣляется или строеніемъ самого индивида, или случайными внѣшними обстоятельствами, но очевидно, что всякое половое извращеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ инфантилизмъ, какъ задержку развитія на дѣтской стадіи.

Другимъ уклоненіямъ отъ нормы является «вытѣсненіе»: различные компоненты полового возбужденія подавляются, вытѣсняются

изъ своего нормальнаго русла и поэтому разливаются по «боковымъ путямъ» (стр. 105). Отсюда истерія и неврозъ, какъ замѣна нормальной половой жизни. «Я рѣшительно утверждаю,—говоритъ авторъ на стр. 34,—что участіе сексуальной энергіи составляетъ единственно постоянный и самый важный источникъ энергіи неврозовъ, такъ что половая жизнь невротиковъ выражается исключительно или преимущественно, или только отчасти въ симптомахъ невроза».

«Третій исходъ при анормальныхъ конституціонныхъ зачаткахъ возможенъ благодаря процессу «сублимаціи», при которомъ слишкомъ сильнымъ возбужденіямъ со стороны различныхъ источниковъ сексуальности открывается оттокъ и примѣненіе въ совершенно другихъ областяхъ, такъ что получается весьма значительное повышеніе духовной продуктивности изъ опасной самой по себѣ основы. Одинъ изъ источниковъ художественнаго творчества лежитъ именно здѣсь. Смотря по тому, на сколько совершенна или несовершенна сублимація, анализъ характера высокоодаренныхъ, особенно художественныхъ натуръ знакомитъ насъ со смѣсью творчества, перверсіи и невроза во всевозможныхъ взаимоотношеніяхъ» (стр. 112—3).

Таковы бываютъ уклоненія въ процессѣ концентраціи полового возбужденія; но, сверхъ того, бываютъ еще уклоненія отъ нормы и въ процессѣ отысканія объекта полового чувства.

Мы видѣли, что ребенокъ аутоэротиченъ до такой степени, что, напримѣръ, даже простое сосаніе собственнаго пальца даетъ удовлетвореніе его половому возбужденію. Въ pendant къ этому Фрейдъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе. Онъ говоритъ: «наиболѣе глубокое различіе между любовною жизнью древняго міра и нашего заключается въ томъ, что у древнихъ центральное мѣсто занимало само влеченіе, у насъ же—его объектъ. Древніе прославляли само влеченіе, и были готовы и малоцѣнный объектъ облагородить, благодаря влеченію, мы же очень низко цѣнимъ влеченіе само по себѣ и извиняемъ его только достоинствомъ объекта» (стр. 18—9, примѣч.).

Такимъ образомъ и въ жизни всего человѣчества, и въ жизни каждаго индивида «объектъ» полового чувства получаетъ свое значеніе не сразу. «Когда самое первоначальное половое удовлетвореніе стояло еще въ связи съ принятіемъ пищи, половое влеченіе имѣло половой объектъ внѣ собственнаго тѣла—материнскую грудь» (стр. 94). Затѣмъ, «отношенія къ воспитателямъ являются для ребенка непрерывнымъ источникомъ полового возбужденія и удовлетворенія со стороны его эрогенныхъ зонъ; къ тому же воспитательница—обыкновенно мать—сама относится къ ребенку съ такимъ чувствомъ, которое имѣетъ своимъ источникомъ ея половую жизнь; она гладитъ, цѣлуетъ, качаетъ ребенка и вполнѣ, очевидно,

замѣняетъ имъ полноцѣнный сексуальный объектъ. Мать ужаснулась бы, вѣроятно, если бы ей объяснили, что она своими нѣжностями будитъ въ своемъ ребенкѣ половое влеченіе и подготовляетъ въ дальнѣйшемъ интенсивность этого послѣдняго» (стр. 95—6). Однако, этотъ «ужасъ» матери былъ бы не вполнѣ обоснованъ. «Она исполняетъ только свой долгъ, когда учитъ ребенка любить... Излишекъ родительской нѣжности, правда, вреденъ, такъ какъ онъ ускоряетъ половое созрѣваніе... Лучшимъ предзнаменованіемъ будущей нервозности является ненасытное требованіе ребенкомъ родительскихъ ласкъ, а съ другой стороны, какъ разъ невропатическіе родители, которые большей частью склонны къ чрезмѣрной нѣжности, будятъ слишкомъ рано своими ласками предрасположеніе ребенка къ невротическимъ заболѣваніямъ» (стр. 96).

«Выборъ объекта имѣетъ мѣсто сначала въ представленіяхъ. Половая жизнь созрѣвающаго юношества едва ли имѣетъ другое поле дѣйствія, кромѣ міра фантазій... Среди дѣтскихъ склонностей вполнѣ закономѣрно оживаетъ сексуальная привязанность ребенка къ родителямъ, при чемъ эта привязанность уже дифференцирована благодаря половому притяженію и выражается, слѣдовательно, у сына въ любви къ матери и у дочери въ любви къ отцу. Эта дѣтская любовь къ родителямъ занимаетъ въ фантазіяхъ юношества первое мѣсто. Одновременно съ преодолѣніемъ и отбрасываніемъ этой явно кровосмѣсительной фантазіи происходитъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ и въ то же время крайне мучительныхъ психическихъ процессовъ періода половой зрѣлости—освобожденіе отъ авторитета родителей... (однако) мы встрѣчаемъ людей, которые никакъ не могутъ побороть авторитетъ родителей и вовсе не преодолѣли или преодолѣли очень несовершенно свою нѣжность къ послѣднимъ. По большей части это—дѣвушки. Такія дѣвушки вполнѣ сохраняютъ свою дѣтскую любовь далеко за предѣлы періода половой зрѣлости, къ великой радости своихъ родителей. Весьма поучительно отмѣтить, что такія дѣвушки не въ состояніи въ своей брачной жизни дать своимъ мужьямъ все то, что слѣдуетъ. Онѣ становятся холодными женами и остаются анэстетичными въ половомъ отношеніи» (стр. 98—9).

Мы не будемъ вдаваться въ детальное обсужденіе ученія Фрейда, что завело бы насъ очень далеко. Мы отмѣтимъ лишь то, что считаемъ основнымъ недостаткомъ этого ученія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Фрейдъ прямо этого и не утверждаетъ, но его аргументація построена, въ сущности, на подчиненіи всякаго удовольствія половому удовлетворенію. И ребенокъ, насытившійся материнскимъ молокомъ, и ребенокъ, убаюканный въ люлькѣ, и мальчикъ, мечтающій сдѣлаться кучеромъ—все это у него примѣры половыхъ переживаній. Мы подчеркиваемъ то обстоятельство, что мы отнюдь не утверждаемъ, что это не такъ, мы не утверждаемъ, что Фрейдъ ошибается. Мы только говоримъ, что Фрейдъ

не обосновалъ этого своего утвержденія. Да при нынѣшнемъ состояніи науки онъ и не могъ бы хорошо обосновать его. Психологія чувствованій находится еще въ слишкомъ несовершенномъ состояніи, чтобы можно было теперь же рѣшать такіе вопросы, какъ вопросъ о мѣстѣ полового чувства среди другихъ чувствъ. Но Фрейдъ даже не сдѣлалъ никакой попытки углубить вопросъ. А между тѣмъ онъ могъ бы обратить вниманіе, хотя бы на соотношеніе между питаніемъ и размноженіемъ. Клѣточка питается и увеличивается, но когда она достигнетъ извѣстной величины, она не можетъ болѣе поддерживать единство своего содержимаго— она дѣлится на двѣ клѣтки-дочери: она совершаетъ актъ размноженія. Слѣдовательно, здѣсь размноженіе является лишь слѣдствіемъ питанія, т. е. питаніе въ данномъ случаѣ есть явленіе основное, а размноженіе—производное. А если питаніе есть явленіе основное, то не слѣдуетъ ли и всю систему чувствованій строить скорѣе на чувствѣ питанія, чѣмъ на половомъ чувствѣ. Мы привели это соображеніе не цѣлью что-либо утверждать, а лишь съ цѣлью указать, что есть и другія линіи разсужденій, помимо той, по которой слѣдовалъ Фрейдъ, и что, слѣдовательно, ему, для укрѣпленія своей позиціи, слѣдовало бы углубить и расширить свое изслѣдованіе.

А. Г. Табрумъ. Религіозная вѣрованія современныхъ ученыхъ. Пер. съ англійскаго подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. М. 1912 г. XV+153 стр. Ц. 1 р.

Книга эта снабжена предисловіемъ предсѣдателя «Сѣверо-Лондонской лиги доказательствъ истины христіанства» Дроубриджа, въ которомъ онъ выясняетъ исторію возникновенія труда Табрума. „Что ученые, какъ таковые,—говоритъ онъ—антирелигіозны, это одно изъ наиболѣе часто повторяемыхъ утвержденій тѣхъ демагоговъ-атеистовъ, что выступаютъ съ рѣчами на улицахъ и въ паркахъ» (стр. XII). Дѣйствительно, „невѣріе ученыхъ“ сдѣлалось шаблоннымъ выраженіемъ, какъ въ устахъ людей вѣрующихъ, такъ и въ устахъ невѣрующихъ. Въ странахъ малокультурныхъ на это «невѣріе ученыхъ» и на «атеистичность науки» обыкновенно ссылаются, когда предлагаютъ различныя репрессіи противъ науки и ученыхъ; но культурный англичанинъ Табрумъ ясно понялъ, что признать ученыхъ невѣрующими и отдать вѣру въ удѣлъ однимъ только «простецамъ», значитъ, нанести смертельный ударъ той самой религіи, ревностнымъ защитникомъ которой онъ является. Поэтому онъ рѣшилъ узнать, на сколько обосновано ученіе о невѣріи ученыхъ, выяснить, «каковы факты» (стр. XIII). Для этого онъ попытался собрать «*подлинныя показанія самихъ ученыхъ объ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ* (стр. XIII).

Для достиженія своей цѣли Табрумъ разослалъ опросные листы

наиболѣе выдающимся представителямъ науки въ Англіи и въ Америкѣ. Въ этихъ опросныхъ листахъ онъ сообщалъ своимъ корреспондентамъ, что однажды онъ былъ на одной анти-христіанской лекціи, въ которой лекторъ доказывалъ, что: «1) научныя изслѣдованія послѣдняго времени показали, что Библія и религія ложны, и 2) выдающіеся вожди науки иррелигіозны и враждебны христіанству» (стр. 6). Поэтому онъ ставилъ своимъ корреспондентамъ слѣдующія два вопроса: «1) Существуетъ ли дѣйствительно противорѣчіе между фактами науки и основными началами христіанства? 2) Въ вашемъ жизненномъ опытѣ приходилось ли вамъ знать ученыхъ иррелигіозныхъ и враждебныхъ христіанству?» (стр. 7).

Довольно значительное количество ученыхъ отвѣтило на вопросы Табрума. Изложеніе и анализъ этихъ отвѣтовъ и является содержаніемъ разбираемой нами книги. Составитель книги считаетъ эти отвѣты благопріятными для христіанства, но мы думаемъ, что избранный имъ методъ изслѣдованія страдаетъ такими существенными недостатками, что его компилятивный трудъ ни на шагъ не подвинулъ вопроса впередъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на томъ обстоятельствѣ, что Табрумъ обратился со своими вопросами къ однимъ лишь англо-саксонскимъ ученымъ. А всѣмъ извѣстна та характерная особенность англо-саксовъ, что они упорно держатся за внѣшнюю сторону, даже лишивши ее всякаго содержанія. Не будемъ также особенно подчеркивать и то обстоятельство, что среди ученыхъ, на мнѣніе которыхъ ссылается Табрумъ, не мало такихъ, компетентность которыхъ въ вопросахъ религіи болѣе чѣмъ сомнительно. Такъ, напримѣръ, онъ сообщаетъ намъ мнѣніе нѣкоторыхъ гинекологовъ о Богѣ и религіи... Едва ли этихъ почтенныхъ людей можно считать особенно авторитетными въ данныхъ вопросахъ.

Повторяемъ, мы не будемъ настаивать на этихъ слабыхъ сторонахъ книги, а перейдемъ прямо къ существу дѣла и скажемъ, что такіе сложные и многосмысленные вопросы, какъ вопросы о религіи, не могутъ рѣшаться анкетно-интервьюерскимъ способомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, гинекологи въ лицѣ Симпсона и сообщаютъ намъ такіе труизмы, какъ то, что «Богъ познается не телескопомъ и не микроскопомъ» (стр. 100), и считаютъ назидательнымъ разсказъ о томъ, что дочь Брьюстера, послѣ того какъ ея отцу поставили памятникъ, изображающій его съ призмой въ рукѣ,—написала стихотвореніе, въ которомъ задала такой вопросъ: «Удалось ли ему (Брьюстеру) разложить цвѣта призматическаго Престола Божія?» (стр. 100); если, повторяемъ, гинекологъ Симпсонъ и считаетъ все это имѣющимъ значеніе для рѣшенія вопроса объ отношеніи христіанства къ наукѣ,—то, съ другой стороны, отвѣты людей дѣйствительно компетентныхъ въ этихъ вопросахъ, т. е., отвѣты философовъ, въ сущности, лишь подчер-

кивают неумѣстность анкетнаго метода. Такъ, напр., редакторъ Mind'a, извѣстный психологъ Стаутъ говоритъ: «Я готовъ согласиться съ тѣмъ, что антагонизма между установленными фактами науки и основными ученіями христіанства нѣтъ; но подъ основными доктринами христіанства я разумѣлъ бы тѣ основы христіанскаго ученія, которые сообщили ему силу для благотворнаго вліянія на міръ. Надо, слѣдовательно, опредѣлить, каковы онѣ (стр. 106)». Думаемъ, что если бы Табрумъ хорошенько вникъ въ этотъ отвѣтъ Стаута, то онъ не написалъ бы своей книги, ибо понялъ бы, что, быть можетъ, каждый изъ его корреспондентовъ, говоря о религіи и о христіанствѣ, вкладывалъ въ эти понятія свой смыслъ.

Табрумъ, повидимому, смѣшалъ ученыхъ съ тѣми,—говоря словами его соратника—„демагогами-атеистами, что выступаютъ съ рѣчами на улицахъ и въ паркахъ“ и его, очевидно, не отрезвилъ даже отвѣтъ профессора философіи Кэмбриджскаго университета Уорда, который пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Что касается отношенія современныхъ ученыхъ къ религіи, то, на сколько мнѣ извѣстно, оно лишь изрѣдка бываетъ положительно враждебнымъ, чаще же оно носитъ характеръ агностическій, либо болѣе или менѣе индифферентный» (стр. 105—6). Этотъ отвѣтъ, какъ читатель видитъ, есть варіація знаменитаго отвѣта Лапласа Наполеону первому. Извѣстно, что, когда Наполеонъ спросилъ Лапласа, почему въ его «Небесной Механикѣ» нѣтъ упоминанія о Богѣ, то великій математикъ отвѣтилъ ему: «Государь, эта гипотеза мнѣ не была нужна».

Ип. Гливицъ. Желѣзная промышленность Россіи. [illegible] мическо-статистическій очеркъ. Спб 1911 г. Цѣна 1 р. 80 к.

Работа г. Гливица была первоначально написана для туринской международной выставки на французскомъ и итальянскомъ языкахъ; но затѣмъ авторъ воспользовался имѣвшимися у него обильными статистическими матеріалами для изданія ея по-русски въ передѣланномъ и расширенномъ видѣ.

Дѣйствительно, богатыя статистическія данныя доставили автору возможность нарисовать интересную картину нашей металлургической промышленности. Производство руды, чугуна, желѣза и стали и издѣлій изъ нихъ, вывозъ и привозъ, цѣны на различные продукты, сбытъ и потребленіе—все это устанавливается г. Гливицомъ на основаніи цифрового матеріала. Прежде всего онъ показываетъ, какъ постепенно югъ Россіи оттѣсняетъ на второй планъ всѣ прочіе районы, въ особенности же Уралъ. За тридцать лѣтъ до 1900 года общеимперская добыча руды увеличилась въ 8 разъ, добыча же юга въ 158 разъ; въ 1909 г. южный районъ производилъ почти $^3/_4$ (73,5 проц.) всей руды. При этомъ усиливается концентрація желѣзно-рудной промышленности

юга Россіи: въ 1909 г. 87 проц. всей вывезенной отсюда руды было погружено отправителями, изъ коихъ каждый отправлялъ свыше 10 милліоновъ пудовъ (стр. 27).

И въ области выплавки чугуна преобладающую роль занялъ южный районъ. Еще «въ 1880 г. югъ выплавлялъ всего 5 проц. общеимперскаго производства чугуна, въ то время, какъ на долю Урала приходилось не менѣе 71 проц: въ настоящее время роли перемѣнились—югъ съ легкостью выплавляетъ около 70 проц., въ то время, какъ Уралъ насилу дѣлаетъ 21 проц.» (стр. 36). Побѣда юга надъ Ураломъ обусловлена преимуществомъ плавки на минеральномъ топливѣ передъ плавкой на растительномъ: Уралъ и до сихъ поръ пользуется древеснымъ углемъ; мало того, и выдѣлка желѣза и стали производится на Уралѣ до сихъ поръ примитивными способами; «еще и теперь тамъ можно встрѣтить не то, что пудлинговую печь, но и кричный горнъ» (стр. 47).

Весьма цѣннымъ является указаніе г. Гливица на то обстоятельство, что у насъ въ послѣднее время производство рельсъ теряетъ свое прежнее значеніе въ области металлургической индустріи, постепенно уступая первое мѣсто производству сортового желѣза, балокъ и проволоки, т. е. предметамъ народнаго спроса. Производство сортового желѣза, балокъ и проволоки составляло въ 1882 г. всего 39 проц. всего производства готовыхъ желѣзныхъ и стальныхъ продуктовъ, а въ 1910 г.—54 проц., производство же рельсъ упало за это время съ 27 до 16 проц. Такимъ образомъ, наша металлургическая промышленность, которая первоначально приспособилась только къ производству рельсъ и къ казеннымъ заказамъ, постепенно начинаетъ производить и рыночный товаръ, необходимый для населенія. Но эта перемѣна происходитъ лишь медленно—авторъ преувеличиваетъ ея скорость. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ въ 1908 году рельсы составляли 11—13 проц. всего продукта (въ Англіи 17 проц.), у насъ же на югѣ въ 1909 г. цѣлыхъ 29 проц., а въ 1910 г. 23 проц. (стр. 48—49). Преувеличеніемъ является и другое утвержденіе автора, что Россія пріобрѣла значеніе среди міровой металлургической промышленности. Изъ приводимой имъ же таблицы (стр. 34) мы можемъ усмотрѣть, что Россія, выплавлявшая въ 1861 г. 4 проц. мірового производства чугуна, и теперь выплавляетъ почти столько же (4,7 проц. въ 1909 г.), тогда какъ доля Германіи увеличилась за это время съ 8 до 21 проц., а Соединенныхъ Штатовъ съ 9 до 43 проц.; мы стоимъ въ настоящее время даже позади Франціи, значеніе которой въ области металлургической промышленности весьма не велико.

Слабыми являются многія разсужденія автора, касающіяся правительственныхъ мѣропріятій относительно нашей металлургической промышленности; въ особенности онъ не въ состояніи кри-

тически отнестись къ нашей экспортной политикѣ, создавшейся подъ вліяніемъ таможеннаго протекціонизма. Признавая, что экспортныя цѣны гораздо ниже цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, г. Гливицъ считаетъ такое положеніе нормальнымъ, ибо «экспортъ желѣзныхъ продуктовъ за послѣднія пять лѣтъ сберегъ странѣ примѣрно 15 милл. руб. въ видѣ заработной платы и предохранилъ отъ износа $6^1/_2$ милл. капитала» (стр. 78). Однако, едва ли можно признать правильнымъ такое форсированье экспорта, когда вывозъ по убыточнымъ цѣнамъ составляетъ постоянное явленіе, а не только предохранительный клапанъ въ годы кризиса; что же касается цифры уплаченной, благодаря этому экспорту, заработной платы, то сама по себѣ эта цифра ничего еще намъ не говоритъ: надо знать, какъ вознаграждались рабочіе, достаточна ли была заработная плата для мало-мальски культурнаго существованія.

Съ этимъ убыточнымъ экспортомъ автору слѣдовало сопоставить цифры, сообщаемыя имъ въ другихъ мѣстахъ относительно потребленія чугуна, желѣза и стали въ разныхъ странахъ (стр. 92), и относительно цѣнъ на готовые продукты (рельсы, балки, сортовое желѣзо и т. д. стр. 97). Оказывается, что потребленіе составляетъ теперь въ среднемъ на душу населенія: въ Соединенныхъ Штатахъ 13,6 пудовъ, въ Англіи—9,4 пуд., въ Германіи—8,3 пуд. и даже во Франціи и Австріи—4 и 1,8 пуд., у насъ же—1,27 пуд. Это низкое душевое потребленіе находится въ связи съ тѣмъ, что у насъ цѣны гораздо выше, чѣмъ въ иностранныхъ государствахъ, что для нашего крестьянина желѣзо слишкомъ дорого; напр., въ 1910 г. балки стоили въ Германіи 83,4 коп. за пудъ, въ Соед. Штатахъ--98,3—108,8 коп., у насъ же—108—123 коп. Авторъ ссылается, правда, на то, что нашъ промышленникъ несетъ «рядъ такихъ тяготъ, о которыхъ его западно-европейскій собратъ давно забылъ»—обычная ссылка и нѣмецкихъ, и французскихъ протекціонистовъ. Но онъ забылъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, существующемъ на Западѣ (въ Германіи, Англіи) и тяжело ложащемся на промышленниковъ, забылъ о подоходномъ налогѣ и т. д.

Несмотря на эти недочеты, книга г. Гливица во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія: въ ней собранъ богатый матеріалъ (цѣнныя статистическія и картографическія приложенія, составляющія болѣе 100 страницъ) и читается она съ интересомъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во „Современныя Проблемы". М. 1911.— ***Бьернстьерне Бьернсонъ.*** Собр. соч. Т. V. Новобрачные. Леонарди, Арне. Ц. 1 р.—***Отто Рунгъ.*** Собр. соч. Т. I. Вереница тѣней. Ц. 1 р. — ***Ж. К. Гюисмансъ.*** Собр. соч. Т. I. Бездна. Романъ. Съ пред. З Венгеровой. Ц. 1 р. 50 к. — ***І. Ф. Гейтлеръ,*** проф. Электромагнитныя волны и колебанія. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1912.— ***Н. В. Тулуповъ*** и ***П. М. Шестаковъ.*** Очерки и разсказы для первонач. знакомства съ исторіей. Ц. 1 р.— ***Д. И. Троцкій.*** Двѣнадцатый годъ. Ц. 75 к.—***К. М. Курдовъ.*** Ледяной міръ. Ц. 20 к.—***Н. И. Соколовъ*** и ***В. Н. Пановъ.*** Третья книга послѣ букваря. Ц. 50 к.—***Ихъ-же.*** Наиболѣе краткій путь къ обученію грамотѣ и и всестороннему развитію. Ц. 65 к.— ***Д. Левитусъ.*** Курсъ элем. алгебры. Ч. II. Ц. 75 к.—***В. Н. Сатаровъ.*** Наглядное изученіе русск. правописанія. В. II. Этимологія. Ц. 30 к. В. III. Синтаксисъ. Ц. 30 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1911.— ***А. Ремизовъ.*** Сочиненія. Т. IV. Ц. 1 р. 75 к.—***Маркъ Твэнъ.*** Избранные разсказы. Кн. 2-я. Ц. 1 р. 25 к.— ***Г. д'Аннунціо.*** Собр. соч. Т. X. Дѣвы скалъ. Ц. 1 р. 25 к.—***Гюи-де-Мопассанъ.*** Полн. собр. соч. XXIII и XXV т.т. Ц. по 1 р.

Кн-ное Т-во „Просвѣщеніе". Спб. 1911.—***А. В. Амфитеатровъ.*** Собр. соч. Т. IX. Ц. 1 р. 50 к. — ***Н. Олигеръ.*** Собр. соч. Т. II. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.—***Н. М. Осиповичъ.*** Собр. соч. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.—***С. А. Ан—скій.*** Собр. соч. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.— ***В. В. Муйжель.*** Собр. соч. Т. III. Ц. 1 р.—***А. И. Левитовъ.*** Собр. соч. Т. IV и V. По 1 р.—***Г. А. Мачтетъ.*** Полное собр. соч. Т. IV. Ц. 1 р.— ***П. М. Невѣжинъ.*** Собр. соч. Тт. XI и XII по 1 р. 50 к.—***Е. А. Сысоева.*** Исторія маленькой дѣвочки. Ц. 2 р. 50 к.—***Ольга Шапиръ.*** Собр. соч. Т. VI. Авдотьины дочки. Ц. 1 р. 50 к.— ***Б. Лазаревскій.*** Собр. соч. Т. III. Ц. 1 р. —***Вл. Серг. Соловьевъ.*** Собр. соч. Т. I. 2-е изд. Ц. 2 р.

Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ. Спб. 1911.— ***К. С. Баранцевичъ.*** Сочиненія. Т. I. Чужакъ. Т. II. На волю Божью. Т. III Тихое счастье. Ц. по 1 р. за т.— Сборникъ Фіорды. В. 8-й. Ц. 1 р. 25 к.—***Я. И. Рудневъ.*** Учебникъ географіи для нар. школъ. Ц. 60 к.— ***О. Павловская.*** Скоромный и постный столъ. 5-е изд. Ц. 4 р.

Кн-во В. М. Саблина. М. 1911.— ***Іог. В. Іенсенъ.*** Собр. соч. V, VI и VIII т.т. Ц. по 1 р.—***Кл. Фибихъ.*** Собр. соч. V и VI т. т. по 1 р.— ***Генр. Маннъ.*** Полн. собр. соч. Т. V. Ц. 1 р.—***Арнэ Гарборгъ.*** Собр. соч. V и VI т. т. Ц. по 1 р.—***Г. Гауптманъ.*** Полн. собр. соч. Т. т. III, IV, V, IX и XI. Ц. по 1 р. за томъ. ***Вл. Реймонтъ.*** Полн. собр. соч. Т. т. VI, VII и VIII. Ц. по 1 р. 50 к.—***Герм. Бангъ.*** Собр. соч. Т. т. VII, VIII и XI. Ц. по 1 р.—***І. Крашевскій.*** Каштелянный медъ. Ц. 75 к.—***Лобамаръ.*** Краткій курсъ паразитологіи. Пер. д-ра М. Хитрова. Ц. 45 к.

Изд. Т-ва Общественной Пользы. Спб. 1912.—***Г. И. Маркеловъ.*** Личность, какъ культурно-историческое явленіе. Т. I. Ц. 2 р.—***Его же.*** Философія и наука. Ц. 50 к.—***Г. Гефдингъ.*** Философія религіи. Полный переводъ В. Базарова и П. Степанова. 2-е испр. изд. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1912.—***Л. Н. Толстой.*** Путь жизни. Ц. 1 р. 40 к.— ***С. Т. Семеновъ.*** Крестьянскіе разсказы. Т. IV. Ц. 90 к.—***Ал. Дауге.*** Искусство и творчество въ воспитаніи. Ц. 75 к.—***О. Полетаевъ.*** Три года преподаванія естествознанія и географіи. Ц. 1 р. 30 к.—***П. Хлѣбниковъ.*** Въ дыму и въ огнѣ. Ц. 40 к.—***И. Горбуновъ-Посадовъ и Е. Горбунова.*** Кругомъ свѣта Ч. II. В. I. Ц. 1 р. 80 к.—Календарь для каждаго 1912 г. Ц. 20 к.—Сельскій и деревенскій календарь 1912 г. Ц. 20 к.—***Ф. Паркеръ.*** Маленькіе американцы. Перев. Л. и Ж. Караваевыхъ. Ц. 45 к.—***В. Донъ и Ф. Тик-***

неръ. Наглядная географія. Кн. 2-я. Перев. А. Трахтаревой. Ц. 60 к.— ***Л. Н. Толстой***. Живой трупъ. Драма. Ц. 3 к. — ***П. Бирюковъ***. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Т. I. Ц. 2 р. 20 к — ***Л. Н. Толстой***. Ручной трудъ и умственная дѣятельность. Ц. 2 к.— Три притчи. Ц. 2 к.—Кто правъ? Ц. 5 к. Стыдно. Ц. 2 к. Къ вопросу о свободѣ воли. Ц. 3 к. О переписи въ Москвѣ.—Ц. 2 к.—Въ чемъ счастье? Ц. 3 к.—Религія и нравственность. Ц. 3 к.—О вѣрахъ. Ц. 3 к.—Поликушка. Смерть Ивана Ильича. Ц. 18 к.—***Е. Фортунатовъ*** и ***Л. Шлегеръ***. Первые шаги. Азбука и первое чтеніе. Послѣ азбуки. Ц. 30 к.—Передовыя школы и воспитательныя учрежденія Европы и Америки. Кн. 2-я Опытъ новой школы, Ц. 25 к. Кн. 3 Воспитан. нравственно-испорченныхъ дѣтей. Ц. 25 к. Кн. 4-я. Школа Г. Манта въ Нью-Іоркѣ. Ц. 40 к.—***В. Петровъ***. Обязательность обученія. Ц. 15 к.—***В. Шенихенъ***. Природовѣдѣніе въ американской школѣ. Ц. 45 к.—***Е. Фортунатовъ***, ***Л. Шлегеръ*** и ***А. Фортунатовъ***. Первый годъ обученія въ начальной школѣ. Ц. 50 к.—***А. Ферьеръ***. О новой школѣ. Ц. 15 к.—Лига народнаго воспитанія въ Берлинѣ и домъ Песталоцци-Фребеля. Ц. 20 к.—***Л. Толстой и Э. Карпентеръ***. Современная наука. Ц. 6 к.—***П. Христіановичъ***. Опытъ устройства общеобразовательной школы. Ц. 35 к.

„Современное книгоиздательство". М. 1911.—***И. С. Никитинъ***. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біограф. очеркомъ В. Н. Мартова. Ц. 70 к.

Изд. Отто Кирхнеръ. Спб. 1911.— Календарь для студентовъ на 1911—1912 г.—Календарь для юристовъ на 1912 г.

Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1912 г.— ***М. Руссобтовскій***. Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. 2-е изд. Ц. 1 р.—***А. Алтаевъ***. Веселый вечеръ. Сборникъ занятій, игръ, шутокъ, разсказовъ и стихотвореній. Съ рис. Ц. 80 к.

Кн-во К. Ф. Некрасова. М. 1912.— ***Гуннаръ Гейбергъ***. Собр. соч. Т. т. I и II по 1 р.—***Ж. К. Гюисмансъ***. Собр. соч. Т. I. Ц. 1 р. 25 к,

Изд. „общины св. Евгеніи". Спб. 1911.—Открытыя письма и др. художественныя изданія. Изд. 5-е.—Обзоръ художественныхъ изданій.

Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. В. Шекспиръ въ 2-хъ томахъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. I. М. 1912.

„Гамаюнъ". Литературный сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣч. обл. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

К. Д. Бальмонтъ. Сборникъ стиховъ. Т. VI. Ц. 50 к.

В. Винниченко. Разсказы. Т. I. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Ромэнъ Ролланъ. Жанъ-Кристофъ II. Утро. Пер. А. Соколовой. М. 1911. Ц. 10 к.

Алекс. Ратнеръ. Сборникъ разсказовъ. «Тоска». Кіевъ. Ц. 20 к.

Х. Толшемскій. Въ мірѣ рясы. Разсказы. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

XXXVI Сборникъ Т-ва «Знаніе» за 1911. Ц. 1 р.

Степанъ Аникинъ. Деревенскіе разсказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Н. В. Кожуркинъ. Стихотворенія и разсказы. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Н. Е. М. (Ник. Реулло). Драматическія фантазіи. № 1. Сафо. Ц. 20 к. № 2. Танецъ Саломіи. Ц. 25 к.

Биб-ка «Сатирикона» Спб. 1911.— ***Вл. Азовъ***. «Цвѣтныя стекла». (Сатирич. разсказы). Ц. 1 р. 10 к.

М. Рилицкій. Въ лѣсной глуши и др. очерки и разсказы. Хар. Ц. 1 р.

Кузя Хворостининъ. Полное собр. сочиненій. Спб. 1912. Ц. 3 р.

Леся Українка. Твори. Кн.перша. Київ. Ц. 1 р. 20 к.

І. Драгеймъ.—І. Ф. С. -Эхо жизни. Разсказы. Т. I. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Ал. Рославлевъ. Разсказы. Кн. 1-я Ц. 1 р. 25 к.

В. Винниченко. Моментъ. Пер. М. Муколова. Владив. Ц. 50 к.

Конст. Винокуровъ. Стихотворенія. Екатериносл. 1910.

М. Тихомировъ. Магнитъ. Сцены изъ жизни сельской школы. М. 1911. Ц. 30 к.

Ипполитъ Луневъ. Аккорды „прости". Стихи. Херсонъ. 1911. Ц. 10 к.

Историко - литер. библіотека подъ ред. Иванова-Разумника. № 12. ***Г. Р. Державинъ***. Стихотворенія. Съ прим. Иванова-Разумника. Спб. 1911. Ц. 30 к.

Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. М. 1912. Ц. 2 р.

Гр. Арельскій. Голубой ажуръ. Стихи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Ал. Конге и Мих. Долиновъ. Плѣнные голоса. Стихи. 1912. Ц. 1р.

Ю. Зубовскій. Изъ городского окна. Стихотв. Ц. 85 к.

Любовъ Бѣлкина. Лѣсная лилія. Стихи. М. 1911. Ц. 1 р.

Л. М. Василевскій. Стихи. 1902—1911. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Н. В, Корецкій. Пѣсни ночи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

М. Я. Капланъ. Разсказы, кн. 2-я. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

А. Кипенъ. Разсказы, Т. I. Московское кн-во. М. 1911, Ц. 1 р. 25 к.

Е. Н. Водовозова. На зарѣ жизни. Воспоминанія. Жизнь въ провинціальной глуши. Институтъ до и послѣ реформы. Среди молодежи 60-хъ годовъ. Спб. 1912. Ц. 2 р.

Ч. Вѣтринскій. Жизнь и стихотворенія И. С. Никитина. М. 1911. Ц. 20 к.

Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ А. Пругавина, Н. Давыдова, Н. Тимковскаго и др. лицъ. М. 1911. Ц. 1 р.

А. С. Панкратовъ. Ищущіе бога. Кн. 2-я. М. 1911. Ц. 1 р.

Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М. 1911.

А. Бебель. Мемуары. Ч. 2-я. Пер. съ рукописи. Н. Рязанова. М. 1912. Ц. 2 р. 75 к.

Отто Юл. Бирбаумъ. Принцъ-кукушка. 2 части. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Евг. Барановъ и Ф. Казмановъ. Толстой живъ. М. 1911. Ц. 50 к.

А. Бергсонъ. Матерія и память. Пер. А. Баулеръ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Рожковъ. Основы научной философіи. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Н. Лосскій. Введеніе въ философію. Ч. 1-я. Введеніе въ теорію знанія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

П. Д. Успенскій. Tertium organum (ключъ къ загадкамъ міра). Спб. 1911 Ц. 2 р.

Ф. Шлейермахеръ. Рѣчи о религіи. Монологи. Перев. С. Франкъ. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

А. Г. Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Пер. подъ ред. В. Кожевникова и Н. Соловьева. М. 1912. Ц. 1 р.

М. Роговичъ. Нѣсколько словъ объ ученіи Ницше. Спб. Ц. 15 к.

Бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права. Спб. 1911. Ц. 3 р.

А. К. Кабановъ. Смута Московск. государства и Н. Новгородъ. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

Е. Эфруси. Исторія Россіи. Учебникъ и книга для чтенія. М. 1911. Ц. 90 к.

К. Бербенко. Черна Гора и черногорцитѣ. София. 1911.

П. Н. Милюковъ. Вооруженный миръ и ограниченія вооруженій. Спб. Ц. 60 к.

Алекс. Н. Закъ. Крестьянскій поземельный банкъ 1883—1910. М. 1911. Ц. 2 р.

И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Заработки фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. М. 1911. Ц. 3 р.

Д-ръ ***Н. А. Вигдорчинъ.*** Соціальное страхованіе. Систематическое изложеніе исторіи, организаціи и практики всѣхъ формъ соціальнаго страхованія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

П. Петровичъ. Рабочіе бакинскаго нефтепромышленнаго раіона. Тифлисъ. 1911. Ц. 40 к.

Д-ръ ***Ган. Гебгардъ.*** Исторія кооперативнаго движенія въ Финляндіи. Спб. 1911. Ц. 75.

Л. А. Шалландъ. Иммунитетъ народныхъ представителей. Юридич. изслѣдованіе. Ч. 1-я Юрьевъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Б. Гомбергъ. Опытъ изложенія основныхъ началъ этіологіи преступленія. Ч. 1-я Кіевъ. 1911.

Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. к. 2-й Серг. Посадъ. 1912. Ц. 3 р.

С. И. Солнцевъ. Заработная плата, какъ проблема распредѣленія. Съ таблицами и діаграммами. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

А. Н. Шлосбергъ. Начало періодической печати въ Россіи. Спб. Ц. 50 к.

Вл. Тукалевскій. Исканія русскихъ массоновъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

К. Шенхеръ. Вѣра и родина. Трагедія одного народа. Пер. В. Горева. Спб. 1911, Ц. 75 к.

Н. Р. Политуръ. Мих. Вас. Ломоносовъ и жизнь XVIII в. Спб. 1912. Ц. 40 к.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. I. съ 5-ю портретами. Спб. 1911. Ц. 3 р.

И. Галантъ. Ритуальный процессъ въ Дунай-городѣ въ 1748 г. 2-е изд. Кіевъ. 1911.

Б. П. Никоновъ. Споръ о ребенкѣ. Спб. 1911. Ц. 60 к.

М. М. Катаевъ. Мѣстныя кресть-

янскія учрежденія 1861, 1874 и 1889 гг. Части I и II. Спб. 1911.

А. Филиппсонъ, проф. Средиземье (область Средиземнаго моря). Перев. А. Бѣльскаго. Подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

І. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Изд. 2-е. Ч. 1-я. Ц. 2 р.— ***Его же***. Русско-германскій торговый договоръ и задача Россіи. М. 1912. Ц. 45 к.

Н. Каблуковъ. Пособіе къ ознакомленію съ условіями и пріемами собиранія и разработки свѣдѣній при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к

Великая Россія. Географическіе, этнограф. и культурно-бытовые очерки современной Россіи. Подъ общимъ руководствомъ проф. ***Д. Н. Анучина***. Т. I. Сибирь. Пр.-доц. П. М. Головачева. М. 1912.

А. Н. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. Т. II. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Б ка „Наука и Искусство". Спб. 1911.—***Г. Блюхеръ***. Химія. Ц. 15 к.— ***Ф. Штрейглеръ***. Буддизмъ. Ц. 20 к.— ***Е. С. Лядовъ***. Радій. Ц. 15 к.

Д. И. Шейнисъ. Еврейское студенчество въ цифрахъ. 1911. Кіевъ. Ц. 35 к.

В. В. Очерки крестьянскаго хозяйства. Статьи 1882—86 гг. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Л. Берлинраутъ и М. Раснинъ. Еврейское населеніе г. Вологды. М. 1911. Ц. 40 к.

А. В. Хрущовъ. Проблема права. М. 1911. Ц. 50 к.

Страдальцы за землю русскую. Патріархъ Гермогенъ и Троицкій архимандритъ Діонисій. М. 1911.

Ф. С. Дуговской. Недочеты въ дѣлѣ постройки и эксплоатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Мысли Пушкина. Изд. книжнаго маг. Н. Я. Оглоблина. Спб. 1912.

А. Бремъ. Жизнь животныхъ. 4-е совершенно перераб. и значительно расширенное изд. проф. О. Цуръ Штрассеаа въ 13 томахъ. Авторизованный переводъ проф. Н. М. Книповича. Шестой томъ. Птицы.

П. Д. Первовъ. Проложеніе перваго телеграфа черезъ океанъ. Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 35 к.

Валерій Карринъ. Сказки-картинки. Малый форматъ: № 16 — Про голоднаго волка. Журавль и цапля. № 17—Лисица и заяцъ. Ворона и ракъ. № 18.—Лисица и горшокъ. Медвѣжья лапа. № 19.—Снѣгурочка. Козья смерть. № 20—Лисица, пѣтухъ и журавль. Лиса и тетеревъ. Ц. каждой книжки 10 к.

Валерій Карринъ. Сказки-картинки. Изданіе большого формата: № 1—Золотое яичко. Теремокъ. Козлятки и волкъ. Воробей и былинка. Три козлика Брузе. Лиса и журавль. Мужикъ и медвѣдь. Лиса и мужикъ. Волкъ-рыболовъ. Мѣна. Пословицы. Ц. 60 коп., въ папкѣ 80 к. № 2.—Лисица и горшокъ. Журавль и цапля. Про голоднаго волка. Лисица и заяцъ. Снѣгурочка. Баранъ и верблюдъ. Лиса и тетеревъ. Медвѣжья лапа. Пословицы и побасенки. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к.

М. Хрущинскій. Краткій учебникъ ариѳметики. Спб. 1911. Ц. 70 к.

Программы чтенія для самообразованія. 6-е изд., перераб. Спб. 1911. Ц. 40 к.

И. Н. Шапошниковъ. Наглядная практическая грамматика. Ч. 1-я. М. 1911. Ц. 30 к.

Алекс. Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Импер. Эрмитажа.

Изд. Ф. Щепанскаго. Спб. 1911.— ***Ф. Шмидтъ*** проф. 250 отвѣтовъ на фотографическіе вопросы. Ц. 1 р. 25 к. ***Г. Шмидтъ***. Записная и справоч. книжка для фотографирующихъ. Ц. 60 к.

Изд. «Новая Школа» Спб. 1911.— ***А. Зачиняевъ***. Букварекъ. Ц. 8 к.— ***Его-же***. Практ. грамматика. Ч. 1-я. Ц. 20 к.—***Г. Вентвортъ и Е. Ридъ***. Начальная ариѳметика. Ц. 30 к.

M. Pines. Histoire de la litterature judéo-allemande. Paris. 1911.

В. В. Сиповскій. Сокращенный курсъ исторіи русской словесности, Ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Г. Григорьевъ. Курсъ физики. Ч. II, съ рис. и портретами. Спб. 1911. Ц. 1 р. 80 к.

П. М. Троицкій. Краткія свѣдѣнія о космографіи. Спб. 1911. Ц. 70 к.

М. Герасимовъ. Русская грамматика для начальн. училищъ. Изд. 4-е. Спб. 1912. Ц. 30 к.

Ц. и В. Балталонъ. Воспитательное чтеніе. Изд. 2-е доп. М. 1911. Ц. 90 к.

Полный сборникъ правилъ пріема и программъ высшихъ, среднихъ и низшихъ общеобраз. спеціальн., и профессіон. учебныхъ заведеній Россіи, мужскихъ и женскихъ, правительств. и частныхъ. Составилъ ***Н. И. Воро-***

тинцевъ. Изд. 3-е Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

Изд. Московскаго О-ва грамотности. М. 1911.—***А. А. Титовъ***. Счастливые острова. Новая Зеландія. Ц. 10 к.—***Внч. Волгинъ***. Судьбы англійскаго крестьянства. Ц. 15 к.—Примѣрные каталоги, выработанные библіотечной коммиссіей.

Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Т. I. Вып. 2-й. Подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1911.

Лѣтопись Екатерининской ученой архивной комиссіи. В. 7-й. 1911.

Матеріалы по изученію Пермскаго края, В. IV. Изд. Музея. Пермь. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

Труды третьяго съѣзда отечественныхъ психіатровъ. Спб. 1910.

Матеріалы по изслѣдованію хозяйства и землепользованія Семирѣченской обл. Т I. В I. Спб. 1911 Изд. Гл. Упр. Землеустр. и Земледѣлія.

Ветеринарный сборникъ. В. XVI. Варшава. 1911. Ц. 1 р.

Извѣстія общества Толстовскаго Музея. № 1. Іюль 1911. Ц. 50 к.

«Фабрикантъ-революціонеръ». Памяти оклеветаннаго общественнаго дѣятеля. 1911.

Банкетъ печати. 19-го февраля 1911 г. Рѣчи. Спб. 1911. Ц. 40.

Дѣйствующее законодательство о евреяхъ. Составилъ пом. пр. повѣр. Е. В. Вайнштейнъ. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1910 г. Изд. Мин. Торг. и Пром. Спб. 1911.

Изд. Бакинской Гор. Управы 1911.—Докладъ о результатахъ работъ по составленію Инвентаря гор. имущ. 1908—1911.—Записка о благоустройствѣ Бакинскаго Торговаго Порта.—Баку по переписи 22 октября 1903 г.

Матеріалы для оцѣнки гор. недвижимыхъ имуществъ Вологодской губ. В. в. IV. и V. Изд. Волог. Губ. Земск. Управы. 1911.

Памяти Лафарговъ.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о самоубійствѣ извѣстнаго французскаго соціалиста, Поля Лафарга, и его жены Лауры, второй дочери Маркса. Я хорошо зналъ ихъ и одно время былъ близокъ съ ними (знались семьями). Когда я увидалъ на первой страницѣ газеты лаконическую строку, «кончили самоубійствомъ Поль Лафаргъ и его жена», я былъ очень удивленъ: такой конецъ не вязался съ моимъ представленіемъ объ этой въ общемъ жизнерадостной четѣ. Но, прочитавъ въ самой телеграммѣ дополнительныя строки: «отравились Поль Лафаргъ и его жена, оставивъ записку, что не желаютъ бороться со старостью», я подумалъ, что такъ и должно было случиться. Въ ихъ взглядахъ на жизнь и смерть было много напоминавшаго воззрѣнія лучшихъ людей древняго міра. И эти воззрѣнія были у нихъ не чѣмъ нибудь внѣшнимъ, навѣяннымъ, но глубоко вросли въ ихъ душу. Жизнь, заполненная интереснымъ, разностороннимъ, высоко человѣческимъ содержаніемъ, и смерть, какъ послѣдній актъ этой самой жизни, когда выгорѣла до конца лампа бытія. Никакой потусторонности у нихъ не было, и никакого мистицизма, даже никакого сомнѣнія насчетъ того, что *здѣсь* все кончается для человѣка. Разъ Лафаргъ и его жена почувствовали, что, вслѣдствіе неумолимыхъ физіологическихъ процессовъ дряхлѣнія,

существованіе теряло для нихъ прежній смыслъ и интересъ, они рѣшили уйти изъ него, какъ долженъ былъ бы уходить съ пира жизни, по словамъ великаго Лукреція, всякій насыщенный бытіемъ гость. Но они не могли не уйти вмѣстѣ, ибо вмѣстѣ, дружно, по-товарищески, они прожили эту хорошую, осмысленную, идейную жизнь, которая была, впрочемъ, не простымъ эпикурействомъ, какъ можетъ показаться поверхностному читателю предшествующихъ строкъ, а именно образцомъ человѣческаго существованія. Она включила и благорбдный энтузіазмъ, и борьбу за идеалъ, и готовность принести въ жертву убѣжденіямъ все, все безъ исключенія, что потребуетъ отъ нихъ дѣло международнаго соціализма которому они всегда служили.

О политической, публицистической, вообще общественной дѣятельности Лафарга (Лаура Марксъ участвовала въ ней болѣе, чѣмъ это могло казаться со стороны) я скажу слѣдующій разъ, въ особой статьѣ, которую я намѣренъ посвятить воспоминаніямъ объ этихъ умныхъ, славныхъ, добрыхъ, благородныхъ людяхъ. Теперь я ограничусь прощальнымъ привѣтомъ товарищамъ по великому міровоззрѣнію труда, которые не претендовали на иное безсмертіе, кромѣ жизни въ памяти людей, стремящихся, какъ и они, осуществить здѣсь, на землѣ, царство общаго счастія и свободы.

Н. С. Русановъ.

Отъ редакціи.

На X, октябрьскую, книгу «Русскаго Богатства», 1911 г. С.-Петербургскимъ Комитетомъ по дѣламъ печати 25 октября наложенъ арестъ. Арестъ этотъ С.-Петербургскою Судебною Палатою (въ распорядительномъ засѣданіи 7 ноября) утвержденъ впредь до исключенія изъ названной книги двухъ статей: «Помпонная идеологія», С. Мстиславскаго и «На очередныя темы», А. Пѣшехонова.

Книга немедленно по ея выходѣ была разослана всѣмъ подписчикамъ и тѣ ея экземпляры, которые не были подписчикамъ доставлены, находятся арестованными въ почтовыхъ учрежденіяхъ, гдѣ ихъ застало распоряженіе объ арестѣ. Въ виду этого редакція лишена возможности исключить изъ книги названныя инкриминируемыя статьи собственными средствами. Поэтому она возбудила ходатайство, чтобы, по двумъ бывшимъ уже примѣрамъ (относительно ноябрьской книжки прошлаго и іюльской нынѣшняго года), статьи эти исключены были мѣстными почтовыми учрежденіями, каковыя и должны послѣ этого всѣ находящіеся у нихъ экземпляры незамедлительно доставить подписчикамъ.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Съ благотворительной цѣлью: въ память П. Ф. Якубовича отъ Я. Достойникъ—1 р. 50 к.; отъ И. Морозова—1 р.; отъ русскаго—10 р.; отъ Черемшанской—3 р.; отъ Т. Ф.—25 р.; черезъ М. П.—35 р.; отъ В. В.—35 р.

Итого . . . 110 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе книгъ съ картинками: отъ Н. М. Г.—2 р.

На школу имени Г. И. Успенскаго: отъ неизвѣстной—500 р.
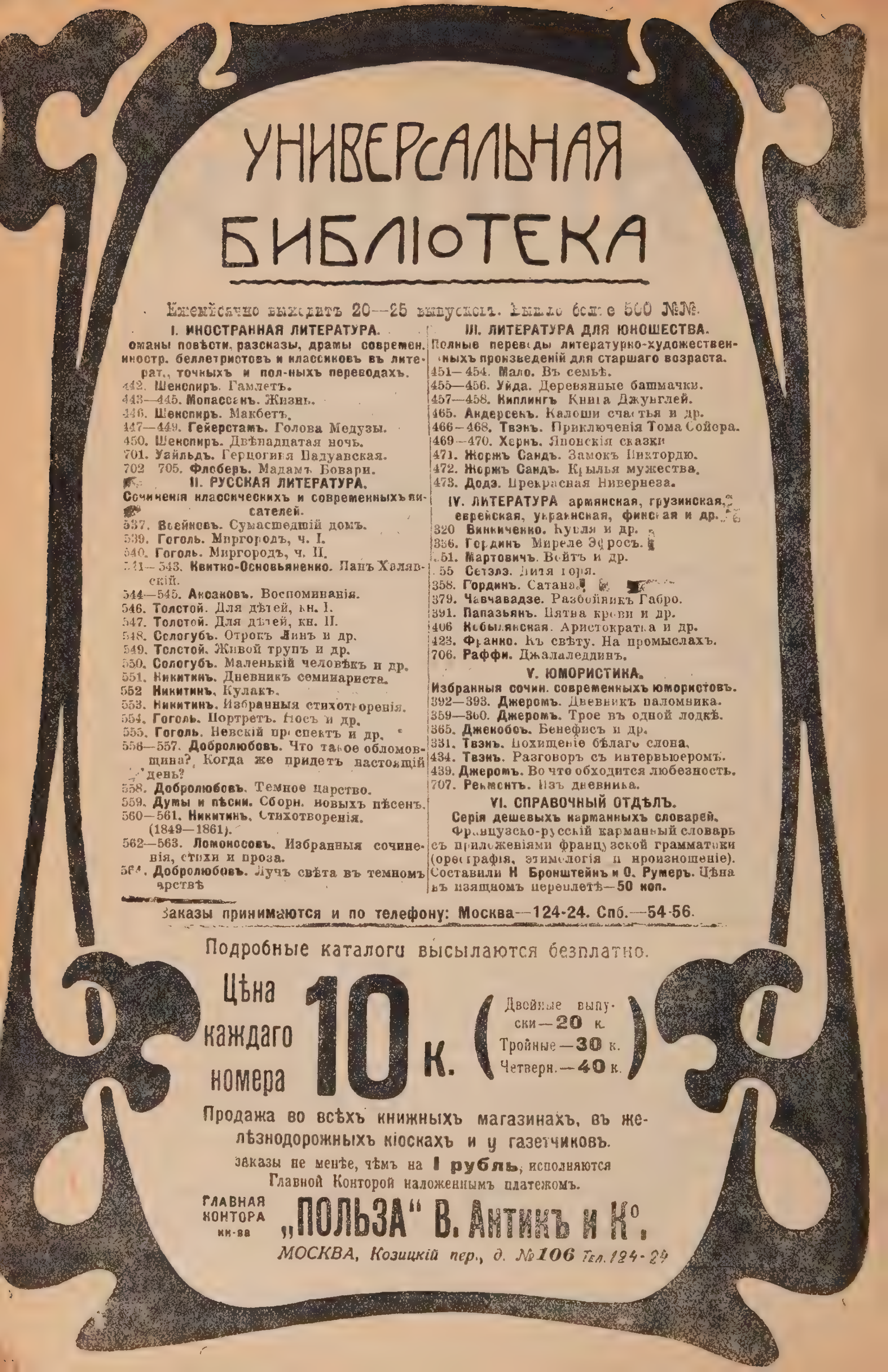
На учрежденіе музея имени Л. Н. Толстого: отъ группы служащихъ Ленскаго золотопромышленнаго Т-ва—33 р; а всего съ прежде поступившими . . . . 82 р.

Въ пользу голодающихъ крестьянъ: отъ Черемшанской—5 р.; отъ М. О.—100 р.; отъ М. Бурцевой—5 р.; отъ механика—15 р.; отъ Н—скихъ—7 р; отъ И. Кудрина, изъ Солигалича—8 р; собранные на товаришескихъ проводахъ—87 р. 20 к.

Итого . . . 227 р. 20 к.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко*.

(*См. на слѣд. страницѣ*).

УНИВЕРСАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Ежемѣсячно выходитъ 20—25 выпусковъ. Вышло болѣе 500 №№.
I. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.
оманы повѣсти, разсказы, драмы современ. иностр. беллетристовъ и классиковъ въ литерат., точныхъ и пол-ныхъ переводахъ.
442. Шекспиръ. Гамлетъ.
443—445. Мопассанъ. Жизнь.
446. Шекспиръ. Макбетъ.
447—449. Гейерстамъ. Голова Медузы.
450. Шекспиръ. Двѣнадцатая ночь.
701. Уайльдъ. Герцогиня Падуанская.
702—705. Флоберъ. Мадамъ Бовари.
II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.
Сочиненія классическихъ и современныхъ писателей.
537. Вейновъ. Сумасшедшій домъ.
539. Гоголь. Миргородъ, ч. I.
540. Гоголь. Миргородъ, ч. II.
541—543. Квитко-Основьяненко. Панъ Халявскій.
544—545. Аксаковъ. Воспоминанія.
546. Толстой. Для дѣтей, кн. I.
547. Толстой. Для дѣтей, кн. II.
548. Сологубъ. Отрокъ Линъ и др.
549. Толстой. Живой трупъ и др.
550. Сологубъ. Маленькій человѣкъ и др.
551. Никитинъ. Дневникъ семинариста.
552. Никитинъ. Кулакъ.
553. Никитинъ. Избранныя стихотворенія.
554. Гоголь. Портретъ. Носъ и др.
555. Гоголь. Невскій проспектъ и др.
556—557. Добролюбовъ. Что такое обломовщина? Когда же придетъ настоящій день?
558. Добролюбовъ. Темное царство.
559. Думы и пѣсни. Сборн. новыхъ пѣсенъ.
560—561. Никитинъ. Стихотворенія. (1849—1861).
562—563. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія, стихи и проза.
564. Добролюбовъ. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ
III. ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.
Полные переводы литературно-художественныхъ произведеній для старшаго возраста.
451—454. Мало. Въ семьѣ.
455—456. Уйда. Деревянные башмачки.
457—458. Киплингъ. Книга Джунглей.
465. Андерсенъ. Калоши счастья и др.
466—468. Твэнъ. Приключенія Тома Сойера.
469—470. Хернъ. Японскія сказки.
471. Жоржъ Сандъ. Замокъ Пиктордю.
472. Жоржъ Сандъ. Крылья мужества.
473. Додэ. Прекрасная Ниверчеза.
IV. ЛИТЕРАТУРА армянская, грузинская, еврейская, украинская, финская и др.
320. Винниченко. Купля и др.
356. Гординъ. Миреле Эфросъ.
351. Мартовичъ. Войтъ и др.
355. Сетэлэ. Дитя горя.
358. Гординъ. Сатана.
379. Чавчавадзе. Разбойникъ Габро.
391. Папазьянъ. Пятна крови и др.
406. Кобылянская. Аристократка и др.
423. Франко. Къ свѣту. На промыслахъ.
706. Раффи. Джалаледдинъ.
V. ЮМОРИСТИКА.
Избранныя сочин. современныхъ юмористовъ.
392—393. Джеромъ. Дневникъ паломника.
359—360. Джеромъ. Трое въ одной лодкѣ.
365. Джекобсъ. Бенефисъ и др.
331. Твэнъ. Похищеніе бѣлаго слона.
434. Твэнъ. Разговоръ съ интервьюеромъ.
439. Джеромъ. Во что обходится любезность.
707. Реймонтъ. Изъ дневника.
VI. СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.
Серія дешевыхъ карманныхъ словарей.
Французско-русскій карманный словарь съ приложеніями французской грамматики (орѳографія, этимологія и произношеніе). Составили Н. Бронштейнъ и О. Румеръ. Цѣна въ изящномъ переплетѣ—50 коп.
Заказы принимаются и по телефону: Москва—124-24. Спб.—54-56.
Подробные каталоги высылаются безплатно.
Цѣна каждаго номера 10 к.
(Двойные выпуски—20 к. Тройные—30 к. Четверн.—40 к.)
Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.
Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 рубль, исполняются Главной Конторой наложеннымъ платежомъ.
ГЛАВНАЯ КОНТОРА К-ва „ПОЛЬЗА" В. АНТИКЪ и К°.
МОСКВА, Козицкій пер., д. №106 Тел. 124-24

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 280 221

